

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

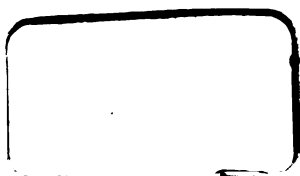
3 2044 022 599 716

P 5/2v 481.18

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

nd
905
6

Взгляд на курсив. Зинковский

Книга IV.

В-VII-21

1905 г.

„NAUCHNOE SLOVO“

Научное Слово.

Москва.

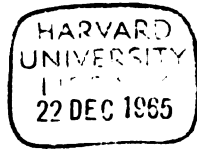
Книга IV.

1905 г.

Научное Слово.

Москва.

Δ
PSIav 481.18 (1905 no. 4-6)

Keller Id.

Дозволено цензурою. Москва. 30 марта 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. О БАКТЕРІЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА. (Съ 11 рисунками.) П. В. Циглинской	5
II. О СТАДІЯХЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ. Проф. В. Э. Дена .	20
III. ВѢДЬМЫ И ВѢДОВСТВО. (<i>Продолженіе.</i>) Н. В. Сперанскаго. . .	49
IV. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ГОСУ- ДАРСТВА. (<i>Продолженіе.</i>) Проф. Д. М. Петрушевскаго	81
V. Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ І. К. БЛЮНЧЛИ. Прив.- доц. С. И. Живаго	101
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. (І. У. Джиббсъ и значеніе его трудовъ въ ученіи о химическомъ равновѣсіи. М. А. Кабулова.—Астрономическія извѣстія. К. Д. Попровскаго.— Проф. Карль Пирсонъ о физической и психической наслѣдствен- ности у человѣка.—Средняя температура земной поверхности. А. І. Бачинскаго.—Выставка картинъ „Союза русскихъ художни- ковъ“. Н. М. Романова.—Римскій форумъ по новѣйшимъ изслѣ- дованіямъ (<i>съ рисункомъ</i>). О. М. Рудченко)	106
VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	139
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ. (К. К. Арсеньевъ: „Свобода совѣсти и вѣротерпи- мость“. М. Н. Гернета.—А. И. Маркевичъ: „Таврическая губер- нія во время крымской войны“. В. Н. Сторожева.—П. Г. Мижуръ: „Передовая демократія современнаго міра“ и „Крестыанское царство“. С. А. Шуманова.—„Сочиненія И. Н. Жданова“. В. В. Калаша.)	143
IX. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

О бактеріяхъ человѣческаго тѣла.

Немного болѣе двухъ столѣтій тому назадъ подъ микроскопомъ впервые увидали бактерій. Прошло однако послѣ того 150 лѣтъ, прежде чѣмъ, благодаря генію Пастера, обнаружилось то огромное значеніе, которое микроорганизмы имѣютъ въ экономіи природы и въ частности въ жизни человѣка. Оказалось, что микробы являются возбудителями заразныхъ болѣзней; они же производятъ разнообразныя процессы гніенія, броженія, тлѣнія, повсюду происходящіе на нашей планетѣ и обусловливающіе круговоротъ углерода и азота въ природѣ. Они же, наконецъ, являются и полезными дѣятелями въ различнаго рода техническихъ производствахъ, и услугами ихъ человѣкъ пользуется съ незапамятныхъ временъ въ пивовареніи, винодѣліи, сыровареніи, въ клеверномъ удобреніи полей и пр., и пр. Въ то же самое время, благодаря изслѣдованіямъ Пастера, оказалось, что микробы являются въ буквальномъ смыслѣ вездѣсущими. Зародыши ихъ носятся въ воздухѣ, наполняютъ поверхностныя слои земли, населяютъ воды рѣкъ, озеръ и морей, попадаютъ въ свѣже выпавшемъ снѣгѣ и даже въ тѣхъ горячихъ источникахъ, которые часто встрѣчаются въ вулканическихъ мѣстахъ и казалось бы представляютъ почву, негодную для какой бы то ни было жизни. Короче сказать, на всей земной поверхности нѣтъ такого предмета, который былъ бы свободенъ отъ бактерій. Чтобы уберечься отъ нихъ, а это часто приходится въ бактериологическихъ изслѣдованіяхъ, оказывается необходимымъ принимать особыя предосторожности, подвергать предметы, подлежащіе освобожденію отъ зародышей, специальнымъ процессамъ стерилизаціи и дезинфекціи, процессамъ, ведущимъ къ уничтоженію бактерій, съ помощью жара, напр., или ядовитыхъ химическихъ препаратовъ. Такое широкое распространеніе бактерій въ природѣ представляетъ, разумѣется, огромный интересъ какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія.

Въ частности естественно рождается вопросъ: въ какой степени такое изобиліе бактерій можетъ оказывать влияние на жизнь человѣка и близкихъ къ нему по организаціи животныхъ? Этотъ вопросъ имѣетъ тѣмъ болѣе основанія, что организмъ человѣка, особенно нѣкоторые его отдѣлы, является обычнымъ мѣстопребываніемъ огромнаго множества микробовъ, и существованіе этихъ послѣднихъ въ значительной степени не можетъ быть признано случайнымъ.

Вотъ на этомъ-то вопросѣ о бактеріяхъ, населяющихъ организмъ человѣка, и на той роли, которую онѣ играютъ въ жизни его, я и хотѣла бы остановить вниманіе читателя.

Человѣкъ появляется на свѣтъ свободнымъ отъ бактерій; но уже въ первый моментъ послѣ рожденія поверхность его тѣла и слизистыя оболочки полостей, сообщающихся съ внѣшнимъ міромъ, быстро, въ теченіе какихъ-нибудь 3 — 4 часовъ, начинаютъ заселяться бактеріями, попадающими сюда изъ воздуха, изъ воды, которой его обмываютъ, отъ лицъ, за нимъ ухаживающихъ и пр. Съ тѣхъ поръ человѣческой организмъ уже на всю жизнь остается заселеннымъ бактеріями.

Слѣдуетъ однако сейчасъ же замѣтить, что всѣ внутренности человѣческаго тѣла (сердце, почки, печень и пр.), а также кровь и лимфа являются совершенно стерильными, т.-е. свободными отъ микробовъ. Эти послѣдніе появляются только на тѣхъ поверхностяхъ, которыя соприкасаются съ внѣшнимъ міромъ, а таковыми являются на первомъ планѣ: кожные покровы, слизистыя оболочки глаза, дыхательныхъ путей, а затѣмъ пищеварительный трактъ на всемъ его протяженіи.

Достаточно самага поверхностнаго взгляда на анатомическія и фізіологическія отношенія только что перечисленныхъ областей человѣческаго тѣла, чтобы уяснить себѣ громадную разницу между условіями, въ нихъ господствующими. Такъ, кожа не можетъ представить хорошей почвы для развитія бактерій. Сухая и почти непроницаемая, она представляетъ прекрасную защиту организма отъ внѣшней среды; микробы черезъ нее не могутъ проникнуть въ глубь лежащихъ тканей, если только кожа не имѣетъ порѣзовъ, царапинъ или другихъ какихъ-нибудь пораненій; на самой же кожѣ большинство микробовъ не способны развиваться за отсутствіемъ достаточной влаги и подходящаго питательнаго матеріала; тѣмъ не менѣе *зародыши* бактерій всегда встрѣчаются на поверхности кожи и въ весьма значительномъ количествѣ: на 1-мъ кв. ст. содержится 50—200 зародышей. Здѣсь встрѣчаются разнообразныя бактеріи, чаще всего такъ называемые гноеродные кокки: круглыя неподвиж-

ныя формы, частью расположенныя въ видѣ цѣпочекъ—стрептококки, (Рис. 1. Стрептококки въ слизи, взятой изъ горла больного жабой) частью кучками, напоминающими грозди винограда—стафилококки. (Рис. 2. Стафилококки—препаратъ изъ чистой культуры). Бактеріи эти обыкновенно располагаются на чешуйкахъ эпидермиса; но излюбленнымъ ихъ мѣстомъ являются волосяные мѣшечки, гдѣ онѣ могутъ прочно укрѣпиться и жить въ безопасности, и такъ какъ волосы покрываютъ всю нашу кожу, то бактеріи имѣютъ возможность съ удобствомъ разсѣиваться по всему нашему тѣлу.

Бактеріи эти далеко не безвредны. Стрептококкамъ приписываютъ роль возбудителей въ цѣломъ рядѣ болѣзней: рожистое воспаление, жаба, скарлатина, острый ревматизмъ и др. (Рис. 11. Стрептококкъ. Препарат изъ чистой культуры).

О существованіи этихъ бактерій мы узнаемъ обыкновенно только при нарушеніи цѣлости кожи; тогда кокки проникаютъ въ глубже лежащія ткани и могутъ вызвать нагноеніе (нарывы, потому они и называются гноеродными), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и болѣе серьезныя заболѣванія, что нерѣдко ведетъ къ смерти (септицемія, пиѣмія).

Въ общемъ же о микробахъ кожи можно сказать, что это случайные, хотя и неизбѣжные гости нашего организма. Они не могутъ играть въ его жизни существенной роли.

Нѣчто подобное, повидимому, слѣдуетъ сказать и о микробахъ, встрѣчающихся на поверхности слизистыхъ оболочекъ глаза и дыхательныхъ путей.

Первой при рожденіи заселяется конъюнктивна, слизистая оболочка глаза. Въ нее попадаютъ бактеріи непосредственно послѣ рожденія, попадаютъ изъ воздуха, также при треніи глазъ пальцами. Но съ конъюнктивы бактеріи быстро смываются механическимъ дѣйствіемъ слезъ и черезъ слезный каналъ проходятъ въ полость носа. Однако, несмотря на постоянное удаленіе изъ глазъ бактерій, онѣ все-таки могутъ тамъ оставаться, чѣмъ и объясняются нерѣдкіе случаи конъюнктивитовъ.

Что касается носовой полости, то бактеріи попадаютъ сюда вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ и, кромѣ того, черезъ слезный каналъ изъ глазъ. Изъ воздуха же бактеріи попадаютъ и въ болѣе глубокія части дыхательнаго аппарата: въ дыхательное горло, бронхи и пр.

Но изъ всѣхъ этихъ полостей онѣ энергично удаляются, благодаря особому механическому приспособленію, такъ называемому мерцательному эпителию. Это слой весьма дѣятельныхъ клѣтокъ, выстилающихъ поверхность этихъ органовъ. Эти клѣтки снабжены постоянно двигающимися рѣсничками. Между ними расположены

клетки другого рода—бокаловидныя, выделяющія слизь. Эта послѣдняя задерживаетъ проникающіе туда зародыши бактерій, а рѣснички гонятъ эту слизь и зародыши въ направленіи кнаружи.

Благодаря этому приспособленію, наиболѣе важные отдѣлы органовъ дыханія, тончайшія развѣтвленія бронховъ и альвеолы, остаются почти свободными отъ бактерій, между тѣмъ какъ передняя часть полости носа, играющая роль фильтра, постоянно задерживаетъ микроорганизмы и постоянно отъ нихъ освобождается вмѣстѣ съ выдѣленіемъ. Тѣмъ не менѣе слизистая оболочка носовой полости и дыхательнаго горла всегда содержитъ нѣкоторое количество бактерій, и въ числѣ этихъ послѣднихъ весьма нерѣдко встрѣчаются и патогенныя формы.

При микроскопическомъ изслѣдованіи взятой отсюда слизи приходится здѣсь встрѣчать различнаго рода кокковъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые вызываютъ различныя формы жабъ; встрѣчаются и болѣе зловредные микробы, напр., диплококки, которымъ приписываютъ роль возбудителей воспаленія легкихъ, бактеріи инфлюэнцы (Рис. 3. Диплококки. Препаратъ изъ крови мыши, зараженной диплококкомъ. Микробъ окруженъ слизистой капсулой); случайно можетъ встрѣтиться и дифтеритная палочка Лефлера. (Рис. 4. Бацилла дифтерита. Препаратъ изъ чистой культуры).

Теперь мы подходимъ къ самой интересной части нашей задачи—къ изученію флоры пищеварительнаго аппарата. Этотъ послѣдній, какъ показали многочисленныя изслѣдованія, на всемъ своемъ протяженіи, начиная съ ротовой полости и кончая прямой кишкой, обильно заселенъ бактеріями. Изученіе этой флоры и той роли, которую она играетъ въ физиологіи и патологіи человѣка, приобрѣло въ послѣднее время громадное значеніе и составляетъ одну изъ важныхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ намѣтила себѣ бактериологія.

Еще Левенгукъ, первый изслѣдователь микроорганизмовъ, наблюдалъ въ зубномъ налетѣ, въ слюнѣ и другихъ продуктахъ полости рта весьма разнообразныя формы, которыя ему удалось разглядѣть при помощи своего примитивнаго микроскопа.

Рисунки, оставленные Левенгукомъ въ его сочиненіяхъ, не оставляютъ сомнѣнія, что онъ видѣлъ настоящихъ микробовъ въ современномъ значеніи слова, а картинныя описанія тѣхъ оживленныхъ движеній, то поступательныхъ, то кувыркающихся, которыя ему удалось наблюдать у этихъ микроорганизмовъ, только укрѣпляютъ насъ въ этомъ убѣжденіи.

Изслѣдованія Левенгука въ этой области долго оставались единственными, и только значительно позднѣе они начали пополняться новыми наблюденіями. Теперь мы знаемъ, что флора полости рта весьма разнообразна. Ротовая полость представляетъ мѣсто чрез-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 4

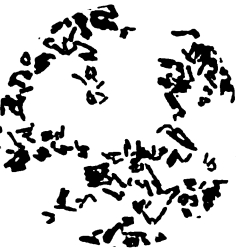

Рис. 3

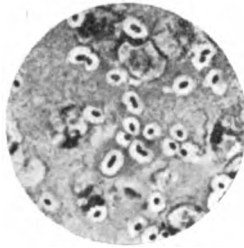

Рис. 6

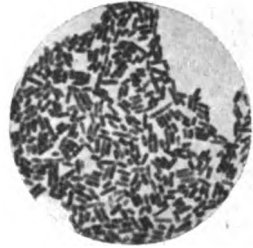

Рис. 7

Рис. 5

Рис. 8

Рис. 9

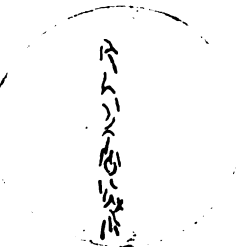

Рис. 10

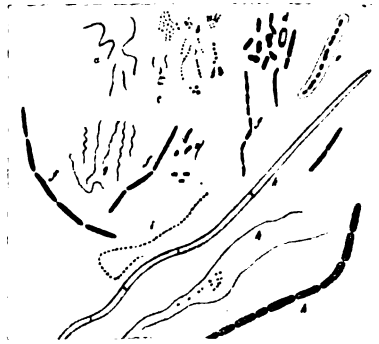

Рис. 11

вычайно удобное для жизни бактерій, если мы примемъ во вниманіе частое пребываніе въ ней остатковъ пищи, постоянное присутствіе влажности, слабощелочную реакцію, предпочитаемую громаднымъ большинствомъ бактерій, и, наконецъ, благоприятную температуру; правда, что приемы пищи увлекаютъ массу бактерій далѣе по пищеварительному тракту, а полосканіе и чистка рта еще дѣятельнѣе освобождаютъ ротовую полость отъ зародышей, не давая имъ развиваться здѣсь въ неисчислимомъ количествѣ, но все-таки, по изслѣдованію берлинскаго д-ра Miller'a, въ ротовой полости находится не менѣе 30 видовъ бактерій.

Мы встрѣчаемъ среди нихъ шарообразныя формы—кокки, палочковидныя — бациллы самой разнообразной длины. Но особенно характерными представляются тонкія, изогнутыя въ спираль бактеріи, такъ называемыя *спирохеты полости рта*, а также длинныя не вѣтвящіяся нити, такъ называемыя *Leptotrix buccalis*. (Рис. 10. Бактеріи полости рта. Схематическій рисунокъ). Оба эти микроорганизма встрѣчаются у каждого человѣка вокругъ зубовъ и, что особенно интересно, представляютъ собой обитателей исключительно полости рта, не встрѣчаясь ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ пищеварительнаго аппарата. Ихъ не удавалось также до сихъ поръ культивировать на искусственныхъ питательныхъ средахъ. По всей вѣроятности, эти бактеріи уже давно сдѣлались постоянными спутниками человѣка, такъ какъ при изслѣдованіи зубовъ египетскихъ мумій въ нихъ были найдены тѣ же самыя бактеріи.

Если затѣмъ послѣ полости рта мы прослѣдимъ далѣе пищеварительный трактъ, то на первыхъ порахъ встрѣтимъ области, весьма бѣдныя микробной жизнью: пищеводе и желудокъ. Въ особенности желудокъ, благодаря кислому соку, отдѣляемому его стѣнками, представляетъ условіе столь неблагоприятное для жизни бактерій, что здѣсь встрѣчаются почти только отдѣльные экземпляры сарцинъ — особаго рода шарообразныхъ микробовъ, сложенныхъ въ видѣ пакетиковъ, да нѣсколько видовъ дрожжей.

Немного больше микробовъ находится въ слѣдующихъ непосредственно за желудкомъ тонкихъ кишкахъ. Благодаря счастливому случаю, бактеріи этого, вообще говоря, малодоступнаго для изслѣдованія участка пищеварительнаго канала могли быть изучены покойнымъ профессоромъ Ненскимъ и его сотрудниками. Эти ученые непосредственно наблюдали процессы, протекающіе въ тонкихъ кишкахъ у одной больной, и асептическимъ путемъ извлекали ихъ содержимое для бактериологическаго изслѣдованія. Оказалось, что въ тонкихъ кишкахъ нѣтъ строго опредѣленныхъ видовъ бактерій, подобно *Leptotrix*'у или спирохетамъ полости рта. Встрѣчаются дрож-

жевые клѣтки, изрѣдка плѣсневые грибки и немногочисленные ба-
циллярныя формы, принадлежащія главнымъ образомъ къ такъ на-
зываемымъ молочно-кислымъ бактеріямъ. Эти послѣднія обладаютъ
способностью превращать сахаристыя вещества пищи въ молочную
кислоту. Внѣшнимъ признакомъ, характеризующимъ эти бактеріи,
является ихъ способность свертывать молоко.

Слѣдующій участокъ кишечника отличается особеннымъ богат-
ствомъ бактерій. Это область толстыхъ кишекъ. Сюда проникаютъ
бактеріи и изъ полости рта, и изъ желудка, и изъ тонкихъ ки-
шекъ и здѣсь находятъ себѣ удобныя и вполне благопріятныя усло-
вія для размноженія. Процессы усвоенія и всасыванія, имѣвшіе
мѣсто въ предыдущихъ отдѣлахъ кишечника, здѣсь, въ толстыхъ
кишечкахъ, являются почти законченными, и содержимое ихъ пред-
ставляетъ переработанные остатки матеріаловъ, готовые покинуть орга-
низмъ. Всѣ эти разнообразныя вещества даютъ обильную и благо-
пріятную почву для развитія всевозможныхъ бактерій.

По изслѣдованіямъ Zucksdorf'a число зародышей, содержащихся
въ 1 мгт. экскрементовъ, составляетъ въ среднемъ 381.000, но
колеблется отъ 2.300.000 до 25.000; въ день человекъ отбрасы-
ваетъ отъ 30—50 миллиардовъ бактерій. Можетъ быть, число ихъ
было бы еще значительнѣе, если бы борьба за существованіе, имѣю-
щая мѣсто и среди бактерій, не ставила непреодолимыхъ пре-
пятствій для ихъ безпредѣльнаго размноженія. Благодаря такого
рода воздѣйствію микробовъ другъ на друга, цѣлый рядъ разно-
образныхъ зародышей, въ безчисленномъ количествѣ попадающихъ
въ кишечникъ съ пищей, можетъ устраняться изъ флоры этого по-
слѣдняго, не уживаясь въ сосѣдствѣ съ другими, которые лучше
приспособились къ господствующимъ тамъ условіямъ; съ другой
стороны, часть микробовъ, живущихъ на самомъ дѣлѣ въ кишеч-
номъ каналѣ человекъ, безъ сомнѣнія ускользаетъ отъ изслѣдованія,
и до сихъ поръ еще не удалось культивировать ихъ въ чистой
культурѣ, какъ не удалось получить въ искусственныхъ средахъ и
нѣкоторыхъ бактерій полости рта. Одна изъ причинъ такой неудачи
лежитъ по всей вѣроятности въ явленіяхъ симбіоза, обратнаго
только что указанному явленію антагонизма. Многіе авторы, изу-
чавшіе микробную флору кишекъ, согласно указываютъ на то, что
изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ бактерій, замѣтныхъ при микро-
скопическомъ изслѣдованіи фекальныхъ массъ, при попыткѣ полу-
чить всѣ эти зародыши отдѣльно въ чистыхъ культурахъ удается
выдѣлать только немногіе виды, да и то нерѣдко съ большимъ тру-
домъ. Очевидно, отдаленіе этихъ бактерій другъ отъ друга лишаетъ
ихъ временнаго благотворнаго воздѣйствія и такимъ образомъ дѣ-

лаетъ невозможнымъ ихъ дальнѣйшее размноженіе. Въ общемъ описано и изучено около 45 видовъ бактерій, постоянно встрѣчающихся въ толстыхъ кишкахъ.

Среди постоянныхъ обитателей этого отдѣла кишекъ слѣдуетъ назвать толстую короткую палочку, отличающуюся быстрымъ движеніемъ, *Bact. Coli communis*, встрѣчающуюся неизмѣнно у каждаго человѣка (Рис. 5. *Bact. Coli communis*. Препаратъ изъ чистой культуры). Будучи безвреднымъ при нормальномъ здоровьи человѣка, этотъ микробъ, при нарушении цѣлости кишечныхъ стѣнокъ, можетъ угрожать человѣку серьезной опасностью, можетъ проникнуть въ полость брюшины и произвести воспалительные процессы, сопряженные съ опасностью для его жизни.

Въ патологическихъ случаяхъ, кромѣ выше названныхъ бактерій, встрѣчаются здѣсь еще бациллы брюшного тифа, дизинтеріи (Рис. 6. Бацилла дизинтеріи. Препаратъ изъ чистой культуры) и холеры. Слѣдуетъ замѣтить, что толстая кишка лишь постепенно населяется бактеріями. Въ моментъ рожденія на свѣтъ младенецъ представляется совсѣмъ стерильнымъ, но уже въ первые часы жизни въ меконіумъ (экскременты новорожденнаго) содержатся бактеріи. Пока младенецъ питается молокомъ матери, его экскременты представляютъ почти чистую культуру особаго микроба, *bac. bifidus*, открытаго французскимъ ученымъ Tissier (Рис. 7. *Bac. bifidus*. Экскременты 5-тидневнаго младенца). Этому автору удалось выдѣлить изъ экскрементовъ ребенка упомянутаго бацилла и тщательно его изучить. Онъ представляетъ изъ себя характерную длинную палочку съ утонченными концами. Въ искусственныхъ культурахъ бацилла этотъ даетъ короткое развѣтвленіе, почему и получилъ названіе отъ автора *Bifidus* (Рис. 8. *Bac. bifidus*. Препаратъ изъ чистой культуры. Развѣтвленіе палочекъ).

Весьма интересенъ и поучителенъ тотъ путь, которымъ пришелъ Tissier къ открытію этого бацилла.

Bac. bifidus принадлежитъ къ числу микробовъ такъ называемаго анаэробнаго типа, т.-е. живущихъ въ отсутствіи кислорода. О существованіи такихъ микробовъ, для которыхъ кислородъ не только не нуженъ, но составляетъ даже настоящій ядъ, долгое время не подозрѣвали. Пастеръ, которому принадлежитъ честь установить впервые фактъ ихъ существованія, указалъ и на тѣ условія, которыя необходимо соблюдать, чтобы воспитать этихъ микробовъ въ искусственной лабораторной обстановкѣ. Обыкновенно при культивированіи ихъ въ питательныхъ средахъ нужно удалить изъ этихъ послѣднихъ весь воздухъ, замѣнивъ его какимъ-нибудь инертнымъ газомъ или просто создавъ безвоздушное пространство. Нѣмецкій

ученый Эшерихъ, изучившій весьма подробно еще гораздо раньше Tissier'a флору толстыхъ кишекъ у дѣтей, не нашелъ *bac. bitidus* только потому, что не примѣнилъ для культивированія этого микроба необходимыхъ для него строгихъ условій анаэробіоза.

Когда младенецъ начинаетъ съ молочнаго режима переходить на болѣе разнообразную пищу, флора его кишечника постепенно измѣняется и также дѣлается болѣе разнообразной. Въ концѣ-концовъ она превращается во флору, господствующую въ кишечникѣ взрослому человѣку.

* * *

Мы только что сдѣлали бѣглый обзоръ тѣхъ микробовъ, которые населяютъ различныя части нашего организма въ его нормальномъ состояніи. Мы видѣли, какъ громадно число и какъ значительно разнообразіе этихъ микробовъ. Если бы всѣ они были патогенны и если бы они въ то же время находили благоприятную почву для воспроизведенія болѣзненныхъ измѣненій организма, то наше здоровье каждую минуту подвергалось бы смертельной опасности. По счастью дѣло вовсе не обстоитъ такъ плохо, и только небольшая часть микробовъ, столь тѣсно соприкасающаяся съ нашимъ тѣломъ, можетъ служить для насъ источникомъ серьезныхъ непріятностей, между тѣмъ какъ большинство являются совсѣмъ безвредными и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, могутъ оказываться для насъ полезными сожителями. Итакъ, рассмотримъ теперь ту роль, которую суждено играть въ нашей жизни бактеріямъ нашего тѣла.

Мы уже видѣли, что бактеріи, покрывающія кожу, лишь въ исключительныхъ случаяхъ могутъ обильно развиваться и являться въ роли болѣзнетворныхъ агентовъ; съ другой стороны, бактеріи, случайно попадающія на слизистую оболочку глаза, носа, гортани и бронховъ, постоянно удаляются отсюда, благодаря особымъ защитительнымъ приспособленіямъ. Очевидно, роль этихъ бактерій въ нормальной жизни человѣка также является только второстепенной.

Совершенно иное отношеніе представляютъ бактеріи, населяющія нашъ пищеварительный трактъ на всемъ его протяженіи. Здѣсь и пребываніе ихъ представляется не случайнымъ и связь съ человѣческимъ организмомъ болѣе глубокой, а потому и роль ихъ въ жизни этого послѣдняго болѣе значительной.

Начнемъ съ полости рта. Изъ всѣхъ разнообразныхъ бактерій, встрѣчающихся здѣсь, болѣе другихъ извѣстна намъ роль тѣхъ бациллоу и кокковъ, которые принимаютъ участіе въ процессѣ порчи или такъ называемаго каріознаго процесса зубовъ. Въ на-

стоящее время бактериологи и дентисты пришли къ согласному убѣжденію, что первой причиной разрушенія зубовъ являются бактеріи, вызывающія молочно-кислое броженіе. Обыкновенно въ какомъ-нибудь уголкѣ въ полости рта, обыкновенно между зубами и пр., гдѣ легко могутъ застрять остатки пищи (здѣсь, конечно, имѣютъ значеніе вещества крахмалистыя и сахаристыя), начинаютъ развиваться бактеріи, возбуждающія молочно-кислое броженіе. Образующая ими молочная кислота мало-по-малу разрушаетъ сначала эмаль зуба, потомъ дентинъ; много поколѣній бактерій нужно, чтобы закончить эту медленную разрушительную работу; но понемногу она все подвигается впередъ, и дѣло доходитъ до того, что внутренняя часть зуба дѣлается доступной наружнымъ вліяніямъ. Тогда начинается дѣятельность другихъ бактерій, также встрѣчающихся въ полости рта. Это гноеродныя бактеріи, чаще всего кокки, иногда палочки. Эти микробы мало-по-малу пролагаютъ себѣ путь внутрь зуба и постепенно заполняютъ тѣ каналцы, которые пронизываютъ по всѣмъ направленіямъ вещество дентина. (Рис. 9. Зубной каналецъ, заполненный бактеріями). Такъ, шагъ за шагомъ совокупною дѣятельностью этихъ микробовъ истачивается и разрушается зубъ, и ему грозитъ неминуемая гибель, если вмѣшательство врача не положитъ предѣла вторженію бактерій. Такова приблизительно роль микробовъ, населяющихъ полость рта по отношенію къ жевательному аппарату; роль же другихъ микробовъ ротовой полости намъ слишкомъ мало извѣстна, чтобы мы могли на этомъ остановиться. Большинство ихъ, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе индифферентны; можно только замѣтить, что нѣкоторые случайно попавшіе сюда патогенные микробы, напр., бациллы инфлюэнціи, воспаленія легкихъ, дифтерита и пр. могутъ подолгу находиться въ полости рта, не вызывая никакихъ болѣзненныхъ явленій и тѣмъ не менѣе не теряя своихъ болѣзнетворныхъ свойствъ. Эти микробы всегда однако представляютъ опасность какъ для даннаго индивидуума, такъ и для его окружающихъ, такъ какъ перейдя на другой организмъ, они могутъ найти въ немъ болѣе благопріятную почву для своего развитія и для проявленія въ немъ своихъ патогенныхъ свойствъ.

Несравненно болѣе интереса, чѣмъ микробы полости рта, представляютъ тѣ бактеріи, которыя живутъ въ другомъ отдѣлѣ пищеварительнаго канала и особенно въ толстыхъ кишкахъ. На этихъ послѣднихъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Представляетъ ли флора кишечника факторъ, существенно необходимый для жизни человѣка, или она бесполезна, а можетъ быть и вредна? Пастеръ первый обратилъ вниманіе ученыхъ на большой

интересъ, который представила бы попытка воспитать стерильное животное, совершенно не заключающее въ себѣ микробовъ. Въ видѣ предположенія онъ высказалъ мысль, что такое животное не способно было бы существовать, такъ какъ именно микробамъ принадлежить, по всей вѣроятности, дѣятельная роль въ актѣ ихъ пищеваренія. И дѣйствительно, съ теоретической точки зрѣнія ничто не мѣшало бы допустить, что микробы являются въ данномъ случаѣ существенно необходимымъ элементомъ, завершающимъ своей дѣятельностью тотъ сложный циклъ превращенія бѣлковъ и углеводовъ, который начинается подъ вліяніемъ пищеварительныхъ ферментовъ.

Однако изслѣдованія позднѣйшаго времени заставляютъ насъ придти къ противоположнымъ выводамъ. Первый шагъ въ данномъ направленіи былъ сдѣланъ важной, уже цитированной нами работой Ненскаго и его сотрудниковъ. Эти авторы пришли къ заключенію, что перевариваніе бѣлковъ, жировъ и сложныхъ углеводовъ достигается въ совершенно достаточной степени дѣятельностью однихъ только пищеварительныхъ соковъ: желудочнаго, панкреатическаго, кишечнаго и желчи. Этими соками питательныя вещества превращаются почти нацѣло въ форму, удобную для всасыванія и ассимиляціи, такъ что вспомогательная роль кишечныхъ бактерій въ данномъ случаѣ является излишней. Болѣе того, въ результатѣ жизнедѣятельности кишечныхъ бактерій образуется цѣлый рядъ продуктовъ, совсѣмъ непригодныхъ для питанія организма, а потому по меньшей мѣрѣ для него бесполезныхъ.

Результаты, полученные Ненскимъ, не встрѣтили до сихъ поръ возраженія; наоборотъ, большая часть фактовъ, добытыхъ съ того времени, вполне съ ними согласуется. Сюда относится интересный фактъ, приводимый Мечниковымъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ Манчестерѣ въ 1901 г. А именно: существуютъ животныя, кишечный каналъ которыхъ представляется стерильнымъ или почти стерильнымъ на всемъ протяженіи, а между тѣмъ пищеварительныя соки ихъ обладаютъ такой могущественной дѣятельностью, что способны переваривать такія неудобоваримыя вещества, какъ воскъ. Это именно—восковая моль.

Если Ненскій заставилъ насъ допустить, что дѣятельность кишечныхъ микробовъ бесполезна, то Мечниковъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Основываясь на цѣломъ рядѣ фактовъ, добытыхъ отчасти имъ самимъ, отчасти другими учеными, онъ считаетъ микробную флору кишечника во многихъ случаяхъ не только бесполезной, но прямо вредной для человѣка, такъ какъ она вызываетъ различныя болѣзни и способствуетъ, вообще говоря, сокращенію его жизни.

Дѣло въ томъ, что бродильныя явленія, протекающія въ тонкихъ кишкахъ, и еще болѣе интенсивныя процессы разложенія, имѣющіе мѣсто въ толстыхъ кишкахъ, являются источникомъ цѣлага ряда токсическихъ веществъ, которыя непрерывно проникаютъ черезъ стѣнки кишечника во всѣ ткани организма и производятъ хроническое отравленіе этого послѣдняго.

Самыя разнообразныя заболѣванія, какъ, напр., неврастенія, артеріосклерозъ, различныя пораженія кожи и др. органовъ, съ большимъ основаніемъ могутъ быть поставлены въ связь съ такимъ самоотравленіемъ организма.

Что различныя продукты разложенія, появляющіеся въ толстыхъ кишкахъ, дѣйствительно проникаютъ въ кровь, доказывается тѣмъ, что они впослѣдствіи, частью въ измѣненномъ видѣ, появляются въ мочѣ. Между тѣмъ въ такихъ случаяхъ, когда благодаря случайной причинѣ пищевые остатки не попадаютъ въ толстыя кишки, какъ, напр., у больной д-ра Эвальда съ фистулой въ тонкихъ кишкахъ, и развитія тамъ бактерій не наблюдается, моча оказывается свободной отъ индола, феноло-сѣрныхъ кислотъ и другихъ подобнаго рода продуктовъ бѣлковаго распада.

Но, помимо хроническаго отравленія, микробная флора постоянно угрожаетъ человѣку еще различными острыми инфекціями, могущими проявиться въ формѣ аппендицита, перитонита и т. п. Имѣя въ виду значительный и многообразный вредъ, который кишечныя микробы могутъ принести человѣку, мы поймемъ тотъ интересъ, который представляетъ въ настоящее время всестороннее изученіе этихъ бактерій и вызываемыхъ ими химическихъ процессовъ.

До сихъ поръ, говоря о микробной флорѣ кишечнаго канала, мы останавливались главнымъ образомъ на вредѣ, который бактеріи могутъ принести организму, но въ вопросѣ о фізіологической роли кишечныхъ бактерій необходимо однако обратить вниманіе и на другую сторону, а именно на возможную пользу отъ участія ихъ въ пищеварительныхъ процессахъ. Мы видѣли, что для разрѣшенія этого вопроса еще Пастеръ предложилъ методъ стерильнаго воспитанія молодого животнаго. Этотъ методъ долго считался фантастическимъ, и только сравнительно недавно онъ былъ осуществленъ, благодаря работамъ Тирфельдера и Нюталя, Шотеліуса и О. Мечниковой. Въ виду громаднаго интереса этихъ опытовъ мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Начнемъ съ Шотеліуса. Шотеліусъ дѣлалъ опыты надъ циплятами. Онъ выводилъ ихъ въ стерилизованномъ помѣщеніи и кормилъ ихъ пищей, лишенной микробовъ. Одновременно съ этимъ равное число циплять выводилъ

лось въ естественныхъ условіяхъ. Циплята оставались подъ наблюденіемъ болѣе 2-хъ недѣль и въ сравненіи со своими нормальными товарищами были очень худы и не прибавлялись въ вѣсѣ. Такой результатъ авторъ приписываетъ питанію стерилизованной пищей и жизни въ стерилизованной средѣ.

Опыты Тирфельдера и Нютала были произведены надъ морскими свинками и привели авторовъ къ противоположному результату: молодыя свинки, вынутыя асептически изъ утробы матери, находились въ средѣ, лишенной микробовъ, и питались стерилизованной пищей. При этомъ онѣ отлично обходились съ одними своими пищеварительными соками и только немного менѣе вѣсили, чѣмъ контрольныя животныя. Авторы заключаютъ изъ своихъ опытовъ, что животныя не нуждаются въ микробахъ для перевариванія пищи и могутъ вполне обходиться со своими пищеварительными соками.

Аналогичные опыты были сдѣланы О. Мечниковой надъ процессомъ развитія головастиковъ лягушекъ. Лягушечья икра раздѣлялась на двѣ части, изъ которыхъ одна подвергалась особой очисткѣ, и развитіе изъ нея головастиковъ ставилось въ стерильныя условія. Вода, въ которой жили эти головастики, пропускалась черезъ стерилизованный фильтръ; кормились они стерилизованнымъ хлѣбомъ и пр. Другая часть той же икры была, наоборотъ, поставлена въ обыкновенныя, такъ сказать, естественныя условія, сопряженныя съ доступомъ всевозможныхъ микробовъ.

Результаты, которые получились изъ сравненія этихъ двухъ нормальныхъ опытовъ, были слѣдующіе: головастики, воспитывавшіеся въ нормальныхъ условіяхъ, гораздо значительно увеличивались въ вѣсѣ по сравненію со стерильными и были вообще крупнѣе. Стерильные вѣсили въ среднемъ 25 mlgr., а нормальные — 142 mlgr.

Изъ опыта Мечниковой, очевидно, слѣдуетъ, что микробы полезны для жизни головастиковъ.

Въ послѣднее время Шотеліусъ въ виду нѣкоторыхъ возраженій повторилъ свой опытъ съ новыми предосторожностями. Результаты получились тѣ же, что и прежде. Циплята, воспитанные стерильно, регулярно падали въ вѣсѣ (на 8—18 гр.) и обыкновенно погибали черезъ 2—4 недѣли послѣ появленія на свѣтъ; отъ нормальныхъ они отличались нѣкоторыми характерными особенностями: такъ, они обнаруживали постоянное безпокойство, всегда съ жадностью набрасывались на пищу; самое органическое развитіе ихъ, напримѣръ, ростъ перьевъ, обнаруживало явную аномалію.

Шотеліусу удавалось даже вылѣчивать совершенно захирѣвшихъ стерильныхъ цыплятъ, искусственно инфицируя ихъ пищу фекальной флорой цыплятъ нормальныхъ.

Эти опыты, конечно, говорятъ за то, что при условіяхъ питанія, избранныхъ Шотеліусомъ, извѣстная бактеріальная флора необходима для успѣшнаго развитія животнаго. Мы можемъ однако себя спросить, не стоитъ ли такая зависимость организма отъ бактерій въ прямой связи съ характеромъ его питанія? Существуютъ факты, заставляющіе думать, что въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ. Извѣстно, что въ кишечномъ каналѣ травоядныхъ животныхъ происходитъ энергичное броженіе целлюлозы, и мы имѣемъ полное основаніе думать, что возбудители этого броженія играютъ въ данномъ случаѣ существенную роль въ актѣ пищеваренія.

Неудобоваримая, богатая целлюлозой пища травоядныхъ животныхъ нуждается въ тѣхъ необыкновенно активныхъ ферментахъ, которые вырабатываются микробами метановаго броженія, чтобы быть сколько-нибудь въ значительной степени усвоенной. Подобнаго рода броженіе, вѣроятно, происходитъ и въ желудкѣ птицъ (jabot). Но совершенно очевидно, что достаточно сдѣлать иной выборъ корма, и травоядныя животныя перестали бы нуждаться въ микробахъ целлюлознаго броженія. Можетъ быть, необходимость участія бактерій въ питаніи нѣкоторыхъ животныхъ, доказанная опытомъ Шотеліуса и Мечниковой, какъ разъ имѣетъ свою причину въ томъ обстоятельстве, что тотъ питательный матеріалъ, которымъ пользовались эти авторы для кормленія животныхъ, не могъ быть усвоенъ организмомъ непосредственно, безъ участія ферментативныхъ свойствъ бактерій.

Понятно, что именно человѣкъ, который благодаря своему культурному развитію далеко ушелъ отъ естественныхъ условій питанія, больше, чѣмъ какое-либо другое живое существо, можетъ мѣнять по произволу характеръ своей пищи и такимъ образомъ хотя отчасти бороться съ тѣмъ врагомъ, какой представляетъ микробное населеніе кишечника.

Какъ примѣръ возможнаго метода такой борьбы, можно указать на молочную діету, которую уже давно примѣняютъ на практикѣ врачи, съ цѣлью понизить кишечную флору человѣка, сдѣлать ее болѣе однообразной.

Но существуетъ еще и другой видъ полезной дѣятельности бактерій, обитающихъ въ кишечномъ каналѣ животныхъ: онѣ могутъ выступать въ роли антагонистовъ по отношенію къ другимъ бактеріямъ, несравненно болѣе зловреднымъ.

Еще въ 1894 г. Мечниковъ указалъ, что присутствіе извѣстныхъ микроорганизмовъ въ кишечникѣ человѣка обуславливаетъ невосприимчивость его къ холерной заразѣ. Въ явленіяхъ такого антагонизма, по объясненію этого ученаго, лежитъ между прочимъ причина, по которой обитатели нѣкоторыхъ мѣстностей не заболѣваютъ холерой, несмотря на то, что цѣлый рядъ другихъ окрестныхъ мѣстъ совершенно лишены этой особенности; такимъ, напр., иммунитетомъ пользуются жители Версаля. Это удивительное явленіе объясняется наличностью флоры кишечнаго канала у обитателей иммунныхъ отъ холеры мѣстностей. Эта флора враждебна холерному вибриону, задерживаетъ ростъ этого послѣдняго и не даетъ развиваться болѣзни. Другой весьма любопытный примѣръ полезной дѣятельности микробовъ представляетъ упомянутый уже нами выше *bac. bifidus*, открытый Tissier въ кишечникѣ новорожденныхъ дѣтей.

По изслѣдованію этого автора, *bac. bifidus* обладаетъ замѣчательной способностью, благодаря своей жизнедѣятельности, задерживать развитіе многихъ другихъ бактерій, которыя въ отсутствіе его легко являются на сцену. Многія изъ нихъ возбуждаютъ гнилостные и патологическіе процессы и такимъ образомъ серьезно угрожаютъ жизни ребенка. Микробъ Tissier является въ данномъ случаѣ полезнымъ приспособленіемъ, поставленнымъ самой природой для защиты новорожденнаго.

Интересно отмѣтить, что если дѣти съ первыхъ дней не питаются молокомъ матери, а вскармливаются искусственно, то кишечникъ ихъ съ самаго начала представляетъ гораздо болѣе разнообразную флору, и обычнаго преобладанія *bac. bifidus* не наблюдается. Съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ въ ясной связи наблюдение, сдѣланное совершенно независимо практическими врачами, что вскармливаніе молокомъ матери въ значительной степени предохраняетъ отъ кишечныхъ разстройствъ, столь частыхъ и губительныхъ въ первые мѣсяцы жизни ребенка.

Несмотря однако на такую безспорно благодѣтельную роль нѣкоторыхъ микробовъ кишечника, фактъ существованія цѣлаго ряда животныхъ съ кишечникомъ, крайне бѣднымъ микробами, наприм., молодые кролики, и даже совершенно стерильныхъ, какъ, наприм., скорпионъ, повидимому указываетъ на то, что природа можетъ избавляться отъ нежелательныхъ микробовъ еще и другими путями, изученіе которыхъ представляетъ, конечно, глубокой интересъ.

Подводя итоги, мы должны придти къ заключенію, что по всей вѣроятности существуетъ по крайней мѣрѣ теоретическая возможность безъ вреда для организма воспитать его въ отсутствіе бактерій, замѣнивъ какимъ-либо искусственнымъ факторомъ оказываемая

ими услуги, и такимъ образомъ устранить тотъ вредъ, который онѣ такъ часто приносятъ организму.

Но изъ вышеизложеннаго не менѣе очевидно и то, съ какимъ огромнымъ затрудненіемъ сопряжено воспитаніе стерильныхъ живыхъ существъ, когда весь окружающій насъ міръ переполненъ бактеріями. Для безмикробной жизни приходится изобрѣтать поистинѣ тепличную обстановку, случайныя детали которой могутъ оказаться весьма неблагоприятными для даннаго организма. Удастся ли когда-либо человѣку *на практикѣ* справиться со всѣми этими серьезными затрудненіями, покажетъ, конечно, будущее.

Но быть можетъ, уже теперь умѣстно подумать о другомъ пути, слѣдуя которому можно было бы избавиться отъ вредныхъ бактерій. Если нельзя вполне устранить микробовъ изъ нашего жизненнаго обихода, то спрашивается, нельзя ли по крайней мѣрѣ искусственными мѣропріятіями видоизмѣнить составъ флоры кишечника, замѣнивъ микробовъ вредныхъ микробами безвредными. А быть можетъ, удастся сдѣлать и еще шагъ впередъ—населить кишечный каналъ человѣка такими микробами, которые, будучи безвредными для нашего организма, въ то же время окажутся способными обезпечить его отъ вторженія другихъ микробовъ. Сама природа какъ будто подсказываетъ намъ такой путь—достаточно вспомнить о *bac. bifidus* грудныхъ дѣтей.

Поэтому можно надѣяться, что дальнѣйшіе успѣхи нашихъ знаній о кишечныхъ бактеріяхъ и объ ихъ антагонистахъ направятъ разумную дѣятельность человѣка по этому новому пути борьбы съ микробами кишечника на біологической почвѣ.

П. Циклинская.

О стадіяхъ хозяйственнаго развитія.

(Изъ курса университетскихъ лекцій).

Литература: *Friedrich List*. Das nationale System der politischen Oekonomie (есть русскій переводъ Трубинкова: „Национальная система политической экономіи“). *C. Rodbertus-Jagetzow*. Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Theil I, Berlin 1875, Theil II, Berlin, 1885. *Ею же*. Das Kapital, Berlin, 1884. *K. Marx*. Das Kapital. T. I. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft (есть русскій переводъ, изд. Водовозовой: *Бюксеръ*. Происхождение народнаго хозяйства, Спб., 1897 г.). *Ею же*. Статья „Gewerbe“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (есть русскій переводъ, подъ заглавіемъ: Историческое развитіе и классификація формъ промышленности въ сборникѣ „Исторія труда“, изд. Водовозовой, Спб., 1897 г., стр. 47—107). *Э. Мейеръ*. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ съ нѣмецкаго, изданіе Водовозовой, Спб., 1898. *Ею же*. Рабство въ древности. Переводъ съ нѣмецкаго, изданіе Водовозовой, Спб., 1899 г. *М. Хеостосъ*, Изученіе экономическаго быта древности. Двѣ полемики (отдѣльный оттискъ). *Зомбартъ*. Домашняя промышленность, въ сборникѣ „Промышленность“, изд. Водовозовой, М., 1896 г., стр. 200—250. *Ею же*. Домашняя промышленность въ Германіи, въ сборникѣ „Исторія труда“, стр. 302—352. *П. Струве*. Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности, въ „Мірѣ Божьемъ“, 1899 г., № 4, стр. 188—200 (эта статья перепечатана въ сборникѣ статей Струве: „На равныя темы“ (1893—1901), Спб., 1902, стр. 427—447) *Sombart*. Der moderne Kapitalismus, т. I, Leipzig, 1902, стр. 1—75 (переводится на русскій языкъ). *Зомбартъ*. Организація труда и трудящихся. Изд. Звонарева, Спб., 1901 г. Первая часть этой книги составляетъ переводъ статьи автора: Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation, появившейся въ „Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik“, и не вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ особой книгой). *Е. Нанн*. Die Haustiere 1896 г. О несвободномъ трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ см. книжку. *G. F. Knapp*. Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit, Leipzig, 1891 (есть переводъ на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Ф. Кнаппъ*. „Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ“, въ названномъ выше сборникѣ „Исторія труда“ стр. 180—250). *Кн. Волконскій*. Условія помещичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ, въ трудахъ Рязанской архивной комиссіи, Рязань, 1897 г. *П. Струве*. Основные моменты въ развитіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи въ XIX в., въ „Мірѣ Божьемъ“ за 1901 г. №№ 10, 11 и 12.

I.

Основныя черты ученія классической школы. Ученіе *Фридриха Листа* и критика его (гл. обр. со стороны *Эдуарда Гана*). Теорія, берущія основой классификаціи степень раздѣленія труда между отдѣльными хозяйствами. Утопическій социализмъ. Научный социализмъ: *Родбертусъ* и *Марксъ*. *Буаверъ* и его три стадіи. Возраженія *Мейера* и *Зомбарта*. *Зомбартъ* и выставяемые имъ два критерія: степень обобществленія хозяйственной жизни и мотивы хозяйственной дѣятельности.

Вслѣдствіе разнообразія, которое обнаруживается въ явленіяхъ хозяйственной жизни, въ экономической наукѣ не могло не появиться стремленіе приурочить эти явленія къ извѣстнымъ типическимъ стадіямъ. Это стремленіе обнаружилось, впрочемъ, довольно поздно, что объясняется тѣмъ вліяніемъ, которымъ въ области политической экономіи въ теченіе долгаго времени пользовалась классическая школа, господствовавшая, начиная со второй половины XVIII в., въ теченіе почти всей первой половины XIX в. Представителями ея были фیزیократы во Франціи, а затѣмъ *Ад. Смитъ* и его послѣдователи въ Англіи, Франціи и Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что классическая школа была первой, которая вполнѣ послѣдовательно поставила изученіе экономическихъ явленій на научную почву. Но, съ другой стороны, она обладала нѣкоторыми особенностями, въ силу которыхъ ея ученіе оставляло въ полномъ пренебреженіи историческое развитіе хозяйственныхъ явленій. Эти особенности — абстрактный методъ и абсолютный характеръ всѣхъ выводовъ. Классическая школа держалась взгляда, что человѣкъ руководствуется всегда и вездѣ однимъ неизмѣннымъ стремленіемъ — хозяйственнымъ эгоизмомъ. Изъ этого побужденія, комбинированнаго съ другимъ стимуломъ человѣка — половымъ инстинктомъ, она выводила всѣ законы хозяйственной жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ классическая школа полагала, что, руководствуясь хозяйственнымъ эгоизмомъ, человѣкъ дѣйствуетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями природы. Изъ совмѣстнаго столкновенія эгоистическихъ побужденій отдѣльных индивидовъ, по ея мнѣнію, должна получиться наибольшая сумма общаго блага; другими словами, каждый человѣкъ, стремясь къ собственной хозяйственной выгодѣ, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ и общему преуспѣянію. Отсюда требованіе полной хозяйственной свободы. И въ самомъ дѣлѣ: разъ свободная дѣятельность людей, уже въ силу вложенныхъ въ человѣка природныхъ побужденій, сама собой ведетъ къ общественному благу, то вмѣшательство государства ничего кромѣ вреда принести не можетъ. Не вмѣшиваясь въ хозяйственную жизнь (въ формѣ пошлинь, премій, монополій и т. д.), государство должно лишь ограждать неприкосновен-

ность личности и собственности; всякое другое вмѣшательство государства не только бесполезно, но даже вредно.

Выставляя принципъ хозяйственной свободы и выступая противъ меркантилизма, Ад. Смитъ и его школа дѣйствовали въ полномъ соотвѣтствіи съ интересами Англій. Послѣдней, благодаря значительному развитію промышленности, въ то время уже нечего было бояться конкуренціи другихъ странъ; поэтому она смѣло могла уничтожить всѣ таможенныя преграды и открыть свои гавани для иностранныхъ товаровъ. Тѣмъ не менѣе, хотя разсужденія классической школы основывались исключительно на примѣрѣ Англій, рѣшенія ея носили абсолютный характеръ и считались примѣнимыми для всѣхъ временъ и народовъ: другими словами, классическая школа, какъ и ея современница—доктрина естественнаго права—отличалась полною неисторичностью. Исторія—это сплошной рядъ ошибокъ, которыя могутъ быть устранены лишь осуществленіемъ хозяйственной свободы. Одинъ изъ представителей классической школы, Ж. Б. Сэй, приходилъ даже къ выводу, что изученіе исторіи бесполезно и не нужно. Такой взглядъ объясняется тѣмъ низкимъ уровнемъ историческихъ знаній, который мы видимъ въ то время, почему классическая школа и была знакома лишь съ современными ей формами капиталистическаго хозяйства. Эти формы она считала неизблемыми и поэтому переносила ихъ на всѣ историческія эпохи, включая сюда и первобытные народы. Первобытному охотнику и рыболову она приписывала тотъ же психологическій складъ, тѣ же стремленія къ полученію наибольшей прибыли, какія она видѣла у манчестерскаго фабриканта или лондонскаго биржевика. Ясно, что она ничего не могла сдѣлать въ области ученія о стадіяхъ хозяйственнаго развитія.

Какъ ни долго господствовала классическая школа, но и противъ нея въ концѣ концовъ стали раздаваться протесты, и притомъ съ разныхъ сторонъ. Прежде всего они стали раздаваться со стороны представителей интересовъ стремящихся къ самостоятельному развитію молодыхъ странъ, особенно Германіи и С.-Американскихъ Соед. Штатовъ. Главнымъ выразителемъ этого направленія явился знаменитый нѣмецкій экономистъ и агитаторъ, *Фридрихъ Листъ*, главное сочиненіе котораго «*Das nationale System der politischen Oekonomie*» вышло въ 1841 г. Англія, по мнѣнію Листа, стоитъ за свободу торговли, потому что, вслѣдствіе высокаго развитія своей промышленности, она можетъ не бояться иностранной конкуренціи; но такой высоты она достигла лишь благодаря примѣненію, въ теченіе многихъ столѣтій, меркантильной политики, т.-е. благодаря длинному ряду поощрительныхъ мѣръ со

стороны правительства по отношенію къ промышленности. Между тѣмъ другія страны сильно отстали отъ Англіи, почему введеніе у нихъ свободной торговли повлечетъ за собой самыя гибельныя послѣдствія для ихъ молодой, еще недостаточно окрѣпшей промышленности. Здѣсь, поэтому, необходимо покровительство со стороны государства. Такова основная точка зрѣнія Листа, которую онъ отстаивалъ со всею страстностью своей натуры. Чтобы дать теоретическое обоснованіе своимъ взглядамъ, Листъ создалъ особую теорію, согласно которой каждый народъ долженъ пройти въ своей хозяйственной жизни рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія. Такихъ стадій онъ насчитываетъ пять: 1) состояніе дикое, 2) пастушеское, 3) земледѣльческое, 4) земледѣльческо-мануфактурное, 5) состояніе земледѣльческо-мануфактурно-торговое. По мнѣнію Листа, изъ современныхъ ему государствъ только Англія достигла пятой ступени, остальные находятся еще на земледѣльческой стадіи и, для того чтобы подняться на высшія ступени, нуждаются въ покровительственной политикѣ со стороны государства; свобода торговли будетъ умѣстна у нихъ лишь тогда, когда они достигнутъ высшей стадіи хозяйственной жизни.

Теорія Листа не можетъ считаться вполне новой. Въ неразвитомъ видѣ мы встрѣчаемъ ее у французскихъ писателей XVIII в., а зародыши ея мы видимъ уже у Аристотеля, который дѣлилъ народы по тѣмъ занятіямъ, какія были для нихъ наиболѣе характерны. Теорія Листа получила весьма широкое распространеніе и имѣетъ много сторонниковъ и до настоящаго времени. При всемъ томъ мы, однако, должны признать ее невѣрной. Прежде всего она невѣрна исторически. Заслуга Листа, нѣтъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что онъ первый внесъ систематическое пользованіе исторіей въ изученіе хозяйственной жизни. Но у него исторія страдаетъ большими недостатками и, прежде всего, схематизмомъ, пытающимся втиснуть факты хозяйственной жизни въ формулы, не всегда соответствующія дѣйствительности. Такимъ схематизмомъ вѣетъ и отъ приведенной классификаціи. Народы въ своей хозяйственной жизни проходятъ далеко не всегда черезъ всѣ стадіи, упоминаемыя въ ней, и переходятъ изъ одной стадіи въ другую далеко не всегда въ той послѣдовательности, на которую указываетъ Листъ. Въ этомъ убѣждаютъ какъ исторія, такъ и наблюденіе современной жизни. Цѣлый рядъ изслѣдованій, сдѣланныхъ за послѣднее время, показываетъ неправильности въ классификаціи Листа. Я назову, напр., *Эдуарда Гана*, который въ своемъ сочиненіи «Die Haustiere» (1896 г.) противъ теоріи Листа приводитъ слѣдующія соображенія. Прирученіе животныхъ

есть дѣло настолько трудное, что мысль о переходѣ отъ охотничьяго быта къ пастушескому должна быть признана недопустимой. Для прирученія животныхъ требуется настолько обезпеченное экономическое положеніе человѣка, что оно могло имѣть мѣсто только у народа земледѣльческаго. Земледѣліе, такимъ образомъ, предшествуетъ пастушескому быту, а не наоборотъ. Съ другой стороны, пастушескіе народы нуждаются въ растительной пищѣ, которую они могутъ получить лишь отъ земледѣльческихъ народовъ, и притомъ либо посредствомъ обмѣна, либо путемъ грабежа или непосредственнаго подчиненія. Въ подтвержденіе правильности этихъ возраженій можно привеситъ цѣлый рядъ фактовъ. Такъ, напр., населеніе, которое европейцы застали въ Америкѣ, было знакомо съ земледѣліемъ, но никогда не проходило черезъ стадію «пастушеской» жизни. То же самое мы можемъ констатировать у малайскихъ племенъ и въ Полинезіи ¹⁾. Но, можетъ быть, классификація Листа, будучи невѣрна исторически, имѣетъ систематическую цѣнность? И на это приходится дать отрицательный отвѣтъ. Она не даетъ такихъ существенныхъ, основныхъ чертъ, вокругъ которыхъ сколько-нибудь полно группировались бы всѣ остальные хозяйственные и социальныя явленія, и не удовлетворяетъ, поэтому, самому основному требованію, предъявляемому ко всякой научной классификаціи. Хотя способъ добыванія средствъ къ существованію и распаденіе народнаго труда на тѣ или другія отрасли и имѣютъ важное значеніе въ хозяйственной жизни, но все же они не могутъ быть приняты въ качествѣ рѣшающаго критерія.

Другой рядъ теорій—это тѣ, которыя основаніемъ классификаціи берутъ степень раздѣленія труда между отдѣльными хозяйствами. Подобный взглядъ мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ у *Родбертуса*, *Маркса*, *Бюхера* и *Зомбарта*. Во всѣхъ ихъ теоріяхъ, при многихъ различіяхъ въ деталяхъ, есть одна общая черта, заключающаяся въ томъ, что всѣ онѣ признаютъ два кореннымъ образомъ различающіеся типа хозяйства. Изъ этихъ типовъ одинъ характеризуется отсутствіемъ общественнаго раздѣленія труда: каждое отдѣльное хозяйство производитъ само все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей; при господствѣ другого типа такое раздѣленіе труда существуетъ и создаетъ живую связь между отдѣльными хозяйствами. Между этими основными типами возможны переходныя ступени.

¹⁾ См. объ этомъ книгу *Richard Hildebrand*, *Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen*, Iena, 1896, стр. 43. О томъ, что Японія некогда не проходила черезъ стадію пастушескаго быта, см. книгу *Yetarō Kinoshita*, *The past and present of commerce in Japan*, New York, 1902.

Первенство по времени въ области рассматриваемой группы теорій, несомнѣнно, принадлежитъ *Родбертусу*, наибольшее же пространство приобрѣла теорія *Бюхера*.

Какъ возникли названныя ученія?

На ряду съ представителями молодыхъ странъ, стремившихся къ хозяйственной самостоятельности, противъ классической школы выступилъ еще и другой элементъ — представители интересовъ неимущихъ классовъ. Послѣднимъ послѣдовательное проведеніе хозяйственной свободы также грозило самыми пагубными результатами. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1814 году въ Англіи была введена полная хозяйственная свобода въ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими. Но вмѣсто улучшенія быта рабочихъ эта свобода повела къ ухудшенію. Представители рассматриваемаго нами направленія стали объяснять такой непредвидѣнный результатъ тѣмъ, что въ ученіе классической школы вкралась одна существенная ошибка. Это ученіе было бы правильно, если бы между людьми существовало дѣйствительное равенство, если бы люди, стремящіеся къ осуществленію своихъ хозяйственныхъ интересовъ, обладали равными силами. Но на самомъ дѣлѣ этому препятствуетъ институтъ частной собственности. Отсюда дальнѣйшій выводъ: необходима новая организація общества съ устраненіемъ частной собственности, — такая организація, въ которой всѣ были бы равны и въ которой все производство сосредоточивалось бы въ рукахъ государства. Это направленіе, которое требуетъ передачи земли и средствъ производства въ руки государства, называется социализмомъ.

У первыхъ социалистовъ вѣра въ такой строй носить характеръ наивной утопіи. Это — такъ называемый «утопическій» социализмъ. Представители его не задавались вопросомъ о томъ, есть ли въ современной хозяйственной жизни такіе задатки, которые къ этому строю могутъ привести. Они предполагали, что послѣдній, соотвѣтствуя требованіямъ разума, рано или поздно долженъ восторжествовать. Но почему, когда и какъ — на это они не отвѣчали. Поэтому, и для рассматриваемаго нами здѣсь вопроса о стадіяхъ хозяйственнаго развитія представители утопическаго социализма сколько-нибудь важнаго значенія не имѣютъ. Совсѣмъ иное мы должны сказать о другомъ, позднѣйшемъ направленіи социализма, которое въ противоположность первому, утопическому, получило названіе научнаго и главными представителями котораго явились *Родбертус-Яецовъ* и *Марксъ*. Хотя и у этихъ авторовъ мы встрѣчаемъ элементы утопіи, тѣмъ не менѣе они — и въ особенности *Марксъ* — пытались найти въ современномъ имъ хозяйственномъ

строй такіа тенденціи, которыя являются зачатками иного строя и которыя при своемъ дальнѣйшемъ развитіи *неминуемо* должны привести къ новой хозяйственной организаціи. Для того чтобы найти эти зачатки, имъ необходимо было подвергнуть современный строй анализу и найти его отличительныя особенности, затѣмъ обратиться къ исторіи, чтобы выяснитъ, какъ современный строй возникъ, такъ какъ онъ существовалъ не всегда, какія организаціи ему предшествовали, какимъ образомъ онѣ смѣняли одна другую и т. д. Все это ставило ихъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о тѣхъ стадіяхъ, которыя въ теченіе исторіи пережила хозяйственная жизнь, и о тѣхъ формахъ, въ которыя она на разныхъ стадіяхъ облекалась. Поэтому ученіе социалистовъ позднѣйшаго направленія и явилось столь плодотворнымъ въ изучаемой нами области.

Уже у *Родбертуса* съ полною опредѣленностью выражены основы той классификаціи, о которой я говорилъ выше. Съ одной стороны, онъ различаетъ хозяйство, которое создаетъ въ своихъ нѣдрахъ всѣ необходимыя ему блага: типомъ такого хозяйства онъ считаетъ древнегреческое рабовладѣльческое хозяйство (*οἶκος*, ойкосное хозяйство). Въ немъ есть раздѣленіе труда, которое является началомъ и условіемъ всякой культуры, хотя оно и можетъ быть куплено лишь цѣною подчиненія одного класса населенія другому (въ формѣ рабства или крѣпостничества). Но между отдѣльными хозяйствами нѣтъ связи. Совокупность всѣхъ хозяйствъ представляетъ не химическое соединеніе, а механической агломератъ отдѣльныхъ частей, ничѣмъ между собой не связанныхъ. Ойкосному хозяйству Родбертусъ противопоставляетъ хозяйство «государственное», гдѣ уже встрѣчается раздѣленіе труда между отдѣльными хозяйствами; послѣднія представляютъ изъ себя здѣсь уже не механической агломератъ самостоятельныхъ единицъ, но одно химическое цѣлое.

Итакъ, уже у Родбертуса мы видимъ опредѣленное указаніе на тотъ критерій, который теперь все болѣе завоевываетъ себѣ всеобщее признаніе. Въ этомъ состоитъ выдающаяся заслуга Родбертуса, который, по словамъ Зомбарта, «въ первый разъ со всею рѣзкостью подчеркнул характерный признакъ современнаго способа хозяйства—сліяніе безчисленныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ въ одно общественное цѣлое» (*Зомбартъ*, *Организація труда и трудящихся*, стр. 216—217).

Нѣсколько иной характеръ носятъ заслуги *Маркса* въ разсматриваемой области. Сочиненія Маркса проникнуты взглядомъ, что хозяйственная жизнь находится въ процессѣ постояннаго видоизмѣненія, что она проходитъ чрезъ разныя стадіи развитія, что современный капитализмъ—одна изъ этихъ временныхъ стадій и не

представляет изъ себя чего-либо незыблемаго. При всемъ томъ однако у Маркса нѣтъ спеціальнаго разсмотрѣнія вопроса о стадіяхъ хозяйственнаго развитія; правда, у него много мѣткихъ и цѣнныхъ замѣчаній, но это скорѣе эскизы, чѣмъ законченная теорія. При этомъ заключающіяся въ этихъ эскизахъ классификаціи покоятся на разныхъ принципахъ дѣленія, не всегда согласующихся другъ съ другомъ. Такимъ образомъ его главная заслуга не здѣсь, а въ той блестящей и гениальной по своей глубинѣ характеристикѣ капиталистическаго хозяйства, которую онъ далъ и которая оставила въ наукѣ глубокой слѣдъ.

Капиталистическая организація хозяйства есть для Маркса опредѣленная стадія, появляющаяся при опредѣленномъ состояніи техники и общественнаго раздѣленія труда между отдѣльными хозяйствами. Только тамъ, гдѣ существуютъ эти условія, капитализмъ можетъ появиться; но, съ другой стороны, онъ не можетъ существовать дольше, чѣмъ эти условія имѣются налицо. Наступитъ моментъ, когда и капитализмъ долженъ будетъ уступить свое мѣсто другому строю. Со свойственной ему силой анализа Марксъ умѣлъ въ современномъ ему капитализмѣ найти зачатки этой новой ступени хозяйственной жизни. У Маркса встрѣчаются нѣкоторыя преувеличенія, нѣкоторые невѣрные и утопическіе элементы; но все же въ его анализѣ много цѣннаго, сдѣлавшагося прочнымъ достояніемъ науки. Не слѣдуетъ забывать, что сочиненія Маркса появились въ 50-хъ—60-хъ годахъ и что онъ умеръ въ 1883 году. Поэтому и матеріалъ для изученія у него былъ гораздо меньшій, чѣмъ у насъ. Современная хозяйственная жизнь развивается очень быстро, и въ наше время совершаются многія явленія, о существованіи которыхъ Марксъ и не подозрѣвалъ. Достаточно указать хотя бы на синдикаты и тресты, которые появились лишь въ послѣднюю четверть вѣка.

Какъ *Родбертусъ*, такъ и *Марксъ* оказали сильное вліяніе на *Бюхера* и *Зомбарта*.

Ученіе *Бюхера* появилось всего лишь въ 1893 году и все же, несмотря на столь кратковременное существованіе, успѣло приобрести значительную извѣстность и большую популярность. Оно заключаетъ въ себѣ несомнѣнно оригинальныя черты, но могло возникнуть лишь на почвѣ ученія *Родбертуса* и *Маркса*, хотя эта близость иногда и укрывается отъ глазъ читателя. Особенно близко теорія *Бюхера* подходит къ классификаціи, которую—правда, въ видѣ наброска—мы встрѣчаемъ у друга *Маркса*, *Энгельса*. Теорія *Бюхера* беретъ въ основу классификаціи хозяйственныхъ стадій не ту связь, которая подъ вліяніемъ общественнаго раздѣленія труда создается между отдѣльными хозяйствами и которая у *Родбертуса*

и Маркса играет столь важную роль, но такой признакъ, который эту связь ближайшимъ образомъ на себѣ отражаетъ. Благодаря громадному знакомству Бюхера съ экономическими фактами прошлаго и настоящаго, его поле наблюденій гораздо шире, чѣмъ у его предшественниковъ. Этимъ объясняется сочувственная встрѣча теоріи Бюхера и сильное впечатлѣніе, ею произведенное. По выраженію одного русскаго писателя, она «пролила яркій свѣтъ на множество собранныхъ фактическихъ данныхъ и внесла въ сырой матеріаль теоретическую связь и систематическое единство» (см. *Струве* въ «Мірѣ Божьемъ» за 1899 г., № 4, стр. 188 и *его же* «На разныя темы», стр. 427 — 8). Такъ какъ при этомъ теорія Бюхера крайне проста, то она и получила весьма широкое распространеніе.

Основнымъ критеріемъ дѣленія Бюхера является длина того пути, который хозяйственныя блага проходятъ отъ производителя до потребителя, то экономическое разстояніе, которое они при этомъ пробѣгаютъ. Пользуясь этимъ критеріемъ, *Бюхеръ* различаетъ три хозяйственныя стадіи:

1. *Хозяйство замкнутое домашнее*. Здѣсь каждая хозяйственная единица производитъ тѣ предметы, которые ей самой нужны для удовлетворенія потребностей. Это то хозяйство, которое Энгельсъ называлъ самопотребляющимъ и которое обыкновенно называютъ натуральнымъ ¹⁾: цѣлью является собственное потребленіе. Примѣромъ такого хозяйства можетъ служить рабовладѣльческое хозяйство древности (*οἶκος*), въ которомъ всѣ нужные предметы производились рабами — земледѣльцами, рабами-пастухами, рабами-ремесленниками и т. д. Если такое хозяйство достигало большихъ размѣровъ, въ его предѣлахъ могло развиваться значительное раздѣленіе труда. Такъ, одинъ голландскій писатель XVII в. насчитывалъ до 146 должностей, занимавшихся рабами въ богатыхъ римскихъ

¹⁾ Въ иномъ смыслѣ понималъ терминъ „натуральное“ хозяйство нѣмецкій писатель *Бруно Гильдебрандъ*, который въ срединѣ XIX в. также предложилъ свою классификацію стадій хозяйственной жизни. Въ основу этой классификаціи положено то состояніе, въ которомъ находится обмѣнъ, при чемъ Гильдебрандъ различаетъ хозяйство натуральное—въ которомъ обмѣнъ производится натурою, т. е. непосредственно обмѣниваются продукты на продукты; далѣе, хозяйство денежное—въ которомъ обмѣнъ совершается при посредствѣ денегъ, и, наконецъ, кредитное—въ которомъ онъ совершается при посредствѣ кредита. Эта теорія вызываетъ тотъ же упрекъ, какъ и теорія Листа: какъ справедливо замѣтилъ *Зомбартъ*, она „различаетъ способы хозяйства по ихъ симптомамъ, а не по основному характеру, вызывающему эти симптомы“. Замѣтимъ кстатѣ, что теорія Гильдебранда была связана съ наивною утопій, будто наступитъ строй, когда неравенство во владѣніи имуществомъ будетъ уничтожено благодаря тому, что каждому будетъ доступенъ кредитъ.

домахъ. То же самое можно сказать и о нашихъ дореформенныхъ помѣщикахъ. Въ ихъ хозяйствахъ были не только собственные кузнецы, шорники, ткачи и т. д., но и парикмахеры, кондитеры, музыканты и актеры.

2) *Хозяйство городское.* Здѣсь уже наблюдается обмѣнъ, но въ предѣлахъ тѣсной территоріи города и окружающихъ его деревень. Производитель и потребитель представляютъ изъ себя здѣсь уже два разныхъ лица, но вслѣдствіе территоріальной близости эти два лица входятъ между собою въ непосредственныя отношенія, безъ того чтобы между ними стоялъ торговый посредникъ. Такъ какъ обмѣнъ не выходитъ за предѣлы указанныхъ территорій, то каждая изъ послѣднихъ по отношенію къ другимъ подобнымъ территоріямъ представляетъ изъ себя такое же замкнутое цѣлое, какъ единичное хозяйство на первой стадіи. Типическимъ примѣромъ можетъ служить Зап. Европа въ половинѣ среднихъ вѣковъ: здѣсь обрабатывающая промышленность находилась въ рукахъ мелкихъ ремесленниковъ, которые, работая на мѣстный рынокъ, не нуждались въ торговыхъ посредникахъ, а вступали въ непосредственныя сношенія со своими потребителями-заказчиками. Эта стадія носитъ характеръ переходный: въ ней встрѣчаются черты какъ первой, такъ и третьей стадій. Кромѣ того, она не вездѣ имѣла мѣсто—въ Россіи мы ея совсѣмъ не находимъ.

3) *Хозяйство народное.* Здѣсь обмѣнъ уже переступаетъ за тѣсныя предѣлы городскихъ территорій, захватывая болѣе обширныя пространства. Поэтому здѣсь раздѣленіе труда гораздо глубже проникаетъ въ хозяйственную жизнь, и данный народъ уже не представляетъ изъ себя механическаго агломерата независящихъ другъ отъ друга частей, а одно хозяйственное цѣлое, между отдѣльными частями котораго существуетъ тѣсная связь. При развитомъ «народномъ» хозяйствѣ каждая хозяйственная единица производитъ только одну какую-нибудь группу предметовъ, продаетъ ихъ другимъ хозяйственнымъ единицамъ и на вырученныя деньги приобретаетъ все необходимое для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Примѣромъ можетъ служить любое современное промышленное предпріятіе: хлопчатобумажная фабрика, машиностроительный заводъ и т. д. Понятно, что всѣ эти предпріятія могутъ специализироваться на одной какой-нибудь отрасли труда лишь въ силу наличности обширнаго рынка. вмѣстѣ съ тѣмъ продуктъ уже не переходитъ непосредственно изъ хозяйства производящаго въ хозяйство потребляющее, онъ долженъ предварительно пройти черезъ руки одного или нѣсколькихъ посредниковъ, другими словами, онъ становится товаромъ, онъ циркулируетъ.

Таковы три стадіи, предложенныя Бюхеромъ. Въ каждый данный моментъ преобладаетъ одна изъ нихъ, но одновременно могутъ существовать и элементы, принадлежащіе къ другимъ стадіямъ. Такъ, напр., въ настоящее время господствуетъ «народное» хозяйство, однако и теперь встрѣчаются ремесленники, которые работаютъ на мѣстный рынокъ; съ другой стороны, и въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ мы видимъ черты домашняго замкнутого хозяйства, такъ какъ часть производимыхъ продуктовъ потребляется въ предѣлахъ самого производшаго ихъ хозяйства.

Однако Бюхеръ не ограничивается установленіемъ описанныхъ нами типовъ: онъ идетъ далѣе и приурочиваетъ свои три стадіи хозяйственнаго развитія къ тремъ эпохамъ исторіи: хозяйство замкнутое домашнее—къ древности, городское — къ среднимъ вѣкамъ, народное — къ новому времени. Эта часть теоріи Бюхера вызвала справедливую критику со стороны извѣстнаго историка *Эдуарда Мейера*. Древность, по мнѣнію Мейера, далеко не представляетъ того однообразія въ хозяйственномъ отношеніи, какое ей приписываетъ Бюхеръ; напротивъ того, она въ этомъ отношеніи представляетъ большія различія по мѣсту и времени. Во многихъ мѣстахъ господствовавшее вначалѣ ойкосное хозяйство съ теченіемъ времени замѣнялось развитымъ товарнымъ хозяйствомъ. Въ иныхъ же мѣстахъ мы послѣ періода товарнаго хозяйства видимъ возвращеніе къ натуральному хозяйству. Такимъ образомъ нельзя все нивелировать и подводить подъ одну норму. Человѣчество не проходило черезъ всѣ стадіи послѣдовательно, но съ перерывами и съ возвращеніями назадъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что возраженія Мейера должны быть признаны справедливыми. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что эти возраженія направлены лишь противъ неправильнаго примѣненія схемы со стороны ея автора, но совершенно не затрагиваютъ самой схемы, какъ таковой. Другими словами, схема не можетъ быть представлена какъ послѣдовательное изображеніе хода историческаго развитія хозяйственной жизни: историческій ходъ развитія слишкомъ разнообразенъ какъ по мѣсту, такъ и по времени, чтобы быть уложеннымъ въ столь тѣсныя рамки. Но это не лишаетъ ея значенія какъ попытки дать извѣстную систематическую классификацію хозяйственныхъ формъ, установить для нихъ извѣстные типы, къ которымъ могло бы быть сведено все разнообразіе дѣйствительной жизни, независимо отъ той исторической послѣдовательности, какую мы наблюдаемъ въ данномъ конкретномъ случаѣ.

Но и понятая въ этомъ смыслѣ классификація Бюхера въ послѣднее время подверглась возраженіямъ со стороны *Зомбарта* въ

его сочиненіи «Современный капитализм». Возраженія Зомбарта значительно преувеличиваютъ недостатки ученія Бюхера, но все же въ нихъ есть нѣкоторая доля истины. Въ самомъ дѣлѣ, хотя избранный Бюхеромъ критерій — экономическое разстояніе между производителемъ и потребителемъ — и представляется довольно удобнымъ, а характерныя для данной эпохи явленія группируются вокругъ него болѣе или менѣе удачно, но все же этотъ критерій страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: онъ носитъ слишкомъ внѣшній характеръ, и поэтому есть случаи, въ которыхъ онъ отказывается функционировать. Важнѣйшій изъ этихъ случаевъ — слѣдующій. Характеризующій современную жизнь ростъ конкуренціи и улучшение путей сообщенія и средствъ сношенія приводятъ къ значительному усовершенствованію торговой техники и уменьшенію числа торговыхъ посредниковъ, черезъ которыхъ проходитъ данный товаръ. Другими словами, экономическое разстояніе между производителемъ и потребителемъ сокращается, тогда какъ степень общественнаго раздѣленія труда между отдѣльными хозяйствами не падаетъ, а растетъ. Описанныя черты современнаго хозяйства въ связи съ нѣкоторыми другими приводятъ къ тому, что въ настоящее время все большую роль пріобрѣтаетъ работа на заказъ, т.-е. такая, при которой потребитель непосредственно сносится съ производителемъ. Главнымъ образомъ къ этому ведетъ растущая концентрація спроса въ рукахъ государства, общинъ, крупныхъ предпріятій и т. д. Такіе крупные потребители часто находятъ болѣе выгоднымъ вступать въ прямое соприкосновеніе съ производителями, не прибѣгая къ содѣйствию торговыхъ посредниковъ. Такъ, напр., государство, закупаая сразу десятки тысячъ пудовъ рельсъ и концентрируя въ своихъ рукахъ громадный спросъ, предпочитаетъ обращаться не къ отдѣльнымъ торговцамъ, а прямо къ тѣмъ заводамъ, которые производятъ рельсы. Такимъ образомъ въ современной жизни все большее значеніе пріобрѣтаетъ производство на заказъ. Крупнѣйшія фирмы, какъ, напр., огромный заводъ Круппа и другія подобныя предпріятія, работающія главнымъ образомъ на нужды государства и муниципалитетовъ, производятъ *исключительно* на заказъ и никакихъ товаровъ въ складахъ не держатъ. То же самое мы видимъ и въ Россіи: всѣмъ извѣстно, какую крупную роль для многихъ русскихъ заводовъ играютъ казенные заказы. Современная жизнь обнаруживаетъ и такъ, явленія, которыя Бюхеръ приписываетъ хозяйству «городскому», — непосредственное соприкосновеніе между производителемъ и потребителемъ.

Таково въ общихъ чертахъ важнѣйшее изъ возраженій Зомбарта. Какъ уже замѣчено, оно нѣсколько преувеличено и отчасти

основано на недоразумѣніи. Бюхеръ очень хорошо знаетъ, что въ современныхъ культурныхъ государствахъ многія крупныя фирмы (онъ самъ называетъ фабрики экипажей, молотилокъ, рельсъ, пушекъ, паровозовъ, вагоновъ и т. п., см. «Исторія труда», стр. 92—3) работаютъ только на заказъ. Но въдѣ характернымъ признакомъ городского хозяйства онъ считаетъ не только непосредственныя отношенія между производителемъ и потребителемъ, но и тѣ тѣсныя границы территоріи даннаго города и окрестныхъ деревень, въ предѣлахъ которыхъ при господствѣ городского хозяйства совершается обмѣнъ. Понятно, что о такихъ тѣсныхъ границахъ для современной жизни не можетъ быть рѣчи. Всѣ названныя фабрики работаютъ не для тѣснаго, а для обширнаго, неограниченнаго рынка. Въ этомъ смыслѣ приведенное возраженіе Зомбарта должно быть признано неправильнымъ. Но извѣстное зерно истины въ немъ есть: признакъ, положенный въ основаніе Бюхеромъ, носить внѣшній характеръ и поэтому, какъ показываетъ приведенный примѣръ, можетъ правильно функционировать лишь постольку, поскольку онъ правильно отражаетъ настоящій критерій, т.-е. степень общественнаго раздѣленія труда. Поскольку онъ этого не исполняетъ, онъ оказывается непригоднымъ. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается Ахиллесова пята классификаціи Бюхера, съ которою, поэтому, слѣдуетъ обращаться съ нѣкоторою осторожностью. Но это еще не значитъ, чтобы отъ нея слѣдовало вовсе отказаться, такъ какъ при своей простотѣ она обладаетъ большими достоинствами и можетъ служить полезнымъ орудіемъ научнаго познанія.

Перейдемъ теперь къ теоріи самого *Зомбарта*. И она тѣсно примыкаетъ къ теоріи Родбертуса. Однако отъ предыдущихъ классификацій теорія Зомбарта отличается тѣмъ, что Зомбартъ въ основу своей классификаціи кладетъ не одинъ, а нѣсколько критеріевъ. Начнемъ съ перваго изъ нихъ. Прежде всего, по мнѣнію Зомбарта, классификація должна покоиться на такомъ обстоятельстве, которое имѣло бы рѣшающее значеніе для всѣхъ хозяйственныхъ явленій въ ихъ совокупности. Такимъ обстоятельствомъ слѣдовало бы признать уровень продуктивныхъ силъ, которыми располагаетъ данная эпоха для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, такъ какъ этотъ уровень представляетъ собою фактъ, полагающій границы хозяйственной дѣятельности и поэтому влияющій на совокупность хозяйственныхъ явленій. Между тѣмъ у насъ нѣтъ такого общаго знаменателя, съ помощью котораго мы могли бы измѣрять степень производительности труда, присущую двумъ разнымъ способамъ производства или двумъ разнымъ эпохамъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ та единица

измѣренія, посредствомъ которой мы могли бы установить степень, въ какой увеличилась производительность труда отъ изобрѣтенія огня, примѣненія пара или отъ замѣны дерева желѣзомъ? Но, и помимо этого, уровень производительныхъ силъ представляетъ изъ себя фактъ не экономическій, а техническій, тогда какъ экономиста интересуютъ не различія въ техникахъ, а отраженія этихъ различій на хозяйственныхъ отношеніяхъ людей. Другими словами, необходимо техническому факту дать экономическое выраженіе. Между тѣмъ на какомъ хозяйственномъ явленіи лучше всего отражается состояніе производительныхъ силъ данной эпохи? Такимъ явленіемъ, по мнѣнію Зомбарта, должна считаться степень раздѣленія труда между отдѣльными хозяйствами или, говоря словами Зомбарта, степень дифференціаціи и спеціализаціи хозяйственной дѣятельности, такъ какъ и та, и другая съ измѣненіемъ производительныхъ силъ измѣняются въ томъ же направленіи. Съ другой стороны, степень дифференціаціи и спеціализаціи хозяйственной дѣятельности можетъ считаться показателемъ наблюдаемой въ данное время степени обобществленія хозяйственной жизни. Отсюда выводъ, что эта степень обобществленія и должна быть взята въ качествѣ критерія. Итакъ, мы видимъ, Зомбартъ приходитъ къ Родбертусу.

Исходя изъ названнаго критерія, Зомбартъ различаетъ слѣдующія стадіи хозяйственной жизни:

1. *Индивидуальное* хозяйство, при которомъ продукты потребляются внутри самого хозяйства. Здѣсь нѣтъ взаимнаго сплетенія между хозяйственными единицами, а въ лучшемъ случаѣ есть лишь нѣкоторое соприкосновеніе между ними.

2. *Переходное* хозяйство. Здѣсь есть уже прочное отдѣленіе производителя отъ потребителя и есть уже извѣстное обобществленіе, но послѣднее еще слабо развито: значительная часть продуктовъ производится для собственнаго потребленія, и лишь остающаяся часть производится для рынка.

3. *Обобщественное* хозяйство, когда большая часть или всѣ продукты производятся для рынка: здѣсь отдѣльныя хозяйственныя единицы уже значительно дифференцированы и, поэтому, связаны между собою въ одно тѣсно сплоченное цѣлое.

Зомбартъ, какъ мы уже видѣли, однако не довольствуется однимъ описаннымъ критеріемъ; поэтому въ приведенную только что классификацію онъ влетаетъ другую, въ основу которой онъ кладетъ господствующіе въ данное время *мотивы хозяйственной дѣятельности*. При этомъ онъ разсуждаетъ такъ: присущая данной стадіи хозяйственной жизни степень производительныхъ силъ представляетъ изъ себя по отношенію къ хозяйствующему

субъекту известный объективный, вне его лежащий факт. Между тем этот субъект в своей хозяйственной деятельности может руководиться различными побуждениями или мотивами и может задаваться принципиально различающимися между собою целями. Являясь в то же время активным, творческим элементом в народном хозяйстве, субъект или глава каждого единичного хозяйства играет решающую роль в народно-хозяйственной жизни; от его инициативы зависит хозяйственная деятельность, которая и в своем осуществлении подчиняется его плану. Будь он рабовладельцем или капиталистом-предпринимателем, мелким крестьянином или ремесленником или, наконец, центральным учреждением, руководящим в социалистически-организованном государстве всю хозяйственную деятельность страны—во всех этих случаях он является организующим началом в народно-хозяйственной жизни. Поэтому и мотивы, которыми этот субъект руководствуется, приобретают важное значение. Между тем, как ни разнообразны могут быть эти мотивы, в каждую данную эпоху господствующая роль принадлежит одному какому-нибудь мотиву, который Зомбарт и называет *хозяйственным принципом* этой эпохи.

Еще Аристотель указал на два основных мотива, которыми человек может руководствоваться в своей хозяйственной деятельности. В одном случае человек стремится к тому, чтобы удовлетворить свои потребности. Направленную на такую цель деятельность Аристотель называл «экономикой». С ее точки зрения истинным богатством должно считаться возможно полное обладание теми необходимыми, полезными и приятными благами, которые для этого служат. Так как потребности, при всем своем разнообразии, ограничены, то и стремление к их удовлетворению имеет тесные пределы. Здесь богатство является не целью, но средством, и стремление к нему находит свою границу в уровне потребностей.

Совсем иной характер носит та деятельность, которую Аристотель называет «хрематистикой». Здесь человек стремится не к возможно полному удовлетворению своих потребностей, но к возможно большему обогащению, как таковому; богатство из средства превращается в цель, становится самоцелью. Олицетворением и абстрактным выразителем его служат деньги. Не удовлетворение потребностей, а жажда денег является здесь главным мотивом хозяйственной деятельности. В противоположность ограниченности первого стремления, жажда денег, стремление человека к богатству, как таковому, не знает границ.

Такова мысль Аристотеля ¹⁾. Этой мыслью пользуется и Зомбартъ, различающій двѣ системы хозяйства въ зависимости отъ того, которое изъ двухъ названныхъ побуждений господствуетъ. А именно онъ различаетъ:

1. Хозяйство, имѣющее цѣлью удовлетвореніе потребностей, которое мы, несмотря на все неудобство этого термина, для краткости назовемъ хозяйствомъ *потребительнымъ* (Bedarfwirtschaft), и

2. Хозяйство, ставящее себѣ цѣлью приобрѣтеніе богатства, которое мы назовемъ хозяйствомъ *приобрѣтательнымъ* (Erwerbswirtschaft).

Итакъ, предъ нами двѣ классификаціи, которыя Зомбартъ строитъ на основаніи двухъ избранныхъ имъ критеріевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и второй изъ нихъ—различія въ мотивахъ хозяйствующаго субъекта—имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; однако едва ли есть основаніе выдѣлять его въ особый критерій при классификаціи хозяйственныхъ стадій. Это видно между прочимъ и изъ слѣдующихъ соображеній. Послѣ разсмотрѣнія каждой изъ классификацій въ отдѣльности Зомбартъ пытается слить ихъ въ одно цѣлое, и тутъ оказывается, что между обѣими существуетъ очень близкое родство: хозяйства *индивидуальное* и *переходное* въ то же время являются хозяйствомъ *потребительнымъ*, а хозяйство *обобщественное*—*приобрѣтательнымъ*, за единственнымъ исключеніемъ хозяйства социалистическаго. Подъ послѣднимъ разумѣется то хозяйство, при которомъ всѣ средства производства—земля и капиталъ—находятся въ исключительномъ обладаніи государства, при чемъ послѣднее является единственнымъ предпринимателемъ, руководящимъ всею хозяйственною дѣятельностью страны. Здѣсь хозяйство, несомнѣнно, носитъ обобщественный характеръ, и въ то же время оно по своимъ задачамъ и цѣлямъ должно считаться не *приобрѣтательнымъ*, а *потребительнымъ*. Но если, оставляя это исключеніе въ сторонѣ, стоять на почвѣ только историческаго опыта, то обѣ классификаціи Зомбарта совпадаютъ. И это вполне понятно: противоположное могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы субъектъ хозяйства въ своей хозяйственной мотивациіи не находился подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ тѣхъ объективныхъ условий, въ которыхъ ему приходится хозяйствовать.

Предложивъ описанную схему, Зомбартъ отнюдь не думаетъ, что ею исчерпывается все разнообразіе хозяйственной жизни. Напротивъ того, онъ вполне сознаетъ, что послѣдняя не можетъ

¹⁾ См. объ этомъ у *Маркса*, *Das Kapital*, т. I, гл. IV, отд. I (стр. 127 по третьему нѣмецкому изданію 1883 г.).

улучься въ какую бы то ни было схему. «Хозяйственные строи, — говорит онъ, — столь же разнообразны, какъ и регулирующие хозяйственную жизнь обычаи и нравы, какъ и существовавшіе когда бы то ни было, существующіе теперь и имѣющіе существовать въ будущемъ правовые порядки. Имя имъ легионъ». Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы юридическое положеніе низшихъ классовъ, и мы увидимъ, какое здѣсь наблюдается разнообразіе. Рабство, напр., въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и степеняхъ встрѣчается и при потребительномъ, и при приобрѣтательномъ хозяйствѣ, и при натуральномъ, и при мѣновомъ. Тѣмъ не менѣе Зомбартъ для каждого изъ подраздѣленій своей схемы устанавливаетъ нѣсколько типовъ хозяйственныхъ строевъ: такъ, въ группѣ «Обобщественное хозяйство» онъ различаетъ рабское хозяйство древности, рабское хозяйство современныхъ колоній, капиталистическое хозяйство съ свободнымъ наемнымъ трудомъ и социалистическое хозяйство. Первые три относятся къ разряду «приобрѣтательнаго хозяйства», а послѣднее — къ разряду «потребительнаго хозяйства». Этими типамъ нельзя однако придавать непреложное значеніе, да и самъ Зомбартъ его имъ, кажется, не придаетъ, такъ какъ та или другая ихъ конструкція всегда будетъ зависѣть отъ воззрѣній, интересовъ, вкусовъ даннаго автора.

II.

Общая черта теорій Родбертуса, Маркса, Бюхера и Зомбарта. Особенности натурального хозяйства. Особенности мѣноваго хозяйства. Историческій обзоръ развитія мѣноваго хозяйства; значеніе парового транспорта. Вліяніе мѣноваго хозяйства на положеніе низшихъ классовъ населенія. Общая одѣлка мѣноваго хозяйства въ современныхъ культурныхъ государствахъ.

Предыдущее изложеніе показало намъ, что современная экономическая наука, слѣдуя Родбертусу и Марксу, довольно прочно установила въ качествѣ критерія, различающаго другъ отъ друга различныя стадіи хозяйственнаго развитія, ту степень обобществленія, которою данная хозяйственная эпоха характеризуется. При этомъ мы видимъ, что она, въ лицѣ двухъ своихъ выдающихся представителей, Бюхера и Зомбарта, въ связи съ этимъ критеріемъ устанавливаетъ двѣ противоположныя другъ другу стадіи хозяйственной жизни. Первую стадію составляетъ хозяйство замкнутое домашнее, которое можно назвать также натуральнымъ или самопотребляющимъ (Энгельсъ). Характерной его чертой является производство исключительно для собственнаго потребленія и отсутствіе общественнаго раздѣленія труда. Вторую хозяйственную стадію

можно назвать хозяйствомъ «мѣновымъ», такъ какъ ей соотвѣтствуетъ общественное раздѣленіе труда, а слѣдовательно и обмѣнъ между отдѣльными хозяйствами. Эту ступень можно также назвать «товарнымъ» хозяйствомъ, такъ какъ предметы, производимые для рынка, носятъ названіе «товаровъ». Такъ какъ, далѣе, при развитомъ обмѣнѣ появляется необходимость въ особомъ предметѣ, который служилъ бы орудіемъ обмѣна или деньгами, то мѣновое хозяйство можно назвать также «денежнымъ». Наконецъ, Бюхеръ, какъ мы видѣли, называетъ его хозяйствомъ «народнымъ», такъ какъ при его господствѣ всѣ хозяйства даннаго народа составляютъ какъ бы одно цѣлое. Въ настоящее время его можно было бы назвать даже «международнымъ» хозяйствомъ, потому что теперь не только отдѣльные страны, но и отдѣльныя части свѣта тѣсно связаны между собою путемъ обмѣна.

Важное значеніе приведеннаго противоположенія не можетъ быть достаточно оцѣнено. При изученіи хозяйственныхъ явленій никогда не слѣдуетъ терять изъ виду ту глубокую пропасть, которая раздѣляетъ двѣ указанныя стадіи, являющіяся представителями двухъ различныхъ принциповъ. Правда, мы лишь рѣдко видимъ полное господство одной изъ нихъ; обыкновенно хозяйственная жизнь являетъ намъ ту или другую комбинацію, то или другое сплетеніе обѣихъ, хотя часто одна изъ нихъ и преобладаетъ; но этимъ теоретическое значеніе ихъ не умалается, и представленіе о нихъ можетъ служить яркимъ свѣточемъ при изученіи и оцѣнкѣ хозяйственныхъ явленій.

Мы постараемся теперь дать краткую характеристику обѣихъ этихъ стадій. При этомъ мы ограничимся указаніемъ лишь на самыя общія, основныя черты, присущія каждой изъ нихъ, такъ какъ при болѣе детальномъ разсмотрѣніи въ ихъ предѣлахъ обнаруживается очень значительное разнообразіе, которое не можетъ быть исчерпано въ ученіи о стадіяхъ хозяйственной жизни. Такъ, натуральное хозяйство мы встрѣтимъ и у охотничьяго племени, и у пастушескаго народа; его представителями будутъ и крестьянское самостоятельное хозяйство, и средневѣковое феодальное помѣстье. Съ другой стороны, подъ понятіе мѣноваго хозяйства подойдутъ и рабовладѣльческое хозяйство древняго Рима или Вестъ-Индскихъ колоній, и современное капиталистическое хозяйство съ свободнымъ трудомъ. Итакъ, мы дадимъ лишь самыя общія черты, присущія обѣимъ этимъ ступенямъ.

Если мы начнемъ съ натурального хозяйства, то увидимъ, что изъ его основныхъ свойствъ вытекаютъ слѣдующія особенности.

1. При его господствѣ нѣтъ раздѣленія труда и обмѣна *между*

отдѣльными мѣстностями. Поэтому въ каждой данной мѣстности населеніе можетъ пользоваться только тѣми природными силами и матеріалами, которые у него имѣются подъ руками, и богатство одного края въ отношеніи какого-нибудь продукта не можетъ идти на восполненіе бѣдности другого. При такихъ условіяхъ производство въ каждой данной мѣстности будетъ носить однообразный характеръ, а потребности населенія по необходимости будутъ просты и грубы. Достаточно вспомнить, сколь многочисленны и разнообразны тѣ мѣстности, изъ которыхъ мы теперь получаемъ предметы нашего самого обычнаго потребленія, какъ-то: хлѣбъ, шерсть, хлопокъ, кожи, чай, сахаръ, соль, табакъ и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, что сколько-нибудь широкое развитіе потребностей зависитъ отъ обмѣна между разными мѣстностями и интерлокальнаго раздѣленія труда.

2. Но натуральное хозяйство не допускаетъ сколько-нибудь значительнаго раздѣленія труда и *ex predelaхъ* отдѣльных мѣстностей. Для того чтобы такое раздѣленіе труда могло возникнуть, чтобы отдѣльное лицо могло посвятить себя одному какому-нибудь производству, необходимо, чтобы на продукты этого производства существовало достаточно большое требованіе. Еще Адамъ Смитъ выставилъ положеніе, что раздѣленіе труда ограничено размѣрами рынка. При натуральномъ хозяйствѣ рынка нѣтъ, а собственное потребленіе въ предѣлахъ замкнутой хозяйственной единицы, хотя бы даже и крупной, по необходимости будетъ тѣсно ограниченнымъ; поэтому и раздѣленіе труда не можетъ сдѣлать здѣсь большихъ успѣховъ. Между тѣмъ раздѣленіе труда является основой всякаго техническаго и культурнаго прогресса: вотъ новая причина, по которой при натуральномъ хозяйствѣ господствуютъ низкая техника и грубость потребностей. А это въ свою очередь влечетъ за собою бѣдность населенія и культурную отсталость его, выражающуюся въ слабомъ развитіи личности, въ умственномъ застоѣ и нравственной грубости. Отсюда вытекаетъ, что натуральное хозяйство вездѣ, гдѣ только есть выгода въ эксплуатаціи чужого труда, связано съ личной несвободой населенія въ той или другой формѣ. Поэтому вполне правильно выразился Струве, сказавъ, что въ переводѣ на общепринятый юридическій языкъ натуральное хозяйство означаетъ крѣпостное право.

Въ противоположность натуральному хозяйству мѣновое хозяйство связано съ производствомъ на рынокъ. Здѣсь получаетъ полное развитіе раздѣленіе труда и не только между отдѣльными мѣстностями, но и въ предѣлахъ одной и той же мѣстности. Естественныя богатства одного края становятся доступными и для дру-

гихъ; вслѣдствіе раздѣленія труда растетъ производительность чело-
вѣческаго труда, увеличивается количество и разнообразіе произ-
водимыхъ при помощи затраты данной единицы труда продуктовъ.
Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются новыя нужды, потребности утонча-
ются и хотя бы нѣкоторые классы населенія получаютъ возмож-
ность удовлетворять другимъ потребностямъ, кромѣ самыхъ элемен-
тарныхъ и насущныхъ. Все это даетъ могучій толчокъ дальнѣй-
шему прогрессу культуры, что подтверждается и историческимъ
опытомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить то
вліяніе, какое на увеличеніе потребностей оказали расширеніе рынка
и ростъ мѣновыхъ сношеній, вызванные крестовыми походами, от-
крытіемъ Америки и новаго пути въ Индію или, наконецъ, усо-
вершенствованіями въ морскомъ и сухопутномъ транспортѣ въ
XIX в.

Натуральное хозяйство господствуетъ тамъ, гдѣ вслѣдствіе низ-
кой плотности населенія и отсутствія хорошихъ путей сообщенія
не можетъ развиться обмѣнъ. Мѣновое хозяйство появляется лишь
постепенно, по мѣрѣ роста плотности населенія, да и притомъ
только тамъ, гдѣ тому способствуютъ естественные пути сообщенія.
Искусственные пути сообщенія появляются поздно, такъ какъ тре-
буютъ большихъ затратъ и поэтому предполагаютъ уже довольно
высокій уровень культуры, который въ свою очередь самъ пред-
полагаетъ мѣновое хозяйство. Между тѣмъ вода является наиболѣе
совершеннымъ изъ всѣхъ естественныхъ средствъ сообщенія, на-
столько совершеннымъ, что она и теперь по дешевизнѣ (но не
всегда по быстротѣ) иногда успѣшно можетъ конкурировать съ
искусственными путями, какъ, напр., желѣзными дорогами. Въ
самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же грузъ требуетъ для передвиженія
по дурной грунтовой дорогѣ приложенія 250 единицъ силы, по
неукатанному шоссе—125 единицъ, по хорошо укатанному шос-
се—80, по желѣзной дорогѣ отъ 5 до 10 силъ, а по спокойной
стоящей водяной поверхности—всего 1 единицы силы. Такимъ об-
разомъ передвиженіе въ спокойной водѣ въ сравненіи съ передви-
женіемъ по грунтовой дорогѣ въ 250 разъ выгоднѣе. Если лошадь
по хорошо укатанному шоссе можетъ провезти 60 пуд., то по ка-
налу она можетъ тянуть до 5.000 пудовъ.

Въ виду изложеннаго мы и видимъ, что мѣновое хозяйство
(а вмѣстѣ съ тѣмъ и сколько-нибудь высокая культура) въ тече-
ніе всей исторіи, за исключеніемъ новѣйшаго времени, появлялось
лишь у тѣхъ народовъ, которые жили по берегамъ морей съ удоб-
ными для судоходства берегами или по берегамъ рѣкъ.

Достаточно бѣлаго взгляда на исторію, чтобы убѣдиться въ

справедливости этихъ словъ. Первый расцвѣтъ мѣнового хозяйства мы видимъ у финикянъ и кареагенянъ, у которыхъ развитіе торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культуры, покоилось на ихъ выгодномъ приморскомъ положеніи. По этой же причинѣ могли выдвинуться затѣмъ Греція и Римъ, культура которыхъ оказала столь могущественное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію. Послѣ этого въ хозяйственной исторіи ноступаетъ какъ бы перерывъ—шагъ назадъ къ натуральному хозяйству, вызванный появленіемъ новаго элемента въ европейской исторіи—наплывомъ азіатскихъ варваровъ, прочно осѣдающихъ затѣмъ въ Европѣ. Когда затѣмъ мы видимъ новое появленіе нѣкотораго расцвѣта мѣнового хозяйства, то ареной, на которой это происходитъ, опять является Италія. Подъ ея благодатнымъ небомъ вырастаетъ рядъ республикъ, принимающихъ на себя роль торговыхъ посредниковъ между западомъ и востокомъ и въ то же время становящихся во главѣ культурнаго развитія своего времени. Подобно древней Греціи, итальянскія республики оставили намъ рядъ безсмертныхъ памятниковъ своего генія. Одновременно съ этимъ на сѣверѣ Европы, главнымъ образомъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, вереница городовъ образуетъ обширный и могущественный Ганзейскій союзъ, который въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю торговлю на европейскомъ сѣверѣ, внося культуру въ расположенныя здѣсь страны, далеко отставшія отъ европейскаго юга. Между тѣмъ въ XV в. въ хозяйственной жизни челоуѣчества наступаетъ переворотъ. До этого Средиземное море дѣйствительно вполнѣ заслуженно носило свое названіе, находясь въ центрѣ извѣстныхъ тогда странъ. Но вотъ, послѣ открытія Америки и отысканія новаго пути въ Индію, центръ тяжести хозяйственной жизни Европы переносится въ Атлантическій океанъ: вмѣстѣ съ этимъ приходитъ въ упадокъ торговля—а, слѣдовательно, и могущество—Итальянскихъ республикъ и Ганзейскаго союза, и торговое могущество переходитъ въ руки сначала Испаніи и Португаліи, затѣмъ Голландіи и, наконецъ, Англій. Особенно послѣдняя надолго сумѣла закрѣпить за собою торговое первенство, почему она въ теченіе многихъ вѣковъ и вплоть до послѣдняго времени царилла на моряхъ и являлась главною представительницею мѣнового хозяйства. Это продолжалось бы, вѣроятно, и до нашихъ дней, если бы тому не помѣшало новое открытіе, а именно желѣзныя дороги. До желѣзныхъ дорогъ мѣновое хозяйство, какъ мы видѣли, могло развиваться лишь въ приморскихъ странахъ и по берегамъ судоходныхъ рѣкъ и не могло проникать въ глубь материковаго пространства: торговое первенство принадлежало той странѣ, географическое положеніе которой по

отношенію къ морю было наиболѣе благопріятно. Теперь обстоятельства измѣнились: желѣзныя дороги представляютъ изъ себя такое средство сообщенія, которое и по быстротѣ, и по дешевизнѣ не только не отстаетъ отъ морского и рѣчного транспортовъ, но даже превосходить его. Поэтому на арену мѣнового хозяйства стали выступать такія страны, которыя о томъ прежде и мечтать не смѣли. Это имѣло два послѣдствія:

1. Съ одной стороны, торгово-промышленной гегемоніи Англіи положенъ конецъ; рядомъ съ нею появляются новые торгово-промышленные богатыри, оспаривающіе у нея первенство. Мы разумѣемъ Германію и С.-Американскіе Соединенные Штаты. Въ особенности послѣдняя страна растетъ не по днямъ, а по часамъ, и этотъ быстрый подъемъ внушаетъ серьезныя опасенія мѣне предприимчивымъ въ сравненіи съ своими заокеанскими братьями еурпейцамъ. Итакъ, желѣзныя дороги совершили переворотъ, создавъ новое соотношеніе силъ между разными государствами.

2. Съ другой стороны, желѣзныя дороги и вообще паровой транспортъ углубили обмѣнъ и измѣнили самый характеръ хозяйства всего земного шара. До этого обмѣнъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сколько-нибудь глубоко проникалъ въ народно-хозяйственную жизнь. Онъ захватывалъ только верхушки хозяйства, его верхнюю поверхность, тогда какъ въ корнѣ своемъ послѣднее продолжало носить въ значительной степени натурально-хозяйственный характеръ. Кромѣ того, главная часть его происходила въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ и соединяла въ одно цѣлое только единичныя хозяйства даннаго государства, и лишь ничтожная часть народнаго продукта переходила черезъ границу государства и составляла предметъ международнаго обмѣна. На этой ступени хозяйство культурныхъ государствъ земного шара дѣйствительно можетъ быть—вслѣдъ за Бюхеромъ—названо «народнымъ» хозяйствомъ. Теперь дѣло измѣнилось. Теперь всѣ государства земного шара вошли между собою въ тѣснѣйшее общеніе и составляютъ какъ бы одно тѣсно сплоченное цѣлое, совмѣстными силами удовлетворяющее своимъ матеріальнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе прогрессивнаго усовершенствованія средствъ сообщенія и сношенія международный обмѣнъ принялъ колоссальные размѣры и продолжаетъ все болѣе расти, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается зависимость одной страны отъ другой, такъ какъ потребности каждаго народа въ значительной степени удовлетворяются продуктами труда другихъ народовъ. Вступивъ на этотъ путь, мы, какъ уже указано выше, перешагнули черезъ границы «народнаго» хозяйства и перешли на болѣе высокую ступень хозяйства «международнаго» или «міро-

вого», и этот процесс далеко еще не может считаться законченнымъ.

Описанное движеніе, знаменующее собою переходъ отъ натурального хозяйства къ мѣновому и въ частности отъ «народнаго» къ «міровому», коснулось и Россіи. Въ послѣдней еще 100 лѣтъ тому назадъ обнаруживались всѣ признаки значительнаго преобладанія натурального хозяйства, хотя нѣкоторые зачатки денежнаго хозяйства мы встрѣчаемъ въ ней и ранѣе. Между тѣмъ въ теченіе XIX в. обстоятельства измѣнились; старое натуральное хозяйство все болѣе должно было уходить въ область прошлаго и уступать свое мѣсто новымъ теченіямъ. Все больше растетъ не только раздѣленіе труда внутри страны, но и вплетеніе послѣдней въ сложный и запутанный механизмъ международнаго обмѣна и мірового хозяйства.

Итакъ, если натуральный строй хозяйства характеризуется низкимъ уровнемъ техники, то мѣновое хозяйство, наоборотъ, увеличиваетъ производительность труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство народовъ. Но, спрашивается затѣмъ, какъ отражается ростъ мѣнового хозяйства на положеніи низшихъ классовъ населенія?

Съ натуральнымъ хозяйствомъ, какъ мы видѣли, связана личная несвобода низшихъ классовъ населенія. Что приноситъ послѣднимъ мѣновое хозяйство?

Прежде всего, какъ мы уже видѣли, вмѣстѣ съ появленіемъ мѣнового хозяйства появляются и новые стимулы хозяйственной дѣятельности. При натуральномъ хозяйствѣ мотивомъ къ хозяйственной дѣятельности служить стремленіе къ удовлетворенію потребностей; при мѣновомъ хозяйствѣ имъ становится стремленіе къ обогащенію, какъ таковому, жажда денегъ; вмѣстѣ съ этимъ усиливается и стремленіе къ эксплуатаціи низшихъ классовъ. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что съ ростомъ мѣнового хозяйства положеніе послѣднихъ будетъ прогрессивно ухудшаться. Между тѣмъ такой результатъ наступаетъ далеко не всегда. Въ древнемъ Римѣ, дѣйствительно, съ появленіемъ крупнаго рынка и съ ростомъ торговаго оборота мы замѣчаемъ успѣхи рабовладѣльческаго хозяйства и значительное ухудшеніе положенія рабовъ; то же самое мы наблюдаемъ въ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ, гдѣ хозяйство носило рѣзко выраженный мѣновой характеръ и гдѣ въ то же время эксплуатація рабовъ и ужасное обращеніе съ ними достигли крайнихъ предѣловъ. Совершенно иначе дѣло однако обстоитъ въ Западной Европѣ: здѣсь мы видимъ противоположную картину: ростъ мѣновыхъ сношеній связанъ съ улучшеніемъ положенія рабочаго класса. Какъ объяснить такое противорѣчіе?

Вопросъ о сравнительной выгодности свободнаго и несвободнаго труда до сихъ поръ не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ. Но все же слѣдуетъ указать на двѣ точки зрѣнія, которыя могутъ помочь выясненію указаннаго противорѣчія. Первая при объясненіи этого противорѣчія подчеркиваетъ значеніе *національнаго* различія между господиномъ и рабомъ. Такое различіе мы наблюдаемъ какъ въ Римѣ, такъ и въ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, рабы въ Римѣ—это были плѣнные, взятые во время войнъ съ разными племенами и принадлежавшіе къ отличнымъ отъ римскаго населенія національностямъ. Поэтому римляне ихъ считали иноземцами, варварами. То же самое мы видимъ и въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки и въ Вестъ-Индіи. И здѣсь въ качествѣ рабовъ мы видимъ негровъ, т.-е. людей, принадлежавшихъ къ другой—и притомъ низшей—расѣ. Между тѣмъ крѣпостные, которыхъ мѣновое хозяйство застало въ Европѣ при переходѣ къ новой исторіи, принадлежали къ одной и той же національности съ своими господами. Это обстоятельство нельзя не принимать во вниманіе, а извѣстный историкъ Эдуардъ Мейеръ въ немъ видитъ даже основную причину, по которой въ Римѣ и въ Америкѣ ростъ мѣноваго хозяйства привелъ къ рабству, а въ Европѣ новаго времени—къ свободѣ труда (см. его брошюру: «Рабство въ древности», С.-Пб. 1899).

Другая точка зрѣнія подчеркиваетъ различіе между *земледѣліемъ* и *обрабатывающею промышленностью*. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣліе гораздо лучше мирится съ несвободнымъ трудомъ, чѣмъ обрабатывающая промышленность. Для нѣкоторыхъ отраслей земледѣлія, какими являются, напр., хлопковыя, рисовыя, табачныя, сахарныя и др. плантаціи въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки и въ Вестъ-Индіи, рабскій трудъ является, повидимому, даже наиболѣе выгодной для предпринимателя формой труда ¹⁾. Поэтому тамъ, гдѣ господствуютъ эти отрасли, мѣновое хозяйство, какъ таковое, не только не устраняетъ рабства, но даже обостряетъ его, ухудшая положеніе рабовъ. Въ гораздо меньшей степени съ рабскимъ трудомъ мирится наше европейское земледѣліе, хотя здѣсь вопросъ о предѣлахъ, до которыхъ несвободный трудъ выгоденъ съ точки зрѣнія предпринимателя, долженъ быть признанъ еще недостаточно выясненнымъ. Въ наукѣ прочно установился взглядъ, что освобожденіе крестьянъ, напр., въ Германіи въ конечномъ счетѣ

¹⁾ Это обнаруживается, напримѣръ, и въ томъ фактѣ, что рабство, хотя уже 30 лѣтъ отмѣненное въ южныхъ штатахъ, отчасти продолжаетъ и теперь фактически существовать тамъ.

было вызвано невыгодностью несвободнаго труда. Относительно Россіи изслѣдованія князя Волконскаго и Струве показали иное: здѣсь появленіе мѣноваго хозяйства было связано съ прогрессивнымъ ростомъ нормы эксплуатаціи крѣпостнаго труда, который вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ быть наиболѣе выгодной формой веденія хозяйства; если крестьяне все же въ 1861 г. получили свободу, то причина этого лежала не въ области сельскаго хозяйства и не въ невыгодности крѣпостнаго труда въ немъ, но въ рядѣ другихъ постороннихъ сельскому хозяйству условій. Другими словами, если въ сельскомъ хозяйствѣ есть ступень, съ которой несвободный трудъ становится невыгоднымъ, то Россіей эта ступень въ 1861 г. достигнута еще не была. Это между прочимъ доказывается тѣмъ, что и послѣ 1861 г. сохранились такіе приемы хозяйства, которые, юридически покоясь на свободѣ труда, по своему экономическому содержанию ничѣмъ не отличаются отъ временъ крѣпостнаго права.

Итакъ, въ земледѣліи мѣновое хозяйство довольно долго мирится съ несвободнымъ трудомъ. Совершенно иное мы видимъ въ области обрабатывающей промышленности. Предъявляя болѣе высокія требованія къ ловкости и тщательности труда, послѣдняя гораздо менѣе земледѣлія совмѣстима съ личной несвободой. При сколько-нибудь высокой техникѣ она прямо не терпитъ рабства или крѣпостничества, почему всюду, гдѣ обрабатывающая промышленность получала значительное развитіе, трудъ становился свободнымъ. Между тѣмъ характерной чертой мѣноваго хозяйства въ современныхъ культурныхъ государствахъ именно и является ростъ обрабатывающей промышленности.

Обѣ названныя причины могутъ служить объясненіемъ отмѣченнаго выше противорѣчія и показываютъ намъ, почему въ современныхъ европейскихъ государствахъ, при высокой степени достигнутой земледѣліемъ интенсивности, при высокомъ развитіи обрабатывающей промышленности и при единствѣ національности, мѣновое хозяйство явилось носителемъ свободы труда. Между тѣмъ личная свобода открываетъ низшимъ классамъ широкій путь для дальнѣйшаго развитія: она создаетъ въ нихъ сознаніе своего личнаго достоинства и своихъ личныхъ правъ и возбуждаетъ въ нихъ новыя потребности. Все это вноситъ въ социальную жизнь свѣжую струю, и если мѣновое хозяйство создаетъ въ имущихъ классахъ болѣе острое стремленіе къ обогащенію черезъ посредство труда низшихъ классовъ, то одновременно съ этимъ оно и низшіе классы надѣляетъ могущественными средствами, чтобы бороться, — и притомъ успѣшно, — съ этой тенденціей. Поэтому мы и видимъ, какъ

теперь, напр., въ Европѣ и Америкѣ предприниматели и рабочіе представляютъ изъ себя двѣ грозныя силы, стоящія одна противъ другой. Правда, что все это дается не сразу; личная свобода имѣетъ сама по себѣ только юридическій характеръ и на экономическія стороны жизни ея вліяніе можетъ сказаться лишь постепенно и не скоро. Но все же рано или поздно вліяніе это скажется.

Таково то значеніе, которое ростъ мѣнового хозяйства имѣлъ въ Западной Европѣ и которое онъ имѣетъ и, безъ сомнѣнія будетъ имѣть въ будущемъ и въ Россіи.

Итакъ, къ какому итогу приводитъ насъ сравнительная оцѣнка натурального и мѣнового хозяйства? Въ своей брошюрѣ «Идеалы соціальной политики» Зомбартъ выставляетъ два критерія, съ помощью которыхъ, по его мнѣнію, можно оцѣнивать ту или другую соціальную политику. Эти критеріи суть: 1) степень производительности труда и 2) умѣніе населенія отстаивать свои экономическіе интересы. Чѣмъ производительнѣе трудъ, тѣмъ больше тотъ общій фондъ, который составляетъ богатство данной страны. Чѣмъ лучше населеніе умѣетъ отстаивать свои интересы, тѣмъ большую долю изъ этого фонда оно получитъ. Если мы воспользуемся этими критеріями здѣсь, при оцѣнкѣ обоихъ очерченныхъ нами типовъ хозяйственнаго развитія, то выводъ, на нашъ взглядъ, будетъ возможенъ только одинъ, а именно что мѣновое хозяйство въ томъ видѣ, какъ оно развивалось и росло въ теченіе послѣднихъ столѣтій въ культурныхъ государствахъ Стараго и Новаго свѣта и какъ оно теперь ежедневно растетъ въ Россіи,—что это мѣновое хозяйство является величайшимъ шагомъ впередъ какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ соціальномъ и вообще культурномъ смыслѣ. Оно въ громадной степени увеличило производительность человѣческаго труда и власть человѣка надъ природою и въ то же время, давъ населенію свободу, создало въ немъ сознаніе той эксплуатаціи, которой оно подвергается, и стремленіе,—а также и силу и умѣніе,—поставить эту эксплуатацію въ опредѣленные границы и въ болѣе выгодныя для трудящагося населенія условія.

В. Э. Денъ.

Вѣдьмы и вѣдовство ¹⁾.

IV.

Чтобы оправдать данное выше общее положеніе, чтобы объяснить, какимъ образом подъемъ умственной дѣятельности въ Европѣ могъ повести къ неслыханному обостренію самаго дикаго изъ суевѣрій, я долженъ буду прежде всего бѣгло напомнить ходъ церковной исторіи въ критическую для римскаго католицизма эпоху—съ XI по XIII вѣкъ.

Церковная жизнь Западной Европы въ раннее средневѣковье носить такой характеръ. Все общество во всѣхъ его слояхъ единодушно исповѣдуетъ католическую вѣру и очень гордится своимъ безукоризненнымъ православіемъ. Чего-нибудь похожего на принципиальное невѣріе въ немъ нѣтъ и тѣни по той причинѣ, что міръ безъ Бога являлся для этой эпохи вещью, которую она прямо неспособна была себѣ представить. Но этой твердости религиозныхъ убѣжденій строго соответствуетъ ихъ полная пассивность. Не говоря уже про народную массу, вѣра которой сводится въ сущности къ вѣрѣ въ таинственную силу церковныхъ обрядовъ, такой пассивный характеръ носить и религиозная жизнь ея руководителей. Даже въ кругу высшаго духовенства и свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ, гдѣ обсуждаются и вершатся возникающіе вопросы церковной жизни, ни у кого нѣтъ мысли, чтобы въ дѣлахъ религіи была какая-нибудь надобность въ собственномъ разсужденіи. «Наивно думать,—писалъ еще въ XI вѣкѣ одинъ изъ богослововъ,—чтобы въ завѣщанной намъ отъ предковъ вѣрѣ хоть что-нибудь осталось непредусмотрѣннымъ». Такимъ же путемъ ведутся и рѣдкія тогда занятія научнымъ богословіемъ. На техническомъ языкѣ церковной исторіи эта пора въ развитіи западной богословской мысли опредѣляется какъ періодъ полного «традиціонализма», когда все богословіе держалось чисто «репродукціоннаго метода». «Въ сознаніи крайней молодости

¹⁾ Научное Слово 1905 г., III.

самостоятельной германской культуры» самые ученые люди того времени, как Алкуинъ, как Рабанъ Мавръ и др., сводили все толкованіе истинъ христіанской вѣры къ подбору текстовъ изъ Св. Писанія и «сентенцій», заимствованныхъ у отцовъ древней церкви. Своихъ самостоятельныхъ вопросовъ они при этомъ не рѣшались поднимать, недружелюбно относясь къ чрезмѣрной пытливости ума въ области вѣры. *Odit Dominus nimios scrutatores...* ²⁾).

Но съ достиженіемъ извѣстной духовной возмужалости общество начинаетъ утрачивать эту блаженную наивность вѣры. Въ исторіи его развитія XI вѣкъ можно сравнить съ тѣмъ возрастомъ, когда у молодого человѣческаго существа впервые пробуждается рефлексія съ ея мучительными, неотступными вопросами. Душевное состояніе множества мыслящихъ людей въ Европѣ этого времени живо рисуетъ намъ «Книга объ искушеніяхъ нѣкоего монаха», вышедшая изъ-подъ пера одного виднаго нѣмецкаго богослова, Отло. Отло рано рѣшилъ разстаться съ міромъ и удалился въ монашескую обитель. Но монастырь не далъ ему душевнаго спокойствія. Напротивъ, тутъ, въ стѣнахъ обители, за размысленіемъ о божественныхъ предметахъ и начались его внутреннія терзанія. Сомнѣнія въ всемъ обуреваютъ его душу: онъ сомнѣвается въ себѣ, въ Св. Писаніи и даже въ самомъ бытіи Божіемъ. «Правильно ли поступилъ онъ, удалившись въ монастырь? Можетъ ли онъ надѣяться, что обрѣтетъ здѣсь божескую благодать? Въ Св. Писаніи сказано: даже праведникъ едва спасается. Такъ не ограничено ли спасеніе немногими избранниками? Не напрасны ли поэтому всѣ молитвы и усилія? Не показываетъ ли Св. Писаніе, что Богъ поступаетъ съ людьми по полному своему произволенію и что Онъ часто не приемлетъ тѣхъ, кто самъ его ищетъ? Да правду ли говоритъ Св. Писаніе? И наконецъ существуетъ ли Богъ? Не представляется ли Писаніе умнымъ, но глубоко нечестнымъ людскимъ измышленіемъ? И развѣ содержаніе его не отдѣляется бездной отъ дѣйствительной жизни? И если правда, что существуетъ всемогущій Богъ, то почему же все преисполнено до такой степени противорѣчiami и дисгармоніей?» Въ своихъ мукахъ Отло обращается къ небу съ такой молитвой: «О, если Ты существуешь, Всемогущій, и если Ты вездѣсущъ, то молю Тебя, покажи мнѣ, кто Ты и какъ велика Твоя сила, исторгнувъ меня изъ этихъ искушеній, ибо долѣе переносить ихъ я не въ состояніи.» (См. А. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, IV, 80.) Не всѣ, конечно, такъ болѣзненно реагировали на пробудившуюся рефлексію, какъ Отло. Типичной для XI вѣка фигурой можетъ,

²⁾ Чрезмѣрная пытливость не угодна Богу.

скорѣе, считается пріятель Отло, Генрихъ. Онъ тоже размышлялъ уже надъ ученіями церкви и многое находилъ въ нихъ непонятнымъ. Но, дѣлясь съ Отло поднимавшимися въ его душѣ вопросами, онъ прибавлялъ: «Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ того, о чемъ я спрашиваю: я не могу только понять, какимъ образомъ это оказывается истиной». Зато, съ другой стороны, многіе, въ комъ пробудилась потребность осмыслить для себя свою вѣру, далеко не такъ успѣшно справлялись съ неизбѣжными здѣсь соблазнами, какъ въ концѣ-концовъ успѣлъ съ ними справиться Отло. Въ XI же вѣкѣ Европа услышала голосъ Беренгара Турскаго, который говорилъ: Если мой разумъ, подобіе Божіе во мнѣ, приходитъ въ непримиримое столкновеніе съ авторитетами, то я согласенъ лучше погибнуть, чѣмъ подчинить свой разумъ простому указанію на авторитеты. И голосъ этотъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. За этимъ первымъ «раціоналистомъ» явился и рядъ другихъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ и дерзкихъ. Гамма вопросовъ, пробѣгавшихъ въ душѣ Отло, черезъ столѣтіе превращается въ гамму дѣйствительно исповѣдывавшихся еретиками мнѣній. Европа, которая въ теченіе ряда вѣковъ наслаждалась невозмутимымъ религіознымъ покоемъ, теперь знакомится со всѣми видами религіозной критики, идущей въ своихъ крайностяхъ до отрицанія Откровенія и даже до отрицанія самаго бытія Божія.

Такое пробужденіе разсудочности не ограничивается при этомъ лишь тѣснымъ кругомъ школьно-образованныхъ людей. Свѣтское общество, духовныя потребности котораго должна была удовлетворять римская церковь, тоже является къ XII вѣку далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ ту пору, когда авторъ *Heliand'a* отъ его лица говорилъ: законъ, это—записанный мудрыми людьми обычай предковъ, а отъ обычаевъ своей страны никто не долженъ отступать ни въ чемъ. Церковная паства въ XII столѣтіи не представляетъ уже собой, какъ прежде, разьединенно жившихъ по замкамъ, хуторамъ и деревнямъ бароновъ и виллановъ. То было время величайшей ломки старозавѣтнаго уклада жизни, черезъ какой когда-либо случалось проходить Европѣ. Это была Европа эпохи возсозданія городовъ и обратнаго перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, Европа эпохи крестовыхъ походовъ и новаго торговаго и умственнаго сближенія между Западомъ и Востокомъ. Прежняя застылость смѣнилась кипучей жизнью въ этотъ «второй періодъ великаго переселенія народовъ». Вилланы толпами покидали свои деревни, стремясь въ свободную городскую атмосферу; рыцари арміями плавали за моря отчасти изъ религіознаго рвенія, отчасти изъ интереса къ приключеніямъ и къ диковиннымъ чужимъ стра-

намъ; купцы съ товарами бороздили изъ конца въ конецъ весь извѣстный тогда мѣръ; и многое, что было захвачено этимъ водоворотомъ, оказывалось навсегда потеряннымъ для наивной, спокойной вѣры «по завѣтамъ предковъ». Въ нѣсколько поколѣній городъ перерабатывалъ виллановъ изъ жившихъ преданіями и фантазіей дѣтей природы въ разсудочную, скептическую буржуазію; рыцарь нерѣдко возвращался изъ Святой Земли съ душой, полной всякихъ сравненій и раздумья; и купецъ, заводившій связи съ восточными торговцами, быстро отвыкалъ видѣть въ не-католическомъ мѣрѣ только «поганыхъ». Такимъ образомъ сама жизнь доводила теперь множество «простыхъ людей» до психологической невозможности вѣрить, не размышляя. Отъ пастырей своихъ они при этомъ не получали по большей части никакихъ отвѣтовъ на волновавшіе ихъ новые религіозные вопросы, такъ какъ у большинства священниковъ едва хватало образованія на то, чтобы сносно справляться съ ритуаломъ. Къ тому же пастыри эти часто являлись для вѣрующихъ худшимъ источникомъ соблазна: нравы католической іерархіи въ это время дѣйствительно представляли изъ себя мало назидательнаго и находились въ вопіющемъ противорѣчій съ тѣмъ, что она сама проповѣдывала народу. Благодаря всему этому свѣтское общество передовыхъ странъ Европы замѣтно ускользаетъ изъ рукъ церкви. Изъ собственной его среды выходятъ «нигѣмъ не призванные учителя», которые громятъ нещадно вѣковой укладъ церковной жизни, и проповѣдь ихъ падаетъ на воспріимчивую почву. «Обвиненія, — такъ характеризуетъ эту эпоху Рейтеръ, — что проповѣдуемые католическими священниками догматы являютъ собой людской вымыселъ, что обряды католическаго культа — грубое суевѣріе, что таинства — сатанинское наважденіе, громкія рѣчи про обманы жрецовъ, творящихъ якобы за мессой Тѣло Христово, развитие критическаго смысла при толкованіи Библии — все это неизбѣжно будило во множествѣ людей дремлющую сознательность, смущало пробудившуюся и давало пищу всякимъ сомнѣніямъ какъ въ верхнихъ, такъ и въ низшихъ общественныхъ слояхъ тѣмъ болѣе, что классъ, противъ котораго направлялись такія обвиненія, самъ по себѣ возбуждалъ недоброжелательство не только у еретиковъ, но и у правовѣрныхъ.» (H. Reuter, *Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter*, I, 154.) Само собою разумѣется, что католическая іерархія съ своей стороны не оставалась спокойною свидѣтельницей такого рода возмущеній противъ ея авторитета. Съ XI вѣка Европа снова увидала гоненія за вѣру; съ XI вѣка въ ней снова запылали костры для нарушителей церковнаго единства. Но, несмотря на эти кары, число еретиковъ не убывало, и многіе свидѣтели совершавшагося

въ религиозной жизни переворота съ печалью приходили къ мысли, что спасительному владычеству римской церкви надъ католическимъ міромъ грозитъ скорый конецъ.

Мрачныя опасенія эти однако не сбылись. Традиціонное церковное міросозерцаніе въ XII столѣтіи ни для кого еще не являлось вещью изжитой. Общество, въ сущности, еще совсѣмъ не пробовало имъ жить, и для защиты его отъ той критики, на которую умъ человѣческой былъ тогда способенъ, у церкви въ распоряженіи имѣлась не одна репрессія. Чтобы овладѣть броженіемъ религиозной жизни въ массахъ, чтобы обезпечить себѣ еще на нѣсколько столѣтій господство надъ умственной жизнью Западной Европы, церкви довольно было самой серьезно передумать то, чему она привыкла механически учить другихъ. Ей надо было лишь нѣсколько поступиться старовѣрческимъ принципомъ *ubi deitas creditur, ratio non quaeritur*¹⁾, и, сдѣлавъ своевременно эту уступку, она сама мало-по-малу совсѣмъ преобразилась. Изъ горнила испытаній, пережитыхъ ею въ XI—XII вѣкахъ, римская церковь вышла могучѣе, чѣмъ когда-нибудь, съ тремя крупными приобрѣтеніями, составившими главную основу ея позднѣйшаго развитія. Она обогатилась новою церковною наукой—схоластикой, которая на время успѣла обратить разумъ изъ врага въ преданнаго служителя авторитета; она приобрѣла новую народно-воспитательную организацію, Нищенствующіе монашескіе ордена, которые успѣли—опять-таки на время—возвратить Риму утерянныя было симпатіи народныхъ массъ; и, наконецъ, она создала новый церковно-полицейскій институтъ,—инквизицію, своими особыми средствами справлявшуюся съ тѣми изъ отщепенцевъ, на кого не оказывали достаточнаго дѣйствія ни доводы рачіональной теологіи, ни нравственныя увѣщанія послѣдователей Доминика и Франциска. Эти три силы, родство которыхъ сказывается въ томъ, что главными дѣятелями какъ въ схоластической наукѣ, такъ и въ инквизиціонныхъ трибуналахъ оказывались члены тѣхъ же Нищенствующихъ орденовъ, наложили глубокую свою печать на весь ходъ умственной жизни въ Европѣ съ XIII до XVI вѣка. Имъ римская церковь обязана была самыми славными своими триумфами. Но въ ихъ же совокупномъ дѣйствіи кроется и объясненіе того, почему въ концѣ среднихъ вѣковъ изучаемый нами видъ суевѣрія—да и не онъ одинъ—далъ такіе ядовитые плоды, какихъ мы не встрѣчали въ темное раннее средне-вѣковье.

Въ виду опредѣляющаго вліянія, которое тутъ было оказано

¹⁾ Гдѣ дѣло идетъ о вѣрѣ въ Божество, тамъ не умствуютъ.

схоластикой, намъ слѣдуетъ присмотрѣться къ исторіи ея происхожденія нѣсколько поближе. Схоластика, т.-е. «школьное» богословіе—имя, которое она получила въ отличіе отъ стараго «положительнаго» богословія, довольствовавшагося простыми тезисами, простою передачею сентенцій Св. Писанія и отцовъ церкви—возникла въ видѣ компромисса между принципомъ авторитета и раціоналистическимъ теченіемъ XII вѣка. Компромиссъ этотъ являлся неизбежно, ибо при новомъ состояніи человѣческаго сознанія уже самый принципъ церковнаго авторитета, передъ которымъ вѣрующій долженъ былъ склонять свой разумъ, приходилось защищать отъ того же разума. На аргументы въ пользу правъ разума приходилось отвѣчать аргументомъ же, что «самый смыслъ вѣры требуетъ подчиненія всякаго смысла вѣрѣ»: *Ratio autem fidei est omnem rationem humanam fidei postponere*. Въ подобныя пререканія церковь вступала, правда, неохотно, предпочитая въ борьбѣ съ послѣдовательными раціоналистами обращаться не столько къ аргументамъ, сколько къ такимъ могучимъ силамъ, какъ слѣпыя консервативныя инстинкты массъ или мистическое воспріятіе религіи болѣе тонкими натурами. Зато разумъ успѣшно проникалъ въ область религіи черезъ другія двери. Силою обстоятельствъ римская церковь скоро была вынуждена признать, что безъ его содѣйствія она сама не въ состояніи точно установить тотъ кругъ ученій, который долженъ покрываться эгидой ея священнаго авторитета. Дѣйствительно, въ XII столѣтіи было уже затруднительно съ прежнею строгостью охранять сентенціи отъ всякаго прикосновенія къ нимъ «діалектики». Еще въ эпоху Беренгара правовѣрные богословы оказывались способны въ защиту господствовавшаго взгляда на Пресуществленіе сразу ссылаться на авторитетъ Августина, Іеронима и Амвросія, не замѣчая, что эти три великіе учителя совсѣмъ по-разному разсуждали въ данномъ вопросѣ. Но на той степени сознательности, съ какою изучалось богословіе въ эпоху Абеяра, подобныя «контроверсіи» между авторитетами у всѣхъ вставали передъ глазами. Абеяръ первый предъявилъ длинный ихъ перечень въ своемъ знаменитомъ *Sic et Non*; но Абеяръ сейчасъ же указалъ и путь, которымъ можно было выйти изъ подобныхъ затрудненій съ наименьшимъ ущербомъ для принципа традиціонализма. Разрѣшеніе подобныхъ «контроверсій», писалъ онъ, найдется безъ труда, если за это дѣло возьмется логика, давая уразумѣть, что у разныхъ авторитетовъ одни и тѣ же слова имѣютъ разный смыслъ. Въ случаѣ же встрѣчи съ непримиримыми противорѣчіями остается дѣлать выборъ между авторитетами, опредѣляя сравнительный ихъ вѣсъ. И правовѣрные богословы съ радостью приняли

этотъ методъ, предложенный—неизвѣстно съ какою искренностью—этимъ великимъ скептикомъ. Съ Петра Ломбардскаго, автора «Четырехъ книгъ сентенцій»—трудъ, комментированіемъ котораго университеты прилежно занимались до самаго конца среднихъ вѣковъ—логика получаетъ полныя права гражданства въ ортодоксальномъ преподаваніи богословія. Вышею своей гордостью школа теперь считаетъ неутомимый анализъ входящихъ въ сентенціи понятій и тонкость «дистинкцій», позволяющихъ уничтожать непримиримыя на видъ несогласія между авторитетами. Но, вынужденная вѣрить охрану церковнаго преданія заботамъ университетскихъ «діалектиковъ», церковь не могла оставаться совсѣмъ глухой и къ той потребности, которая всего сильнѣе сказывалась именно у такихъ на логикѣ воспитанныхъ людей—къ потребности дать философское освѣщеніе самому содержанію сентенцій. *Fides quaerit intellectum* ¹⁾, твердятъ школьные люди еще со времени Ансельма Кентерберійскаго, и церковь скрѣпя сердце соглашается снисходительно смотрѣть на подобныя поиски. Такимъ образомъ на ряду съ доказательствами истинъ вѣры отъ Писанія и отъ авторитетовъ въ систему школьнаго богословія мало-по-малу вводятся и доказательства отъ разума, блестящіе примѣры которыхъ далъ въ свое время тотъ же Абеляръ. «Свѣтъ натурального разума» заимствуется при этомъ изъ древней философіи, главнѣйшимъ образомъ изъ Аристотеля, который благодаря арабамъ къ XIII вѣку становится хорошо извѣстенъ Западной Европѣ и получаетъ отъ восхищенной школы титулъ *Præcursor Christi in naturalibus* ²⁾. Извѣстно опьяняющее дѣйствіе подобныхъ умозрѣній на только что проснувшуюся въ школѣ склонность размышлять. «Никакое разстояніе», — писалъ про Абеляра одинъ изъ современниковъ, — «никакая высота горъ, никакая глубина долинъ, никакія опасности на полныхъ разбойниками дорогахъ не могутъ удержать путниковъ, стекающихся къ нему со всѣхъ концовъ міра». Извѣстно и то, какимъ полезнымъ союзникомъ для церкви оказался этотъ «натуральный разумъ», къ которому въ эпоху Абеляра правовѣріе относилось еще съ крайней подозрительностью. Съ гордостью церковь могла теперь говорить еретикамъ, что, возставая противъ ея ученій, они отказываются не только отъ званія христіанъ, какъ послушники священнаго авторитета, но даже отъ званія разумныхъ существъ, ибо истинный разумъ самъ требуетъ того же, чему учать Откровеніе и авторитеты. Въ такихъ условіяхъ церковныя власти

1) Вѣра ищетъ разумѣнія.

2) Предтеча Христа въ области естественнаго.

освобождаются, наконецъ, отъ стараго своего страха передъ духомъ рационализма и сами благословляютъ состоявшійся на ихъ глазахъ союзъ между *auctoritas* и *ratio*. Пользуясь этою свободою и упиваясь со страстью новымъ еще наслажденіемъ мыслить, университетскіе богословы развиваютъ теперь кипучую умственную дѣятельность и за XIII столѣтіе превращаютъ «раціональную теологію» въ «царицу всѣхъ наукъ». Школа попрежнему остается вѣрна принципу, что *fides praecedit rationi*; но при Томѣ Аквинскомъ и Дунсѣ Скоттѣ она уже не ограничивается съ философской стороны простымъ подыскиваніемъ разумныхъ доводовъ въ пользу незыблемо стоящихъ сентенцій. Взявъ эти раціоналистически интерпретированныя сентенціи за аксіомы, она смѣло дѣлаетъ изъ нихъ дальнѣйшіе логическіе выводы и, пополняя отъ «натуральнаго разума» неизбѣжные пробѣлы, она стремится такимъ путемъ создать вполне законченную систему міросозерцанія. Въ рукахъ великихъ схоластиковъ раціональная теологія превращается въ свѣточъ, озаряющій всѣ области, въ которыхъ только можетъ идти работа человѣческаго ума. На судъ этой науки немедленно по достиженіи ея зрѣлости былъ призванъ и вопросъ о волшебствѣ со всѣми входящими сюда представленіями.

Вопросъ этотъ при выработкѣ цѣльной научной системы міросозерцанія необходимо подлежалъ коренному пересмотру, такъ какъ насчетъ него въ различныхъ кругахъ общества XII—XIII вѣковъ царило чрезвычайное разнорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, та рѣзкая перемѣна въ складѣ европейской жизни, о которой мы выше говорили, сказала не только пробужденіемъ разсудочности: она съ меньшей силой отозвалась и на работѣ народной фантазіи. Въ эпоху, когда Европой овладѣла такая охота странствовать,—когда дороги были полны и путешествующими рыцарями, и бродячими клириками, и переѣзжавшими изъ страны въ страну купцами, и переходившими изъ города въ городъ ремесленниками,—принялся странствовать и тотъ запасъ созданий народнаго творчества, который вѣками накоплялся по разнымъ уголкамъ крещенаго и некрещенаго міра. При этомъ встрѣчи были неизбѣжны, и такъ же неизбѣжно было сліяніе мѣстныхъ повѣрій и легендъ въ картины невиданной прежде сложности и яркости. Особенно возбуждающимъ образомъ дѣйствовали здѣсь крестовые походы, открывшіе въ Европу доступъ произведеніямъ пылкой, цвѣтистой фантазіи Востока. Но свою лепту вносила тутъ и школа, которая съ небывалымъ усердіемъ читала теперь античную литературу и пускала въ общій оборотъ чудесные разказы изъ греко-римской мифологіи. Само собою разумѣется, что при той рѣзко демонической окраскѣ, которую

носило еще въ эту пору и западное и восточное міросозерпаніе, крупная доля этой поэтической работы должна была достаться и на долю бѣсовъ. Особенно въ кругахъ, тянувшихъ къ монастырямъ, гдѣ живо было «древнее благочестіе», весь этотъ наивный лепетъ отовсюду собиравшихся народныхъ сказокъ осмысливался въ строго опредѣленномъ направленіи, и такимъ образомъ царство воздушныхъ обитателей вслѣдъ за землею заиграло теперь новой, разнообразной жизнью ¹⁾).

Лучшимъ путеводителемъ по этому царству служить, безспорно, *Dialogus Miraculorum* Цезарія Гейстербахскаго — трудъ, выросшій изъ уроковъ Закона Божія, которые авторъ ея, извѣстный своими дарованіями и высокой нравственностью монахъ, по порученію духовнаго начальства давалъ монастырскимъ послушникамъ. Исторія литературы давно уже разложила Цезаріевы рассказы на составные элементы; Гриммъ и его ученики давно уже опредѣлили, какія западныя и восточныя преданія, повѣрья и легенды скрытно вдохновляли Цезарія, когда онъ, бесѣдуя съ боголюбивыми юношами о христіанскихъ добродѣтеляхъ и таинствахъ, сотнями рисовалъ на фонѣ католической догматики и этики поэтическія волшебныя картины. Мы тутъ находимъ и память о чудодѣйственной мантии Вотана — этомъ германскомъ коврѣ-самолетѣ — и отзвуки гомеровской Одиссеи; передъ нами оживаютъ фигуры свѣтлыхъ эльфовъ и темной свиты карлика Альбериха; сказанія о Дикомъ Охотникѣ идутъ здѣсь на ряду съ мало-азіатской легендой о Теофилѣ и т. д. Но все это скомпоновано у Цезарія съ большою стройностью и выдержано въ христіанскомъ тонѣ. Насмѣшливые маленькіе кобольды — старинное порожденіе германской фантазіи — помогаютъ Цезарію обличить грѣхъ тщеславія. Ихъ трудно, конечно, не узнать въ рассказѣ о событіи въ одной изъ майнцскихъ церквей, гдѣ по молитвѣ нѣкоего святого мужа всѣ богомольцы увидѣли, какъ на пышномъ шлейфѣ надменной щеголихи «сидѣли бѣсы, ростомъ не больше крысы, черные, какъ арапчага, хихикая, хлопающая въ ладо-

¹⁾ Для роли школы характеренъ слѣдующій рассказъ извѣстнаго писателя XII вѣка Вальтера Мапа въ его сборникѣ *De nugis curialium*. Мапъ въ юности былъ студентомъ Парижскаго университета и говорить, что вопросъ о греко-римскихъ божествахъ служилъ предметомъ жестокихъ споровъ между школьниками, пока онъ не былъ рѣшенъ безповоротно не кѣмъ другимъ, какъ самимъ сатаной. Явившійся на студенческой диспутъ, сатана заявилъ, что надо вѣрить Августину и прочимъ отцамъ древней церкви, ибо Церера, Вакхъ, Панъ, Пріапъ, фавны, сатиры, сивьяны, дриады, наяды и ореады всѣ суть дѣйствительные бѣсы. И эта лекція сатаны въ Парижскомъ университетѣ не пропала даромъ. Довольно приглядѣться къ собственнымъ его портретамъ въ готическихъ соборахъ, чтобы безъ труда установить сходство съ античною фигурой фавна.

ши и кувыркаясь, словно рыбки въ неводѣ». Но нельзя не отдать справедливости и мастерству, съ какимъ Цезарій воспользовался ими въ своихъ духовно-назидательныхъ цѣляхъ. Германской мѣологии извѣстны были темные исполины, противники свѣтлыхъ Азовъ, загнанные своими побѣдоносными соперниками въ подземное царство. Образъ такого исполина дьяволъ принимаетъ у Цезарія, когда рѣчь заходитъ о людяхъ, осмѣливающихся сомнѣваться въ существованіи нечистой силы. Такъ онъ явился по вызову черно-книжца дерзкому скептику, рыцарю Фалькенштейну — и рыцарь послѣ этого остался навсегда безъ кровинки въ лицѣ. Повѣрье о Дикомъ Охотникѣ связывается у Цезарія съ разсужденіемъ о целибатѣ клириковъ и облекается въ слѣдующій видъ.

„Сожительница одного священника на смертномъ одрѣ своею убѣдительно просила, чтобы ей сшили новые крѣпкіе башмаки, говоря: „Въ нихъ меня пусть и похоронятъ, они мнѣ будутъ очень нужны“. Воля ея была исполнена. На слѣдующую ночь послѣ ея похоронъ одинъ рыцарь, ѣхавшій съ своимъ оруженосцемъ, задолго до разсвѣта при яркомъ лунномъ блескѣ вдругъ услышалъ раздравательный женскій вопль. Пока путники дивились, что бы такое это было, вдругъ къ нимъ стремглавъ бѣжитъ какая-то женщина съ крикомъ: „Помогите, помогите!“ Рыцарь сейчасъ же соскочилъ съ коня и, очертивъ кругъ мечомъ, сталъ въ немъ и туда же ввелъ женщину, которую онъ тутъ успѣлъ признать. Одѣта была она въ одну рубашку да въ башмаки, о которыхъ мы поминали. И вотъ издалека, наводя трепеть, доносятся какъ будто звукъ охотничьяго рога и голоса несущейся впереди гончей стаи. Когда при этихъ звукахъ женщина затрепетала, то рыцарь, узнавъ отъ нея, въ чемъ дѣло, отдалъ коня оруженосцу, а самъ на лѣвую руку намоталъ ея косу, а въ правую взялъ обнаженный мечъ. При приближеніи адскаго охотника женщина завопила рыцарю: „Пусти, я побѣгу, пусти, я побѣгу, вотъ онъ, вотъ онъ!“ И такъ какъ рыцарь ея не выпускалъ, то несчастное созданіе начало неистово биться, пока не вырвалось, оставивъ на рукахъ рыцаря волосы. Дьяволъ, догнавъ ее, схватилъ и перебросилъ на своего коня поперекъ: руки и голова висѣли на одну сторону, а ноги на другую. Такъ онъ немного спустя попался на дорогѣ рыцарю, увозя свою добычу. Вернувшись утромъ къ себѣ домой, рыцарь разсказалъ, что съ нимъ было, и показалъ волосы. Но такъ какъ этому не соглашались вѣрить, то вскрыта была могила женщины, и на трупѣ ея дѣйствительно не оказалось волосъ. Случилось это въ архіепископствѣ Майнцкомъ“.

Сказки про оборотней тоже нашли себѣ мѣсто въ душеспасительныхъ повѣствованіяхъ Цезарія. Дьяволъ у него скидывается и лошадыю, и быкомъ, и кошкой, и собакой, и медвѣдемъ, и обезьяной, и ворономъ, и ястребомъ, и жабой. Но главные свои подвиги онъ все же производитъ подъ личиною человѣка. Смотря по своей цѣли онъ принимаетъ въ Цезаріевыхъ разсказахъ самый различный образъ: то онъ является неуклюжимъ мужикомъ, то франтомъ солдатомъ, то арапомъ, то священникомъ, то легкаго поведенія дѣвицей и т. д. Впрочемъ, замѣчаетъ по этому поводу Цезарій, чѣмъ бы онъ ни являлся, спины у него обыкновенно не бываетъ. Это извѣстно твердо. Такъ говорила между прочимъ одна дѣвушка, къ которой повадился навѣдываться дьяволъ. Ей показалось странно, что онъ отъ нея всегда уходитъ, пятясь задомъ, и она его спро-

сила, какъ это надо понимать. *Licet corpora humana nobis assumamus, dorsa tamen non habemus* ¹⁾—такъ объяснилъ свое поведеніе вѣжли-
вый гость. Поясимъ съ своей стороны и мы, что эту особенность
строенія Цезаріевъ бѣсъ дѣлать съ германскими лѣшими, которые
тоже внутри оказывались пусты, «какъ дерево съ душкомъ или
какъ квашня».

Съ небожителями античной и германской мифологіи Цезаріе-
выхъ бѣсовъ сближаетъ ихъ способность нисколько не стѣсняться
«тяжелю природою человѣческаго тѣла». Какъ Ватановы служи-
тельница, валькиріи, переносили тѣла павшихъ героевъ въ свѣтлую
обитель Валгаллы, такъ бѣсы у Цезарія постоянно подхватываютъ
живыхъ и мертвыхъ грѣшниковъ и увлекаютъ въ мрачную область
ада. Мы выше уже встрѣтились съ рассказомъ о похищеніи дя-
воломъ тѣла священнической любовницы. Точно такъ же дьяволъ
на ворономъ конѣ возилъ живого ростовщика Готпалька въ пре-
исподнюю, чтобы показать заранѣе, гдѣ ему уготовано мѣсто. А
вотъ рассказъ, который для насъ особенно интересенъ въ связи съ
позднѣйшими воздушными путешествіями вѣдьмъ.

О жещиннѣ-колдуннѣ, которую носили демоны.

Въ Газельтѣ, городѣ утрехтской епархіи, нѣкая презрѣнная женщиа од-
нажды, ставъ на бочку и прыгнувъ съ нея задомъ, такъ сказала: Я прыгаю те-
перь изъ-подъ власти Божіей подъ власть сатаны. Дьяволъ ее сейчасъ же под-
хватилъ, поднялъ на воздухъ и на глазахъ у многихъ какъ въ городѣ, такъ и
за городомъ понесъ выше лѣсовъ туда, откуда она и до сего дня не вернулась.

Но бѣсъ подхватываетъ людей на воздухъ не только въ тѣхъ
случаяхъ, когда онъ является орудіемъ небеснаго правосудія. Тотъ
дьяволъ, который въ видѣ быка напалъ на звонаря изъ города
Амеля, языкомъ взбросилъ его себѣ на спину и уволокъ на зубцы
башни въ Изенбургѣ, сдѣлалъ все это, чтобы страхомъ принудить
этого благочестиваго человѣка поклониться себѣ, какъ Богу. И
дьяволъ въ образѣ женщины, который обнялъ сѣстскаго кабатчика
Генриха Гемму, взвился съ нимъ на воздухъ и такъ его тамъ
стиснулъ, что тотъ сталъ чахнуть и черезъ годъ скончался, от-
нюдь не каралъ Генриха за грѣхи: напротивъ, онъ дѣйствовалъ
изъ мести за то, что Генрихъ не поддался его соблазнамъ и не
хотѣлъ отвѣчать на его любовь.

И здѣсь опять Цезаріевы бѣсы выдаютъ свое происхождение.
Подобно языческимъ богамъ и полубожественнымъ существамъ, они
свободно вступаютъ въ любовныя сношенія съ земными обитате-
лями и даже производятъ отъ нихъ потомство. *Ut quid ergo exigis
carnale coniugium, quod naturae tuae dignoscitur esse contrarium?*

¹⁾ Хотя мы и принимаемъ человѣческій видъ, но спины у насъ нѣтъ.

спрашиваетъ въ одномъ изъ Цезаріевыхъ разсказовъ дѣвушка своего жениха, услышавъ отъ него признаніе, что онъ не кто иной, какъ дьяволь. *Tu tantum mihi consenti, отвѣчаетъ тотъ, nihil aliud a te nisi corporae consensum requiro.* И цѣлымъ рядомъ разсказовъ Цезарій подтверждаетъ, что бѣсъ былъ правъ, что онъ можетъ быть женщиной настоящимъ мужемъ и что мужчиной онъ можетъ быть настоящею женою. Само собой разумѣется однако, что тутъ не остается и слѣда отъ свѣтлаго тона, въ которомъ миеологія повѣствовала про земныя привязанности боговъ и полубоговъ. Если кого Цезаріевъ бѣсъ тутъ напоминаетъ, то лишь того же безобразнаго и навязчиваго фавна, съ которымъ, какъ мы замѣтили, онъ схожъ и по портретамъ. Бѣсъ безконечно похотливъ и, овладѣвъ разъ женщиной, онъ не даетъ ужъ ей покоя. Всѣ связи съ нимъ кончаются для людей пагубно, если несчастная жертва бѣса вѣремя не припадаетъ къ стопамъ церкви. Опасность грозитъ при этомъ и окружающимъ. У боннскаго священника Арнольда изъ прихода св. Ремигія, разсказываетъ Цезарій, была красавица дочка, которую онъ берегъ какъ зѣницу ока и, уходя, всегда накрѣпко запералъ въ свѣтелкѣ «изъ-за молодыхъ людей, особенно изъ-за боннскихъ канониковъ». Къ скучавшей дѣвущкѣ пробрался бѣсъ въ видѣ любезнаго кавалера и склонилъ ее на грѣхъ. Связь эта быстро извела несчастную: она стала сохнуть, разстраиваться умомъ и наконецъ во всемъ отцу призналась. Отецъ немедленно отправилъ ее подальше отъ дому, на другой берегъ Рейна. Бѣсъ, явившись и не найдя своей возлюбленной, набросился на самого священника: «Дрянной полишко, зачѣмъ ты увезъ у меня жену? Себѣ на горе ты это сдѣлалъ!» При этомъ онъ такъ ударилъ бѣднаго священника въ грудь, что у того кровь хлынула горломъ и онъ на третій день отдалъ Богу душу. Такъ переносилъ Цезарій на церковный фонъ старую миеологію съ прибавкой кое-чего изъ той области нервной патологіи, изслѣдованіе которой доставило позднѣе такую славу Шарко и его школѣ.

Но, говоря про то искусство, съ которымъ Цезарій комбинируетъ въ своихъ разсказахъ самые разнородные элементы, мы отдаемъ лишь должную дань его художественному вкусу и вовсе не хотимъ сказать, чтобы Цезарій сознательно перерабатывалъ народные повѣрья въ нужныя для него формы. Напротивъ, главный интересъ *Dialogus Miraculorum* въ томъ и состоитъ, что для самого автора разсказы его являлись уже дѣйствительными событіями и притомъ не отдаленнаго, а недавняго прошлаго. Рыцарь Гергардъ послѣ многолѣтней безвѣстной отлучки вдругъ возвращается на сплнѣ бѣса изъ дальней Индіи домой въ ту самую минуту, какъ

вѣрная его супруга принимаетъ у себя новаго жениха, которому она не можетъ дольше отказывать въ согласіи на бракъ. Исторія литературы, конечно, въ правѣ видѣть здѣсь лишь средневѣковый вариантъ гомеровскаго разсказа о Пенелопѣ. Но для Цезарія все это произошло вовсе не такъ давно и совсѣмъ недалеко отъ Гейстербаха. «Внуки этого рыцаря до сихъ поръ обитаютъ въ родномъ ихъ городѣ Голенбахѣ, и въ городѣ рѣдкій человѣкъ не знаетъ этого происшествія». Такъ засвидѣтельствованы у Цезарія и другіе его разсказы. Про рыцаря Фалькенштейна Цезарій слышалъ отъ другого Цезарія, прюмскаго аббата, у котораго Фалькенштейнъ состоялъ въ свое время на службѣ. Цезарій называетъ по имени и чернокнижца, вызвавшаго къ Фалькенштейну дьявола: то былъ магъ Филиппъ, слава котораго гремѣла тогда по всему Рейну. Пробѣсовъ на шлейфѣ майнцской щеголихи Цезарію разсказывалъ одинъ почтенный майнцскій обыватель. Иное же записано Цезаріемъ и прямо со словъ людей, которымъ самимъ пришлось побывать у чорта въ лапахъ. «Богъ мнѣ свидѣтель,—пишетъ Цезарій въ предисловіи,—въ книгѣ моей нѣтъ ни одного измышленнаго происшествія. Если же что на дѣлѣ произошло не такъ, какъ у меня написано, то пусть за это отвѣчаютъ тѣ, кто мнѣ это передавалъ». И все, что мы знаемъ о характерѣ Цезарія, заставляетъ насъ вѣрить искренности такого заявленія. Кое-что, конечно, въ Цезаріевой книгѣ все-таки надо относить на долю «благочестиваго вымысла», который вовсе не считался предосудительною вещью среди монаховъ, дѣлившихся съ Цезаріемъ извѣстными имъ чудесами. Но роль вымысла при этомъ никакъ не слѣдуетъ преувеличивать. Дѣти деревни, въ которой не изсякъ еще тогда родникъ первобытнаго поэтическаго творчества, и въ то же время прилежные чтецы бревіарія, исполненнаго чудесными разсказами о пустынножителехъ Востока, Цезарій и его собраты сами для себя проводили границу истины и сказки, возможнаго и невозможнаго совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы ее сейчасъ проводимъ. Книга Цезарія—отзвукъ стоустой монастырской молвы. А всякому извѣстно, съ какою быстрою въ легковѣрной средѣ молвой создаются самые невѣроятные разсказы, при чемъ сознательнаго обманщика напрасно было бы искать.

Среди легендъ, которыя путемъ такого коллективнаго творчества перерабатывались для современниковъ Цезарія въ *aliqua ex his, quae nostris temporibus miraculose gesta sunt et quotidie fiunt* ¹⁾,

¹⁾ кое-что изъ того, что произошло чудеснымъ образомъ въ наши дни и ежедневно происходить.

особаго нашего вниманія заслуживаютъ еще рассказы о договорахъ съ сатаной. Литературная исторія этой темы хорошо изучена. Въ конкретный образъ подобный договоръ былъ облеченъ впервые восточною фантазійею еще въ V столѣтїи по Р. Х. Современное бл. Августину малоазіатское сказаніе о чудесахъ Василя Великаго передаетъ намъ слѣдующую легенду. Одинъ рабъ влюбился въ сенаторскую дочь. Чтобы достичь цѣли своихъ желаній, онъ обратился къ заклинателю. Тотъ ночью привелъ его къ заброшенной языческой могилѣ, куда былъ вызванъ и дьяволъ. Дьяволъ обѣщаль рабу свое содѣйствіе подѣ условіемъ, что онъ письменно отречется отъ Христа и св. крещенія и признаетъ его, дьявола, своимъ истиннымъ владыкою. Съ помощью нечистой силы рабъ послѣ этого получилъ все, чего хотѣлъ. Но муки совѣсти заставили его покаяться въ своемъ грѣхѣ Василю Великому. Рассказъ кончается сценой, какъ по горячей молитвѣ святого грѣшникъ былъ прощенъ: грамота, содержащая преступное отреченіе отъ Бога, упала съ неба къ ногамъ епископа, который тутъ же ее и уничтожилъ. На Западѣ особымъ успѣхомъ пользовалась другая, тоже греческая, версія этой легенды, гдѣ дѣйствіе переносится во времена императора Юстиніана и гдѣ героемъ является несправедливо оклеветанный епископскій экономя Теофилъ. Грѣшникъ спасается здѣсь прямымъ заступничествомъ Пресвятой Дѣвы. Въ западной литературѣ сказаніе о Теофилѣ мы находимъ впервые у Павла діакона (VIII вѣкъ). Затѣмъ оно было переложено въ стихи монахиней Росвитой и стало излюбленнымъ сюжетомъ позднѣйшихъ театральныхъ представленій. При крупной своей начитанности Цезарій долженъ былъ, конечно, знать эту типичную легенду. Это однако нисколько не мѣшаетъ ему съ глубокимъ чувствомъ передавать необычайно схожее происшествіе, случившееся съ однимъ человѣкомъ изъ окрестностей Флореффи въ Люттихской епархіи, «который долженъ еще и нынѣ здравствовать». Что же касается договоровъ съ сатаной, кончающихся не такъ благополучно, то въ Цезаріевомъ кругу они считались самой обыкновенной вещью. Въ XIII столѣтїи сатана самъ уже навязывается людямъ съ своими предложеніями, и современникамъ Цезарія вполне обстоятельно было извѣстно, какія отношенія между сторонами создаются подобнымъ договоромъ: это точнѣйшій сколокъ съ феодальной связи между сеньеромъ и его вассаломъ, при которой вассаль обязывался преданностью сеньеру, а сеньеръ бралъ его подѣ свою высокую защиту. Одинъ аббатъ изъ Моримунды, рассказываетъ Цезарій, во дни своей юности былъ студентомъ въ Парижѣ. «Будучи тупъ умомъ и слабъ памятью, такъ что ему донельзя трудно было что-

нибудь понять или запомнить, онъ былъ для всѣхъ посмѣшищемъ и всѣми почитался за идиота. Отъ этого онъ началъ приходить въ смущеніе, и сердце его терзалось жестокою печалью. Однажды ему случилось прихворнуть, и вотъ къ нему является сатана и говорить: *Vis mihi facere hominum, et ego tibi dabo scientiam omnium litterarum* ¹⁾. Услышавъ это, юноша затрепеталъ и на соблазны дьявола отвѣтилъ: *Redi post me, satanas, quia nunquam eris dominus meus, neque ego homo tuus* ²⁾. Какъ видимъ, объ стороны выражались совершенно опредѣленными терминами феодальнаго права. Цезаріевымъ современникамъ случалось видывать и подлинныя грамоты, гдѣ было писано подобное *homagium*. Въ городѣ Безансонѣ, какъ рассказывалъ Цезарію одинъ монахъ очевидецъ,—появилось разъ двое еретиковъ, которые совсѣмъ было склонили народъ отпасть отъ церкви своими удивительными знаменіями: они ходили по полу, усыпанному мукой, не оставляя никакого слѣда, они путешествовали по водѣ, какъ по сушѣ, и выходили невредимыми изъ пламени. Народъ стоялъ за нихъ горой, и епископъ безансонскій, «мужъ добрый и ученый», совсѣмъ не зналъ, какъ ему съ этими злодѣями бороться. Тогда онъ призвалъ къ себѣ одного изъ клириковъ, «великаго искусника въ черно книжнѣ», и приказалъ ему узнать у дьявола, что это за люди, откуда они явились и какой силой творятъ свои чудеса.

Клирикъ сказалъ: «Владыко, я давно отрекся отъ такого искусства». Епископъ отвѣчалъ: «Ты видишь, въ какомъ я положеніи. Мнѣ придется или согласиться съ ихъ ученіемъ или быть побиту камнями. Итакъ, я приказываю тебѣ съ отпущеніемъ грѣховъ, чтобы ты мнѣ въ этомъ повиновался». Повинуясь епископу, клирикъ вызвалъ дьявола и на вопросъ того, зачѣмъ онъ призванъ, отвѣчалъ: «Я каюсь, что отступилъ отъ тебя. И такъ какъ впредь я обѣщаю тебѣ быть послушнѣе прежняго, то прошу тебя, скажи мнѣ, что это за люди, что за ученіе ихъ и какой силой они творятъ такіа чудеса». Дьяволъ сказалъ: «Они мои, мною они посланы и проповѣдуютъ то, что я имъ вложилъ въ уста». Клирикъ спросилъ: «Почему же ничто не можетъ имъ причинить вреда, почему они въ водѣ не тонуть и въ огнѣ не горятъ?» На это демонъ отвѣтствовалъ: «Грамотки мои, на которыхъ написана ихъ вѣрнопопданническая клятва, защиты у нихъ подъ мышкой, между тѣломъ и кожей. Ихъ силою они творятъ чудеса; отъ этого ничто имъ и повредить не можетъ». Клирикъ освѣдомился: «А если ихъ отсюда удалить?» Дьяволъ отвѣтилъ: «Тогда все будетъ, какъ у другихъ людей». Выслушавъ это, клирикъ поблагодарилъ демона и сказалъ: «Теперь пооди, я тебя послѣ снова позову».

Узнавъ отъ клирика такую тайну, епископъ сталъ дѣйствовать слѣдующимъ образомъ. Онъ предложилъ народу, чтобы еретики при немъ показали свои знаменія, обѣщаясь увѣрвать, если увидить

¹⁾ Хочешь принести мнѣ вѣрнопопданническую присягу, и я дамъ тебѣ знаніе всѣхъ наукъ.

²⁾ Отъиди отъ меня, сатана: никогда не будешь ты мнѣ властителемъ и не стану я твоимъ человекомъ.

ихъ чудеса воочію. На площади зажженъ былъ костеръ. Но, прежде чѣмъ пустить на него еретиковъ, епископъ пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы освидѣтельствовать, нѣтъ ли на нихъ какого талисмана. Еретики охотно согласились подвергнуться такому освидѣтельству. Но предупрежденные епископомъ «ликторы» немедленно заглянули имъ подъ мышки, нащупали рубцы, варѣзали ихъ ножами и извлекли зашитыя тамъ грамоты. Тогда епископъ вышелъ съ еретиками къ народу и предложилъ имъ становиться на костеръ. Тѣ стали теперъ отказываться; епископъ же объяснилъ народу, въ чемъ заключалась ихъ хитрость, и предъявилъ снятыя съ нихъ грамоты. Охваченный яростью народъ тогда самъ бросилъ въ приготовленный огонь этихъ служителей дьявола.

Искусство «чернокнижія», о которомъ тутъ, какъ и во множествѣ другихъ разсказовъ, съ полною вѣрою поминаетъ Цезарій, тоже представляетъ собой характерное явленіе разбираемой нами эпохи. Какъ на ряду съ традиционнымъ «положительнымъ» богословіемъ она увидѣла новое «раціональное» богословіе, такъ на ряду съ традиционнымъ волшебствомъ теперь родилась или, вѣрнѣе, возродилась «раціональная», ученая, систематическая магія. На быстрое ея развитіе особенное вліяніе оказали опять-таки живыя сношенія западныхъ странъ съ арабами и евреями въ Испаніи, на югѣ Италіи и въ Палестинѣ. Отъ евреевъ Европа заимствовала Каббалу—этимъ ученіемъ, выросшимъ изъ сліянія Библии съ античнымъ неоплатонизмомъ и допускавшимъ возможность для человѣка являться повелителемъ міра стихійныхъ духовъ. Арабы, съ своей стороны, которые при фаталистической окраскѣ ислама, не видѣли ничего преступнаго въ гаданьи, усиленно занимались въ ту пору такими науками, какъ астрологія, некромантія, геомантія и т. п. Римская церковь равно проклинала и «оперативную» и «дивинаторную» магію. Но притягательная сила этихъ запретныхъ дисциплинъ была настолько велика, что цѣлыя вереницы клириковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей непрерывно тянулись въ XIII столѣтіи за Пиринеи въ арабскія и еврейскія академіи—особенно въ пресловутый Толедскій университетъ. Оттуда кое-кто изъ нихъ приносилъ съ собой и теоретическіе трактаты касательно истиннаго устройства мірозданія, которые еще въ XVI столѣтіи оказывались способны кружить наклонныя къ мистицизму головы. Но большинство довольствовалось усвоеніемъ прикладной части еврейской Каббалы и арабской мантики и, сливая ее затѣмъ съ традиционными приемами западно-европейскаго волшебства, оно дарило соотечественниковъ многочисленными *Libri praestigiorum, imaginum et ligaturarum* — «черными книгами», этими энциклопедіями мірового суеты.

вѣрія. Здѣсь содержалось подробное описаніе міра духовъ съ точными указаніями, «чего какой демонъ желаетъ, чего страшится, какимъ именемъ призывается, какимъ принуждается» — вопросы, которыми ученая магія стала заниматься еще во времена бл. Августина. Здѣсь объяснялся смыслъ «большого и малаго круга», здѣсь содержалась далѣе и техника гаданья при помощи зеркаль—видъ волшебства, въ основѣ котораго лежало, повидимому, знакомство съ особенностями гипнотическаго состоянія—при помощи мечей, иглокъ и шариковъ изъ слоновой кости, при помощи воды, огня и свинца, при помощи мертвыхъ головъ и т. п. Здѣсь были и снотолкованіе, и рецепты для приготовленія любовныхъ напитковъ, формулы наговоровъ и средства для открытія кладовъ и т. д., и т. д. Все это списывалось и изучалось въ тѣхъ же монастыряхъ и духовныхъ школахъ, которые одни служили тогда расадниками книжной премудрости, и все это съ бродячими клириками, странствующими проповѣдниками-монахами и разсылавшимися по глухимъ приходамъ на пастырскую должность школьными недоучками мало-по-малу разбредалось по лицу Западной Европы, проникая въ самые глубокіе общественные слои. Очень характерно то указаніе, которое содержатъ по этому поводу позднѣйшія исповѣдальныя книги. При грѣхѣ суевѣрія, говорятъ онѣ, не должно считаться оправданіемъ то, что такъ часто приходится слышать отъ простыхъ людей: «меня де выучилъ этому одинъ монахъ».

Die Zauberei ist Gott unwert.
 Sie sagen wohl: Mich hat's gelehrt
 Ein Mönch, wie möcht's da böse sein?
 Da sag'ich auf die Treue mein,
 Dass man solchen Mönch oder Pfaffen
 Also sollt strafen,
 Dass sich Zehne stiessen daran,
 Denn sie sind allesamt im Bann ¹⁾.

Такъ съ своей стороны возмущался на это одинъ изъ свѣтскихъ поэтовъ XIV вѣка.

Какъ рисовались воображенію добрыхъ католиковъ дѣянія совершеннаго въ своемъ искусствѣ чернокнижца, покажетъ намъ отрывокъ изъ одной хроники XIII вѣка. Въ городъ Мастрихтъ, повѣствуетъ лѣтописецъ Альберихъ, пріѣхалъ однажды изъ Толедо нѣкій тамошній магистръ, чернокнижецъ, совершенно преданный

¹⁾ Колдовство противно Господу. Знаю, что люди говорятъ: меня выучилъ этому одинъ монахъ, такъ что жъ здѣсь можетъ быть дурного? Но честь мнѣ въ томъ порука—такихъ монаховъ и поповъ надо бы было такъ карать, чтобы со страха у людей зубы стучали: ибо они подлежатъ анаемѣ.

дьяволу, и, сидя съ клириками за столомъ, сталъ показывать имъ свою силу: при немъ могли ѣсть лишь тѣ, кому онъ позволялъ, а другихъ онъ тутъ же за столомъ погрузилъ въ сонъ.

„Тогда къ нему пристало восемь легкомысленныхъ клириковъ, прося, чтобы онъ имъ помогъ въ достиженіи ихъ желаній. Онъ имъ отвѣтилъ, что этого не сдѣлаешь безъ круга, и начертилъ огромный кругъ съ таинственными знаками, куда и помѣстилъ всѣхъ восьмерыхъ. Внутри того же круга съ одной стороны онъ поставилъ три кресла и сказалъ клирикамъ, что тамъ возсядутъ три евангельскіе волхва. Въ кругу же онъ устроилъ высокое сѣдалище и пышно убралъ его цвѣтами. Когда наступила полночь, онъ началъ свои дѣйствія. Онъ ободралъ одного kota и пополамъ разрубилъ двухъ голубокъ. Потомъ онъ вызвалъ тѣхъ трехъ демоновъ, которыхъ онъ выдавалъ за волхвовъ, а слѣдомъ за ними и могучаго ихъ князя, котораго онъ именовалъ Эпаномонъ. Онъ сказалъ демонамъ, что пригласилъ ихъ на малое угощеніе, чтобы они помогли присутствующимъ клирикамъ достигъ своихъ желаній. Kota онъ далъ тремъ демонамъ въ кругу, и тѣ его въ одно мгновеніе проглотили, голубокъ же онъ преподнесъ великому демону, который тоже ихъ немедленно пожралъ. У него съ собой былъ хрустальный пузырекъ и онъ заклятіями принудилъ великаго демона стать крошечнымъ и войти въ пузырекъ, послѣ чего воскомъ запечаталъ пузырекъ, написавъ на печати альфу и омогу. Затѣмъ клирикамъ было предложено выразить свои желанія. Одинъ пожелалъ любви какой-то знатной женщины, и ему это было обѣщано. Другой сказалъ, что хочетъ быть въ милости у герцога Брабантскаго, и получилъ на это обѣщаніе и т. д... Послѣ того въ присутствіи клириковъ магистръ сталъ толковать съ своими демонами о Христѣ и о всѣхъ христіанахъ, говоря самыя непозволительныя вещи, чѣмъ были развращены и клирики. Изъ круга же онъ ихъ не выпускалъ до солнечнаго восхода. Да и тогда, переступая кругъ, каждый долженъ былъ говорить: „Deus homo factus est, in hoc honore vivo“; иначе демоны его бы утащили. И выходило, что тотъ, кто побуждалъ клириковъ отрицать таинства воплощенія, не могъ ихъ вывести въ цѣлости изъ круга безъ исповѣданія этого таинства. Тотъ, кто мнѣ это передавалъ, говорилъ, что слышалъ все это отъ двоихъ или троихъ изъ этихъ самыхъ клириковъ“.

Но то же самое движеніе, которое такъ возбудило и обогатило народную фантазію въ области сверхъестественнаго, имѣло и другія, ранѣе уже нами отмѣченныя послѣдствія. Европейское общество времени крестовыхъ походовъ не представляло изъ себя въ умственномъ отношеніи чего-нибудь однороднаго, и чѣмъ выше поднималась въ однихъ его слояхъ вѣра въ чудесное, тѣмъ рѣзче проявлялъ себя въ другихъ духъ критики и трезвой разсудочности. Эпоха Цезарія изъ Гейстербаха была съ тѣмъ вмѣстѣ эпохой Фридриха II Гогенштауфена, при дворѣ котораго цѣнились только тѣ, кто умѣлъ смотрѣть на міръ Божій собственными глазами, не довѣряясь чужимъ о немъ рассказамъ. Такимъ образомъ если въ рукахъ однихъ древніе авторы являлись только прибавочнымъ источникомъ по демонологіи, то у другихъ занятія ими развивали чувство жизненной дѣйствительности и изощряли критическій смыслъ; если одни возвращались изъ Святой Земли съ запасомъ чудесныхъ рассказовъ и новыхъ реликвій, то у другихъ тѣ же путешествія убивали вѣру въ какія бы то ни было чудеса и реликвіи; если одни брали изъ арабско-еврейскихъ высшихъ школъ «практическую Каббалу» и мантику, то другіе оттуда же привозили любовь къ

точнымъ наукамъ и такую философію, какъ философія Аверроеса— этого отъявленнаго вольнодумца, которому кисть благочестивыхъ средневѣковыхъ художниковъ отводила въ аду мѣсто рядомъ съ Магометомъ и Антихристомъ; и если одна часть общества въ началѣ XIII столѣтія зачитывалась и заслушивалась книгами въ родѣ *Dialogus Miraculorum*, то другая рѣшительно относилась все это душеполезное чтеніе въ область сказокъ, съ полною ясностью заявляя, что она выросла изъ анимистическаго міросозерцанія. То, что мы наблюдали въ развитіи древней Греціи и Рима, то повторяется теперь и въ средніе вѣка. При самомъ скудномъ еще знаніи дѣйствительно управляющихъ природою законовъ, при дѣтски произвольныхъ о нихъ догадкахъ умъ человѣческій все же оказывается способенъ мыслить природу, какъ царство строгой законмѣрности, гдѣ нѣтъ мѣста сверхъестественному произволу. Демоны въ томъ видѣ, какъ ихъ описывалъ Цезарій—пугало, созданное собственнымъ людскимъ воображеніемъ; ночныя посѣщенія женщинъ бѣсомъ— кошмаръ, зависящій отъ неправильнаго пищеваренія; магія—отчасти пользованіе неизслѣдованными, загадочными еще для насъ естественными свойствами предметовъ, отчасти игра на силу внушенія, въ большей же своей части—самое безсовѣстное шарлатанство—подобныя идеи въ XIII вѣкѣ вовсе ужъ не были особенною рѣдкостью. «Хотя для всякаго, кто созерцаетъ истинную природу вещей, не можетъ не казаться недопустимымъ или — чтобы назвать это своимъ именемъ—не можетъ не казаться сказкой утвержденіе, будто бы яства или напитки способны пробуждать въ душѣ любовь или ненависть, поскольку тутъ не вліяетъ собственная глупость тѣхъ, кому они даются, но въ виду преступности намѣренія тѣхъ, кто занимается такими наговорами, въ виду того, что они все же желаютъ повредить, хотя и не могутъ, мы не находимъ возможнымъ оставлять ихъ безнаказанными», такъ объясняетъ смыслъ своихъ репрессивныхъ мѣръ противъ колдовства Фридрихъ II, свидѣтельствуя, что «просвѣщеніе» зародилось въ Европѣ раньше, чѣмъ это часто принимаютъ.

При такой смутѣ умовъ новая университетская наука, къ приговорамъ которой охотно стала теперь прилагать свою печать римская церковь, необходимо должна была привлечь этотъ предметъ къ себѣ на судъ, и она отдала ему, дѣйствительно, должное вниманіе. Начиная съ Θомы Аквинскаго вопросъ о демонахъ и колдовствѣ занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ кругѣ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудилась по схоластическому методу европейская теоретическая мысль.

Съ принципіальной стороны, правда, вопросъ этотъ для уни-

верситетской схоластики былъ простъ. Она сразу приняла въ немъ вполне опредѣленное положеніе, грудью ставъ противъ современнаго ей натурализма съ его отрицаніемъ вмѣшательства волшебниковъ и демоновъ въ жизнь человѣка и природы. «Нѣкоторые утверждаютъ,—такъ высказался по этому поводу Тома Аквинскій, рѣшеніе котораго остается для римской церкви въ полной силѣ и по сіе время,—будто бы никакого волшебства въ мірѣ не существуетъ, кромѣ какъ въ представленіяхъ людей, относящихся на его счетъ естественныя явленія, причины коихъ не понятны. Это однако противорѣчитъ авторитету святыхъ мужей, которые говорятъ, что демоны съ Божьяго поущенія имѣютъ власть и надъ тѣломъ и надъ воображеніемъ людей, почему съ ихъ помощью волшебники и могутъ производить нѣкоторыя знаменія. Возникаетъ же подобное мнѣніе изъ корня невѣрія, ибо они не вѣрятъ, чтобы демоны существовали гдѣ-нибудь, кромѣ народнаго воображенія. Они толкуютъ, будто человѣкъ относитъ насчетъ демоновъ страхи, порожденные собственной его головой, и такъ какъ при сильномъ возбужденіи фантазіи въ чувствахъ являются тѣ образы, о которыхъ думаетъ человѣкъ, то отсюда людямъ и кажется иногда, будто они видятъ демоновъ. Но истинная вѣра отвергаетъ это, и мы, слѣдуя ей, вѣруемъ, что демоны суть падшіе съ неба ангелы, что по тонкости своей природы они способны дѣлать многое, чего мы не можемъ, и что есть люди, наводящіе ихъ на это, которые и называются лиходѣями (malefici)».

Итакъ, отнынѣ вѣра въ реальную возможность волшебства признавалась обязательной для всякаго послушнаго сына римско-католической церкви. Но передъ схоластикой съ тѣмъ вмѣстѣ возникала другая, гораздо болѣе сложная задача. Ей было необходимо выяснить отношеніе между научнымъ и популярнымъ взглядомъ на роль волшебства въ мірѣ, ей было необходимо опредѣлить, чему изъ безчисленныхъ разсказовъ про демоновъ и маговъ добрые католики имѣли право вѣрить и что они должны были отметать, какъ вещи несогласныя съ требованіями руководимаго вѣрою разума. Мы видѣли уже, что въ католической традиціи насчетъ предѣловъ вліянія нечистой силы не было ничего твердо установленнаго. Агобардъ признавалъ возмутительной нелѣпостью мысль, будто волшебники способны вызывать бури—и, несмотря на это, множество священниковъ заклинали демоновъ, сидящихъ въ грозовыхъ тучахъ; Буркардъ Вормскій осуждалъ вѣру въ духовъ, увлекающихъ мужчинъ въ свои объятія—и это не мѣшало Цезарію разсказывать гейстербахскимъ послушникамъ про любовныя похождения демоновъ въ образѣ женщинъ и т. д.

Такая неопредѣленность тяготила теперь умы, желавшіе осмыс-

лить для себя все, что совершается во вселенной. Очень характерной фигурой для этого переходного времени является Вильгельм Овернский, известный покровитель нищенствующих орденовъ, бывший профессоромъ и затѣмъ епископомъ въ Парижѣ въ первой половинѣ XIII вѣка. Онъ твердо вѣрилъ въ полную реальность демоновъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, что Аристотель заблуждался, не допуская существованія злыхъ духовъ». Онъ представлялъ себѣ ихъ очень грубо. Онъ былъ способенъ, напримѣръ, рассказывать, что «демоны особенно охотно живутъ по выгребнымъ ямамъ и ненавидятъ отходниковъ, какъ разрушителей своихъ храмовъ». Но вышколенная логически голова не позволяла ему при этомъ поддаваться очарованію жившихъ въ его невѣжественной паствѣ волшебныхъ сказокъ, и онъ съ презрѣніемъ ученаго отвергалъ множество изъ нихъ какъ недостойный бредъ. *Apud scientes autem et rationales non audent fantasias huiusmodi ingerere vel suggerere, scientes sermonem sapientis, quo dictum est: frustra iacitur rete ante oculos pennatorum **). И въ то же время онъ чувствовалъ, что не имѣеть здѣсь настоящей почвы подъ ногами. Бѣсы, конечно, могутъ одержать человѣка изнутри (*possessio*). Но могутъ ли они его одержать и извнѣ (*obsessio*) или совсѣмъ не могутъ? И если могутъ, то въ какихъ условіяхъ? «Насчетъ этого, — пишетъ онъ, — философія еще не постановила своего приговора, какъ вообще она не довела до полной ясности ни природы злыхъ духовъ, ни сферы ихъ злокозненныхъ дѣяній». Надъ приведеніемъ обоихъ этихъ вопросовъ въ должную ясность, надъ снабженіемъ адептовъ рационализма въ богословіи необходимыми тутъ научными принципами схоластика и принялась теперь трудиться со всею свойственной ей настойчивостью и обстоятельностью—работа, которой хватило университетамъ на добрыхъ два столѣтія.

«Пространное ученіе схоластики объ ангелахъ и демонахъ, — пишетъ Гансенъ, — съ одной стороны черпавшее свой матеріалъ изъ пестрой смѣси древне-христіанскихъ представлений, сводомъ которыхъ служили труды мнимаго Діонисія Ареопагита и Августина, съ другой стремившееся сблизить и согласить Платоново ученіе о духахъ съ библейскимъ ученіемъ объ ангелахъ, представляетъ собой одно изъ самыхъ удивительныхъ скитаній человѣческаго ума по обширному и темному морю трансцендентализма. Когда теперь читаешь всѣ эти безконечныя разсужденія, гдѣ свѣтила средне-вѣковой науки съ глубокомысленнымъ видомъ и съ претен-

*) Передъ людьми разума и науки они не смѣютъ распускать такіа фантазія по слову премудраго: Въ глазахъ всѣхъ птицъ напрасно разставляются сѣти (Притч. 1,17).

зіей на полную достовірність стремятся установить, что добрый или злой ангель может и чего не может, чего желает и чего не желает, что знает и чего не знает, в чем властен и в чем невластен, где сравнивается сила добрых и злых духовъ и разбирается множество другихъ подобныхъ вопросовъ, то на читателя невольно нападаетъ сомнѣніе: да полно, принимали ли сами авторы всѣ эти хитросплетенныя, вымученныя дедукціи серьезно? И неужели подобная борьба съ нечеловѣческими трудностями, которыми они же загромодили эту область демонической механики и психологіи, для нихъ имѣла дѣйствительное значеніе? Вѣдь все же знаменитые схоластики являются признанными корифеями средневѣковой науки, — науки, которая в свою основу полагала разумъ, которая даже отождествляла разумъ и внутреннюю сущность чело-вѣка и лишь желала его просвѣтлить и облагородить указаніями, почерпнутыми изъ Откровенія. То были люди, обладавшіе всѣмъ знаніемъ своего вѣка и стремившіеся слить его в цѣльную систему; то были люди, которые и сейчасъ для значительной части чело-вѣчества являются свѣточами мысли и недостижимыми образцами и которые такимъ образомъ даже в наши дни играютъ довольно видную роль в духовной жизни. Но нѣтъ: для нихъ этотъ отдѣлъ науки представлялся нисколько не менѣе серьезнымъ, чѣмъ всѣ другіе. Съ сознаніемъ глубочайшей важности своей задачи они пускали в ходъ свое отнюдь не заурядное остроуміе, чтобы по методамъ античной философіи дѣлать выводъ за выводомъ изъ догматовъ католической религіи и скопившихся в патристическую эпоху домысловъ и рассказовъ. Съ полною убѣжденностью вели они свою Сизифову работу, стараясь путемъ тончайшихъ логическихъ дистинкцій, путемъ неутомимаго анализа и синтеза внести систему в тотъ безформенный комплектъ различныхъ представленій, который являла собой принятая безъ критики древне-христіанская традиція в этой сферѣ, и результаты этого труда они провозглашали единственно законной, в религіи почерпнутой системой міросозерцанія... И если бы тутъ дѣло шло лишь о простой игрѣ ума спекулятивными вопросами. Тогда на это сейчасъ не стоило бы совсѣмъ тратить вниманія. Но эта невоспитанность разсудка имѣла роковое вліяніе и на жизнь. Признавая такое философствованіе, такіа фантастическія комбинаціи изъ элементовъ покорно принятаго на вѣру христіанскаго преданія за безспорныя научныя данныя, царившая надъ всѣмъ средневѣковая теологія оперировала ими и в практической дѣйствительности. Точная формулировка положеній богословской науки в значительной мѣрѣ вызывалась потребностью правовѣрія рѣзче отгородиться отъ несогласныхъ съ нимъ взглядовъ,

какъ они проявлялись въ ересяхъ, пошедшихъ боемъ съ XI вѣка на установленную церковь, и правовѣріе безъ колебаній дѣлало изъ школьныхъ теорій критеріи для оцѣнки жизненныхъ фактовъ. Та поразительная смѣлость, съ которой всемогущая, не контролируемая никакой другой духовной силой средневѣковая теологія съ молчаливаго согласія церковной власти предлагала въ руководство жизни свои выводы, часто не заключавшіе въ себѣ ни тѣни опытнаго элемента и покоившіеся всецѣло на преданіи, авторитетѣ и самыхъ шаткихъ заключеніяхъ по аналогіи, является одной изъ характернѣйшихъ чертъ этой заносчивой средневѣковой культуры— и какой рѣзкой контрастъ съ ней представляетъ наша современная нерѣшительность и боязливость, когда дѣло заходитъ о томъ, чтобы воспользоваться научными данными для перемѣнъ въ практическомъ міросозерцаніи или въ правовомъ строѣ».

Итоги этой напряженной работы, поскольку она входитъ въ область нашего вопроса, могутъ быть вкратцѣ представлены въ слѣдующемъ видѣ. Реальная возможность колдовства, какъ мы сказали, являлась для схоластиковъ вполнѣ неопровержимой. Кромѣ авторитета святыхъ отцовъ, они ссылались здѣсь на то, что противоположный взглядъ идетъ наперекоръ и дѣйствующему праву, и общепринятому мнѣнію и, наконецъ, опыту, почему онъ долженъ быть безусловно отвергнутъ. Съ другой стороны, въ качествѣ людей науки—*scientes et rationales*—схоластики столь же безусловно соглашались, что «всякій, кто созерцаетъ истинную природу вещей», имѣетъ право отвергать вульгарныя представленія о колдовствѣ, какъ нелѣбую сказку. Простонародное волшебство не знало никакой теоріи. Покоясь на ошибкахъ первобытной логики, оно центр своей тяжести переносило на самыя свои «операциі», которымъ придавалось объективное значеніе. Такъ, въ «лигатурахъ» — въ дѣйствіяхъ надъ восковымъ изображеніемъ челоука—важнѣйшей вещью оказывалась для народа сама кукла; такъ, въ разнаго рода колдовскихъ варевахъ народная магія главнѣйшее значеніе придавала тѣмъ спеціямъ, которыя туда входили, и т. п. Такихъ вещей схоластикъ нисколько не желала допускать. Все сверхъестественное въ природѣ для нея могло вытекать только изъ одного источника— изъ вмѣшательства духовъ. *Scientia atque virtute malorum angelorum magicae artes exercentur* ¹⁾—такова была здѣсь схоластическая аксіома. *Non autem mulierculae illa faciunt sua naturali virtute aut rerum aliarum, quibus utuntur ministerio, sed ministerio daemonum* ²⁾—это

1) Магія дѣйствуетъ знаніями и силой злыхъ духовъ.

2) Эти бабенки творятъ такія вещи не по естественной своей силѣ и не съ помощью предметовъ, которыми онѣ пользуются, а силой демоновъ.

схоластика не уставала твердить на всѣ лады. Но, отвергая вульгарное представленіе о колдовствѣ, схоластика съ такой же рѣшительностью отвергала и ученую магію, стремившуюся заставить духовъ творить волю человѣка. Внѣ силы Божіей, учила она, нѣтъ силы, которая могла бы заставить духовъ себѣ служить, и если духи какъ будто повинуются иногда велѣніямъ волшебниковъ, то это лишь иллюзія: въ сущности они всегда помогаютъ колдунамъ по своей доброй волѣ. Спрашивается однако: какое у демоновъ можетъ быть разумное основаніе предоставлять по временамъ свою силу и знанія въ распоряженіе тѣхъ или иныхъ потерянныхъ людей? или, иначе говоря, на чемъ же покоится дѣйствительная возможность колдовства? Въ отвѣтъ на это схоластики, примыкая къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ бл. Августина и привлекая къ дѣлу неясный библейскій текстъ: «мы заключили союзъ со смертью и съ преисподнею сдѣлали договоръ» (Исаія, 28, 15), пускаютъ въ ходъ ранѣе уже намъ встрѣчавшееся представленіе о договорахъ съ сатаной. Всѣ тѣ магическіе формулы, приемы и начертанія въ родѣ большого и малаго круга, которыми полны были черныя книги, по этому ученію имѣютъ одинъ смыслъ: ихъ надо понимать, какъ условленные между демонами и волшебниками знаки, по которымъ адская сила является на вызовъ связавшихся съ нею нечестивцевъ. Согласіе же демоновъ оказывать свое содѣйствіе человѣку всегда должно быть куплено, и покупается оно слѣдующей цѣной. Суть сатаны—гордыня. Въ гордынѣ онъ возсталъ противъ Господа, за что и былъ низверженъ въ преисподнюю. Но и послѣ паденія онъ не смирился. Ему мучительно видѣть тѣ почести, которыя воздаются Богу земными твореніями; ему хотѣлось бы, чтобы люди несли свое поклоненіе къ его собственнымъ ногамъ. Сатана—завистникъ божества или, по выраженію того же бл. Августина, «божія обезьяна». Изъ-за своей гордыни онъ и вступаетъ съ людьми въ сдѣлки: кто отречется отъ Господа и признаетъ своимъ истиннымъ повелителемъ его, тому онъ съ своей стороны берется помогать въ достиженіи всѣхъ желаній. Такимъ образомъ всякое колдовство непремѣнной своей основой имѣетъ договоръ съ сатаной. *Magi miracula faciunt per privatos contractus initi foederis cum daemonibus.* Договоръ этотъ можетъ быть ясно формулированъ или можетъ подразумеваться (*actum expressum* и *actum implicitum*): сатанѣ достаточно, чтобы человѣкъ чего-нибудь у него попросилъ, ибо всякая обращенная къ сатанѣ просьба является измѣной Богу. Но внѣ такого договора колдовство рациональнаго объясненія имѣть не можетъ. Сатана обычно строго соблюдаетъ обязательство помогать своимъ поклонникамъ. Дѣлаетъ это онъ однако вовсе не по добро-

совѣстности—такого качества ему, какъ отцу лжи, приписывать нельзя—а по расчету. Начни дьяволъ вести себя иначе, это скоро бы огласилось, и онъ не могъ бы никого склонить на договоръ съ собой.

Въ какомъ же видѣ сносятся демоны съ земными своими поклонниками и вообще какой видъ могутъ они принимать, когда хотять вмѣшаться въ людскія дѣла? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, схоластикъ прежде всего необходимо было тщательно изслѣдовать истинный характеръ ихъ собственной природы. Ранніе схоластики, опять-таки примыкая къ бл. Августину, полагали, что всѣ духи, населяющіе воздушныя сферы, имѣютъ свои особыя тѣла очень тонкаго эфирнаго строенія, съ той разницею между демонами и ангелами, что у демоновъ послѣ паденія тѣла сдѣлались нѣсколько грубѣе. На этомъ основаніи такіе богословы, какъ выше помянутый нами Вильгельмъ, епископъ парижскій, сомнительно относились къ рассказамъ, какими полонъ *Dialogus Miraculorum*, гдѣ бѣсы являются на каждомъ шагу въ различныхъ воплощеніяхъ. Тотъ же Вильгельмъ Парижскій однако прибавлялъ, что хотя по его разумѣнію бѣсамъ никакъ нельзя перевоплощаться и получать земное тѣло, но онъ съ истинной радостью готовъ будетъ отказаться отъ своего взгляда, если ему приведутъ въ пользу подобной возможности достаточные философскіе аргументы. И у схоластики классическаго періода въ такого рода аргументахъ не оказалось недостатка. Развитіе раціональной теологіи прежде всего обнаружило неправильность прежней отправной точки въ сужденіяхъ по этому предмету. Всѣ корифеи схоластической науки признали, что по природѣ своей и ангелы и демоны суть духи вполне безплотные, что ихъ субстанція подходитъ очень близко къ субстанціи человѣческой души, отличаясь отъ нея лишь большей мощью. На ряду съ этимъ схоластика въ лицѣ *Томы Аквинскаго* рѣшительно заявила, что было бы непростительной дерзостью толковать явленія ангеловъ и демоновъ во плоти, засвидѣтельствованныя такимъ количествомъ «авторитетныхъ» писателей, иначе, какъ буквально. Какимъ же образомъ философскій умъ могъ бы себѣ представить процессъ подобнаго воплощенія духовъ? Отвѣтъ *Томы Аквинскаго* на данный вопросъ связанъ съ заимствованнымъ схоластикой изъ древней философіи взглядомъ на истинную природу всякаго движенія. Что духъ способенъ двигать тѣло, тому живымъ примѣромъ являются всѣ одушевленные существа. Что же и движетъ ихъ, какъ не духъ? Стоитъ лишь духу ихъ покинуть, и они превращаются въ неподвижную массу. Но и въ неодушевленной природѣ конечнымъ источникомъ движенія служитъ то же духовное

начало. «Матерія и духъ» являлось для схоластики почти такимъ же противоположеніемъ, какъ наше «матерія и сила». Движеніе всѣхъ «низшихъ тѣлъ» на землѣ для Ѳомы Аквинскаго обусловливалось движеніемъ небесныхъ свѣтилъ; свѣтила же, по его ученію, двигались силою ангеловъ. Подобныя движенія въ природѣ, конечно, строго закономѣрны: они идутъ по даннымъ Создателемъ для естества уставамъ. Закономѣрность эта однако не препятствуетъ тому, что человѣкъ, какъ существо духовное, по своей волѣ можетъ производить извѣстныя перемѣщенія неодушевленныхъ элементовъ. И, признавая такую способность за человѣкомъ, почему бы мы должны были отказывать въ ней безплотнымъ духамъ болѣе могучаго порядка? Значить, какъ ангелы, такъ и демоны, несомнѣнно, должны обладать возможностью производить по своей волѣ извѣстное движеніе въ стихіяхъ. Если же это такъ, то и вопросъ объ ихъ явленіяхъ во плоти рѣшается безъ всякаго труда. Плоть эту они созидаютъ для себя, сгущая атмосферу — добрые ангелы въ высшихъ, особенно чистыхъ ея слояхъ, злые же въ нижнихъ — и прибавляя кое-какіе элементы изъ водяныхъ паровъ и изъ земли. Физиологія такого рода тѣлъ долгое время представляла одну изъ любимыхъ темъ, надъ которыми изощрялось схоластическое остроуміе. Чтобы духи способны были изъ элементовъ «новыя творить природы», этого схоластика не допускала. Образование органическаго вещества лежало для нея внѣ области, на которую могло простираться какое бы то ни было искусство, и плоть духовъ все же оказывалась лишь механическимъ агрегатомъ частицъ. Но если подобныя тѣла мало чѣмъ отличались отъ автоматовъ, то автоматы эти построены были по мнѣнію схоластиковъ настолько совершенно, что внѣшнимъ образомъ могли воспроизводить всѣ главныя функціи дѣйствительнаго человѣческаго тѣла. Они могли и двигаться, и говорить, и ѣсть, не обладая однако присущей лишь организмамъ способностью переваривать пищу. Точно такъ же обстояло съ ними дѣло и въ половой сферѣ. Схоластика не видѣла для науки никакихъ поводовъ отвергать все множество ходившихъ по свѣту разказовъ о демонахъ въ роли *succubus* и *incubus*. Не только агрессивный Ѳома Аквинскій, выражавшій прямое негодованіе на скептицизмъ, который проявляли по этому поводу иные изъ его современниковъ, но даже осторожный, наблюдательный Альбертъ Великій считалъ, что факты эти подтверждены вполне достаточными свидѣтельствами. *Verissime legitur de incubis et succubis daemonibus, et vidimus personas cognitatas ab eis et loca, in quibus vix unquam per noctem potest dormire vir, quin veniat ad eum daemon succubus.* Что же касается «раціональнаго» объясненія возможности

такого рода происшествій, то оно, какъ мы видѣли, было подъ рукою. Схоластика не отрицала даже возможности того, что отъ подобныхъ связей у женщинъ могутъ родиться дѣти. Конечно, говорила она, если искусственное тѣло демоновъ неспособно усваивать проглоченную для вида пищу, то оно тѣмъ паче неспособно воспроизводиться. Но здѣсь наука можетъ принять другое объясненіе. Дѣти, прижитыя отъ демона какой-нибудь связавшеюся съ нимъ женщиной, въ сущности будутъ всегда дѣтьми какого-нибудь связавшагося съ тѣмъ же демономъ мужчины. Демонъ же при своей быстротѣ и ловкости является тутъ передаточной инстанціей. Считая такую гипотезу наиболѣе удачной, схоластика предоставляла здѣсь на выборъ и другія. Но тема эта, подробная разработка которой въ схоластической философіи развертываетъ во всемъ блескѣ столь характерный для схоластики «метафизическій матеріализмъ», настолько отвратительна, что лучше съ ней разстаться поскорѣе.

Итакъ, извѣстная намъ статья въ *Corrector* Буркарда, гдѣ налагалось церковное покаяніе за вѣру въ любовныя сношенія съ неземными женщинами, теперь оказывалась плодомъ простаго недомыслія. И судъ церковный отнынѣ не колебался сталъ дѣлать практическіе выводы изъ столь солидно обоснованныхъ теорій. Въ 1274 году смежилъ навѣки очи «Ангель Школы» Ома Аквинскій; онъ не дожидъ всего лишь года, чтобы видѣть, какъ одинъ изъ вѣрныхъ его учениковъ впервые отправилъ на югъ Франціи живую женщину въ огонь по обвиненію въ распутствѣ съ демонами. Прошло еще немного времени, и цѣлый орденъ Храмовниковъ оказался передъ лицомъ папскаго и королевскаго суда виновнымъ въ такой же гнусности. Но подозрѣніе въ ней логически распространялось на всѣхъ, кто уличался въ занятіяхъ какими бы то ни было видами колдовства. Въ самомъ дѣлѣ, разъ всякое колдовство предполагало неизбѣжно заключеніе союза съ сатаной, то какъ же было не предположить, что плотскій союзъ легко могъ являться увѣнчаніемъ возникавшей на этой почвѣ *pestifera familiaritas*—особенно если къ услугамъ сатаны обращались люди, которымъ трудно было иначе удовлетворять свои любовныя вожделѣнія, напримѣръ, уродливыя старухи? Такъ эти представленія о колдовствѣ, о любовныхъ сношеніяхъ съ духами и о договорѣ съ сатаной, которыми народная фантазія играла порознь, усиліями систематизирующей науки мало-по-малу были обращены въ смыкающіяся звенья одной и той же неразрывной цѣпи.

Но возвратимся къ нашему ближайшему предмету. Какія же услуги могутъ оказывать демоны вѣрнымъ своимъ поклонникамъ или, другими словами, гдѣ надо проводить границы волшебства?

Въ этомъ вопросѣ схоластика рекомендуетъ крайнюю осторожность, ибо по ея наблюденіямъ демоны, стремясь привлечь къ себѣ возможно большее количество людей, постоянно обманываютъ ихъ насчетъ своего дѣйствительнаго могущества. Имъ хочется, чтобы люди полагали, будто они способны творить такія же чудеса, какъ Богъ. Но думать такъ и приписывать творенію способности, принадлежащія одному Творцу, значить впадать въ смертный грѣхъ. Смертнымъ грѣхомъ является, напримѣръ, часто внушаемое демонами мнѣніе, будто они способны предсказывать будущее. Если бы это было вѣрно, во что бы обратилось основное ученіе католической церкви о свободѣ воли? Полное знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу. Однако, продолжаетъ схоластическая теорія, угадывать кое-что, поскольку это служить наиболѣе вѣроятнымъ выводомъ изъ даннаго положенія вещей, способны даже люди, а тѣмъ паче такія существа, какъ демоны. Не надо забывать, что при своемъ сотвореніи они были одарены, въ качествѣ ангеловъ, особеннымъ умомъ и что за долгіе вѣка, протекшіе съ того момента, они успѣли скопить громаднѣйшій опытъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ явленія опредѣляются не свободной волей людей и ангеловъ, а правильной причинною зависимостью, демоны оказываются способны заглядывать далеко въ будущее. *Daemones subtilissimi sunt in talium futurorum praecognitione, quae determinata in suis causis sunt.* Отсюда выводъ, что къ «дивинаторной магіи» наука не должна относиться съ безусловнымъ скептицизмомъ.

Въ кругу дѣяній, приписывавшихся молвой «оперативной магіи», схоластика рѣшительно брала подъ свое покровительство возможность для колдуновъ напускать психическія и физическія болѣзни. Прямого воздѣйствія демоновъ на безсмертную человѣческую душу схоластика, правда, не допускала—опять-таки въ связи съ ученіемъ о полной свободѣ воли. Но демонамъ, по ея взгляду, никакъ нельзя отказывать въ способности проникать въ тѣло и нарушать его физическое благосостояніе, а чрезъ посредство тѣлесныхъ органовъ разстраивать и психическія функціи. Въ частности «дьявольское наважденіе», обманы демонами человѣческихъ чувствъ являлись для нея вещью, стоящей внѣ сомнѣнія, хотя изобразить механическую сторону подобнаго процесса схоластика считали задачей почти непреодолимой трудности. Такъ же благоприятны оказались выводы схоластической философіи для тѣхъ, кто вѣрилъ, что колдуны способны накликать бури. Классическое разрѣшеніе этого вопроса далъ Фома Аквинскій въ своихъ Комментаріяхъ на книгу Іова.

Принимая во вниманіе, что сказанное бѣдствіе было наведено сатаной, необходимо исповѣдывать, что съ Божьяго поущенія демоны могутъ волновать

воздухъ, поднимать вѣтры и вызывать паденіе небеснаго огня. Ибо хотя тѣлесная матерія не принимаетъ формы ни по волѣ добрыхъ, ни по волѣ злыхъ ангеловъ, подчиняясь въ этомъ лишь Творцу, но что касается передвиженія, то тѣлесное вещество создано, чтобы повиноваться веществу духовному (*ad motum localem natura corporea nata est spirituali obedire*), какъ это обнаруживается на чловѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по простому приказанію его воли члены его движутся, чтобы исполнить рѣшенное волей. Итакъ, все, что можетъ быть достигнуто простымъ передвиженіемъ, то по естественной своей силѣ могутъ творить не только добрые, но и злые духи, если не встрѣтятъ со стороны Божества препятствій. Вѣтры же и дожди и другія воздушныя явленія могутъ происходить отъ простого движенія растворенныхъ земныхъ и водяныхъ паровъ, такъ что производить ихъ своей естественной силой демоны вполне способны*.

Если же демоны по своей естественной силѣ оказывались на это вполне способны, то какъ же можно было спорить, что наведеніе бурь и грозъ, града и морозовъ должно было влючаться въ кругъ дѣяній, доступныхъ колдовству? Негодованіе, которое въ свое время высказывалъ по поводу такой вѣры Агобардъ, теперь оказывалось столь же неосновательнымъ, какъ и гнѣвъ Буркарда на вѣру въ любовныя сношенія съ *agrestes feminae*.

Зато дѣйствительное существованіе оборотней схоластика рѣшительно отказывалась допускать, несмотря на множество съ виду вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Глубокое философское изслѣдованіе предмета вполне здѣсь подтверждало ранѣе уже вынесенный церковью приговоръ: «Кто думаетъ, что какая-нибудь иная сила, кромѣ Божіей, способна обратить одно живое существо въ другое высшаго или низшаго порядка, тотъ, несомнѣнно, отпалъ отъ вѣры и хуже, чѣмъ язычникъ». Такое превращеніе немислимо безъ нарушенія законовъ естества, т.-е. является чудомъ, а подлинныя чудеса доступны лишь Творцу и ангеламъ, когда Творецъ имъ это поручаетъ. Приписывать чудеса демонамъ значить впадать въ ересь, очень похожую на манихейство. Разказы очевидцевъ про оборотней согласно этому относились схоластикой совсѣмъ въ другую главу демонологіи: здѣсь для нея дѣло шло, несомнѣнно, о «дьявольскомъ наважденіи», о власти демоновъ надъ чловѣческими чувствами. Схоластикъ и здѣсь однако приходилось дѣлать одну существенную оговорку. Чтобы библейскій разказъ о магахъ фараона, обратившихъ свои жезлы въ змѣевъ, могъ тоже разъясняться ссылкой на иллюзіи, это она считала неправдоподобнымъ и прибѣгала здѣсь къ другой теоріи, построенной еще бл. Августиномъ, впоследствии же подробно развитой арабскимъ философомъ Авиценой. Демоны, говорила схоластика, не будучи способны обращать одно существо въ другое, могутъ однако дѣлать очень похожія на это вещи. Змѣи фараоновыхъ волшебниковъ, конечно, не сотворены были демонами, но все же можно полагать, что это были настоящіе змѣи. Развѣ не видимъ мы на каждомъ шагу, что въ мясѣ или въ овощахъ,

или въ различныхъ жидкостяхъ при извѣстныхъ условіяхъ какъ будто ни откуда берутся черви или мухи? И развѣ мы не можемъ такимъ путемъ сами плодить червей и мухъ, давая въ сущности только возможность развиваться невидимымъ для глаза, но несомнѣнно ранѣе уже присутствовавшимъ ихъ зародышамъ? Если же всякій человѣкъ способенъ производить подобныхъ мелкихъ гадювъ какъ бы изъ ничего, то почему же не допустить, что демоны при своемъ умѣ и богатствѣ опытомъ могутъ различать въ природѣ зародыши всяческихъ существъ и, создавая искусственно благоприятную для ихъ развитія среду, могутъ съ крайней быстротой вызывать ихъ къ жизни, какъ они вызвали почти моментально къ бытію помянутыхъ въ Исходѣ змѣевъ. Смѣшивая же другъ съ другомъ различные извѣстные имъ элементы тѣлъ или вводя въ тѣло прибавочные элементы, они оказываются даже способны совершать и нѣчто похожее на превращеніе одного тѣла въ другое. Такимъ образомъ для схоластически образованнаго судьи народныхъ обвиненія противъ колдуновъ, что они напускаютъ гусеницъ и мошку, не заключали въ себѣ ничего безсмысленнаго, и судъ теперь легко разбирался даже въ гораздо болѣе удивительныхъ съ виду фактахъ. На одномъ изъ процессовъ о колдовствѣ конца XIII вѣка подсудимая, 56-лѣтняя старуха показала ученому судѣ доминиканцу Гюго изъ Боньеля, что она много уже лѣтъ спитъ съ демономъ, что она разъ родила отъ него чудище — верхняя половина, какъ волкъ, нижняя, какъ змѣя,—что она кормила свое порожденіе младенцами, которыхъ похищала по ночамъ, но что черезъ два года чудище куда-то безъ вѣсти пропало. Раньше подобное показаніе, вѣроятно, было бы сочтено простымъ бредомъ. Но опытный схоластикъ, знакомый съ ученіемъ о зачатіи отъ incubus'овъ и съ теоріей Авицены, не усмотрѣлъ здѣсь, очевидно, ничего противнаго разсудку: старуха была передапа имъ въ руки свѣтской власти, какъ уличенная преступница, и сожжена на площади въ Тулузѣ.

Труднѣе всего достался схоластикѣ вопросъ о томъ, согласно ли съ католицизмомъ мнѣніе, что демоны способны своей силой носить тѣла людей по воздуху. Про вѣру въ стригъ схоластикѣ при этомъ не приходилось распространяться. Сапоп Епископѣ, гдѣ вѣра эта такъ рѣзко осуждалась, былъ принятъ въ дѣйствующій кодексъ каноническаго права, и схоластика преклонялась передъ его авторитетомъ. Однако, и помимо стригъ, литература и молва полны были разсказовъ про воздушныя путешествія то праведника на спинѣ бѣса, то грѣшника въ его когтяхъ. Какъ же должна была смотрѣть на нихъ наука?

Въ общемъ схоластика склонялась тутъ очень замѣтно въ сто-

рону отрицательнаго отвѣта. Правда, въ самомъ представленіи о томъ, что духи своею силой могутъ двигать земныя тѣла, для нея не было ничего противорѣчащаго разсудку. *Ad motum localem natura corporea nata est spirituali obedire...* Но духи при этомъ не могутъ нарушать предустановленныхъ для тѣлъ законовъ. Между тѣмъ ясно, что человѣческое тѣло отнюдь не предназначено природой для летанья. Отсюда выводъ, что было бы неосторожно приписывать ангеламъ и демонамъ способность своею силой увлекать тѣла людей въ воздушныя пространства.

А книга пророка Даниила, гдѣ повѣствуется, какъ ангелъ, взявши пророка Аввакума за темя и поднявъ за волосы, въ одно мгновеніе перенесъ его изъ Іудеи въ Вавилонъ и поставилъ надъ рвомъ львинымъ? А евангельскій разсказъ объ искушеніи Христа, читающійся въ Вульгатѣ такъ: *Assumpsit eum diabolus in sanctam civitatem et statuit eum super pinnaculum templi?* А многочисленныя упоминанія о «восхищеніяхъ» (*raptus*), которыя встрѣчаются въ Св. Писаніи и въ достовѣрныхъ житіяхъ святыхъ? На этотъ счетъ Альбертъ Великій и Тома Аквинскій предлагали такія объясненія. Текстъ, относящійся къ Аввакуму, они не признавали необходимымъ понимать буквально. Они считали возможнымъ допустить, что ангелъ несъ Аввакума «въ бурномъ орканѣ», который онъ поднялъ своею силой. И если даже допустить, что тутъ произошло превышеніе естественной ангельской силы, то вѣдь не надо забывать, что дѣло здѣсь идетъ о добромъ духѣ, которому могло быть поручено и совершеніе настоящаго чуда. Въ исторіи искушенія Христа, гдѣ дѣло идетъ уже не объ ангелѣ, а о сатанѣ, Альбертъ Великій и Тома Аквинскій примыкали къ древней экзегезѣ и заявляли, что на ихъ взглядъ тутъ лучше всего держаться Іоанна Златоуста, по мнѣнію котораго Христосъ просто согласился послѣдовать по землѣ за сатаной. Что касается «восхищеній», то изъ упоминаемыхъ Писаніемъ случаевъ въ двухъ—про Іезекииля и про Іоанна—прямо сказано, что они уносились съ земли только душой. Апостоль Павелъ самъ говоритъ, что онъ не знаетъ, былъ ли онъ восхищенъ съ тѣломъ или безъ тѣла: такъ что на этомъ текстѣ тоже нельзя ничего строить. И наконецъ всѣ достовѣрные случаи изъ житій святыхъ допускаютъ толкованіе при помощи Августинової теоріи о полетахъ *phantasticum*.

Но далеко не всѣ видные богословы XIII вѣка столь сдержанно относились къ вопросу о людскихъ полетахъ, какъ Альбертъ Великій и Тома Аквинскій. Такіе авторитеты, какъ кардиналъ Гюго де-Сень-Шерь, рѣшительно настаивали на необходимости вполне буквально понимать и разсказъ про Аввакума, и текстъ Вульгаты, гдѣ говорится объ искушеніи Христа. Особенно же горячо стояли за

положительное рѣшеніе даннаго вопроса, тѣ члены Нищенствующихъ орденовъ, которымъ приходилось работать непосредственно въ народной средѣ. Они указывали своимъ университетскимъ собратамъ, что факты похищенія демонами живыхъ людей повторяются постоянно, что они засвидѣтельствованы вполне надежно и что наукѣ на это не слѣдуетъ закрывать глаза. «Такіе случаи,—писалъ, на примѣръ, доминиканецъ Оома изъ Шантемпре послѣ тридцатилѣтней дѣятельности въ качествѣ проповѣдника и исповѣдника,—такіе случаи нерѣдки и въ наше время. Мнѣ самому приходилось слышать про женщинъ, которыя, находясь съ виду какъ будто въ агоніи, были похищаемы демонами, клавшими на ихъ мѣсто подобія ихъ тѣлъ. Подобія погребались за настоящіе трупы, а женщинъ этихъ потомъ встрѣчали среди живыхъ людей». Ссылаясь на достовѣрнѣйшій источникъ, на показаніе очевидцевъ изъ францисканцевъ и доминиканцевъ, онъ далѣе рассказывалъ слѣдующую исторію. Дочь графа Шваненбурга въ Германіи каждую ночь была похищаема демонами часа на два. Одинъ изъ ея братьевъ, вступившій въ францисканскій орденъ, однажды попробовалъ помѣшать такому похищенію. Когда приблизился урочный часъ, онъ крѣпко стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ; но это было тщетно, и демоны вырвали сестру изъ рукъ брата-монаха. И зачѣмъ въ этомъ сомнѣваться, продолжалъ Оома, который самъ учился богословію въ Кельнѣ и въ Парижѣ. Развѣ же не признаетъ бл. Августинъ, что демонъ, называвшійся у язычниковъ Діаной, дѣйствительно перенесъ Ифигенію изъ Авлиды въ Тавриду, оставивъ на ея мѣстѣ лань? Въ виду крупнаго вѣса такихъ свидѣтельствъ и аргументовъ схоластика и не рѣшалась произнести по вопросу о полетахъ окончательнаго приговора, ставя при немъ отмѣтку: *non liquet*¹⁾. А такъ какъ римскій католицизмъ слѣдовалъ правилу, завѣщанному бл. Августиномъ: *In necessariis unitas, in dubiis libertas*²⁾, то *Dialogus Miraculorum* со всѣми его воздушными путешествіями свободно продолжалъ служить въ монастыряхъ самой употребительной книгой для чтенія во время общихъ трапезъ.

Однако если бы все это была истина, если бы демоны дѣйствительно обладали такой естественною силой, то какъ же ихъ союзники, волшебники, не оказываются несравненно могущественнѣе самыхъ могущественныхъ земныхъ властителей? Какъ же волшебники съ помощью демоновъ не приведутъ къ своимъ ногамъ вселенную? На этотъ аргументъ, къ которому охотно обращались скептики въ родѣ Агобарда, схоластика отвѣтствовала спокойно: причина въ томъ, что

1) Не ясно.

2) Въ необходимомъ—единство; въ сомнительномъ—свобода.

демоны могутъ творить дѣянiя, на которыя они способны, только въ томъ случаѣ, если на это воспослѣдуетъ Божеское попущенiе, а попущенiе это дается имъ далеко не всегда. Но зачѣмъ думать, что оно хоть когда-нибудь имѣеть мѣсто? Какъ будто Провидѣнiе само не можетъ покарать грѣшника или испытать праведника? И не согласнѣ ли съ евангельскимъ ученiемъ считать, что истинному христiанину не должны быть страшны никакiя чары? Опытъ показываетъ, возражала на это схоластика, что чародѣйство существуетъ и что его жертвами становятся не только дурные, но и добрые сыны церкви. Спрашивать же, зачѣмъ Провидѣнiе это попускаеть, значить, по слову Писанiя, стремиться *plura sapere quam orare*. *Iudicia Dei occulta sunt*. Пути Господни неисповѣдимы.

Таковы были главнѣйшiе результаты изысканiй, произведенныхъ схоластикою въ области нашего вопроса. Возможность колдовства, въ которой слишкомъ поспѣшные умы готовы были уже признать лишь мнѣнiе неразвитой черни, теперь была провѣрена научнымъ методомъ, поставлена на новыя основы и въ такомъ видѣ объявлена *communis opinio theologorum*. При трудностяхъ, съ которыми тогда была сопряжена популяризацiя науки, этотъ усвоенный схоластиками взглядъ не сталъ, правда, съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядомъ всѣхъ умственно расшевелившихся людей. Во многихъ кругахъ общества упорно сохранялась ранѣе уже сложившаяся привычка смѣяться надъ разказами о томъ, якобы бѣсы дѣйствительно отравляютъ земное существованiе добрыхъ христiанъ. Припомнимъ, что крайне скептически настроенный по отношенiю къ бѣсамъ *Roman de la Rose* Жана де-Мена, этого «Вольтера и Рабле XIII вѣка», сразу завоевалъ себѣ громкую извѣстность и оставался любимѣйшимъ чтенiемъ французской буржуазiи до самаго конца среднихъ вѣковъ. Но этотъ смѣхъ возбуждалъ въ схоластикахъ приблизительно такое же чувство, съ какимъ современное намъ естествоиспытанiе смотритъ на недовѣрiе невѣжественнаго люда къ теорiямъ въ родѣ происхожденiя болѣзней отъ микроорганизмовъ: жалкое недомыслiе, которое при случаѣ можетъ обращаться въ прямую общественную опасность.

Для тона отношенiй между средневѣковою университетскою наукою и «натурализмомъ» намъ стоитъ познакомиться со вступительной главой въ трактатѣ Герсона *De erroribus circa artem magicam*. Указанный трактатъ выросъ изъ рѣчи, которую этотъ знаменитый канцлеръ парижскаго университета держалъ однажды къ лиценцiатамъ медицинскаго факультета на тему: врачу, исцѣлился самъ.

„Въ естественной философиі является правдоподобнымъ, согласно же истинамъ вѣры является несомнѣннымъ, что демоны существуютъ. Такого взгляда

держались самые возвышенные из философов: Гермес Трижды-Великий, Платонъ и всѣ послѣдователи его доктрины, Апулей, Порфирій и другіе. Это намъ ясно показываютъ собственные ихъ труды, равно какъ трудъ Августина „О градѣ Божіемъ“. Тезисъ, что демоны существуютъ, на философской почвѣ гораздо легче защищать, нежели противоположный, ибо при этомъ остаются неприкосновенными рассказы о чудесныхъ происшествіяхъ, которые передаются достовѣрными историками у всѣхъ рѣшительно народовъ. Имъ всѣмъ противопоставлять упорное отрицаніе значить переходить въ дерзости всякія границы и колебать основы человѣческаго общенія и гражданскаго союза, такъ какъ той силой, которая людей соединяетъ, скрѣпляетъ и сливаетъ въ одно цѣлое, служатъ взаимное довѣріе и готовность другъ друга слушать. У христіанъ же отрицаніе демоновъ и того, что они могутъ творить въ природѣ очень многое, представляетъ ученіе, которое осуждено, какъ ошибочное, нечестивое и противное Св. Писанію. Итакъ, смѣха достойны, но достойны и суровой кары тѣ, кто издѣвается надъ богословами, лишь только они заводятъ рѣчь о демонахъ и дѣйствіями демоновъ объясняютъ различныя явленія, какъ будто бы это было вещь баснословной. Простекаетъ же подобное заблужденіе у нѣкоторыхъ образованныхъ людей частью отъ недостатка вѣры, частью же отъ слабости и порчи разсудка. Душа ихъ настолько занята чувственнымъ, занята тѣломъ и заботами о немъ или же умъ ихъ настолько погруженъ въ изысканіе частныхъ, осязательныхъ причинъ, что они оказываются совершенно не въ состояніи разумѣть вопросы объ универсальномъ, о первыхъ сущностяхъ и о духовномъ, и теряютъ способность къ тонкому, возвышенному мышленію. Платонъ еще сказалъ, что величайшимъ препятствіемъ къ познанію истины является такая склонность вѣрить лишь чувствамъ, не возвышаясь надъ ихъ свидѣтельствомъ. Такъ же говорили и Цицеронъ, и Августинъ въ трудѣ „Объ истинной религіи“, и Альбертъ Великій, и Вильгельмъ Парижскій: этому учить насъ и опытъ“.

Но схоластика не останавливалась на этомъ въ своей полемикѣ противъ натурализма. Даже столь благородный представитель ея, какъ Герсонъ, не стѣснялся причислять тѣхъ, кто не вѣритъ въ силу магіи, къ лику грубѣйшихъ матеріалистовъ, отрицающихъ Божество и всякое духовное начало въ мірѣ.

„Таковы были,—продолжаетъ онъ,—въ средѣ евреевъ саддукеи, которые по свидѣтельству Іосифа и Иеронима отрицали существованіе духовъ; таковы были нѣкоторые философы отъ неприяни, какъ говорятъ Цицеронъ; таковы были эпикурейцы; таковы и всѣ другіе, кто избираетъ скотскую жизнь, кто не представляетъ себѣ ничего внѣ тѣлеснаго и протяженнаго. Отъ ихъ лица говорятъ Екклесіастъ и Премудрый въ Книгѣ Премудрости глава 2-я. Глядя на нихъ, подумаешь, что сами они отъ чьихъ-то заклятій сошли съ ума. Въ себѣ самихъ не признаютъ они разсудка, не признаютъ духовныхъ, сверхчувственныхъ явленій: совсѣмъ какъ Навуходносоръ, который воображалъ себя воломъ, или другіе маньяки, изъ которыхъ инымъ представляется, будто они пѣтухи, другимъ—будто они коты и т. д. Къ числу ихъ относился тотъ безумецъ, который рекъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, ибо если есть Богъ, то онъ есть духъ, если же нѣтъ ни одного духа, то нѣтъ и Бога“.

Итакъ, не вѣрить въ демоновъ значить не вѣрить въ Бога. Не вѣрить въ демоновъ значить уподобляться тѣмъ «неправо умствующимъ», которымъ Книга Премудрости влягала въ уста такія рѣчи: «Жизнь наша — прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти; ибо положена печать, и никто не возвращается. Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностью. Увѣнчаемся цвѣтами розъ прежде, нежели они увяли. Будемъ притѣснять бѣдняка праведника, не пощадимъ вдовы и не постыдимся многолѣтнихъ сѣдинъ старца. Сила наша

да будетъ закономъ правды...» Иначе говоря, тотъ, кто не вѣритъ въ демоновъ, является для Герсона врагомъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ уставовъ.

При такой постановкѣ дѣла въ столь вліятельныхъ кругахъ средневѣковому натурализму было гораздо благоразумнѣе не высказывать свои сомнѣнія слишкомъ открыто. И такъ какъ скептицизмъ не побуждаетъ своихъ адептовъ искать пальмъ мученичества, то они и слѣдовали голосу благоразумія. О нихъ мы чаще узнаемъ изъ раздраженныхъ нападокъ богослововъ, нежели изъ собственныхъ ихъ нападокъ на спиритовъ. Къ тому же послѣдовательная критика общаго схоластическаго міросозерцанія была для нихъ далеко не подъ силу. Въ распоряженіи ученыхъ приверженцевъ союза между разумомъ и авторитетомъ стояла школа, обеспечивавшая непрерывную, всестороннюю разработку усвоеннаго ими порядка идей, тогда какъ свободомысліе при строгомъ отношеніи къ нему церковной власти могло себя проявлять лишь изолированными вспышками. И такимъ образомъ, когда свѣтское общество къ концу среднихъ вѣковъ начало предъявлять съ своей стороны запросъ на ученое образованіе, то почерпать его оно сначала было принуждено изъ популярныхъ обработокъ тѣхъ же «Итоговъ Теологіи». Отсюда и выносило оно ту картину мірового строя, которую съ такою силой изобразилъ своей огненной кистью знатокъ подобной литературы, авторъ Божественной Комедіи.

Такъ создалась интеллектуальная атмосфера, въ которой могли возникнуть процессы вѣдмъ. Теперь посмотримъ, какимъ путемъ они дѣйствительно возникли.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Сперанскій.

Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Государство и общество Римской имперіи.

IX.

Утвержденіе принципата знаменовало собою побѣду настоящаго государственнаго порядка надъ хаосомъ и анархіей своекорыстныхъ интересовъ правившей всѣмъ римскимъ міромъ аристократіи и тѣмъ создавало гарантіи, необходимыя и для нормальнаго развитія экономическихъ силъ и отношеній, какъ они складывались по мѣрѣ объединенія странъ и народовъ, занимавшихъ побережье Средиземнаго моря. Общая и фискальная политика республики въ сильнѣйшей степени тормозила хозяйственное развитіе римской державы, принося въ жертву правительственной олигархіи хозяйственные интересы провинціального населенія и давая хозяйственной жизни римскихъ гражданъ нездоровое, спекулятивное направленіе. Тѣмъ не менѣе было бы несогласнымъ съ цѣлымъ рядомъ совершенно безспорныхъ фактовъ утверждать, что республиканскій режимъ давалъ мѣсто лишь искусственному, чисто спекулятивному капитализму, вполне будто бы совмѣщавшемуся съ неприкосновенностью элементарныхъ натурально-хозяйственныхъ основъ экономического строя Италіи и тѣхъ ея провинцій, которыя еще не достигли, до завоеванія ихъ римскими легіонами, болѣе высокой ступени хозяйственнаго развитія, на какой находились, напримѣръ, покоренныя Римомъ государства эллинистическаго востока. Вполнѣ признавая, что римскому капитализму послѣднихъ вѣковъ республики въ весьма значительной мѣрѣ присущъ былъ спекулятивный, не хозяйственный въ строгомъ смыслѣ характеръ, все же нельзя отрицать и того, что спекулятивностью далеко не исчерпывалась его сущность, и что на ряду со спекуляціями сосредоточивавшіеся

въ рукахъ сенаторскаго и всадническаго классовъ капиталы получали и вполнѣ производительное назначеніе и съ своей стороны двигали хозяйственное развитіе Италіи и провинцій въ направленіи къ мѣновому, денежному, народному хозяйству. Развитіе уже въ это время крупнаго, латифундіальнаго землевладѣнія и хозяйства не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Разсмотрѣніе внутренней организаціи латифундіи и знакомство съ хозяйственными задачами, которыя онъ себѣ ставилъ уже въ эпоху республики, окончательно насъ въ этомъ убѣждаютъ. Торжество монархіи, устранивъ мало-по-малу тормазы, которые задерживали болѣе широкое и болѣе интенсивное народно-хозяйственное развитіе, еще болѣе подчеркнуло мѣновой характеръ латифундіи, который теперь получалъ возможность уже безпрепятственно развивать свои чисто коммерческія тенденціи въ соотвѣтствіи съ запросами обезпеченнаго монархіей міроваго рынка.

Первые два вѣка имперіи явились эпохой хозяйственнаго и культурнаго расцвѣта римской державы. Въ это именно время латифундій вполнѣ становится на народно-хозяйственную почву, являясь преобладающей формой сельско-хозяйственнаго производства какъ въ Италіи, такъ и во всѣхъ провинціяхъ, съ тѣми ея особенностями, какія уже въ достаточной мѣрѣ опредѣленно намѣтились еще въ республиканскую эпоху. Мы уже видѣли эти особенности и знаемъ, что хозяйственный строй латифундіи этой поры отличался довольно значительной сложностью, что изображать латифундій исключительно какъ арену крупнаго, исключительно на рабскомъ трудѣ покоящагося хозяйства, какъ это было принято въ исторической литературѣ еще сравнительно недавно, значить игнорировать цѣлый рядъ весьма важныхъ фактовъ и явленій, весьма характерныхъ для хозяйственной жизни латифундіи изучаемой нами эпохи. Мы видѣли, что чисто рабское крупное хозяйство возможно было лишь въ формѣ скотоводства и практиковалось лишь въ мѣстностяхъ, болѣе всего приспособленныхъ къ этому (напримѣръ, въ Калабріи, Апуліи, Луканіи, въ долинѣ рѣки По), крупное же земледѣліе всегда нуждалось и въ свободномъ трудѣ, въ трудѣ вольнонаемныхъ рабочихъ (*operarii, mercenarii, politores*), безъ которыхъ оно совсѣмъ не могло обходиться въ страдную пору; и къ тому же оно занимало далеко не всю площадь латифундіи, такъ какъ лишь на сравнительно небольшой земельной площади можно было безъ убытковъ вести рабское земледѣльческое хозяйство, остальную же землю приходилось сдавать въ денежную аренду мелкимъ арендаторамъ. Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать ограниченность размѣровъ барскаго хозяйства на латифундіяхъ, т. - е. впа-

дать въ крайность, противоположную той, въ какую впадала прежняя теорія, представлявшая латифундій въ видѣ огромной плантаціи чуть ли не съ тысячами закованныхъ въ цѣпи рабовъ. Барское хозяйство, которое велъ владѣлецъ латифундія съ помощью весьма многочисленнаго рабскаго персонала своей familia rustica, было, несомнѣнно, крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, какъ объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуеетъ то, что мы знаемъ о составѣ и организаціи этой familia rustica, заключавшей въ себѣ рабовъ самыхъ разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ специальностей (officia, ministeria) и въ виду этого раздѣленныхъ на соотвѣтствующія группы съ особымъ для каждой magister operum во главѣ, въ свою очередь разбивающіяся на группы по десяти человекъ (decuriae), отданныя подъ наблюденіе десятниковъ (decurio); нечего и говорить, что поставленный во главѣ помѣстнаго управленія villicus долженъ былъ обладать, помимо агрономическаго опыта и знанія хозяйственныхъ условій данной мѣстности, еще и не малыми административными способностями, чтобы справляться съ нелегкой задачей плано-мѣрнаго воздѣйствія на эту сложную хозяйственную систему, какъ ни облегчалась эта задача тогдашнимъ правомъ, не признававшимъ за носителями рабочей силы этого обширнаго и сложнаго хозяйства человѣческой личности и тѣмъ устранявшимъ многія изъ тѣхъ затрудненій, какія приходится собственными средствами, а то и съ помощью администраціи улаживать крупнымъ предпринимателямъ въ наше время, имѣющимъ дѣло съ свободными людьми и съ свободными гражданами.

Но если первые два вѣка имперіи были той эпохой, когда латифундій получилъ возможность развить въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ свои народно-хозяйственныя тенденціи, вполне отчетливо опредѣлившіяся уже въ послѣднія столѣтія республиканскаго режима, то, начиная, приблизительно, съ третьяго вѣка по Р. Х., въ жизни его намѣчается рядъ перемѣнъ, съ неуклонностью стихійнаго процесса ведшихъ къ постепенному подавленію этихъ тенденцій и къ перерожденію латифундія изъ народно-хозяйственнаго въ натурально-хозяйственный организмъ съ характерными для него хозяйственными и социальными особенностями. Это уже былъ третій фазисъ въ эволюціи крупнаго землевладѣнія въ римскомъ обществѣ, представлявшій собою въ извѣстной мѣрѣ возвращеніе къ первому, также, какъ извѣстно, характеризующемуся господствомъ натурально-хозяйственныхъ тенденцій, и въ то же время органически связанный со вторымъ, а въ общемъ являющійся своеобразнымъ продуктомъ политической, социальной и экономической эволюціи, которой въ силу сложнаго ряда причинъ постепенно под-

вергалось общество Римской имперіи, какъ это мы уже отчасти видѣли въ предшествующемъ изложеніи.

Причины хозяйственнаго упадка и регресса, весьма опредѣленно сказавшагося въ римскомъ обществѣ уже въ третьемъ вѣкѣ и развившагося въ постепенномъ возвращеніи хозяйственной жизни къ формамъ натурального хозяйства, весьма сложны. Сказать, что главной причиной этого процесса было прекращеніе во второмъ вѣкѣ завоевательныхъ войнъ, сдѣлавшее невозможной дальнѣйшую поставку на рынки человѣческаго матеріала, рабовъ, на трудъ которыхъ покоилось крупное, рассчитанное на обширный спросъ хозяйство владѣльцевъ латифундіевъ, не значитъ разрѣшить поставленный вопросъ. Можно согласиться съ Веберомъ (а мы имѣемъ въ виду именно его, автора книги «*Römische Agrargeschichte*» и статьи «Соціальные причины паденія античной культуры»), что рабская казарма не могла пополняться сама изъ себя и была рассчитана на постоянную прикупку рабовъ, что рынокъ рабовъ съ правильной и удовлетворяющей спросъ постановкой человѣческаго матеріала составлялъ необходимое условіе существованія рабской казармы, производившей для рынка, и что лишь только подвозъ рабовъ надолго пріостановился, рабскія казармы должны были пасть, и крупныя плантаціи съ ихъ лишенными брака и собственности рабами должны были рухнуть. Но почему же, лишившись рабовъ, латифундіальные собственники не обратились къ свободному, наемному труду, почему они не продолжали вести крупное хозяйство, но уже на иныхъ началахъ, съ помощью наемныхъ рабочихъ? Вѣдь свободныхъ рабочихъ рукъ было очень много въ то время, вѣдь процессъ концентраціи земельной собственности продолжался безостановочно, и безземельная масса все росла и росла. Очевидно, были налицо условія, дѣлавшія невозможнымъ дальнѣйшее существованіе крупнаго хозяйства вообще, какъ рабовладѣльческаго, такъ и всякаго другого. Что оставалось дѣлать крупнымъ собственникамъ съ землею, которую они не могли уже эксплуатировать прежнимъ, плантаціоннымъ способомъ, это вопросъ иной, и дальнѣйшая хозяйственная исторія римскаго общества дала на него вполнѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ, къ которому мы скоро и перейдемъ; но предварительно мы должны такъ или иначе отвѣтить на вопросъ, оставленный безъ отвѣта и даже не поставленный Веберомъ, — вопросъ о причинахъ невозможности продолжать веденіе крупнаго хозяйства въ какомъ бы то ни было видѣ. Эд. Мейеръ (въ «*Экономическомъ развитіи древняго міра*») видитъ основную причину внутренняго разложенія, которому подверглось римское общество уже при Антонинахъ и которое выразилось въ

страшномъ упадкѣ благосостоянія и уменьшеніи населенія, запустѣніи государства и возвратѣ къ варварству, не въ чемъ иномъ, какъ въ непрерывномъ ростѣ крупнаго капитала и неизбѣжномъ рядомъ съ нимъ увеличеніи неимущаго пролетаріата: *latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias* (латифундіи погубили Италію, а также и провинціи). Полное развитіе капитализма, денежнаго хозяйства, капиталистическаго права со всѣми его послѣдствіями приводитъ, по его мнѣнію, къ разрушенію сельскаго строя въ пользу городскаго. Привлекая сельское населеніе матеріальными и социальными выгодами, видами на быстрое обогащеніе и хорошо оплачиваемыя занятія, а также на даровое содержаніе, на возможность для бѣдняка просуществовать попрошайничествомъ и тунеядствомъ, городъ—такъ думаетъ Эд. Мейеръ—не только политически, но и матеріально поглощаетъ деревню, систематически уничтожаетъ естественныя и необходимыя для сельскаго строя жизненныя и торговыя сношенія и дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе сельскаго населенія. Но это разореніе сельскаго населенія въ скоромъ времени должно было отразиться и на благосостояніи самого города. Торговля прерывается, промышленность замираетъ, тысячи рабочихъ рукъ остаются безъ дѣла, и города начинаютъ пустѣть, какъ раньше пустѣли деревни. Такимъ образомъ «городъ, первоначально бывшій главнымъ факторомъ культурнаго развитія и причиной колоссальнаго роста благосостоянія, въ концѣ-концовъ уничтожаетъ благосостояніе, культуру и наконецъ самого себя». Мейеръ готовъ видѣть во всемъ этомъ проявленіе особаго историческаго закона, сущность котораго заключается въ томъ, что культура, достигнувъ наивысшаго развитія, и при полной исправности внутренняго строя, и безъ внѣшательства сколько-нибудь опаснаго внѣшняго врага, разлагается извнутри и снова уступаетъ мѣсто варварству. Къ сожалѣнію, Мейеръ не развилъ этой послѣдней мысли достаточно конкретными соображеніями, набросанная же имъ картина разложенія римской культуры слишкомъ схематична. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать за соображеніями Мейера известной, и не малой, цѣны, хотя они далеко не исчерпываютъ всей сложности вопроса. Мейеръ слишкомъ упрощаетъ и процессъ, имъ изучаемый, и проблему, которую ставитъ это изученіе. Для него политическая, напимѣръ, эволюція, совершавшаяся въ римскомъ обществѣ, неуклонно прогрессировавшее превращеніе принципата въ абсолютную монархію, постепенно убившую всѣ возможныя въ то время формы общественной самодѣятельности, и непомятое развитіе фискальныхъ тенденцій самодержавнаго правительства, подчинившихъ интересамъ казны жизненныя интересы всѣхъ

общественныхъ группъ и организацій,—для него вся эта политическая сторона процесса почти что не существуетъ; для него все это слѣдствія основной хозяйственной группы причинъ, но не факторы процесса. Оставляетъ онъ безъ разсмотрѣнія и такой крупный политическій фактъ, какъ политическій кризисъ, тянувшійся весь третій вѣкъ и вызванный борьбою узурпаторовъ за императорскій тронъ. Было бы преувеличеніемъ сказать, что кризисъ этотъ и является основной причиной упадка денежнаго хозяйства, особенно ясно обнаружившагося какъ разъ къ началу четвертаго вѣка. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что кризисъ третьяго вѣка подорвалъ основы утвердившагося и укрѣпившагося въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ широкаго политическаго порядка, гарантировавшаго широкой хозяйственный оборотъ и денежное, народное хозяйство, а кромѣ того, и непосредственно произвелъ въ имперіи сильнѣйшій хозяйственный разгромъ, послѣ котораго обществу уже не легко было оправиться и тѣмъ труднѣе было выносить все усиливавшійся фискальный гнетъ, вызванный, помимо другихъ причинъ, и начавшимся съ конца второго и особенно съ начала третьяго вѣка почти непрерывнымъ напоромъ германцевъ на римскія границы, требовавшимъ отъ имперіи большихъ военныхъ расходовъ. Правительство начинаетъ испытывать хроническую нужду въ деньгахъ. А между тѣмъ денегъ трудно достать, и не потому только, что правительству приходится употреблять для этого большія усилія: достать ихъ трудно потому, что ихъ уже мало и въ обращеніи, такъ какъ денежный обмѣнъ уже сильно ослабѣлъ, и деньги уже стали превращаться въ товаръ. Чтобы помочь бѣдѣ, правительство часто и безъ всякаго ограниченія начинаетъ прибѣгать къ порчѣ монеты. Дѣла эта операція, конечно, не поправляетъ, и Діоклетіану, какъ извѣстно, приходится рѣшительно перейти къ натурально-хозяйственной податной системѣ, уже и до него весьма не рѣдко практиковавшейся, теперь же дѣлающейся единственно возможнымъ способомъ обезпечить необходимыя государству правительственныя средства.—Такимъ образомъ, уже къ началу царствованія Діоклетіана сказались во всей опредѣленности и полнотѣ результаты цѣлаго ряда причинъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовавшихъ на хозяйственную жизнь римскаго общества и возвращавшихъ ее къ болѣе узкимъ и элементарнымъ формамъ. Естественно, что крупному капиталистическому предпріятію, какимъ являлось въ первые два вѣка имперіи сельско-хозяйственное производство во владѣніяхъ земельныхъ магнатовъ, теперь уже не оказывалось мѣста. Государство уже не было въ состояніи гарантировать необходимыхъ для правильнаго широкаго обмѣна условій

въ видѣ общественной безопасности, правильнаго и безпрепятственнаго сообщенія между всѣми частями имперіи и т. п. Съ другой стороны, у землевладѣльцевъ уже не было необходимыхъ для крупнаго предпріятія капиталовъ, и они такимъ образомъ не могли обезпечить себя необходимыми для крупнаго производства свободными рабочими руками, которыя бы замѣнили рабскій трудъ, теперь уже недостаточный въ виду прекращенія къ этому времени доставлявшихъ человѣческой матеріаль завоевательныхъ войнъ. Не теряя власти надъ своими громадными помѣстьями, магнаты постепенно лишены были возможности ставить себѣ прежнія хозяйственныя цѣли, и имъ поневолѣ приходилось давать совершенно иное направленіе хозяйственной жизни латифундіевъ, единственно возможное въ новой политической и хозяйственной обстановкѣ, въ которой постепенно очутилось общество Римской имперіи. Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ формъ, въ какія постепенно отлились хозяйственная жизнь крупнаго помѣстья и его соціальныи строй.

Постепенно все болѣе и болѣе дававшая себя знать невозможность вести крупное, на рабскомъ ли, или на свободномъ трудѣ основанное, на обширный рынокъ разсчитанное хозяйство заставляла землевладѣльцевъ все болѣе и болѣе сокращать размѣры собственной эксплуатаціи и рѣшительно переходить къ иной хозяйственной системѣ. Система эта была не нова. Раздача земли въ аренду мелкими участками—а мы именно о ней и говоримъ—давно, какъ мы знаемъ, практиковалась крупными землевладѣльцами, являясь необходимымъ коррективомъ плантаціоннаго хозяйства. Но если прежде она занимала все-таки второстепенное мѣсто, то теперь она выступаетъ на первый планъ, являясь единственно возможной при новыхъ условіяхъ формой эксплуатаціи земельныхъ богатствъ владѣльцевъ латифундіевъ. Мелкій арендаторъ начинаетъ теперь играть роль главной фигуры на хозяйственной сценѣ Римской имперіи, принадлежавшую нѣкогда крестьянину-собственнику, а потомъ перешедшую къ клейменому и закованному въ кандалы рабу. Переставъ существовать какъ система крупнаго капиталистическаго хозяйства, латифундій долго еще оставался въ качествѣ крупнаго владѣнія и, можно сказать, что тѣ же причины, которыя дѣлали необходимымъ дробленіе его на рядъ мелкихъ хозяйственныхъ организмовъ, въ то же время приводили къ еще большому укрѣпленію владѣльческихъ правъ латифундіальнаго собственника и вмѣстѣ съ тѣмъ къ созданію самаго внимательнаго и самаго назойливаго контроля этого послѣдняго надъ жизнью зависимыхъ отъ него арендныхъ хозяйствъ. Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ хозяйственному строю лати-

фунда послѣднихъ вѣковъ имперіи своеобразный характеръ и даетъ намъ право видѣть въ немъ какой-то компромиссъ (или синтезъ) двухъ совершенно различныхъ хозяйственныхъ системъ: арендныя хозяйства здѣсь представляютъ собою скорѣе тѣсно связанныя съ направляющимъ все центромъ клѣточки сложнаго хозяйственнаго организма, чѣмъ самостоятельныя хозяйственныя тѣла; они не сами ставятъ себѣ цѣли, а скорѣе служатъ средствами для осуществленія цѣлей, которыя ставятъ имъ центръ. Въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ Веберомъ, когда онъ говоритъ, что система римской фермерской культуры представляетъ собою не что иное, какъ одинъ изъ способовъ—и при томъ самый рациональный—эксплуатации помѣстья *самимъ землевладельцемъ*, что станетъ еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что обыкновенно самъ землевладелецъ снабжалъ своихъ мелкихъ арендаторовъ хозяйственнымъ инвентаремъ и получалъ съ нихъ теперь арендную плату обыкновенно уже не деньгами, а натурой, въ видѣ части продуктовъ ихъ труда (*partes agrariae*, отчего сами эти арендаторы назывались *coloni partiarum*). Можно сказать, что, и раздробившись на рядъ мелкихъ арендныхъ хозяйствъ, латифундій не вполне утратилъ характеръ крупнаго предпріятія. Разница съ прежнимъ, однако, въ томъ, что это крупное предпріятіе не могло уже ставить себѣ прежнихъ капиталистическихъ цѣлей, что задачи его уже не имѣли коммерческаго характера, что оно не имѣло уже въ виду интересовъ рынка и руководствовалось интересами совсѣмъ иного порядка. Если латифундій предшествующей, народно-хозяйственной эпохи представлялъ собою явленіе чисто-экономическое, преобладавшую тогда форму хозяйственной жизни римскаго общества, направлявшейся свободной игрой хозяйственныхъ интересовъ, то теперь въ немъ слѣдуетъ видѣть своеобразную организацію хозяйственныхъ и общественныхъ силъ, призванную служить прежде всего интересамъ государства и раздѣлившую участь всѣхъ другихъ общественныхъ организацій имперіи, превратившихся, какъ мы знаемъ, въ служебныя органы всемогущаго государства. Та чисто-экономическая зависимость, въ какую, естественно, попадалъ безземельный мелкій человекъ, становясь арендаторомъ крупнаго землевладельца, осложнялась теперь узами принудительнаго характера, которыми связывало его съ этимъ послѣднимъ государство, видѣвшее теперь въ земельномъ магнатѣ представителя своихъ собственныхъ фискальныхъ и полицейскихъ интересовъ, своего служилаго человека, обязаннаго отвѣчать передъ правительствомъ за исправное отбываніе всѣхъ лежавшихъ на населеніи его владѣльческой территоріи государственныхъ повинностей и содѣйствовать мѣстнымъ и центральнымъ властямъ въ охра-

неніи общественнаго порядка. Среди этихъ повинностей, безспорно, первое мѣсто занимала уплата государству натурой поземельно-подушнѣй подати (въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что введенная Діоклетіаномъ податная система представляла собою своеобразную комбинацію собственно поземельной подати съ податью поголовной), и единственно возможнымъ для государства средствомъ обезпечить себѣ правильное поступленіе продуктовъ труда земледѣльческаго населенія было поручить владѣльцу латифундіи бдительный надзоръ за тѣмъ, чтобы трудъ этотъ правильно и продуктивно отправлялся экономически зависимыми отъ него людьми, что вполнѣ въ то же время совпадало и съ его собственными хозяйственными интересами. Но государству важно было не только обезпечить правильное отправленіе земледѣльческаго труда, но и самую его наличность. Для него было необходимо не только то, чтобы земледѣлецъ надлежащимъ образомъ обрабатывалъ данный участокъ, но также и то, чтобы на данномъ участкѣ былъ всегда налицо владѣлецъ необходимыхъ для его обработки рабочихъ рукъ. Было это, конечно, и въ интересъ самого землевладѣльца, хотя нужно сказать, что фискальный интересъ былъ здѣсь несравненно интенсивнѣе, и онъ-то и сыгралъ роль главнаго цемента, скрѣпившаго неразрывной связью отдѣльные хозяйственные атомы, на которые стала было распадаться хозяйственная жизнь латифундіи, а также не въ малой мѣрѣ способствовалъ поддержанію самой этой жизни, поскольку она нуждалась во внѣшнихъ стимулахъ для своего продолженія. Если поставить вопросъ, какимъ интересамъ давало удовлетвореніе существованіе латифундіи въ послѣдніе вѣка имперіи, то можно смѣло сказать, что *хозяйственные* интересы собственника его играли здѣсь едва ли не послѣднюю роль. Какъ и въ древнѣйшую эпоху въ исторіи крупнаго землевладѣнія въ Римѣ, въ эпоху господства натурального хозяйства, такъ и теперь, когда хозяйственная жизнь римскаго общества опять вернулась на эту первоначальную стадію, для земельного магната главный интересъ представляла уже не столько власть надъ землею, сколько власть надъ людьми, сидѣвшими на его землѣ, не столько хозяйственная эксплуатація этой земли, сколько социальное и политическое могущество, которое онъ пріобрѣталъ благодаря власти надъ этими экономически-зависимыми отъ него людьми. Тѣ натуральные взносы, которые получалъ владѣлецъ латифундіи въ видѣ арендной платы со своихъ колоновъ, конечно, имѣли для него не малый интересъ, представляя собою основу его матеріальныхъ, потребительныхъ ресурсовъ, и могли даже избавлять его отъ необходимости вести въ тѣхъ же чисто-потребительныхъ цѣляхъ свое особое, барское хозяйство. Но, не

говоря уже о томъ, что эта арендная плата представляла собою всего какую-нибудь седьмую долю чистой выручки колона, тогда какъ земельно-подушная подать, которую вносилъ казнѣ колонъ черезъ посредство владѣльца латифундія, брала у него цѣлую пятую часть продуктовъ его труда, такіе факты, какъ насильственное распредѣленіе правительствомъ брошенной земледѣльцами и запущенной земли между владѣльцами находившихся подъ обработкой участковъ, между крупными землевладѣльцами (эта мѣра носила техническое названіе *ἐπιβολή*) и дарованіе права собственности на землю, оставленную прежнимъ владѣльцемъ, тому, кто станетъ обрабатывать ее и платить за нее подати въ теченіе года или двухъ, а также созданіе правительствомъ особыхъ формъ аренды въ интересахъ улучшенія обработки земли, съ достаточной выразительностью указываютъ на то, что въ поддержаніи земледѣлія на территоріи латифундія въ наступившую вновь эпоху натурального хозяйства было заинтересовано прежде всего правительство имперіи, для котораго это былъ теперь вопросъ жизни и смерти во всей своей непосредственной осязательности. Для личныхъ потребительныхъ надобностей самого владѣльца латифундія не могло представлять особенной жизненной важности, что та или иная часть его земельного фонда оставалась неиспользованной: онъ и такъ могъ просуществовать вполне удовлетворительно. Но государство не могло этого допустить, оно должно было зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одинъ клочокъ земли не вышелъ изъ-подъ обработки, вполне понимая, что только такимъ путемъ оно можетъ обезпечить себѣ правительственные средства, чтобы удовлетворять свои возраставшія потребности.—Нельзя сказать, чтобы социальный матеріалъ, съ помощью котораго латифундіальные собственники эксплуатировали свой земельный фондъ въ формѣ мелкихъ зависимыхъ хозяйствъ, отличался особенно большою подвижностью. Хотя отношенія между арендаторомъ и собственникомъ арендуемаго имъ участка являлись свободно-договорными отношеніями, нормируясь пятилѣтнимъ контрактомъ, по окончаніи срока котораго арендаторъ воленъ былъ оставить арендуемый имъ участокъ, но уже очень рано мы наблюдаемъ факты болѣе продолжительнаго пребыванія арендаторовъ на занимаемыхъ ими участкахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ факты этого рода все болѣе и болѣе учащаются, становясь постепенно общимъ правиломъ и рисуя намъ колона фактически-наслѣдственнымъ арендаторомъ. Дѣло въ томъ, что полной свободой оставить арендуемую имъ землю по окончаніи срока аренды и по выполненіи всѣхъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ собственнику земли колонъ не всегда могъ и не всегда хотѣлъ воспользоваться и оставался

на своемъ участкѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. И дѣйствительно, если арендатору жилось не дурно на землѣ даннаго землевладѣльца и если онъ успѣлъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для веденія хозяйства, то у него не было расчета покидать насиженное мѣсто, и онъ могъ безпрепятственно возобновлять свой контрактъ черезъ каждыя пять лѣтъ, для чего требовалось простое согласіе землевладѣльца. Едва ли не болѣе часты были случаи другого рода, когда арендаторъ не могъ разорвать связи съ землей, на которой сидѣлъ, и волей-неволей долженъ былъ оставаться на ней, не будучи въ состояніи расчитаться съ землевладѣльцемъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе запутываясь въ долгахъ (мы часто встрѣчаемъ въ источникахъ эти *reliqua colonorum*). Самыя различныя въ каждомъ данномъ случаѣ обстоятельства приводили его въ такое положеніе. Всякій фактъ, неблагопріятно отражавшійся на его хозяйствѣ, способствовалъ этому. Съ другой стороны, арендаторъ съ перваго момента поселенія своего на данномъ участкѣ могъ стать должникомъ землевладѣльца, явившись арендовать у него землю съ пустыми руками и принужденный поэтому взять у него все необходимое, чтобы стать на ноги и быть въ состояніи приняться за хозяйство—а мы знаемъ, что такъ было въ огромномъ большинствѣ случаевъ—, и достаточно было одного или двухъ неурожайныхъ лѣтъ, чтобы положеніе его сдѣлалось настолько труднымъ, что онъ и думать не могъ о своевременномъ расчетѣ съ собственникомъ земли и фактически прикрѣплялся къ своему участку.

Такъ постепенно въ силу самыхъ различныхъ, какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, свободные мелкіе арендаторы превращались въ фактически крѣпкихъ землѣ колоновъ, и это въ значительной мѣрѣ облегчало задачу, которую взяло на себя правительство, озабоченное обезпеченіемъ правильнаго поступленія натуральной поземельно-подушной подати, этой основы правительственныхъ средствъ имперіи съ конца третьяго вѣка, и въ виду этого принужденное принимать мѣры къ тому, чтобы земледѣліе не приходило въ упадокъ, чтобы находившіеся подъ обработкой участки не забрасывались и для этого всегда были снабжены рабочей силой. Мелкая аренда представляла собою главный, если не единственный, ресурсъ безземельной массы, все болѣе и болѣе увеличивавшейся, и въ общемъ можно сказать, что и безъ принудительнаго содѣйствія правительства земля находила земледѣльца. Если въ интересахъ фиска было, чтобы на территоріи латифундія земледѣльческаго хозяйства не только не прекращалась, но и по возможности не сокращалась, и латифундій продолжалъ оставаться хозяйственнымъ организмомъ, хотя уже иного строенія, чѣмъ въ народно-хозяй-

ственную эпоху, то это было и въ интересахъ миллионовъ безземельнаго люда, который находилъ на землѣ крупнаго собственника приложеніе своей трудовой силѣ и обезпеченіе своихъ жизненныхъ потребностей. Тѣмъ не менѣе правительство, потребности котораго все росли, не могло всецѣло положиться на естественную игру экономическихъ факторовъ, повелительно клонившую къ развитію мелкой аренды, такъ какъ среди этихъ факторовъ могли оказываться и такіе, дѣйствіе которыхъ могло тормозить желательные для фиска результаты вліянія другихъ факторовъ. Мы знаемъ, что податная система имперіи, какъ она сложилась послѣ реформы Діоклетіана, взвалила на плечи земледѣльца чрезвычайно тяжелое бремя, которое по временамъ становилось прямо невонисимымъ и заставляло арендатора бросать все и уходить съ своего участка, куда глаза глядятъ; и это станетъ еще понятнѣе, если мы вспомнимъ, что тотъ же Діоклетіанъ сразу страшно увеличилъ войско и армію чиновничества, а слѣдовательно, и количество необходимыхъ для ихъ содержанія натуральныхъ поступленій, и сдѣлалъ это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда страна только что перенесла продолжительную гражданскую смуту, вызвавшую въ имперіи полный хозяйственный разгромъ. Арендаторы массами уходили съ насиженныхъ мѣстъ и устремлялись въ города, пополняя такимъ образомъ кадры городского пролетаріата, въ горы, гдѣ становились разбойниками, а нерѣдко присоединялись къ варварамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними тревожить границы безмѣрно угнетавшаго ихъ государства. Деревни пустѣли, и большія пространства плодородной земли зарастали сорными травами. Страдали интересы государства; не малый ущербъ терпѣли и интересы латифундіальныхъ собственниковъ, не рѣдко лишавшихся возможности имѣть въ своемъ помѣстьѣ даже то количество рабочей силы, какое необходимо было для производства продуктовъ для надобностей барскаго двора, не говоря уже о томъ, что они не оказывались благодаря этому въ состояніи гарантировать казнѣ лежавшую на ихъ землѣ согласно точнымъ указаніямъ кадастра подать. Какъ бы ни былъ могуществененъ каждый отдѣльный собственникъ латифундія, но онъ не могъ съ помощью собственныхъ средствъ справиться съ этими затрудненіями. Приходилось бороться съ общимъ явленіемъ, и нужно было принимать общія, распространяющіяся на всю страну мѣры. А это могла сдѣлать только государственная власть. И правительство имперіи не заставило себя ждать, еще болѣе заинтересованное въ возможно скоромъ и по возможности коренномъ устраненіи аграрнаго и фискальнаго кризиса.—Нужно было разъ навсегда фиксировать податную стоимость каждаго отдѣльнаго помѣстья, не на бумагѣ только, не на

страницахъ только земельного кадастра, а на самомъ дѣлѣ, необходимо было разъ на всегда обезпечить каждому данному помѣстью необходимое для него количество рабочей силы, чтобы владѣлецъ помѣстья дѣйствительно могъ отвѣчать передъ казною за определенное количество продуктовъ труда, прилагаемаго къ его землѣ сидящими на ней земледѣльцами. Если сами землевладѣльцы ничего другого не могли предпринять для достиженія этой же цѣли, какъ сманивать другъ у друга колонновъ, привлекая ихъ возможно болѣе льготными условіями, а то и просто насильственнымъ путемъ отнимать ихъ у своихъ сосѣдей, то съ точки зрѣнія фиска эта чисто-экономическая и вовсе не экономическая борьба не только не приводила къ желанному для него результату, но дѣлала еще болѣе неустойчивой экономическую почву, на которую онъ долженъ былъ опираться, и поэтому должна была вызвать къ себѣ со стороны правительства лишь отрицательное отношеніе. И правительство въ лицѣ Константина Великаго не замедлило вполнѣ определенно высказаться именно въ этомъ вполнѣ отрицательномъ направленіи. «Тотъ, у кого будетъ найденъ принадлежащій другому колоннъ,— читаемъ мы въ постановленіи Константина отъ 332 года,— не только долженъ вернуть его туда, откуда тотъ родомъ, но и долженъ заплатить подать, причитающуюся съ него (колона) за все то время, какое у него колоннъ находился». Но правительство этимъ запрещеніемъ экономической борьбы между землевладѣльцами изъ-за рабочей силы не ограничилось. Оно направило свои удары и на самую эту рабочую силу. Оно рѣшило разъ навсегда закрѣпить за каждымъ даннымъ помѣстьемъ его рабочую силу и такимъ образомъ разрубить тотъ гордіевъ узелъ, который завязала хозяйственная и политическая исторія имперіи. Непосредственно за приведенными словами эдикта 332-го года читаемъ: «А самихъ колонновъ, которые вздумаютъ бѣжать, надлежитъ заковывать въ кандалы, какъ рабовъ, чтобы въ наказаніе заставить ихъ рабскимъ способомъ исполнять обязанности, приличествующія свободнымъ людямъ». Текстъ этотъ въ достаточной мѣрѣ выразителенъ и не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящимъ прикрѣпленіемъ колона къ землѣ даннаго помѣстья. Прежде одна фактическая невозможность расчитаться съ землевладѣльцемъ или соображенія личной выгоды могли удерживать арендатора дольше обусловленнаго аренднымъ договоромъ (*locatio-conductio*) срока на арендуемой имъ землѣ. Теперь онъ лишается права оставлять ее когда бы то ни было, и если вздумаетъ тѣмъ не менѣе уйти, его уходъ уже объявляется «бѣгствомъ» (*fuga*), и его силою заставляютъ вернуться на прежнее мѣсто. Прежде уходъ колона, не рас-

платившагося съ землевладѣльцемъ, подвергалъ колона обыкновенной гражданской отвѣтственности, теперь его за это подвергаютъ наказанію. Совсѣмъ другое положеніе, совсѣмъ инныя точки зрѣнія. Законъ создаетъ такимъ образомъ новое общественное состояніе, юридически санкціонируетъ появленіе новаго общественнаго класса. Теперь мы имѣемъ дѣло не съ простой экономической засисимостью арендатора отъ собственника земли, которую онъ держитъ, но и съ признанной закономъ властью землевладѣльца надъ арендаторомъ, властью, для осуществленія которой землевладѣлецъ имѣетъ къ своимъ услугамъ органы государства.

Сдѣлавъ этотъ крупный шагъ, законодательство пошло дальше въ томъ же направленіи, подтверждая, развивая и дополняя созданный такимъ образомъ юридическій фактъ. «Мы не думаемъ», — читаемъ мы въ законѣ Валентиніана I (371 г.), — чтобы колоны могли свободно уходить изъ деревни, къ которой, какъ извѣстно, ихъ привязываютъ происхожденіе и родство... Если они перейдутъ отсюда къ другому, ихъ слѣдуетъ вернуть и подвергнуть наказанію, и пусть будутъ оштрафованы и тѣ, кто счелъ возможнымъ принять чужого и неизвѣстнаго (колона)... такимъ образомъ, что владѣлецъ помѣстья, въ которомъ будетъ найденъ чужой (колонъ), подвергнется возмездію сообразно качеству проступка... Штрафъ онъ заплатитъ по приговору судьи».

Нѣсколько позже, въ одномъ изъ постановленій Θεодосія мы читаемъ, что «еще предками установленный законъ во всѣхъ провинціяхъ прикрѣпилъ колоновъ вѣчными узами права, такъ что имъ не позволяется оставлять тѣ поля, плодами которыхъ они пользуются, ни покидать той земли, которую они разъ взяли для обработки», что «никто изъ колоновъ не можетъ по своей волѣ уйти, какъ это можетъ сдѣлать свободный человѣкъ», а если онъ уйдетъ, то собственникъ земли имѣетъ полное право потребовать его назадъ. «Если кто переманитъ или скроетъ у себя чужого колона, — гласитъ законъ 386-го года, — то онъ обязанъ заплатить шесть унцій золота, если это колонъ частновладѣльческій, и фунтъ (золота), если это колонъ удѣльный». Рядомъ съ приведенными постановленіями идутъ другія, запрещающія колонамъ переходить въ другіе общественные классы: въ куріалы, въ администрацію, въ войско.

Если уже разсмотрѣнный нами законъ Константина Великаго (332 г.) является первымъ крупнымъ шагомъ въ юридической исторіи колоната, то относящееся къ пятому вѣку постановленіе императора Анастасія можно съ полнымъ правомъ признать однимъ изъ завершительныхъ моментовъ въ этой исторіи. Постановленіе это

гласить, что всякій свободный человѣкъ, совершенно полноправный гражданинъ, въ теченіе тридцати лѣтъ сидѣвшій въ качествѣ свободного арендатора на данномъ участкѣ, по истеченіи этого срока, оставаясь лично свободнымъ и сохраняя право распоряженія своимъ имуществомъ, навсегда прикрѣпляется къ этому участку и обязуется платить оброкъ собственнику его.

Итакъ, колонъ окончательно прикрѣпляется къ землѣ, становится ея рабомъ (*servus terrae*). Изъ когда-то свободного арендатора въ предѣлахъ помѣстья онъ окончательно превращается въ неотдѣлимую часть латифундіальнаго организма и этимъ обезпечиваетъ ему правильное и постоянное функціонированіе, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это было тогда возможно. Но, прикрѣпивъ колона наследственными узами къ землѣ помѣстья и подчинивъ его власти землевладѣльца, государство, какъ мы знаемъ, руководствовавшееся при этомъ исключительно своими чисто фискальными интересами, видѣло въ этомъ лишь конкретную форму прикрѣпленія колона къ государственному тяглу. Наслѣдственно служа помѣщику, колонъ въ сущности служилъ государству, добывая своимъ несвободнымъ трудомъ средства, которыя были необходимы прежде всего для содержанія громадныхъ армій, многочисленной полиціи, огромнаго штата чиновниковъ, пышнаго и расточительнаго двора. Какъ и всѣ другія прежде свободныя профессіи, и занятіе земледѣліемъ, крестьянское дѣло, было превращено въ подневольное отбываніе казенной повинности. Самому, съ помощью своихъ собственныхъ административныхъ органовъ наблюдать за тѣмъ, чтобы колонъ исправно и добросовѣстно отбывалъ свою казенную повинность, государство не было въ силахъ; да въ этомъ не было и надобности: разъ интересы его совпадали въ данномъ случаѣ съ интересами землевладѣльца по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ исправномъ и добросовѣстномъ хозяйничаньѣ колона на его участкѣ было заинтересовано не только государство, но и собственникъ участка, владѣлецъ латифундія, то вполне естественнымъ со стороны государства было передать надзоръ надъ колонами землевладѣльцу, надѣливъ его соотвѣтствующей властью, но въ то же время возложивъ на него и отвѣтственность за правильное поступленіе въ казну слѣдуемыхъ съ колоновъ натуральныхъ взносовъ. Такимъ образомъ, власть землевладѣльца, собственника латифундія, надъ прикрѣпленными къ его помѣстью колонами совершенно естественно и необходимо вытекала изъ его положенія какъ представителя интересовъ государства, какъ служилаго человѣка, какъ своеобразнаго фискальнаго агента. Не менѣе естественнымъ со стороны государства было передать послѣ этого крупному землевла-

дѣльцу и иного рода власть, власть болѣе общаго характера, уже не въ одной только специальной сферѣ чисто хозяйственныхъ отношеній, но и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ сторонамъ поведенія колонновъ. Государству все труднѣе и труднѣе становилось самому справляться со всѣми деталями административнаго вмѣшательства въ мѣстную жизнь. Оно едва справлялось и съ болѣе широкими задачами. А между тѣмъ въ крупномъ землевладѣльцѣ, стоявшемъ въ центрѣ и во главѣ обширнаго общественнаго соединенія, какимъ являлся латифундій, оно находило готовый общественный органъ, который оно безъ всякаго затрудненія могло приспособить къ своимъ административнымъ цѣлямъ. Передавъ землевладѣльцу права и обязанности фискальнаго агента, правительство надѣлило его и полицейскими функціями, возложивъ на него обязанность представлять на судъ привлекаемыхъ къ судебной отвѣтственности колонновъ и отвѣчать за ихъ появленіе передъ судомъ, а также право путемъ административнаго воздѣйствія пресѣкать всякаго рода мелкія правонарушенія и улаживать мелкія тяжбы среди своихъ колонновъ. Судебной власти землевладѣльцы не получали; но крупный магнатъ, могущественный человекъ (*vir potens*), располагавшій сотнями и тысячами зависимыхъ отъ него людей, легко могъ присвоить себѣ эту власть, не взирая на грозные на словахъ, но въ дѣйствительности мало страшные для него императорскіе указы, рѣшительно воспрепятствовавшіе подобную узурпацію, и чѣмъ ближе къ концу имперіи, тѣмъ все чаще и чаще такого рода захваты. Обращаясь къ земельному магнату за податью съ сидѣвшихъ на его землѣ колонновъ, правительство обращалось къ нему и за рекрутами, которыхъ должны были ставить въ имперское войско эти же колонны. — Такъ мало-по-малу между крестьянской массой и государственной властью имперіи сталъ крупный земельный магнатъ. Съ нимъ непосредственно вѣдалась центральная власть, до крестьянъ же только черезъ него, сквозь призму его сословныхъ и классовыхъ интересовъ доходили велѣнія высшей власти. Надѣливъ соціально сильнаго человека атрибутами административной власти надъ экономически зависимыми отъ него людьми, государство создало изъ него политическую силу, которой не трудно было съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе эмансипироваться отъ контроля центральной власти, безостановочно слабѣвшей, и, постепенно втягивая въ сферу своего вліянія все большее и большее количество соціально слабыхъ элементовъ, явиться наконецъ чрезвычайно серьезной угрозой для самой центральной власти и олицетворявшагося ею имперскаго единства. Мы отмѣчаемъ здѣсь только общую центробѣжную тенденцію разсматриваемой нами эволюціи; конкрет-

ными же формами, въ которыхъ она осуществилась, мы займемся въ другой связи; тогда же мы сдѣлаемъ попытку и разобраться въ причинахъ, которыя привели къ тому, что въ то время, какъ превращеніе государствомъ въ свои органы другихъ общественныхъ организацій—и прежде всего муниципій и, какъ потомъ увидимъ, ремесленныхъ и торговыхъ корпорацій—постепенно убило въ нихъ всякую жизнь, обрекло ихъ на медленную смерть отъ полнаго истощенія, та же политическая операція, произведенная надъ латифундіями въ лицѣ ихъ владѣльцевъ, не только не обезсилила ихъ, но дала совершенно противоположные результаты; правильно поставить и разрѣшить этотъ вопросъ значитъ сдѣлать крупный шагъ къ разрѣшенію еще болѣе сложнаго и еще болѣе широкаго вопроса о причинахъ разложенія Западной Римской имперіи. Теперь же мы займемся нѣкоторыми болѣе частными вопросами.

Представленный нами очеркъ тѣхъ полномочій, которыми надѣлила латифундіальнаго собственника государственная власть, дѣлаетъ для насъ совершенно очевиднымъ тотъ фактъ, что, прикрѣпляя колона къ землѣ, государство вовсе не имѣло въ виду отдавать его на произволъ землевладѣльца, вовсе не давало этому послѣднему права по своему желанію увеличивать свои требованія въ отношеніи къ колону какъ къ своему арендатору. Всѣ эти полномочія носятъ вполнѣ ясно выраженный публично-правовой характеръ, рисуя землевладѣльца какъ должностное лицо, облеченное административной властью въ отношеніи къ части римскихъ гражданъ, живущей на его владѣльческой территоріи, а вовсе не какъ рабовладѣльца, располагающаго тѣми или иными атрибутами совершенно частной власти господина (*dominus*) надъ своей *familia*. Правда, съ теченіемъ времени зависимость колоновъ отъ помѣщика настолько увеличилась и настолько понизилось ихъ социальное и личное положеніе, что законодательство очень не рѣдко смѣшиваетъ ихъ съ рабами и даже называетъ землевладѣльца, на территоріи котораго они живутъ, ихъ господиномъ (*dominus*). Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на что, колонъ всегда въ глазахъ права являлся свободнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, хоть и отдѣленнымъ отъ общаго права и закона высокою стѣною посреднической власти, но далеко не забытымъ имъ и продолжающимъ пользоваться его покровительствомъ и охраной и въ своихъ частно-правовыхъ отношеніяхъ къ собственнику своего участка и, въ частности, въ своихъ арендныхъ къ нему отношеніяхъ. Землевладѣлецъ не имѣетъ права измѣнять качество и количество арендной платы колона (обыкновенно въ видѣ части продуктовъ его труда), какъ она определена разъ заключеннымъ договоромъ или разъ установленнымъ

обычаемъ помѣстья (*consuetudo praedii, mos regionis*), и въ случаѣ нарушенія этого принципа колонъ имѣлъ право обратиться съ жалобой въ судебныя учрежденія имперіи. Колонъ былъ прикрѣпленъ не къ личности землевладѣльца, а къ его землѣ, для того, чтобы земля эта могла давать казнѣ слѣдующую съ нея подать. Это прикрѣпленіе колона къ землѣ являлось такимъ образомъ только условнымъ послѣдствіемъ приписки его къ лежавшимъ на землѣ государственнымъ повинностямъ, послѣдствіемъ того, что колонъ былъ *sensibus adscriptus*; прикрѣпленіе его къ землѣ было только конкретной формой прикрѣпленія его къ государственному тяглу. Государство вовсе не отдавало колона въ полное распоряженіе землевладѣльца, вовсе не отказывалось отъ всего въ пользу этого послѣдняго, какъ это случилось въ чисто феодальную эпоху съ вилланомъ. Оно прикрѣпило колона къ землѣ какъ разъ на столько, на сколько это нужно было въ виду чисто фискальныхъ цѣлей, для того, чтобы земля, обложенная податью, была всегда въ состояніи платить ее и для этого не оставалась «вдовой безъ земледѣльца» (*viduatae cultoribus*), по образному выраженію источника. Прикрѣпленіе крестьянъ въ Римской имперіи было лишь одной изъ сторонъ общаго прикрѣпленія, которому подверглись всѣ классы римскаго общества. Для удовлетворенія все возрастающихъ потребностей государства, изъ которыхъ первой и самой настоятельной была непрекращавшаяся борьба съ варварами, все сильнѣе и сильнѣе напиравшими на границы имперіи, всѣ были призваны служить государству, каждый оставаясь въ сферѣ своей специальной, профессиональной дѣятельности, и императоры, начиная съ четвертаго вѣка, какъ мы уже отчасти видѣли это, замѣнили для этого свободный выборъ занятій постоянными, наслѣдственными занятіями, создавали классы людей, обязанныхъ наслѣдственно отправлять муниципальныя должности, наслѣдственно заниматься ремеслами и торговлей, наслѣдственно нести военную службу, наслѣдственно служить въ канцеляріи, и, наконецъ, людей, обязанныхъ наслѣдственно обрабатывать землю и доставлять доходы землевладѣльцу (наслѣдственному куріалу или имперскому сенатору) и подати казнѣ. Деревня, какъ и городъ, становится фискальнымъ органомъ государства, и прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ является лишь специальной формой постигшаго всѣ классы римскаго общества прикрѣпленія къ государственному тяглу.

Все время мы наблюдали развитіе колоната на частно-владѣльческихъ территоріяхъ, и нужно сказать, что именно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ процессомъ этой эволюціи въ его типичномъ и самомъ распространенномъ видѣ. На императорскихъ земляхъ ко-

лонать сложился нѣсколько раньше и слагался онъ здѣсь нѣсколько инымъ, болѣе ускореннымъ путемъ. Достаточно сказать, что тѣ права, которыми лишь мало-по-малу были надѣлены частные землевладѣльцы, съ самого начала находились въ рукахъ администраціи императорскихъ помѣстій въ виду именно того, что владѣльцемъ этихъ помѣстій былъ глава государства, и представители этой администраціи обладали гораздо болѣе обширными полномочіями, чѣмъ частные владѣльцы. Съ другой стороны, если въ частныхъ помѣстьяхъ лишь медленно и постепенно держаніе земли по свободному срочному контракту уступило мѣсто наследственному владѣнію по обычаю помѣстья (*consuetudo praedii, mos territorii*), то на земляхъ императора мы уже очень рано наблюдаемъ господство обычнаго порядка, при чемъ обычай, регулирующий арендныя отношенія даннаго помѣстья, очень рано кодифицируется въ видѣ развѣ навсегда фиксированнаго *lex saltus*, устраняющаго необходимость въ индивидуальныхъ арендныхъ договорахъ. Въ нѣсколько аналогичномъ положеніи находились и нѣкоторыя частныя помѣстья. Это были помѣстья римскихъ сенаторовъ. Они тоже представляли собою такъ называемые *saltus*'ы, т.-е. не включенные въ территорію какого-либо муниципальнаго округа и не подчиненные юрисдикціи муниципальныхъ властей округá (римскіе сенаторы вѣдь не были членами муниципій) и сами представляли собою какъ бы муниципіи (*territorii municipalis instar*), и поэтому ихъ владѣльцы являлись въ отношеніи къ населенію помѣстья своего рода муниципальными магистратами и, слѣдовательно, располагали въ отношеніи къ колонамъ полномочіями, которыя лишь постепенно попали въ руки обыкновенныхъ *possessores*. И здѣсь арендныя отношенія нормировались не отдѣльными договорами, а помѣстнымъ обычаемъ или закономъ. Уже очень рано на императорскихъ и на частно-владѣльческихъ *saltus*'ахъ колонны являются наследственными арендаторами, для которыхъ помѣстье, гдѣ они снимаютъ землю, является въ глазахъ закона ихъ родиной, ихъ мѣстомъ приписки, *origo*, отчего и сами эти колонны носятъ названіе *coloni originarii* и противоплагаются колонамъ, не приписаннымъ и не обязаннымъ наследственно держать свои участки, свободнымъ колонамъ, *liberi coloni* (какими являлись частно-владѣльческіе колонны обыкновенныхъ латифундцевъ до законодательства Константина и его преемниковъ). Подобно тому, какъ муниципальный магистратъ имѣетъ право потребовать отъ жителя муниципія исполненія той или иной работы въ пользу муниципія (*munera municipalia*) (напримѣръ, участія въ сооружеініи или починкѣ городскихъ стѣнъ), такъ же точно владѣлецъ *saltus*'а или его управляющій (*procurator*) имѣлъ право потребовать отъ

колона, кромѣ части продуктовъ его труда, и самый трудъ въ видѣ барщины (oregae). И мѣ находимъ въ надписяхъ, найденныхъ въ Африкѣ, упоминанія о такой барщинѣ, хотя число барщинныхъ дней такъ незначительно (какихъ-нибудь шесть или двѣнадцать дней въ году), что нѣтъ основаній придавать ей слишкомъ серьезное значеніе при конструированіи очертаній помѣстнаго строя имперіи. Распорядки, господствовавшіе на saltus'ахъ, какъ императорскихъ, такъ и сенаторскихъ, несомнѣнно, послужили образцомъ при реформированіи частно-владѣльческаго помѣстнаго строя законодательствомъ четвертаго и пятаго вѣковъ, которое начало съ того, что во всей строгости примѣняло въ отношеніи къ колонамъ saltus'овъ принципъ origo, окончательно прикрѣпивъ ихъ къ мѣсту ихъ приписки, а затѣмъ приравняло къ этимъ coloni originarii и всѣхъ остальныхъ частновладѣльческихъ колоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дмитрій Петрушевскій.

Б. Н. Чичеринъ по воспоминаніямъ І. К. Блюнчли.

Имя Блюнчли (Joh. Kaspar Bluntschli 1808—1881), какъ одного изъ выдающихся представителей нѣмецкой государственной науки, и его сочиненія по государственному и международному праву пользуются широкой и заслуженной извѣстностью.

Менѣе извѣстны, повидимому, его мемуары, вышедшіе въ свѣтъ уже посмертнымъ изданіемъ. (*J. C. Bluntschli*, «Denkwürdigkeiten aus meinem Leben», auf Veranlassung der Familie durchgesehen und veröffentlicht von Dr. R. Seyleren. 3 Bände 1884.) Между тѣмъ воспоминанія Блюнчли представляютъ далеко не одинъ только автобіографическій интересъ, а заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для яркаго освѣщенія историческихъ событій, которыхъ Блюнчли былъ современникомъ, и данныя для характеристикъ тѣхъ лицъ, съ которыми авторъ воспоминаній вступалъ въ соприкосновеніе.

Мы не будемъ передавать общаго характера мемуаровъ. Заимствуемъ изъ нихъ только нѣсколько страницъ, гдѣ Блюнчли рассказываетъ о своихъ бесѣдахъ съ «москвичомъ Чичеринымъ».

Первое упоминаніе о Б. Н. Чичеринѣ относится къ зимѣ 1859—60 г. Блюнчли въ то время занималъ кеедру еще не въ Гейдельбергѣ, а въ Мюнхенѣ¹⁾.

«Въ теченіе этой зимы меня посѣтили двое русскихъ, оба—москвичи; выдающіеся люди. Одинъ изъ нихъ—*Чичеринъ*; съ нимъ мы не разъ видались друзьями и впоследствии. Онъ написалъ для Словаря Государственныхъ Наукъ («*Staatswörterbuch*») статью «Крѣпостное право» (*Leibeigenschaft*) и раскрылъ въ ней не мало темныхъ сторонъ. Острота его диалектики и широта его кругозора произвели на меня самое выгодное впечатлѣніе. Онъ не предается иллюзіямъ относительно русскаго обновленія или возрожденія. По его мнѣнію мощь русской земли заключается только въ общемъ

¹⁾ «Denkwürdigkeiten» Bd. II. S. 282 и слѣд.

вѣсѣ и тяжести широко раскинувшихся массъ. Къ дворянству онъ не питаетъ особаго довѣрія; средняго сословія не существуетъ; низшіе слои слишкомъ мало образованы. Есть только двѣ силы на Руси—Царь и народныя массы. Въ пространствѣ между ними—ничего прочнаго и устойчиваго.

«Совсѣмъ иначе мыслилъ другой москвичъ—Аксаковъ. Онъ исполненъ вѣры въ великое призваніе славянъ и видитъ спасеніе Россіи въ отреченіи отъ западно-европейскихъ культурныхъ вліяній и въ возвращеніи къ старо-русскому національному типу. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе искреннаго, но дѣтски-наивнаго мечтателя, который, какъ въ свое время Руссо, проповѣдуетъ возвратъ въ первоначальное некультурное состояніе и видитъ исцѣленіе всѣхъ недуговъ въ крушеніи цивилизаціи, въ восстановленіи исконной грубой дикости. Впослѣдствіи мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, что идеи Аксакова вызвали тѣ панславистскія мечтанія, которыя послужили источникомъ серьезной опасности для Россіи и для Европы».

Такъ писалъ Блюнчли въ своемъ дневникѣ зимою 1859—60 г. Слѣдующее упоминаніе о Б. Н. Чичеринѣ помѣчено 3 мая 1868 г. За это время многое измѣнилось какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи. Для Россіи наступили «60-ые года» и «эпоха великихъ реформъ». Для Германіи начинался критическій періодъ исхода 60-хъ годовъ, приведшій къ національному объединенію подъ желѣзнымъ и кровавымъ молотомъ Бисмарка и Мольтке. Блюнчли за это время успѣлъ уже переѣхать поле дѣятельности. Не находя для себя въ Баваріи достаточнаго простора, чтобы играть выдающуюся, активную политическую роль, онъ завязалъ сношенія съ правительствомъ великаго герцогства Баденскаго и достигъ въ концѣ-концовъ назначенія на кафедру государственнаго права въ Гейдельбергѣ съ условіемъ предоставленія ему мѣста въ баденской палатѣ господъ. Весною 1868 г. Блюнчли былъ въ Берлинѣ, въ числѣ делегатовъ на такъ называемомъ «Таможенномъ Парламентѣ» (Zollparlament 1868). Мемуары Блюнчли за это время полны разсказами о впечатлѣніяхъ, которыя онъ выносилъ изъ пріемовъ при берлинскомъ дворѣ, изъ бесѣдъ съ выдающимися политическими дѣятелями. Характерную отмѣтку находимъ въ мемуарахъ относительно 30-го апрѣля 1868 г.

«Сегодня я послалъ письмо Бисмарку и просилъ его о возможности съ нимъ побесѣдовать. Онъ немедленно же отвѣтилъ приглашеніемъ на сегодня вечеромъ. Моя бесѣда съ графомъ Бисмаркомъ продолжалась съ 9 до 10¹/₂. Я былъ съ нимъ совершенно одинъ, какъ нельзя болѣе удобно для разговора, въ его рабо-

чей комнатѣ, за пивомъ и сигарами...» Затѣмъ Блюнчли подробно передаетъ свою бесѣду съ Бисмаркомъ въ живой и интересной диалогической формѣ.

Подъ 3-мъ мая Блюнчли упоминаетъ объ обмѣнѣ политическихъ взглядами съ Савиньи, объ обѣдѣ у американскаго посла и наконецъ о встрѣчѣ съ Б. Н. Чичеринымъ¹⁾.

Разговоръ съ выдающимся русскимъ ученымъ и политическимъ мыслителемъ, несомнѣнно, не былъ обыденной, легко забываемой мелочью для его нѣмецкаго коллеги. Поглощенный своими объединительными и націоналистическими идеями, находясь несомнѣнно подъ вліяніемъ удовлетвореннаго самолюбія и ощущая извѣстное упоеніе своею политическою ролью, Блюнчли тѣмъ не менѣе находитъ время, чтобы въ тотъ же день записать свою бесѣду съ Б. Н. Чичеринымъ.

«Дома я нашелъ визитную карточку друга моего Чичерина. Онъ заходилъ ко мнѣ два раза и сегодня вечеромъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Я пошелъ къ нему и засталъ его дома. Онъ здѣсь проѣздомъ изъ Парижа и ѣдетъ къ себѣ въ имѣніе. Съ государственной службой онъ разстался. Противъ объединенія Германіи онъ ничего не имѣетъ въ принципѣ—*in abstracto*, но не *in concreto*, какъ это объединеніе произведено Пруссіей,—другими словами, онъ согласенъ съ объединеніемъ въ смыслѣ «фразы», но не какъ съ суровой дѣйствительностью. Онъ указываетъ на то, что съ 1815 г. Германіи нечего было опасаться. Это вѣрно, но зато Германія и не могла возвысить голоса (*hatte Nichts zu sagen gehabt*) ни въ одномъ вопросѣ.

«По всему я вижу, что русскіе боятся германскаго государства. Чичеринъ высказалъ это слѣдующимъ образомъ: «Единство, это—хорошее дѣло, но только такое *объединеніе, которое произрастаетъ изъ началъ права и свободы*, а не единство милитаристическаго государства». Разумѣется, я защищалъ нашу позицію, но затѣмъ повелъ рѣчь на польскій вопросъ».

Воспоминанія о польскомъ возстаніи были еще слишкомъ свѣжи. Не было, можетъ быть, еще достаточнаго разстоянія во времени, чтобы говорить о событіяхъ съ полной объективностью, безъ всякой примѣси такихъ элементовъ, которые нерѣдко играютъ роль могучихъ психическихъ факторовъ въ исторіи, но не гарантируютъ безпристрастной оцѣнки историческихъ фактовъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Блюнчли, со словъ Б. Н. Чичерина, заноситъ въ свой дневникъ упоминаніе не объ одномъ только «бур-

¹⁾ *Denkwürdigkeiten*. III. S. 205 и слѣд.

номъ порывѣ русскаго національнаго чувства», но и строгое слово осужденія крайностямъ и несправедливостямъ руссификаціонныхъ стремленій. Мемуары Блюнчли принимаютъ форму діалога:

Чичеринъ: Мы можемъ руссифицировать Литву; это коренная русская область,—но никакъ не Польшу. Таково мое убѣжденіе. Нѣкоторые изъ моихъ друзей идутъ дальше, и теперь они занимаютъ руководящее положеніе. Они говорятъ: мы можемъ «обрусить» не всю Польшу, а только часть—до Вислы, а что по ту сторону Вислы, на западъ, — это слѣдуетъ предоставить нѣмцамъ.

Блюнчли. Но мы вовсе не испытываемъ желанія заняться поглощеніемъ другой національности. Это ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ повышенію силъ, а создаетъ только затрудненія. Мы можемъ относиться къ самостоятельной Польшѣ такъ же доброжелательно, какъ бы, напримѣръ, къ Венгріи.

Чичеринъ: Я не раздѣляю мнѣнія моихъ друзей; я съ ними не согласенъ. Новый раздѣлъ Польши создастъ связь между Россіей и Германіей. (NB. Связь черезъ соучастіе въ преступленіи!) Вы можете германизировать свою часть, но я не думаю, чтобы это уничтоженіе Польши было возможнымъ. Мы, русскіе, страдаемъ теперь—несвареніемъ (*leiden an der Verdauung*). Намъ, какъ и вамъ, необходимъ покой, чтобы переваривать».

Затѣмъ Блюнчли напомнилъ своему собесѣднику о ихъ разговорѣ въ Мюнхенѣ, когда Б. Н. Чичеринъ высказалъ мнѣніе, что въ Россіи все и вся зависитъ отъ рѣшающей воли монарха, а что все прочее—пассивная масса.

Чичеринъ: Раньше это такъ и было, теперь не то.

Разумѣется, рѣчь шла не о правовомъ или политическомъ строѣ Россійской Имперіи, гдѣ въ условіяхъ осуществленія верховной государственной власти съ 1859 г. по 1868 г. не произошло никакихъ перемѣнъ. Вопросъ сводился къ оцѣнкѣ и учету различныхъ фактическихъ вліяній, теченій и настроеній конца 60-хъ годовъ.

Блюнчли: У кого же теперь въ рукахъ власть и сила?

Чичеринъ: Ни у кого. Если хотите—все дѣло случая; все распалось (*alles ist aufgelöst*).

Блюнчли: Въ такомъ случаѣ ничего хорошаго не выйдетъ изъ всего этого.

Чичеринъ: Два года мы уже пользуемся свободой печати. Я самъ издалъ политическое сочиненіе. Ваше «Общее государственное право» переведено-таки на русскій языкъ, пока еще толь-

ко первая часть. Меня просили,—тогда еще у насъ существовала цензура,—испросить разрѣшенія у министра внутреннихъ дѣлъ. Дѣло доходило до Государя, и Государь разрѣшилъ».

Затѣмъ разговоръ перешелъ на вопросы германской политики. Блюнчли рассказываетъ, что Б. Н. Чичеринъ возставалъ противъ насильственного образа дѣйствій Пруссіи, который, по его мнѣнію, нарушалъ не только положительное, но и естественное право. Блюнчли не могъ удержаться, чтобы на ряду съ своими общими возраженіями національно-политическаго характера не занести на страницы своихъ мемуаровъ слѣдующее горькое для русскаго сознанія замѣчаніе: «Когда русскіе говорятъ о правѣ, вѣдь можно только улыбаться». Какъ бы въ оправданіе себѣ Блюнчли прибавляетъ, что Б. Н. Чичеринъ ранѣе доказывалъ ему, что «русскимъ вовсе не извѣстно понятіе права».

Этимъ исчерпываются тѣ страницы, которыя Блюнчли въ своихъ воспоминаніяхъ посвящаетъ Б. Н. Чичерину. Мы передаемъ ихъ безъ біографическихъ комментаріевъ относительно Б. Н. Чичерина, предполагая, что всякій, кому знакомо и дорого это имя, не нуждается въ поясненіяхъ.

Но невольно просится на бумагу слово горячаго протеста, когда приходится встрѣтить упоминаніе объ «улыбкѣ» въ связи съ представленіями и рѣчью о правѣ Б. Н. Чичерина! Кто же, какъ не Борисъ Николаевичъ, былъ въ теченіе ряда десятилѣтій носителемъ самой чистой и возвышенной идеи о правѣ и справедливости?!

Для улыбки Блюнчли можетъ быть только одно объясненіе и оправданіе. Блюнчли, повидимому, не далъ себѣ труда въ данномъ случаѣ провести различіе между идеей и понятіемъ—съ одной стороны, и тѣмъ, что должно получиться путемъ отвлеченія отъ дѣйствительности, если начать говорить про «дѣла домашнія» и на этой почвѣ искать особаго «русскаго понятія о правѣ». Не трудно, конечно, уразумѣть, въ какомъ смыслѣ Б. Н. Чичеринъ могъ говорить европейскому представителю государственной науки, что «русскіе не имѣютъ понятія о правѣ»!

Блюнчли умеръ въ октябрѣ 1881 г.

Могила Б. Н. Чичерина закрылась недавно.

Съ 1868 г., за время, прошедшее послѣ изложенной бесѣды между этими двумя выдающимися представителями политической мысли, политическая жизнь Россіи и Германіи не переставала выдвигать все новыя проблемы. Но рѣшенъ ли хотя одинъ изъ тѣхъ

вопросовъ, которые затрогивалъ Б. Н. Чичеринъ? Рѣшенъ ли вопросъ о свободѣ и правѣ, какъ о необходимыхъ началахъ прочнаго единенія, вмѣсто насилія и господства милитаризма? Получило ли признаніе убѣжденіе, что непрестанное расширеніе и стремленіе къ «поглощенію» (einverleiben) неминуемо ведетъ къ осложненіямъ и затрудненіямъ? Сдѣлало ли успѣхи русское «понятіе о правѣ», которое не всегда встрѣчало довѣріе со стороны иностранцевъ?

Не беремъ отвѣчать на эти вопросы.

Пожелаемъ во имя памяти о Б. Н. Чичеринѣ, чтобы настало время, когда сама дѣйствительность отвѣтитъ на нихъ утвердительно.

Сергій Живаго.

Цюрихъ. Январь 1905.

Хроника науки, искусства и литературы.

1. У. Джиббс и значеніе его трудовъ въ ученіи о химическомъ равновѣсіи („Правило фазъ“) ¹⁾. Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ 28 апрѣля н. ст. 1903 г. скончался знаменитый американскій ученый Iosia Уиллардъ Джиббсъ, профессоръ математической физики въ Yale-College въ Нью-Гавенѣ. Основатель математическаго общества въ Нью-Гавенѣ и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ его, Джиббсъ былъ особенно извѣстенъ и цѣнимъ на родинѣ благодаря своимъ работамъ по чистой математикѣ, векторіальному анализу и высшей алгебрѣ, по вычисленію планетныхъ орбитъ, статической механикѣ и т. д.

И велико было удивленіе американскихъ химиковъ, когда изъ Европы пришло извѣстіе, что его работы по термодинамикѣ произвели переворотъ въ химіи и дали этой наукѣ новое направленіе, вдохновляя новыхъ и новыхъ изслѣдователей какъ-то: Ванъ-деръ-Ваальсъ а, Оствальда, Бае. Розебума и ихъ учениковъ. Первое изданіе его капитальнаго труда о равновѣсіи разнородныхъ (гетерогенныхъ) системъ сдѣлалось библиографической рѣдкостью, и для его изученія соотечественники Джиббса должны были прибѣгнуть къ иностраннымъ переводамъ, но затѣмъ они постарались нагнать потерянное время, и путь, открытый Джиббсомъ, дѣятельно изслѣдуется цѣлой школой американскихъ химиковъ во главѣ съ Треворомъ, Банкрофтомъ и Сорелемъ.

I. У. Джиббсъ былъ сыномъ профессора еврейскаго языка въ университетѣ и родился въ Нью-Гавенѣ (Коннектикутъ) 11 апрѣля 1839 г. Онъ получилъ образованіе въ школѣ Гопкинса, въ которой пробылъ до іюля 1854 г., а впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ ея администраторовъ. Его блестящія школьныя занятія въ особенности латинскимъ языкомъ доставляли ему многочисленныя награды.

Получивъ въ университетѣ ученую степень бакалавра (Bachelor of Arts), онъ пять лѣтъ посвятилъ изученію математики, затѣмъ отправился въ Европу, чтобы тамъ пополнить свое образованіе. Зиму 1866—1867 г. онъ провелъ въ Парижѣ, зиму 1867—68 г. въ Берлинѣ и зиму 1868—69 г. въ Гейдельбергѣ у Клаузіуса, о которомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе и всегда отзывался съ похвалой. Наконецъ онъ

¹⁾ При составленіи этой статьи мы пользовались: 1) M. H. Le Chatelier; I. Willard Gibbs; sa vie et son oeuvre (Revue gén. de sciences. 30 juin 1903); 2) Iosiah Willard Gibbs (Zeit. für Physik. Ch. 1903. XLIV. 1) и 3) другими источниками, разсѣянными въ специальныхъ журналахъ.

отправляется въ Парижъ, чтобы тамъ провести весну 1869 г. Эту дату важно запомнить, ибо какъ разъ въ этомъ году Массье опубликовалъ свой трудъ объ „fonctions caracteristiques“, замѣчательное объясненіе которыхъ далъ позже Джиббсъ. Возвратившись окончательно на родину въ концѣ 1869 г., въ 1871 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ математической физики и занималъ эту должность до самой смерти.

Работы Джиббса, доставившія ему славу и давшія новое направленіе многимъ изслѣдованіямъ въ физикѣ и химіи, относятся къ термодинамикѣ и въ особенности къ приложеніямъ этой науки къ химіи. Его труды о „характерныхъ функціяхъ“, по установленію понятія потенциаловъ и ихъ графическому изображенію упоминаются теперь во всѣхъ мало-мальски полныхъ учебникахъ термодинамики. Послѣ Сади Карно и Клаузіуса никто не сдѣлалъ такихъ значительныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи, не далъ такого большого количества новыхъ свѣдѣній. Первое же сочиненіе его, озаглавленное *Графическіе методы въ термодинамикѣ жидкостей*, показало въ немъ блестящій талантъ къ обобщеніямъ. Второе сочиненіе его, опубликованное въ томъ же году (1873), *Методъ геометрическаго изображенія термодинамическихъ свойствъ тѣлъ посредствомъ поверхностей* сразу привлекло вниманіе физиковъ: К. Максвеллъ въ своемъ классическомъ произведеніи „Теорія теплоты въ элементарной обработкѣ“ высказываетъ справедливое уваженіе къ этому труду. Чтобы дать лучшее понятіе о выгодѣ новаго метода изученія тѣлъ съ помощью поверхности, К. Максвеллъ заказалъ первую модель термодинамической поверхности Джиббса для случая воды. Одинъ изъ эземпляровъ такой модели онъ подарилъ Джиббсу, а другой оставилъ себѣ; въ настоящее время послѣдній хранится въ коллекціи К. Максвелля въ лабораторіи Кавендиша въ Кембриджѣ.

Въ 1876 г. появилось изслѣдованіе Джиббса „О равновѣсіи неоднородныхъ (гетерогенныхъ) системъ“, давшее совершенно новое направленіе ученію о химическомъ равновѣсіи; оно было опубликовано въ двухъ частяхъ: первая, касающаяся явленій химическихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, появилась въ 1876 г. въ трудахъ коннектикутской академіи, вторая же, „О явленіяхъ капиллярныхъ и электрическихъ“, была напечатана тамъ же въ 1878 г. Задача, поставленная Джиббсомъ, была такова: вывести на основаніи перваго и втораго принципа термодинамики условія равновѣсія между различными состояніями одного и того же тѣла, а также цѣлой системы различныхъ тѣлъ.

Чтобы выяснитъ значеніе этого сочиненія и переворотъ, совершенный имъ въ ученіи о химическомъ равновѣсіи, мы должны сдѣлать отступленіе и посмотрѣть, въ какомъ положеніи находился этотъ вопросъ въ наукѣ до появленія труда Джиббса.

Прежде всего рассмотримъ нѣкоторыя явленія случая подвижнаго равновѣсія, часто наблюдаемаго въ физикѣ и химіи.

Однимъ изъ такихъ случаевъ является испареніе воды или какого-либо другаго тѣла въ замкнутомъ пространствѣ: если въ торичеллиевую пустоту, находящуюся надъ ртутью въ барометрической трубкѣ, мы внесемъ каплю воды или другой жидкости, то послѣдняя быстро испарится, и уровень ртути понизится; то же произойдетъ и со второй каплей, третьей и т. д., пока не настанетъ момента, когда капля, внесенная надъ

ртутью испаряться не будет и уровень ртути уже не будет понижаться от прибавления новых количествъ воды; если мы уменьшимъ объемъ, занятый парами воды, то уровень ртути останется безъ измѣненія, слѣдовательно упругость пара не измѣнится, а это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если часть пара перейдетъ въ жидкость.

Такимъ образомъ, всякая жидкость въ замкнутомъ пространствѣ будетъ испаряться только до тѣхъ поръ, пока упругость ея паровъ не достигнетъ извѣстной, вполне опредѣленной при данной температурѣ величины, послѣ чего видимый процессъ испаренія прекратится, на самомъ же дѣлѣ наступитъ *подвижное равновѣсiе*, характеризующееся тѣмъ, что съ поверхности жидкости въ каждый моментъ времени будетъ улетать въ видѣ пара столько же частицъ, сколько будетъ спущаться изъ пара въ жидкость. Явленiе испаренія жидкости представляеть случай подвижнаго равновѣсiя изъ области физики, въ химiи же подобнаго рода явленiя встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагѣ: сюда относятся образование насыщенныхъ растворовъ, явленiя диссоциаци химическихъ соединений, этерификаци и мн. др. Образование растворовъ во многомъ напоминаетъ явленiе испаренія тѣлъ: въ самомъ дѣлѣ, когда кусокъ сахара, поваренной соли или какого-либо другаго подобнаго тѣла попадетъ въ воду, то онъ начнетъ растворяться и частицы сахара будутъ расходиться по всему пространству, занятому водой; если кусокъ не особенно большой, то онъ весь растворится, если же мы будемъ подбавлять новыя количества сахара, то настанетъ моментъ, когда видимое растворенiе сахара прекратится: этотъ моментъ будетъ характеризоваться тѣмъ, что число растворяющихся частицъ сахара будетъ равно числу частицъ, вновь выдѣляющихся изъ раствора.

Другой случай *подвижнаго химическаго равновѣсiя* представляютъ явленiя диссоциаци тѣлъ; какъ примѣръ подобнаго рода явленiй рассмотримъ, что происходитъ при прокаливани углекислаго кальцiя (мѣла, мрамора, исландскаго шпата). Если нагрѣванiе происходитъ при температурѣ, не превышающей 450°, то углекислый кальцiй остается безъ измѣненiя, при накаливани же выше 450° онъ начинаетъ разлагаться на окисъ кальцiя (негашеную известь) и углекислоту (по уравненiю: $\text{CaCO}_2 = \text{CaO} + \text{CO}_2$). Такое разложенiе происходитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ выше температура. Если нагрѣванiе вести въ замкнутомъ сосудѣ, соединенномъ съ манометромъ, то можно замѣтить, что при каждой данной температурѣ разложенiе продолжается до тѣхъ поръ, пока упругость угольной кислоты, выдѣляющейся при разложенiи, не достигнетъ извѣстной, для каждой температуры вполне опредѣленной величины, называемой *упругостью диссоциаци*. Она равна, напр., 56 миллиметрамъ ртутнаго столба при 625°, 255 мм. при 740° и т. д.

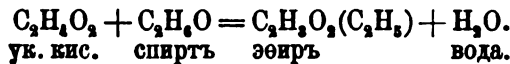
По достиженiи при данной температурѣ предѣла упругости, ей соотвѣтствующаго, разложенiе прекращается, если же выкачать изъ сосуда углекислоту, то оно вновь начинается и идетъ до тѣхъ поръ, пока упругость диссоциаци вновь не достигнетъ прежней величины. Если же давленiе въ сосудѣ увеличить, введя въ него углекислый газъ, то образовавшаяся окисъ кальцiя начнетъ поглощать его ($\text{CaO} + \text{CO}_2 = \text{CaCO}_2$), и это поглощенiе будетъ происходить, пока давленiе углекислаго газа не уменьшится до предѣла, соотвѣтствующаго данной температурѣ. Прибавимъ въ этому, что безводная окисъ кальцiя не поглощаетъ угле-

кислого газа при обыкновенной температурѣ, это поглощеніе не происходитъ даже при 300°, а начинается при краснокальномъ жарѣ, т.-е. при той же температурѣ, при какой происходитъ разложеніе углекислаго кальція. Такимъ образомъ явленіе диссоціаціи углекислаго кальція вполне напоминаетъ испареніе жидкостей: процессъ диссоціаціи видимо прекращается тогда, когда наступаетъ для каждой температуры определенное подвижное равновѣсіе, при которомъ въ каждый моментъ столько же частицъ даннаго тѣла будетъ разлагаться, сколько и вновь образоваться. Реакція разложенія углекислаго кальція, представляющая классическій примѣръ диссоціаціи твердаго тѣла, можетъ быть изображена такъ:

Знакъ \rightleftharpoons показываетъ, что реакція совершается при одной и той же температурѣ въ обоихъ направленіяхъ.

Приведемъ еще примѣръ химическаго равновѣсія: если мы уксусную кислоту ($\text{C}_2\text{H}_4\text{O}_2$) и винный спиртъ сольемъ вмѣстѣ, то между ними начнетъ происходить химическое взаимодействіе, будетъ образоваться уксусноэтильный эфиръ и вода, по уравненію:

Скорость этой реакціи зависитъ отъ температуры: чѣмъ выше послѣдняя, тѣмъ скорость больше, но образованіе эфиръ не идетъ до конца; если мы возьмемъ эквивалентное количество (иными словами, одинаковое число частицъ) уксусной кислоты и спирта, то когда около $\frac{2}{3}$ всего количества спирта и кислоты превратится въ эфиръ, дальнѣйшаго образованія эфиръ не замѣчается. Съ другой стороны, если мы къ уксусноэтильному эфиру прибавимъ воды въ эквивалентномъ количествѣ, то начнется образованіе кислоты и спирта, при чемъ когда около $\frac{1}{3}$ всего количества эфиръ разложится, дальнѣйшее образованіе кислоты и спирта прекратится. Такимъ образомъ при этерификаціи (образованіи эфировъ) мы наблюдаемъ тоже явленіе *подвижнаго равновѣсія*.

Какъ легко видѣть, общей причиной существованія такого равновѣсія является то обстоятельство, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ температуры и давленія химическое превращеніе можетъ совершаться въ двухъ различныхъ противоположныхъ направленіяхъ, другими словами, оно *обратимо*. Для возможности равновѣсія необходимо, чтобы матеріальная система А (CaCO_3 , напр.) при данныхъ условіяхъ могла превращаться въ другую систему В и чтобы послѣдняя могла бы обратно возвращаться къ состоянію А.

Обратимость химическихъ процессовъ, наблюдаемая при явленіяхъ химическаго равновѣсія, позволила примѣнить къ нимъ тѣ же формулы термодинамики, которыя ранѣе были выведены для обратимыхъ физическихъ процессовъ, каковыми являются испареніе, плавленіе и т. п.

Послѣ того какъ Клаузіусомъ былъ установленъ второй принципъ термодинамики, имъ же было указано, какъ на основаніи этого принципа можно вывести формулу, точно выражающую зависимость между скрытой теплотой испаренія, температурой и возрастаніемъ давленія съ температурой. Съ другой стороны, благодаря изслѣдованіямъ Бертелло

надъ этерификаціей, а главнымъ образомъ открытію Сенъ Клеръ Девиллемъ явленій диссоціаціи въ химію было введено понятіе о химическомъ равновѣсіи, о реакціяхъ, ограниченныхъ предѣломъ, понятіе объ обратимости реакцій, но въ теченіе долгаго времени только первый законъ термодинамики привлекался для объясненія химическихъ явленій, что же касается до второго принципа термодинамики, то онъ стоялъ какъ бы въ сторонѣ отъ химическихъ явленій. Заслуга перваго разсмотрѣнія химическихъ процессовъ, въ частности диссоціаціи, съ точки зрѣнія второго принципа термодинамики и показанія плодотворности примѣненія его въ этой области принадлежитъ Горстману въ Германіи (1873 г.), во Франціи же Мутье и Песленомъ (Moutier et Peslin) были сдѣланы нѣкоторыя указанія въ томъ же направленіи, но именно Джиббсу принадлежитъ честь соединенія термодинамики и химіи въ одну науку: *химическую механику*.

„Своими успѣхами,—говоритъ Ле Шателье,—Джиббсъ всецѣло обязанъ строго научному методу, который, впрочемъ, былъ присущъ ему наравнѣ съ другими гениями, творцами подобнаго рода научныхъ теорій: Френелю, создателю теоріи свѣта, Амперу—электричества и Ньютону—всемирнаго тяготѣнія. Этотъ методъ заключается въ томъ, чтобы, исходя изъ небольшого числа первоначальныхъ истинъ или гипотезъ, какъ ихъ желаютъ назвать, найти всѣ вытекающія изъ этого положенія слѣдствія, не вводя никогда въ число доказательствъ никакихъ новыхъ гипотезъ и не поступааясь ничѣмъ строгости доказательствъ“.

Кромѣ того, вопреки слышномъ частымъ заблужденіямъ математиковъ, онъ всегда старался направить свои вычисленія для обнаруженія соотношеній между реальными величинами, единственными, могущими заинтересовать физика и химика, и не удовлетворялся, найдя соотношенія между какими-нибудь алгебраическими функціями. Благодаря этому строго научному способу, онъ достигъ изумительнаго результата: возможности вывести точные законы явленій, съ которыми въ дѣйствительности онъ, казалось, былъ очень мало знакомъ. Чтеніе его сочиненій служить указаніемъ на его сравнительно малое знакомство съ сложными химическими соединеніями: вода, поваренная соль, сѣра, іодистый водородъ—вотъ какія только тѣла упоминаются имъ.

Истолкователями идей Джиббса были: сначала Ванъ-деръ-Ваальсъ въ Голландіи, вскорѣ другъ за другомъ послѣдовали Розебумъ въ Амстердамѣ, Оствальдъ въ Германіи, Ж. Мурэ и Дюгемъ во Франціи. Правда, въ то время какъ очеркъ Джиббса повоиля въ неизвѣстности въ подробномъ отчетѣ воннеэтикутской академіи, продолжалась работа въ направленіи, указанномъ Мутье, Песленомъ, Горстманомъ, и большая часть законовъ, открытыхъ Джиббсомъ, была такимъ образомъ вновь найдена, прежде чѣмъ они были узаны изъ его сочиненій.

Открытіе названными учеными законовъ, вытекающихъ, какъ частные случаи, изъ общихъ формулъ Джиббса, подготовило почву для распространенія его идей въ Европѣ. Но это, конечно, не умаляетъ его заслуги. Онъ указалъ общій методъ для рѣшенія вопроса объ условіяхъ химическаго равновѣсія разнородныхъ системъ, тогда какъ Горстманъ, Мутье и др. дали только частныя рѣшенія подобнаго рода задачъ.

Чтобы дать понятіе хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ о переломѣ, произведенномъ Джиббсомъ, намъ нужно сдѣлать отступленіе и

сказать нѣсколько словъ о значеніи второго принципа термодинамики и о *принципѣ разсѣянія энергіи*, вытекающемъ изъ него.

Первый законъ термодинамики, или законъ сохранения энергіи, отвѣчая на вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся количества различныхъ видовъ энергіи, при взаимномъ ихъ превращеніи, не даетъ никакихъ указаній, въ какомъ направленіи и при какихъ условіяхъ можетъ совершиться переходъ энергіи съ одного тѣла на другое, а также одного вида энергіи въ другой. Отвѣтъ на подобнаго рода вопросъ мы находимъ во второмъ законѣ термодинамики, формулированномъ Клаузиусомъ такъ: *теплота не можетъ „сама собой“ (т. е. безъ содѣйствія вѣншиаго агента) перейти отъ болѣе холоднаго тѣла къ болѣе теплому.*

Второй законъ показываетъ, что въ процессахъ, совершающихся въ природѣ, наблюдаются нѣкоторое направленіе, нѣкоторая тенденція: подобно тому, какъ подъ дѣйствіемъ силы тягости всѣ тѣла падаютъ внизъ, ручьи, водопады, низвергаясь съ горъ, уносятъ съ собою твердыя частицы, которыя затѣмъ отлагаются въ низкихъ мѣстахъ, всякая лавина, всякій горный обвалъ переносятъ матерію сверху внизъ, съ болѣе высокаго уровня на болѣе низкій, такъ и теплота переходитъ отъ тѣла съ высшей температурой къ тѣлу низшей температуры. Движеніе воды (рѣкъ, водопадовъ и т. п.) приводитъ къ сглаживанію земной поверхности, точно такъ же переходъ теплоты съ одного тѣла на другое приводитъ къ уравниванію температуръ: *медленно, но неуклонно въ природѣ ведутъ къ нивелировкѣ, къ сглаживанію неровностей.*

Съ развитіемъ ученія о примѣненіи второго закона къ объясненію явленій физическихъ и химическихъ выяснилось, что при полной эквивалентности различныхъ формъ энергіи самое превращеніе одной формы энергіи въ другую можетъ быть выполнено *болѣе или менѣе* непосредственно, смотря по формамъ энергіи, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Двѣ изъ нихъ, механическая и электрическая энергія, говоря принципиально, могутъ вполне превращаться одна въ другую, притомъ одинаково легко какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ направленіи: механическая энергія легко и нацѣло переходитъ въ электрическую, напр., въ динамо-машинахъ теоретически можно всю механическую энергію превратить въ электрическую. На практикѣ, конечно, этого не происходитъ, ибо часть механической энергіи переходитъ въ тепло благодаря тренію и т. д., но все-таки динамо-машины могутъ перевести около 95% механической энергіи въ электрическую. Обратный переходъ электрической энергіи въ механическую совершается тоже нацѣло: въ электрическихъ двигателяхъ энергія тока вся (теоретически) можетъ быть превращена въ механическую работу (на практикѣ болѣе 90%). Точно такъ же легко и нацѣло механическая и электрическая энергія превращается въ теплоту. Иная картина представляется при обратномъ переходѣ теплоты въ механическую (или электрическую) энергію: при превращеніи тепла въ работу только часть его можетъ подвергнуться этому превращенію, другая же должна остаться въ видѣ теплоты. Нельзя построить тепловой машины, которая работала бы съ однимъ нагревателемъ, всякая машина должна имѣть и холодильникъ: только часть тепла, заимствованнаго машиной отъ нагревателя, превращается въ механическую работу, другая же часть въ видѣ тепла передается холодильнику.

Что касается до химической энергии, то полный переход ее в теплоту наблюдается при многих явлениях горения, окисления и т. д., равно как полное превращение теплоты в химическую энергию наблюдается при явлениях диссоциации; таким образом теплота и химическая энергия могут довольно переходить одна в другую. Итак, все виды энергии могут совершенно свободно и сполна превращаться в тепловую, последняя же только в известных случаях может довольно переходить в химическую, при переходе же ее в механическую или электрическую энергию часть ее остается в виде тепла, падая только с более высокой температуры на более низкую. Вследствие этого является непрерывное увеличение теплового движения на счет других форм энергии и постепенный переход теплоты от тел высокой температуры к телам более низкой. Это явление называется *разсынием энергии*.

Для того, чтобы сделать ясным, что наряду с законом сохранения энергии наблюдается стремление к разсынию энергии, укажем на то, что работоспособность тепловой энергии ¹⁾ тела зависит не от общего количества ее, но от температуры: чем выше температура тела, тем оно работоспособнее, иными словами, тем большее количество тепла оно способно превратить в работу: „с горшком кипящей воды,—говорит Ауербах,—можно привести в действие хотя бы игрушечную паровую машину, а с большой ванной воды комнатной температуры нельзя произвести никакой работы“. „В Атлантическом океане содержится такое огромное количество энергии в форме тепла, что—по теории, т.-е. по принципу сохранения энергии—ее можно было бы заставить работать все паровые машины д'Алаго света, а в действительности мы не можем воспользоваться этой энергией, ибо она разсыяна, выравнена: к котлу океана не достает холодильника“. Уменьшение работоспособности тепловой энергии вследствие ее падения с высшей температуры к низшей можно обозначить термином *разсыние энергии*.

Представим себе систему тел, совершенно изолированную от внешней среды: какие бы процессы ни совершались в подобной системе, степень разсыния энергии всей системы может только или увеличиваться или оставаться неизменной, но никак не уменьшаться.

В самом деле, при тех процессах в нашей системе, при которых механическая энергия переходит в электрическую (и обратно), степень разсыния энергии остается без изменения, в тех же явлениях, когда наблюдается переход электрической (или механической) энергии в тепло (и обратно), степень разсыния энергии увеличивается.

Мы можем расширять пределы нашей системы, вывод от этого не изменится, как бы мы ни увеличивали размеры ее, а следовательно, он будет справедливым для системы, заключающей в себе всю вселенную.

Клаузиус предложил назвать энтропией некоторую величину, находящуюся в точной математической зависимости от степени разсыния энергии тела или системы тел.

На энтропию тела можно смотреть так же, как на его объем,

¹⁾ Т.-е. ее способность превращаться в механическую энергию.

давление, температуру, полную энергию и другія физическія свойства тѣла, зависящія отъ его дѣйствительнаго состоянія. Подобно тому, какъ мы не можемъ знать всего количества энергии, заключающагося въ данномъ тѣлѣ, но можемъ измѣрить только разность между энергіей системы въ различныхъ ея состояніяхъ, такъ и полная энтропія тѣла не можетъ быть измѣрена, а мы можемъ вычислять только разности энтропіи въ различныхъ состояніяхъ тѣла или системы тѣла. Въ термодинамикѣ указываются способы, съ помощью которыхъ можно вычислять въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣненіе энтропіи системы при переходѣ ея изъ одного состоянія въ другое. Всякій процессъ, влекущій разсѣяніе энергии (въ вышеуказанномъ смыслѣ), ведетъ къ увеличенію энтропіи, а потому Клаузіусомъ и было высказано слѣдующее положеніе: *энтропія вселенной непрерывно возрастаетъ или энтропія вселенной стремится къ нѣкоторому максимуму.*

Это положеніе Клаузіуса представляетъ иную только формулировку принципа разсѣянія энергии, къ которому еще ранѣе пришелъ на основаніи второго закона термодинамики сэръ В. Томсонъ (нынѣ лордъ Кельвинъ).

Нужно прибавить только, что вычисленіе количества разсѣянной энергии въ продолженіе какаго-либо процесса представляетъ большія трудности, чѣмъ вычисленіе измѣненія энтропіи.

Горстманъ первый примѣнилъ принципъ увеличенія энтропіи къ объясненію химическихъ процессовъ и, въ частности, явленій диссоціаціи.

Указавъ въ своемъ трудѣ „*Theorie der Dissociation*“ на идеи В. Томсона и принципъ увеличенія энтропіи, Горстманъ обращаетъ вниманіе на то, что согласно послѣднему совершенный покой (или равновѣсіе) наступитъ тогда, когда энтропія вселенной достигнетъ максимума. „Точно также, — продолжаетъ онъ, — равновѣсіе, которое устанавливается при явленіяхъ диссоціаціи, вызвано той же причиной: оно наступаетъ тогда, когда энтропія системы тѣла достигаетъ наибольшей величины, какую можетъ имѣть при всевозможныхъ измѣненіяхъ, которыя можно представить. Наша задача будетъ рѣшена, какъ только мы узнаемъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ направленіи будетъ измѣняться энтропія системы при тѣхъ процессахъ, которые въ ней происходятъ“.

Такимъ образомъ, если мы имѣемъ систему тѣла, совершенно изолированную отъ вліяній внѣшней среды, то всякій химическій процессъ, совершающійся въ ней, можетъ только увеличивать энтропію системы: никакой химическій процессъ не можетъ совершиться, если при этомъ будетъ происходить уменьшеніе энтропіи, и въ нашей системѣ наступитъ равновѣсіе, когда при всѣхъ химическихъ явленіяхъ, которыя могутъ въ ней совершаться, энтропія системы можетъ только уменьшаться, иными словами энтропія системы достигнетъ максимума. *Система тѣла, изолированная въ пространство, находится въ равновѣсіи, если ни одинъ изъ возможныхъ въ ней химическихъ процессовъ не ведетъ къ увеличенію энтропіи.* На основаніи этого положенія Горстманъ сдѣлалъ большое число выводовъ, касающихся явленій диссоціаціи.

Джиббсъ ¹⁾, исходя изъ того же принципа увеличенія энтропіи, вы-

¹⁾ Эпиграфомъ къ своему сочиненію онъ поставилъ слѣдующія положенія Клаузіуса: Die Energie der Welt ist constant. Die Entropie der Welt strebt einem Maximum zu.

вель нѣкоторыя новыя математическія функціи, измѣненіе величины которыхъ позволяетъ намъ вычислять направленіе химическихъ процессовъ. Выводъ этихъ функцій и вычисленіе ихъ значенія представляютъ довольно значительныя, а во многихъ случаяхъ непреодолимыя при настоящемъ состояніи нашихъ знаній затрудненія, но В. Джиббсъ показалъ, что на основаніи свойствъ этихъ функцій можно вывести нѣкоторыя правила, устанавливающія условія равновѣсія даже въ томъ случаѣ, когда мы не знаемъ величины самыхъ функцій. На одномъ изъ этихъ правилъ, нашедшемъ въ настоящее время широкое распространеніе въ ученіи о равновѣсіи разнородныхъ системъ, а именно на *правилѣ фазъ* мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Что такое подразумеваютъ подъ словомъ „фаза“? В. Джиббсъ назвалъ *фазами* состоянія тѣла, сами по себѣ однородныя и отдѣленные другъ отъ друга нѣкоторыми поверхностями. Чтобы уяснить лучше это опредѣленіе, рассмотримъ нѣсколько примѣровъ: если мы имѣемъ въ замкнутомъ пространствѣ воду и ея пары, то въ этой неоднородной системѣ нужно различать двѣ фазы—жидкую и газообразную воду. Равновѣсіе въ этой системѣ возможно при каждой температурѣ только при строго опредѣленномъ давленіи паровъ. Точно такъ же мы могли бы имѣть при температурахъ ниже нуля и слабомъ давленіи паровъ ледъ и паръ, при большихъ же давленіяхъ—ледъ и воду, какъ отдѣльныя, существующія одновременно фазы; наконецъ, при температурѣ, близкой къ 0° при совершенно опредѣленномъ давленіи паровъ около 4,6 мм. ртутнаго столба, могутъ существовать одновременно три фазы воды—жидкая, твердая и газообразная. Возьмемъ два тѣла, напр., поваренную соль и воду: если взять немного соли и прибавить къ водѣ, то получится однородный растворъ, конечно, съ парами воды надъ ней, и мы будемъ имѣть двѣ фазы: одну жидкую (растворъ) и другую газообразную (паръ). Будемъ постепенно прибавлять соль къ раствору, тогда наступитъ моментъ, когда соль дальше ужъ не будетъ растворяться и получится насыщенный растворъ съ твердой солью на днѣ.

Тогда мы будемъ имѣть три фазы: 1) твердую—соль, 2) жидкую—насыщенный растворъ и 3) газообразную—паръ.

Приведемъ еще другой примѣръ, нами ужъ разсмотрѣнный, а именно углекислый кальцій (CaCO_3). Мы видѣли, что при нагреваніи его до достаточно высокой температуры въ замкнутомъ сосудѣ часть его разложится, превратится въ окись кальція (CaO) и видимое разложеніе углекислага кальція прекратится, когда давленіе выдѣлившейся углекислоты достигнетъ опредѣленной при данной температурѣ величины.

При этомъ мы имѣемъ три фазы: двѣ твердыхъ; (одну составляетъ углекислый кальцій, а другую — окись кальція) и одну газообразную (углекислота).

Если мы будемъ брать три вещества вмѣстѣ, напр., двѣ соли и вода, то число фазъ можетъ быть еще больше, и вопросъ объ условіяхъ ихъ совмѣстнаго существованія, является еще болѣе сложнымъ и онъ былъ такимъ особенно до установленія *правила фазъ*, послужившаго руководящей нитью среди этого лабиринта разнообразныхъ явленій равновѣсія между многими тѣлами.

Руководясь правиломъ фазъ, можно опредѣлить видъ равновѣсія между нѣсколькими фазами данной системы совершенно точно на основа-

ни известнаго соотношенія, установленнаго между числомъ фазъ и числомъ компоненто́въ системы. Компонентами же системы называются независимыя переменныя составныя части, изъ которыхъ путемъ смѣшенія при обмѣнѣ образуются различныя фазы системы. Такъ, въ первомъ изъ разсмотрѣнныхъ нами примѣровъ былъ одинъ компонентъ— вода; во второмъ— два: поваренная соль и вода; въ третьемъ— тоже два: окись кальція и углекислота и т. д.; въ четвертомъ— три компонента: двѣ соли и вода.

Джиббсъ показалъ, что видъ равновѣсія между фазами системы вполне устанавливается слѣдующей простой формулой:

$$F = n + 2 - p$$

въ которой F — означаетъ число степеней свободы системы, n — число компоненто́въ, p — число фазъ системы.

Къ такой простой формулѣ сводится вычисленіе вида равновѣсія благодаря *правилу фазъ*: не нужно большаго знакомства съ математикой, чтобы пользоваться этой формулой, между тѣмъ какъ для того, чтобы вывести ее, приходится прибѣгать къ приемамъ высшаго математическаго анализа.

Остановимся нѣсколько на разъясненіи того, что подразумѣвается подъ понятіемъ „степень свободы системы“. Если система состоитъ изъ нѣсколькихъ компоненто́въ, распределенныхъ въ различныхъ фазахъ, то равновѣсіе будетъ характеризоваться тѣмъ, что концентрація ¹⁾ компоненто́въ каждой фазы не измѣняется, кромѣ того, во всей системѣ станоятся одно и то же давленіе и одна и та же температура. Температура, давленіе и концентрація компоненто́въ— вотъ тѣ независимыя переменныя, которыя устанавливають условія равновѣсія системы. Измѣняя такъ или иначе температуру, давленіе и т. д., мы можемъ переходить отъ одного вида равновѣсія къ другому или же совершенно лишить систему условій равновѣсія. *Правило же фазъ* позволяетъ, даже не зная величины переменныхъ (температуры, концентраціи и т. д.), опредѣлить число переменныхъ, которыя можно произвольно измѣнять для того, чтобы перевести систему изъ одного состоянія равновѣсія въ другое, иными словами, оно позволяетъ знать степень свободы системы.

Для поясненія приведемъ слѣдующіе примѣры: возьмемъ одинъ компонентъ ($n = 1$, напр., воду); она можетъ находиться въ трехъ фазахъ; ледъ (твердая фаза), жидкая вода и паръ. Изъ выше приведенной формулы видно, что когда чисто фазъ равно 3, то степень свободы (F) равна нулю, т.-е. система лишена всякой свободы: въ такой системѣ рѣшительно все опредѣленно: и температура, и давленіе, и концентрація каждой фазы; ледъ, вода и паръ могутъ существовать совмѣстно только при $+0,0076^\circ$ и давленіи, равномъ 4,6 миллиметра ртутнаго столба. Всякое измѣненіе температуры (или давленія) поведетъ къ исчезновенію какой-либо одной фазы: повышая температуру (или давленіе) мы заставимъ ледъ таять, при пониженіи же температуры (или давленія) вода будетъ замерзать.

¹⁾ Подъ концентраціей подразумѣвается количество тѣла, заключающееся въ единицѣ объема.

Систему, лишенную степеней свободы, предложено назвать „монвариантной“.

Если число фазъ только на единицу превышаетъ число компонентъ ($p = n + 1$), то $F = 1$, иными словами, мы имѣемъ систему со степенью свободы, равной единицѣ. Такая система называется *монвариантной*: двѣ фазы одного компонента, три фазы двухъ компонентовъ и т. д. образуютъ *монвариантныя системы*.

Простые примѣры такихъ системъ представляютъ вода и ея насыщенный паръ, вода и ледъ. Равновѣсіе между водой и ея насыщеннымъ паромъ является строго опредѣленнымъ, если извѣстна температура. Каждой температурѣ соответствуетъ строго опредѣленное давленіе, и обратно; измѣняя давленіе, мы тѣмъ самымъ измѣняемъ температуру, при которой устанавливается равновѣсіе. Такимъ образомъ въ монвариантной системѣ мы можемъ произвольно измѣнить только одну какую-либо переменную, напр., температуру или давленіе, другая же является вполне опредѣленною, при извѣстномъ значеніи первой (въ этомъ и заключается одна степень свободы).

Къ монвариантной же системѣ принадлежитъ рассмотрѣнный выше примѣръ диссоціаціи углекислага кальція на окись кальція и углекислоту. Въ самомъ дѣлѣ, въ такой системѣ мы имѣемъ два компонента: 1) окись кальція и 2) углекислый газъ, расположенныхъ въ трехъ фазахъ: двухъ твердыхъ: 1) углекислый кальцій и 2) окись кальція, и одной газообразной фазѣ — углекислый газъ. Система *монвариантна*, ибо число фазъ только на единицу превышаетъ число компонентъ, и потому она представляетъ совершенно тѣ же условія равновѣсія, что и вода съ насыщеннымъ паромъ надъ ней.

Остановимся на этомъ: мы не можемъ здѣсь входить въ большія подробности относительно примѣненія правила фазъ къ изученію химическихъ явленій, ибо для этого намъ пришлось бы излагать различныя спеціальныя изслѣдованія, но уважемъ только, что правило фазъ позволило проникнуть въ такія области, которыя до того времени представлялись въ высшей степени темными: стоитъ только указать на изслѣдованія ванъ-Гоффа надъ стассфуртскими отложениями солей, изслѣдованія Баххуса Розеума и его учениковъ надъ твердыми растворами, сплавами и т. п., на примѣненіе правила фазъ къ изученію различныхъ вопросовъ металлургіи, кристаллографіи и т. дал., чтобы было видно, какимъ могучимъ руководящимъ средствомъ въ изслѣдованіи тайнъ природы мы обязаны І. У. Джиббсу.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующія слова извѣстнаго французскаго ученаго Ле-Шателье, объясняющія до нѣкоторой степени причину сравнительно поздней славы Джиббса.

„Быть можетъ покажется страннымъ, почему Джиббсъ такъ долго не былъ извѣстенъ. Умри Джиббсъ на десять лѣтъ ранѣе, онъ не получилъ бы при жизни справедливой оцѣнки своему таланту; онъ жилъ незнаемый никѣмъ, какъ и Сади Карно. Нѣкоторые великіе ученые: Лавуазье, Г. Сень Клеръ Девилль, Пастеръ, еще при жизни пользовались быстро завоеванной славой. Но если постараться обнаружить причину этого явленія, то приходится признаться, что она кроется въ обстоятельствахъ, болѣею частью совершенно постороннихъ ихъ трудамъ. Лабораторія Лавуазье была настоящимъ салономъ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ

г-жи Лавуазье собирался цвѣтъ духовной аристократіи. Лабораторія Сенъ Клеръ Девиля служила по воскресеньямъ мѣстомъ сборища товарищей, друзей, учениковъ, распространявшихъ въ своемъ кругу славу ихъ учителя и друга. Пастеръ былъ апостоломъ, шедшимъ всегда напроломъ, равно готовымъ какъ получать удары, такъ и самому отвѣчать на нихъ. Ежедневные журналы всегда были полны его полемикой и побѣдами въ медицинѣ и земледѣліи. Слава этихъ ученыхъ въ извѣстной мѣрѣ независима отъ цѣнности ихъ трудовъ. Многіе изъ ихъ современниковъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь упоминать, пользовались при жизни такой же славой, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ.

„Джиббсъ не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ бросающихся въ глаза и легкихъ достоинствъ, которыя снискиваютъ популярность. Съ крайне замкнутымъ и скромнымъ характеромъ, онъ жилъ въ сторонѣ, погруженный въ свои занятія. Не избѣгая бесѣды съ товарищами, онъ однако выдерживалъ характеръ въ томъ отношеніи, что весьма неохотно давалъ имъ понять глубину своей мысли. Очень преданный своимъ профессорскимъ обязанностямъ, онъ со всемъ тѣмъ не достигъ того, чтобы по его пути слѣдовалъ кто-либо изъ учениковъ, подготовка которыхъ не всегда была достаточной, и оставилъ мало послѣдователей.

„Съ большимъ трудомъ онъ рѣшился опубликовать результатъ своихъ работъ и, несмотря на совѣты друзей, онъ никогда не соглашался сдѣлать элементарное изложеніе своихъ идей, предназначенное для популяризаціи ихъ.

„Съ тѣхъ поръ какъ у него развилась болѣзнь сердца, которая должна была унести его, онъ сталъ жить изолированнымъ, чѣмъ прежде.

„Если, несмотря на эти неблагоприятныя обстоятельства, слава нашла его, то онъ заслуживалъ ее вдесятеро. Понадобилось около двадцати пяти лѣтъ, чтобы были оценены по достоинству новыя идеи, введенныя имъ въ науку. Такой періодъ времени прошелъ со дня появленія первыхъ работъ Джиббса; приговоръ его почитателей произнесенъ и укрѣпится въ потомствѣ. Лучшей похвалой его трудамъ могутъ служить слова, сказанныя имъ въ очеркѣ, посвященномъ Клаузиусу.

„Такого рода творчество не измѣряется числомъ заглавій и страницъ. Памятникъ, воздвигнутый имъ, не заключается въ нѣсколькихъ печатныхъ томахъ: онъ обнимаетъ человѣческую мысль и исторію всей науки“.

Ив. Кабуновъ.

Астрономическія извѣстія. *Леониды* въ 1904 году наблюдались опять въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ 1903 году. Milligan въ Голайвудѣ отмѣчаетъ максимумъ потока 14 ноября (н. ст.) между 12¹/₂ и 1¹/₂ час. ночи, когда онъ насчиталъ 25 метеоровъ. Въ слѣдующую ночь было только нѣсколько отдѣльныхъ метеоровъ, а 16-го и 17-го совсѣмъ ни одного. Также и Lébert въ Гаврѣ насчиталъ 14-го ноября между 4 и 5 часами ночи 43 метеора, 15-го между 12-ью и 2 часами ночи — 41, а между 4 и 5 еще 27,—всего за оба дня 111 метеоровъ. Леониды ясно шли изъ двухъ довольно удаленныхъ радіантовъ—одинъ изъ которыхъ около *дзита*, а другой близъ *эпсилонъ* Льва. Метеоры появлялись по большей части парами, часто пять-шесть паръ слѣдовало другъ за другомъ, а потомъ наступала болѣе продолжительная пауза. Въ пото-

какъ метеоры обыкновенно наблюдаются группами, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ черезъ промежутки въ нѣсколько минутъ—это общее правило. Теперь Lébert отмѣчаетъ въ леонидахъ 1904 г. новую подробность—группировку по парамъ.

Біелиды. Звѣздные дожди 1872 и 1885 гг. наблюдались 27-го ноября, но въ 1892 г. біелиды явились 23-го ноября. Э. А. Бредихинъ и Берберихъ независимо другъ отъ друга усчитали необходимость этого смѣщенія дня наблюденія—это обуславливалось возмущеніями орбиты метеоровъ Юпитеромъ. Линія пересѣченія орбиты кометы съ земной орбитой повернулась на нѣсколько градусовъ назадъ, и вслѣдствіе этого встрѣча земли съ метеорами произошла раньше. За послѣдніе годы новыя измѣненія подѣ дѣйствіемъ большихъ возмущеній того же Юпитера—линія пересѣченія орбитъ еще отодвигается. Земля проходитъ черезъ эту линію уже 20-го ноября. Наименьшее разстояніе обѣихъ орбитъ точно нельзя было опредѣлить; трудно также рѣшить, пройдетъ ли главная масса метеоровъ ближе къ ноябрю 1904 года или ближе къ ноябрю 1905 года. О наблюденіяхъ въ 1904 году пока еще нѣтъ извѣстій. Весьма интересно, не удастся ли чего-либо видѣть въ ноябрѣ 1905 г.

Шестой спутникъ Юпитера. Подозрѣніе, что вновь открытый спутникъ есть не что иное, какъ малая планета, очень близкая къ Юпитеру, не оправдалось. Проф. Вольфъ дѣйствительно, не обнаруживъ 22 января присутствія спутника, нашелъ вблизи Юпитера планету, но новая телеграмма Пикерига отъ 27 января указала, что эта планета никакой связи со спутникомъ не имѣетъ. Съ другой стороны, проф. Берберихъ, отождествившій найденную Вольфомъ планету съ извѣстной раньше планетой *Медузой*, рассчиталъ, что для 4-го января—дня, когда было заявлено объ открытіи спутника, положенія его и планеты были совершенно различны. Такъ что болѣе не остается сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ новымъ сенсационнымъ открытіемъ.

Седьмой спутникъ Юпитера. Только что разсѣялись недоразумѣнія относительно открытія шестого спутника въ системѣ Юпитера, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе объ открытіи еще новаго спутника—седьмого. Открытіе сдѣлано тѣмъ же Перрине на обсерваторіи Лика по фотографическимъ снимкамъ съ января 2-го по февраль 25 (н. ст.). Спутникъ очень слабъ—это звѣздочка 16-й величины. Онъ движется прямымъ движеніемъ. Наклоненіе орбиты его къ эклиптикѣ должно быть значительно.

Въ связи съ открытіемъ шестого спутника Юпитера и девятого спутника Сатурна это новое открытіе имѣетъ для насъ большой интересъ. Оказывается, что мы далеко еще не выяснили строенія планетныхъ системъ. Возможны новыя и новыя открытія, раскрытіе новыхъ и новыхъ подробностей. И въ этомъ отношеніи значеніе фотографіи, этого могучаго метода современнаго изслѣдованія природы, особенно велико.

Пятая комета 1904 года, открытая, какъ сообщалось въ февральской хроникѣ („Науч. Слово“, 1905, II), въ концѣ декабря, повидимому, періодическая, съ краткимъ временемъ обращенія. Астрономъ Faget послѣ нѣсколькихъ пробъ нашелъ, что наблюденіямъ ея положенія удовлетворяетъ лучше орбита эллиптическая съ большою полуосью, въ 3 раза большею средняго разстоянія земли отъ солнца. Время обращенія кометы около солнца по такой орбитѣ равняется приблизительно 7 годамъ.

Представляет ли эта комета совершенно новаго члена нашей солнечной системы, движется ли она около солнца уже давно, оставаясь намъ неизвѣстной, или наконецъ она тождественна съ наблюдавшимися раньше, этого рѣшить пока нельзя. Повидимому, послѣднее мало вѣроятно, потому что комета 1783, съ которой пятая комета 1904 года имѣетъ нѣкоторое сходство, движется по орбитѣ съ другими элементами.

Возможныя колебанія солнечнаго излученія и вліяніе ихъ на температуру земной атмосферы. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, все болѣе и болѣе усовершенствуя свои приборы, американскій ученый Ланглей измѣряетъ интенсивность солнечныхъ лучей.

Если произвести измѣренія на вершинѣ и у подножія горы или повторять изслѣдованіе на одномъ мѣстѣ, но въ различное время дня, слѣдовательно при различныхъ высотахъ солнца надъ горизонтомъ, то можно съ нѣкоторой степенью вѣроятности судить о поглощеніи солнечныхъ лучей въ земной атмосферѣ. Принимая въ расчетъ это поглощеніе, получимъ абсолютную, дѣйствительную интенсивность солнечныхъ лучей.

Въ своей послѣдней работѣ Ланглей приводитъ сопоставленіе результатовъ, полученныхъ со всевозможными предосторожностями въ теченіе 1903 года, съ тѣми, которые получились изъ наблюдений въ 1901 и 1902 годахъ. Обнаружилось вполне явственно, что прозрачность воздуха за періодъ отъ февраля по августъ 1903 г. значительно меньше, чѣмъ въ предыдущіе годы, а съ сентября 1903 г. разницы не замѣчается. Наоборотъ, дѣйствительное излученіе солнца, внѣ земной атмосферы, во второй половинѣ 1903 года на одну десятую меньше. Если положить въ основу законъ излученія Стефана, то можно рассчитать, что при допущеніи постоянства излученія самой землей температура послѣдней въ зависимости отъ уменьшенія интенсивности солнечныхъ лучей должна понизиться градусовъ на 7 и слѣдовательно вмѣсто 17° оказаться 10°. Таковъ долженъ быть первый эффектъ продолжительнаго уменьшенія интенсивности солнечнаго излученія. Но при малыхъ колебаніяхъ, которыя отмѣчаетъ Ланглей, уменьшеніе средней температуры земли обнаружить нелегко. Естественнѣе ждать его въ мѣстахъ съ континентальнымъ климатомъ. Чтобы провѣрить свои заключенія, Ланглей обработалъ матеріалъ, помѣщенный въ изданіи „Internationale Dekadenberichte“—именно среднія арифметическія температуры за каждыя 10 дней на 89 станціяхъ. Станціи были раздѣлены на 7 группъ по ихъ географическому положенію, ихъ разстоянію отъ моря и ихъ высотѣ надъ уровнемъ моря. Отступленія температуръ отъ нормальныхъ значеній обнаружили одинъ и тотъ же ходъ—именно паденіе съ апрѣля по ноябрь 1903 г. на нѣсколько градусовъ. Всего яснѣе выступаетъ это паденіе для станцій европейской и азиатской Россіи. Что температуры къ концу 1903 года сдѣлались опять нормальными, хотя интенсивность солнечнаго излученія оставалась еще ниже нормальной, это можно объяснить увеличеніемъ прозрачности атмосферы.

Весьма интересными являются дальнѣйшія изслѣдованія Ланглея. Важно выяснитъ, имѣемъ ли мы дѣло съ какимъ-то отдѣльнымъ годовымъ измѣненіемъ солнечнаго излученія, или оно только обусловливается началомъ новаго періода пятнообразовательной дѣятельности солнца.

Въ параллель заключеніямъ Ланглея можно поставить еще другой весьма интересный фактъ, отмѣченный много раньше астрономомъ Мюлле-

ромъ въ Потсдамѣ—одновременно увеличеніе яркости нѣкоторыхъ планетъ. Наиболѣе простымъ объясненіемъ этому факту является предположеніе, что интенсивность солнечныхъ лучей для времени наблюдений была больше. Весьма такимъ образомъ возможно, что излученіе солнца дѣйствительно не всегда одинаково и, можетъ быть, зависитъ отъ временныхъ измѣненій въ прозрачности его атмосферы.

Кончина Аббе. 14-го января н. ст. послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался на 65 году своей жизни глава знаменитаго завода Цейсса профессоръ Йенскаго университета и директоръ астрономической обсерваторіи Аббе. Покойный представлялъ замѣчательную личность. Онъ совмѣщаль въ себѣ выдающагося математика-теоретика, талантливаго практика, сумѣвшаго развитъ скромную мастерскую въ громадный, всему міру извѣстный институтъ, и симпатичнаго, гуманнаго политика, всю жизнь боровагося за улучшеніе соціального положенія рабочаго класса.

Аббе—сынъ старшаго мастера на прядильной фабрикѣ; онъ окончилъ реальную гимназію и слушалъ лекціи въ университетахъ йенскомъ и гёттингенскомъ. По окончаніи университета онъ принялъ сначала мѣсто ассистента на астрономической обсерваторіи въ Гёттингенѣ, но скоро оставилъ его, такъ какъ ночныя наблюденія вредно отзывались на его здоровьѣ. Въ 1863 году онъ начинаетъ читать лекціи въ йенскомъ университетѣ. Въ то время въ Йенѣ существовала небольшая оптическая мастерская Карла Цейсса съ 15-ью рабочими. Въ 1866 г. Цейссъ обратился къ Аббе съ предложеніемъ попытаться съ помощью математическаго изслѣдованія найти наиболѣе выгодную систему микроскопа. Задача рѣшена была Аббе блестяще. Онъ создалъ теорію, принесшую удивительные результаты на практикѣ. Микроскопы Цейсса получили мировую извѣстность. За микроскопами слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ физическихъ, астрономическихъ, специально оптическихъ инструментовъ, затмившихъ своими качествами все, что было раньше. Кто не знаетъ теперь о свѣтосильныхъ бинокляхъ Цейсса, о его телебинокляхъ, о фотографическихъ объективахъ различныхъ системъ? За послѣднее время заводъ Цейсса шлифуетъ и большіе астрономическіе объективы, представляющіе новое чудо. При чрезвычайной прозрачности они даютъ совершенно безцвѣтныя изображенія—почти абсолютно ахроматичны. До сихъ поръ объективы даже лучшихъ художниковъ-оптиковъ всегда давали секундарный спектръ. Обыкновенно оставляли голубые лучи, какъ менѣе вредные для глазъ, и изображеніе яркой луны или Юпитера вслѣдствіе этого являлось окруженнымъ голубымъ ореоломъ. Вслѣдствіе отсутствія такого ореола въ объективахъ Цейсса изображенія, даваемые ими, необычайно отчетливы, становятся возможными изслѣдованія и даже точнѣйшія измѣренія мельчайшихъ деталей.

Постепенно расширяясь, мастерская Цейсса обратилась въ громадный заводъ съ большимъ числомъ зданій, съ числомъ рабочихъ, далеко превосходящимъ тысячу. Самого Карла Цейсса давно нѣтъ, заводъ представляетъ акціонерное предпріятіе, при чемъ акціонерами являются сами работники. Во главѣ до сихъ поръ стоялъ Аббе. У него цѣлый рядъ сотрудниковъ, тоже людей науки: проф. Чапскій, д-ръ Пульфрихъ, д-ръ Гартвигъ, Паули и др. На заводъ приглашаются съ большимъ содержаніемъ выдающіеся математики и физики-теоретики безъ опредѣленныхъ

обязательствъ. Имъ предоставляется полная возможность заниматься всѣмъ, что ихъ интересуетъ. На пробныя опыты средствъ не жалѣютъ, времени тоже не считаютъ, лишь бы оно тратилось съ пользой. Принципъ завода — новѣйшія открытія и тщательная разработка. Заводъ изготовляетъ только то, что придумано и конструировано въ его стѣнахъ. Помощь науки въ практическомъ предпріятіи оказалась чрезвычайно полезной. Предпріятіе развивалось и богатѣло, росло и благосостояніе всѣхъ участвовавшихъ въ немъ работниковъ. Высокая заработная плата, страхованіе, пенсія, стипендіи въ различныхъ политехниумахъ, громадная бібліотека... на университетъ и различныя общественныя учрежденія заводъ затрачиваетъ милліоны. И все это сдѣлано талантомъ и гуманнымъ чувствомъ Аббе. Онъ оставилъ по себѣ по истинѣ добрую память.

Теоретическія изслѣдованія Аббе будутъ изданы теперь отдѣльно въ двухъ томахъ. Первый томъ уже приготовленъ къ печати.

Братья Анри. На парижской обсерваторіи въ теченіе сорока лѣтъ рука объ руку работали два брата Анри—Поль и Просперъ. Сначала на ихъ обязанности были наблюденія метеорологическихъ, но скоро свазалось истинное призваніе. Братья увлекаются астрономіей. Сами шлифуютъ зеркало въ 30 сантиметровъ діаметромъ и, приладивъ его къ часовому механизму, приобретенному случайно, начинаютъ въ своей частной квартирѣ наблюдать небо съ цѣлью построенія эллиптической карты. Въ 1871 году директоръ обсерваторіи разрѣшаетъ имъ наблюдать на маломъ экваторіодѣ въ саду обсерваторіи. Открытіе четырнадцати малыхъ планетъ является наградой за долгій трудъ по изготовленію карты эллиптической части неба. А самая эта карта даетъ новую идею построенія карты всего неба—грандіозное международное предпріятіе, душой котораго являются братья Анри.

Между прочимъ братья Анри наблюдаютъ также спутниковъ Урана и Нептуна, тщательно зарисовываютъ поверхность Марса, Юпитера, Сатурна, Урана, въ 1882 году принимаютъ участіе въ экспедиціи для наблюденія прохожденія Венеры. Въ 1884 году были произведены предварительныя опыты фотографированія различныхъ частей неба, и между прочимъ полученъ знаменитый снимокъ звѣзднаго скопленія въ Персеѣ, на которомъ ясно выдѣлялись звѣзды 12 и 13 величины. Братья Анри показали, что на этихъ фотографическихъ снимкахъ можно измѣрять положенія звѣздъ съ большою точностью. По ихъ указанію изготовляется измѣрительный приборъ. Для самаго же фотографированія парижская обсерваторія строитъ специальный фотографическій рефракторъ. Много и теоретическихъ изслѣдованій произведено братьями Анри для выработки новаго метода изслѣдованія неба. Въ 1887 году на парижской обсерваторіи собирается первый международный астрофотографическій конгрессъ, задачей котораго была выработка общаго плана работъ по изготовленію фотографической карты всего неба и каталога точныхъ положеній звѣздъ. Предположено вести одновременно двѣ параллельныя задачи: 1) фотографировать небо такъ, чтобы на снимкахъ оказались звѣзды 13-й величины, и эти снимки печатать на бумагу—коллекція такихъ снимковъ дастъ карту всего неба; 2) фотографировать небо до звѣздъ 11-й величины и эти снимки измѣрять, чтобы получить каталогъ точныхъ положеній. Этотъ каталогъ долженъ содержать болѣе

трехъ миллионѣвъ звѣздъ. На фотографической картѣ будетъ до 40 миллионѣвъ звѣздъ. За работу принялись 18 обсерваторій. Когда будетъ выполненъ весь этотъ грандіозный планъ, сказать трудно, но нѣкоторыя обсерваторіи уже начали выпускать свои результаты. Французское правительство отпечтало большое число картъ неба изъ тѣхъ зонъ, которыя взяли на себя обсерваторіи: парижская, тулузская и алжирская. Потсдамская Алжирская обсерваторія, съ другой стороны, опубликовали нѣсколько томовъ измѣреній положеній звѣздъ—для общаго каталога.

Братья Анри, наладившіе большое дѣло, не мало потратили труда и времени также на выполнение своей доли въ общей работѣ.

Нельзя не вспомнить ихъ интереснаго опыта фотографированія Плеядъ. На снимкѣ обнаружилось присутствіе туманностей около отдѣльныхъ звѣздъ—наглядное доказательство происхожденія звѣздъ путемъ сгущенія первобытной туманной матеріи. Послѣдующіе фотографическіе снимки другихъ астрономѣвъ обнаружили остатки туманной матеріи въ различныхъ частяхъ скопленія и общей туманности вокругъ него, подтверждающей общность происхожденія всѣхъ звѣздъ скопленія изъ клочка первобытной матеріи.

Продолжая свои опыты шлифовки зеркалъ и объективовъ, братья Анри основали оптическую мастерскую, въ которой были изготовлены большіе объективы на обсерваторіи въ Тулузѣ, Ниццѣ, Парижѣ, Медонѣ. Объективы пулковскаго астрографа шлифованы братьями Анри, равно какъ и объективы прекрасной новой трубы на московской обсерваторіи—произведеніе ихъ рукъ.

Братья Анри были погодеи. Поль родился въ августѣ 1848, Просперъ въ декабрѣ 1849. Почти вмѣстѣ поступили они и въ парижскую обсерваторію: первый въ 1864, второй въ 1865. Одинъ за другимъ они и скончались, но въ обратномъ порядкѣ: 25 іюля 1903 года не стало младшаго брата Проспера, теперь мы оплакиваемъ старшаго, скончавшагося 4-го января текущаго года.

Н. Понровскій.

Проф. Карлъ Пирсонъ о физической и психической наслѣдственности у человѣка. Едва ли кто станетъ отрицать огромное значеніе предковъ въ случаѣ того или иного домашняго животнаго. Вѣроятно, большинство согласится и съ тѣмъ, что у человѣка физическіе признаки наслѣдуются въ такой же степени, какъ у лошадей или у рогатаго скота.

Но выдающееся положеніе человѣка въ животномъ царствѣ справедливо приписывается его психическимъ признакамъ, а не физическимъ. Что же касается первыхъ, то они, *повидимому*, развиваются подъ влияніемъ семьи и школы, и мы выводимъ, быть можетъ, чрезчуръ поспѣшное заключеніе, что семья и школа являются главнымъ источникомъ психическихъ качествъ. Однако возможно, что семейный укладъ есть не болѣе какъ продуктъ „породы“ и что тѣ или иные результаты воспитанія въ чрезвычайной степени зависятъ отъ сырого матеріала, предоставленнаго воспитателю.

Можно, принимая такую точку зрѣнія, допускать въ то же время, что умственные и нравственные признаки наслѣдуются не такъ, какъ физическіе, будетъ ли то въ качественномъ или въ количественномъ от-

ношеніи. Тѣ и другіе могутъ подчиняться вліянію среды, но не въ одинаковой степени.

8 лѣтъ тому назадъ проф. Пирсонъ ¹⁾ поставилъ себѣ слѣдующій вопросъ: какъ измѣрить количественную форму наслѣдственности умственныхъ и нравственныхъ свойствъ у человѣка и въ какомъ отношеніи стоитъ это измѣреніе къ измѣренію наслѣдственности физическихъ признаковъ?

Рѣшеніе этой проблемы распадается на три отдѣльных изслѣдованій.

Во-первыхъ, необходимо было изучить физическую наслѣдственность у человѣка. Для этой цѣли были измѣрены признаки болѣе чѣмъ 1000 семействъ; такимъ образомъ получился богатый матеріалъ для заключеній о сходствѣ дѣтей и родителей, съ одной стороны, и братьевъ — съ другой.

Во-вторыхъ, надо было сравнить проявленія физической наслѣдственности у человѣка и у другихъ біологическихъ видовъ. Никакого существеннаго различія при этомъ не обнаружилось.

Въ-третьихъ, нужно было изслѣдовать наслѣдственность умственныхъ и нравственныхъ признаковъ у человѣка.

Сравнивать нравственный обликъ дитяти съ обликомъ его взрослыхъ родителей было бы слишкомъ трудно; поэтому проф. Пирсонъ ограничился изслѣдованіемъ сходства между *братьями*, такъ какъ если въ области психическихъ признаковъ подобіе между братьями окажется меньшимъ или большимъ, чѣмъ въ области признаковъ физическихъ, то это же самое должно имѣть мѣсто по отношенію къ сходству дѣтей съ родителями.

Полученіе безпристрастной оцѣнки психического склада *взрослыхъ людей* казалось проф. Пирсону дѣломъ невозможнымъ. Поэтому онъ ограничился изслѣдованіемъ дѣтей; нужныя свѣдѣнія о нихъ получались не отъ родителей, а отъ болѣе безпристрастныхъ лицъ — школьныхъ учителей; для собиранія свѣдѣній проф. Пирсонъ изготавилъ особую инструкцію. Для описанія каждой пары братьевъ или пары сестеръ, или брата и сестры служилъ отдѣльный бланкъ. Такихъ бланковъ, заполненныхъ свѣдѣніями, проф. Пирсонъ получилъ до 4000. Собираніе матеріала заняло болѣе пяти лѣтъ. Результаты же его изслѣдованія въ недавнее время обратили на себя особое вниманіе. Изъ физическихъ характеристикъ проф. Пирсонъ особенное вниманіе удѣляетъ головному указателю (т. е. отношенію ширины головы къ ея длинѣ, помноженному на 100). Преимущество этого признака заключается между прочимъ въ томъ, что головной указатель очень слабо измѣняется послѣ первыхъ двухъ лѣтъ жизни.

Разработка матеріала дала слѣдующіе результаты.

Возьмемъ, на примѣръ, мальчиковъ съ головнымъ указателемъ, заключающимся между 74 и 75. У этихъ мальчиковъ имѣется всего 78 братьевъ, головной указатель которыхъ мѣняется въ широкихъ предѣлахъ; среднее арифметическое ихъ головныхъ указателей равняется 77,45. Это можно выразить такъ: „средній“ братъ мальчика съ указателемъ 74,5 имѣетъ указатель 77,45. Этотъ указатель 77,45 представляетъ *приближеніе къ среднему указателю всего населенія* ²⁾ (78,9). Иначе говоря, указатель средняго брата лежитъ между среднимъ указателемъ всего

¹⁾ Работы Пирсона о смертности см. „Научное Слово“, 1903 г., кн. II, стр. 69.

²⁾ Это явленіе, имѣющее общій характеръ, было открыто Фрэнсисомъ Гальтономъ.

населенія и указателемъ перваго брата. Эта зависимость приближается къ средней ариѳметической. Такъ что если написать, что указатель средняго брата равенъ $(1 - a)$ {средн. указатель населенія} $+ a$ {указатель 1-го брата}, то коэффициентъ a , названный Пирсономъ *мѣрой подобія*, приблизительно равенъ *половинѣ*. Такимъ образомъ *указатель одного брата будетъ просто среднимъ ариѳметическимъ указателя другого брата и указателя всего населенія*.

То же самое, по Пирсону, имѣетъ мѣсто и для другихъ физическихъ характеристикъ, и притомъ безразлично—будутъ ли онѣ доступны измѣненію въ зависимости отъ вліянія упражненія и питанія (какъ, напр., размѣры тѣла), или нѣтъ (какъ головной указатель или цвѣтъ глазъ). Отсюда Пирсонъ выводитъ такое заключеніе: *вліяніе среды на физическіе признаки не играетъ важной роли въ опредѣленіи степени сходства между братьями*.

Но то же самое Пирсонъ нашелъ и для сходства психическихъ признаковъ. Такъ, напримѣръ, разсматривая степень одаренности у дѣвочекъ, онъ находитъ мѣру подобія равной почти половинѣ, а именно 0,47. Конечно, установленіе числовыхъ закономерностей здѣсь гораздо труднѣе и осуществляется съ гораздо меньшею точностью; но все же и въ области психическихъ признаковъ коэффициентъ сходства a оказывается круглымъ числомъ равнымъ $\frac{1}{2}$.

Изъ всего этого Пирсонъ заключаетъ, что *тѣлесныя и душевныя свойства наследуются у человека одинаковымъ способомъ и съ одинаковою интенсивностью*. Въ этомъ отношеніи душевныя свойства человека не выдѣляютъ его на фонѣ низшихъ біологическихъ формъ.

Хотя такія качества, какъ талантливость или нравственное благородство, и могутъ быть поощряемы семейной обстановкой или хорошей школой, тѣмъ не менѣе они являются врожденными, а не привитыми. Воспитаніе лишь тогда ведетъ къ благимъ результатамъ, когда оно примѣняется къ культурной расѣ.

Эти соображенія Пирсонъ примѣняетъ къ нынѣшнему состоянію англійской націи. Онъ останавливается на раздающихся въ Англии жалобахъ, которыя указываютъ на паденіе промышленной и вообще культурной общественной работы, на то, что первенство переходитъ изъ рукъ Англии въ руки Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. По мнѣнію Пирсона, горю нельзя помочь заимствованиемъ чужестранныхъ методовъ воспитанія или распространеніемъ технического образованія. Если есть вообще какое-либо средство помочь дѣлу, то оно состоитъ въ искусственномъ измѣненіи относительной плодовитости хорошихъ и дурныхъ родовъ въ странѣ.

А. Бачинскій.

Средняя температура земной поверхности. Извѣстный физико-географъ Ханнъ сообщаетъ въ Nature результаты своихъ послѣднихъ вычисленій относительно среднихъ температуръ поверхности земного шара. Вотъ они:

	Январь.	Іюль.	Годовая.	Колебаніе.
Сѣверное полушаріе . . .	8.0	22.5	15.2	14.5 Ц.
Южное полушаріе	17.3	10.3	13.6	7.0
Вся земля	12.6	16.4	14.4	3.8

Что касается температуръ высокихъ широтъ южнаго полушарія, то онѣ, по Ханну, таковы:

	Январь.	Юль.	Годовая.
50° южн. шир. . . .	8.°3	2.°9	5.°5 Ц.
60° " "	3.2	— 7.6	— 2.0
70° " "	—0.8	—22.2	—11.5
80° " "	—6.5	—31.5	—19.8

Б.

Выставка картинъ „Союза русскихъ художниковъ“. Искусство—отраженіе жизни. Но это отраженіе падаетъ на холстъ черезъ призму творческой души художника. И трудно угадать, какимъ цвѣтѣмъ преломится въ ея прозрачныхъ и зеркальныхъ граняхъ то или другое состояніе жизни. Множество условій проявляютъ здѣсь свое вліяніе: внутреннее состояніе общества, характеръ эстетическихъ взглядовъ, умственныхъ стремленій, общественныхъ и нравственныхъ потребностей эпохи. Нечего и говорить, что самый видъ искусства, въ связи съ характеромъ особенныхъ задачъ, свойственныхъ каждому роду творчества, также есть одинъ изъ главныхъ факторовъ въ рѣшеніи этого вопроса. При сходствѣ въ нѣкоторыхъ чертахъ литература и живопись извѣстнаго періода могутъ сильно расходиться въ выборѣ мотивовъ, въ характерѣ преобладающихъ въ данную минуту интересовъ. Выработка живописной техники требуетъ гораздо больше времени, усилій и исканій, чѣмъ усвоеніе тѣхъ или другихъ литературныхъ приемовъ. И если для искусства *слова* главное есть то, что составляетъ сущность слова—его внутренній смыслъ, то для искусства *формы* задачи внѣшняго характера, тѣсно связанныя съ самой сущностью понятія о формѣ, часто получаютъ большее значеніе, чѣмъ вопросъ о внутренней важности изображаемыхъ предметовъ. И вотъ, въ то время какъ литература отражаетъ въ самыхъ тонкихъ отблѣнкахъ общественную психику, оставаясь въ сущности всегда вѣрна своей главной темѣ—изображенію чловѣческаго духа, художникъ увлекается игрою свѣтовыхъ лучей, гармоническимъ пятномъ красокъ, перспективными эффектами, оригинальной линіей, энергіей движенія. Рѣдко когда чувствовалась такъ замѣтно эта разница основныхъ дорогъ и задачъ въ литературѣ и въ пластическихъ искусствахъ, какъ въ наши дни. Формальные задачи, упоеніе внѣшнимъ міромъ, необычайно утонченный субъективизмъ внѣшнихъ впечатлѣній рѣшительно преобладаютъ теперь въ изобразительныхъ искусствахъ надъ идейными запросами и даже надъ жадной поэтическаго настроенія. Но особенно замѣтнымъ это направленіе кажется у насъ въ Россіи. За границей, гдѣ, въ связи съ общими условіями жизни и большей культурностью среды, искусство развивается сильнѣй и шире, не перестаютъ выдвигаться все новые мощные таланты, въ творествѣ которыхъ формальные достоинства не исключаютъ глубины и оригинальности внутренняго содержанія. Въ Россіи внѣшнія задачи еще продолжаютъ преимущественно привлекать вниманіе художниковъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ талантовъ, для которыхъ еще только началась теперь пора расцвѣта. Идеи въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ на русскихъ выставкахъ. Мы говоримъ, конечно, не о тѣхъ идеяхъ политики и социальной морали, которыми были такъ богаты наши выставки въ 60-хъ—70-хъ годахъ минувшаго

вѣка. Можно только радоваться, что въ своемъ эстетическомъ развитіи мы доросли уже до признанія за искусствомъ своихъ большихъ самостоятельныхъ задачъ, кромѣ чисто служебной цѣли—снять въ массахъ гражданскія передовыя чувства и идеи. Теперь ихъ пропаганда достигается гораздо лучше другими, болѣе прямыми и дѣйствительными средствами, да и самыя идеи эти сдѣлались давно родными большинству интеллигентныхъ русскихъ людей. Наивно было бы навязывать искусству и теперь такія спеціальныя, хотя бы и почтенныя, цѣли. Нѣтъ, мы говоримъ о той идейности, въ которой, какъ ручьи въ большомъ потокѣ, объединяются вліянія культурныя и социальныя, воздѣйствія природы и откровенія гениальнаго творческаго духа. Такой идейностью, отражающей общечеловѣческое въ формахъ личнаго или народнаго міропониманія, отличалось творчество не только величайшихъ гениевъ, какъ Микель-Анджело, но и всѣхъ выдающихся надъ общимъ уровнемъ художниковъ, какъ Menzel, Böcklin, Stuck, Klinger, Burne Jones, W. Crane. Эту именно идейность отмѣчаетъ Е. А. Баратынскій въ своей характеристикѣ творчества Гете:

„Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.
 Все духъ въ немъ пытало: труды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣтущихъ времянь упованья...
 Съ природой одною онъ жизнью дышалъ...
 Была ему звѣздная книга ясна,
 И съ нимъ говорила морская волна“.

Въ русскомъ современномъ искусствѣ проявляются пока только первые начатки такой идейности въ широкомъ смыслѣ, еще робкіе, какъ первый смутный трепетъ сердца въ преддверіи великихъ тайнъ, въ предчувствіи возможныхъ откровеній.

Но если наши выставки не блещутъ богатствомъ внутренняго содержанія, то могутъ ли имѣть серьезное значеніе для мыслящихъ людей всѣ эти отъѣныя солнечнаго освѣщенія (наприм., этюды г. Грабаря „Утренній чай“, „Послѣобѣденный чай“), впечатлѣнія мельбающего пестраго движенія („La porte St. Denis“ г. Тархова) или перспективной глубины, достигнутой сочетаніемъ немногихъ основныхъ и обобщающихъ всѣ частности тоновъ (акварели г-жи Линдеманъ и этюды г-жи Баклундъ)? Къ чему тогда эти южныя синія ночи съ ихъ роскошью и нѣгой, цвѣтными яркими огнями и неутомною людскою толпой („Ночь на югѣ“ г. К. Коровина)? Къ чему изящныя простыя краски и линіи, игра солнечныхъ пятенъ на веслѣ, блескъ пропитанной дождемъ земли, отраженіе абриса въ стеклѣ и случайный первый видъ изъ открытаго окошка? Что могутъ дать всѣ эти формальныя побѣды и фокусы иллюзии взволнованному сердцу и уму современнаго зрителя?

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы, какъ намъ кажется, можетъ подсказать отчасти выставка „Союза русскихъ художниковъ“, отрывшаяся въ Москвѣ съ 12-го февраля настоящаго года. Лишь только вы осмотрите первыя залы выставки, какъ васъ уже охватываетъ впечатлѣніе красоты. Она повелительно царитъ здѣсь повсюду, и это впечатлѣніе уносить съ собой зритель и по окончаніи осмотра. Изъ 332 картинъ только одну: „Вос-

поминаніа обѣ Италіи“ г. Пастернака—можно признать произведеніемъ идейнымъ. Мы еще вернемся къ этой интересной по замыслу картинѣ, но прежде остановимся на творествѣ М. В. Якунчиковой, художницы, такъ рано и безжалостно похищенной у жизни (1870 + 1902 г.). Рядъ ея работъ, собранныхъ въ хронологическомъ порядкѣ на выставкѣ Союза, даетъ возможность прослѣдить, какъ развивался этотъ благородный и изящный талантъ. Сначала скромные, почти робкіе этюды: уголокъ двора, комнаты, пригородъ, полевой цвѣтокъ, исполненные часто заботливо, детально и всегда нѣжно и изящно, съ тонкимъ чувствомъ мѣры. Въ работахъ начала 90-хъ годовъ кисть становится уже болѣе увѣренной, чувствуются мастерство и сила. Художница точно сознаетъ свою мощь: для нея не существуетъ больше трудностей и, какъ бы наслаждаясь смѣлой простотой своихъ мазковъ, она передаетъ одинаково умѣло, свободно и изящно, какъ всегда, тюльпаны Гаарлема, пропитанный влажными парами воздухъ Амстердама, видъ дворика въ Meudon'ѣ, лужайку съ сосенкой и тихій вечеръ, и садовую калитку въ подмосковной. Тутъ что ни этюдъ, то перлъ въ отношеніи мотива и техники. Но съ середины 90-хъ годовъ все сильнѣе проявляются новыя стремленія. Интересъ съ вѣшней стороны переносится на внутреннюю. Техника все та же, полная мастерства и простоты, но о ней невольно забываютъ и художница и зритель. На первый планъ выступаетъ поэзія мотива (офортъ „Кладбище“, этюдъ пустыря съ одинокимъ фонаремъ въ Meudon'ѣ; „Вечеръ“ съ задумчивою женскою фигурой, сидящей на кровати въ глубинѣ комнаты) или передача настроенія и момента въ немногихъ основныхъ тонахъ и линіяхъ (офортъ съ силуэтомъ сельской церкви на вечернемъ небѣ), или выраженіе мысли, взволновавшей душу въ формахъ аллегоріи („L'irréparable“). Намекнуть хотя неясно на неосвязаемую сущность предметовъ, связать два міра, матеріи и духа, облагородить и очистить форму освобожденіемъ плѣненной въ ней идеи (этюдъ свѣчи, задуваемой вѣтромъ, или запыленныхъ чехловъ въ залѣ стараго дома), замѣнить реальное безплотнымъ отраженіемъ, призракомъ („Réflets intimes“), однимъ словомъ, окрылить страдающую душу въ ея стремленіи отъ грубости земного къ чистой красотѣ духовнаго—вотъ то основное, что съ годами все ярче и сильнѣе звучитъ въ творествѣ Якунчиковой. Какъ любить она этотъ простой мотивъ: случайный видъ, обрамленный переплетомъ открытаго окна. „Окно“ было и сюжетомъ ея первой картины. Описание этого произведенія М. В. даетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Вечеръ—ночь, отворенное окно... на столѣ лампа, книги, бумага... Облокотившись на перила окна, фигура мужчины, на немъ отблескъ свѣта отъ ярко-освѣщеннаго стола; за нимъ темное небо съ луной, край высокаго дома и въ немъ, и внизу, и во всей массѣ парижскаго жилья—огни; окна съ самостоятельными въ нихъ мелькающими жизнями. Ну, я не умѣю хорошенко выразиться... Просто человекъ занимался до поздняго вечера, соскучился, выглянулъ въ окно и задумался“. Эти окна съ скромнымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ на подоконникѣ часто встрѣчаются среди этюдовъ художницы. Изъ тѣсной рамы открытаго окна глазъ невольно тянется въ манящую даль смягченнаго воздушной пеленою вида. Какъ будто тамъ, въ этой загадочной дали, за стѣною этихъ елей, ожидаютъ насъ свобода и разрѣшеніе томлящаго невѣдѣнія. А сколько новаго находишь, всматриваясь въ эти

с скромные этюды, въ простоту ихъ тоновъ и мыслей! Сколько въ нихъ намѣчено интересныхъ тропинокъ и путей, обратившихся теперь уже въ торныя дороги, какъ доказываютъ это многія и лучшія картины на выставкѣ того же Союза! Въ отношеніи техническомъ вниманіе привлекаетъ одинъ оригинальный приемъ: соединеніе выжиганія по дереву съ раскраской, разработанный до совершенства художницей и какъ нельзя лучше подходящий къ символическому духу и цѣлямъ внѣшней, чисто живописной стороны ея творчества. Поразительною красотой дышитъ въ ея творествѣ каждая черта и образъ, въ этомъ случаѣ не только внѣшней, но и красотой души, изящной и чуткой, — изъ тѣхъ, къ которымъ хочется невольно отнести слова поэта:

Творецъ изъ лучшаго эмира
Соткалъ живыя струны ихъ...

Если М. В. Якуничова постигаетъ духовное начало черезъ красоту реального, то творчество г. Врубеля стремится уже прямо къ отрицанію оковъ ограниченной реальности. Произведенія этого художника, порой болѣзненно странныя, часто остаются непонятны зрителямъ, но едва ли кто теперь рѣшится отвергать въ немъ талантъ и особенно его неподражаемый даръ въ композиціяхъ орнаментальнаго характера (посмотрите хотя бы на вѣнецъ изъ снѣжинокъ вокругъ его „Снѣгурочки“). Можно находить странными иные его образы, но трудно ихъ забыть и, нѣсколько освоившись съ ними, не поддаться воплощенному ими настроенію. Сила этихъ образовъ — въ ихъ поразительной оригинальности, которой соотвѣтствуетъ и красота своеобразнаго колорита. Изяществу его художественныхъ замысловъ не вредитъ даже преднамѣренная угловатость иногда неестественно вытянутыхъ формъ. А какъ просто можетъ Врубель иногда передавать натуру, показываетъ превосходный этюдъ его „Кампанулы“. Но это не простой этюдъ: и въ цвѣтахъ дрожить у Врубеля внутренняя жизнь, и они своею формой и цвѣтомъ навѣваютъ тонкій аромат настроенія. Пусть Врубель часто остается не вполне понятнымъ, но его попытки чувствовать существовавшее, мыслить фантастически, видѣть дальше очевиднаго всегда будутъ волновать зрителей и возбуждать ихъ интересъ. Глубокій слѣдъ творчества Врубеля и теперь уже замѣтенъ въ современномъ искусствѣ и особенно въ приложеніи искусства къ ремеслу. Какъ часто въ завиткахъ случайныхъ украшеній, въ искаженныхъ демоническихъ чертахъ фигуры, распростершей свои мощныя крылья надъ входными дверями, замѣчаемъ мы особую тонкую одухотворенность, — слѣдъ вліянія творчества Врубеля, внесшаго внутреннюю жизнь даже въ міръ бездушныхъ формъ и отвлеченныхъ линий.

Другимъ въ высшей степени оригинальнымъ и также порою очень страннымъ художникомъ кажется и г. К. Сомовъ. Съ какой тонкою насмѣшкой отвращаетъ онъ упорно глаза отъ современности („Какъ одѣваются теперь“), чтобы предпочесть ей разрумяненныхъ, напудренныхъ и облѣпленныхъ мушками куколокъ въ фижамахъ 18-го вѣка. Въ современной трезвой и практичной жизни есть все, кромѣ красоты, и Сомовъ любить другія времена, когда больше заботились о красотѣ, хотя и создали слишкомъ условный идеалъ ея. Въ эти старыя, оцѣпенѣвшія формы онъ способенъ иногда внести очень тон-

кую красоту духовнаго стремленія, смутныхъ надеждъ и болѣзненно-мечтательной грусти (Женскій портретъ въ Третьяковской галлерей). Въ произведеніяхъ К. Сомова и Врубеля чувствуется внутренне изящное стремленіе къ чему-то свѣтлomu и начало безусловной свободы. Въ стремленіи воскресить поэзію иныхъ чуждыхъ намъ временъ, въ пренебреженіи къ окружающей реальности ради міра фантастическихъ и субъективныхъ грезъ выражается ихъ связь съ однимъ изъ типичныхъ настроеній современности. Въ высшей степени изысканная, почти дѣланная красота, которую они находятъ даже въ странномъ и уродливомъ, характерна для утонченныхъ, все извѣдавшихъ и недовольныхъ обыденностью душъ современныхъ людей. Можетъ быть, это обращеніе къ условной красотѣ минувшаго и почти болѣзненная склонность къ угловатымъ и уродливымъ чертамъ возникаетъ отъ тоски по настоящей естественной красотѣ, отъ безсилія создать новый идеалъ ея, когда въ самой жизни отсутствуютъ самобытныя и здоровыя основы для него. Въ томъ же рафинированномъ стилѣ, съ особою любовью воскрешающемъ формы старины (преимущественно XVIII вѣка) и почти забытый жайръ виньетокъ, въ которыхъ прихотливо перепуталось старое и новое въ фантастическомъ узорѣ линий, пятенъ, свѣтовыхъ эффектовъ, работаютъ и г. А. Бенуа, и гг. Бакстъ и Лансере. Въ особенности тонко передаютъ г. Бенуа и г. Лансере „Старый Петербургъ“, но ихъ отношеніе къ старинѣ гораздо объективнѣе, чѣмъ отношеніе Сомова. Они сильно чувствуютъ поэзію офиціально-величавыхъ, строгихъ и нѣсколько сухихъ линий Петербурга на фонѣ чудныхъ нѣжныхъ красокъ сѣвера, задумчивыхъ, фантастическихъ и меланхолическихъ, какъ пѣсни Калевалы. И если Сомовъ сливается съ кружкомъ своихъ пастушекъ и маркизъ или чувствительныхъ читательницъ повѣстей Карамзина и, кажется, роднится съ ними духомъ, то Лансере и въ особенности Бенуа постигаютъ старину тонкимъ историческимъ чутьемъ, смотрятъ на нее со стороны и поэтому болѣе понятны намъ и, думается, болѣе здоровы въ своемъ творчествѣ, хотя имъ зато и не возвыситься до тѣхъ удивительно простыхъ и искреннихъ, красивыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, которыми порой даритъ насъ творчество Сомова (его рисунки на cartes postales), съ его способностью тонко чувствовать вездѣ красивое, отречься вполне отъ современности и усваивать характеръ и настроенія людей минувшей эпохи.

Въ нереальномъ, фантастическомъ и сказочномъ ищетъ красоты и г-нъ Билибинъ. Превосходны его иллюстраціи къ былинѣ о Вольгѣ. Онѣ, дѣйствительно, красивы, но родною, здоровой красотой тонко понятыхъ формъ народнаго творчества, и освѣщены тѣмъ добродушнымъ юморомъ, который составляетъ типичную черту русскаго народнаго ума.

Исключительно въ народномъ и родномъ видятъ красоту и г-нъ Малявинъ. Но какой контрастъ съ предыдущей группой! Ему чужда красота утонченной, болѣзненно-условной культуры. Титаническая сила, странная, но мощная энергія образовъ и красокъ — вотъ красота Малявина. Въ ней нѣтъ и тѣни хрупкаго изящества или безсилія изнѣженности. Напротивъ, все полно здоровья и какой-то почти дикой и неотразимой силы. Такое впечатлѣніе производятъ и на этотъ разъ дѣвушки въ „Картинѣ“ г-на Малявина, которой авторъ не даль, да и не сумѣлъ бы, вѣроятно, подыскать болѣе опредѣленнаго

названія. При взглядѣ на его „Картину“ невольно рождается вопросъ, сознаетъ ли самъ художникъ, въ чемъ тайна этой силы, обаяніе которой онъ такъ живо чувствуетъ. Въ смыслѣ колоритной яркости и глубины тоновъ Малявинъ, кажется, достигнулъ той предѣльной грани, которая доступна средствамъ современной палитры. Въ его образахъ и краскахъ есть что-то эпическое и стихійное, роднящее его произведенія съ „Мальвой“ М. Горькаго. Но какая въ то же время разница! Одиная своей смѣлой мыслью высоко зажигаетъ людямъ ярко блещущій маякъ. Стихійное сродни ему, но и въ немъ онъ очарованъ гармоніей все тѣхъ же свѣтлыхъ и великихъ силъ, ведущихъ человѣка къ идеаламъ счастья, мощи, совершенства. Другой бессознательно охваченъ стихійнымъ, безсиленъ озарить его пучины такъ же ярко, какъ сверкаютъ на поверхности ихъ краски въ его однообразно странныхъ картинахъ. Преждевременно было бы считать такой крупный талантъ только инстинктивнымъ, не вѣдающимъ, что творить, но если онъ не рабъ стихійнаго, то все же и не господинъ его. И лишь демоническая красота богатырскихъ его образовъ, также увлекающая зрителя за грань реальнаго, придаетъ особенное обаяніе холстамъ Малявина, этимъ сфинксамъ современной живописи.

Отъ художниковъ, для которыхъ красота скрыта въ мірѣ грезъ, въ таинственной символикѣ вещей, въ свободной перифразѣ формъ реальныхъ, въ обаяніи старины съ ея выпѣвшими красками, съ поэзіей смягченныхъ въ туманѣ отдаленія очертаній, перейдемъ къ художникамъ, которые остались вѣрны внѣшнимъ впечатлѣніямъ реальнаго міра. И въ произведеніяхъ этой группы царитъ все тотъ же принципъ красоты. Но на этотъ разъ это красота самой природы, ея чистаго, прозрачнаго воздуха, золота осенней листвы, дрожащей на берегахъ, вечернихъ и утреннихъ солнечныхъ лучей, холодной сѣрой пелены октябрьскаго дня, которая съ такимъ поразительнымъ искусствомъ удалась передать въ своихъ этюдахъ г. Грабарю, художнику особенно типичному изъ современныхъ пейзажистовъ. Его этюды надолго остаются въ памяти. Правда, сила, тонкость и замѣчательная объективность въ передачѣ впечатлѣній природы характеризуютъ талантъ г. Грабаря. Его произведенія дѣйствуютъ не столько внутренней поэзіей настроенія, сколько той естественной, царственной внѣшней красотой природы, въ созерцаніи которой обновляется душевно человѣкъ. Грабарь удивительно умѣетъ передать эту ослѣпительную, лишь себѣ довлѣющую красоту, въ которой все такъ ясно гармонично, естественно, покойно. И чѣмъ меньше красоты въ нашей жизни, тѣмъ сильнѣе тянетъ зрителя къ этимъ полнымъ вѣчной и здоровой правды картинамъ. Той же тонкой объективной правды, соединенной съ глубокимъ пониманіемъ существеннаго основнаго характера мотива, исполнены и произведенія г. Сѣрова („Лошади у водооя“, „Портретъ Ѳ. И. Шаляпина“). Въ произведеніяхъ гг. Досѣкина, Петровичева, Тархова выдвигается впередъ уже субъективный элементъ во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, выражающійся въ исключительныхъ мотивахъ („Парижъ ночью“ г. Досѣкина), въ передачѣ самыхъ утонченныхъ впечатлѣній отъ движенія предметовъ (Тарховъ), въ особомъ техническомъ приѣмѣ, которымъ достигается то особенный прозрачный блескъ тоновъ, то слегка холодный и спокойный матовый налетъ на нихъ (Осенніе пейзажи г. Петровичева). Особенно запомнились намъ произ-

ведения г. Тархова: „Au printemps“, „Glycines“ и виды Сены, въ которыхъ такъ правдиво переданы весь характеръ рѣки и царящее на ней движеніе. Г. Мещеринъ и г. Юонъ соединяютъ съ объективностью въ изображеніи природы отзывчивость къ ея внутренней поэзіи („Осень“ г. Мещерина). Эта черта особенно замѣтна въ произведенияхъ г. Юона, для котораго пейзажъ не есть только снимокъ съ мѣстности, но явленіе, исполненное внутренней духовной жизни. Ее стремится уловить онъ въ своей „Жизни у берега“ и въ послѣднемъ отблескѣ заката на выѣскахъ „Улицы въ Ростовѣ“, и въ нѣжно заалѣвшемся пурпурѣ платва идущей черезъ улицу бабы. Старый храмъ или монастырь часто привлекаютъ вниманіе этого художника и сливаются съ окружающимъ его пейзажемъ въ индивидуальное одухотворенное цѣлое. Но самымъ яркимъ выраженіемъ этой внутренней поэзіи и жизни пейзажа являются, безспорно, произведения г. А. Васнецова. Онъ умѣетъ выбрать изъ внѣшности природы только тѣ черты, которыя относятся непосредственно къ поэмѣ, навѣянной ему тою же природой. Какая красота внутренней жизни въ его „Маѣ“ съ этимъ грозовымъ облакомъ, кажется, только что осыпавшимъ брызгами весенней влаги всю картину! Глубиной и силой внутреннего настроенія отличается его „Безмолвіе“, а характерная „Непогода“ показываетъ, какъ умѣетъ А. Васнецовъ сдѣлать изъ картины природы что-то говорящее всему духовному и физическому существу зрителя. Въ эпической широтѣ обобщающаго стиля Васнецова есть что-то величавое, что сразу выдѣляетъ его произведения среди такъ называемыхъ пейзажей съ настроеніемъ. Поэзіей внутренняго настроенія и мотивовъ отличается и творчество Жуковского. Онъ любитъ много разъ повторять излюбленный мотивъ, пока не выразитъ его съ наибольшей красотой и силой. Превосходна его картина „Подъ вечеръ“, чудный вариантъ къ прошлогоднему „Послѣднему лучу“, только еще болѣе изящный и благородный по сочетанію тоновъ. „Мартовскій вечеръ“, „Заволакиваетъ“, „У пруда“—все это уже знакомыя темы, которыми все-таки не устанешь любоваться въ передачѣ Жуковского. Къ пейзажистамъ поэтамъ относится и г. Добужинскій, такъ чудно, поэтично и красиво передавшій виды Петербурга и Литвы. Онъ выставилъ 21 рисунокъ, и изъ нихъ каждый способенъ вызвать въ зрителяхъ самый живой интересъ къ этому новому еще на нашихъ выставкахъ имени. Произведеній съ собственно жанровымъ характеромъ на выставкѣ немного: исполненный движенія и жизни эскизъ г. С. Иванова „Масленица“, основныя черты творчества котораго мы пытались уже опредѣлить въ прошлогоднемъ отчетѣ („Научн. Слово“ 1904 г., кн. V), и нѣсколько рисунковъ г. Пастернака, какъ всегда выразительныхъ и жизненныхъ и исполненныхъ какой-то тонкой интимной красоты. Если исключить иллюстраціи, замѣчательные образцы которыхъ вновь даетъ намъ г. Пастернакъ (къ разсказу Л. Толстого „Чѣмъ люди живы“), то элементъ повѣствованія окажется почти совсѣмъ чуждымъ современному жанру. Разсказъ уступилъ свое мѣсто естественной простотѣ случайнаго подчасъ мотива, красотѣ колорита или освѣщенія. Даже въ „Масленицѣ“ С. Иванова задачи внѣшней красоты (колоритныя желтыя пятна рукавицъ и полшубковъ), повидимому, отвлекаютъ автора отъ внутренней детальной разработки сюжета.

Одинокимъ явленіемъ на выставкѣ оказалась въ высшей степени

интересная по замыслу картина г. Пастернака „Воспоминанія объ Италіи“. Передъ этою картиною въ душѣ невольно возстаютъ вѣчные вопросы о тайнѣ красоты и мощнаго ея вліянія на людей. Италія, родина искусства, духовно возродившагося послѣ тьмы средневѣковья человѣчества, рисуется въ воспоминаніяхъ художника въ видѣ трехъ заслонившихъ всѣ другія впечатлѣнія образовъ. Олицетвореніе прекрасной, полной внутренней жизни и богатыхъ силъ Флоренціи, превращенной въ достойное презрѣнной слабодушной тираніи, представляетъ могучая „Ночь“ Микель Анджело, окаменѣвшая въ тяжеломъ снѣ, гнетущемъ ея вѣжды, сковавшемъ ея члены. Миланъ съ его придворной утонченной культурой, представляющей „состязаніе Минервы съ Венерой“, олицетворенъ въ одномъ изъ типичныхъ рисунковъ Леонардо. На немъ изображенъ женственно-нѣжный обликъ съ мягкими кудрями, съ манящею загадочною улыбкой, съ обвѣвающимъ опущенные вѣки облакомъ дремоты, за которымъ точно занавѣшена для глазъ непосвященныхъ обстоятельная тайна. Спать и патриціанка Венеціи—образъ, созданный подъ впечатлѣніемъ красавицы Тиціана и Поля Веронеза. Мимо проносятся вѣка, „а она такъ ровно дышитъ...“ въ царственномъ покоѣ своей пышной красоты. Въ чарахъ сна застыли неподвижно чудные образы, но въ нихъ живо еще бьется сердце и не замираетъ мысль, и живые люди рядомъ съ ними, кажется, исполнены мелкой и ненужной суеты. И таинственнымъ токомъ проникаютъ изъ образовъ картины въ вашу душу слова знаменитаго эпитафа къ „Ночи“:

„Во времена позора и паденія
Не слышать, не глядѣть—одно спасеніе!
Умолкни, чтобъ меня не разбудить!“

Стоять ли образы картины на высотѣ ея своеобразно-смѣлаго и поэтического замысла, мы не рѣшаемся сказать. Въ общемъ, несомнѣнно, она будитъ мысль и вызываетъ настроеніе, но, повидимому, еще многое нуждается въ переработкѣ, чтобы обаяніе этихъ образовъ сильнѣе охватило зрителей. По крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ замыселъ художника казался недостаточно яснымъ. Характерно, что и это произведеніе, съ идейнымъ содержаніемъ въ сущности есть гимнъ все той же силѣ красоты, стремленіе въ которой самыми разнообразными путями такъ типично для современнаго искусства.

Стоить взглянуть на образъ „Ночи“ Микель Анджело, чтобы понять, что красота не нуждается въ защитѣ, такъ же, какъ любовь, какъ истина. Но въ русскомъ обществѣ этотъ принципъ красоты до сихъ поръ еще нерѣдко подвергается гоненію. И выставка Союза, мы увѣрены, вызоветъ достаточно упрековъ за отсутствіе на ней всякихъ отраженій „житейскаго волненія“. Но развѣ красота такъ же, какъ любовь и правда, не есть лишь одно изъ выраженій основной единой и первоначальной истины? Красота облагораживаетъ душу, и только освѣженная въ ея лучахъ, исполняется душа отращенія и ужаса къ безднѣ всякаго „позора и паденья“. Есть, конечно, соблазны и миражи красоты, но въ этомъ виноваты извращенность, эгоизмъ и лживость человѣка, омрачающаго свѣтъ красоты примѣсью несвойственныхъ ей началъ. Сама же красота, въ своей сущности, въ своемъ вліяніи такъ же нравственна и социальна, какъ любовь и правда. Подобно имъ,

она дѣлаетъ здоровыми усталыя, больныя души и вселяетъ въ нихъ энергическую вѣру въ высшія лучшія нормы, въ которымъ жизнь не престаио и все больше приближается, въ силу неизбѣжности осуществленія истины, немислимою по самой своей сущности безъ этого понятія неизбѣжности. И мы привѣтствуемъ выставку Союза за эти добрыя, здоровыя и освѣжающія впечатлѣнія красоты, представляющей, естественно, высшую и лучшую задачу для изобразительныхъ искусствъ. Какъ неизбѣжна истина, такъ неотразима красота. Впечатлѣнія красоты мощно охватываютъ душу, и растутъ невольно въ тайникахъ ея свѣтлое предчувствіе приближенія новой лучшей жизни.

Н. Романовъ.

Римскій форумъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Въ послѣднее время Forum Romanum сдѣлался предметомъ такой дружной интенсивной работы изслѣдователей, какая рѣдко выпадаетъ на долю памятниковъ старины. Съ 1898 г. руководитель раскопокъ, Giacomo Boni, съ неутомимой энергіей шагъ за шагомъ извлекаетъ изъ мрака забвенія все новые и новые историческіе памятники, проливаетъ свѣтъ на многіе вопросы римской исторіи, давно ждавшіе своего разрѣшенія, ставитъ новыя интересныя проблемы.

Эти открытія вызвали такое же оживленіе въ литературѣ вопроса: въ теченіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ появилось нѣсколько крупныхъ сочиненій, посвященныхъ римскому форуму, не говоря объ отдѣльныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, наполняющихъ спеціальныя журналы. Все это не можетъ не отразиться на изученіи римской исторіи, опирающейся какъ на традицію, такъ и на археологическій и эпиграфическій матеріалъ.

Въ 1904 г. вышла въ свѣтъ превосходная монографія члена Парижскаго Института *Henri Thédénat: Le Forum Romain et les Forums Impériaux. Paris. Hachette, 1904.* Книга выходитъ 3-мъ изданіемъ, которое совершенно пересмотрѣно и дополнено по новѣйшимъ даннымъ. Исходнымъ пунктомъ ея послужила статья о форумѣ того же автора въ „Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines“ M. Saglio.

Вся первая часть книги посвящена исторіи форума, вторая озаглавлена „Посвщеніе Форума“ и представляетъ совершенно самостоятельное цѣлое; она написана менѣе спеціально, поэтому доступнѣе для большой публики. H. Thédénat ставитъ своей цѣлью собрать въ книгѣ все, что написано о форумѣ, что разбросано въ научныхъ изслѣдованіяхъ, статьяхъ и спеціальныхъ журналахъ на разныхъ языкахъ, присоединивъ къ этому свои заключенія по поводу возникшихъ сомнѣній и противорѣчій. Въ примѣчаніяхъ приведены многочисленныя ссылки какъ на древнихъ, такъ и на современныхъ писателей. Книга снабжена иллюстраціями, снимками и 3 превосходными планами римскаго форума и императорскихъ форумовъ. Въ концѣ приложенъ обширный списокъ литературы и подробнѣйшій систематическій указатель названій и терминовъ, встречающихся въ текстѣ, что очень облегчаетъ пользование книгой.

Особенно интересны главы, которыя посвящены раскопкамъ и научнымъ изслѣдованіямъ форума. Раскопки велись (особенно съ конца XVIII в.) по инициативѣ французскаго, папскаго, а съ 1870 года итальянскаго правительства. Руководителями были такіе выдающіеся ученые и археологи, какъ Rosa, Fiorelli и Lanciani. Особенно энергично орга-

низована была работа на форумъ въ министерство Guido Vacelli съ 1882 г. Была открыта *площадь (area)* форума, часть знаменитой *Sacra Via*, много надписей и архитектурныхъ фрагментовъ. Самыми замѣчательными находками этого періода можно считать два великолѣпныхъ мраморныхъ *барельефа (plutei)*, части ограды съ изображеніемъ сценъ, происходящихъ на форумѣ. Замѣчательное открытіе Lanciani *Жилища весталокъ (Atrium Vestae)* со множествомъ статуй и надписей знакомитъ насъ съ положеніемъ и широкой политической и общественной дѣятельностью весталокъ.

Но особенно интересны раскопки, производящіяся съ 1898 г. подъ руководствомъ знаменитаго архитектора Giacomo Boni. Для наблюденія за работами была создана коммиссія изъ выдающихся ученыхъ и археологовъ. Въ составъ ея вошли: Gatti, Ch. Huelsen, R. Lanciani и Zaccaroni, директоромъ же раскопокъ былъ назначенъ G. Boni. Работы продолжаютъся съ неослабывающей энергіей до нашихъ дней и даютъ самые блестящіе результаты. G. Boni направилъ раскопки вглубь форума, ниже уровня императорской эпохи. Въ 1898 году открыто маленькое *святилище Весты*, примыкающее къ жилищу весталокъ, и круглое основаніе *храма Весты*, что дало возможность лучше познакомиться съ этимъ древнимъ учрежденіемъ Рима. На томъ мѣстѣ, гдѣ было сожжено тѣло Цезаря, Boni открылъ подножье *алтаря Цезаря* вблизи его храма и передній *фасадъ храма* съ новыми *рострами*—ораторской трибуной императорской эпохи.

10 января 1899 г. былъ открытъ знаменитый *Lapis Niger*, вызвавшій въ литературѣ цѣлую полемику и поставившій на очередь вопросы первой важности. Это черный мраморный четырехугольникъ въ площади форума, обнесенный оградой и находящійся на границѣ между форумомъ и Comitium'омъ. На глубинѣ 1,4 метра подъ чернымъ камнемъ найдены двѣ архаическія продолговатыя базы и четырехугольный камень, а рядомъ конусъ и пирамида безъ верхушекъ. Эта находка навела G. Boni на мысль о древней могилѣ Ромула. Тексты древнихъ писателей и найденныя подъ чернымъ камнемъ базы для львовъ (по традиціи, сохраненной Варрономъ), подтверждаютъ это мнѣніе, вызвавшее однако рядъ споровъ и опроверженій со стороны многихъ писателей. Пирамида покрыта старинной греко-халдейской надписью (*Βουλοσφρῆδον*), читаемой попеременно слѣва направо и справа налево. Одно слово, ясно читаемое,—*„Regei“* на такомъ старинномъ памятникѣ (около VI в. до Р. X.) ставить вопросъ о томъ, не подтверждаетъ ли это открытіе традицію о царскомъ періодѣ.

Далѣе, въ томъ же году раскопки продолжались въ *храмъ Сатурна*, (древнѣйшемъ святилищѣ форума). Въ этомъ же и въ 1900 году была раскопана знаменитая *базиллика Эмилиа* на сѣверной, почти неисследованной еще части форума; затѣмъ старинная *Regia*, жилище верховнаго понтифика. Очень важной находкой было открытіе *Comitium'a* и старой *курии сената*, обращенной въ церковь св. Адриана.

Снесеніе церкви S. Maria Liberatrix вблизи Палатина привело къ открытію источника и *святилища Юturnы (Lacus et Puteal Juturnae)*,—открытію, подтвердившему римскую традицію объ этомъ мѣстѣ, посвященномъ нимфѣ источникѣ. Тамъ же найдена церковь *S. Maria Antiqua* (VI—VIII по Р. X.) съ многочисленными фресками. Въ 1901 г.

продолжались раскопки жилища весталокъ, найдены остатки магазиновъ, храмъ *Августа* и алтарь *Вулкана* на Вулканалѣ, относящійся къ очень древнему періоду Рима. Далѣе была найдена постройка изъ отдѣльныхъ комнатъ, назначеніе которой еще не опредѣлено и оставляетъ вопросъ открытымъ для археологовъ и историковъ. Одно изъ самыхъ интересныхъ открытій 1902—3 года составляетъ найденный G. Boni на большой глубинѣ подъ форумомъ доисторическій некрополь, болѣе древній, чѣмъ основаніе Рима. Въ немъ находятъ могилы со слѣдами сожженія и погребенія труповъ. Были ли это жители Капитолія или Палатина, или другіе древніе обитатели, жившіе на мѣстѣ, гдѣ возникъ Вѣчный городъ? Вопросъ не рѣшенъ и остается открытымъ.

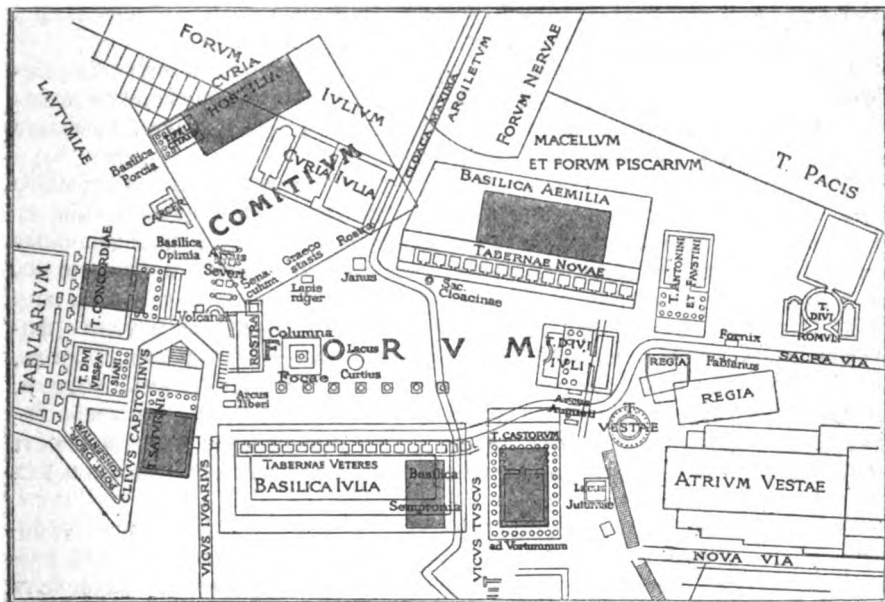
Въ 1905 г. появилось новое роскошное изданіе: *Le Forum Romain et la Voie Sacrée* par M. Hofbauer et H. Thédenat. Paris, Plon. 1905. Текстъ представляетъ новую переработку исторической части монографіи H. Thédenat, но особенно цѣнны превосходные снимки и реставраціи, частью исполненные въ краскахъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ труду H. Thédenat можетъ служить книга *Orazio Marucchi: Le Forum Romain et le Palatin*. Desclée Lefebure et Cie. Paris - Rome. 1903. Книга представляетъ переработку его гидовъ по форуму и Палатину, собранныхъ въ одинъ томъ. Книга предназначается авторомъ для историковъ и археологовъ и можетъ служить также гидомъ при изученіи памятниковъ форума на мѣстѣ. Историческая часть у Marucchi очень коротка; вся книга представляетъ подробнѣйшее описаніе Форума, знаменитой улицы Via Sacra, Капитолія и Палатина. Библиографія въ книгѣ Marucchi полнѣе и подробнѣе, но исторія раскопокъ гораздо короче, чѣмъ у Thédenat. Что особенно цѣнно въ книгѣ Marucchi, это обильный эпиграфическій матеріалъ: снимки съ монетъ, фрагментовъ съ надписями, надписи на базахъ колоннъ и статуй, — все это можетъ служить драгоценнымъ источникомъ для историка. Въ широкой мѣрѣ пользуется O. Marucchi и древними писателями, черпая многіе аргументы и разъясненія изъ текстовъ Ливія, Діонисія, Плинія, Овидія, Плутарха и др., а также изъ римскихъ законовъ. Подробно разбирая гипотезы ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ форума, авторъ высказываетъ иногда мнѣнія, совершенно не согласныя съ высказанными его предшественниками. Такъ, напр., опираясь на Ливія и Діонисія, Marucchi считаетъ Comitium болѣе древнимъ учрежденіемъ, чѣмъ форумъ, такъ какъ политическая роль Comitium'a, какъ мѣста собраній, предшествовала торговой роли форума. „Comitium всегда оставался мѣстомъ народныхъ собраній, даже тогда, когда не было больше собраній по куріямъ, и не только въ республиканскій, но и въ императорскій періодъ“ (стр. 46). На Comitium'ѣ всегда велись процессы, говоритъ Marucchi и отводитъ ему гораздо большее пространство, чѣмъ это дѣлали обыкновенно писатели.

Очень интересны страницы, посвященные такъ назыв. *Lapis Niger*. По поводу старой бустрофедонной надписи O. Marucchi затрогиваетъ очень важный историческій и методологическій вопросъ. Общарная полемика между учеными ¹⁾ не привела къ окончательному опредѣленію смысла надписи. O. Marucchi считаетъ возможнымъ, что слово „*Regei*“

1) Pais, Comparetti, de Sanctis и др.

указывает на принадлежность пирамиды къ царскому періоду или же къ раннему республиканскому (не позднѣ VI в.), относится дѣйстви-тельно къ царю, гех, или къ жрецу, такъ называемому „царю жертвоприносітелю“ (rex sacrosanctus). Какъ бы то ни было, установлено, что это памятникъ очень древней эпохи и содержалъ законъ или декретъ, имѣющій связь съ какими-то религіозными церемоніями. „Слѣдуетъ поэтому вѣрить древнимъ историкамъ, которые увѣряютъ, что они видѣли нѣкоторыя примитивныя надписи или знали ихъ по традиціи... Новое открытіе на форумѣ наноситъ ударъ гиперкритической шьолѣ, для которой все является мифомъ или фальсификаціей, которая не вѣритъ тра-

Планъ Форума.

диціямъ древнихъ авторовъ и не признаетъ существованія древнихъ письменныхъ документовъ... Справедливѣе вѣрить даже въ существованіе Ромула и другихъ царей, чѣмъ принять фантастическія теоріи тѣхъ, которые надѣются реконструировать римскую исторію послѣ столькихъ столѣтій...“

Въ книгѣ Магисчі находимъ свѣдѣнія о раскопкахъ и изслѣдованіяхъ, произведенныхъ не позднѣ конца 1902 г.

Открытія 1904 г. любезно сообщены намъ директоромъ раскопокъ, Giacomo Boni. Найдено подножье колоссальной статуи Домиціана, стоявшей въ центрѣ форума, между базиликами Юлія, Эмилиа, зданіемъ Regia и какъ бы подъ защитой храмовъ Согласія и Веспасіана. Статуя была свнесена по декрету сената, осудившаго память императора. Положеніе и подножье статуи вполне соответвуютъ описанію Стація. Подъ базисомъ статуи найдено углубленіе съ 5 жертвенными вазами, сохранившимися, вѣроятно, отъ религіозной церемоніи при закладкѣ статуи, на мѣстѣ какой-то древней могилы, о чемъ свидѣтельствуетъ найденный

недалеко скелетъ ¹⁾). Противъ храма Кастора найдено квадратное основаніе конной статуи, которая признана статуей въ честь Марка Тремула, побѣдителя герниковъ (448 г. Рима, 306 г. до Р. X.) — *Equus Tremuli*. Новая находка подтверждаетъ рассказъ Ливія и описаніе Плинія. Руководясь данными римской традиціи, приведенными Ливіемъ, Варрономъ, и топографическими указаніями Діонисія, Овидія и Стація, G. Boni предпринялъ разысканіе знаменитаго озера, *Lacus Curtius*, въ центральной части форума, вблизи статуи Домиціана. Предпріятіе увѣчалось полнымъ успѣхомъ: найдена площадь, окруженная оградой, которую римская традиція считала остаткомъ озера, связаннаго съ именами Меттія Курція, или Марка Курція. По мнѣнію Tomassetti ²⁾), „этотъ памятникъ благопріятенъ древней исторіи Рима, которая отбрасывалась до сихъ поръ вслѣдствіе исключительнаго недовѣрія“.

По мысли G. Boni, для болѣе полнаго и всесторонняго изученія римскаго прошлаго устривается музей на форумѣ (въ помѣщеніи монастыря S. Francesca Romana), о чемъ Boni помѣстилъ горячее воззваніе въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ:

„Къ *Forum Romanum*, къ этому центру общественной жизни древняго Рима, стекаются со всѣхъ сторонъ почитатели римской цивилизаціи.

„Стратиграфическій матеріалъ, памятники, посвященія и надгробныя надписи, рисунки, модели и гравюры могутъ послужить побужденіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, а также и для сравнительнаго ихъ изученія. Важнымъ факторомъ для такого изученія могли бы служить фотографическіе снимки важнѣйшихъ памятниковъ и построекъ (улицъ, могилъ, мостовъ, водопроводовъ, цистернъ, каменныхъ стѣнъ, воротъ, святилищъ, храмовъ, сводовъ, театровъ и амфитеатровъ, церквей, башенъ и т. п.). Эти памятники доказываютъ могущество и обширность имперіи и обнаруживаютъ вліяніе Рима на отдаленнѣйшія колоніи и ихъ обратное вліяніе на Римъ.“

Чтобы приступить къ составленію подобной коллекціи, я прошу помощи всѣхъ почитателей римской культуры, всѣхъ представителей разныхъ учреждений для храненія древностей или поощренія пластическихъ искусствъ, помощи членовъ историческихъ институтовъ, академій и археологическихъ музеевъ, всѣхъ изслѣдователей классической археологіи; я прибѣгаю ко всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли или могли бы дать музею форума фотографическіе снимки или одолжить негативы и рисунки разныхъ зданій и развалинъ. Памятники африканскихъ и восточныхъ колоній еще не вполне изслѣдованы; поэтому я съ благодарностью принялъ бы и несовершенныя или маленькія репродукціи. Прошу въ такомъ случаѣ на обратной сторонѣ отмѣтить, какія именно зданія или мѣстности онѣ изображаютъ.

Въ особую книгу будутъ записаны имена тѣхъ лицъ, которыя изъ любви къ древнему Риму внесутъ свою лепту для основанія музея, пока не будетъ составлено общее описаніе всѣхъ римскихъ памятниковъ. Римъ. Ноябрь. 1904. G. Boni. Директоръ раскопокъ на римскомъ форумѣ“.

Мы надѣемся, что это воззваніе найдетъ откликъ и среди русскихъ изслѣдователей римской археологіи и исторіи.

О. Рудченко.

¹⁾ См. Gatti, *Bullettino comunale*. XXXII, fasc. I—II.

²⁾ Tomassetti, *ibid.*, fasc. III.

Литературное обозрѣніе.

...Чтобы отдать долгъ литературѣ, которую я обязанъ обозрѣвать, отмѣчу исполняющееся въ апрѣлѣ пятидесятилѣтіе со времени написанія гр. Л. Н. Толстымъ перваго изъ севастопольскихъ очерковъ.

Перечитывая теперь эти три очерка, первое, что васъ поражаетъ, это эволюція, происшедшая за полвѣка въ отношеніи культурнаго чело-вѣка къ войнѣ. Для автора „Севастополя въ маѣ“ война—печальное, ужасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти нормальное явленіе. Вы помните описаніе кровавой долины, надъ которой „все такъ же, какъ и въ прежніе дни, обшая радость, любовь и счастье всему ожившему міру, выплывало могучее, прекрасное свѣтило“. Вы помните и знаменитое описаніе перемирія: это—то же отношеніе къ войнѣ, какое мы видимъ у Лермонтова, когда въ „Валерикѣ“ (1840), кончивъ описаніе битвы, онъ говоритъ:

А тамъ вдали грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главою остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій челоувѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Однѣя враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Для Гаршина, для Л. Андреева, для каждаго изъ насъ война—безумная фантазмагорія, которую почти отказывается постигнуть челоувѣчскій разумъ. И это происходитъ не только отъ того, что съ тѣхъ поръ измѣнился характеръ войны, и не только отъ того, что Лермонтовъ и Толстой сами близко и долго наблюдали войну и освоились съ нею: тутъ, несомнѣнно, есть глубокое психологическое различіе.

Три севастопольскихъ очерка—величественно-простая эпопея, поразившая своихъ первыхъ читателей и поражающая еще насъ не величественностью, а именно простотою, этимъ мастерскимъ разложеніемъ героическаго на элементы обыденно-челоувѣческаго, на крупинки пошлости и благородства, тщеславія и самозабвенія, трусости и героизма. Толстой сначала рѣзко отличаетъ двѣ группы: солдатъ и начальниковъ, народъ и интеллигенцію. Онъ благоговѣнно склоняетъ голову передъ красотою

и пълностью солдатской души, „передъ этимъ молчаливымъ, безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, этою стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ“. „То, что они дѣлаютъ,—говоритъ онъ,— дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что, въ убѣждены, они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше,—они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть *то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами*, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное“, и т. д. (Толстой говоритъ: любовь къ родинѣ).

Совсѣмъ не то „интеллигенція“. Уже въ самомъ началѣ второго очерка, который весь посвященъ изображенію офицерства, взять опредѣленный тонъ: „Тысячи людскихъ самолюбій успѣли оскорбиться, тысячи успѣли удовлетвориться, надуться, тысячи—успокоиться въ объятіяхъ смерти“. И затѣмъ длинная тирада о тщеславіи—„тщеславіи вездѣ, даже на краю гроба и между людьми, готовыми къ смерти изъ-за высокаго убѣжденія“. Въ этомъ и слѣдующемъ очеркахъ Толстой проводить предъ нашими глазами длинную вереницу людей, обычно движимыхъ легкомысліемъ, тщеславіемъ, эгоизмомъ¹⁾; съ казнимъ-то болѣзнен-

¹⁾ Вотъ еще одинъ яркій типъ—венанечатанная донинѣ глава изъ „Севастополя въ августѣ“ (она слѣдуетъ за 4-ой главой), по подлинной рукописи Л. Н., хранящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ; рукопись помѣчена: 27 декабря 1856 г., Петербургъ.

— Да какъ же не дать,—сказалъ вдругъ офицеръ, бранившійся на крмылѣ съ зрителемъ и въ это время подошедшій къ разговаривающимъ и обращаясь отчасти и къ штабнымъ, сидѣвшимъ подлѣ, какъ къ болѣе достойнымъ слушателямъ.— Вѣдь я такъ же, какъ и эти господа, пожелалъ въ дѣйствующую армію, даже въ самый Севастополь просился, отъ прекраснаго мѣста, и мнѣ, кромѣ прогоновъ отъ П. 136 р. сер., ничего не дали; а я ужъ своихъ больше 150 руб. издержалъ. Подумать только, 800 верстъ 3-й мѣсяць ѣду. Вотъ съ этими господами 2-й мѣсяць. Хорошо, что у меня были свои деньги, ну, а коли бы не было ихъ?

— Неужели 3-й мѣсяць?—спросилъ кто-то.

— А что прикажете дѣлать?—продолжалъ рассказывающій,—вѣдь ежели бы я не хотѣлъ ѣхать, я бы и не просился отъ хорошаго мѣста; такъ стало быть я не сталъ бы жить по дорогѣ, ужъ не отъ того, чтобъ я боялся бы... а возможности никакой нѣтъ. Въ Перекопѣ, напримѣръ, я 2 недѣли жилъ, зритель съ вами и говорить не хочетъ, когда хотите прѣзжайте, однихъ курьерскихъ подорожныхъ вотъ сколько лежитъ.—Ужъ вѣрно такъ судьба... вѣдь я бы желалъ, да видно судьба; я вѣдь не отъ того, что вотъ теперь бомбардированіе, а видно, торопясь не торопясь, все равно; а я бы какъ желалъ...

Этотъ офицеръ такъ старательно объяснялъ причины своего замедленія и какъ будто оправдывался въ нихъ, что это невольно наводило на мысль, что онъ труситъ. Это еще стало замѣтнѣе, когда онъ разспрашивалъ о мѣстѣ нахождения своего полка и опасно ли тамъ. Онъ даже поблѣднѣлъ и голосъ у него оборвался, когда безрукій офицеръ, который былъ въ томъ же полку, сказалъ ему, что въ эти два дня у нихъ однихъ офицеровъ 17 человекъ вышло.

Дѣйствительно, офицеръ этотъ въ настоящую минуту былъ жесточайшимъ трусомъ, хотя 6 мѣсяцевъ тому назадъ онъ далеко не былъ имъ. Съ нимъ произошло переворотъ, который испытали многіе и прежде, и послѣ него. Онъ жилъ въ одной:

нымъ любопытствомъ роется онъ въ ихъ души и тщательно выписываетъ всѣ черты ихъ мелочности и пошлаго, а то и жестокаго себялюбія. „Я люблю,—говоритъ онъ,—когда называютъ извергомъ какого-нибудь завоевателя, для своего честолюбія губящаго милліоны. Да спросите по совѣсти прапорщика Петрушова и подпоручика Антонова, и т. д., всякій изъ насъ маленький Наполеонъ, маленький извергъ и сейчасъ готовъ затѣять сраженіе, убить человѣкъ сотню для того только, чтобы получить лишнюю звѣздочку или третью жалованья“.

Но не спѣшите судить этихъ дурныхъ и пошлыхъ людей: взгляните на нихъ въ минуту *дружною всенародною дѣла*—все наосное, искусственное, разсудочное спадаетъ съ нихъ, какъ одежда, и они становятся „народомъ“. Взгляните, съ какимъ отраднымъ чувствомъ хорошо исполненнаго долга, нимало не думая о себѣ, умираетъ на носилкахъ стар-

изъ нашихъ губерній, въ которыхъ есть кадетскіе корпуса, и имѣлъ прекрасное покойное мѣсто, но, читая въ газетахъ и частныхъ письмахъ о дѣлахъ севастопольскихъ героевъ, своихъ прежнихъ товарищей, онъ вдругъ возгорѣлся честолюбіемъ и еще болѣе патристическимъ геройствомъ. Онъ пожертвовалъ этому чувству весьма многимъ—и обжитымъ мѣстомъ, и квартиркой съ мягкой мебелью, заведенной семилѣтнимъ стараніемъ, и знакомствами, и надеждами на богатую женитьбу,—онъ бросилъ все и подалъ еще въ февралѣ въ дѣйствующую армію, мечтая о бессмертномъ вѣнкѣ славы и генеральскихъ эполетахъ. Черезъ 2 мѣсяца послѣ подачи прошенія онъ *по командѣ* получалъ запросъ, не будетъ ли онъ требовать вспоможенія отъ правительства. Онъ отвѣчалъ отрицательно и терпѣливо продолжалъ ожидать опредѣленія, хотя патристическій жаръ уже успѣлъ значительно остыть въ эти 2 мѣсяца. Еще черезъ 2 мѣсяца онъ получилъ запросъ, не принадлежитъ ли онъ къ массовскимъ локамъ, и еще подобнаго рода формальности, и послѣ отрицательнаго отвѣта наконецъ на 5-й мѣсяць вышло его опредѣленіе. Во все это время пріятель, а болѣе всего то заднее чувство недовольства новымъ, которое является при каждой перемѣнѣ положенія, успѣли убѣдить его въ томъ, что онъ сдѣлалъ величайшую глупость, поступивъ въ дѣйствующую армію. Когда же онъ очутился одинъ, съ изжогой и запыленнымъ лицомъ, на 5-й станціи, на которой онъ встрѣтился съ курьеромъ изъ Севастополя, рассказавшимъ ему про ужасы войны, прождалъ 12 часовъ лошадей, онъ уже совершенно расканвался въ своемъ легкомысліи, съ смутнымъ ужасомъ думалъ о предстоящемъ и ѣхалъ безсознательно впередъ, какъ на жертву. Чувство это въ продолженіе 3-хмѣсячнаго странствованія по станціямъ, на которыхъ почти вездѣ надо было ждать и встрѣчать ѣдущихъ изъ Севастополя офицеровъ съ ужасными рассказами, постоянно увеличивалось и наконецъ довело бѣднаго офицера до того, что изъ героя, готоваго на самыя отчаянныя предпріятія, какимъ онъ воображалъ себя въ П., въ Дуванкѣ онъ былъ жалкимъ трусомъ и, съѣхавшись мѣсяць тому назадъ съ молодежью, ѣдущей изъ корпуса, она старался ѣхать какъ можно тише, считая эти дни послѣдними въ своей жизни, на каждой станціи разбиралъ кровать, погребецъ, составлялъ партію въ преферансъ, на жалобную книгу смотрѣлъ какъ на препровожденіе времени и радовался, когда лошадей ему не давали.

Онъ дѣйствительно бы былъ героемъ, ежели бы изъ П. попалъ прямо на бастіоны, а теперь еще много ему надо было пройти моральныхъ страданій, чтобы сдѣлаться тѣмъ спокойнымъ, терпѣливымъ человѣкомъ въ трудѣ и опасности, какимъ мы привыкли видѣть русскаго офицера. Но энтузіазмъ уже трудно бы было воскресить въ немъ.

шій Козельцовъ, какъ при воспоминаніи о юношѣ-братѣ его холодющія уста шепчуть: „Дай Богъ ему такое же счастье“; взгляните на трусливаго Михайлова, который, раненый въ голову, подѣ страшнымъ огнемъ возвращается на траншею, чтобы подобрать ординарца Праскухина, если онъ только раненъ. Для всѣхъ для нихъ въ пылу работы общенародное дѣло—*долгъ*, который люди исполняютъ не думая, все равно, какъ дышать. „На днѣ души каждаго,—говорить о нихъ Толстой,—лежитъ та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устааетъ горѣть ярко,—придетъ роковая минута, она вспыхнетъ пламенемъ и освѣтитъ великія дѣла“.

А наша роковая минута—она настала ¹⁾.

М. Гершензонъ.

¹⁾ Первая часть „Литературнаго обозрѣнія“ не могла быть помѣщена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

Библиографія.

К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Сборникъ статей. Спб., 1905 г., 292 стр. Ц. 1 р. 50 к.

„Старости свойственно желаніе подводить итоги прошлой дѣятельности“, говоритъ К. К. Арсеньевъ въ предисловіи къ разсматриваемой нами книгѣ. Это сборникъ статей автора, напечатанныхъ имъ ранѣе въ „Вѣстникѣ Европы“ въ защиту религіозной свободы въ періодъ 1880—1904 гт., то-есть въ тѣ годы, когда эта свобода попиралась особенно сильно. За четверть вѣка своей литературной дѣятельности К. К. Арсеньевъ могъ отмѣтить лишь одинъ шагъ впередъ въ законодательствѣ на пути признанія свободы совѣсти (законъ 3 мая 1883 г.), то-есть если говорить объ осязательныхъ результатахъ упорной четверть-вѣковой борьбы, въ которой у автора союзниками были лучшіе представители русскаго общества и миллионы раскольниковъ, сектантовъ, лютеранъ, католиковъ и др. изъ русскаго народа, то таковыхъ результатовъ не видно. Но если подводить итоги славной работы въ защиту свободы совѣсти, то надо помнить, что, кромѣ осязательныхъ результатовъ, возможны и другіе, учеть которые трудно, но которые несомнѣнны: правдивое, смѣлое слово за совѣсть должно было вербовать ей новыхъ борцовъ-союзниковъ, создавать великую силу общественнаго мнѣнія, передъ которой рано или поздно придется отступить темнымъ силамъ нетерпимости и узкаго эгоизма.

Авторъ „Сборника“ даетъ рядъ яркихъ очерковъ о положеніи раскола до закона 1883 г. и послѣ него (III и IV очерки), о положеніи сектантства (V очеркъ), католичества, лютеранства, язычества и магометанства (VI и VII очерки). Съ положеніемъ въ Россіи раскола и сектантства авторъ знакомъ тѣмъ лучше, что занимался этими вопросами сначала по службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи, потомъ какъ адвокатъ по религіознымъ преступленіямъ и особенно какъ одинъ изъ членовъ сенаторской ревизіи Саратовской и Самарской губерній (въ 1880—1881 гт.). При означенной ревизіи раскольники просили даровать имъ право имѣть свои мѣста для молитвы, хотя бы простыя избы, позволить имъ служить Богу согласно ихъ ученія. Прошло двадцать лѣтъ, и въ 1901 году тѣ же поволжскіе старообрядцы, или, вѣрнѣе, уже успѣвшее народиться и вырасти ихъ новое поколѣніе, подали правительству за 49.753 подписями просьбу, въ которой указывали, что въ послѣдніе годы начались съ особенною настойчивостью новыя стѣсненія.

Борьба съ расколомъ и сектантствомъ ведется тремя способами: на почвѣ закона путемъ судебныхъ приговоровъ, мѣрами административнаго воздѣйствія и путемъ убѣжденія въ публичныхъ собесѣдованіяхъ, но, къ сожалѣнію, послѣднія обставлены такъ, что часто раскольники не рискуютъ принимать участіе въ спорахъ изъ боязни тѣхъ же административныхъ притѣсненій въ видѣ имѣвшихъ мѣсто высылкокъ и проч. (стр. 99). Среди мѣръ административнаго воздѣйствія комитетъ министровъ отмѣтилъ въ 1894 г. „весьма благоприятные результаты, достигнутыя запрещеніями молитвенныхъ собраній послѣдователей штунды въ порядкѣ положенія объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и 4 июля 1894 г. состоялось Высочайшее утвержденіе положенія комитета министровъ, коимъ общественныя молитвенныя собранія штундистамъ были воспрещены повсемѣстно“ (стр. 161). Но безспорно, самыми жестокими мѣ-

рами борьбы является отобраніе отъ родителей ихъ дѣтей для воспитанія ихъ въ правилахъ православія; случаи такого насильственного отобранія имѣли мѣсто и въ послѣдніе годы (въ 1895 г., см. стр. 192—198). Часто и въ миссіонерахъ, которые должны бы дѣйствовать лишь словомъ на сердце и умъ вѣрующихъ иначе, чѣмъ они сами, замѣчается стремленіе къ мѣтрамъ репрессивнаго характера. Такъ, миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ 1887 г. ходатайствовалъ о закрытіи московскаго преображенскаго кладбища, о преслѣдованіи раскольниковыхъ поповъ, носящихъ священническую одежду и проч. Въ 1896 г. въ Калужской губерніи духовное начальство просило губернскую администрацію заставить „раскольниковскихъ лже-поповъ“ остричь свои волосы и не носить шляпъ, какія носить православное духовенство, и администрація сдѣлала соответствующее распоряженіе (стр. 128). На эти же длинные волосы „лже-поповъ“ указывалъ и одинъ изъ отчетовъ оберъ-прокурора св. синода; тутъ же указывалось, что они носятъ такія же ризы, какъ и православное духовенство, что часовни ихъ украшены богатыми иконами въ серебряныхъ ризахъ“ (стр. 110). Отвѣчая на это, К. К. Арсеньевъ напоминаетъ, что и въ бѣдныхъ избахъ, наскоро обращенныхъ въ мѣсто молитвы, при ежеминутномъ ожиданіи полицейскаго погрома сердца раскольниковъ бьются съ горячею любовью къ своему ученію и своей религиозной общинѣ съ готовностью все принести для нихъ въ жертву...

Въ VI и VII очеркахъ „Сборника“ читатель найдетъ характеристику современнаго положенія католичества, лютеранства, магометанства и язычества. Здѣсь сообщаются факты упраздненія католическаго монастыря съ передачей его православному духовенству, закрытія костеловъ и о всякихъ затрудненіяхъ бракамъ православныхъ съ католиками и лютеранами. Тутъ же сообщаются случаи присужденія къ каторжнымъ работамъ за совращенія изъ православія въ магометанство и проч. Интереснымъ документомъ въ дѣлѣ распространенія среди инородцевъ православія является приводимый авторомъ циркуляръ балаганскаго окружнаго исправника отъ 1891 г. (Иркутской губерніи) „съ увѣдомленіемъ головъ и старостъ о предстоящемъ пріѣздѣ мѣстнаго преосвященнаго для крещенія инородцевъ и съ предписаніемъ привлечь къ крещенію возможно большее число инородцевъ, помимо подлежащихъ крещенію, которые обязательно должны быть доставлены ко дню пріѣзда преосвященнаго въ бахеевскій миссіонерскій станъ подъ опасеніемъ законной (?) отвѣтственности самихъ головъ и родовыхъ старостъ“.

Далеко не лишня въ „Сборникѣ“ IX глава „Новое уголовное уложеніе и религиозныя преступленія“, но, къ сожалѣнію, она слишкомъ кратка. Въ вопросѣ о религиозныхъ преступленіяхъ новое уголовное уложеніе ушло не особенно далеко сравнительно со старымъ уложеніемъ, и нововведенія большею частью ограничиваются лишь смягченіемъ уголовныхъ наказаній за религиозныя преступленія.

Въ книгѣ г. Арсеньева ничего не говорится объ указѣ 12 декабря 1904 г.; очевидно, она была отдана въ печать ранѣе появленія этого указа. Въ исполненіе этого указа комитетъ министровъ выработалъ мѣры для установленія большей свободы совѣсти, и двадцать пятаго января 1905 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе журнала комитета, и въ настоящее время, по сообщенію печати эти мѣры приведены въ исполненіе: сообщено мѣстнымъ властямъ объ освобожденіи отъ взысканій лицъ по религиознымъ дѣламъ, предписано не примѣнять къ дѣламъ религиознаго свойства положенія о государственной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ. Несомнѣнно, что эти мѣры несутъ съ собою облегченія страдавшимъ за вѣру. Но въ печати пока еще ничего неизвѣстно о предположеніяхъ болѣе глубокихъ преобразованій въ сферѣ религіи. Интересно и важно, что вскорѣ за полученіемъ въ войскахъ Манчжуріи Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. начальники всѣхъ воинскихъ частей, дѣйствующихъ противъ Японіи получили отъ главнаго штаба циркулярное письмо за № 28, въ коемъ сообщалось, что по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. синода постановлено отказать въ просьбѣ старообрядцамъ, пріемлющимъ бѣнокриницкое священство, о допущеніи ихъ священниковъ въ госпитали для напутствія своихъ умирающихъ единовѣрцевъ; при этомъ на начальниковъ частей возлагается обязанность слѣдить за такимъ недопущеніемъ (см. „Право“, № 9). Итакъ, и тамъ, на нивѣ кровавой борьбы идетъ эта безконечная, безкровная, но жестокая борьба изъ-за религиозныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе страшная, что здѣсь бьются лежачихъ, умирающихъ... 40

Заканчивая свою книгу К. К. Арсеньевъ говоритъ, что въ дѣлѣ религиозной свободы дѣйствительной гарантіей могла бы стать большая независимость церкви отъ государства, когда церковь не будетъ искать опоры въ „свѣтской рукѣ“, въ

„мечѣ“ правительственной власти. Для наступленія этого времени, конечно, надо расчищать дорогу, и рассмотрѣнная нами симпатичная книга уважаемаго автора послужитъ этому дѣлу.

Мих. Гериетъ.

А. И. Маркевичъ. Таврическая губернія во время крымской войны. По архивнымъ документамъ. Симферополь. 1905. in 8-vo. Стр. 4 нон. + 260 + 6 нон. Ц. не озн.

Работа Арсенія Ив. Маркевича составляетъ 37-й выпускъ „Извѣстій Таврической ученой архивной Комиссiи“, которая, какъ то видно изъ протоколовъ ея засѣданій за 1903—1904 годы, готовилась встрѣтить соотвѣтственными воспоминаемыми пятидесятилѣтiе со времени севастопольскаго погрома. Самая инициатива такой встрѣчи принадлежитъ автору настоящаго труда, цѣликомъ основаннаго на архивныхъ документахъ, которые удѣляли отъ дѣлопроизводства „временной канцелярiи военнаго губернатора г. Симферополя и таврическаго гражданскаго губернатора“ за 1854—1866 годы. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что состоянiе Тавриды въ теченiе крымской войны, а равно дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ въ это время мало обследованы въ литературѣ; его книга имѣетъ цѣлью пополнить указанный пробѣлъ, представляя собой не изслѣдованiе въ собственномъ смыслѣ этого слова, а лишь обзорѣние и частью сводку данныхъ изученнаго имъ архивнаго матеріала. Довольно трудно по книгѣ г. Маркевича судить, насколько полно эксплуатированы имъ архивный матеріалъ „временной канцелярiи“, насколько осталась имъ нетронутымъ слой документовъ для характеристики что называется отрицательныхъ сторонъ тогдашняго быта и не надлежитъ ли изслѣдователю подѣ руководствомъ г. Маркевича самому заглянуть въ тронутое имъ архивное богатство. Въ цѣломъ изложенiе автора серьезно и дѣловито; приведенiе нѣкоторыхъ данныхъ представляется порою нѣсколько случайнымъ или неполнымъ; особенной оговорки требуетъ статистическiй матеріалъ, о которомъ не знаешь, приводитъ ли авторъ рядъ цифръ только для примѣра, на выдержку или же предлагаетъ систематически полную сводку. Намъ непонятно также, зачѣмъ г. Маркевичъ крымскую войну титудуетъ „великой“ и что онъ этимъ эпитетомъ хочетъ выразить, или чѣмъ вызваны неумѣстныя въ современной исторической работѣ струйки сервиллизма, проглядывающiя въ заключительной главѣ. Нельзя также не отмѣтить, что, прочитавъ книгу г. Маркевича, приходишь въ полное недоумѣнiе отъ такой фразы его предисловія, брошенной авторомъ ради какой-то неизвѣстной цѣли и не стоящей ни въ какой связи съ содержанiемъ его работы: „Населенiю здѣшней окраины Россiи нужно было—и это самое главное—доказать свою тѣсную и неразрывную связь съ великимъ русскимъ государствомъ“. Или можетъ быть эта странная фраза относится къ первой главѣ, гдѣ г. Маркевичъ рассказываетъ объ уощенiяхъ войскъ населенiемъ *по приказанiю* губернатора Пестеля? Въ той же первой главѣ авторъ, не опираясь на сколько-нибудь серьезную аргументацію, начинаетъ увѣрять читателя, что „настроенiе населенiя губернии передъ войной было очень твердо, приподнято“, сообщая тутъ же о носившихся въ симферопольскомъ уѣздѣ „нехѣпныхъ слухахъ“ и во второй главѣ о возмущенiяхъ татаръ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ... Впрочемъ, авторъ оговариваетъ (стр. 28) въ 4-й главѣ, что нерасположенiе къ намъ татаръ усиливалось „насилиями, производившимися войсками“. Покуда разныя учреждения, сбывая съ дороги разнообразными предписанiями, не знали толкомъ, какъ распорядиться съ своими архивами, администрація занималась высылками изъ Крыма татаръ и нѣкоторыхъ русскихъ отставныхъ чиновниковъ, „замѣченныхъ въ предосудительномъ поведенiи“ или „уличенныхъ въ присвоенiи имущества татаръ“. Канцелярiя завела цитуемое авторомъ цѣлое „дѣло о высылкѣ въ г. Курскъ людей *дурного* поведенiя“; многихъ выслали такъ себѣ, „безъ объясненiя причинъ“, какъ выражается г. Маркевичъ. Война застала мѣстную администрацію въ состоянiи удивительной растерянности; положенiе многихъ чиновниковъ было „обѣдственное“, такъ какъ жалованье платилось неисправно; еще болѣе жалкимъ было состоянiе разныхъ слоевъ населенiя, на которое возложена была чрезвычайная тягота: примѣровъ приведено у г. Маркевича не мало, и талантливый публицистъ могъ бы нарисовать по его книгѣ картину, способную привести читателя къ весьма жгучимъ историческимъ параллелямъ... Тѣмъ-то и цѣнна книга г. Маркевича,

что, за исключением десятка фраз, она все время говорит фактами и только фактами, извлеченными из официальных мѣстных документовъ. Тутъ нѣтъ простора для авторскаго субъективизма, и того, что говорятъ упомянутые сейчасъ документы, совершенно достаточно для надлежащаго сужденія о порядкахъ эпохи, подготовившей русскому обществу севастопольскій погромъ. Крымская война и въ литературѣ, и въ передовомъ обществѣ давно обладаетъ определенной репутацией... Отъ сатиры Щедрина и до учебника русской исторіи Щепкиной все твердитъ о тяжелыхъ путахъ невыносимаго гнета, какъ источника роковыхъ золъ. Было бы поэтому бесполезнымъ для критики заниматься усиленной ловлей въ книгѣ г. Маркевича фактовъ, довершающихъ темный фонъ къ картинѣ крѣпостной Россіи. Книга г. Маркевича по самой задачѣ своей призвана прежде всего дать, поскольку это возможно для документовъ „временной канцеляріи“, конкретное представленіе о мѣстномъ районѣ, о состояніи сцены, на которой разыгрывалась тяжкая драма 1854—1856 годовъ. Нельзя думать, что такое конкретное представленіе излишне въ научномъ отношеніи, что какъ будто въ немъ уже нѣтъ нужды. Ничуть! Такое скрупулезное изученіе иногда способно бросить яркій лучъ иногдѣ освѣщенія въ области, о которыхъ принято думать какъ о неподдающихся уже дальнѣйшему обследованію. Позволительно утверждать, что специальный историкъ эпохи отнюдь не пройдетъ мимо труда г. Маркевича. Содержаніе его книги сводится къ обрисовкѣ по архивнымъ матеріаламъ тѣхъ условій, при которыхъ дѣйствовала русская армія во время крымской войны. Отдѣльныя главы говорятъ намъ о пожертвованіяхъ на нужды арміи, о повинностяхъ населенія и его отношеніяхъ къ неприятелю, объ организаціи помощи больнымъ и раненымъ, о постройкѣ лазаретовъ, о коммунаціонныхъ путяхъ, о снабженіи арміи фуражомъ, топливомъ, съѣстными припасами, о положеніи полуострова послѣ войны, наконецъ о работахъ особой комиссіи для изслѣдованія многочисленныхъ злоупотребленій интендантства и госпитальнаго вѣдомства. Передъ читателемъ выступаетъ рядъ мелочныхъ, но характерныхъ для тогдашняго быта подробностей, и онъ не скучаетъ даже надъ страницами, переполненными цифрами и простыми перечисленіями. Говоря объ отношеніяхъ сословій къ нуждамъ войны, авторъ приводитъ (стр. 117) отрывокъ изъ отношенія таврическаго губернатора къ губернскому предводителю дворянства: „Вынужденъ буду, — пишетъ губернаторъ, — о нежеланіи гг. дворянъ принять участіе въ положеніи раненыхъ воиновъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства; при этомъ долговъ считаю присвокупить, что послѣ всѣхъ пожертвованій, сдѣланныхъ государственными крестьянами, и при томъ крайне бѣдственномъ положеніи, до котораго они дошли отъ усиленной подводной повинности, нѣтъ уже никакой возможности требовать еще отъ нихъ наряда подводъ для симферопольскаго военнаго госпиталя и его отдѣленій“. Но возня съ подводами, такъ досаждавшая администраціи, была не столь замѣтной, какъ переписка Пирогова съ военнымъ начальствомъ по дѣлу о постройкѣ симферопольскихъ бараковъ (стр. 54, 60, 73), въ которыхъ „обнаружилась сильная течь отъ дурной кладки черепицы на крышахъ въ такой степени, что во время дождя вода льется на средній рядъ больныхъ, какъ изъ ведра“... Не менѣе цѣнной является переписка того же Пирогова по дѣлу о питаніи больныхъ: не говоря вообще о плохой пищѣ, Пироговъ открывалъ, напр., случаи, когда въ отдѣленіяхъ лазарета не хватало до 69 обѣденныхъ порцій (срв. стр. 67, 80, 91) въ сутки.

Книга г. Маркевича, являясь интересной въ научномъ отношеніи по характеру собраннаго для нея матеріала, трактуетъ тему, по многимъ обстоятельствамъ особенно обращающую на себя вниманіе въ наши дни и напрашивающуюся на рядъ увлекательныхъ параллелей. Нельзя не пожалѣть, что наиболѣе цѣнные документы, какъ напр., переписка Пирогова, входятъ въ книгу либо въ переказѣ, либо въ небольшихъ извлеченіяхъ. Г. Маркевичъ долженъ былъ дать въ качествѣ приложения къ своему труду сборникъ подлинныхъ документовъ въ извѣстномъ подборѣ, и таврическая ученая архивная комиссія, по нашему мнѣнію, восполнила бы очень существенный пробѣлъ, если бы поручила г. Маркевичу дополнить свой трудъ такимъ сборникомъ. Тогда это было бы, дѣйствительно, очень серьезнымъ и научно цѣннымъ воспоминаніемъ!

В. Сторожевъ.

П. Г. Мижуевъ. 1. Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія Новая Зеландія. 2-ое испр. и доп. изд. СПб. 1906.—2. Крестьянское царство. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады. СПб. 1906.

Какъ въ заканчивающемся уже всемірномъ процессѣ политическаго развитія Англія стояла во главѣ движенія, ведя за собою другіе народы, такъ и въ грядущемъ ему на смѣну всемірномъ же процессѣ социализаціи и демократизаціи англо-саксы играютъ такую же точно передовую роль. Но въ новомъ процессѣ центръ тяжести и передовая роль принадлежать не старой Англіи, превращающейся понемногу въ страну биржевого капитала, а заатлантическимъ ея колоніямъ, которыя даже въ заимствованный съ родины политическій строй сумѣли внести рядъ поправокъ и улучшеній въ согласіи съ стремленіями и запросами современной жизни (всеобщее избирательное право, оплата труда народныхъ представителей, а въ Новой Зеландіи и дарованіе избирательныхъ правъ женщинамъ). Сама же Англія очень мудро не вмѣшивается во внутреннюю жизнь самоуправляющихся ея колоній, вполнѣ довѣряя ихъ уму, такту и вѣрноподданническимъ чувствамъ, а потому англійскія колоніи на дѣлѣ и являются демократическими республиками, находящимися лишь подъ покровительствомъ Англіи.

Въ дѣлѣ же федеративной организаціи эти колоніи берутъ примѣръ съ Сѣверной Америки, но тоже съ поправками и улучшеніями. Такъ, напр., въ Канадѣ сфера компетенціи опредѣлена для провинціальныхъ правительствъ, а не для федеративнаго, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Но интереснѣе всего, повторяемъ, не политическіе опыты этихъ колоній, а социальныя, и прежде всего самой передовой изъ нихъ—Новой Зеландіи, которая служитъ своего рода социальной лабораторіей, гдѣ придается виѣшняя форма новымъ идеямъ и гдѣ производятся опыты направленія экономическаго законодательства на новые пути (законъ о примирительныхъ комиссіяхъ и третейскомъ судѣ между предпринимателями и рабочими, организація пенсій для всѣхъ лицъ старше 65 лѣтъ, охрана интересовъ труда, законодательство о профессиональныхъ союзахъ и т. д.). И удача смѣлыхъ социальныхъ реформъ Новой Зеландіи доказывается уже тѣмъ, что онѣ по ея примѣру начинаютъ проникать и въ другія англійскія колоніи и прежде всего на материкѣ Австраліи. Канада же имѣетъ еще спеціальное значеніе для насъ по поразительному сходству ея физическихъ и экономическихъ условий съ сибирскими и по конкуренціи ея съ Россіей на международномъ рынкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, а также и по переселенію туда нашихъ духоборовъ, о чемъ подробнѣе см. въ статьяхъ г. Тана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1904 г. и въ книгѣ г. Сулдержицаго „Въ Америку съ духоборами“. А исторія Канады воочію показываетъ разницу колонизаціонныхъ приѣмовъ Франціи (столь родственныхъ нашимъ) и Англіи и ихъ слѣдствій. Первая переноситъ въ колоніи всѣ прелести ея централизационно-бюрократическаго режима, а раньше и феодальнаго, а потому ея колоніи чахнутъ и вянутъ. Англія же несетъ въ свои колоніи начала политической и религіозной свободы, а потому ея колоніи растутъ и процвѣтаютъ. Весьма любопытенъ и процессъ англизаціи Канады. Заслуживаютъ вниманія и глубоко гуманныя и культурныя отношенія англійскихъ колоній къ туземцамъ (индѣйцамъ и маори, напр.).

Книжки г. Мижуева, образовавшіяся изъ статей его въ „Русскомъ Богатствѣ“ и „Образованіи“ (съ подновленіемъ ихъ статистическихъ данныхъ), и знакомятъ насъ съ исторіей и современнымъ состояніемъ Новой Зеландіи и Канады. Это не научныя изслѣдованія, а компіляціи. Изъ своихъ источниковъ и пособій (правда, удачно и хорошо выбранныхъ,—гл. обр. изъ официальныхъ сборниковъ, а отчасти изъ работъ путешественниковъ) г. Мижуевъ выписываетъ и переводитъ цѣлыя страницы, не всегда даже сглаживая противорѣчія между ними (см., напр., въ „Передовой демократіи“ стр. 29—36 о новозеландской компаніи). Ему же самому принадлежатъ лишь пояснительныя и связующія замѣчанія и притомъ не всегда удачныя (см., напр., въ „Крестьянскомъ царствѣ“ домыслы г. Мижуева о плодovitости французовъ на родицѣ и въ Канадѣ на стр. 11, а на стр. 79 о причинахъ эмигрантскаго движенія въ Сѣверную Америку). О перемѣщеніи центра тяжести въ англо-саксонскомъ мірѣ и о духоборахъ г. Мижуевъ совсѣмъ не говоритъ. „Недостатокъ мѣста“ (это въ книгѣ-то!) не позволилъ ему рассмотреть и экономическое положеніе и народное образованіе отдѣльныхъ провинцій Канады и положеніе прессы въ ней. Очень плохо изложено имъ и аграрный австралійскій вопросъ. Надо бы повнимательнѣе отнестись къ росту крупной соб-

ственности въ Австраліи и къ сильному сопротивленію, встрѣчаемому здѣсь идеей націонализаціи земли. Вопреки г. Мижугеву („Передовая демократія“, 118—143) земельное законодательство Новой Зеландіи (прогрессивный поземельный налогъ, вѣчная аренда, нормировка продажи государственныхъ земель въ одні руки и принудительное отчужденіе крупныхъ имѣній) пока особаго успѣха не имѣеть. Не разработанъ г. Мижугевымъ и вопросъ объ отношеніи рабочихъ англійскихъ колоній къ социаль-демократіи. Последніе, правда, достигли большого благополучія и оказываютъ большое вліяніе на социальную политику колоній, но лишь благодаря рѣдкости населенія и необыкновенно счастливымъ физическимъ и экономическимъ условіямъ колоній. Какъ видно изъ книгъ Метена и Раббено (кстати незнакомыхъ г. Мижугеву), и здѣсь едва ли ближе къ социалистическому строю, чѣмъ въ Европѣ. Соціализмъ, какъ опредѣленная научная доктрина и политическій идеалъ, почти не имѣеть здѣсь приверженцевъ. Австралійскіе, напр., рабочіе—прежде всего практики-индивидуалисты, сторонники мелкихъ, легко осуществимыхъ реформъ и мелкобуржуазнаго счастья (см. хоть о враждебныхъ отношеніяхъ ихъ къ китайцамъ на стр. 80 „Передовой демократіи“) и ярые приверженцы частной собственности на орудія и средства производства.

Опечатокъ у г. Мижугева масса.

Такимъ образомъ книги его не безъ недостатковъ. Но благодаря приноровленности ихъ къ среднему читательскому уровню, а также постоянно проводимымъ имъ параллелямъ изучаемыхъ имъ явленій съ русскими (и къ большой невыгодѣ послѣднихъ), онѣ очень пришлись по вкусу русскому читателю, что доказывается хотя бы 2-мъ изданіемъ его книжки о Новой Зеландіи (тоже съ подновленіемъ статистическихъ данныхъ), тогда какъ на русскій языкъ переведены уже болѣе солидные труды объ Австраліи Леруа Волье, Уокера, Метена, Раббено. Это и заставило насъ немного остановиться на книжкахъ г. Мижугева.

Сергій Шумановъ.

Сочиненія И. Н. Жданова. Т. I. Спб. 1904 года. Въ лицѣ умершаго годъ тому назадъ академика И. Н. Жданова русская наука понесла очень тяжелую потерю. Человѣкъ широкаго ума и большого образованія, онъ отличался удивительными аналитическими способностями и рѣдкимъ своеобразиемъ историко-литературныхъ обобщеній. Детальное и даже кропотливое изученіе матеріала приводило его къ широкимъ выводамъ, съ которыми всегда внимательно считалась историческая наука. Его образцовыя изслѣдованія о Стоглавомъ соборѣ и сказаніи о бармахъ Мономаха (собственно, исторія роста монархическихъ идей въ Россіи, насколько онѣ отражались въ литературѣ) до сихъ поръ высоко цѣнятся специалистами. Многія изъ его произведеній, изданныхъ отдѣльно, давно уже вышли изъ продажи и сдѣлались библиографическою рѣдкостью. Теперь Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ рѣшило собрать ихъ съ присовокупленіемъ матеріаловъ, оставшихся въ рукописи. Не будетъ перепечатанъ только „Русскій былевой эпосъ“, изданный недавно и до сихъ поръ еще существующій въ продажѣ.

Значительную часть перваго тома заняла перепечатка магистерской диссертациі покойнаго академика „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, которая пролила неожиданный, очень любопытный свѣтъ на историческія судьбы былинъ о Самсонѣ и Святогорѣ, Пренія Живота со Смертью и Стиха объ Аникъ-воинѣ. Авторъ привлекъ къ сравненію большое количество народныхъ и книжныхъ произведеній европейскихъ литературъ и вскрылъ такимъ образомъ странную очень любопытныхъ международныхъ литературныхъ взаимодействій. Такого же типа статьи: „Бесѣда Трехъ Святителей“ и „Лоса Монахоуш“ и „Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ и былинны о Самсонѣ-Святогорѣ“. Статья „Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху“ на основаніи тщательнаго изученія старинныхъ памятниконъ представила первый сводъ данныхъ о нашей ранней книжной поэзіи. Отдѣльныя характеристики посвящены сочиненіямъ Иларіона, царя Ивана Грознаго, Палея, Слову Даниила-Заточника, Церковно-Земскому сбору 1551 года, литературѣ „Слова о полку Игоревѣ“ и греческимъ стихотвореніямъ въ славянскихъ переводахъ. Затѣмъ перепечатаны рѣчь о Меводиі, рѣчь передъ докторскимъ диспутонъ и положенія къ докторской диссертациі („Русскій былевой эпосъ“).

В. Калашъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

- Вацлавъ Сѣрошевскій. Дальній Востокъ. Чукчи. Боксеръ. Кули. } Изданія
В. Сѣрошевскій. Собрание сочиненій. Т. I. } Н. Глаголева.
Тавъ. Землепроходъ.
- О бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. М. 1905. Изданіе П. Д. Путиловой.
- Примѣрный уставъ обществъ взаимопомощи. М. 1905. Изданіе П. Д. Путиловой.
- Изъ исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скиеія. М. 1905. Составилъ П. Д. Первовъ. М. 1905.
- Е. Долгова. Флоренція. Картинныя галлерей. I. Уффици. М. 1904.
- В. Зелинскій. Собрание критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. II, часть вторая. М. 1905.
- Г. Клинекъ. Декларация правъ человѣка и гражданина. Библіотека для самообразованія. IV.
- К. К. Федяевскій. Крестьянскія семьи Воронежскаго уѣзда по переписи 1897 г. Спб. 1905.
- Н. Н. Авиновъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Изданіе „Саратовской земской недѣли“.
- Н. Н. Авиновъ. Опытъ программы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправленія. М. 1905.
- Бруно Эмиль Кеннигъ. Черные кабинеты въ Западной Европѣ. М. 1905.
- Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ VII. Шеллингъ. Спб. 1905. Изданіе Д. Е. Жуковскаго.
- Адри Липштанберже. Рихардъ Вагнеръ какъ поэтъ и мыслитель. Спб. 1905.
- Гаральдъ Гефдингъ. Фелософскія проблемы. Перев. Рафаила Соловьева. М. 1905. Книгоиздательство „Творческая мысль“.
- Н. Райхесбергъ. Международное фабричное законодательство. Изданіе В. И. Рапшъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1905. Ц. 25 к.
- Юрій Витовъ. Рѣдкія русскія книги и летучія изданія XVIII вѣка. Изданіе М. Я. Парадѣлова. М. 1905. Ц. 5 р.
- Ф. Ферстеръ. Свобода воли и нравственная отвѣтственность. Перев. съ нѣм. подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. Изданіе И. И. Фомина. М. 1905. Ц. 25 к.
- Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1903 годъ. Спб.
- А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англии. Перев., дополненный по 6-му англ. изданію О. В. Полторацкой подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Библіотека для самообразованія. XXVI. М. 1905.
- О. Рунова. Утреннички и другіе рассказы. М. 1905. Изданіе „Посредника“.
- Князь Георгій Александровичъ Дадіани. По личнымъ воспоминаніямъ В. Р-ва. М. 1905. Изданіе „Посредника“.
- В. В. Стасовъ. Николай Николаевичъ Ге, его жизнь, произведенія и переписка М. 1904. Стр. 410. Ц. 2 р. Изданіе „Посредника“.
- Генри Джорджъ. Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англійскаго С. Д. Николаева. Изданіе второе. Стр. 391. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе „Посредника“.
- Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру составилъ М. Ключевскій. М. 1905. Стр. 83. Ц. 40 к. Изданіе „Посредника“.
- В. Ольховскій. Назарены въ Венгріи и Сербіи. (Къ исторіи сектантства.) М. 1905. Стр. 75. Ц. 30 к. Изданіе „Посредника“.
- Баронъ М. А. Таубе, проф. Петербургск. унив. Христіанство и международный миръ. М. 1905. Стр. 55. Ц. 25 к. Изданіе „Посредника“.
- Сестра Бѣленькая и другіе рассказы. Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. Стр. 206. Ц. 1 р. Изданіе „Посредника“.
- С. А. Мокржецкій. Внутренняя терапия и виѣкорневое питаніе растений. Вредныя насѣкомыя. Консультативная дѣятельность. Симферополь. Стр. 47. 1905.
- Отчетъ по естественно - историческому музею таврич. губернскаго земства. Стр. 17.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1905 годъ. популярно-научный иллюстрированный журнал III-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. М. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. ии. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предложено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: прив.-доц. Н. П. Кастиричъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. Б. К. Млодзѣевскій, „О безконечно малыхъ“; проф. В. К. Церасскій, „Бредихинъ“ (съ *портретомъ и рисунками*); проф. В. Шимкевичъ, „Теорія мутаціи“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: академикъ Александръ Веселовскій, „Петрарка“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ русской исторіи“; Н. В. Сперанскій, „Вѣдъмы и вѣдовство“; проф. Д. Ш. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: проф. В. И. Вернадскій, „Къ вопросу объ университетской автономіи въ Россіи“; проф. В. Я. Желѣзновъ, „Къ реформѣ современной теоретической экономіи“; прив.-доц. С. А. Котляревскій, „О свободѣ совѣзовъ и собраній“; В. В. Водовозовъ, „О народномъ представительствѣ“; проф. В. Ш. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданского уложенія“; прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Женщина передъ уголовнымъ судомъ“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципахъ морали“. Хроникой политической экономіи будетъ завѣдывать проф. В. Я. Желѣзновъ, а хроникой физики прив.-доц. Н. П. Кастиричъ. Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во все города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются по 60 коп. каждый. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1904 г. Цѣна 6 р. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманнина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія лѣнія). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

Книга V.

Визирани и одобрени
В. VII. 21

1905 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга V.

1905 г.

Настоящей книгой заканчивается первое полугодіе 1905 г. Слѣдующая, VI-ая книга „Научнаго Слова“ выйдетъ въ августѣ.

Москва.

Книга V.

1905 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 28 апрѣля 1905 г.

Трѣт. отд. Г. И. М. Н. К. Ш. П. Е. Р. Е. В. Ъ в 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. КОММЕНТАРИИ КЪ ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. I Этюдъ о естественной смерти. Проф. И. И. Мечникова	5
II. ТЕОРИЯ МУТАЦІИ. Проф. В. М. Шимкевича'	16
III. ПЕТРАРКА ВЪ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИСПОВѢДИ CANZONIERE. (<i>Продолженіе.</i>) Академика Александра Н. Веселовскаго	24
IV. СВОБОДА СОЮЗОВЪ. Прив.-доц. С. А. Котляревскаго	48
V. ДЕКЛАРАЦІЯ ПРАВЪ ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА. Проф. П. И. Новгородцева	56
VI. БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Проф. В. И. Вернадскаго	60
VII. МИЛЬТОНЪ КАКЪ АПОЛОГЕТЪ СВОБОДЫ СЛОВА. Проф. В. Камбурова	72
VIII. ПРОЦЕССЪ В. С. ПЕЧЕРИНА. М. О. Гершензона	79
IX. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Нѣкоторыя болѣзни, вызываемыя простѣйшими животными“ (съ рисунками). П. В. Цимлиской.—„Магнитныя сплавы немагнитныхъ металловъ“.—„Углекислота въ природѣ“ А. I. Бачинскаго.—Alfred Meyer. „Теорія выборовъ и пропорціональное представительство.“ П. Мейера.—„Новости иностранной литературы и журналистики. Ю. А. Веселовскаго.—„О новомъ факультетѣ въ университетахъ“)	91
X. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.	117
XI. ВИБЛЮГРАФІЯ. („Въ защиту слова“ М. И. Гернета.—А. В. Дайси: „Основы государственнаго права Англіи“ Д. И. Егорова.—Г. А. Евреиновъ: „Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи“ Б. И. Сыромятникова.—Проф. гр. Л. А. Камаровскій: „Вопросъ о международной организаціи“ А. С. Яценца.—Кн. О. Трубецкая: „Кн. В. А. Черкасскій“ В. Бечарова.—„Прусская конституція“.—Діонео: „Очерки современной Англіи“ „Англійскіе сиклуэты“.—Р. Гарро: „Современная задача уголовной репрессіи“ С. А. Шуманова.—„Sartor resartus“ Т. Карлейля. Н. В. Самсонова.—Ю. Э. Озаровскій: „Пьесы художественнаго репертуара“.—А. Д. Григорьевъ: „Архангельскія былины“ В. В. Калаша.—I. Шерръ: „Иллюстрированная всеобщая исторія литературы“.—Лео Вергъ: „Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ“ Ю. А. Веселовскаго.)	125
XII. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Комментаріи къ оптимистической фило- софіи,

I.

Этюдъ о естественной смерти.

1.

Естественная смерть въ мірѣ растений.

Читатель этихъ строкъ будетъ по всей вѣроятности очень изумленъ недостаточностью научныхъ данныхъ по вопросу о смерти.

Въ то время, какъ задача эта занимаетъ преобладающее мѣсто въ религіяхъ, философіяхъ, литературахъ и народныхъ преданіяхъ, въ наукѣ ей отведено лишь незначительное вниманіе.

Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ можно если не оправдать, то по крайней мѣрѣ отчасти объяснить нападки на науку за то, что она занимается частными вопросами и пренебрегаетъ великими задачами человѣческаго бытія, какъ, напримѣръ, вопросомъ смерти.

Графъ Толстой, преслѣдуемый желаніемъ разрѣшить эту задачу, обратился къ научнымъ сочиненіямъ, но нашелъ въ нихъ одни неопредѣленные или незначащія отвѣты. И велико же было его возмущеніе противъ ученыхъ, которые изучаютъ разные безполезные, по его мнѣнію, вопросы (какъ, напримѣръ, міръ насѣкомыхъ, строеніе тканей и клѣтокъ) и не въ состояніи выяснить ни судьбы человѣческихъ, ни того, что такое смерть!

Я никоимъ образомъ не имѣю претензіи разрѣшить эти сложныя задачи, а хочу только дать общій очеркъ современнаго положенія вопроса о естественной смерти. Я надѣюсь облегчить этимъ изученіе послѣдней, изученіе, которое должно стать на очереди рядомъ съ наиболѣе существенными для человѣчества задачами.

Подъ естественной смертью я подразумѣваю явленіе, зависящее исключительно отъ самого организма, а не отъ какихъ бы то

ни было случайностей. Въ обыденной рѣчи естественной смертью называютъ всякую смерть, вызванную различными болѣзнями. Но такъ какъ причина эта устранима и не зависитъ отъ неизбѣмыхъ свойствъ самого организма, то мы не имѣемъ никакого права относить такую смерть къ разряду явленій естественной смерти.

Случайная смерть въ дѣйствительности такъ преобладаетъ, что былъ даже поставленъ вопросъ: существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ естественная смерть въ природѣ? Прежде думали, что ею неизбѣжно кончается всякая жизнь и что всякій организмъ въ основѣ своей заключаетъ зачатокъ такого конца. Поэтому велико было удивленіе, когда нашли, что у многихъ низшихъ организмовъ смерть наступаетъ только благодаря случайностямъ и что они не умираютъ, если защитить ихъ отъ всякихъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ вліяній. Одноклѣтчатые организмы (какъ, напримѣръ, инфузоріи и многія другія простѣйшія и низшія растенія) размножаются дѣленіемъ и превращаются въ двѣ или нѣсколько новыхъ особей; у нихъ материнскій организмъ не умеръ, а, такъ сказать, растворился въ своемъ потомствѣ ¹⁾.

Теорію эту главнымъ образомъ поддерживалъ *Вейсманнъ*, и вотъ что отвѣчалъ онъ на возраженія противъ нея. Въ культурахъ инфузоріи непрерывно дѣлятся; при этомъ не наблюдается ни единого трупца. Индивидуальная жизнь непродолжительна; она заканчивается не смертью, а только превращеніемъ одной особи въ двѣ новыя.

Извѣстный физиологъ *Ферворнъ* ²⁾ ставитъ въ укоръ *Вейсманну* то, что послѣдній не принимаетъ во вниманіе факта постоянного частичнаго разрушенія внутри одноклѣтчатыхъ организмовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже цѣлый органъ инфузоріи—ядро—можетъ умереть и раствориться.

Однако нельзя согласиться съ этимъ возраженіемъ, потому что частичная смерть не вызываетъ смерти всей особи, точно такъ же, какъ разрушеніе нѣсколькихъ клѣтокъ нашего тѣла не вызываетъ нашей смерти.

Микроскопическіе организмы избѣгаютъ смерти, благодаря краткости своей индивидуальной жизни. Но между высшими растеніями многія достигаютъ громадныхъ размѣровъ и однако умираютъ только вслѣдствіе какой-нибудь внѣшней случайности. Въ организмѣ ихъ не наблюдается ничего, указывающаго на необходимость или даже

¹⁾ Вопросъ этотъ разсматривался въ моихъ этюдахъ о человѣческой природѣ, 2-е изданіе.

²⁾ Общая физиологія. Франц. переводъ. 1900 г., стр. 381.

на возможность естественной смерти въ связи съ внутренними условіями ихъ строенія.

Давно уже поражались долговѣчностью нѣкоторыхъ деревьевъ, достигающихъ нѣсколькихъ десятковъ вѣковъ и погибающихъ только отъ бурь или отъ грубаго вмѣшательства человѣка.

При открытіи Канарскихъ острововъ, въ XV вѣкѣ, первые путешественники любовались гигантскимъ драконовымъ деревомъ, которое туземцы почитали какъ своего генія-покровителя. Оно находилось въ саду Виллы де-Оратава, на Тенерифѣ. Уже тогда его огромный стволъ былъ сильно дуплистъ. Дерево это не оправдало надеждъ гуанчей и не защитило ихъ отъ истребленія испанцами; но само оно пережило ихъ на 400 лѣтъ.

Въ концѣ XVIII вѣка Александръ Гумбольдтъ ¹⁾ наблюдалъ это дерево; онъ измѣрилъ его окружность, которая имѣла тогда 45 футовъ (около 15 метровъ). Въ виду крайне медленнаго роста драконовыхъ деревьевъ онъ опредѣлилъ его возрастъ очень значительнымъ.

Въ началѣ XIX вѣка надъ Оратавою разразилась страшная буря (1819 г.): «послышался ужасающій трескъ, затѣмъ треть вѣтвистой части драконоваго дерева упала съ шумомъ, огласившимъ всю долину» ²⁾.

Несмотря на это поврежденіе, гигантское дерево выдержало еще полвѣка. Бертло видѣлъ его нѣсколько лѣтъ послѣ катастрофы и слѣдующимъ образомъ описалъ его въ 1839 году: «Противъ моего жилища возвышалось драконовое дерево, странное по формѣ, гигантское по размѣрамъ. Гроза повредила его, но не могла опрокинуть. Десятокъ людей еле могли бы обнять его стволъ (у основанія окружность его имѣла приблизительно 50 футовъ). Вѣка прорыли въ немъ глубокое дупло, живописное отверстіе котораго вело въ настоящій гротъ, наполовину разрушенный; сводъ послѣдняго поддерживалъ еще громадныя вѣтви» (id.).

Наконецъ, въ 1868 г. знаменитое драконовое дерево было окончательно опрокинуто во время сильной бури. Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ довелось увидѣть остатки этого великана. Они лежали на землѣ въ видѣ огромнаго сѣраго сруба, напоминающаго какое-нибудь допотопное чудовище. Хотя нельзя было точно опредѣлить возрастъ этого дерева, но предполагаютъ, что оно достигло нѣсколькихъ тысячелѣтій.

¹⁾ Картины природы. Фр. перев. 1808, таб. II, стр. 109.

²⁾ Веббъ и Бертло. Естественная исторія Канарскихъ острововъ. 1839 г., т. I, 2-я часть, стр. 97 и 98.

Однако существуют еще болѣе старыя деревья, чѣмъ тенерифскій драконникъ. Часто приводятъ примѣръ баобаба Зеленаго Мыса, описаннаго *Адансономъ*. «Это необыкновенное дерево имѣло 30 футовъ въ діаметрѣ, когда его измѣрилъ и описалъ знаменитый французскій натуралистъ. Триста лѣтъ передъ тѣмъ англійскіе путешественники вырѣзали на немъ надпись, которую *Адансонъ* нашелъ, срѣзавъ 300 слоевъ древесины». Основываясь на этихъ данныхъ, *Адансонъ* опредѣлилъ возрастъ баобаба въ 5150 лѣтъ ¹⁾. Предполагаютъ, что старыя мексиканскіе кипарисы жили еще дольше. *Альфонсъ де-Кандолль* ²⁾ думаетъ, что знаменитые кипарисы Монтезумы въ его время имѣли болѣе 2.000 лѣтъ и что кипарисъ Оаксоры гораздо старше дерева, описаннаго *Адансономъ*.

По поводу долголѣтности деревьевъ поднятъ былъ вопросъ объ индивидуальности въ растительномъ мірѣ. Спрашивали себя, слѣдуетъ ли разсматривать дерево, какъ отдѣльную особь или же какъ скопленіе множества растеній, подобно полипняку. Вопросъ этотъ довольно сложенъ, и мы можемъ оставить его въ сторонѣ, тѣмъ болѣе что онъ является второстепеннымъ для нашей задачи. *А. П. де-Кандолль* ³⁾, разсмотрѣвъ обѣ стороны вопроса, перешелъ къ тому заключенію, что деревья не умираютъ въ настоящемъ смыслѣ слова и что они не имѣютъ опредѣленнаго, предѣльнаго возраста.

Многіе ботаники раздѣляютъ его мнѣніе. Такимъ образомъ *Низели* ⁴⁾ думаетъ, что дерево, достигшее нѣсколькихъ тысячелѣтій, умираетъ только вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ.

Приведенные факты показываютъ, что естественная смерть нѣредко отсутствуетъ какъ среди высшихъ, такъ и среди микроскопическихъ растеній, стоящихъ на противоположномъ полюсѣ. Въ принципѣ, слѣдовательно, жизнь можетъ быть безпредѣльной при условіи возобновленія насущныхъ частей организма, которыя тратятся во время жизненныхъ отравленій. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы естественная смерть отсутствовала въ растительномъ царствѣ. Наоборотъ, мы на всякомъ шагѣ встрѣчаемъ случаи смерти растеній безъ вмѣшательства внѣшнихъ причинъ. Даже среди близкихъ между собою организмовъ у однихъ не наблюдается естественной смерти въ то время, какъ у другихъ она постоянна, какъ, напримѣръ, у низшихъ представителей грибовъ. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ болѣе или менѣе продолжительное время, а за-

¹⁾ Всемирная женевакая библіотека. 1831, т. 46, стр. 387.

²⁾ *id.* стр. 392.

³⁾ *id.* 1831, т. 47, стр. 49.

⁴⁾ Возникновеніе и понятія естественно-историческаго искусства. 2-е изд. Мюнхенъ 1865 г., стр. 37.

тѣмъ все ихъ живое вещество распадается и превращается въ споры (миксомицеты). Хотя послѣ этого превращенія остаются нѣкоторыя части грибка, но онѣ не цѣлыя клѣтки, а только кутикулярныя выдѣленія. У другихъ грибовъ лишь часть живыхъ клѣтокъ даетъ споры, остальная же подвергается естественной смерти.

Среди низшихъ растений есть такія, которыя нормально живутъ лишь очень короткое время. Таковы проталіумы многихъ тайнобрачныхъ; они живутъ всего лишь нѣсколько часовъ, ровно сколько нужно для того, чтобы произвести половые продукты. Тотчасъ послѣ созрѣванія послѣднихъ проталіумъ, вмѣстѣ со всѣми клѣтками, входящими въ составъ его, становится жертвой естественной смерти ¹⁾. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, трупъ всегда налицо; онъ состоитъ изъ мертвыхъ элементовъ съ ихъ протоплазматическими составными частями.

Даже среди высшихъ растений много такихъ, жизнь которыхъ очень непродолжительна. *Желтый амариллизъ*, напримѣръ, проходитъ всѣ ступени своего существованія въ теченіе 10 дней,—какъ разъ время, необходимое для развитія листьевъ, цвѣтовъ и сѣмянъ; затѣмъ растеніе умираетъ естественной смертью.

Интересно, что въ томъ же семействѣ встрѣчаются растенія, отличающіяся долговѣчностью. Такъ, напримѣръ, *алоэ* цвѣтеетъ иногда только черезъ сто лѣтъ, послѣ чего умираетъ естественной смертью.

Всѣмъ извѣстны такъ наз. «однолѣтнія» растенія, живущія однако всего нѣсколько мѣсяцевъ, начиная со цвѣтенія и до созрѣванія зеренъ, послѣ котораго слѣдуетъ естественная смерть. Интересно, что жизнь нѣкоторыхъ изъ этихъ растений можно продлить на два года и даже на нѣсколько лѣтъ. Хотя рожь обыкновенно—однолѣтнее растеніе, но нѣкоторыя ея разновидности могутъ жить 2 года и давать, слѣдовательно, два урожая. Наблюденіе это было сдѣлано въ Землѣ Войска Донского, гдѣ съ очень давнихъ поръ сѣютъ двухлѣтнюю рожь ²⁾.

Свеклу, живущую два года, удалось обратить въ трех- и даже пятилѣтнюю ³⁾. Примѣры эти далеко не единичны.

Естественную смерть можно отодвинуть, мѣшая растенію производить сѣмена. Такъ, проф. *Гуго де Фризъ* продлялъ жизнь своихъ *энотеръ*, обрѣзывая каждый цвѣтокъ до оплодотворенія его.

¹⁾ *Griesbach*. Die Vegetation der Erde.

²⁾ *Баталинъ*. Acta Doct. Petropolitani, ч. XI, № 6. 1890, стр. 89.

³⁾ Какъ этотъ фактъ, такъ и многіе другіе, относящіеся къ продленію жизни растений, были любезно сообщены мнѣ профессоромъ *Гуго де Фризомъ*.

Въ то время, какъ при обыкновенныхъ условіяхъ *энотеры* заканчивали свое цвѣтеніе приблизительно послѣ 40 или 50 цвѣтковъ, вышеуказанный способъ позволялъ имъ цвѣсти до самыхъ зимнихъ холодовъ. «Срѣзывая соцвѣтіе достаточно рано, можно заставить растеніе производить почки у основанія стебля, зимовать и вновь расти въ слѣдующемъ году». (Извлеченіе изъ письма *Г. де Фриза*.)

Обыкновенно на лужайкахъ косятъ райграссъ до начала цвѣтенія, для того чтобы помѣшать созрѣванію сѣмянъ и смерти растенія. При этихъ условіяхъ райграссъ остается постоянно зеленымъ и живетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Давно уже была подмѣчена связь между плодоношеніемъ и естественной смертью растенія. Фактъ этотъ обыкновенно объясняютъ истощеніемъ растенія.

Не будучи ботаникомъ и желая узнать взглядъ ботаниковъ на естественную смерть, я обратился къ г. *де Фризу*, авторитетъ котораго всѣмъ извѣстенъ. Вотъ что отвѣтилъ мнѣ знаменитый ученый: «Предлагаемый вами вопросъ,—одинъ изъ самыхъ трудныхъ. Я не думаю, чтобы знали многое относительно непосредственной причины смерти однолѣтнихъ растеній; но привыкли объяснять ее истощеніемъ органовъ». Дѣйствительно, это то, что говорятъ всѣ ботаники, высказавшіеся относительно этого вопроса. *Гильдебрандтъ*¹⁾, авторъ подробной статьи о продолжительности жизни у растеній, нѣсколько разъ высказывается въ этомъ смыслѣ. По его мнѣнію, «жизнь однолѣтнихъ растеній такъ коротка только потому, что они истощаются многочисленнымъ плодоношеніемъ» (стр. 116). Даже среди растеній, дающихъ сѣмена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, инныя преждевременно истощаются плодоношеніемъ и «быстро погибаютъ» (стр. 67).

У проталіума многихъ выспихъ тайнобрачныхъ образованіе одного зародыша вызываетъ естественную смерть. По выраженію *Гебеля*²⁾, «зародышъ вполне поглощаетъ проталіумъ».

Растенія обыкновенно очень легко поглощаютъ питательныя вещества; поэтому особенно страннымъ кажется: отчего наступаетъ такое истощеніе вслѣдствіе плодоношенія? Совершенно естественно, что растеніе, не выносящее холода, умираетъ послѣ созрѣванія сѣмянъ въ концѣ лѣта. Но какъ объяснить, что однолѣтнее растеніе, растущее на почвѣ, богатой питательными веществами, и дающее сѣмена въ началѣ лѣта, умираетъ отъ истощенія задолго до наступ-

1) Engler's Botan. Jahrbücher. Leipzig. 1882, т. 2, стр. 51.

2) Organographie der Pflanzen. Jena 1898—1901.

пленія первыхъ холодовъ? Послѣ жатвы злаковъ часто прорастаютъ упавшія въ землю сѣмена. Почва, слѣдовательно, не истощена для этихъ злаковъ; и тепла достаточно для роста новаго поколѣнія. Итакъ, смерть растенія, давшаго сѣмена, была вызвана не внѣшними условіями. Чтобы объяснить это кажущееся противорѣчіе, прибѣгаютъ къ внутреннимъ условіямъ самого растенія. *Гильдебрандтъ* полагаетъ, что «нѣкоторыя растенія имѣютъ такую организацію, благодаря которой быстро цвѣтутъ, тотчасъ затѣмъ плодоносятъ и затрачиваютъ всѣ свои силы на массивное образование сѣмянъ, отчего и умираютъ».

«Другіе виды устроены, наоборотъ, такимъ образомъ, что долго растутъ прежде, чѣмъ производятъ сѣмена, послѣ чего также умираютъ. Третья категория растеній такъ организована, что не умираетъ послѣ плодоношенія. Растенія, относящіяся сюда, часто даютъ плоды и живутъ многіе годы» (стр. 113):

Не будучи въ состояніи опредѣлить, въ чемъ же заключается эта «организація», нѣкоторые ботаники объясняютъ ее извѣстнымъ предопредѣленіемъ.

По *Гильдебрандту*, «все питаніе растенія въ концѣ-концовъ служить исключительно для возможности размноженія; только конечная цѣль эта можетъ быть достигнута очень различными путями и въ различные промежутки времени» (стр. 132).

Гебель высказываетъ аналогичное мнѣніе. «У разнospоровыхъ формъ,—говоритъ онъ,—краткій періодъ развитія проталіума впередъ предначерченъ». «Судя по настоящимъ нашимъ знаніямъ, эти проталіумы имѣютъ, выражаясь языкомъ древнихъ теологовъ, свое предназначеніе, ихъ судьба разъ навсегда предначерчена...» (стр. 483).

Этотъ способъ отношенія къ явленіямъ, совершенно обратный понятіямъ причинности, еще болѣе затрудняетъ задачу естественной смерти въ растительномъ мірѣ и дѣлаетъ ее еще загадочнѣе.

Съ точки зрѣнія научнаго міровоззрѣнія не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было предопредѣленіи. Связь между плодоношеніемъ и естественной смертью должна была быть установлена великимъ закономъ подбора; благодаря ему, всякая способствующая размноженію организація выживаетъ, въ то время какъ неприспособленная и неспособная дать потомство исчезаетъ.

Нерѣдко рождаются дѣти безъ органовъ, необходимыхъ для жизни, уроды, неспособные къ ней. Они нисколько не предназначены для смерти, но умираютъ вслѣдствіе своей неприспособленной къ жизни организаціи. Другія рождаются со всѣмъ необходимымъ для жизни и живутъ поэтому, а не вслѣдствіе предназна-

ченія жить. Точно такъ же исчезаютъ и растенія, неправильно развивающіяся и умирающія до производства споръ или сѣмянъ; между тѣмъ тѣ, которыя умираютъ послѣ того, какъ дали новое поколѣнiе, выживаютъ въ своемъ потомствѣ. Если смерть наступаетъ тотчасъ послѣ образованія сѣмянъ, то видъ можетъ сохраниться. Поэтому надо искать причины естественной смерти растеній не въ ихъ предназначеніи, а во внутреннихъ явленіяхъ, сопровождающихъ ее.

Что растеніе можетъ умереть отъ растраты всѣхъ силъ своего организма, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; но слѣдовало бы опредѣлить механизмъ этого истощенія, тѣмъ болѣе что часто бываетъ очень трудно установить его.

Многія растенія производятъ нѣсколько поколѣній въ лѣто на одной и той же неистощенной почвѣ. У многолѣтнихъ растеній нѣкоторыя части, напр., цвѣты, умираютъ періодически, не истощая всего растенія. Кому не приходилось видѣть, какъ одни цвѣтки гераніума завядаютъ въ то время, какъ другіе распускаются, и это въ теченіе продолжительнаго времени? Невозможно объяснить эту естественную смерть цвѣтковъ—истощеніемъ растенія, дающаго все новые цвѣты.

Довольно частое явленіе продленія жизни растеній также не вяжется съ теоріей естественной смерти отъ истощенія. Иногда случается, что мужскія вѣтви, противъ обыкновенія, производятъ женскіе цвѣты. Подобныя примѣры наблюдали у вербы, крапивы, хмеля и особенно у кукурузы ¹⁾. Въ этомъ случаѣ мы также имѣемъ дѣло со своего рода «уродствомъ». Но разница въ томъ, что вышеупомянутые уроды въ человѣчествѣ—нежизнеспособны, въ то время какъ появленіе женскихъ цвѣтовъ на мужскихъ вѣтвяхъ приводитъ, наоборотъ, къ продленію жизни. Обыкновенно мужскія вѣтви умираютъ тотчасъ послѣ разсѣванія пыльцы, т.-е. значительно раньше смерти женскихъ цвѣтовъ. Стоитъ, одному изъ послѣднихъ развиться на мужской вѣтви и быть оплодотвореннымъ, для того чтобы вся мужская вѣтвь продолжала жить до созрѣванія сѣмянъ. Если естественная смерть мужскихъ цвѣтовъ наступаетъ вслѣдствіе истощенія отъ развитія пыльцы, какъ совмѣстить это съ продленіемъ жизни въ томъ случаѣ, когда приходится питать лишніе женскіе цвѣты и созрѣвающія въ нихъ сѣмена?

Несомнѣнно, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, естественная смерть зависитъ отъ гораздо болѣе сложныхъ причинъ, чѣмъ простое истощеніе.

¹⁾ Гуго де Фризъ. Jahrbücher für Wissenssch. Botanik. 1890. Т. XXII, р. 52.

G. de Frisz уже замѣтилъ, что долговѣчность растенія находится въ связи съ его дѣятельностью. Фактъ этотъ указываетъ на то, что существуютъ какія-то внутреннія условія организаціи и функціонирования, удлиняющія или укорачивающія жизнь растенія. Именно въ этомъ долженъ быть ключъ къ задачѣ естественной смерти въ растительномъ мірѣ. Но для опредѣленія роли этихъ условій, надо бы имѣть основательныя свѣдѣнія относительно многихъ пунктовъ внутренней жизни растений, пунктовъ, о которыхъ мы, къ несчастію, знаемъ лишь очень мало. Въ этомъ отношеніи гораздо подробнѣе изучены условія жизни простѣйшихъ растений—дрожжей и бактерій.

Правда, что эти низшія существа обильно размножаются дѣленіемъ или почкованіемъ, что ставитъ ихъ въ разрядъ организмовъ, у которыхъ отсутствуетъ естественная смерть.

И однако, несмотря на это, въ жизни дрожжей и нѣкоторыхъ бактерій часто наблюдаются явленія, которыя могутъ быть истолкованы какъ примѣры естественной смерти.

Въ то время, когда еще не было извѣстно, что всѣ броженія производятся микроскопическими растеніями, знали уже, что, при извѣстныхъ условіяхъ, броженія останавливаются гораздо скорѣе, чѣмъ при другихъ. Такъ прибавленіе мѣла помогаетъ превращенію сахаровъ въ молочную кислоту; безъ этого броженіе останавливается раньше, чѣмъ распространится на большую часть сахара.

Когда Пастеръ въ 1857 году сдѣлалъ свое великое открытіе микроба молочно-кислаго броженія, онъ въ то же время замѣтилъ, что организмъ этотъ, хотя самъ производитъ молочную кислоту, но страдаетъ отъ избытка ея. Чтобы броженіе могло закончиться, надо было прибавлять мѣлъ для нейтрализаціи кислоты.

Если же дѣйствіе молочной кислоты слишкомъ продолжительно, то не только прекращается броженіе, но и умираютъ сами микробы. Вотъ почему часто бываетъ очень трудно въ теченіе долгаго времени сохранить живымъ молочное бродило. Одинъ изъ самыхъ нестойкихъ видовъ его представляетъ тотъ, который былъ изолированъ *Ристомъ* и *Кури* ¹⁾ изъ египетскаго «лебена». При поставѣ въ глубинѣ агара бродило это умираетъ уже черезъ нѣсколько дней. Вѣроятно, смерть его зависитъ отъ выдѣляемой микробомъ на счетъ сахара и не нейтрализованной молочной кислоты. Превращеніе сахара въ молочную кислоту есть основная функція микроба, тѣсно связанная съ его организаціей. Поэтому остановка броженія и окончательная смерть бродила при вышеизложенныхъ

¹⁾ *Анналы Пастеровскаго Института*, 1902 г., стр. 71.

условіяхъ могутъ быть отнесены къ естественной смерти. Последняя наступаетъ вслѣдствіе самоотравленія, т.-е. отравленія продуктами фізіологической дѣятельности самого микроба.

Тотъ фактъ, что смерть эта наступаетъ тогда, когда среда заключаетъ еще достаточное количество сахара для питанія микроба, ясно показываетъ, что она, смерть, не зависитъ отъ истощенія.

Примѣръ молочно-кислаго бродила далеко не единственный.

Микробъ, производящій масляное броженіе, также очень страдаетъ отъ выделяемой имъ кислоты.

Г. Бертрангъ, сдѣлавшій очень подробное изслѣдованіе о микробѣ, вызывающемъ броженіе сахара, добытаго изъ рябины (сорбоза), сообщилъ мнѣ, что броженіе это также прекращается подъ влияніемъ микробныхъ продуктовъ. Самъ микробъ умираетъ естественной смертью тогда, когда среда далеко еще не истощена.

Избытокъ алкоголя также вреденъ для производящихъ его дрожжей. Броженіе останавливается, какъ только достигнута опредѣленная граница его. При возвращеніи дрожжей въ средѣ, очень богатой азотистыми веществами и очень бѣдной сахарами, дрожжи питаются первыми и производятъ амміакъ на счетъ этихъ азотистыхъ веществъ. Между тѣмъ щелочи губельны для дрожжей, и послѣднія быстро умираютъ отъ самоотравленія ими¹⁾.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ естественной смертью, вызванной жизнедѣятельностью микробовъ, тѣсно связанной съ ихъ внутренней организаціей. Правда, что измѣненіемъ внѣшнихъ условій можно устранить эту смерть: стоитъ только нейтрализовать кислоты, произведенныя бактеріями, или щелочи, выработанныя дрожжами, для того, чтобы продлить жизнь этихъ микро-организмовъ.

Факты эти могутъ быть поставлены на ряду съ вышеизложенными относительно высшихъ растений: помѣшавъ созрѣванію съмянъ, можно продлить жизнь многихъ однолѣтнихъ растений и обратить ихъ въ двулѣтнія или даже многолѣтнія. Здѣсь также возможно значительно отодвинуть естественную смерть, несмотря на то, что она зависитъ отъ внутреннихъ причинъ.

Является вопросъ: не легче ли объяснить естественную смерть высшихъ растений, которую принято сводить къ истощенію, также отравленіемъ, наступающимъ въ теченіе ихъ жизненнаго развитія? Растенія часто производятъ яды, убивающіе животныхъ и человѣка. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ ядовъ вредны для нихъ самихъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что нѣкоторые изъ

¹⁾ *Дюкло*. Микробиологія, т. III, 1900, стр. 460.

нихъ развиваются какъ разъ во время созрѣванія сѣмянъ. Устраненіе этого созрѣванія въ то же время мѣшало бы и отравленію всего растенія. Гипотеза эта вполне вѣдется съ многочисленными случаями естественной смерти, наступающей тогда, когда почва далеко еще не истощена.

Многочисленные примѣры частичной смерти, каково увяданіе отдѣльныхъ цвѣтковъ, въ то время какъ общій ихъ стебель продолжаетъ еще производить новые цвѣты (какъ у вышеупомянутаго гераніума), могутъ также объясняться мѣстнымъ дѣйствіемъ ядовъ, недостаточнымъ для отравленія всего растенія.

Само собою разумѣется, что это объясненіе естественной смерти высшихъ растений самоотравленіемъ — простая гипотеза. Она способна однако, быть можетъ, послужить поводомъ для новыхъ изслѣдованій. Если бы она подтвердилась, то легче было бы объяснить ея совпаденіе смерти съ плодоношеніемъ, чѣмъ гипотезой какого-то predetermined для достиженія преднамѣченной цѣли.

Допустимъ, что, подобно бактеріямъ и дрожжамъ, высшія растенія тоже подвержены самоотравленію. При этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда яды производились бы до созрѣванія сѣмянъ, растенія оставались бы бесплодными и окончательно исчезли бы вслѣдствіе отсутствія потомства. Производство же ядовъ во время плодоношенія нисколько не мѣшало бы смѣнѣ поколѣній и поэтому могло бы безпредѣльно сохраниться. Такъ какъ отравленіе не неизбѣжно, то легко объяснить, что многія растенія выживаютъ послѣ плодоношенія и избѣгаютъ естественной смерти. Таковы драконовое дерево, баобабъ и кедры, упомянутые въ этой главѣ.

Но если идея о самоотравленіи высшихъ растений пока только гипотеза, то естественная смерть бактерій и дрожжей, вызываемая отравленіемъ собственными продуктами, — фактъ, который мы въ правѣ признать вполне дѣйствительнымъ.

Итакъ, у высшихъ и низшихъ представителей растительнаго міра встрѣчаются какъ примѣры естественной смерти, которую можно свести къ самоотравленію, такъ и примѣры отсутствія ея.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И. И. Мечниковъ.

Теорія мутацій.

(критический очеркъ.)

Уже давно биологи обращали вниманіе на внезапность появленія новыхъ признаковъ у животныхъ и растений, что давало поводъ предполагать возможность хода эволюціи организованнаго міра не постепенно, а прыжками. Эту идею въ видѣ болѣе или менѣе законченной и подтвержденной наблюденіемъ теоріи обработалъ сравнительно недавно де-Фрисъ, назвавшій ее *теоріей мутацій*.

Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что виды возникаютъ не въ силу медленнаго накопленія мелкихъ и почти незамѣтныхъ индивидуальныхъ колебаній, а въ силу болѣе рѣзкихъ и періодически появляющихся у цѣлой группы особей даннаго вида видоизмѣній, или *мутацій*. Въ этомъ главное отличіе теоріи де-Фриса отъ теоріи Дарвина, который, хотя и допускаетъ возможность внезапныхъ уклоненій, но главную роль приписываетъ именно накопленію мелкихъ колебаній, а въ остальномъ, т.-е. въ вопросѣ о значеніи подбора для закрѣпленія возникшихъ полезныхъ признаковъ обѣ теоріи почти сходятся.

Главная разработка теоріи мутацій принадлежитъ ботаникамъ: нашему С. И. Коржинскому и де-Фрису.

Въ этой небольшой замѣткѣ мнѣ хотѣлось бы поговорить о мутаціяхъ съ зоологической точки зрѣнія. Установимъ сначала главнѣйшія положенія новой теоріи или точнѣе намѣтимъ тѣ пункты, которые предстоитъ доказать биологамъ для окончательнаго торжества этой теоріи.

1. Признаки могутъ возникать внезапно въ видѣ болѣе или менѣе рѣзкихъ уклоненій.

2. Эти уклоненія по существу различны отъ мелкихъ индивидуальныхъ колебаній.

3. Уклоненія эти проявляются періодически и притомъ у цѣлой группы особей даннаго вида.

4. Только эти отклонения и ведут к образованию видов.

Самое трудное, конечно, доказать последнее положение. В самом деле, палеонтологи давно знают не один, а несколько примеров, особенно между моллюсками, когда один вид, при том более древний, связан рядом мелких, едва заметных переходов с видом более поздним. Для резко очерченных видов немецкие палеонтологи употребляют выражение *<gute species>* (*хороший вид*), отличая их таким образом от менее резко обособленных *плохих* видов.

То же наблюдается и в современной фауне. Каждый, кому приходилось устанавливать новые виды, знает, что неровно степень очерченности и резкости границ нового вида всецело зависит от количества материала, находящегося в распоряжении исследователя.

Когда число особей изучаемого вида — небольшое, то и вид оказывается прекрасно очерченным и резко отграниченным от соседних. Если вы получаете материал в большом числе экземпляров, то появляются разновидности, которые сближают этот вид с соседними. Если же вы имаете перед собой громадное количество особей этого вида, то исчезают границы между разновидностями, а равно и между данным видом и соседними. Вид расплывается у вас на глазах. Тщетно вы устанавливаете кроме разновидностей еще подразновидности, простоты ради именую их буквами греческого алфавита, тщетно вы стараетесь найти точное и всеобъемлющее определение данного вида. Сейчас же в характеристику закрадываются выражения «у большинства», «по большей части», «чаще всего» и т. п. Вид исчез, осталось то, что и есть на деле в природе — совокупность особей. Когда я слышу, что задачей университетского преподавания должно быть внушение слушателям представления о виде, то я наверно могу сказать, что сентенция идет от лица, которое систематиком научно не занималось, ибо каждый систематик скажет, что нельзя внушать того, чего у нас нет самих. Прежде думали, что расплывчатость видов — явление характерное для форм северных морей, но мы знаем теперь, что эта расплывчатость зависит от чисто практического обстоятельства, а именно от того, какие приемы употребляются для добывания животных.

В настоящее время при изучении морской фауны употребляются такие приемы добывания животных, которые позволяют получать представителей одного вида не единицами, а десятками и сотнями к огорчению систематиков старой школы. Правда не все виды одинаково склонны к вариациям, но зато вариации эти

встрѣчаются по отношенію къ признакамъ какъ регрессивнаго, такъ и прогрессивнаго характера. Послѣ всего сказаннаго мы можемъ поставить вопросъ: въ случаѣ нахожденія двухъ видовъ (вымершихъ или современныхъ—все равно), связанныхъ рядомъ постепенныхъ и иногда едва замѣтныхъ переходовъ, должны мы допускать внезапность или постепенность возникновенія одного вида отъ другого? Думаю, что допущеніе внезапности было бы совершенно лишнимъ. Конечно, логически можно допустить, что видъ *A* возникъ отъ вида *B* внезапно, и переходы образовались потомъ, можетъ быть, вслѣдствіе скрещиванія видовъ *A* и *B*, но для натуралиста такое допущеніе, хотя и мыслимое, все же будетъ казаться излишнимъ, особенно если вспомнить ничтожную роль, которую скрещиваніе играетъ у животныхъ, и рѣзко выраженную у помѣсей и ублюдковъ склонность вырождаться въ прародительскія формы. Вѣдь мы не знаемъ между животными ни одного вида, относительно котораго мы могли бы съ достовѣрностью сказать, что онъ произошелъ путемъ смѣшенія двухъ другихъ видовъ при скрещиваніи. Послѣднее положеніе разбираемой теоріи приходится замѣнить другимъ и сказать: на ряду съ внезапными колебаніями въ образованіи видовъ играютъ роль и меньшія индивидуальныя отклоненія, при чемъ еще является вопросъ, которому фактору мы должны приписать наибольшую роль: первому или второму.

Третье положеніе, приведенное выше, мы будемъ разсматривать вмѣстѣ съ первымъ, а второе — остается недоказаннымъ, въ силу краткости періода нашихъ наблюденій, да оно и не существенно для той точки зрѣнія, на которую мы попытаемся стать.

Отрицать наличность внезапныхъ колебаній не будетъ ни одинъ зоологъ. О нихъ говорилъ Э. Жоффруа Сентъ-Илеръ, говорили Келликеръ, Бэтсонъ, Эмери, говорили многіе тератологи.

Кеннелля рассказываетъ о появленіи безхвостой породы кошекъ путемъ упроченія внезапно возникшей аномаліи.

Но и кромѣ того имѣется рядъ данныхъ: Азара рассказываетъ, что парагвайскія безрогія коровы произошли отъ безрогаго быка, родившагося въ 1770 г., а въ болѣе позднее время, по мнѣнію извѣстнаго французскаго зоотехника Корневена, такимъ же образомъ произошла сицилійская безрогая порода коровъ *Angus*.

Точно такъ же, можно думать, возникли четырехрогія породы рогатаго скота, а равно можетъ быть азіатская четырехрогая антилопа (*Tetraceros quaedricornis*).

У меня лично въ небольшомъ имѣніи въ Финляндіи появились нѣсколько лѣтъ тому назадъ между курами особи, у которыхъ было на ногахъ по пяти пальцевъ вмѣсто четырехъ, при

чемъ увеличеніе числа пальцевъ вслѣдствіе расщепленія задняго пальца.

При самомъ поверхностномъ отборѣ я достигъ того, что у меня теперь почти всѣ куры пятипалыя, и могутъ дать матеріалъ для изученія эмбриональнаго развитія этой аномаліи.

Не лишено интереса, что изрѣдка такихъ же куръ приносятъ на продажу и мѣстные крестьяне.

Наконецъ, превосходное доказательство внезапнаго возникновенія признаковъ получено недавно. Двойныя уродства, т.-е. особи съ раздвоеннымъ переднимъ или заднимъ концомъ тѣла или особи, составленныя изъ двухъ равномѣрно и неравномѣрно развитыхъ особей—появляются у многихъ животныхъ и появляются совершенно внезапно. Всѣмъ извѣстно, что солитеры или родственныя формы, т.-е. ленточныя глисты, представляютъ собой головку и примыкающую къ ней обыкновенно членистую ленту.

Не такъ давно описана Боасомъ ленточная глиста (*Triplotaenia mirabilis*), которая представляетъ собой одну головку, но двѣ безъ внѣшней членистости ленты, т.-е. иначе говоря имѣетъ всѣ признаки двойного уродства. Но это не уродство, ибо въ одномъ кенгуру найдено 4 экземпляра и въ другомъ обрывокъ пятого экземпляра этой удивительной формы.

Какъ же примирить эти два взгляда: по формѣ это уродство, а по частотѣ находенія—нормальная форма? Очень просто, это—уродство, сдѣлавшееся нормальной формой.

Нетрудно однако видѣть, что внезапный характеръ возникновенія можетъ распространяться лишь на признаки извѣстнаго рода.

Къ числу такихъ признаковъ относятся главнымъ образомъ слѣдующіе:

1. Признаки, являющіеся результатомъ численнаго увеличенія органовъ, напр. удвоенія роговъ, пальцевъ, и вообще увеличеніе числа органовъ. Признаки эти по самой своей сущности могутъ возникать только внезапно.

2. Признаки, являющіеся результатомъ исчезновенія органовъ, напр. хвоста, роговъ и т. п.

3. Признаки, обусловленные остановкой въ развитіи или несущіе характеръ возврата къ предкамъ, т.-е. атавизма.

4. Признаки, представляющіе переразвитіе органа.

Внезапно можетъ возникнуть порода, лишенная пигмента или представляющая явленіе альбинизма, но также внезапно можетъ появиться порода, представляющая усиленное развитіе пигмента или явленіе меланизма. Многія домашнія и дикія формы, имѣющія бѣлую, пѣгую или черную окраску, могли возникнуть внезапно.

Внезапно могли возникнуть гермафродитныя особи изъ раздѣльнополыхъ или наоборотъ. Въ первомъ случаѣ произошло раздвоеніе полового зачатка, при чемъ одна часть его сдѣлалась женской, другая мужской, а во-второмъ—произошло исчезновеніе мужской или женской части и двуполая особь стала однополой.

Почему всѣ эти случаи я считаю возможными? Да очень просто,—потому что они предугазаны намъ возникновеніемъ тѣхъ аномалій и уродствъ, которыя извѣстны теперь.

Но кромѣ этихъ признаковъ, остается цѣлая категория другихъ, къ которымъ внезапность возникновенія я бы затруднился приписать.

Между различными бабочками, подражающими древеснымъ листьямъ, имѣется цѣлый рядъ переходовъ, указывающихъ на постепенную выработку этой особенности. Для меня этотъ признакъ—сходства съ древеснымъ листомъ—представляется такимъ, который могъ выработаться только постепенно.

Сначала, вѣроятно, приобрѣлось сходство въ окраскѣ съ листомъ, а потомъ сходство и по формѣ.

Вообще многія измѣненія въ окраскѣ имѣли, вѣроятно, характеръ постепенныхъ.

Итакъ, на вопросъ, представляютъ ли внезапныя колебанія нѣчто отличное отъ индивидуальныхъ уклоненій, мы можемъ отвѣтить, что по существу они, какъ и уродства и аномаліи, не отличаются отъ индивидуальныхъ уклоненій ничѣмъ, кромѣ амплитуды колебанія, но эти внезапныя колебанія распространяются не на всѣ категории признаковъ, а лишь на нѣкоторые. Иные изъ этихъ признаковъ, какъ, напр., удвоеніе органовъ, могли возникнуть только внезапно, а другіе, напр., исчезновеніе органа, могутъ совершаться не только внезапно, но и постепенно. Глаза у пещерныхъ животныхъ исчезаютъ постепенно. Это мы видимъ у пещерныхъ рыбъ и амфибій. Глаза при этомъ представляютъ у различныхъ видовъ совсѣмъ иныя формы упрощенія даже въ предѣлахъ одного класса: у одной рыбы исчезаютъ однѣ части глаза, у другой—другія.

Но возможно, по мнѣнію Гаманна, что многія пещерныя животныя произошли отъ формъ, лишенныхъ глазъ и рагѣе, когда они еще не жили въ пещерахъ. Эти послѣднія могли не имѣть глазъ вовсе никогда, но могли возникнуть вслѣдствіе внезапнаго аномальнаго исчезновенія глазъ отъ формъ зрячихъ.

Точно такъ же мы можемъ представить себѣ не только внезапное, но и постепенное возникновеніе альбинизма и меланизма.

Итакъ, среди видовыхъ признаковъ мы различаемъ по способу ихъ возникновенія три рода: одни могутъ возникать только внезапно,

другіе только постепенно, а третьи — какъ внезапно, такъ и постепенно.

Какіе признаки принадлежать къ первой и послѣдней категоріи — показываетъ иногда самая сущность признака, а равно изученіе аномалій и уродствъ. Такимъ образомъ, одно время заброшенное ученіе объ уродствахъ и аномаліяхъ, или тератологія, роль котораго внезапно выросла въ связи съ развитіемъ экспериментальной эмбриологіи, получаетъ еще новое значеніе, хотя и косвенное, но все же немаловажное.

Возможность возникновенія внезапныхъ рѣзкихъ уклоненій позволяетъ намъ объяснить одно явленіе, на которое до сихъ поръ обращалось мало вниманія, на мой взглядъ.

Если въ природѣ мы встрѣчаемъ форму, похожую на личинку другой болѣе высоко организованной формы, то мы обыкновенно принимаемъ, что имѣемъ дѣло съ формой неотенической.

Подъ именемъ неотеніи разумѣется способность нѣкоторыхъ животныхъ, напр. аксолота, тритоновъ, размножаться въ личиночномъ состояніи или вообще не въ окончательной формѣ.

Такъ колероватки (*Rotatoria*) представляютъ собой, по мнѣнію многихъ, личиночную форму червей (*Trochophora*), достигшую половой зрѣлости. Неотенія у тритоновъ проявляется болѣе или менѣе внезапно, иногда подъ вліяніемъ пораненія, иногда по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, но вѣроятно сводящимся къ задержкѣ развитія. Съ этой точки зрѣнія самое возникновеніе неотеническихъ формъ могло произойти внезапно. Но еще чаще встрѣчается другое, на первый взглядъ загадочное явленіе, а именно иногда формы, независимо отъ того имѣютъ ли онѣ превращеніе или нѣтъ, обнаруживаютъ въ своей организаціи черты, которыя напоминаютъ весьма отдаленныхъ предковъ и которыхъ мы не находимъ ни у сосѣднихъ родственныхъ формъ, ни у ближайшихъ предковъ.

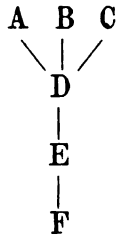
Возьмемъ конкретный случай, а ихъ очень много въ зоологіи.

Между амфибіями рядомъ съ хвостатыми и безхвостыми формами имѣются группы змѣевидныхъ и безногихъ — *Gymnophiona*.

Несомнѣнно, что онѣ произошли отъ формъ съ ногами, такъ какъ у зародыша имѣются зачатки конечностей, но въ то же время, судя по ихъ развитію, мы врядъ ли имѣемъ право думать, что онѣ произошли независимо отъ прочихъ амфибій, въ видѣ особой вѣтви.

Однако въ ихъ организаціи, напримѣръ, въ строеніи ихъ мочеполовой системы, встрѣчаются такія особенности, которыхъ мы не находимъ не только у амфибій, но и большинства рыбъ. Будемъ ли мы считать предками амфибій рыбъ ганоидныхъ (*Crossopterygii*)

или двудышащихъ — для насъ все равно. Нѣкоторыя особенности безногихъ амфибій напоминаютъ намъ еще болѣе низко стоящихъ, чѣмъ эти рыбы, селахий и круглоротыхъ рыбъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что формы А, В, С происходятъ отъ ряда формъ D, E, F, какъ это выражаетъ слѣдующая схема:

У одной изъ этихъ формъ А—оказываются признаки, которые свойственны формѣ F, но не свойственны ни E, ни D, ни B, ни C, а предположить, что форма А произошла отъ F непосредственно, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Очевидно, что означенные признаки могли возникнуть только вслѣдствіе задержки развитія. При возникновеніи группы безногихъ амфибій нѣкоторые органы ихъ остановились на такихъ стадіяхъ развитія, которыми мы находимъ лишь у низшихъ рыбъ. Признакъ этотъ возникъ, вѣроятно, внезапно, т.-е. опять-таки тѣмъ же путемъ, какъ возникаютъ многія уродства и аномаліи.

Однако при этой остановкѣ органъ можетъ всетаки уклониться нѣсколько въ форму отъ первоначальнаго типа и не быть вполне похожимъ на пращовскую форму, да такъ, обыкновенно, и бываетъ на дѣлѣ.

Итакъ, несмотря на то, что форма А въ нашей схемѣ содержитъ признаки такіе, которыхъ не имѣетъ ни форма D, ни E—это не мѣшаетъ намъ считать форму D и E—предками формы А, но при сравненіи слѣдуетъ имѣть въ виду не взрослыя формы D и E, а ихъ зародышей. Дѣло можетъ еще болѣе осложниться, если формы D, послѣ того, какъ отдѣлила отъ себя вѣтвь А, утеряла даже въ своемъ развитіи тѣ признаки, которые сохраняются у А и которые насъ такъ смущаютъ.

Тенденція къ сокращенію развитія обща всему животному царству. Сократить сложныя формы развитія, стремящагося повторить вѣковую исторію вида, это вѣдь значитъ составить экономію и въ матеріалѣ, и во времени, а потому случаи, подобные приведенному, всегда возможны. Наконецъ, признакъ могъ возникнуть и въ силу атавизма, т.-е. возврата къ предкамъ и въ этомъ случаѣ точно также вновь возникшія формы будутъ имѣть признакъ,

котораго нѣтъ у ближайшихъ предковъ. Такимъ образомъ, при построении нашихъ генеалогическихъ схемъ и деревьевъ мы не должны смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что иногда у потомковъ мы видимъ признаки, которыхъ нѣтъ ни у взрослога предка, ни даже у его зародыша.

Остановимся теперь еще на одномъ вопросѣ, а именно—поскольку теорія мутацій примѣнима къ вопросу о происхожденіи человѣка.

Еще Уоллесъ говорилъ, что дикари обладаютъ бѣльшимъ количествомъ мозга, чѣмъ это нужно имъ для ихъ обихода.

Оставимъ въ сторонѣ ненаучную формулировку этой мысли, но она вѣдь представляетъ собой перифразу того положенія, что разница въ количествѣ мозга высшихъ обезьянъ и низшихъ человѣческихъ расъ является громадной. Объемъ черепа и вѣсъ мозга, повидимому, сдѣлалъ при этомъ переходъ громадный скачокъ. Мы не можемъ, конечно, доказать, что развитіе мозга обусловлено умственнымъ развитіемъ человѣка. Скорѣе наоборотъ: человѣкъ потому-то и достигъ настоящей степени умственнаго развитія, что онъ обладалъ большимъ запасомъ мозга, представляя явленіе гипертрофіи этого органа. Очень соблазнительно принять, что скачокъ былъ сдѣланъ внезапно. Это, конечно, возможно предположить, но невозможно доказать. Извѣстно, что ископаемая, открытая Дюбуа, яванская обезьяна *Pithecantropus erectus* обладала мозгомъ, судя по найденному обломку черепа, вѣроятно не уступавшимъ минимальному мозгу нѣкоторыхъ человѣческихъ расъ (женщинъ веддовъ и др.). Скачокъ уже начинаетъ казаться не такимъ большимъ, а кто же поручится, что завтра не будетъ найдена другая, третья и т. д. переходная форма изъ числа заполняющихъ означенный пробѣлъ?

Во всякомъ случаѣ, если теорія мутацій ограничена въ примѣненіи къ животнымъ извѣстной группой признаковъ, то такъ же она ограничена и въ примѣненіи къ человѣку. Если бы мы нашли расу альбиносовъ или расу шестипалыхъ людей, то мы не задумались бы признать эту расу за возникшую путемъ мутацій, а для тѣхъ признаковъ, которые могутъ возникать какъ внезапно, такъ и постепенно, вопросъ остается открытымъ. Африканскія карликовыя племена, конечно, могли произойти отъ одной какой-нибудь внезапно появившейся расы, но съ другой стороны и низшія расы, какъ ведды и др., тоже обладаютъ очень небольшимъ ростомъ и связаны съ карликовыми расами переходовыми формами. Вообще, сравнительное изученіе ближайшихъ къ человѣку обезьянъ и различныхъ человѣческихъ расъ скорѣе говоритъ въ пользу постепенности измѣненія, нежели въ пользу его внезапности.

В. Шимкевичъ.

Петрарка въ поэтической исповѣди *Canzoniere*.

(Продолженіе) ¹⁾.

Робертъ стоитъ въ центрѣ и другого письма къ Діонисію, хотя, повидимому, дѣло идетъ о вопросѣ общаго характера: монархія или республика возвеличили Римъ? Рѣшеніе намъ извѣстно: междуусобную раздробленность Италіи можетъ спасти лишь итальянское королевство, и лишь одинъ Робертъ призванъ къ этой роли; въ немъ гуманность Пирра соединилась съ счастіемъ Александра, правосудіемъ Селевка, на него перешли лучшія качества римскихъ царей— а Діонисій его близкій совѣтникъ, и Петрарка наставляетъ его въ свою очередь: пусть направляетъ онъ Роберта не къ умноженію своей славы, богатства и внѣшняго могущества, а къ золотой *mediocritas*. Захваты чужихъ земель и городовъ всегда невѣрны, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о друзьяхъ; лучше и почетнѣе владѣть ихъ душами, чѣмъ достояніемъ, властвовать надъ тѣми, кто повинуется тебѣ добровольно, чѣмъ надъ тѣми, кто того не хочетъ и т. д. ²⁾.

Роберта къ чему-то приготавливали; предыдущее письмо ясно намекаетъ на какое-то желаніе Петрарки, которое онъ готовъ осуществить даже косвенными путями. Дѣло идетъ о вѣнчаніи поэта,— обычай, удержавшемся въ Римѣ и Италіи съ послѣднихъ временъ имперіи въ воспоминаніи и практикѣ и легендѣ. Рассказывали объ одномъ изъ учениковъ св. Франциска, *fra Pacifico*, что въ міру онъ былъ извѣстный поэтъ, *rex versuum*, и что его торжественно увѣнчалъ императоръ Фридрихъ II, а въ 1314 году удостоился такого же вѣнчанія государственннй дѣятель и поэтъ Альбертино Муссато. Петрарка стремится къ лавру, желая принять его изъ рукъ или по признанію ученаго короля; посредникомъ является Діонисій, но будущимъ тріумфомъ руководить негласно самъ поэтъ. Его легко

¹⁾ См. „Научное Слово“, 1905, III.

²⁾ *Fam.* III, 7.

обвинить и обвиняли въ тщеславіи, онъ не разъ и не даромъ защищался отъ такого нареканія; но его тщеславіе покоилось на глубокой увѣренности въ себѣ, въ высотѣ своего призванія и таланта ¹⁾ и въ наивномъ желаніи художника увидѣть себя на яву въ блескѣ торжественной процессіи и среди тимпановъ и ликованій пережить моменты восторга, которые онъ соединялъ съ античнымъ образомъ лавра.

Если уже шли переговоры, то поэма была, очевидно, начата; отнести къ 1339 году, какъ то обыкновенно дѣлается, сообщаемый далѣе рассказъ Петрарки представляется невѣроятнымъ, да и рассказъ о внезапномъ наитіи слишкомъ эффектенъ: будто бы въ страстную пятницу, на прогулкѣ въ воклюзскихъ горахъ, Петрарку внезапно осѣнила мысль воспѣть «звѣзднаго юношу» Сципіона. Возвратясь домой, онъ тотчасъ присѣлъ за работу, не отставая ни днемъ, ни ночью, и стихи лились, какъ изъ живого источника. Черезъ нѣсколько дней онъ дошелъ до такого изнеможенія, что дозволилъ пріятелю, укорявшему его за непосильный трудъ, отобрать у себя ключи отъ книжнаго шкапа и общалъ ему въ теченіе десяти дней не читать и не писать. Но такой отдыхъ противъ воли не пошелъ ему впрокъ, день показался за годъ, онъ проспался съ головою болью, на другой день — съ приступомъ лихорадки. Увидѣвъ, что лѣкарство хуже болѣзни, пріятель отдалъ ему ключи, и онъ выздоровѣлъ и принялся за работу съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ поэма его сильно подвинулась ²⁾. Написаны были первыя четыре пѣсни «Африки».

Ея источникъ — исторія Ливія, она дала канву, отъ которой Петрарка рѣдко отступаетъ, и главный матеріалъ — поэзію, ибо для Петрарки исторія Рима — это правда, это поэзія; аллегорическая жена, являющаяся ему въ началѣ его «Secretum» — Истина, которую онъ возвеличилъ въ своей «Африкѣ». Второстепенные матеріалы почерпнуты изъ чтеній, уже отложившихся отчасти въ его *De viris illustribus* и *Res memorandae*, гномическо-созерпательная часть навѣяна Цицерономъ. Все это пересказано въ гекзаметрахъ, по примамъ классическаго эпоса. Дѣйствія мало, изобилуютъ рѣчи, бесѣды, размышленія, описанія, видѣнія, миеологическіе, историческіе и географическіе перечни, тормозящіе поэзію, но свидѣтельствующіе о большой начитанности; Петрарка ею кичился, въ соисканіи лавра участвовала не только «Африка», но и «*De viris illustribus*». Поражаетъ излишество сравненій, иногда наивно-реальныхъ, какъ, напр.,

¹⁾ *Ingenii fiducia, Africa, IX, 236.*

²⁾ *Ep. ad post.; Fam. XIII, 7, 1352 г.*

заимствованное отъ чесотки¹⁾, либо сравненіе психическаго волненія съ котломъ кипящей воды, въ который подлили холодной²⁾. Когда подъ руководствомъ Гасдрубала плѣнные кареагеняне возвращаются изъ Рима на родину, Петрарка вспоминаетъ о всеильномъ богѣ, сошедшемъ съ неба, чтобы разбить цѣпи истощенныхъ долгими мученіями тѣней и вывести ихъ изъ Тартара³⁾ и т. д. Нѣтъ классическаго, какъ у Ливія, но нѣтъ и христіанскаго чудеснаго; Олимпъ существуетъ, но онъ обобщенъ настолько, что открылся христіанскому толкованію; говорится о Юпитерѣ и — о властителѣ всепокрывающаго Олимпа⁴⁾, богѣ боговъ⁵⁾, богѣ⁶⁾, царѣ вышнихъ⁷⁾, сѣятелѣ людей, создателѣ всей твари⁸⁾, и правитель Олимпа вѣщаетъ о своемъ грядущемъ воплощеніи и страданіи⁹⁾. Этотъ синкретизмъ отражается и на представленіяхъ о загробной жизни и судьбѣ грѣшниковъ, о божьемъ правосудіи, посылающемъ испытанія праведнымъ, *pios*. Въ сравненіи съ Аннибаломъ, котораго невѣріе подчеркнута, Сципionъ почти христіанинъ, какъ и его Юпитеръ¹⁰⁾.

Въ такомъ же поэтическомъ синкретизмѣ представляется историческая жизнь вѣчнаго Рима, объединяющаяся въ впечатлѣніи могущества и величія, торжественнаго достоинства и благости, правды и благочестія, какого-то величаво уравновѣшеннаго героизма. Таковъ герой поэмы Сципionъ. Когда вѣнчанная жена, знакомое намъ олицетвореніе Рима, молитъ Юпитера о дарованіи побѣды ея войнамъ, она провѣщилась: невѣрная молва говоритъ, что Сципionъ богородный; довольно того, что не было и не будетъ подобнаго ему великодушнаго мужа, и я вѣрю, что нѣкій небесный духъ обитаетъ въ немъ и нѣтъ достойнаго человѣка безъ наитія благого божества. Онъ спасетъ Римъ¹¹⁾.—Таково представленіе *Spirito gentil*, временно вселившагося въ мужественнаго, разумнаго и мудраго витязя.

Въ этомъ восторженно-спокойномъ видѣніи древности, не въ отдѣльныхъ поэтическихъ эпизодахъ, порой отзывающихся центономъ, историческая поэзія «Африки».

1) *Scabies*, VII, 52 слѣд.

2) V, 192 слѣд.

3) VIII, 1001 слѣд.

4) II, 505.

5) III, 284.

6) IV, 134.

7) V, 139.

8) VI, 595.

9) VII, 666 слѣд.

10) VII, 369.

11) *Liberator populi romani Italiaeque protector et imperii. De vir. ill.*

Поэма открывается обращениемъ къ музамъ, къ которымъ вернуло поэта деревенское уединеніе, и молитвой о помощи къ «побѣдителю Эреба» Иисусу Христу: «Тебѣ я принесу, вернувшись съ высоты Парнаса, святыя пѣсни, если Ты охотно имъ внимлешь; если нѣтъ, то принесу слезы, которыя мнѣ, безумному, давно подобало бы пролить».

Посвѣщеніе поэмы королю Роберту, по суду котораго поэтъ удостоился желаннаго лавра, съ обѣщаніемъ вторично посѣтить Неаполь, написано было уже послѣ того, какъ Робертъ согласился принять на себя роль посвятителя. Поэтъ проситъ короля милостиво принять его даръ; онъ писалъ не о современныхъ дѣяніяхъ, а о давно прошедшихъ; когда-нибудь напишетъ неслыханное и чудесное и о дѣяніяхъ самого короля, они его болѣе привлекали¹⁾, но, сообразивъ, что такое онъ и что такое Робертъ, и все взвѣсивъ, онъ содрогнулся и рѣшилъ попытать свои силы, прежде чѣмъ обратиться къ великой задачѣ.

Нѣсколько размысленій о причинахъ пуническихъ войнъ (зависть, гордость, любостязаніе и т. п.) приводятъ насъ къ картинѣ: Сципіонъ стоитъ въ раздумьѣ на берегу моря, за которое бѣжалъ Гасдрубаль, тревожный, какъ олень, еще прислушивающійся къ охотничьему гаму. Врагъ вырвался изъ рукъ, и Сципіонъ сѣтуетъ, что побѣда неполная. А тамъ Каррагенъ, Аннибаль несетъ пламя въ лоно родины, не отмщена и смерть отца. Еще Титанія покоилась въ объятіяхъ холоднаго супруга и ея прислужницы Горы, возвращающія вѣка, не отворяли пурпурныхъ вратъ и розовыхъ оконъ неба, когда Сципіонъ забылся сномъ. Величавая тѣнь отца предстала передъ нимъ. О вѣчная краса, слава нашего рода, единственная надежда погибающаго отечества! Отложи страхъ и запечатлѣй въ памяти то, что я скажу тебѣ, говорить ему отецъ. Правитель Олимпа, склонясь на мои моленія, дозволилъ мнѣ показать тебѣ свѣтила и пути неба, судьбу родины и твою собственную, сплетаемую парками и еще невѣдомую землѣ. Вонъ стогны и дворцы Каррагена, построеннаго женской хитростью; они падутъ; тебѣ предстоитъ этотъ подвигъ и слава, которая уподобитъ тебя богамъ; ты будешь мстителемъ рода—и отецъ обнажаетъ передъ сыномъ свои раны

Тотъ предается сѣтованію и дивится на тихій сонмъ звѣздъ—блаженныхъ тѣней. Такъ дивится морская рыба, испытавъ въ рѣкѣ сладость прѣсной воды, вновь попавъ въ горькую. Въ обители блаженныхъ нѣтъ ни гнѣва, ни печали, ни стона, ни заботъ, ни страха смерти; сіяетъ тихій, вѣчный свѣтъ.—Отецъ обнимаетъ сына, успо-

1) См. Reg. mem. III, 513: иначе въ Epist. poet. II, 11.

коиваетъ его, рассказываетъ о своей смерти и смерти брата (Гней), и вызываетъ вопросъ: Живы ли вы, живы ли всѣ тѣ, которыхъ римляне звали когда-то погребенными, покойниками?

О! Какой мракъ невѣжества окутываетъ васъ, несчастныхъ! отвѣчаетъ отецъ, улыбаясь: здѣсь настоящая жизнь, то, что вы называете жизнью — смерть. — Онъ показываетъ сыну тѣни блаженныхъ, между ними Марцеллъ, Фабій Кунктаторъ, Эмилиј Павелъ, дядя Гней.—Если правъ отецъ, что мы живемъ и по смерти и что здѣсь настоящая жизнь, къ чему мнѣ долѣе оставаться на землѣ, почему не освободить духъ отъ земныхъ оковъ?—Дядя разрѣшаетъ сомнѣнья племянника: Богъ и природа отъ вѣка назначили намъ пребывать въ земномъ образѣ, пока не настанетъ положенный срокъ, котораго нельзя нарушить. А вотъ уроки для жизни: блюди вѣру и правду, да будетъ гостемъ сердца и спутникомъ нравовъ любовь (*pietas*) къ отцу, бѣлая къ родинѣ, наипаче къ Богу. Таковъ путь къ небу; Богу приятенъ тотъ, кто правиль по закону, трудился на пользу родины, защищалъ ее, угнетенную.

Новый сонъ приближается: это — римскіе цари, недостаетъ лишь Тарквинія Гордаго, наказаннаго за свои проступки въ Авернѣ: «жестокій царь, полезный (*bonus*) въ своей жестокости, потому что впервые внушилъ испытанному несчастіями государству любовь къ свободѣ». Показатели новаго порядка вещей—тѣни Горациевъ, Публикола; необозримый сонъ тянется отъ Арктура по усѣянному звѣздами млечному пути. «Это души римлянъ, единственной заботой которыхъ было блюденіе и защита отечества».

Это видѣніе, планъ котораго навѣянъ ципероновскимъ «Сновидѣніемъ Сципіона» (*De republica IV*), продолжается и во второй пѣснѣ поэмы. Сципіонъ тревожится за исходъ войны, за судьбы Рима; если ему положено пасть, къ чему прилагать усилія? Умремъ безоружные. — Отецъ ободряетъ его: Иди и будь твердъ; не ужалится ни твоя слава, ни слава отечества; ты побѣдишь, Аннибала ждетъ долгое скитаніе вдали отъ родины, Римъ презритъ всѣ угрозы, покорить весь свѣтъ. — Вся будущая исторія Рима пророчески проходитъ передъ глазами. Цезарю, достойному всемірной пѣсенной славы (*semper magno cantandus in orbe*), ставится въ упрекъ, что онъ, не зная мѣры желѣзной силы, обратилъ побѣдоносное оружіе на гражданъ, устремился къ единоличной власти, подалъ примѣръ наслѣдникамъ расхищеніемъ казны и связалъ новыми порядками сенатъ. Съ Августомъ наступаетъ вѣкъ мира и тишины, но тотчасъ же и предвѣстіе упадка: послѣ Тита и Веспасіана нѣтъ болѣе именъ, имперія, сооруженная такими трудами, переходитъ въ руки испан-

цевъ и африканцевъ, къ постыдному отродью нашихъ рабовъ. Но не страшись и не проливай слезъ, продолжаетъ отецъ, прерывая сътованіе сына: слава латинянь будетъ жить вѣчно, имперія носить имя римской. Не всегда будетъ императоръ изъ римлянъ, Сирія, Галлія, Греція, Иллирикъ, сѣверъ станутъ смѣняться у власти, и, можетъ быть, въ послѣдніе годы, когда міръ устремится къ разрушенію, судьба вернется на свое родовое мѣсто. Не отъ враговъ погибнетъ Римъ, а распадется съ годами, по клокамъ, вслѣдствіе внутреннихъ усобицъ. Будетъ время, когда въ немъ не станетъ ни одного природнаго гражданина, а соберется со всѣхъ концовъ земли всякое отребье, но и оно будетъ жить въ распрахъ и въ нихъ погибнетъ, если не явится какой-нибудь сильный, достойный жить въ лучшее время, и словомъ и дѣломъ не положитъ конецъ междуусобной брани. Но и среди этихъ напастей, хотя и растерзанный руками и совѣтами нечестивыхъ, Римъ останется: старый, безсильный левъ, котораго видъ и голосъ еще внушаютъ трепеть и поклоненіе; царица міра, имѣющая погибнуть лишь съ міромъ.

Такъ сказавъ и глубоко вздохнувъ, старецъ взялъ сына за руку и оба легкими шагами спускаются съ неба. Высоко стояла утренняя звѣзда, и ея лучи падали на путниковъ, отбрасывая тѣнь лишь одного изъ нихъ; полная луна, сойдя съ высоты Атланта, сіяла, отражая свѣтъ узрѣннаго ею приближавшагося брата. Снова провѣщилъ почтенный старецъ, и при его рѣчахъ міръ затихъ въ сладкомъ обаяніи и остановились въ своемъ вращеніи вѣчныя свѣтила.

Все старѣется и проходить, говорилъ онъ, быстро несутся вѣка, устремляясь къ смерти. А люди заботятся о славѣ, стоящей такихъ трудовъ и крови! Какими постыдно-узкими предѣлами ограничена наша имперія, а сколько трудовъ положено на ея распространеніе, какихъ опасностей будетъ вамъ стоить ея охрана! Пусть Римъ станетъ главою свѣта,—и это будетъ, если судьба не измѣнить своему благому начинанію. Что же въ этомъ великаго? Вѣдь земля—островокъ, окруженный океаномъ, и его-то вы не весь населяете, иныя части его вамъ незнаемы, недоступны; а вы желаете всесвѣтной, вѣчной славы, которая пережила бы васъ въ потомствѣ! Сознаюсь: сладко жить по смерти, презрѣвъ насиліе Паркъ; но жить однимъ именемъ ничего не стоитъ: живите, но лучше, но доблестнѣе (*certius*), стремитесь къ небу, презрѣвъ землю. Тамъ васъ ожидаетъ жизнь, которую не тронуть вѣка, не тревожить ни печальная зима, ни вредоносный жаръ лѣта, не тяготитъ ни богатство, ни блѣдная смерть. Слава имени не вѣчна; надгробіе, высѣченное на мраморѣ, разрушится вмѣстѣ съ гробницей — это

ваша вторая смерть. Долше держатся слова, сохраненныя въ славныхъ (*felicibus*) писаніяхъ, и она достанется Сципіону: ты совершаешь великое, совершишь лучшее, говорить ему отецъ; я провижу, что черезъ нѣсколько вѣковъ родится въ предѣлахъ Этруріи юноша, который повѣдаетъ о твоихъ дѣяніяхъ, второй Энній; оба они милы мнѣ, оба достойны памяти своими трудами (*studio*); одинъ водворить въ Лациі, хотя и въ грубомъ словѣ, суровыхъ музъ, другой своимъ пѣснопѣніемъ остановитъ ихъ бѣгство. И оба они на разный ладъ (*vario eloquio*) воспоютъ наши подвиги, стремясь продлить нашу короткую жизнь; но мнѣ милѣе тотъ, кто издалека обратитъ свои взоры на наше время. Къ этому побудитъ его трудъ (*studium*), не принужденіе или награда, не страхъ или ненависть, не надежда на наше поощреніе (*gratia postri*), а лишь восхищеніе великими дѣяніями и любовь къ истинѣ. Но къ чему все это? И книги умираютъ, и съ ихъ смертью наступаетъ и для человѣка—третья смерть. Не знаетъ ея лишь добродѣтель, *virtus*; не слава, а добродѣтель и небо должны быть цѣлью жизни, поучаетъ отецъ, а слава послѣдуетъ, какъ тѣнь за человѣкомъ. Будь опорой, посохомъ (*baculus-virgō*: знакомая намъ игра словъ по поводу имени Сципіона) гибнущей родинѣ, воздѣлывай дружбу, и пусть дорогому тебѣ Лелію будутъ открыты всѣ недоступныя другимъ тайны твоего сердца. Твоя доблесть научитъ тебя выносить невзгоды, уготованныя судьбой: неблагодарное отечество изгонитъ тебя, но не поднимай на него оружія, удались и живи въ изгнаніи; если тебя не призовутъ, отмсти, умирая, словами укора на твоей гробницѣ и отказомъ вернуть твои кости въ родную страну.

Такъ сказавъ, онъ исчезъ столь же быстро, какъ возвращаются свѣтила, а свѣтъ уже занимался надъ шатрами, озарилъ грубое ложе Сципіона, и съ звукомъ роговъ отъ него, изумленного, отлетѣлъ и сонъ и призракъ отца.

Вторая пѣсня кончилась, не подвинувъ дѣйствія. Выдвинулась лишь фигура Сципіона, но освѣщенная со стороны, въ надеждахъ и предчувствіяхъ и той идеальной программѣ жизни, которой напутствуетъ сына отецъ. Выдвинулся въ яркомъ сознаніи своего поэтического подвига и Петрарка: онъ одинъ задержалъ бѣгство латинскихъ музъ.

Съ третьей пѣсней мы входимъ, наконецъ, въ исторію, т.-е. въ расцвѣтченныя учеными перечнями пересказъ Ливія. Сципіону не живется въ бездѣйствіи, онъ затѣваетъ перенести войну въ Африку и посылаетъ Лелія заключить союзъ съ царемъ Сифаксомъ. Въ роскошномъ дворцѣ собраны разныя чудеса: изображенія планетъ и созвѣздій, боговъ, героевъ и мифологическихъ сюжетовъ.

Лелій предлагаетъ отъ имени Сципіона союзъ; римляне всегда вѣрны своему слову; ихъ задача—уничтожить множество царьковъ, беззаконно правящихъ народами, дабы Африка состояла подъ однимъ властителемъ. Сифаксъ благосклонно принимаетъ предложеніе, но еще колеблется, пока не увидитъ самого Сципіона. На пиру (который у Ливія Сифаксъ даетъ не Лелію, а Сципіону) пѣвецъ рассказываетъ подъ звуки лиры о древнихъ судьбахъ Африки, начиная съ побѣды Иракла надъ Антеемъ. Тогда Сифаксъ вызываетъ Лелія повѣдать о началахъ Рима и его войнахъ.—Какъ рассказать въ одинъ вечеръ о томъ, на что не хватило бы года? Лѣтописи содержать развѣ тысячную долю содѣяннаго; свидѣтели не писанія, а дѣла.

Разсказъ начинается съ Ромула, чтобы перейти непосредственно къ тому многочисленному сонму благородныхъ мужей, великихъ духомъ, которыхъ воспитала свобода (Курцій, Децій, Регулъ).—Ты опустилъ многое, не рассказалъ, какъ кончились ваши цари, останавливаетъ рассказчика Сифаксъ.—Сознаюсь, рассказывать о судьбѣ царей—царское дѣло, отвѣчаетъ Лелій; я опустилъ это ради краткости, но мое молчаніе тебѣ подозрительно: ты можешь истолковать его такъ, что мы оскорбили нашихъ царей и лишь прикрываемъ нашъ захватъ (*cupidine praedae incensos*) прекраснымъ именемъ (свободы).—И онъ рассказываетъ про Тарквинія Гордаго; подробно развитъ эпизодъ Лукреціи. Подъ руководствомъ Брута, имя котораго славно навѣки, изгнаны цари. «Таковъ конецъ царства; затѣмъ послѣдовали лучшія времена и началась наша свобода».

Сципіонъ ея воспитанникъ; по вызову Сифакса, Лелій рассказываетъ о немъ; его характеристика наполняетъ четвертую пѣсню. Задача трудная; великій Гомеръ посвятилъ свои бдѣнія безумному (*insano*) юношѣ, Энній посвящаетъ ихъ Сципіону, хотя послѣдній былъ бы достоинъ греческаго пѣвца, тотъ латинскаго; но, быть можетъ, Ахиллъ нуждается въ глашатаѣ, Сципіону онъ не нуженъ.—Петрарку издавна привлекъ образъ Сципіона, какимъ представляли его Ливій и Циперонъ; разсказъ Лелія вторитъ восторженной характеристикѣ, какую Петрарка далъ своему любимцу во второй редакціи посвященной ему біографіи; передъ нами юный герой-кресавецъ, которому пошли впрокъ уроки жизни, завѣщанные отцомъ. Освѣщеніе выдержано; Петрарка поддерживаетъ его, прибѣгая къ поэтической вольности, перенося на своего героя черты другого Сципіона и въ то же время обходя тѣ историческія показанія, даже Ливія, которыя помѣшали бы цѣльности его идеализаціи. Въ его Сципіонѣ много—*pius Aeneas*.

Четвертая пѣснь кончается разсказомъ о немъ, какъ защитникѣ

женскаго цѣломудрія отъ возможныхъ посягательствъ воиновъ-побѣдителей. Какое величіе, мудрая воздержность старца въ кипучей страстями юности! ¹⁾). Прибавимъ къ этому благочестіе (*pietas*), культъ дружбы и славы. Идеаль героя и, въ извѣстной мѣрѣ, жизненный идеаль Петрарки.

Разсказъ обрывается на полустихѣ. Дальнѣйшее изложеніе привело бы насъ къ колебаніямъ Сифакса, соглашались ли ему или нѣтъ на союзъ съ Сципіономъ. Когда утромъ 1 сентября 1340 г. Петрарка получилъ приглашеніе римскаго сената—принять лавровый вѣнокъ въ Римѣ, а пополудни такое же приглашеніе отъ парижскаго университета, онъ писалъ о себѣ, что колебался, какъ Сифаксъ ²⁾— и четвертая пѣсня не дописана. Его собственное желаніе и совѣты Джьованни Колонна рѣшили дѣло въ пользу Рима ³⁾. 16-го февраля 1341 г. онъ выѣхалъ въ Неаполь, чтобы представиться королю Роберту, единственному среди современныхъ монарховъ любителю науки и добродѣтели, отъ суда котораго онъ ждалъ признанія своего права на поэтическій вѣнецъ. Въ теченіе трехъ дней происходило ученое испытаніе *de omni re scibili*; Петрарка раскрылъ королю серьезныя задачи поэзіи, которую тотъ считалъ дѣломъ простой забавы; прочелъ ему первыя пѣсни своей «Африки», и Робертъ принялъ ея посвѣщеніе. Въ грамотѣ римскому сенату онъ призналъ Петрарку достойнымъ лавра; подарилъ ему свою собственную пурпурную мантию, въ которую поэтъ долженъ былъ облечься при вѣнчаніи, и поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ, *Giovanni Barrili*, быть его представителемъ на торжествѣ. Баррили къ нему не поспѣлъ, задержанный на пути разбойниками; вѣнчаніе произошло 8 апрѣля ⁴⁾.

Самъ Петрарка разсказалъ о немъ въ латинскомъ стихотворномъ посланіи къ Баррили ⁵⁾, написанномъ по воспоминанію слишкомъ годъ спустя. Подробностей немного, но онѣ и не важны, интересно настроеніе поэта, серьезно и благоговѣнно вживавшагося въ роль античнаго триумфатора. Судьба опять устроила ему ковы: Баррили не явился; а какое было бы счастье, если бы онъ самъ возложилъ на него вѣнецъ; мнѣ почудилось бы тогда, что съ Геликона спустился величавый сонмъ музъ и завелъ священный хороводъ, что Фебъ сильнѣе ударилъ въ струны, увѣнчанный лавромъ, который онъ когда-то любилъ въ Тем-

¹⁾ *Spectate senem juvenilibus annis* (IV, 386). Петрарка повторить это и о Лаурѣ: *Sotto blondi capei caluta mente* (сон. 178); *Frutto senile in sul giovenil fiore* (сон. 179).

²⁾ *Fam.* IV, 4; см. *Ep.* ad post.

³⁾ *Fam.* IV, 5.

⁴⁾ *Ep.* ad post.; *Fam.* IV, 8.

⁵⁾ *Epist. poet.* II, 1; въ эклогѣ III то же, въ аллегорическихъ образахъ.

пейской долины, который я и теперь люблю так же страстно, как прежде; а отец боговъ привѣтно возрѣлъ бы съ неба на вѣнокъ изъ листьевъ святаго дерева и его гнѣвная рука забыла бы молнію.— Я снаряжился быстро, продолжаетъ онъ, переходя къ описанію праздника: уже приближается гордый сонмъ изъ рода Ромула, веселымъ звономъ колоколовъ огласился Капитолій, какъ будто эти сѣдыя стѣны и священныя сѣни принимали участіе въ ликованіи позднерожденнаго поколѣнія. Звучать трубы, густая толпа народа шумитъ, радуясь прекрасному зрѣлищу. Но, вижу я, льются и дружескія слезы, бьются сердца. Я выступаю, все замолкло, всѣ слушаютъ. Одинъ стихъ великаго Марона вспомнился мнѣ, онъ далъ начало моей рѣчи, краткой по обычаю пѣвцовъ; кто это забываетъ, того постигнетъ гнѣвъ музы. На короткое время вызвалъ я ее съ вершины Геликона и среди народа, въ столицѣ Ладія, соорудилъ ей жилище.

Orso dell' Anguillara, тогда сенаторъ Рима, возложилъ на голову Петрарки вѣнецъ, старикъ Колонна привѣтствовалъ его, и похвалы и лестны ему и его подавляютъ, краска стыда выступила на лицѣ. Не мнѣ подобаешь слава,—кто я такой?—а моему королю, властителю Сициліи!

Торжество кончилось, процессія направилась къ базиликѣ San Pietro in Vaticano, гдѣ Петрарка повѣсилъ свой вѣнецъ на алтарь Всевышняго. Ему милы первые дары.

Рѣчь Петрарки сохранилась; ея тема дѣйствительно внушена стихомъ Виргилія (*sed me Parnassi deserta per ardua dulcis Raptat amor*), но разработка не только не указываетъ на экспромптъ, а скорѣе на кропотливо, по хрѣямъ, развитую аллюкцію.

Три причины долженствовали отвлечь его отъ поэзіи: и ея трудность, и пренебреженіе, въ какомъ обрѣтаются нынѣ поэты, и нужда, съ которой ему приходится бороться. И были ему три повода поборотъ эти затрудненія: забота о славѣ отечества, личное къ ней стремленіе и желаніе побудить къ дѣятельности другихъ. Именно то обстоятельство, что онъ способенъ былъ уразумѣть эти поводы, и является свидѣтельствомъ дарованія, *ingenium*, посланнаго ему Богомъ.

Задача поэзіи представить физическія, нравственныя и историческія истины подъ покровомъ иносказанія; она тѣмъ сладостнѣе, чѣмъ труднѣе раскрыть ея содержаніе, ибо найденное съ трудомъ особенно нравится. Кто такъ умѣетъ творить, тому достанется слава и безсмертное имя; такіе поэты спасаютъ отъ забвенія великихъ людей, которыхъ они воспоютъ: оттого ихъ чествовали именитые мужи и герои, чаявшіе себѣ памяти въ потомствѣ.—Рѣчь кончается

изложеніемъ, по рубрикамъ, причинъ, которыя дѣлаютъ лавръ особенно пригоднымъ для вѣнчанія поэтовъ.

Все это отзывается школой, схоластикой; сведеніе поэзіи къ образной аллегоріи истины, обычное въ средніе вѣка, удержавшееся у Петрарки и позже ¹⁾, принадлежитъ теоріи, которой поэзія Санзоніеге отвѣчала развѣ игрой созвучій: лавръ и Лаура, не яснымъ созвучіемъ представленій: любви и славы. Теперь онъ вспомнилъ о немъ, но не въ вѣнчальной рѣчи, а въ канцонѣ (XII), написанной имъ за нѣсколько дней до вѣнчанія, въ ожиданіи пріѣзда Баррили.

Прекрасная жена, краше солнца и столь же древняя, какъ оно, увлекла меня, еще юношу, въ свой сонмъ. Въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ она была всегда передо мною, прелестная, гордая; ради нея я сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ; лишь изъ любви къ ней, когда я уже могъ выносить ея взглядъ, я рано отважился на трудное дѣло и, если достигну желаннаго покоя, надѣюсь еще долго прожить ею, когда другіе будутъ считать меня мертвымъ. Я юношески воспылалъ къ ней, а она долго увлекала меня, показывая мнѣ лишь свою тѣнь либо покрывало, не обнажая лица; думается мнѣ, для того, чтобы во мнѣ увѣриться. Мнѣ же, бѣдному, казалось, что я наглядѣлся на нее вдоволь, и я былъ счастливъ; такъ прошла моя юность, и мнѣ сладко о ней вспомнить.

Теперь, когда я ближе узрѣлъ ту жену, она открылась мнѣ болѣе, и сердце мое охватилъ трепеть, который не покинетъ его, пока она не приметъ меня въ свои объятія. Но это не отняло у меня отвагу, я и бросился къ ея ногамъ, чтобы насладиться ея взорами. А она отвела покрывало и говоритъ: Взгляни, другъ мой, какъ я прекрасна, и попроси у меня того, что пристало твоимъ лѣтамъ.—Давно положилъ я на васъ любовь мою, мадонна, и такъ ею пламѣнѣю, что нѣтъ у меня другого желанія.—Она отвѣчала, и ея голосъ и выраженіе лица заставили меня вѣчно и трепетать и надѣяться. Кто бы не услышалъ о моихъ доблестяхъ, говорила она, у того хотя на короткое время зажжется въ сердцѣ искорка, но моя противница гаситъ ее; оттого гибнетъ всякая добродѣтель и водворяется въ мірѣ другой властелинъ, сулящій болѣе спокойную жизнь. Амуръ, который первый растворилъ твою душу, повѣдалъ мнѣ о тебѣ такое, что твое страстное желаніе увѣнчается почетнымъ успѣхомъ. А дабы доказать тебѣ, что ты изъ числа моихъ рѣдкихъ друзей, ты узришь жену, которая еще болѣе осчастливитъ

¹⁾ Сл. его латинскую буколику, аллегорическое толкованіе Энеиды въ Reg. met. III, 3 (Virgilius); Secretum II, стр. 351. Sen. IV, 5.

твои взоры.—И, поднявъ глаза, я увидѣлъ въ удаленномъ отъ взоровъ мѣстѣ жену, рѣдко показывавшуюся людямъ. Смущенный, я преклонился передъ нею, и новая страсть зародилась въ сердцѣ.

— Вижу я, что дѣлается съ тобой, говорить, улыбаясь, первая жена: какъ въ могучихъ лучахъ солнца меркнетъ звѣзда, такъ и моя красота въ лучахъ высшей. Но я не удалю тебя изъ сонма моихъ поклонниковъ, ибо я и она отъ одного сѣмени, родились вмѣстѣ, она прежде, я послѣ.—Я застыдился, догадавшись, что мой порывъ ею замѣченъ, но когда прошло смущеніе, развязался и языкъ: Если правда все то, что я слышу, то да будетъ благословенъ отецъ и день, украсившій вами свѣтъ, и время, которое я потратилъ на ваше исканіе. Если когда-нибудь я свернулъ съ истиннаго пути, я сѣтую о томъ болѣе, чѣмъ показываю, и горю желаніемъ услышать о васъ большее, если я того достоинъ.

— По волѣ нашего предвѣчнаго отца мы родились бессмертными; но что вамъ до того, несчастные! Лучше бы намъ не быть. Прекрасныя, юныя, привлекательныя, мы когда-то были любимы, теперь дошло до того, что она расправляетъ крылья, чтобы вернуться на родину (*antico suo ricetto*), я же — одна лишь тѣнь.— Удаляясь, она сказала: Не бойся, я тебя не покину! И сорвавъ вѣтку зеленаго лавра, она увѣнчала ею мою голову.

Таковъ жизненный синтезъ 37-лѣтняго Петрарки. Амуръ приготовилъ его къ Славѣ; это первая жена Канцоны; ея противница, очевидно, косность, невѣжество, удовлетворяющееся низменными благами жизни, не знающее ея высокихъ цѣлей; но Слава—сестра Добродѣтели, такъ рѣдко показывающейся людямъ; онѣ отвѣчныя сестры, ихъ искалъ Петрарка, хотя порой и сбивался съ истиннаго пути—и Слава его вѣнчаетъ.—Этотъ синтезъ подлежалъ въ будущемъ суровому самоанализу, въ которомъ содержаніе любви и славы и добродѣтели измѣнится.

Съ памятниками этого психологическаго процесса мы познакомимся далѣе, но интересно указать теперь же его конечные результаты. Когда въ канцонѣ говорится объ Амурѣ, уготовляющемъ къ славѣ, мы невольно вспоминаемъ провансальское возрѣніе на любовь, какъ на силу, нравственно воспитывающую чувство, изоощряющую духовныя способности человѣка. Таково, очевидно, и представленіе канцоны. Въ «Тріумфахъ», старческомъ произведеніи поэта, точка зрѣнія другая: Амуръ торжествуетъ свои побѣды въ Кипрѣ, одна Лаура не поддается его власти (*Trionfo d'Amore*); окруженная сонмомъ своихъ Добродѣтелей, она побѣждаетъ и ведетъ его, плѣннаго, въ сопутствіи древнихъ цѣломудренныхъ женъ, въ Байи. Далѣе путь въ Римъ, по дорогѣ присоединяется къ ней Сципійонъ;

Лаура положила свои трофеи въ храмѣ Цѣломудрія, а «юноша тосканецъ» (Петрарка), не скрывавшій прекрасныхъ ранъ, нанесенныхъ ему общимъ врагомъ, поручаетъ его охрану тѣмъ, которые рѣшительно отреклись отъ него; между ними Ипполитъ и Иосифъ (Trionfo della Pudicizia)

Изъ Рима Петрарка направился не въ Воклюзъ, а въ Парму съ Аццо да Корреджіо, съ которымъ познакомился въ Авиньонѣ въ 1335 году, блестящимъ авантюристомъ изъ породы культурныхъ итальянскихъ тирановъ, которыми Петрарка увлекался во имя славы, подсказывая имъ добродѣтели тамъ, гдѣ дѣло шло о вѣроломствѣ. Аццо затѣялъ вырвать Парму изъ рукъ Скалигеровъ, искалъ сочувствій и союзниковъ, тогда какъ его братья готовили возстаніе въ самомъ городѣ. Судьба Пармы была рѣшена, когда 23 мая подошелъ съ войскомъ Аццо; при немъ былъ и Петрарка. Парма дѣйствительно страдала подъ крутымъ правленіемъ Скалигеровъ, и Петраркѣ могъ сняться подвигъ Брута; онъ не вѣрилъ предательству Аццо¹⁾; манилъ и предоставленный ему поэтическій отіумъ и дружескія бесѣды, коротавшія день и продолжавшіяся до ночи. И онъ воспѣлъ Аццо, въ чьей груди живетъ и древняя добродѣтель и рѣдкое сокровище—вѣрность; онъ желалъ бы сложить и свою усталую голову на доно великаго друга²⁾

Въ Пармѣ онъ прожилъ цѣлый годъ до весны 1342 г. Не прошло и мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ «Римъ возвелъ на Капитолій новаго поэта, какъ на прогулкѣ въ горахъ Сельвапьяны, въ окрестностяхъ Реджіо, Петрарку вновь посѣтила мысль объ оставленной имъ «Африкѣ». Красота лѣснаго уединенія его вдохновила; онъ бросилъ всѣ остальные планы, вернувшись въ Парму, принялся за поэму и, къ своему удивленію, кончилъ ее въ короткій срокъ³⁾.

Поэма въ сущности не кончена: между 4-й пѣсней и 5-й есть большою пробѣлъ. Мы оставили Лелія въ бесѣдѣ съ Сифаксомъ; Лелій долженъ былъ вернуться, Сифаксъ измѣнить союзу съ римлянами подъ вліяніемъ своей жены Софонизбы; Масинисса перейти на сторону римлянъ и побѣдоносно вступить въ столицу Сифакса. Все это не досказано, и могло быть не написано, если Петрарка творилъ не въ послѣдовательности, а эпизодами. Разсказъ Ливія не всегда укладывался въ канву, хотя и близкую къ нему, поэтического переложенія; приходилось прибѣгать къ ученымъ или гномическимъ распространеніямъ, но были эпизоды, просившіеся въ поэзію;

¹⁾ Var. 19.

²⁾ Сл. Ep. poet. III, 27 и канцону, не принятую въ Canzoniere: Quel ch'а nostra natura in se più degno.

³⁾ Ep. poet. II, 17, 1345 г.; Fam. VIII, 3; Ep. ad. post.

для пѣвца любви эпизодъ Софонизбы и Масиниссы были находкой. Съ нимъ мы вступаемъ въ 5-ю пѣсню.

Масинисса въ Циртѣ, въ царскихъ палатахъ, гдѣ его встрѣчаетъ убитая горемъ Софонизба, жена Сифакса, уже поповшаго въ плѣнъ. Ливій говоритъ, что она была красива (*forma insignis*), въ цвѣтущей юности; у Петрарка это развито въ цѣлое описаніе, полное эпитетовъ, красокъ и сравненій, взятыхъ изъ мифологіи. Цѣльнаго впечатлѣнія не получается, и едва ли передъ поэтомъ возникалъ тогда образъ его Лауры. Развѣ золотистые волосы, цвѣту которыхъ позавидовало бы солнце, и божественная сила глазъ, способныхъ обратить сердце въ мраморъ, какъ Медуза? Петрарка не разъ воспѣвалъ золотистые волосы и глаза Лауры. Софонизба плачетъ, и ея глаза стали еще обольстительнѣе: точно двѣ звѣзды, сверкающія сквозь дождь на ночномъ небѣ. Настроеніе далѣе не выдержано: на ланитахъ красавицы пурпуровые цвѣты смѣшались съ лиліями, ея объятій пожелалъ бы Юпитеръ, она движется такъ легко, что не оставляетъ слѣдовъ, точно по воздуху. Въ гореваньи она краше, чѣмъ въ счастья, и Сифаксъ поблѣднѣлъ, таетъ, какъ снѣгъ отъ солнечныхъ лучей, какъ воскъ въ сосѣдствѣ огня. Кого не сразить любовь! Софонизба молитъ его о смерти; она не скрываетъ, что была причиной измѣны мужа, она, ненавистница Рима. Масинисса предлагаетъ ей свою любовь, если тому не перечить прежняя привязанность; она будетъ его супругой.

Софонизба колеблется: она и обрадована внезапной переменѣй судьбы, и боится римскаго ига, почему и ищетъ смерти. Масинисса обнадеживаетъ ее: судьба можетъ перемениться къ лучшему; если нѣтъ, она умретъ, въ этомъ его царское слово и клятва богами и манами. Но самъ онъ безпокоенъ; оставшись наединѣ, онъ испытываетъ то, что кормчій, завидѣвшій скалы и мели, на которыя несетъ его волна и вѣтеръ, въ отчаяніи бросающій руль и весла и опустившійся въ слезахъ на корму. Такъ гонитъ его жестокая любовь. Онъ вспомнилъ, что Софонизба плѣнница, что цѣломудренный Сципионъ будетъ недоволенъ его поступкомъ, да и Софонизба, быть можетъ, не отвѣчаетъ его чувству. А любовь подсказываетъ: ты побѣдилъ врага, властенъ въ его жизни и смерти; она — безъ мужа; какъ она красива, сѣтующая, какъ идутъ къ ней слезы, какое въ ней достоинство! Ея колебанія, внушенныя страхомъ, — стыдливое согласіе. Спѣши; Сципионъ, юноша, проститъ юношескій грѣхъ, признаетъ похищеніе бракомъ, твою подругу — царицей.

Втихомолку, безъ торжества, Масинисса отпраздновалъ свой союзъ съ Софонизбой. Но ее не тѣшатъ поцѣлуи мужа, передъ глазами чудится смерть и гробница, и въ тяжеломъ снѣ она видитъ себя сверженной въ стигійскія воды.

Между тѣмъ вѣсть о прелюбодѣяніи Масиниссы дошла до Сципіона; въ глазахъ плѣннаго Сифакса онъ прочелъ чувство оскорбленной любви, разразившееся проклятіями. Призвавъ Масиниссу, онъ держитъ ему длинную рѣчь противъ гибельнаго сладострастія; что самъ онъ умѣлъ его обуздывать, этимъ онъ гордился болѣе, чѣмъ какою-либо другою доблестью. Софонизба, какъ плѣнница римлянъ, должна быть отдана Риму.

Въ страстные монологи Масиниссы поэтъ вложилъ опыты своего чувства, выраженію котораго не мѣшаетъ даже классическая риторика. На этотъ разъ образъ вышелъ цѣльный, языческій, слегка тронутый сентиментализмомъ; любовь переносится по ту сторону Стикса, побѣждая смерть желаньемъ жизни и божественной красоты.

Прощай, милая Софонизба, ты, что мнѣ дороже жизни! Не увижу я болѣе тихой прелести твоего лица (*leniter aethereos com-
ponege vultus*), когда ты, по обычаю, собираешь свои волосы, не услышу твоихъ рѣчей, ласкающихъ небо и боговъ, ни тайнаго лепета благовонныхъ устъ.—О, если бы ему умереть, ихъ пепель смѣшался и Сципіонъ не нарушилъ бы ихъ любви! Если бъ оба они блуждали тѣнями въ миртовыхъ рощахъ—и Сципіонъ не различилъ бы ихъ любви! Мы пойдемъ оба въ слезахъ, тѣмъ же шагомъ, соединенные вѣчнымъ союзомъ—и желѣзный Сципіонъ не помѣшаетъ нашей любви! На зависть подземнымъ богамъ и молчаливому сонму и зятю Цереры (Плутону), блаженнѣе всѣхъ тѣней, я понесусь, и Сципіонъ не расторгнетъ нашей любви. О, если бъ онъ никогда не являлся въ Ливію и я не видалъ Софонизбы, или онъ удалился, побѣдоносный, не увидавъ ея, а она бы осталась. Неужели я отдамъ ее? Но онъ проситъ, и въ спокойномъ лицѣ его угроза; проситъ, и его просьба—грозный приказъ. Нѣтъ, тебя не уведутъ въ плѣнъ, ты умрешь.—Эта мысль приводитъ его въ отчаяніе; бѣжать съ Софонизбой въ глубь ливійскихъ, песковъ населенныхъ змѣями! Туда не зайдетъ Сципіонъ; но гдѣ его не знаютъ? гдѣ нѣтъ римскихъ заставъ?—А во снѣ Масиниссѣ видѣлась бѣлая серна, похищенная у супруга, сраженная. Да, ты умрешь, и твои очи сомкнутся, очи, которыя тронули бы великихъ боговъ, очи, которыя сломили бы ярость суровыхъ мужей, очи, которыя отняли у меня всѣ другія заботы, меня—у меня самого!

Счастливецъ Харонъ, о если бъ я былъ у твоего кормила, и ладья никогда не приставала ни къ тому, ни къ другому берегу! Много ты видѣлъ чудесъ; видѣлъ Прозерпину и Дидону, Горгону, Лаодамію, Прокриду, но такой красавицы (какъ Софонизба) не видѣли вѣка; самъ ты воспламенѣешь, старикъ, и меня вскорѣ встрѣтишь; мнѣ здѣсь томиться недолго. Когда-то Орфей утишилъ зву-

ками своей лиры ярость Цербера; что-то будетъ, когда властитель Тартара увидитъ Софонизбу? Боюсь, какъ бы, плѣненный ею, онъ не вмѣшался въ нашу любовь, а Прозерпина не вернулась къ престарѣлой матери.

Тѣ же сѣтованія провожаютъ Масиниссу и во снѣ. На зарѣ звуки трубъ разбудили его, трепетнаго, гнѣвнаго, печальнаго; въ станѣ движеніе, сейчасъ придетъ приказъ Сципіона—и онъ рѣшается: Софонизба просила смерти, онъ посылаетъ ей кубокъ съ ядомъ. Охотно принимаю царскій даръ, если любящій не прислалъ мнѣ иного, болѣе сладостнаго, говоритъ она; не смерть ее пугаетъ, а причина смерти: гордыня римлянъ, лишаящихъ насъ свободы духа, нарушающихъ союзъ брака и святую любовь. Она сулитъ Сципіону изгнанье и выпиваетъ кубокъ, съ привѣтомъ къ солнцу и богамъ. «Прощай, Масинисса, помни обо мнѣ».

Какъ поэтическій мотивъ этого эпизода данъ Ливіемъ, такъ декорация слѣдующаго, вводящаго насъ въ шестую пѣсню, навѣяна виргиліевскими чтеніями (Энеида, VI, 442 слѣд.). Софонизба на берегахъ Стикса, сонмы тѣней, Мученій, Евменидъ сошлись и дивятся на нее; въ глазахъ ея царственная сила, на блѣдномъ лицѣ привычное достоинство; негодуя на боговъ, на смерть, она идетъ, слегка склонивъ голову. Когда она подошла къ судилищу, Миносъ положилъ ей пребываніе во второй области, назначенной для самоубійць, и Радамантъ утвердилъ это рѣшеніе, но заговорилъ Эакъ: Любовь причина ея самоубійства, она оставила міръ по принужденію, судьба достаточно была къ ней сурова и при жизни и въ смерти—и онъ отводитъ ей третью область. Какъ у преступника, которому нежданно смягчили наказаніе, являются слезы радости, такъ повеселѣла и Софонизба, гнѣвъ ея спалъ, и она тихо вступаетъ, окруженная сонмомъ тѣней, переживающихъ «старья сновидѣнія жизни», въ вѣчное молчаніе долины, которую обступили темные холмы и миртовые лѣса. Здѣсь сбитаютъ тѣни несчастно или преступно влюбленныхъ, Ифисъ и Библида; Мирра со стыда укрываетъ свое лицо за вѣтвями, Парисъ сторонится отъ Ахилла и не отвѣчаетъ на жалобныя просьбы Эноны. И Софонизба завидуетъ Тизбѣ, что та не разлучена съ своимъ милымъ, а она не дождется Масиниссы—ему назначена обитель героевъ.

Послѣ «патетической» исторіи Софонизбы ¹⁾ мы входимъ до конца поэмы въ канву Ливія и интересъ дѣйствія слабѣетъ, несмотря на усилія поэта оживить его эпизодами. Пока Лелій отвозитъ въ Римъ плѣнниковъ, а Сципіонъ идетъ на Карфагенъ, кар-

¹⁾ Fam. XVIII, 7: patheticae materiae fundamentum.

оагеняне вызываютъ себя на помощь Аннибала изъ южной Италиі, изъ Лигуріи—его брата Магона, и въ то же время, чтобы отвлечь вниманіе римлянъ, посылаютъ въ Римъ пословъ съ просьбой о мирѣ. На пути домой ночью, когда Аннибалъ бесѣдуетъ со своими, старый кормчій рассказываетъ о побѣдѣ Ксантиппа надъ Регуломъ, объ измѣнническомъ его убійствѣ карагенянами и о несчастной битвѣ при Эгейскихъ островахъ ¹⁾. Разсказъ настраиваетъ всѣхъ къ начальнымъ предчувствіямъ. Спѣшить и юный Магонъ, несмотря на раны; передъ нимъ мелькаютъ берега Италиі (Петрарка описываетъ ихъ подробно), видны уже холмы Сардиніи, тамъ устье Тибра и золотой Римъ. Но смерть подходитъ; Магонъ понадобился художнику лишь для предсмертной рѣчи Магона, полной тихой скорби о бренности человѣческихъ стремленій; это—настроеніе послѣднихъ откровеній старика-отца въ сновидѣніи Сципіона. Петрарка, вѣроятно, цѣнилъ эту рѣчь; это былъ единственный отрывокъ изъ «Африки», которымъ онъ при жизни подѣлился съ своимъ другомъ Барбатомъ. Его встрѣтили критикой, но предпочтеніе къ нему поэта мы отмѣтимъ.

Въ какую высь увлекаетъ насъ судьба, сѣтуетъ Магонъ, и какъ мы слѣпы къ истиннымъ (*laetis*) благамъ! Безуміе тянетъ властителя къ стремнинамъ, гдѣ гуляютъ бури, и вознесшимся предстать одинъ конецъ—паденіе. Какъ обманчива людская надежда, какъ пуста слава, прикрытая мишурой! Невѣрная жизнь отдана непрестанному труду, вѣренъ, хотя и не предвидимъ, лишь смертный день. Увы, для жалкаго жребія рожденъ на землѣ человѣкъ! Звѣри знаютъ покой, онъ одинъ, беспокойный, вѣчно тревожный, поспѣшаетъ къ смерти. Смерть! ты лучше всего, одна ты прикрываешь заблужденія, разсвѣвая сны протекшей жизни! Теперь вижу, сколько тщетнаго я творилъ, сколько ненужныхъ трудовъ подъялъ добровольно. Мы надѣмся по смерти вознестись на небо, но одна лишь смерть укажетъ намъ наше мѣсто. Зачѣмъ было могучему Лацію нарушать миръ, внося повсюду мечъ и пламя? Зачѣмъ воздвигать золотые дворцы, стѣны изъ мрамора? Я умираю, а ты что себя готовишь, братъ, не вѣдая, увы! своей горькой доли, не вѣдая и о моей!—Такъ онъ сказалъ, и его душа воспарила въ высь, откуда одинаково презрѣла и Римъ, и Карагенъ.

Аннибалъ въ Африкѣ; въ седьмой книгѣ подробно разработанъ эпизодъ его бесѣды съ Сципіономъ, не приведшей къ миру; ночью передъ битвой при Замѣ, въ аллегорическомъ видѣніи знакомаго намъ стиля (подражаніе Виргилію), двѣ божественныхъ жены, Римъ и Карагенъ, предстали передъ Юпитеромъ, каждая съ мольбой о

¹⁾ Сл. Val. Max. IX, 6, ext. 1.

побѣдѣ. Юпитеръ рѣшаетъ въ пользу первой, и кареагенянское войско разбито.—Конецъ войны досказанъ въ восьмой пѣснѣ, и римскій патріотизмъ Петrarки торжествуетъ, не безъ наивныхъ противорѣчій, соединявшихся въ практическомъ его міровоззрѣніи. Когда вѣсть о побѣдахъ Сципіона дошла до Рима, консуль Лентулъ сталъ помогать, чтобы ему предоставили провинцію Африку, желая, окончивъ войну, перебить славу Сципіона. Петrarкѣ это даетъ поводъ къ длинной обобщающей инвективѣ противъ неумѣренной жажды известности, *libido pominiis*, часто вредившей римлянамъ. Нареканіе касается политическихъ интригъ, внутреннихъ завистью, желаніемъ перебить у другого мѣсто и веденіе дѣла, заискивая у сената и народа. Не то въ монархіяхъ: царь прислушивается къ совѣтамъ, но самъ руководитъ царствомъ, не увлекается чужой волей, онъ—хозяинъ въ войнѣ и мирѣ. Не приходится ему исправлять ошибки своего недѣятельнаго предшественника, не пугаютъ высокіе замыслы того, кто наследуетъ ему во власти, и желаніе славы не заставляетъ спѣшить опрометчиво (VIII, 567 слѣд.).

Кареагенскіе послы любятъ величественными сооруженіями Рима, которыя проходятъ передъ нами въ длинномъ описаніи (*ib.* 862 слѣд.), а одинъ изъ пословъ обращается съ восторженными воззваніями къ городу, милому богамъ, главѣ міра, единственному его украшенію, могучей оружіемъ родинѣ, жилищу боговъ—Риму (*ib.* 992 слѣд.) Мирныя условія, поставленныя Кареагену, лишили его всякой самостоятельности, ихъ флотъ сожженъ, а Сципіонъ держитъ имъ рѣчь: Живите, довольствуясь своимъ и памятуя боговъ, и да не ослѣпляетъ васъ болѣе воинственный пылъ. Имперія вошла въ свои прежнія границы. Вамъ предоставлена свобода дома и законы отчизны. Правда, съ міровой властью соединена слава, но безопаснѣе—повиноваться достойнымъ; вамъ обезпеченъ долгій покой, насъ до конца отягчить иго труда; живите спокойно, безъ распрей; мы ваша защита (*ib.* 1032 слѣд.).

Эта картина идеальнаго благополучія подъ покровомъ имперіи служить фономъ, на которомъ разворачивается триумфальное содержаніе послѣдней, девятой пѣсни. Сципіонъ на кораблѣ, на пути въ Римъ; при немъ его другъ и пѣвецъ Энній, «милое утѣшеніе отъ многихъ трудовъ». Сципіонъ проситъ его развлечь игривой рѣчью его отягченное постоянными заботами сердце, и Энній обѣщаетъ воспѣть его, чтобы увѣковѣчить его имя, хотя искусство латинскаго слова еще не достигло своего разцвѣта: началось оно недавно, дотолѣ мы довольствовались выходцами изъ Арголіи.

Александръ Великій позавидовалъ Ахиллу, нашедшему пѣвца въ Гомерѣ, тебѣ судьба дала меня одного, говоритъ Энній, повто-

ря жалобы Петrarки въ знакомомъ намъ сонетѣ (154¹); но будетъ время, когда воспоетъ тебя другой пѣвецъ, которому Калліона дастъ болѣе нѣжную лиру и звучный голосъ.—По просьбѣ Сципіона Энній посвящаетъ его въ знакомыя намъ тайны лавра и поэзіи, какъ серьезнаго труда, уравнивающаго поэта и героя въ правахъ на лавровый вѣнецъ. Недавно, когда еще колебалась судьба войны и самъ онъ тревожился, ему предстала въ сновидѣніи тѣнь его любимца Гомера. «Здравствуй, единственно дорогой мнѣ изъ дружественнаго Лація», привѣтствуетъ онъ его, вѣщая побѣду. Не гнушайся слѣпымъ вождемъ: быть можетъ, ты увидишь нѣчто, что будетъ тебѣ по сердцу. И Энній видитъ гдѣ-то далеко, въ закрытой долинѣ (*clausa sub valle*: Воклюзъ), юношу, сидящаго среди молодыхъ лавровъ и вьющаго себѣ вѣнокъ изъ ихъ листьевъ. Это юноша, имѣющій родиться изъ твоего племени, въ позднія времена, посвящаетъ Энній; онъ выйдетъ изъ Флоренціи, города, построеннаго римлянами и когда-то знаменитаго, теперь ничтожнѣйшаго, и снова призоветъ музъ, находившихся въ изгнаніи. Имя ему Францискъ; онъ объединитъ въ одно цѣлое великія дѣянія, которыхъ ты былъ свидѣтелемъ, испанскія и ливійскія войны и твоего Сципіона, и его поэма назовется «Африкой». Какая у него увѣренность въ своемъ дарованіи, какъ поощряютъ его хвалы! Поздно достанется ему триумфъ на Капитоліи и, въ сопутствіи сената, онъ сойдетъ съ него, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ. Изъ всѣхъ деревьевъ нѣтъ ему милѣ дельфійскаго, онъ сплететъ изъ его листьевъ новые вѣнки; старый Римъ возрадуется его торжеству, какого онъ не видѣлъ тысячу лѣтъ, и полюбитъ его; такъ вдовица, пережившей многихъ дѣтей, бываетъ дорогъ послѣдній сынъ. Много труда онъ положитъ, чтобы собрать и рассказать похвальные дѣянія предковъ изъ рода Ромула, среди которыхъ заблещетъ Сципіонъ, и самъ онъ сознается, что воздалъ ему все должное. А если хватить у него жизни и ничто не помѣшаетъ его начинаніямъ, еще многое въ разномъ родѣ онъ сотворитъ; но какъ пересказать, что онъ про себя замышляетъ?

Энній приблизился, видитъ юношу, съ печатью заботъ на челѣ; онъ сидитъ на лугу, съ перомъ въ рукѣ, кругомъ деревья и скалы, рѣка и холодные ключи. Присмотрись къ его лицу, къ пейзажу (*umbraeula rerum*); здѣсь воспитаетъ онъ свой талантъ, но въ долгихъ скитаніяхъ по свѣту отчаётся въ своемъ начинаніи, пока, вырвавшись изъ житейскаго круговорота, не подвинетъ его широкимъ взмахомъ.

Такъ рассказалъ о своемъ видѣніи Энній; такъ ли то будетъ,

¹) См. выше стр. 46—47.

или ты это придумалъ—но сладко и чувствамъ, и сердцу, говорить Сципионъ; я теперь же обнимаю будущаго поэта, котораго посулилъ мнѣ отецъ; онъ мнѣ милъ, кто бы онъ ни былъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ досказанъ путь до Рима, гдѣ Сципиону уготованъ триумфъ; по его правую руку шествуетъ Энній, оба увѣнчанные лаврами.

Послѣдніе стихи поэмы, дописанные уже послѣ Генваря 1343 года, звучатъ грустно. Петрарка такъ тѣсно и, повидимому, такъ убѣжденно соединялъ судьбу своей «Африки» съ именемъ Роберта, такъ недавно писалъ о томъ Баррили¹⁾, сѣтовалъ вмѣстѣ съ королемъ о кончинѣ ихъ общаго друга Діонисія²⁾, и вдругъ его самого не стало. Петрарка удрученъ: Робертъ былъ единственный покровитель музъ, умѣвшій чествовать науку; его смерть унесла съ собой надежды поэта. Счастливы жившіе въ лучшія времена, Юпитеръ сурово взглянулъ на новыя поколѣнія, а идти назадъ нельзя, надо слѣдовать за своей звѣздой, иначе она увлечетъ тебя. Но, быть можетъ,—таково мое желаніе и надежда,—моя поэма будетъ жить и послѣ меня: не все же будетъ царить надъ вѣками забвѣніе Леты, мракъ разступится и наши внуки вернуться къ старому свѣтоточу. Тогда въ новомъ поколѣніи снова зацвѣтетъ Геликонъ и священный лавръ, явятся великія дарованія и отзывчивыя души, въ которыхъ честное стремленіе къ знанію обновитъ любовь къ древнимъ Піэридамъ. Тогда и ты обнови мое имя, дабы честь воздана была моему праху и мнѣ слаще было жить въ народѣ. А пока не показывайся въ толпѣ, проходи въ ней незамѣтно, ищи бѣднаго крова тамъ, гдѣ живетъ добродѣтель. Тамъ ты состаришься, пока не доживешь до разсвѣта новыхъ дней, счастливыхъ для поэта, для всѣхъ доблестныхъ. Тогда помолодѣй и ты!

Таково печальное настроеніе, внезапно перехватившее чаяніе славы, и мы повѣрили бы Петраркѣ, что въ первое время онъ готовъ былъ сжечь свою поэму³⁾, если бы сходная легенда о Виргилии не могла повліять на его воображеніе и фразеологию. Не одна лишь смерть Роберта отнимала у поэта и мужество и надежды; были и другія причины. Пока «Африка» составляла его славу лишь — репутаціей, что готовится что-то великое; нѣсколько стиховъ (предсмертная рѣчь Магона), которые въ 1343 году выпросилъ у него пріятель, вскорѣ облетѣли всѣ гуманистическіе кружки, въ неряшливыхъ спискахъ; это приводило Петрарку въ негодованіе⁴⁾.

¹⁾ Ep. poet. II, 1.

²⁾ Ум. въ 1342 году; сл. Ep. poet. I, 14.

³⁾ Secretum III, стр. 365.

⁴⁾ Sen. II, 1.

явилась и критика, и Петрарка отвѣчалъ «Зоилу»¹⁾ широковъщательно и несдержанно: его творенія читаютъ именитые люди, говорятъ онъ, самъ король Робертъ просилъ у него одного лишь дара, его «Африку», и пожелалъ быть имъ воспѣтымъ; вопросъ остался открытымъ: король въ увѣренности, что поэтъ согласился, Петрарка, что онъ отклонилъ предложеніе; за то онъ посвятилъ ему свою поэму: «какой дворъ достойнѣе тебя, о великій Сципiонъ, какъ не дворъ Роберта?»²⁾

Но работа надъ отдѣлкой поэмы видимо не оставлена; въ 1344—5 г. поэтъ предвидитъ время, когда въ блескѣ красоты его герой, его Сципiонъ, его поэма пройдутъ побѣдоносно по всему свѣту³⁾.

Лѣто 1346 года Петрарка провелъ въ Воклюзѣ; хлопоты и заботы не позволяли ему отдаться какому-нибудь большому труду, и чтобы скоротать время, онъ затѣялъ написать «Буколику», двѣнадцатъ эклогъ, къ которымъ присоединилъ и объясненіе ихъ аллегорій. Въ 1347 году онъ посѣтилъ брата въ его монастырѣ, а въ слѣдующемъ прислалъ ему первую эклогу, которую подробно комментировалъ въ письмѣ отъ 2-го декабря. Эклога касалась ихъ обоихъ: фиктивная, или нѣтъ, бесѣда двухъ братьевъ, отразившая можетъ быть, старые душевные споры о славѣ и спасеніи. Братья представлены пастырями: Сильвій—Петрарка, Моникъ—Герардо; Петрарка поясняетъ, что братъ уже въ монастырѣ. Сильвій дивится уединенной жизни Моника, покинувшаго стада и поля для тихой пещеры, тогда какъ онъ—увы!—блуждаетъ по лѣсамъ, скаламъ и пустынямъ. Что же гонитъ тебя? спрашиваетъ Моникъ. Любовь, отвѣчаетъ Сильвій (любовь къ музѣ, никакая другая, поясняетъ Петрарка) и, призвавъ на себя благословеніе богини пастырей Палесъ (Богородицы), рассказываетъ, какъ въ юности его увлекали пѣсни Партенія (Виргилія), и самъ онъ, гонясь за брэнной славою, приладилъ свой голосъ къ новой пѣснѣ. Затѣмъ его прельстилъ другой пастырь, пришедшій откуда-то издалека (Петрарка говоритъ о Гомерѣ), и презрѣвъ все остальное, Сильвій отдался поэзіи; любовь (къ музѣ) возрастала. Онъ поетъ, ручей ему привѣтно плещетъ, отзываются голыя скалы, и нимфы превозносятъ до звѣздъ его стихи, а самъ онъ недоволенъ своимъ голосомъ, онъ ждетъ, не подскажутъ ли ему музы сладкихъ пѣсень, которыя пришли бы по сердцу ему самому, на которыя откликнулись бы вершины и

1) Ер. poet. II, 11.

2) Сл. Reg. mem. III, стр. 3, въ характеристикѣ Роберта среди „recentiores“.

3) Ер. poet. II, 17.

свѣтлый эфиръ. Онъ горитъ желаніемъ, готовъ трудиться, и если судьба и косность духа станутъ ему на пути, ему останется только умереть. А Моникъ увѣщаетъ его бросить скитальчество для его мирной обители, гдѣ онъ услышитъ другого пастыря, пѣсни котораго увлекутъ и восхитятъ его и заставятъ забыть все другое.— Какой это пастырь и подъ какой звѣздой родился? Я слышалъ ихъ тысячи, но ты не сравнивай его съ нашими. — Моникъ отвѣчаетъ окольно, но Сильвій понялъ, о комъ идетъ рѣчь (Давидъ).

— О, его я знаю. Онъ часто говоритъ о жителяхъ и стѣнахъ маленькаго Іерусалима и никогда не выходитъ изъ этого предмета; онъ вѣчно въ слезахъ и хриплыхъ вдохахъ. А другіе, тѣ поютъ про Римъ и Трою, о битвахъ царей, рассказываютъ о силѣ горя и любви и гнѣва, о властителяхъ волнъ и вѣтровъ, о богахъ и вѣчной ночи Стикса, о Капитолиі и форумѣ, лѣсахъ и поляхъ, о бранныхъ подвигахъ и герояхъ.—Моникъ противопоставляетъ этимъ темамъ пѣсни того пастыря во хвалу единаго Бога, онѣ раздаются повсюду; и я прислушаюсь (exregio) къ нимъ, если дозволитъ судьба, отвѣчаетъ Сильвій, а теперь мнѣ надо идти.—Куда? Что побуждаетъ тебя, что заботитъ?—Любовь къ музѣ. Молва идетъ о звѣздномъ юношѣ, рожденномъ отъ боговъ, который на берегахъ Африки исполнилъ пастбища великихъ дѣяній. Говорятъ, что тебя, Полифемъ (Аннибаль), онъ низвергъ у твоихъ же пещеръ, выгналъ изъ чащей ливійскихъ львовъ и отважился сжечь ихъ логовища. Слава его до сихъ поръ не воспѣта, доблесть требуетъ награды. И вотъ, хотя и робко, я принялся за пѣсню; попробую свой талантъ, быть можетъ, голосомъ уподоблюсь Орфею, подыгрывая на моей свирѣли.—Ступай, въ добрый часъ, говоритъ Моникъ, да берегись случайностей пути.

Эклога касается прошлаго, когда «Африка» еще затѣвалась; о вѣнчаніи нѣтъ рѣчи, но въ объяснительномъ письмѣ къ брату говорится: дай-то Богъ, чтобы мнѣ, старику, удалось кончить поэму такъ же счастливо, какъ я ее началъ ¹⁾).

Ты спрашиваешь, что я дѣлаю? писалъ онъ въ томъ же году (1347) изъ Пармы другу Guglielmo da Pastrengo: на сердцѣ — «Африка», да еще строю домъ; хотѣлось бы отдѣлать его мраморомъ, а гораціевскій стихъ (Сарм. II, 18, 16 слѣд.: ты строишь дома, а не думаешь о смерти), подсказываясь, отнимаетъ охоту; въ постройкѣ показалась едва замѣтная трещина; зову строителей, корю ихъ. Они отвѣчаютъ: почва осѣлась, фундаментъ не выдержалъ; да никакая человѣческая постройка не устоитъ отъ времени,

¹⁾ Fam. III, 4.

ничто не вѣчно. Наивны наставленія мастера, а какъ они справедливы!—Петрарка задумывается: его потянуло въ лѣсъ, вспомнился старикъ въ бѣдномъ тарентинскомъ садикѣ, о которомъ говоритъ *Виргилій* (*Georg. IV, 126 слѣд.*), а затѣмъ ему видятся стѣны, какія воздвигалъ *Ромуль*, дворцы *Нинивіи*, высящіяся до небесъ; онъ провожаетъ въ воображеніи рѣки, вьющіяся по равнинамъ, пересѣкаемыя горами, и далѣе до моря, обступившаго землю. И снова онъ въ уголкѣ—и восхищается малымъ. Такъ-то я волнуюсь, такъ терзаешь меня мое переполненное желаніями сердце! Но я утѣшаюсь тѣмъ, что я не одинъ: сколько людей блуждаютъ, какъ я, безъ кормила въ житейскомъ морѣ! А если все взвѣсить, то остается только смѣяться, смѣяться надъ собой и надъ всѣмъ, что живетъ на землѣ.

На сердцѣ—«Африка». Какой же награды ты ожидаешь, спрашиваетъ онъ себя, и отвѣчаетъ: брэнной славы, потому что настоящей славы достойна лишь добродѣтель ¹⁾.

Поэма продолжаетъ занимать его; друзья пристають, онъ отвѣчаетъ, что не все еще готово, иное что надо подрѣзывать, иное подравнять, гдѣ пройти бороной; онъ еще недоволенъ ²⁾. 1348-й г., принесшій ему столько горькихъ утратъ, заставилъ его музу замолчать, «изъ руки выпало перо, засохла нива моей Африки», отъ которой давно отстранился усталый пахарь ³⁾. Онъ посылаетъ *Барбату* отрывокъ своихъ *rime sparse* (*institutū exiguam sparsim tibi mittere partem sagminis*), свидѣтельство его раннихъ увлеченій, котораго теперь стыдится. *Лаура* скончалась, и онъ жалбеть о тѣхъ, кто сгораеть любовью. Давно нѣтъ и *Роберта*, но гробница не все беретъ съ собою; живетъ любовь, жива печаль—и въ концѣ посланія поэтъ выражаетъ надежду, что его муза еще посѣтитъ, быть можетъ, друга, гордая, въ сіяніи побѣды ⁴⁾. Она состарилась подъ гнѣтомъ заботъ, писалъ онъ *Боккаччо* ⁵⁾ и жаловался, что «Африка» принесла ему незаслуженные лавры, но не умножила ни его знанія, ни краснорѣчія, лишь умножила зависть ⁶⁾.

Пророчество *Эннія* не сбывалось. Когда у *Петрарки* кто-то попросилъ его стиховъ, онъ отвѣчалъ отказомъ; къ нему, повидимому, обратились, какъ къ латинскому поэту, на это указываютъ аллюзіи на *Верону*, *Мантую* и *Арунку*, гдѣ родились *Виргилій*, *Катуллъ* и

¹⁾ Ep. poet. II, 19.

²⁾ Fam. VII, 18, 1348 г.; X, 4, того же года; XII, 7, XIII, 7, 11—всѣ 1352 г.

³⁾ Ep. poet. III 10.

⁴⁾ Ep. poet. I, 1.

⁵⁾ Sen. II, 1.

⁶⁾ Sen. XVI, 2.

Луцилій. Не касалась ли просьба отрывка изъ «Африки»? Онъ отвѣчалъ: «если бъ я не покидалъ пещеру, гдѣ вѣщалъ Аполлонъ, у Флоренціи былъ бы свой поэтъ, не только у Вероны, Мантуи и Арунки. Но такъ какъ моя нива не зеленѣетъ болѣе отъ влаги этой (Касталійской) скалы, мнѣ предстоитъ слѣдовать за другой звѣздой и на своемъ полѣ косить лишь колючки и лопухъ. Засохла олива и въ иную сторону обратились воды Парнаса, отъ которыхъ она когда-то цвѣла. Такъ злая судьба или моя вина лишаютъ меня плода моихъ трудовъ, если не прольется на меня милость предвѣчнаго Зевса» (сон. 133).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Веселовскій.

Свобода союзовъ.

Изъ всѣхъ пробѣловъ французской деклараціи «правъ чловѣка и гражданина» 1789 г. ни одинъ не бросается въ глаза такъ сразу, какъ полное отсутствіе упоминанія о свободѣ и правѣ союзовъ; и характеренъ онъ тѣмъ болѣе, что это было не простое забвеніе, а сознательное ощущеніе. Нѣкоторые французскіе изслѣдователи имѣли въ виду доказать парадоксальный тезисъ, будто содержаніе деклараціи взято цѣликомъ изъ Руссо; они потерпѣли неудачу, но именно въ этомъ пунктѣ можно найти совпаденіе: народный суверенитетъ «Общественнаго договора» не допускаетъ союзовъ, ибо, по словамъ Руссо, «для полнаго проявленія общей воли важно, чтобы не было частичныхъ союзовъ въ государствѣ и чтобы каждый гражданинъ голосовалъ, слѣдуя лишь своимъ убѣжденіямъ». Въ кругѣ идей, примыкающихъ къ деклараціи, всякій союзъ нарушаетъ и полновластіе государства и свободу гражданъ, и по этимъ обѣимъ причинамъ есть нѣчто нежелательное. Вдумываясь въ политическую психологію Національнаго собранія, мы убѣждаемся, насколько яркой чертой проходитъ чрезъ нее ненависть къ *esprit de corps*. «Неблагоразумно и несчастно то государство,—писалъ Андре Шенье,—въ которомъ создаются различныя ассоціаціи и коллективныя тѣла, члены которыхъ проникнуты духомъ и интересами, отличными отъ духа и интересовъ цѣлаго. Счастлива страна, гдѣ нѣтъ другихъ ассоціацій, кромѣ государства, другого коллективнаго тѣла, кромѣ отечества, другого интереса, кромѣ общаго блага». Такое отношеніе къ праву ассоціацій, проявившееся между прочимъ и въ революціонномъ законодательствѣ противъ рабочихъ союзовъ, дало одинъ изъ главныхъ аргументовъ для оцѣнки чисто-буржуазнаго характера великой революціи,—оцѣнки, которую мы встрѣчаемъ у социалистическихъ писателей; съ другой стороны, и клерикалы, рисуя планъ общественной реформы, не забывали упомянуть о разрушительномъ и анти-соціальномъ дѣйствіи революціи, которая на мѣсто уничтоженныхъ

корпорацій не дала ничего и отдала трудящіяся массы на жертву эксплуатаціи.

Несомнѣнно однако, что здѣсь революціонное законодательство шло по путямъ, которые проложила еще абсолютная монархія. Судьбы этой монархіи тѣсно сплетены съ побѣдами надъ корпоративнымъ началомъ, столь типичнымъ для средневѣковаго быта. «О враждебномъ государству направленіи союзовъ, — говоритъ Гирке, характеризуя этотъ бытъ, — не можетъ быть и рѣчи: не существовало самаго государства, которому они могли бы себя противопоставлять, а напротивъ, союзное начало лежало въ основѣ государственныхъ соединеній (городовъ, округовъ) и содѣйствовало созданію областей» ¹⁾. Мѣсто, занимаемое человекомъ въ средневѣковомъ государствѣ, и опредѣлялось преимущественно его принадлежностью къ тому или другому союзу, а не его отношеніемъ къ носителю высшей государственной власти. Именно этому противорѣчило воззрѣніе, столь прочно укоренившееся въ эпоху абсолютной монархіи, что союзъ есть государство въ государствѣ. Правительство, вышедшее изъ революціи, столь же мало, какъ и Людовикъ XIV, соглашалось поступиться чѣмъ-нибудь изъ государственнаго суверенитета; отождествленіе же этого послѣдняго съ суверенитетомъ народнымъ какъ бы отнимало у него деспотическій характеръ: всякая преграда всемогуществу власти есть нарушеніе воли самодержавнаго народа, т.-е. ограниченіе его свободы. Сверхъ того, для создателей новаго порядка въ историческихъ корпораціяхъ всего ярче воплощались начала неравенства и несвободы, режимъ крѣпостныхъ отношеній и привилегій.

Опытъ быстро показалъ, какія серьезныя послѣдствія влечетъ за собой отрицаніе права союзовъ государственной властью, и въ настоящее время трудно было бы себѣ представить изданіе деклараціи, которая умалчивала бы объ этой свободѣ. Однако осуществленіе ея оказалось весьма различнымъ въ различныхъ государствахъ Западной Европы. Въ Англіи признаніе свободы союзовъ совершилось не безъ борьбы, но восторжествовалъ взглядъ, усвоенный не только политической моралью, но и законодательствомъ: право союзовъ есть продолженное, такъ сказать, индивидуальное право; нарушеніе его есть нарушеніе индивидуальной свободы. Правительство принимало мѣры противъ опредѣленной группы ассоціацій, но никогда оно не оспаривало самаго принципа этого права. Въ настоящее время утрата свободы союзовъ являлась бы чѣмъ-то психологически невозможнымъ въ Англіи, какъ невозможна была

¹⁾ Deutsches Genossenschaftsrecht, I, 299.

бы тамъ предварительная цензура для книгъ и газетъ. Нигдѣ ассоціація не получила такого значенія національнаго института политической жизни, какъ въ Англіи.

Великъ въ этомъ отношеніи контрастъ между двумя берегами Ламанша: великъ онъ болѣе всего въ нравахъ и чувствахъ. Во Франціи прочно укоренилась традиція государственной власти смотрѣть на союзы и ассоціаціи съ точки зрѣнія не права отдѣльныхъ гражданъ, а тѣхъ препятствій и затрудненій, которыя могутъ происстечь для правительства изъ наличности союзовъ; и эта традиція недовѣрія и подозрительности всплываетъ при самыхъ различныхъ политическихъ формахъ. Знаменитыя статьи 291—294 Code pénal запрещали и признавали наказуемыми всякіе союзы, въ которые входитъ больше двадцати лицъ, разъ они составлены безъ разрѣшенія начальства. Когда на развалинахъ іюльской монархіи создавалась республика, эти ограниченія были отмѣнены, но не падали; уже 24 іюля 1848 г. ввели новыя ограниченія для образованія союзовъ. Страхъ ассоціацій—клерикальныхъ и социалистическихъ, правыхъ и лѣвыхъ—проникаетъ всю новѣйшую исторію Франціи: поучителенъ въ ней параллелизмъ крайняго стѣсненія легальныхъ ассоціацій и широкаго развитія нелегальныхъ.

Въ Германіи не выработалось такого послѣдовательнаго взгляда на союзы: ограниченія въ этой области, весьма значительныя, скорѣе связаны съ ревнивой охраной правительственной власти отъ дальнѣйшихъ уступокъ народному представительству. Германія не есть страна политически свободная въ той мѣрѣ, какъ Франція и Англія, и насъ не удивитъ здѣсь контрастъ въ положеніи политическихъ и неполитическихъ союзовъ. Но, какъ ни велики эти различія, все же это различія въ степени. Свобода союзовъ неизгладимо вписана въ грамату основныхъ правъ, которую современное политически-свободное государство выдаетъ гражданамъ: она стоитъ тамъ въ почетномъ сосѣдствѣ со свободой слова и совѣсти.

Совершенно неоспорима логическая послѣдовательность, которая требуетъ признанія свободы союзовъ, разъ признано за отдѣльнымъ членомъ общества право встрѣчаться съ себѣ подобными, обмѣниваться мыслями и чувствами съ ними. Свобода собраній *implicite* включаетъ свободу союзовъ, ибо постоянно повторяющееся собраніе превращается въ союзъ: приобрѣтаетъ ли послѣдній качество юридическаго лица—это уже вопросъ особый, не вытекающій изъ идеи ассоціаціи. Но декларации правъ менѣе опасаются опущеній, чѣмъ логическихъ плеоназмовъ, и вотъ почему рядомъ съ

droit de réunion появляется droit d'association, съ Verein—Versammlungsrecht. Государственная власть въ отдѣльныхъ собраніяхъ еще не видитъ посягательства на собственное всемогущество, но она уже предчувствуетъ его въ союзахъ. И если всякое общественное отношеніе мѣрится тѣмъ, насколько при немъ расширяется или суживается область безпрепятственнаго дѣйствія правительства, такое недовѣріе основательно. Къ счастью, это мѣрило не единственное. Механическое расширение правительственной власти отнюдь не соотвѣтствуетъ необходимости органически приспособить ее къ болѣе сложнымъ и широкимъ задачамъ. Легче въ извѣстномъ смыслѣ управлять «людской пылью»—населеніемъ безъ правъ и безъ взаимныхъ связей, какъ легче управлять въ завоеванной странѣ, чѣмъ въ самостоятельной; но если цѣли государственной власти лежатъ за предѣлами ея самосохраненія, если она преслѣдуетъ извѣстныя культурныя цѣли, то она должна опираться на организованныя общественныя группы. Таковыми могутъ являться или исторически сложившіяся тѣла, сословныя и корпоративныя, или вновь образованныя для поставленныхъ цѣлей союза. Велика цѣпкость историческихъ соединеній: сословныя воспоминанія могутъ поддерживать связь между общественными элементами, весьма чуждыми другъ другу по своимъ социальнымъ интересамъ, и все-таки эти сословныя соединенія обречены на гибель: жизнеспособно лишь то, что гибко и приспособлено къ постоянно ускоряющемуся перемѣщенію социальныхъ силъ. Единственное средство организовать общество въ современномъ государствѣ XX вѣка дается свободой союзовъ; конечно, недостаточно провозгласить ее, какъ отвлеченный правовой принципъ: необходимо еще созданіе глубокихъ навыковъ и потребностей въ этой свободѣ. Государственная мудрость предписываетъ всячески содѣйствовать развитію подобныхъ навыковъ и потребностей: лишь въ этомъ случаѣ общество не будетъ отдано во власть стихійныхъ настроеній, въ немъ явится устойчивость, оно крѣпко и прочно войдетъ въ рамки легальной свободы и легальнаго порядка.

Удовлетвореніе въ средѣ даннаго общества различныхъ материальныхъ и духовныхъ потребностей находится также въ тѣснѣйшей зависимости отъ привычки къ образованію союзовъ и отъ легкости, съ которой они могутъ образовываться. Въ современномъ обществѣ чуть ли не главная роль талантливаго организатора въ какой угодно отрасли и состоитъ въ его способности сплотивать вокругъ себя людей—создавать союзъ. Если государство противодействуетъ этой потребности, оно останавливаетъ драгоцѣнный источникъ національной энергіи. Тѣ, кто читаѣтъ интересную книгу

г. Прокоповича о кооперативномъ движеніи въ Россіи, не могли не остаться подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ того, какъ недовѣріе государственной власти ко всякимъ союзамъ гибельно отражается на развитіи этихъ столь важныхъ формъ экономической самодѣятельности. Государство, ослабляя въ этомъ отношеніи общество, само принуждено брать на себя непосильныя задачи — насаждать промышленность, организовывать кредитъ и т. п. Такія бюрократическія насажденія всегда рискуютъ оказаться искусственными и случайными. Никакая просвѣтительная дѣятельность государства не замѣнитъ свободной общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія, а энергія этой инициативы, можно сказать, прямо пропорціональна легкости, съ которой возникаютъ разные просвѣтительные союзы. Безспорно, въ смыслѣ культурной дѣятельности государства наиболѣе цѣлесообразнымъ надо признать явочный порядокъ для открытія всякихъ союзовъ.

Болѣе сложенъ вопросъ о приобрѣтеніи союзами качества юридическихъ лицъ; но и здѣсь болѣе опасно излишнее недовѣріе, чѣмъ политика *laissez faire*. Законодательству западноевропейскихъ народовъ всегда былъ присущъ страхъ передъ накопленіемъ имущества у подобныхъ союзовъ: воображенію всегда рисовалась «мертвая рука» католической церкви. Быть можетъ, и вообще страхъ передъ союзами, какъ «государствами въ государствахъ», въ значительной степени покоился на опытахъ столкновенія съ церковью. Католицизмъ какъ бы монополизировалъ для себя выгоды, проистекающія изъ корпоративной организаціи; но средства противъ этой монополіи заключаются, конечно, не въ созданіи монополіи государственной, неизбѣжно обращающейся въ бюрократическую.

Словомъ, для свободы союзовъ не должно быть другого предѣла, кромѣ законности ихъ цѣли. За что преслѣдуется отдѣльное лицо, то, очевидно, недопустимо и для ассоціаціи лицъ. Вопросъ уголовной политики — рѣшить, насколько должна усиливаться кара за такія дѣйствія, коллективный характеръ которыхъ дѣлаетъ ихъ особенно вредоносными для общества; но все незапрещенное для индивидуума должно быть открыто и для союза. Разъ такой принципъ установленъ, очевидно, не можетъ быть, на примѣръ, и рѣчи о наказуемости стачекъ, и если свобода стачекъ выдѣляется изъ свободы союзовъ и упоминается отдѣльно, то это дѣлается, конечно, не въ угоду логикѣ, а въ виду особенно крупныхъ социальныхъ интересовъ, связанныхъ съ правомъ стачекъ или съ его недопущеніемъ.

Наконецъ, и съ точки зрѣнія государственнаго порядка и безопасности широкое право союзовъ можетъ быть только желатель-

нымъ. Подавленіе общественныхъ потребностей не есть ихъ искорененіе; при отсутствіи легальныхъ союзовъ получаютъ самое широкое развитіе въ современномъ государствѣ нелегальные. При этомъ наибольшая энергія въ ихъ образованіи, наиболѣе конспиративный характеръ обнаруживается именно среди крайнихъ политическихъ отбѣнокъ и партій. Часто именно благодаря общей дезорганизованности онѣ, дѣйствуя въ сплоченныхъ и дисциплинированныхъ союзахъ, получаютъ значеніе, далеко не пропорціональное ихъ дѣйствительному вѣсу и мѣсту, занимаемому среди другихъ общественныхъ элементовъ. Мы уже не говоримъ о постоянно возрастающемъ чувствѣ раздраженія противъ тѣхъ стѣсненій, которыя налагаютъ власть на общественную инициативу. Въ общемъ и для прочности и авторитета государственнаго порядка, не говоря уже о соотвѣтствіи его лежащимъ на немъ задачамъ, всѣ злоупотребленія свободой союзовъ несравненно менѣе опасны, чѣмъ ея отсутствіе.

Интересы государственной власти не могутъ для насъ всецѣло закрывать интересы отдѣльнаго гражданина, и мы, быть можетъ, въ правѣ болѣе опасаться небезопасности вторыхъ, чѣмъ первыхъ. Росту государственнаго всемогущества, составляющаго нормальную черту переживаемаго нами историческаго періода, соотвѣтствуютъ возрастающія притязанія индивидуума; но государство вооружено всѣми средствами новѣйшей техники, доведеннымъ до совершенства бюрократическимъ механизмомъ: у него въ распоряженіи огромныя матеріальныя и немалыя духовныя силы. Что остается у отдѣльнаго гражданина, кромѣ нравственнаго сознанія своей личности да нѣсколькихъ параграфовъ деклараціи правъ, которую узаконяетъ государство? Скажутъ, что у него есть нѣчто предохраняющее отъ порабощенія государственной власти. Это—выборный бюллетень, та прямая связь, которая соединяетъ его съ народнымъ представительствомъ. Тамъ, гдѣ признано и введено всеобщее право голоса, какъ будто стирается демаркаціонная черта, отдѣляющая государственное полномочіе и право индивидуума: каждый членъ государства есть въ извѣстной мѣрѣ участникъ этой власти.

Слова нѣтъ, народное представительство есть важная гарантія, тѣмъ болѣе могучая, чѣмъ на болѣе широкомъ базисѣ оно основано. И однако опытъ показываетъ, что избирательный бюллетень еще далеко не есть достаточное оружіе, утверждающее индивидуальное право. Слишкомъ непостоянна и случайна связь избирателя и представителя: за недѣлями выборной агитаціи и днями выбора слѣдуютъ годы, когда избиратель обращается въ простого свидѣтеля дѣйствій своего избранника. Неудачныя попытки возродить

mandat impératif обязаны своимъ происхожденіемъ именно этому сознанию недостаточной связи представителя и представляемыхъ. Болѣе дѣйствительнымъ оказывается референдумъ, т.-е. передача отдѣльныхъ законовъ на рѣшеніе не представителей, а всего населенія. Но и это исключеніе: въ обычные дни своей жизни въ самыхъ передовыхъ демократіяхъ гражданинъ является не носителемъ суверенитета, а объектомъ правительственной власти. Что можетъ онъ противопоставить растущей силѣ государственнаго механизма?

Здѣсь лежитъ великая роль союзовъ: они становятся между общественными атомами и государствомъ. Индивидуальнымъ стремленіямъ оберегать свое право и свой интересъ они даютъ всю силу коллективной поддержки; и если безсиленъ отдѣльный гражданинъ, то союзъ уже принуждаетъ государство считаться съ собой.

Естественно, право союзовъ особенно драгоцѣнно для всякаго политическаго меньшинства: солидарность можетъ до извѣстной степени возмѣщать недостатокъ количественныхъ силъ. Отсюда и роль, выпадающая на долю организованнаго меньшинства—религіознаго, національнаго и т. п.—въ данномъ политическомъ тѣлѣ: она часто далеко не соотвѣтствуетъ численности этого меньшинства. Съ этой стороны свобода союзовъ есть главная опора индивидуальнаго права и свободы и главная потребность всякой общественной группы, не владѣющей большинствомъ и всегда рискующей испытать на себѣ тяжелую руку этого большинства. Безъ нея для меньшинства нѣтъ ни обезпеченной свободы совѣсти, ни свободы слова: печальный историческій опытъ слишкомъ настойчиво напоминаетъ, насколько трудно сохранить терпимость къ иначе мыслящимъ и иначе говорящимъ для тѣхъ, кто стоитъ у кормила власти; какъ либеральные лозунги и призывы къ общей, равной для всѣхъ свободѣ смѣняются требованіемъ единомыслія и единогласія. И если во Франціи индивидуальная свобода подвергается до сихъ поръ весьма существеннымъ ограниченіямъ, то одна изъ главныхъ причинъ лежитъ здѣсь въ исторически сложившейся слабости союзовъ и въ непривычкѣ ими пользоваться. Мы уже не говоримъ, насколько необходима эта свобода для индивидуума, преслѣдующаго матеріальные и культурные интересы. Отказать ему въ ней значитъ лишить его возможности проявить самыя цѣнныя свойства его личности, лишить его самоопредѣленія.

Таково это драгоцѣнное пріобрѣтеніе правового государства. И если будущее развитіе общества представить, съ одной стороны, ростъ все болѣе напряженной и многообразной государственной

дѣятельности, а съ другой—расширеніе и углубленіе индивидуальнаго самосознанія, то союзы все болѣе и болѣе станутъ спасательными буферами, смягчающими столкновенія этихъ силъ. Они не позволятъ ни государству принять обликъ гоббсовскаго Левиаэана, ни индивидууму замкнуться въ самодовлѣющемъ эгоизмѣ. Здѣсь дана возможность разрѣшенія противорѣчія современнаго государства. И если сословныя и корпоративныя связи упорно противостоятъ дѣйствию времени и накопляютъ цѣнныя навыки солидарности, то весь капиталъ этихъ навыковъ долженъ перевоплотиться въ свободныя ассоціаціи. Какъ въ суровой борьбѣ народовъ за лучшее «мѣсто подъ солнцемъ», такъ и въ мирномъ соревнованіи ихъ по пути общечеловѣческой культуры спокойнѣе всѣхъ можетъ взирать на свое грядущее именно та нація, которая признала за своими сочленами наиболѣе широкую свободу союзовъ и привила наиболѣе глубокую потребность пользоваться ею.

С. Котляревскій.

Декларация правъ челоуѣка и гражданина.

Нѣсколько замѣчаній по поводу выхода въ свѣтъ русскаго перевода брошюры Йеллинека „Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte“.

Брошюра Йеллинека появляется на русскомъ языкѣ какъ разъ въ то время, когда въ нашемъ обществѣ замѣчается живѣйшій интересъ къ вопросу о правахъ челоуѣка и гражданина. Въ исторіи каждаго государства долженъ рано или поздно наступить моментъ пересмотра и переоцѣнки всѣхъ гражданскихъ отношеній съ точки зрѣнія свободы и правъ личности, и такой моментъ переживаемъ теперь мы. Права челоуѣка и гражданина—вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ должно быть построено новое русское государственное зданіе. Отсюда, изъ развитія и укрѣпленія правъ личности, ея свободы и самодѣятельности, должно получить русское общество новыя силы для дальнѣйшаго историческаго созиданія.

Брошюра Йеллинека не ставитъ вопроса о правахъ свободы во всемъ объемѣ его теоретическаго и практическаго значенія. Ея цѣль иная—показать, какъ исторически сложилась идея природенныхъ и неотчуждаемыхъ правъ личности. Но разъясненіе этой стороны вопроса само по себѣ глубоко поучительно и приводитъ къ нѣкоторымъ важнымъ и практическимъ, и теоретическимъ заключеніямъ.

Обыкновенно принято говорить, что права личности всего прочнѣе утверждаются не законодательными актами, а общественными нравами—широко развитымъ въ обществѣ взаимнымъ признаніемъ у всѣхъ и каждаго челоуѣческаго достоинства и правъ. Съ этимъ можно согласиться безъ дальнѣйшихъ споровъ, но нельзя съ этому не прибавить, что законодательное признаніе правъ свободы, облеченное въ форму торжественнаго всенароднаго акта, предполагаетъ уже нѣкоторую глубокую жизненную перемѣну и камо по себѣ имѣетъ огромное значеніе.

Возможно представить себѣ такой порядокъ вещей, что сфера свободы, предоставляемой отдѣльнымъ лицамъ, является состояніемъ фактическимъ, молчаливо признаваемымъ государствомъ: власть не въ силахъ воспрепятствовать самоутвержденію личности. Въ древне-греческомъ государствѣ индивиду, несомнѣнно, принадлежала извѣстная сфера свободнаго и независимаго отъ государства проявленія, но эта сфера совершенно не была закрѣплена за нимъ путемъ законовъ и при помощи юридическихъ гарантій. Самая идея правъ человѣка и гражданина лишь слегка была намѣчена въ греческихъ ученіяхъ, главнымъ образомъ у софистовъ. Необходимы были особыя столкновенія между государствомъ и личностью, и притомъ въ области особенно дорогой и священной для человѣка, для того, чтобы личность почувствовала всю безконечную важность своей свободы и всю необходимость ея утвержденія, какъ неотемлемаго и неприкосновеннаго своего достоянія. Такой областью явилась свобода духа, свобода мысли, вѣры и совѣсти.

Теллинекъ превосходно и убѣдительно разъяснилъ, что въ новое время утвержденіе идеи неотчуждаемыхъ правъ явилось не результатомъ какихъ-либо отвлеченныхъ теорій, а прежде всего слѣдствіемъ жизненной борьбы за религіозную свободу. Здѣсь впервые личность заявила свой суверенный индивидуализмъ и отсюда вытекло «требованіе и признаніе полной, неограниченной свободы совѣсти, а затѣмъ убѣжденіе, что эту свободу можно отстаивать, какъ право, которое не даровано какою-либо земною властью и которое поэтому не можетъ быть ограничено никакою земною властью». «Установить законодательнымъ путемъ рядъ неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ, священныхъ правъ индивида—это мысль не политическаго, а религіознаго происхожденія; что до сихъ поръ считали послѣдствіемъ революціи, на самомъ дѣлѣ было плодомъ реформаціи и вызванной ею борьбы».

Вотъ та практическая почва, на которой выросла идея неотчуждаемыхъ правъ личности. Несомнѣнно, что здѣсь имѣли значеніе и работа теоретической мысли, и въ особенности естественно-правовыя представленія объ изначальныхъ правахъ индивида. Но эти представленія стали могущественной жизненной силой и послужили основой для новыхъ политическихъ отношеній только въ связи съ непреодолимымъ и настойчивымъ требованіемъ вѣроисповѣдной свободы. Это требованіе явилось отправнымъ положеніемъ, исходя изъ котораго опредѣлили затѣмъ и другія права свободы, какъ-то: свободу слова и печати, свободу союзовъ и собраній и, наконецъ, какъ необходимое завершеніе и гарантію этихъ правъ—

требованіе о допущеніи отдѣльныхъ лицъ къ участию въ государственной дѣятельности.

Такъ подготовлено было представленіе о государствѣ, какъ союзѣ свободныхъ и равныхъ людей, въ которомъ власть имѣетъ свою естественную границу—въ правахъ отдѣльныхъ лицъ. Въ 1764 г. въ Бостонѣ появилось сочиненіе Джемса Отиса о правахъ англійскихъ колоній, въ которомъ доказывается, что *права поселенцевъ отнюдь не основаны только на дарованіи ихъ правительствомъ*. «Быть можетъ придетъ время, когда парламентъ отмѣнитъ всѣ американскія хартіи; но этимъ никоимъ образомъ не могли бы считаться уничтоженными также права каждаго поселенца, какъ человѣка и гражданина, права, которыя предоставлены ему самою природой, какъ человѣку, и которыя не могутъ быть отдѣлены отъ его личности. Какая бы судьба ни постигла хартіи, *эти права не могутъ быть уничтожены до страшнаго суда*». Въ этихъ словахъ Отисъ ясно сформулировалъ ученіе о правахъ лицъ, какъ таковыхъ, о правахъ, неразрывно связанныхъ съ человѣческой природой и составляющихъ естественную преграду проявленію государственной власти. Это воззрѣніе, выросшее на американской почвѣ, перешло затѣмъ въ законодательные акты и чрезъ французскую декларацію вошло въ общее сознаніе культурныхъ народовъ.

Въ юридической литературѣ и до сихъ поръ существуетъ направление, согласно которому государство обладаетъ всемогущей правообразующей силой. Граждане получаютъ отъ него свои права, въ видѣ дара или милости. Но это ученіе, которое мнитъ себя единственно-научнымъ и юридически правильнымъ, на самомъ дѣлѣ есть лишь продуктъ воззрѣній, создавшихся въ эпоху абсолютнаго государства. Въ тѣхъ общественныхъ союзахъ, изъ которыхъ выросло современное государство, лицо имѣло совершенно иное значеніе, не подчиненное, а самостоятельное. Государства патримоніальныя и вольныя общины средневѣковаго міра исходили изъ началъ частнаго права лицъ, а не абсолютнаго права государства. Отзвукомъ и воспоминаніемъ объ этихъ прежнихъ вольностяхъ явились естественно-правовыя ученія о договорномъ происхожденіи государства и изначальныхъ правахъ лицъ. Въ данномъ случаѣ эти ученія стояли на исторической почвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ выражали глубочайшее требованіе нравственнаго сознанія, которое не могло быть заглушено никакими вліяніями эпохи абсолютнаго государства.

Государство не можетъ отрицать самобытнаго значенія лицъ, не отрицая своей нравственной основы. Ученіе, приписывающее

государству значеніе самостоятельной личности, съ своими особыми и самостоятельными цѣлями, идетъ противъ этого нормальнаго нравственнаго отношенія между лицомъ и государствомъ; и если оно хочетъ быть болѣе чѣмъ юридической фикціей и превращаетъ государство въ самостоятельную реальность, оно является угрозой той основѣ, на которой въ концѣ-концовъ утверждается и крѣпость самого государства.

Права свободы, права челоѵка и гражданина—это альфа и омега нормальнаго государственнаго устройства. Въ этого нѣтъ правового государства въ истинномъ смыслѣ слова. И когда въ исторіи государства совершается торжественный актъ провозглаше-

По независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ статья профессора В. И. Вернадскаго „Ближайшія задачи академической жизни“ не могла быть напечатана въ настоящемъ выпускѣ журнала.

Мильтонъ какъ апологетъ свободы слова.

Мильтонъ извѣстенъ широкой публикѣ какъ авторъ поэмы «Потерянный и возвращенный рай». А между тѣмъ онъ былъ не только поэтомъ: въ его пылкой душѣ съ гениемъ поэтического творчества сочетался талантъ публициста, стяжавшій ему бессмертную славу въ исторіи политическихъ ученій. Его жизнь совпадаетъ съ бурнымъ вѣкомъ борьбы англійскаго народа за свободу. Возникшее на почвѣ реформаціи религиозное движеніе пуританъ въ срединѣ XVII вѣка приходитъ въ столкновение съ абсолютизмомъ Стюартовъ. Послѣ 11-тилѣтнаго деспотическаго управления страной послѣдній Стюартъ, Карль, вынужденъ былъ вступить въ борьбу съ своимъ народомъ, результатомъ которой на первыхъ порахъ было господство пресвитеріанъ въ парламентѣ. Но торжество пресвитеріанъ не могло продолжаться долго. Пуританизмъ явился протестомъ противъ официальной церкви, навязанной англійскому народу еще Тюдорами. Но какъ только пуританизмъ сдѣлался господствующей партіей, онъ тотчасъ обнаружилъ свое внутреннее противорѣчіе. Борясь за свободу духа, пуритане стали на путь того самаго насилія, которое они такъ осуждали въ епископальной церкви. Идея религиозной свободы осталась имъ чуждой. Не удивительно поэтому, что изъ среды лучшихъ людей того времени вышелъ протестъ противъ пресвитеріанства, выразившійся въ тѣхъ безчисленныхъ сектахъ, которыя въ такомъ изобиліи возникаютъ въ концѣ первой половины XVII вѣка и вступаютъ въ борьбу съ пресвитеріанами. Среди нихъ индепенденты, доставившіе парламенту побѣду надъ королевскими войсками, занимаютъ первое мѣсто. Литературнымъ вождемъ ихъ является Мильтонъ.

Въ развивающемся индепендентствѣ пресвитеріанамъ мерещился призракъ ереси, которую необходимо было уничтожить. Не успѣло такимъ образомъ пресвитеріанство сложиться въ систему, какъ духъ нетерпимости далъ себя знать. Первымъ пунктомъ ихъ столкновения съ индепендентами былъ вопросъ о свободѣ слова. Въ одномъ

изъ своихъ памфлетовъ Приннъ открыто нападаетъ на индепендентовъ, усматривая въ корнѣ ихъ ученія «фарисейскую гордость, тщеславное уединеніе, самодовольство своей святостью, заставляющее ихъ считать себя глубоко святыми, благословенными и религиозными среди всѣхъ другихъ, которыхъ они не считаютъ достойными уваженія и совершенно исключаютъ изъ своей церкви»¹⁾. Онъ призывалъ парламентъ принять мѣры противъ развившагося сектантства, защищая ту мысль, что нація можетъ установить обязательнымъ какое угодно вѣроисповѣданіе, если она признаетъ его истиннымъ. Вліяніе Принна было неотразимо и его настроеніе легко передавалось въ массы²⁾. Однимъ изъ главныхъ орудій распространенія индепендентства было печатное слово. Противъ него-то теперь и ополчился пресвитеріанскій парламентъ. Въ 1644 году состоялось парламентское постановленіе, предписывавшее, «чтобы ни одна книга, ни одинъ памфлетъ, ни одинъ листъ не былъ напечатанъ безъ требуемаго цензурнаго разрѣшенія». Конечно, учрежденіе цензуры не было новостью въ Англіи въ это время. Не говоря уже о среднихъ вѣкахъ, въ правленіе Маріи Кровавой, во время гоненія ея противъ протестантовъ, въ Англіи была организована особая корпорація чиновниковъ (Stationar's Company), на обязанности которыхъ лежало преслѣдовать и уничтожать выходившія въ свѣтъ книги, вредныя съ точки зрѣнія правительственныхъ интересовъ. При Елизаветѣ этотъ институтъ цензуры продолжалъ существовать, при чемъ въ провинціи право цензурнаго надзора было передано въ руки университетовъ. Но никогда дѣятельность цензуровъ не достигала такой степени усердія, какъ во времена Лоуда, когда въ его рукахъ сосредоточился главный цензурный надзоръ, а дѣятельность цензурнаго комитета по настоянію самого Лоуда была санкціонирована особымъ указомъ Звѣздной Палаты, вѣдавшей всѣ дѣла по нарушенію цензурныхъ правилъ. Если принять во вниманіе, что цензурная опека не ограничивалась одними только книжными произведеніями, а распространялась на произведенія художественныя, музыкальныя и привозимыя изъ-за границы книги, то можно себѣ представить, какимъ сильнымъ орудіемъ являлась цензура въ рукахъ всемогущаго архіепископа.

Въ 1640 году собрался знаменитый Долгій Парламентъ. Первымъ дѣломъ революціоннаго парламента была отмѣна всякихъ цензурныхъ стѣсненій. Но не долго англичане пользовались этой свободой слова. Едва парламентъ почувствовалъ за собой силу, какъ

¹⁾ British Museum. Twelve considerable serious questions touching Church Government, стр. 7.

²⁾ S. Gardiner, History of the great Civil war, II, 67.

вновь явились тѣ же самыя правила о печати, которыя своею суровостью нисколько не уступали строгостямъ Лоуда. 29 января 1642 года цензурный комитетъ уже былъ возстановленъ, а 9 марта 1643 года по постановленію парламента была уже организована особая комиссія (Committee of Examination), которой было предоставлено право «производить обыски, перехватывать и уничтожать возмутительные вредные памфлеты». Въ іюнѣ того же года послѣдовало новое распоряженіе парламента, которымъ уничтожались сложившіяся цензурныя стѣсненія, вводился институтъ цензора, избираемаго парламентомъ, а на цензурный комитетъ возлагалась обязанность вести «особую регистрацію всѣхъ печатающихся произведеній, наказывать самого автора и уничтожать самыя книги».

За нѣсколько дней до этого постановленія парламента Мильтонъ выпустилъ въ свѣтъ свою брошюру «о бракѣ» безъ цензурнаго разрѣшенія и даже безъ подписи своего имени. Вскорѣ послѣдовало новое изданіе, но уже за подписью автора. Наконецъ, въ третій разъ брошюра была представлена въ комитетъ вмѣстѣ съ другою брошюрой, которая была признана цензурнымъ комитетомъ еретической, а самъ авторъ былъ обвиненъ въ распространеніи еретическихъ сочиненій. Только благодаря тому, что Мильтонъ былъ извѣстенъ, какъ сторонникъ парламентской партіи, комитетъ оправдалъ его¹⁾.

Можно легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела вся эта исторія на пылкаго Мильтона. Возмущенный насиліемъ цензурнаго комитета, онъ пишетъ памфлетъ подъ названіемъ «Ареопагитика», въ которомъ изливаетъ свое негодованіе по поводу инцидента съ цензурой. Въ самомъ началѣ памфлета, появившагося въ свѣтъ въ 1644 году, Мильтонъ заявляетъ, что онъ добивается отмѣны «того распоряженія правительства, которое преслѣдуетъ честныхъ и трудолюбивыхъ людей, никого не оскорбляющихъ изъ честныхъ лицъ, которое преслѣдуетъ всякую смѣлость заниматься наукой и распространеніемъ истины, лишаетъ ихъ возможности совершенствоваться, приостанавливая открытія, которыя могли быть сдѣланы на поприщѣ религіознаго и свѣтскаго знанія». «Я не отрицаю,—продолжаетъ Мильтонъ,—что и для государства въ высшей степени важно имѣть надзоръ надъ книгами такой же, какъ и надъ людьми, и вредныхъ изъ нихъ слѣдуетъ лишать свободы, помѣщать въ тюрьмы и жестоко наказывать, потому что въды книги тоже не есть что-то совершенно мертвое: онѣ содержатъ въ себѣ жизненную силу; въ нихъ, какъ въ сосудѣ, содержится

¹⁾ Stern, Milton und seine Zeit, 308.

экстрактъ произведшаго ихъ живого разума. Я знаю, что онѣ обла- даютъ могучими и жизненными силами, какъ зубы того сказочнаго дракона, изъ которыхъ выходятъ вооруженные люди. Съ другой стороны, я знаю также, что уничтоженіе книжки уподобляется смерти человѣка, убиваетъ человѣка, убиваетъ разумное созданіе, подобіе Божіе; кто уничтожаетъ хорошую книгу, убиваетъ самый разумъ, дѣйствительное истинное подобіе Господа»¹⁾).

Поэтому, признавая, что нѣкоторыя книги могутъ быть вредны, Мильтонъ все-таки осуждаетъ цензуру, какъ ненужное и даже вредное учрежденіе. Если предположить, говоритъ онъ, что читатель можетъ почерпнуть изъ книгъ что-нибудь дурное, то возникаетъ вопросъ: чѣмъ долженъ руководствоваться цензоръ при оцѣнкѣ книгъ? Вѣдь сама библія содержитъ много такого, что можетъ способствовать развитію дурныхъ наклонностей человѣка и даже безбожія. Но развѣ преступныя наклонности человѣка развиваются только отъ чтенія однихъ книгъ? Мильтонъ хочетъ оправдать книгу; онъ хочетъ доказать, что зло, возникающее отъ чтенія книгъ, создается не книгой, а самимъ человѣкомъ, читающимъ ее. «Если принять за истину,—продолжаетъ онъ,—что умный человѣкъ, подобно металлургу, можетъ извлечь золото изъ всякаго рода книжныхъ шлаковъ, а глупый человѣкъ останется глупымъ независимо отъ того, будутъ ли у него книги или нѣтъ, то какая же это будетъ справедливость, если мы умнаго лишимъ преимущества, по праву принадлежащаго его мудрости, стараясь отнять у глупца только то, лишеніе чего не исправитъ его глупости?»²⁾).

Въ этихъ немногихъ словахъ заключаются всѣ мысли, послужившія для Мильтона основаніемъ его апологіи свободы слова. Но Мильтонъ не ограничивается отвлеченными соображеніями. Сама исторія показываетъ, что цивилизованныя государства никогда не прибѣгали къ такимъ приѣмамъ внутренней политики, какъ цензурный надзоръ. Аѳины и Римъ не знали цензуры; она «порождена инквизиціей и усвоена нашими епископами и пресвитерами». Какой смыслъ имѣетъ цензура? Вѣдь большая часть книжекъ по содержанию своему полезна, и люди, пользуясь такими книжками, гораздо больше развиваютъ въ себѣ добрыя, чѣмъ дурныя наклонности. «Нечего останавливаться на примѣрахъ Моисея, Даніила и Павла, которые были свѣдущи во всѣхъ наукахъ египетскихъ, халдейскихъ и греческихъ, а этого не было бы безъ чтенія книгъ всѣхъ сортовъ. Если предположить, что посредствомъ цензуры до-

¹⁾ Milton's Works, III, 398. (Areopagitica).

²⁾ Ibidem.

стигается религиозное единообразіе, то примѣры Юліана, гонителя христіанства, и Сельдена, представителя пуританизма, опровергають это предположеніе». Духовное единообразіе организмъ такъ же невозможно, какъ единообразіе физическое, и никакія насильственныя мѣры не помогутъ дѣлу. «Если Богъ предоставилъ человѣку заботу о поддержаніи его тѣла, установивъ только границы умѣренности, то Онъ также оставилъ на его произволь питаніе и укрѣпленіе его ума, и всякій взрослый человѣкъ долженъ самъ заботиться объ упражненіи руководящихъ имъ способностей»¹⁾.

Но не въ историческомъ прошломъ и не въ отрицаніи политики религиознаго единообразія скрываются корни разсужденія Мильтона. Его апологія свободы слова и мысли неразрывно связана со всѣмъ его религиозно-моральнымъ міровозрѣніемъ. Мильтонъ былъ индипендентъ, для котораго весь смыслъ жизни, конечная цѣль идеальныхъ стремленій лежала въ единеніи съ Богомъ, достижимомъ путемъ нравственнаго перерожденія человѣка. Отсюда вытекало пламенное исканіе истины, какъ ее заповѣдалъ намъ Христосъ, отсюда—неутолимая жажда преодолѣть въ мірѣ зло, унаслѣдованное нами отъ совершившаго первородный грѣхъ прародителя. Ясное дѣло, для Мильтона добродѣтель раскрывается человѣку не какъ нѣчто непосредственно ему данное, а какъ истина, затемненная первороднымъ грѣхомъ, который необходимо знать для того, чтобы постигнуть добродѣтель. Съ момента грѣхопаденія перваго человѣка, говоритъ Мильтонъ, добро и зло существуютъ въ мірѣ неразрывно, такъ что человѣкъ для того, чтобы возвратиться чрезъ Христа къ законному состоянію, долженъ познать и то, и другое. Та неизмѣнная добродѣтель, которая покоится на одномъ незнаніи зла, далеко не истинная добродѣтель, ибо христіанская добродѣтель требуетъ сознательнаго отреченія отъ благъ земныхъ и тѣмъ-то она и отличается отъ добродѣтели по ученію другихъ философовъ и религій. «Мы вносимъ съ собой въ міръ не невинность, а гораздо скорѣе порочность. То, что очищаетъ насъ, есть испытаніе, и испытаніе приводитъ насъ къ обратному состоянію. Добродѣтель такимъ образомъ, которая кажется юной при созерпаніи зла и не знаетъ, чтó обѣщаетъ пороку своимъ послѣдователямъ, и уже отвергаетъ зло, есть добродѣтель бѣлая, но не чистая». Для того, чтобы возвыситься до добродѣтели, человѣкъ долженъ знать зло, ибо безъ знанія зла сама добродѣтель утрачиваетъ свою идеальную красоту. Мильтонъ порицаетъ поэтому политику тѣхъ правительствъ, которыя путемъ репрессивныхъ цензурныхъ узаконеній,

¹⁾ Ibidem, 407.

путемъ ограниченія свободы мысли пытаются искоренить зло и насадить добродѣтель. «Воспитывайте юношей въ суровой дисциплинѣ,—восклицаетъ Мильтонъ,—которая господствуетъ въ обители аскета, и вы не сможете все-таки сдѣлать ихъ цѣломудренными. Предположимъ, что намъ такими средствами удастся уничтожить зло; но вѣдь сколько бы мы ни уничтожали зла, мы уничтожимъ столько же добродѣтели, ибо сущность ихъ одна и та же (for the matter of them both is the same): удаляя одно, вы вмѣстѣ съ тѣмъ удаляете другое. Этимъ оправдывается Великое Провидѣніе, которое, требуя отъ насъ умѣренности, справедливости и воздержанія, даетъ намъ въ то же время, и даже въ изобиліи, все желаемое нами. Почему мы должны приписывать законамъ Бога и природы суровость, уменьшая и ограничивая тѣ средства, которыми представляются книжки для испытанія добродѣтели и для упражненія въ истинѣ?» Мильтонъ не боится и той опасности, которую представляютъ развивающіяся въ государствѣ вслѣдствіе свободы слова религіозныя секты. Терпимость по отношенію къ нимъ Мильтонъ считаетъ первой обязанностью разумаго правительства. Развитіе религіознаго индивидуализма служить для него залогомъ приближенія къ истинѣ. Въ «Св. Писаніи вѣра сравнивается съ быстротекущимъ потокомъ. Если вода его струится не съ постоянно возрастающей быстротой, то превращается въ грязную лужу однообразія и застоя»¹⁾).

Вдохновляясь идеаломъ религіозной свободы, Мильтонъ думалъ, что индипендентамъ раскрывается истина, которую «принесъ въ міръ Божественный Творецъ». Въ пресвитеріанахъ онъ видѣлъ тѣхъ «обманщиковъ, которые, подобно египетскому Тифону и его заговорщикамъ, взяли дѣвственную истину, изрубили драгоцѣнный образъ ея на тысячи частей и разсѣяли ихъ на всѣ четыре стороны». И вотъ теперь, когда онъ увидѣлъ истинныхъ искателей истины, онъ всей силой своей души возсталъ противъ цензуры, усматривая въ ней «злѣйшее насиліе и оскорбленіе, какое только можетъ быть нанесено наукѣ и ученымъ людямъ. Если трудъ автора,—писалъ онъ,—долженъ появиться въ печати не иначе, какъ въ видѣ мальчика, сопровождаемаго своимъ дядькой съ помѣткой цензора, служащей гарантіей и ручательствомъ, что авторъ не идиотъ и не распространитель разврата, развѣ все это не безчестіе и не униженіе для автора, для его сочиненія, для самаго права и достоинства науки?»²⁾).

1) Ibidem, 431.

2) Ibidem.

Въ этомъ поэтическомъ апоѳеозѣ свободы слова отразился весь духъ индѣпендентства какъ религіозно-политической партіи со всѣмъ его индивидуализмомъ и жаднымъ исканіемъ откровенной истины. Духовная природа человѣка казалась Мильтону самоцѣнностью, не нуждающейся ни въ какихъ ограниченіяхъ, и, несмотря на сотни лѣтъ, отдѣляющія Мильтона отъ современности, идеи его до сихъ поръ не утрачиваютъ своего авторитета. Не даромъ Мильтонъ, какъ бы предчувствуя судьбу своихъ идей, писалъ: «Многіе люди живутъ, какъ лишнее бремя на землѣ; но хорошая книга есть драгоцѣнный жизненный сокъ вышшаго ума, сбереженный, какъ кладъ для жизни, простирающейся долѣе человѣческаго вѣка».

Проф. В. Камбуровъ.

Процессъ В. С. Печерина.

Въ біографіи В. С. Печерина, напечатанной въ прошломъ году на страницахъ этого журнала, я упомянулъ о процессѣ, возбужденномъ противъ Печерина въ 1855 году по обвиненію въ публичномъ сожженіи протестантской библіи ¹⁾. Скудный матеріаль, бывшій въ моемъ распоряженіи, не давалъ возможности разобраться въ этомъ дѣлѣ, и только глухое указаніе въ письмѣ Печерина къ Пояркову заставило меня заподозрить достовѣрность свидѣтельства Герцена, изображающаго поступокъ Печерина какъ актъ крайняго изуверства. Выясненіе этого вопроса, какъ легко пойметъ всякій, представляетъ большой интересъ для характеристики Печерина въ періодъ его католическаго служенія. Апостоль духа, какимъ мы его знаемъ, ужели могъ онъ, хотя бы въ минутномъ порывѣ, стать фанатикомъ буквы? По счастью, мы можемъ теперь рѣшить этотъ вопросъ съ документами въ рукахъ.

Предъ нами небольшая книжка въ 16-ую долю, изданная въ 1856 году въ Дублинѣ и озаглавленная такъ: «The trial of the Rev. Vladimir Petcherino (Redemptorist Father), in the Court-house, Green Street, Dublin, on 7 th & 8 th December, 1855, for the allodged offence of «Bible burning at Kingstown». Это—стенографическій отчетъ судебного засѣданія, въ которомъ разбиралось дѣло Печерина; онъ изданъ (какъ видно по приложенному въ концѣ его «Description of the order of the Redemptorist Fathers») редемптористами, руководимыми, очевидно, понятнымъ стремленіемъ реабилитировать въ глазахъ общества орденъ, опороченный преданіемъ суду одного изъ его членовъ. Кромѣ этого отчета, я пользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи подлиннымъ текстомъ рѣчи, произнесенной на судѣ защитникомъ Печерина, О'Хэганомъ ²⁾, и рассказомъ о процессѣ Печерина, напечатаннымъ недавно въ народномъ ирланд-

¹⁾ „Научное Слово“ 1904 г., X, стр. 88.

²⁾ *Selected speeches and arguments of the Right Hon. Thomas, Baron O'Hagan*, eddt. by George Teeling, London, 1885, стр. 245—283.

скомъ журналчикѣ «The Irish Packet» ¹⁾. Эти матеріалы позволяютъ съ полной отчетливостью возстановить картину процесса.

Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ.

Въ половинѣ октября 1855 года лимерикскіе редемптористы съ Печеринымъ во главѣ открыли «миссію» въ католической церкви въ Кингстоунѣ, небольшомъ приморскомъ городкѣ близъ Дублина. Миссія продолжалась около двухъ недѣль. Въ своихъ проповѣдяхъ Печеринъ между прочимъ сильно нападалъ на безнравственность все болѣе наводняющихъ страну дешевыхъ романовъ, отечественныхъ или переведенныхъ съ французскаго, и на непоправимый вредъ, причиняемый душѣ чтеніемъ такихъ произведеній, какъ всевозможныя «Тайны Лондона», или низкопробныхъ журналчиковъ вроде «The Family Herald», «London Journal» и пр. При этомъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей не только воздерживаться отъ чтенія такихъ книгъ, но, во избѣжаніе соблазна, слѣдуя примѣру христіанъ апостольскихъ временъ, собрать и принести ихъ къ нему, сколько у кого найдется.

Краснорѣчіе Печерина, очевидно, возымѣло успѣхъ: въ нѣсколько дней обитатели Кингстоуна нанесли къ нему, въ комнату заѣзжаго дома, гдѣ онъ жилъ, цѣлые ворохи романовъ, журнальныхъ выпусковъ и т. п. Печеринъ, слѣдуя обычной тактикѣ редемптористовъ, рѣшилъ усугубить дѣйствіе своей проповѣди всенароднымъ эффектнымъ зрѣлищемъ: утромъ 5 ноября, въ воскресенье, вся эта литература была на двухъ тачкахъ доставлена во дворъ католической церкви и сожжена въ одномъ большомъ кострѣ. Нѣкоторые прохожіе, привлеченные необычнымъ зрѣлищемъ, вошли во дворъ посмотрѣть,—и въ результатъ къ вечеру по городу распространился слухъ, что редемптористы жгли протестантскія библіи, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ очевидцевъ утверждали, что среди горѣвшихъ книгъ они замѣтили одинъ или два цѣлыхъ экземпляра или разрозненные листки of the authorised version of the Scripture, т.-е. именно *англиканской* библіи.

Тотчасъ началась агитація, вышедшая далеко за предѣлы Кингстоуна. Въ редакціи газетъ посыпались письма съ выраженіемъ крайняго негодованія по поводу богохульственнаго поступка католическихъ монаховъ, дерзающихъ въ своемъ изувѣрствѣ истреблять протестантскую святыню, и съ требованіемъ суда надъ редемптористами и особенно надъ Печеринымъ, который лично руководилъ сожженіемъ книгъ. На улицахъ Дублина расклеивались аналогич-

¹⁾ *The Bible Burning Case, a famous Irish trial, by John Muldoon, Barrister-at-Law,—, The Irish Packet*, vol. II, № 29, april 16, 1904.

ныя афиши съ призывами къ протесту, для той же цѣли собирались многочисленные митинги, англиканскіе священники съ церковной кафедрой громили фанатическую наглость редемптористовъ и самъ англиканскій архіепископъ въ Дублинѣ «нашелъ нужнымъ и личнымъ присоединить свой голосъ къ хору извѣтовъ»: онъ публично произнесъ рѣчь на ту тему, что случай сожженія библии католическими монахами лишній разъ утвердилъ его въ его давнишнемъ убѣжденіи — что Св. Писаніе ненавистно католической церкви. Англо-ирландская печать кишѣла самыми грязными и неистовыми обвиненіями противъ личности, ордена и вѣры обвиняемаго. Словомъ, партійныя страсти жадно ухватились за это дѣло, чтобы раздуть его въ тяжкое національно-религіозное оскорбленіе всего англійскаго народа. При страшной обостренности отношеній между обѣими народностями и ихъ церквями въ Ирландіи эта агитація легко достигла своей цѣли: общественное мнѣніе англиканской части населенія было распалено до ярости, и англійскія власти поспѣшили привлечь Печерина къ суду. Какія средства пускались при этомъ въ ходъ, показали на судѣ перекрестный допросъ, которому защитники Печерина подвергли одного изъ главныхъ инициаторовъ обвиненія, англиканскаго церковнослужителя Уоллеса: оказалось, что въ разгарѣ агитаціи онъ одно за другимъ прислалъ въ очень распространенную газету три письма, подписавъ одно изъ нихъ «Очевидецъ», другое «Зритель», третье буквой «С.» Кроме того, онъ 12 ноября произнесъ въ своей церкви проповѣдь по этому же поводу, которую затѣмъ издалъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «*Гласъ изъ пламени. Проповѣдь о публичномъ сожженіи библии редемптористами въ Кингстоунѣ 5 ноября*»; эта брошюра выдержала четыре изданія и распространилась въ тысячахъ экземпляровъ. На вопросъ защитника, какъ онъ рѣшился еще до судебного слѣдствія публично превозглашать обвиненіе доказаннымъ и считаетъ ли онъ такой поступокъ совмѣстимымъ со своимъ званіемъ христіанскаго священнослужителя, онъ преспокойно отвѣчалъ, что не видитъ въ своихъ дѣйствіяхъ ничего предосудительнаго.

Дѣло разбиралось 7 и 8 декабря въ Дублинѣ, куда Печерину снова пришлось пріѣхать изъ Америки. Уже съ ранняго утра 7-го декабря улицы вокругъ зданія суда въ Гринъ-Стритъ были запружены публикой, жаждавшей доступа въ залъ суда. Но входъ былъ разрѣшенъ лишь по билетамъ. Залъ оказался биткомъ набитымъ; преобладали, разумѣется, духовныя лица обоихъ исповѣданій; хоры были полны дамъ. Предсѣдательствовали судьи сэръ Крамптонъ и баронъ Гринъ, по словамъ автора статьи въ *Irish*

Packet — «люди закоренѣлыхъ анти-католическихъ взглядовъ», обвинялъ сэръ Уильямъ Кіогъ, «тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ спустя принялъ участіе въ другомъ нападеніи на католическое духовенство, получившемъ еще гораздо большую извѣстность». Зато главнымъ защитникомъ Печерина выступилъ знаменитый ирландскій адвокатъ, видный борецъ за политическую и религіозную свободу Ирландіи, Томасъ О'Хэганъ. Составъ жюри былъ смѣшанный — изъ англиканъ и католиковъ.

Засѣданіе открылось пространной рѣчью представителя короны. Онъ говорилъ о святости библіи, о міровомъ ея значеніи, о долгѣ государства бороться съ фанатизмомъ и пр.; рѣчь его, на видъ безпристрастная, дышала твердой увѣренностью, что инкриминируемый поступокъ дѣйствительно совершенъ обвиняемымъ, и совершенъ сознательно, съ обдуманномъ намѣреніемъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что настоящее обвиненіе имѣетъ цѣлью не покарать виновныхъ, а показать примѣръ: «Поэтому, каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, я буду удовлетворенъ. Но на одно я твердо надѣюсь — что этотъ процессъ послужитъ урокомъ странѣ и водворитъ въ ней отнынѣ миръ и милосердіе».

Вслѣдъ затѣмъ начался допросъ свидѣтелей. Первымъ допрашивали мальчика Дѣффа, одного изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія. Онъ разсказалъ, что дня за четыре до 5 ноября, когда онъ съ другими мальчиками былъ въ католической церкви въ Кингстоунѣ, отецъ Печеринъ спросилъ его, есть ли у него тачка, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему 5-го числа придти съ нею къ нему въ гостиницу. 5-го утромъ онъ явился съ тачкой къ о. Печерину; вторую тачку привезъ другой мальчикъ, Томъ Дойль. Когда они и съ ними еще другіе мальчики вошли въ комнату, они увидѣли подъ столомъ цѣлую гору книгъ; о. Печеринъ велѣлъ служителю достать оттуда книги и нагрузить ихъ на тачки. Слуга доставалъ, а мальчики клали на тачки; послѣ этого о. Печеринъ велѣлъ имъ отвезти книги на церковный дворъ. Прибывъ сюда, мальчики сѣли на тачки въ ожиданіи о. Печерина; онъ пришелъ съ полчаса спустя и велѣлъ имъ свалить книги на землю и зажечь, а самъ пошелъ по направленію къ ризницѣ. Они зажгли книги; минутъ черезъ 20 онъ вышелъ, молча постоялъ у костра минутъ пять и опять пошелъ въ ризницу. Все это время по церковному двору проходило много народа. На перекрестномъ допросѣ Дѣффъ показываетъ, что онъ грамотенъ, что успѣлъ разсмотрѣть обложки нѣкоторыхъ книгъ — это были «The Family Herald», «The Mysteries of London», много выпусковъ «Reynolds' Miscellany» — и что среди нихъ онъ замѣтилъ одну тонкую книгу въ черномъ пе-

реплетѣ съ тисненіемъ, которой онъ не открывалъ, но которую по общему ея виду принялъ за Новый завѣтъ. На вопросъ, возможно ли, что кто-нибудь изъ толпившихся на церковномъ дворѣ подкинулъ книгу и онъ этого не замѣтилъ бы, Дѣффъ отвѣчаетъ, что это было возможно.

Затѣмъ допрашиваются Генри Лаусонъ, служащій кучеромъ у нѣкоей миссъ Гибтонъ, и его братъ Чарльзъ, служащій у той же госпожи. Оба они присутствовали нѣкоторое время при сожженіи книгъ; оба утверждаютъ, что видѣли на верху обѣихъ тачекъ по одной библіи. Чарльзъ предъявляетъ нѣсколько листковъ, подобранныхъ имъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ, на другой день послѣ происшествія; онъ утверждаетъ, что они принадлежатъ къ англиканскому изданію библіи; но на многократные вопросы, какія основанія онъ имѣетъ утверждать это, онъ отвѣчаетъ молчаніемъ. Его заставляютъ признаться, что поискать листковъ его послала его госпожа, миссъ Гибтонъ. На вопросъ: изъ чего вы заключили, что книга, лежавшая на верху тачки, была библіей, — онъ отвѣчаетъ, что прочиталъ на корешкѣ слово «Testament». — Что же, это былъ Старый или Новый завѣтъ? — Она была въ новомъ переплетѣ. — Въ залѣ, разумѣется, гомерическій хохоть.

Остальные семь свидѣтелей обвиненія не прибавляютъ къ показаніямъ предыдущихъ ничего новаго. Всѣ они принадлежатъ къ англиканской церкви, всѣ путаются въ своихъ показаніяхъ, почти всѣ между собою знакомы; одинъ изъ нихъ — полицейскій констебль, двое — англиканскіе священники, принимавшіе дѣятельное участіе въ возбужденіи настоящаго процесса. Объ одномъ изъ нихъ, Уоллесѣ, я уже упоминалъ; это одинъ изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія, такъ какъ онъ показываетъ, что видѣлъ, какъ мальчики подталкивали въ огонь *много* книгъ, въ которыхъ онъ, стоя на разстояніи 10 ярдовъ, съ увѣренностью призналъ англиканскія библіи. Однако, присягнуть, что это точно были библіи, онъ не пожелалъ, а на вопросъ: какъ же онъ, священникъ, видя такое кощунство, не вмѣшался и не спасъ священныхъ книгъ отъ сожженія, онъ ничего не нашелся отвѣтить.

Какъ ни подозрительны и сбивчивы были всѣ эти показанія, они съ достаточной опредѣленностью выяснили, что одинъ или два экземпляра Св. Писанія — и вѣроятно въ англиканскомъ изданіи — дѣйствительно были замѣчены на верху тачекъ и затѣмъ сожжены. Съ этими фактами и долженъ былъ считаться защитникъ Печерина.

Смѣлая, блестящая по формѣ рѣчь О'Хэгана проникнута искренностью и убѣжденностью, исключаящими обыкновенныя адво-

катскія ухищренія. Отвѣчая представителю короны, назвавшему Печерина фанатикомъ, онъ началъ съ характеристики подсудимаго: «Это человѣкъ незаурядный какъ по положенію, такъ и по характеру: это христіанскій священникъ и вмѣстѣ зрѣлый ученый, блестящій ораторъ и совершенный джентльменъ. Происходя изъ дворянскаго рода, онъ пользовался уваженіемъ на своей родинѣ и несъ общественную службу въ родномъ университетѣ. Предъ нимъ открывалось почетное поприще; но онъ отрекся отъ всѣхъ земныхъ выгодъ, порвалъ всѣ земныя узы, когда совѣсть и долгъ потребовали этой жертвы. Онъ отказался отъ родины, семьи, старыхъ связей и любимыхъ друзей, отвергъ надежды благороднаго честолюбія, чтобы въ совершенной бѣдности и самоотреченіи посвятить себя служенію Кресту; и уже многіе годы онъ работаетъ надъ духовнымъ возрожденіемъ своихъ ближнихъ, не путемъ пылкихъ споровъ или возбужденія сектантскихъ распрей, а неустаннымъ стараніемъ очистить ихъ нравственную природу и улучшить ихъ повседневную жизнь. И благодаря мощному дѣйствию своего краснорѣчія, страстности своихъ убѣжденій и вдохновительной силѣ своего примѣра онъ достигъ, кажется, поразительныхъ успѣховъ. Къ такому человѣку я не могу не чувствовать глубочайшаго участія, видя его у рѣшетки уголовного суда, въ чужой странѣ, обвиняемымъ въ кощунствѣ надъ Св. Писаніемъ, которое онъ, конечно, чтитъ выше всего, и въ презрѣніи къ божественной религіи, ради которой онъ кинулъ все, чѣмъ дорожитъ человѣкъ. И это участіе превращается въ тревогу, когда я вспомню, что для того, чтобы предопредѣлить исходъ его процесса, были пущены въ ходъ съ неумолимимъ и чрезвычайно успѣшнымъ усердіемъ преувеличенныя донесенія, ложныя свидѣтельства и злонамѣренныя клеветы». Изобразивъ затѣмъ недобросовѣстную агитацію противъ подсудимаго, имѣвшую цѣлью «затѣмнить истину, исказить ходъ судебного слѣдствія и сокрушить беззащитнаго проповѣдника всей тяжестью разгоряченнаго общественнаго мнѣнія и могущественнаго предрассудка», защитникъ перешелъ къ предмету обвиненія. Цѣлымъ рядомъ ссылокъ и примѣровъ онъ доказалъ, что католическая церковь вообще и ирландская въ частности никогда не были враждебны Св. Писанію. Затѣмъ онъ характеризовалъ орденъ редemptористовъ: члены его живутъ въ бѣдности и лишеніяхъ; они переходятъ съ мѣста на мѣсто, неся непрестанный и тяжкій трудъ, работая для спасенія человѣческихъ душъ, не ища награды, не получая мзды; ихъ пища — самая грубая, ихъ одежда — самая убогая. Въ Кингстоунѣ они ратовали противъ пошлой и безнравственной литературы, и вотъ неожиданно на нихъ пало тяжкое обвиненіе. Защит-

никъ послѣдовательно изъ момента въ моментъ изложилъ всю исторію сожженія книгъ, доказывая, что если при этомъ и сгорѣли, какъ говорятъ свидѣтели, одинъ экземпляръ библіи и одинъ Евангелія, то это произошло безъ вѣдома Печерина. По единогласному показанію свидѣтелей, говорилъ онъ, эти книги были замѣчены ими, одна—на верху одной тачки, другая—на верху другой; намъ говорятъ, что на церковный дворъ въ это время входило много людей; наконецъ, мы достовѣрно знаемъ, что нагруженные книгами тачки полчаса простояли на дворѣ до прихода Печерина и что онъ и затѣмъ уходилъ въ ризницу. Не естественно ли предположить, что въ одинъ изъ этихъ промежутковъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ здѣсь зрителей подкинулъ эти книги на тачки? Это могъ быть или протестантъ, желавшій скомпрометировать католическихъ монаховъ, или, наоборотъ, католикъ, быть можетъ давно раздраженный насиліями протестантовъ надъ ирландскими католиками. Если бы Печеринъ хотѣлъ путемъ сожженія протестантской библіи унижить англиканство въ глазахъ кингстоунскаго населенія, онъ, конечно, сжегъ бы не два экземпляра и сдѣлалъ бы это демонстративно, а не подъ видомъ истребленія дешевыхъ романовъ. Но такая цѣль была ему совершенно чужда; въ своихъ проповѣдяхъ онъ нападалъ только на пошлую беллетристику и сжигалъ книги въ полной увѣренности, что уничтожаетъ только такія книги. Онъ горячо осудилъ бы поступокъ, какой ему приписывается, и потому обвиненіе, взведенное на него, столь же оскорбительно, какъ и неосновательно. «Мой почтенный кліентъ сожалеетъ, что благодаря его неосторожности или недостаточному знанію тѣхъ особенныхъ условій, какія существуютъ въ этомъ раздраемомъ смутю королевствѣ, онъ кому бы то ни было далъ поводъ къ обидѣ. Его призваніе и долгъ—бороться съ заблужденіемъ и провозглашать истину, «не заботясь о послѣдствіяхъ»; но на замыселъ публично безчестить убѣжденія какой-либо части ирландскаго народа онъ не способенъ и въ такомъ замыслѣ не виновенъ».

Рѣчью О'Хэгана закончился первый день судебного разбирательства. На слѣдующій день предстоялъ допросъ свидѣтелей защиты; но тутъ разыгрался инцидентъ, живо напоминающій историческіе подвиги предсѣдателей суда въ кишиневскомъ и гомельскомъ процессахъ. Предубѣжденность обоихъ коронныхъ судей, Крамптона и Грина, противъ обвиняемаго ясно обрисовалось уже съ самаго начала судебного слѣдствія какъ въ постановкѣ вопросовъ, которые они сами предлагали свидѣтелямъ, такъ и въ ихъ отношеніи къ защитѣ; когда, напримѣръ, одинъ изъ защитниковъ спросилъ Чарльза Лаусона, не состоитъ ли онъ прихожаниномъ

церкви Уоллеса, судья снялъ этот мѣткій вопросъ, какъ не относящійся къ дѣлу. Только предвзятостью можно было объяснить, съ англійской точки зрѣнія, и безмолвіе обоихъ судей во время допроса Уоллеса: агитація, предпринятая послѣднимъ до судебного слѣдствія и, слѣдовательно, клеймившая позоромъ чело-вѣка еще не осужденнаго, и, быть можетъ, невиннаго, представляла собою такое грубое нарушеніе элементарной справедливости, столь незаконно стремилась предупредѣлить приговоръ суда и была ведена такими неблагоприятными средствами, что, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи въ *Irish Packet*, если бы предсѣдателемъ суда былъ чело-вѣкъ безпристрастный и дорожащій интересами правосудія, онъ не преминулъ бы сурово осудить поведеніе Уоллеса. А Крамптонъ и Гринъ во все время допроса Уоллеса хранили невозмутимое спо-койствіе.

Первымъ свидѣтелемъ защиты, вызваннымъ по открытіи засѣданія 8 декабря, былъ нѣкто Джемсъ Коольфильдъ изъ Кингстоуна, католикъ. На вопросъ защитника, посѣщаль ли онъ проповѣди о. Печерина, онъ отвѣчаетъ утвердительно. Тогда защитникъ спрашиваетъ: «Были ли вы на какой-нибудь изъ проповѣдей, гдѣ о. Печеринъ говорилъ о безнравственныхъ книгахъ?» Тутъ въ допросъ вмѣшивается прокуроръ, заявляя, что судъ не можетъ допустить вопросовъ, касающихся содержанія проповѣдей обвиняемаго, и судья Крамптонъ подтверждаетъ это. Въ отвѣтъ защита объясняетъ, что разслѣдованію суда подлежатъ два раздѣльныхъ факта: во-первыхъ, фактъ сожженія книгъ Св. Писанія, во-вторыхъ, умышленность такого поступка; для установленія же въ данномъ случаѣ наличности умысла существенно важно установить, приглашалъ ли Печеринъ своихъ слушателей приносить къ нему для сожженія и священныя книги. Это разумное объясненіе однако не убѣдило судей; послѣ долгихъ пререканій ходатайство защиты было категорически откло-нено подъ тѣмъ чудовищнымъ предлогомъ, что принять во вниманіе содержаніе проповѣдей подсудимаго значило бы дать закон-ную силу показанію обвиняемаго въ его собственную пользу, что воспрещено закономъ.

Послѣ такой резолюціи защита увидѣла себя вынужденной рѣ-шиться на смѣлый шагъ: О'Хэганъ заявилъ суду, что онъ и его товарищи рѣшили вовсе не вызывать никакихъ свидѣтелей и пре-доставить сужденіе о винѣ или невинности ихъ кліента исключи-тельно разуму и совѣсти самихъ присяжныхъ.

Слѣдовавшее затѣмъ пространное резюме барона Грина было проникнуто явнымъ желаніемъ внушить присяжнымъ увѣренность въ справедливости обвиненія. Въ 1 ч. 20 мин. дня присяжные

удалились въ совѣщательную комнату, и въ 2 ч. 40 мин. вернулись съ приговоромъ. По традиціонному англійскому церемоніалу секретарь короны, сдѣлавъ поименную переключку присяжнымъ, спросилъ: «Что вы скажете, господа?» — «Что о. Владиміръ Печеринъ *не виновенъ*».

Въ отчетѣ по этому процессу, изданномъ редемптористами, разсказывается, что приговоръ присяжныхъ исторгъ у публики, наполнявшей залу суда, долгіи, единодушный громъ рукоплесканій, которыя тщетно пытался прекратить звонокъ предсѣдателя. Мужчины махали шляпами, дамы платками, всѣ наперерывъ старались добратся до Печерина, чтобы пожать его руку. Онъ самъ былъ тронутъ до слезъ этими выраженіями радости и участія. Когда приговоръ сталъ извѣстенъ толпѣ, ждавшей на улицѣ, снова раздалась восторженные клики; при выходѣ Печеринъ былъ встрѣченъ долго несмолкавшими рукоплесканіями; съ трудомъ добрался онъ среди тѣснящейся толпы къ каретѣ, и та же толпа проводила его до самаго дома, гдѣ онъ жилъ. Кингстоунъ въ этотъ вечеръ былъ иллюминированъ.

Это былъ за всѣ годы католической жизни Печерина единственный разъ, когда ему пришлось выступить на шумное торжище свѣта. Во все время процесса онъ не произнесъ ни одного слова.

Прибавлю здѣсь слѣдующія строки изъ письма нынѣшняго капеллана больницы Mater Misericordiae: «Именно этотъ процессъ такъ выдвинулъ Печерина въ общественномъ мнѣніи этой страны (Ирландіи). Всѣ ему сочувствовали; всѣ понимали, что онъ сталъ жертвою протестантскаго озлобленія противъ католичества, и въ католической странѣ, какова Ирландія, интересъ, возбужденный этимъ дѣломъ, естественно былъ очень великъ. Лордъ О'Хэганъ (позднѣ лордъ-канцлеръ Ирландіи), защищавшій о. Печерина, произнесъ по этому дѣлу знаменитую рѣчь, давшую этому ученому адвокату имя, которое не скоро забудется».

Пользуясь любезными сообщеніями аббата монастыря Mount Melleray, Rev. Carthage Delany, и капеллана больницы Mater Misericordiae, Rev. William Landers, я хочу сообщить здѣсь кстати, въ дополненіе къ разсказанному мною въ біографіи, точныя свѣдѣнія о послѣднемъ періодѣ жизни Печерина.

Въ цистерціанскій монастырь Mount Melleray (Carroquin, графство Waterford на югѣ Ирландіи) онъ вступилъ 8 декабря 1861 года, и 25-го числа того же мѣсяца принялъ постриженіе, получивъ имя «отца Андрея». «Со времени его вступленія сюда, — пишетъ пре-

старѣлый аббатъ, жившій въ общинѣ уже до Печерина и съ любовью воспоминающій о немъ, — и до его выхода онъ служилъ назидательнымъ примѣромъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ и, хотя слабого сложенія, ходилъ неукоснительно на ручную работу. Промежутки онъ посвящалъ молитвѣ и научнымъ занятіямъ». Онъ жилъ въ этой общинѣ однако лишь полтора мѣсяца: онъ выступилъ 23 января 1862 года, потому что убѣдился, какъ занесено въ реестръ монастыря, что уединеніе и молчаніе слишкомъ тяжело отзываются на немъ ¹⁾.

Тотчасъ по выступленіи изъ цистерціанскаго ордена, въ февралѣ 1862 г., архіепископъ дублинскій, кардиналъ Кѣлленъ, назначилъ Печерина капелланомъ при больницѣ Mater Misericordiae въ Дублинѣ; здѣсь и провелъ онъ послѣдніе 23 года своей жизни.

Онъ жилъ въ небольшомъ домикѣ на Lower Dominick Street; при немъ была большая собака, всегда сопутствовавшая ему. Онъ слушалъ исповѣди и посѣщалъ больныхъ также въ другой больницѣ, на Jewis Street, но главная его работа была въ Mater Misericordiae. Эта больница вмѣщала тогда около 200 больныхъ (теперь въ ней до 350). Здѣсь онъ ежедневно въ 6 ч. 45 м. утра служилъ обѣдню, потомъ обходилъ палаты, утѣшая страждущихъ и причащая умирающихъ. Затѣмъ онъ возвращался къ себѣ на Dominick Str. или шелъ гулять на кладбище Glasnevin либо въ ботанической садъ (занятія ботаникой были его любимымъ развлеченіемъ и онъ обладалъ въ этой области большими знаніями). Въ 12 час. онъ снова возвращался въ больницу, неся больнымъ утѣшенія религіи; затѣмъ онъ шелъ обѣдать. Въ его пользу было сдѣлано завѣщаніе, по которому въ послѣдніе годы своей жизни онъ имѣлъ право ежедневно обѣдать за table d'hôte въ Gury's Hotel на Dame Str. Въ 6 час. онъ снова приходилъ въ больницу, чтобы удовлетворить нужды больныхъ.

«Такова была, — пишетъ преемникъ Печерина, нынѣшній капелланъ этой больницы, — ежедневная рутинная жизнь бѣднаго о. Печерина за 23 года, проведенные имъ въ качествѣ капеллана при больницѣ Mater Misericordiae. Ему выпали на долю заботы о мно-

¹⁾ Этотъ же реестръ даетъ точное указаніе относительно мѣста рожденія Печерина: это — Дымерка Кіевской губ. Вотъ что писалъ Печерину Поярковъ послѣ своего посѣщенія Дымерки (гдѣ протекло и его дѣтство) въ 1867 году: „Внѣшняя обстановка Дымерки нисколько не измѣнилась. Тотъ же домъ, правда, перестроенный, но въ томъ же видѣ, окруженный болотомъ и лѣсомъ; тотъ же громаднй садъ, только сильно запущенный; та же двуровневая аллея чрезъ лѣсъ къ дому; тотъ же околь, т.-е. лѣсъ, окопанный ровомъ, куда всѣ обитатели Дымерки, всѣхъ поколѣній, неизвѣнно ходили собирать грибы. Всѣ службы у дома еще времяемъ Вашего пребыванія въ Дымеркѣ“.

жествъ больныхъ во время холерной и оспенной эпидемій. Его любовь была такъ велика, что, какъ сказала мнѣ на-дняхъ сестра-настоятельница (Sister superior), за все долгое время, что онъ пребылъ при ней капелланомъ, она ни разу не слышала отъ него недобраго замѣчанія. Не въ меньшей степени проявлялъ онъ и другія добродѣтели — смиреніе, благоразуміе, терпѣніе и пр. Онъ отличался чрезвычайнымъ усердіемъ и точностью въ исполненіи трудныхъ обязанностей своего званія. Его обязанности были тѣ же, каковы мои теперь, и я могу васъ увѣрить, что онъ не легки. Ежедневный обходъ больныхъ; исповѣдованіе больныхъ всякаго рода; духовная помощь при несчастныхъ случаяхъ; постоянная возможность внезапнаго вызова къ больному; ночныя посѣщенія, ранняя обѣдня и т. п., и т. п.,—все это, хотя подлинно весьма утѣшительное, весьма святое, весьма духовное дѣло, тѣмъ не менѣе физически очень тяжело. О. Печеринъ выдержалъ эту жизнь 23 года, и затѣмъ вдругъ съ нимъ сдѣлался припадокъ Брайтовой болѣзни. Прележавъ около двухъ мѣсяцевъ въ больницѣ Mater Misericordiae, онъ затѣмъ рѣшилъ вернуться домой на Dominick Str., гдѣ и умеръ спустя два дня. Тѣло его было перевезено назадъ въ больницу, куда въ день его похоронъ стеклась огромная толпа народа. На отпѣваніи и торжественной мессѣ присутствовало болѣе 100 священниковъ. Похоронное шествіе направилось къ Гласневинскому кладбищу, гдѣ ему приготовили могилу неподалеку отъ колоссальной круглой башни, обозначающей мѣсто успокоенія одного изъ величайшихъ сыновъ Ирландіи, Даніэля О'Коннеля. Могила о. Печерина расположена чрезвычайно живописно, почти въ тѣни этого великаго монумента. На его могилѣ сестры милосердія, завѣдующія больницей Mater Misericordiae, воздвигли надгробный камень; на камнѣ слѣдующая надпись:

*Erected by
the Sisters of Mercy
to the memory of
The Rev. Vladimir Petcherine
23 years chaplain
to the Mater Misericordiae Hospital.
Died 17 th April 1885.
Aged 79 years.
R. I. P.*

(«Поставленъ сестрами милосердія въ память о. Владимира Печерина, состоявшаго 23 года капелланомъ больницы Mater Misericordiae. Умеръ 17-го апрѣля 1885 года 79-ти лѣтъ. Да почіетъ въ мирѣ».)

«Каждый указываетъ на это мѣсто, какъ на могилу того свя-

щенника, который был обвиненъ въ сожженіи библіи. Онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ изъявилъ волю, чтобы всѣ его книги, бумаги, сочиненія и пр. были отосланы назадъ на его родину; у него ихъ было большое собраніе. Свою одежду и свое тѣло онъ завѣщалъ настоятельницамъ Mater Misericordiae, равно какъ и нѣсколько вещей, напоминающихъ о его привычкахъ, мортификаціяхъ и добродѣтеляхъ. Эти вещицы до сихъ поръ хранятся у той же сестры-настоятельницы, а его книги, бумаги и пр. русскій консулъ отправилъ въ Россію. Въ его послѣдніе годы въ немъ выросла (grew) сильная любовь къ его родинѣ; онъ дорожилъ малѣйшей вещицей, которую получалъ изъ Россіи, и часто чувствовалъ себя очень одинокимъ, живя вдали отъ родной страны, хотя и пользуясь уваженіемъ и почетомъ въ своей приѣмной родинѣ Ирландіи, гдѣ онъ нашелъ пріютъ среди своихъ единовѣрцевъ, до сихъ поръ чтущихъ священную память этого великаго священника».

М. Гершензонъ.

Хроника науки, искусства и литературы.

Нѣкоторыя болѣзни, вызываемыя простѣйшими животными (Protozoa). Бактеріологическая наука за послѣднее время обогатилась новою весьма интересною областью изслѣдованія, посвященною особымъ микроскопическимъ организмамъ, все болѣе и болѣе выдвигающимся въ качествѣ возбудителей заразныхъ болѣзней человѣка и животныхъ. Если бактеріи стоятъ ближе всего къ растительному царству, — именно къ нѣкоторымъ водорослямъ, — то микроорганизмы этого другого типа — несомнѣнно животного происхожденія. Первымъ и наиболее извѣстнымъ изъ числа такихъ организмовъ является паразитъ маляріи, открытый Лавраномъ (Laveran); изученіемъ этого микроба и борьбой съ нимъ, особенно много занимались за послѣдніе годы. О результатѣ этихъ работъ мы уже имѣли случай сообщать въ замѣткѣ, недавно напечатанной въ этомъ журналѣ ¹⁾.

Но и помимо маляріи, существуетъ много тяжелыхъ заразныхъ болѣзней, которыя, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, обязаны своимъ происхожденіемъ микроскопическимъ животнымъ изъ класса Protozoa.

Наиболѣе интересной и изученной въ данномъ отношеніи является паразитическая группа простѣйшихъ, носящая названіе *трипанозомъ* (Trypanozoma). Объ этой-то группѣ и о болѣзняхъ, вызываемыхъ ея представителями, мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Организмы, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся къ классу жгутиковыхъ (Flagellata). Общая схема ихъ строенія можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ:

Одноклѣточное тѣло овальной формы, съ вытянутыми концами, снабженное болѣе или менѣе длиннымъ жгутомъ, находящимся на переднемъ концѣ тѣла, и такъ называемой *ундулирующей мембраной*; послѣдняя охватываетъ одну изъ сторонъ тѣла паразита, какъ это можно видѣть на рисункѣ 1.

Микроскопическое изслѣдованіе обнаруживаетъ у нихъ зернистую протоплазму, ядро, расположенное большею частью въ серединѣ тѣла и центральному ²⁾, находящуюся ближе къ заднему концу паразита. Три-

¹⁾ II выпускъ 1904 г.

²⁾ Составная часть клѣтки, имѣющая видъ маленькаго большею частью круглаго тѣла и играющая въ жизни клѣтки, повидному, чрезвычайно важную роль.

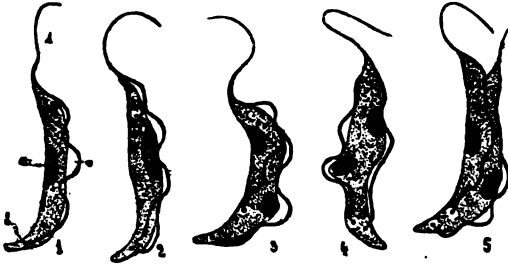

Рис. 1.

панозомы отличаются большею подвижностью; двигаются онѣ съ помощью жгута и колеблющейся волнообразно мембраны; при движении жгутъ направляется всегда впередъ, а потому конецъ тѣла, несущій его, принимаютъ за передній.

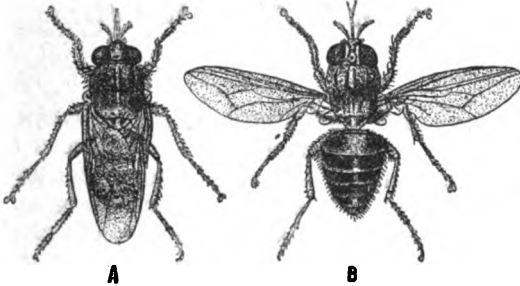

Рис. 2.

За послѣднее время (1903 г.) найденъ былъ способъ выращивать трипанозомъ въ искусственныхъ лабораторныхъ условияхъ, на такъ называемыхъ питательныхъ средахъ¹⁾, что дало возможность ближайшимъ образомъ изучить внутреннее строение ихъ и ознакомиться съ ихъ биологическими свойствами.

Рис. 3.

Вотъ эти-то паразиты, трипанозомы, и вызываютъ цѣлый рядъ болѣзней, особенно распространенныхъ и издавна известныхъ въ тропическихъ странахъ. Мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія.

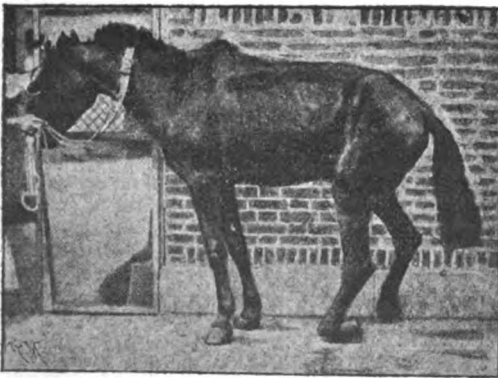

Рис. 4.

Въ различныхъ областяхъ Африки весьма распространена болѣзнь Nagana или болѣзнь мухи це-це. Полоса ея эндемическаго распространения тянется отъ бассейна Нигера до самаго Трансваля. Nagana поражаетъ главнымъ образомъ млекопитающихъ живот-

¹⁾ О питательныхъ средахъ см. статью Артари, „Науч. Сл.“ 1904 г., V.

ныхъ, въ томъ числѣ большинство домашнихъ животныхъ, наприм., лошадей, муловъ, ословъ, рогатый скотъ, собакъ, кошекъ, а также и живущихъ въ дикомъ состояніи—буйволовъ, антилопъ и пр.; подвержено ей и большинство животныхъ, обычно употребляющихся для лабораторныхъ опытовъ (кролики, мыши, морскія свинки).

Болѣзнь эта чрезвычайно тяжелая и исходъ ея обыкновенно смертельный. Въ симптомахъ Nagana, какъ и вообще всѣ трипанозомныя болѣзни, имѣетъ много общаго съ маляріей: перемежающаяся лихорадка, анемія, сильное похудѣніе, общее ослабленіе организма; животное обращается въ живой скелетъ и едва держится на ногахъ (см. рис. 4). Болѣзнь эта сопровождается подкожными отеками въ области шеи, конечностей и живота; кромѣ того, животные часто слѣпнутъ. Замѣчательно, что человѣкъ совершенно не воспримчивъ къ Nagan'у. Ливингстонъ и другіе путешественники, проходившіе по мѣстностямъ, гдѣ свирѣпствовала Nagana, согласно указываютъ на то, что они подвергались постояннымъ укусамъ це-це и оставались совершенно здоровыми.

Англійскій ученый Bruce, тщательно изучившій эту болѣзнь, первый прослѣдилъ и способъ ея распространенія. Выяснилось, что она обуславливается укусомъ мухи це-це, именно: *Glossina morsitans*.

Паразитъ, вызывающій болѣзнь Nagan'у, всегда обитаетъ въ крови, и зараженіе можетъ наступить только въ томъ случаѣ, когда микробъ попадаетъ въ кровяное русло,—совершенно такъ же, какъ при маляріи. И роль мухи це-це совершенно аналогична роли комара Anopheles. Когда муха кусаетъ больное животное, то вмѣстѣ съ кровью она вбираетъ въ себя находящихся въ этой послѣдней паразитовъ, которыхъ и переноситъ на другихъ животныхъ еще здоровыхъ, вызывая ихъ зараженіе.

Муха це-це небольшой величины, нѣсколько больше обыкновенной комнатной, но отличается отъ этой послѣдней по способу, которымъ у нея сложены крылья, когда она сидитъ спокойно; именно у мухи це-це крылья вполнѣ покрываютъ одно другое. (См. рис. 2). Интересные опыты были сдѣланы у насъ въ Россіи (д-ръ Якимовъ) съ цѣлью узнать, не могутъ ли наши обыкновенныя комнатныя мухи играть въ передачѣ трипанозомной болѣзни роли мухи це-це. Мухамъ съ этою цѣлью давали сначала насысываться крови животныхъ, зараженныхъ трипанозомами, а потомъ предоставляли кусать здоровыхъ животныхъ. Результаты всегда получались отрицательные.

Долго думали, что трипанозомы совершенно безвредны для человека; однако въ послѣднее время оказалось, что и человѣкъ не застрахованъ отъ зараженія нѣкоторыми разновидностями трипанозомъ. Въ концѣ 1901 г. англійскій ученый Dutton описалъ случай заболѣванія одного европейца, жившаго въ Гамбії, трипанозомною болѣзнию. Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ тропическаго пояса особаго, весьма тяжелаго заболѣванія, извѣстнаго подъ именемъ „сонной болѣзни“. Заболѣваніе это, которому въ одинаковой степени подвержены туземцы и европейцы, дѣти и взрослые, было извѣстно еще въ началѣ прошлаго столѣтія, но въ то время оно, повидимому, было распространено исключительно среди негровъ прибрежныхъ мѣстъ западной Африки. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ торговли, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, болѣзнь распространяется все

болѣе и болѣе и по мѣнѣнью Роберта Коха, много занимавшагося изслѣдованіемъ этой болѣзни, находится въ настоящее время въ періодѣ прогрессивнаго развитія, принимая иногда эпидемическій характеръ и опустошая среди негровъ цѣлыя поселенія. Въ бассейнѣ рѣкъ Конго и Кассаи замѣтно поразительно быстрое распространеніе этой болѣзни ¹⁾; такъ, смертность отъ нея въ 1896 году, бывшая 13%, въ 1899—19%, постепенно поднималась въ слѣдующіе годы и въ 1900 году достигла огромной цифры 73%. Сонная болѣзнь имѣетъ рѣзкіе характерные признаки и проявляется главнымъ образомъ въ симптомахъ со стороны нервной системы. Помимо неправильной лихорадки, наблюдаются въ самомъ началѣ обыкновенно головныя и различныя невралгическія боли; совершенно мѣняется характеръ человѣка и лицо теряетъ свое обычное выраженіе; дѣятельные и умные люди обращаются въ лѣнливыхъ, апатичныхъ и въ концѣ-концовъ совершенно безразлично относятся ко всѣмъ впечатлѣніямъ; одновременно съ этимъ появляется все большая и большая сонливость. Затѣмъ обнаруживается дрожаніе рукъ и нѣрждо языка, иногда появляются конвульсіи. Сонливость прогрессивно увеличивается, человѣкъ засыпаетъ чуть не каждую минуту, и его трудно вывести изъ этого состоянія; наконецъ онъ впадаетъ въ неподвижность, температура падаетъ ниже нормы, и наступаетъ смерть.

Недавно было доказано, что возбудителемъ сонной болѣзни является микробъ изъ класса трипанозомъ, *Trypanosoma gambiense*, поселяющійся въ цереброспинальную жидкость, въ которой онъ можетъ быть обнаруженъ при микроскопическомъ изслѣдованіи.

Castellani нашелъ трипанозомъ въ цереброспинальной жидкости 38 разъ изъ 38 изслѣдованныхъ случаевъ сонной болѣзни, и ни разу эти паразиты не были обнаружены въ цереброспинальной жидкости здоровыхъ людей.

Особенно интересно то обстоятельство, выяснившееся благодаря работамъ итальянскаго ученаго Castellani, что сонная болѣзнь является только заключительной фазой общаго заболѣванія, обусловленнаго трипанозомами, попадающими въ кровь даннаго субъекта и обильно тамъ развивающимися. Въ этой первой стадіи болѣзни протекаетъ, подобно маляріи, съ періодическимъ повышеніемъ температуры (впрочемъ, мѣнѣе правильнымъ, чѣмъ при болотной лихорадкѣ), съ развитіемъ малокровія, съ сильнымъ похудѣніемъ и т. д. Въ такой формѣ болѣзнь можетъ протекать цѣлыя годы и часто самостоятельно оканчивается смертью. Заключительная стадія принимаетъ форму сонной болѣзни далеко не всегда, а лишь въ томъ случаѣ, когда благодаря особымъ, недостаточно еще выясненнымъ условіямъ микробъ получаетъ доступъ въ цереброспинальную жидкость.

Замѣчено, что рабочіе, вообще бѣднѣйшая часть населенія, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, чаще всего подвержены заболѣванію. Голодъ и войны особенно способствуютъ распространенію этой болѣзни и не разъ было замѣчено, что подъ вліяніемъ этихъ факторовъ, болѣзнь, вообще эндемическая, приобрѣтала характеръ эпидеміи ²⁾.

¹⁾ Цитиров. по Laveran et Mesnil „Trypanosomes et trypanosomiasis“.

²⁾ По даннымъ Bruce'a изъ 80 изслѣдованныхъ туземцевъ въ странѣ, гдѣ эта болѣзнь эндемична (Уганда, на берегу озера Викторія, въ Африкѣ), трипанозомы оказались у 23, т.-е. въ 28,7%.

Трипанозомною болѣзнию человѣкъ заражается черезъ укусъ мухи, принадлежащей къ одному роду съ той, которая передаетъ Nagana'y, но другого вида, именно *Glossina palpalis*. (См. рис. 3.)

Во всѣхъ областяхъ Африки, гдѣ только есть сонная болѣзнь, обнаруживается и присутствие *Glossina palpalis*.

Только что описанными болѣзнями далеко не исчерпывается все разнообразіе трипанозомныхъ заболѣваній. Существуетъ еще цѣлый рядъ болѣзней, во многихъ отношеніяхъ напоминающихъ Нагану и, подобно ей, вызываемыхъ трипанозомами. Сюда относятся такъ называемыя Surra въ Индіи и Mal de Caderas въ Америкѣ; обѣ эти болѣзни поражаютъ также домашнихъ животныхъ и въ симптомахъ почти тождественны съ Nagana'ой. Съ другой стороны, существуетъ трипанозомная инфекция крысъ, при чемъ возбуждающій ее паразитъ неспособенъ, какъ выяснили опыты, вызывать заболѣванія другихъ животныхъ и человѣка. Въ 1902 г. была описана (Theiler) особая болѣзнь рогатаго скота въ Южной Африкѣ, которая позднѣе была открыта различными учеными и въ другихъ частяхъ Африки. Трипанозомы, вызывающія эту болѣзнь, въ два-три раза длиннѣе всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ видовъ этихъ простѣйшихъ. Характерно то, что патогенными они являются исключительно для рогатаго скота. Трипанозомныя болѣзни чрезвычайно губительны для полевыхъ животныхъ, и широкое распространеніе ихъ въ тропическихъ странахъ дѣлаетъ нерѣдко цѣлыя обширныя области совсѣмъ непригодными для колонизаціи.

Весьма интересно, что трипанозомы, вызывающія всѣ выше упомянутыя заболѣванія человѣка и животныхъ, въ морфологическомъ отношеніи до того близки между собою, что Кохъ находитъ возможнымъ отнести ихъ къ одному и тому же виду, признавая за ними только расовыя отличія. Такой взглядъ проливаетъ свѣтъ на происхожденіе трипанозомныхъ болѣзней. Весьма возможно, что всѣ онѣ произошли путемъ приспособленія различной вирулентности расъ одного и того же вида трипанозомъ къ условіямъ паразитарнаго существованія въ организмахъ различныхъ хозяевъ. При чемъ однѣ изъ нихъ, повидимому, успѣли уже вполне приспособиться къ избранному хозяину и, фиксируя разъ навсегда свои морфологическіе признаки и свою вирулентность, живутъ только въ опредѣленномъ хозяинѣ, подобно малярійному паразиту, который можетъ жить и размножаться только въ организмѣ человѣка и комара. Примѣромъ подобнаго приспособленія съ установившимися патогенными свойствами служатъ трипанозомы крысъ, развивающіяся только въ организмѣ этихъ послѣднихъ и сохраняющія неизмѣнно всегда одну степень вирулентности. Наоборотъ, другой типъ трипанозомъ, къ которымъ относятся возбудители Сурры и Наганы, еще не выработалъ въ себѣ устойчивыхъ морфологическихъ и патогенныхъ свойствъ и не избралъ одного какого-нибудь хозяина, такъ какъ можетъ заразить всѣхъ вообще млекопитающихъ.

Въ пользу такого взгляда говорить между прочимъ и то обстоятельство, что въ природѣ встрѣчаются трипанозомы весьма различной вирулентности и въ то время, какъ однѣ вызываютъ въ данномъ животномъ легкое недомоганіе или вовсе для него не патогенны, другія производятъ у того же самаго животнаго тяжелое заболѣваніе, кончающееся смертью. Кромѣ того, можно и искусственно, проводя трипано-

зомъ черезъ опредѣленныхъ животныхъ, ослаблять или усиливать ихъ вирулентность ¹⁾.

Принимая во вниманіе тяжелое теченіе трипанозомныхъ болѣзней человѣка и животныхъ и постоянно увеличивающееся количество жертвъ, уносимыхъ ими, нельзя не признать вполне своевременными усердные поиски за средствами для борьбы съ ними. Не буду останавливаться на опытахъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, скажу только, что были попытки искусственной иммунизации ²⁾ животныхъ противъ трипанозомныхъ болѣзней и въ частности противъ сонной болѣзни, а также попытки примѣненія и серотерапіи.

Конечно, будущее покажетъ насколько за этими методами можно будетъ признать практическіе результаты, пока же по мнѣнію проф. Коха такіе методы по отношенію къ трипанозомнымъ болѣзнямъ не могутъ считаться рациональными мѣрами. Дѣло въ томъ, что животныя, ставшія по той или другой причинѣ невосприимчивыми къ трипанозомной болѣзни, могутъ въ то же время заключать въ своей крови трипанозомъ ³⁾. Вслѣдствіе этого, не будучи сами больны, они служатъ постояннымъ источникомъ заразы, такъ какъ являются какъ бы резервуаромъ, изъ котораго заражаются мухи и другія кусающія насѣкомыя и затѣмъ разносятъ этихъ паразитовъ здоровымъ людямъ и животнымъ.

Слѣдуетъ поэтому изыскивать другія средства, которыя дѣйствовали бы убивающимъ образомъ на самихъ трипанозомъ, находящихся въ тѣлѣ животныхъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ уничтожать тѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ, которыя распространяютъ заразу, истреблять, напримѣръ, ихъ личинки. Однимъ словомъ, въ настоящее время наиболѣе рациональными методами борьбы съ трипанозомными болѣзнями должны быть тѣ же, которые примѣняются въ борьбѣ съ маляріей, т.-е., съ одной стороны, химическія средства, подобныя хинину, съ другой—механическія, т.-е. обереганіе людей отъ кусающихъ насѣкомыхъ посредствомъ защитительныхъ сѣтокъ, уничтоженія ихъ личинокъ и т. п. Больныхъ животныхъ слѣдуетъ убивать; подозрѣваемыхъ изолировать.

Хининъ не оказываетъ никакого вреднаго дѣйствія на трипанозомъ, и надо искать другого химическаго препарата. Многія лабораторіи Старога и Новаго свѣта заняты въ настоящее время отысканіемъ подобнаго средства; указывается на пользу примѣненія мышьяка въ комбинаціи съ желѣзомъ. Извѣстный нѣмецкій ученый Эрлихъ рекомендуетъ приемы одного химическаго препарата, названнаго имъ Trypanoth'омъ въ комбинаціи съ мышьякомъ; изслѣдуются и многія другія средства. Но, вообще говоря, все сдѣланное въ этомъ направленіи относится

¹⁾ Напр., очень вирулентныхъ для рогатаго скота трипанозомъ можно сдѣлать оосѣмъ для него безвредными, если проводить ихъ черезъ организмъ крысъ и собакъ.

²⁾ См. ст. Л. А. Чугаева „Организмъ человѣка и животныхъ въ борьбѣ съ бактеріями“, Научное Слово, 1908, III и IV.

³⁾ Подобнаго рода примѣромъ служатъ между прочимъ крупныя дикія животныя (буйволы, антилопы), которыя, какъ было указано, заключаютъ обыкновенно въ своей крови трипанозомъ. Въ странахъ, гдѣ свирѣствовала болѣзнь це-це, съ истребленіемъ этихъ животныхъ, исчезали въ то же время мухи це-це, и трипанозомная болѣзнь прекращалась.

еще къ области лабораторныхъ опытовъ и пока не можетъ имѣть практическаго значенія; есть однако основаніе думать, что въ недалекомъ будущемъ рациональный методъ лѣченія сонной болѣзни будетъ найденъ.

П. Циклинская.

Магнитные сплавы немагнитныхъ металловъ.—Одно изъ замѣчательнѣйшихъ научныхъ пріобрѣтеній послѣдняго времени было сдѣлано Гейслеромъ (Heusler) въ Диленбургѣ. До сихъ поръ принято считать сильно развитыя магнитныя свойства исключительной принадлежностью нѣкоторыхъ немногихъ породъ вещества, а именно желѣза (чугуна, стали), никеля и кобальта. Атомные вѣса этихъ трехъ элементовъ мало отличаются другъ отъ друга (желѣзо Fe = 56, кобальтъ Co = 59, никель Ni = 59); это могло дать поводъ думать, что способность къ сильному намагниченію связана съ определенной величиной вѣса атома. Всѣ другія простыя тѣла обладаютъ весьма слабыми магнитными свойствами; притомъ нѣкоторые изъ нихъ, подобно желѣзу, притягиваются магнитомъ (это такъ наз. магнитныя или парамагнитныя тѣла), другія же, какъ напр., висмутъ или сурьма, отталкиваются (діамагнитныя тѣла). Гейслеръ открылъ, что сильными магнитными свойствами обладаетъ также затвердѣвшій растворъ марганца и алюминія въ мѣди; ¹⁾ между тѣмъ, какъ это и раньше было извѣстно, мѣдь и алюминій въ чистомъ видѣ являются слегка діамагнитными, и только марганецъ въ слабой степени обнаруживаетъ парамагнитныя свойства. Оказалось, что наиболѣе дѣятельные въ магнитномъ отношеніи сплавы получаютъ въ томъ случаѣ, если взяты количества марганца и алюминія пропорціональны ихъ атомнымъ вѣсамъ (марганецъ Mn = 55, Al алюминій = 27), то-есть относятся между собою приблизительно, какъ 2 : 1. Это наводитъ на мысль, что явленіе зависитъ между прочимъ отъ образованія опредѣленнаго химическаго соединенія по формулѣ MnAl. Чѣмъ большее количество этого соединенія сплавлено съ мѣдью, тѣмъ болѣе возрастаетъ и магнитная способность получаемаго сплава. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ приходилось ограничиваться сплавами, содержащими не болѣе 24% марганца, такъ какъ дальнѣйшему увеличенію процентнаго содержанія препятствуютъ техническія трудности. Гейслеръ нашель, что вмѣсто алюминія можно брать—хотя и съ меньшимъ успѣхомъ—олово, мышьякъ, сурьму и висмутъ; хорошо дѣйствуетъ также прибавка небольшого количества свинца къ марганцево-алюминіевому сплаву.

Обнаружилось, что на магнитныя свойства сплава мѣди съ марганцемъ и алюминіемъ имѣютъ сильное вліяніе температурныя условія. Продолжительное (нѣсколько сотъ часовъ) нагрѣваніе при температурѣ 110° въ нѣсколько разъ усиливаетъ магнитныя свойства; наоборотъ, дальнѣйшее повышеніе температуры можетъ вполне уничтожить ихъ.

Въ самое послѣднее время довольно подробное изслѣдованіе по этому вопросу произвелъ Гумлихъ въ Physikalisch Technische Reichsanstalt въ Берлинѣ. Онъ пользовался сплавомъ слѣдующаго состава:

¹⁾ Можно думать, что явленіе это стоитъ въ связи съ особенностями природы элемента марганца. Кое-что изъ этихъ особенностей давно уже возбуждало любопытство. Такъ, марганцовистая сталь оказывается, къ удивленію, *не магнитной*.

жѣди	67,7%
марганца	20,5%
алюминія	10,7%
свинца	1,2%

Понятіе о нѣкоторыхъ полученныхъ имъ результатахъ можно дать при помощи слѣдующаго сопоставленія. Размѣры магнитной способности тѣлъ характеризуются въ физикѣ и техникѣ числомъ, называемымъ *магнитною проницаемостью*. Для обыкновеннаго желѣза максимальная магнитная проницаемость равна примѣрно 1800; для никеля магнитная проницаемость не болѣе 300; для кобальта не болѣе 180; для всѣхъ другихъ простыхъ тѣлъ она мало отличается отъ единицы. Сплавъ же, изслѣдованный Гумлихомъ, будучи подвергнутъ въ теченіе 540 часовъ нагрѣванію при 110°, приобрѣлъ максимальную магнитную проницаемость, равную 1200.

А. Бачинскій.

Углекислота въ природѣ.—Извѣстно какой, интересъ возбуждала теорія Арениуса, по которой измѣненія климатовъ земного шара, происходившія въ теченіе геологическихъ эпохъ, ставятся въ зависимость отъ измѣненія содержанія въ земной атмосферѣ мало прозрачнаго для лучей теплоты углекислаго газа. Наличное количество углекислоты въ атмосферѣ равняется $2,4 \times 10^{12}$ — почти двумъ съ половиной триллионамъ тоннъ; это составляетъ 3 объема углекислоты на 10.000 объемовъ воздуха. Но сожигаемое ежегодно количество угля выдѣляетъ столько углекислоты, что если бы промышленная дѣятельность продолжалась въ современныхъ размѣрахъ тысячу лѣтъ, то за это время количество углекислаго газа въ воздухѣ должно бы удвоиться и дойти до 6 объемныхъ частей на 10.000. Въ зависимости отъ этого можно было бы ожидать измѣненій климата; съ другой стороны, воздухъ сдѣлался бы почти негоднымъ для дыханія.

Неосновательность этихъ заключеній доказываетъ Харденъ въ *Nature* ¹⁾. Онъ производилъ опыты, относящіяся къ распредѣленію углекислаго газа между водою, имѣющей составъ океанской воды, и находящимся надъ ней воздухомъ. Оказывается, что для того, чтобы увеличить содержаніе углекислоты въ воздухѣ только на одну треть, необходимо развить такое количество ея, которое слишкомъ вдвое превышало бы настоящее содержаніе ея въ атмосферѣ. Весь излишекъ былъ бы при этомъ поглощенъ водою океановъ. Такимъ образомъ океанъ, содержащій примѣрно въ 27 разъ больше углекислоты, чѣмъ сколько ея находится въ воздухѣ, является мощнымъ регуляторомъ процентнаго содержанія углекислаго газа въ атмосферѣ.

Если предположимъ, что въ теченіе тысячелѣтія будетъ сожигаться столько же угля, какъ теперь, то отъ этого, по Хардену, содержаніе углекислоты въ воздухѣ повысится съ 3 объемныхъ частей на 10.000 только до $3\frac{1}{2}$ частей на 10.000. Это повышеніе сравнительно не велико.

А. Бачинскій.

¹⁾ 19 Jan. 1905.

Alfred Meyer. Теорія выборовъ и пропорціональное представительство. (Revue générale des Sciences. 15 Février 1905).

Уже въ 1781 году знаменитый математикъ Borda обратилъ вниманіе на одинъ изъ важныхъ недостатковъ обычнаго метода избранія по большинству голосовъ и доказалъ ту парадоксальную истину, что когда налицо болѣе двухъ кандидатовъ, то получившій большинство голосовъ не есть непременно тотъ, котораго избиратели предпочитаютъ его конкурентамъ. Вскорѣ послѣ него одинъ изъ крупныхъ мыслителей XVIII вѣка Condorcet въ свою очередь примѣнилъ математическій анализъ къ изслѣдованію того же вопроса. Теоретическіе способы выборовъ, предложенные тѣмъ и другимъ, при нѣкоторомъ различіи, стремятся къ одинаковой цѣли: выяснить дѣйствительное предпочтеніе избирателей, такъ чтобы обезпечить избраніе за тѣмъ изъ кандидатовъ, котораго большинство считаетъ наиболѣе *достойнымъ*. Ни Borda, ни Condorcet не задавались разрѣшеніемъ вопроса, возможно ли и нужно ли при избраніи лицъ на *представительная должности* считаться не только съ желаніями большинства избирателей, но и вообще съ желаніями избирателей всѣхъ партій. Между тѣмъ, если мы хотимъ обезпечить большинство въ собраніи представителей за тѣмъ мнѣніемъ, къ которому принадлежитъ большинство избирателей, необходимо, чтобы имѣли своихъ представителей, въ количествѣ, пропорціональномъ ихъ численности, всѣ партіи, на которыя разбиваются избирательные голоса, а не только случайныя и неустойчивыя большинства, обнаружившіяся въ весьма неравныхъ и произвольно разграниченныхъ избирательныхъ округахъ, какъ это бываетъ при примѣненіи обычнаго метода избранія.

Опыты, доказывающіе, что этотъ методъ не способенъ осуществить правильнаго представительства, насчитываются тысячами.

Иногда онъ порождалъ въ жизни демократій острые кризисы, доходившіе до междоусобій.

Вслѣдъ за кровавыми смутами, происшедшими въ Женевѣ въ 1864 году по поводу результатовъ выборовъ и усмиренными федеральными войсками, Женевскій кантонъ былъ раздѣленъ на три избирательныхъ округа, которые, голосуя по спискамъ (scrutin de liste), избирали: первые два—по 44 депутата, а послѣдній—22. Радикалы имѣли большинство голосовъ (5.580), но получили только 44 мѣста; консервативное же меньшинство (5.500) получило 61 мѣсто. Въ 1890 году въ Тессинѣ по поводу выборовъ разразилось возстаніе. Революціонное движеніе приняло своимъ лозунгомъ слѣдующую формулу:

12.166 либераловъ избирають	35	депут.
12.783 консерватора " 	77	"

Она краснорѣчиво выражала несправедливость результатовъ, къ которымъ можетъ привести система выборовъ по большинству. Революція имѣла то послѣдствіе, что впервые былъ принятъ и введенъ въ избирательное законодательство *принципъ пропорціональности* сначала въ одномъ кантонѣ, а потомъ и во многихъ другихъ.

Изъ обстоятельнаго доклада, изданнаго въ 1869 г. сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ, слѣдуетъ что среди причинъ, сдѣлавшихъ неизбежною междоусобную войну 1860—1865 гг. и причинившихъ смерть

Таблица II. Результаты, полученные въ восьми системахъ распределенія.

Распределение голосовъ между партіями.	Р а с п р е д ѣ л е н і е м ѣ с т њ .							
	Система Massau.	Система Struye.	Система Mirman.	Система Цугскаго кантона.	Система d'Hondt'a.	Системы, произведенныя отъ способа Hagenbach'a.		
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Первый примѣръ:								
Списокъ А. 25.000 гол.	2	6	3	2	3	3	5	3
„ В. 24.000 „	2	2	3	2	3	2	2	3
„ С. 19.000 „	2	1	2	2	2	2	2	3
„ D. 10.000 „	1	1	2	1	1	1	1	1
„ E. 9.000 „	1	0	0	1	1	1	0	0
„ F. 7.000 „	1	0	0	1	0	1	0	0
„ G. 6.000 „	1	0	0	1	0	0	0	0
100.000 гол.	10	10	10	10	10	10	10	10
Второй примѣръ:								
Списокъ А. 57.000 гол.	6	8	6	7	8	6	8	7
„ В. 13.000 „	1	1	2	1	1	1	1	2
„ С. 12.000 „	1	1	2	1	1	1	1	1
„ D. 7.000 „	1	0	0	1	0	1	0	0
„ E. 6.000 „	1	0	0	0	0	1	0	0
„ F. 5.000 „	0	0	0	0	0	0	0	0
100.000 гол.	10	10	10	10	10	10	10	10

Разобравъ послѣдовательно системы Massau (швейцарская система), Struye, Mirman и систему Цугскаго кантона, авторъ переходитъ къ системѣ d'Hondt'a, на которой останавливается особенно подробно. Система эта, дѣйствительный авторъ которой F. Santagrel предложилъ ее еще въ 1874 г., неправильно приписывается d'Hondt'у, профессору гражданскаго права въ Гентѣ, изложившему ее въ двухъ брошюрахъ въ 1882 г. и въ 1885 г. и защищавшему ее въ теченіе многихъ лѣтъ противъ многочисленныхъ нападокъ. Она была принята единодушно на пропорціоналистскомъ конгрессѣ въ Антверпенѣ въ 1885 г. По предложенію гг. Hagenbach-Bischoff и Vernes 30-го декабря 1899 г. она была введена въ бельгійскій избирательный кодексъ. Во Франціи ее поддерживаютъ „Лига пропорціональнаго представительства“. Суть этой системы

нымъ образомъ статья Alfred'a Meyer'a. При этомъ авторъ ограничивается разсмотрѣніемъ тѣхъ системъ, которыя вошли въ избирательную практику.

Первою попыткою примѣненія принципа пропорціональнаго представительства является система датскаго математика Andrae, который предложилъ ее своему правительству, будучи министромъ финансовъ. Она была введена въ избирательный законъ Даніи въ 1855 году. Но система эта не позволяетъ на самомъ дѣлѣ осуществить принципъ пропорціональности и, кромѣ того, представляетъ неудобство большой сложности въ операціяхъ по подсчету избирательныхъ бюллетеней. Поэтому, несмотря на крупныя преимущества ея и ей аналогичныхъ системъ (Thomas Hare) надъ системой выбора по большинству и на авторитетъ такихъ поборниковъ, какъ Stuart Mill, лордъ Avebury и др., современные пропорціоналисты и главнымъ образомъ американскіе отдають предпочтеніе системамъ, основаннымъ на принципѣ конкуренціи списковъ.

Этотъ принципъ, на которомъ основываются всѣ законы (болѣе или менѣе) пропорціональнаго представительства, дѣйствующіе въ Швейцаріи, Бельгіи, Аргентинѣ и т. д., заключается въ томъ, что опредѣляются „избирательныя числа“ („chiffres électoraux“) наличныхъ списковъ, иначе говоря числа голосовъ, полученныхъ различными партіями или политическими группами, чтобы соотвѣтственно этимъ числамъ установить распредѣленіе мѣстъ между различными партіями, представившими списки кандидатовъ (listes) избирателямъ. При этомъ для каждой изъ избирательныхъ коллегій частное, полученное отъ дѣленія общаго числа поданныхъ голосовъ на число избираемыхъ представителей (заранѣе опредѣленное), составляетъ избирательный масштабъ (mètre électoral), дающій право на одно мѣсто. Только послѣ этого мѣста, полученныя каждой партіей, распредѣляются между кандидатами соотвѣтствующаго списка, между которыми раздѣлились голоса этой партіи. Такимъ образомъ кандидаты одной партіи имѣють возможность соединить вмѣстѣ голоса, полученные каждымъ изъ нихъ и не достигающіе избирательнаго масштаба, или голоса, представляющіе избытки надъ масштабомъ, и слѣдовательно использовать для партіи голоса, которые каждый изъ обладателей этихъ голосовъ индивидуально утилизировать не могъ бы.

Но даже и при такомъ способѣ вообще получится для каждой партіи и въ каждомъ избирательномъ округѣ неутрилизированный избытокъ голосовъ по той простой причинѣ, что общее число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ одного списка, обыкновенно не представляетъ точнаго кратнаго избирательнаго масштаба. Такимъ образомъ въ каждомъ избирательномъ округѣ останется одно или нѣсколько нераспредѣленныхъ мѣстъ, соотвѣтствующихъ избыткамъ различныхъ списковъ, и придется такъ или иначе распредѣлить и эти дополнительныя мѣста.

Различныя системы пропорціональнаго представительства (основанныя на конкуренціи списковъ) именно и отличаются другъ отъ друга только способами распредѣленія дополнительныхъ мѣстъ, и этого достаточно однако для того, чтобы результаты въ этихъ системахъ были весьма неодинаковы. Нижеслѣдующая таблица наглядно показываетъ разницу результатовъ на двухъ гипотетическихъ примѣрахъ, въ которыхъ число поданныхъ голосовъ принято равнымъ 100.000, а число долженствующихъ быть избранными кандидатовъ — 10.

энтузіазма, вызваннаго или усиленнаго знаменательною годовщиною... Во всякомъ случаѣ, эта годовщина способствовала извѣстной перемѣнѣ во вкусахъ и симпатіяхъ нѣмецкой интеллигенціи, въ частности—литературныхъ круговъ. Пишущему эти строки приходилось уже въ другомъ случаѣ говорить о томъ охлажденіи къ творчеству великаго поэта, которое замѣчалось въ Германіи въ пору наибольшаго торжества натуралистическихъ теорій, отчасти—идей Ницше; тогда Шиллера прямо называли устарѣлымъ, отжившимъ свой вѣкъ, риторичнымъ, непонимающимъ реальной жизни,—увлекаться его творчествомъ считалось страннымъ и неосновательнымъ; каждый писатель новѣйшей школы ставился выше автора „Разбойниковъ“, которому послѣ прежняго неумѣреннаго, даже фанатическаго поклоненія вдругъ выпало на долю игнорированіе, или почти пренебрежительное отношеніе, въ чемъ, правда, была совсѣмъ неповинна большая публика и народная масса, остававшіяся вѣрными Шиллеру.

Постепенно этотъ пароксизмъ охлажденія сталъ проходить, смѣняясь болѣе справедливымъ и безпристрастнымъ взглядомъ; ожиданіе годовщины 9-го мая, съ своей стороны, немало содѣйствовало, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, реабилитаціи поэта, оживленію интереса къ его личности и произведениямъ. Задуманныя въ широкихъ размѣрахъ иногда очень внушительныя торжества, которыми рѣшено было ознаменовать эту годовщину въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, гдѣ только слышится нѣмецкая рѣчь, нашли сочувственный откликъ въ обществѣ, заставили многихъ перечестъ заново сочиненія поэта, привели на память и то всенародное чествованіе, которымъ отмѣчена была другая годовщина, связанная съ біографіей Шиллера: столѣтіе со дня его рожденія, 11-го ноября 1859 года, вызвавшее общій энтузіазмъ и объединившее весь германскій народъ, еще не объединенный политически, вокругъ имени одного изъ корифеевъ нѣмецкой литературы.

Признаки приближенія „шиллеровскихъ дней“ стали ощущаться очень рано. Еще прошлою осенью появились нѣкоторыя статьи, предвѣщавшія ту обширную литературу новыхъ работъ по Шиллеру, крупныхъ и мелкихъ, ученыхъ и чисто-популярныхъ, которая теперь находится въ нашемъ распоряженіи. Эти „Schiller-Vorklänge“, пожалуй, были даже болѣе внимательно анализированы въ то время критикою именно потому, что ихъ было сравнительно мало и они не потонули въ массѣ разнообразныхъ статей или изслѣдованій, связанныхъ все съ тѣмъ же вопросомъ. Въ нѣкоторыхъ органахъ о Шиллерѣ говорилось по поводу наступленія новаго 1905 года, который для Германіи, дѣйствительно, является „шиллеровскимъ годомъ“, подобно тому, какъ для русской читающей публики 1899 годъ былъ, прежде всего, пушкинскимъ. Такъ, въ новогоднемъ № „Frankfurter Zeitung“ напечатана была обширная и довольно любопытная статья Макса Дипа, изъ Штутгарта, „Schiller“, начинавшаяся словами „Der Name Schillers steht an der Stirn dieses Jahres“ и заключавшая въ себѣ между прочимъ восторженную характеристику Шиллера, какъ вождя и вдохновителя общества, провозвѣстника идеаловъ гуманности, свободы, служенія обществу.

Съ каждымъ мѣсяцемъ Шиллеромъ занимались, конечно, все больше и больше. Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ, капитальныхъ вкладовъ въ изученіе жизни, психологіи и творчества Шиллера явился прекрасно

изданный шиллеровскій сборникъ, выпущенный за нѣсколько мѣсяцевъ до годовщины швабскимъ *Schillerverein* („Marbacher Schillerbuch“. Zur hundertsten Wiederkehr von Schillers Todestag, herausgegeben vom Schwäbischen Schillerverein). Всѣ, кто интересуется Шиллеромъ, найдутъ здѣсь самый разнообразный, иногда весьма цѣнный матеріалъ. Имена нѣкоторыхъ лицъ, принявшихъ участіе въ этомъ обширномъ (до 400 страницъ большого формата) сборникѣ, мало говорятъ намъ; на ряду съ этимъ, мы находимъ здѣсь критическіе или біографическіе этюды такихъ писателей, какъ Эрихъ Шмидтъ, Куно Франке, Отто Гарнакъ, Генрихъ Бультгауптъ, Адольфъ Бартельсъ, Бертольдъ Лицманъ и др. Конечно, не всѣ эти 32 статьи одинаково интересны, но болѣе половины общаго числа могли бы заинтересовать, въ частности, и русскаго читателя, заслуживали бы того, чтобы ихъ перевели по-русски.

На первомъ планѣ стоятъ очерки, имѣющие отношеніе къ біографіи поэта, къ различнымъ эпизодамъ его дѣтства, отрочества, наиболѣе плодотворной поры жизни, къ его сношеніямъ съ другими литературными дѣятелями его времени и т. д. Авторы нѣкоторыхъ статей этой категоріи пользовались архивнымъ матеріаломъ и документальными данными, которыя, при всей своей сухости, помогаютъ иногда выяснять менѣе изслѣдованные эпизоды біографіи поэта. Сюда относятся, наприм., такія статьи, какъ *Шиллеръ и Гердеръ*, *Шиллеръ въ Людвигсбургской латинской школѣ*, *Шиллеръ, какъ военный*, *Шиллеръ въ Карловской школѣ*, *Шиллеръ и Шубартъ*, *Луизи фонъ-Леннефельдъ*, *Вдова Шиллера* и нѣкоторыя другія.

Вторую категорію образуютъ статьи, посвященныя исторіи творчества поэта, созданію его отдѣльныхъ произведеній, его взглядамъ на литературу и искусство, а также на свое призваніе. Изъ пьесъ Шиллера вниманіе критиковъ и изслѣдователей, участвующихъ въ марбахскомъ сборникѣ, привлекли, между прочимъ, „Донъ-Карлосъ“ (исторія постановки пьесы на сценѣ и измѣненій, сдѣланныхъ Шиллеромъ въ первоначальномъ планѣ), „Валленштейнъ“ (сравненіе главнаго героя трилогіи съ Макбетомъ), „Вильгельмъ Телль“.

Весьма интересны двѣ статьи о балладахъ Шиллера—Бультгаупта и Лицмана; послѣдній въ своемъ этюдѣ „Schillers Balladendichtung“ проводитъ ту мысль, что изученіе балладъ Шиллера, какъ оно теперь поставлено въ нѣмецкой школѣ, не достигаетъ цѣли, потому что своимъ педагогичнымъ и безжизненнымъ характеромъ способно сдѣлать творчество поэта прямо ненавистнымъ для учащихъся... Теобальдъ Циглеръ изучаетъ вопросъ о „свободѣ и неизбѣжности въ драмахъ Шиллера“; извѣстный русской читающей публикѣ, какъ авторъ „Исторіи нѣмецкой литературы“, Куно Франке, приславшій свою статью изъ Америки, хочетъ выяснитъ внутреннюю связь между натурализмомъ и символизмомъ, а Людвигъ Гейгеръ обстоятельно занимается второстепеннымъ, но все же интереснымъ вопросомъ о Шиллерѣ, какъ переводчикѣ Дидро (рѣчь идетъ объ отрывкѣ изъ „Jacques le fataliste“), и объ отношеніи нѣмецкаго поэта къ французскому мыслителю.

Три статьи знакомятъ насъ съ тою популярностью, которая выпала на долю поэзіи Шиллера въ Новомъ Свѣтѣ. Профессоръ пенсильванскаго университета въ Филадельфіи, Маріонъ Декстеръ Лэрнедъ, помѣстивъ въ сборникѣ статью „Schillers litterarische Stellung in Amerika“.

Другой авторъ, на этотъ разъ—нѣмецъ по происхожденію, хотя и живущій тоже въ Америкѣ, въ одномъ городкѣ недалеко отъ Чикаго, далъ своему очерку характерное названіе *Шиллеръ, какъ знаменосецъ германской мысли въ Америкѣ*. Наконецъ въ третьей статьѣ говорится о дѣятельности американскаго Schillerverein'a, существующаго въ С.-Луи, основаннаго группою натурализовавшихся въ Соединенныхъ Штатахъ нѣмцевъ и имѣющаго цѣлью вообще поддерживать въ нѣмецкой колоніи за океаномъ любовь къ родной литературѣ и языку. Для полноты нашего обзора слѣдуетъ указать на то, что въ составъ марбахскаго сборника вошли также нѣкоторыя письма Шиллера и къ Шиллеру, подчасъ весьма любопытныя. Внѣшній видъ изданія производитъ прекрасное впечатлѣніе: отличная бумага, крупный шрифтъ, десятки портретовъ, видовъ, fac-simile и т. п.

Обращаясь къ другимъ новинкамъ шиллеровской литературы, появившимся въ журналахъ и газетахъ (замѣтимъ кстати, что Шиллеру всецѣло посвящена новѣйшая книжка издаваемаго Максомъ Кохомъ журнала „Studien zur vergleichenden Litteraturgeschichte“) или отдѣльнымъ изданіемъ, мы должны и среди нихъ отмѣтить прежде всего нѣкоторыя изслѣдованія біографическаго характера. Въ литературномъ приложеніи къ мюнхенской „Allgemeine Zeitung“ недавно напечатана была, наприм., статья провинціальнаго священника Майера, озаглавленная *Предки Шиллера*. Это—образецъ кропотливыхъ, пожалуй мелочныхъ, но приносящихъ все же свою долю пользы работъ, какія нерѣдко выходятъ изъ-подъ пера нѣмецкихъ изслѣдователей. Майеръ рѣшилъ лишній разъ пересмотрѣть вопросъ о томъ, кто были наиболѣе отдаленные предки Фридриха Шиллера, гдѣ они жили всего дольше, кто изъ нихъ заявилъ о себѣ чѣмъ-либо особеннымъ. Для этой цѣли онъ обратился къ источнику, который, странное дѣло, до сихъ поръ не былъ достаточно использованъ,—къ церковнымъ книгамъ различныхъ приходовъ, изъ числа тѣхъ, къ которымъ могли принадлежать прежнія, болѣе отдаленныя поколѣнія Шиллеровъ. Съ помощью этихъ архивныхъ данныхъ автору удалось установить, наприм., что самыя раннія упоминанія фамиліи *Schiller* относятся къ концу XIV вѣка и что въ прошломъ эта семья выставила немало довольно выдающихся людей, хотя бы и дѣйствовавшихъ иногда только въ тѣсныхъ рамкахъ деревенской жизни.

Къ біографіи Шиллера имѣетъ отношеніе и обширный трудъ, принятый бібліографическимъ обществомъ въ Веймарѣ—*Личность Шиллера* (Schillers Persönlichkeit. Urteile der Zeitgenossen und Dokumente, gesammelt von Max Hecker). Пока вышелъ только первый томъ, въ которомъ напечатаны матеріалы, доходящіе до 1784 года; по справедливому замѣчанію одного критика, если изданіе будетъ продолжаться по такому же масштабу, понадобится еще 5-6 томовъ, чтобы исчерпать то, что относится къ позднѣйшей, еще болѣе интересной и полной фактовъ эпохѣ жизни и дѣятельности Шиллера... Для ознакомленія съ личностью поэта и отношеніемъ къ нему современниковъ подобное изданіе можетъ быть полезно, хотя оно и содержитъ въ себѣ, въ сущности, сырой матеріалъ, въ которомъ читатель долженъ еще самъ разбираться. Быть можетъ, цѣлесообразнѣе было бы выбрать изъ множества показаній современниковъ только то, что дѣйствительно представляетъ интересъ, откинувъ ненужный балластъ или даже все то, что въ

разное время переиздавалось, а поэтому достаточно известно и не специалистамъ.

Рудольфъ Краусъ въ своей статьѣ *Шиллеръ въ лазаретъ военной академіи и возникновеніе Разбойниковъ* затрогиваетъ, повидимому, крайне спеціальныя, не представляющій общаго интереса вопросъ, но высказываетъ цѣлый рядъ предположеній, которыя довольно любопытны для всѣхъ занимающихся біографіей и исторіей творчества Шиллера. Известно преданіе о томъ, что „Разбойники“ были написаны поэтомъ главнымъ образомъ по ночамъ, въ непривѣтливой, душной и невеселой обстановкѣ лазарета, куда онъ долженъ былъ укрываться для литературныхъ занятій, такъ какъ открыто заниматься литературою онъ уже не рѣшался, изъ опасенія репрессалій со стороны герцога вюртембергскаго, считавшаго это непроизводительною тратой времени. Высказывалось даже мнѣніе, что крайне мрачный, зловѣщій характеръ нѣкоторыхъ сценъ трагедіи объясняется именно тѣми своеобразными и ненормальными внѣшними условіями, при которыхъ она создавалась. Это преданіе, основывающееся на разсказахъ нѣсколькихъ лицъ, которыя могли знать это хорошо, несомнѣнно заслуживаетъ довѣрія. Краусъ, исходя изъ этого преданія, рѣшилъ прибѣгнуть опять такъ къ архивнымъ документамъ, сохраняющимся въ Штутгартѣ, и прослѣдить по нимъ, въ какіе именно дни „воспитанникъ Шиллеръ“ обращался за медицинскою помощью и пользовался услугами лазарета. Ему удалось опредѣлить цѣлый рядъ дней въ декабрѣ 1779 года и въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1780, когда Шиллеръ находился на положеніи больного, хотя бы эта болѣзнь и была зачастую фиктивною. Такимъ образомъ, если не сомнѣваться въ достоверности преданія, о которомъ рѣчь шла выше, можно допустить, что именно въ эти дни поэтъ писалъ урывками свою знаменитую пьесу.

Говоря объ этомъ раннемъ періодѣ жизни Шиллера, нельзя не отмѣтить кстати, что только что вышло два новыхъ изданія одного сочиненія, которое цитируется во всѣхъ біографіяхъ поэта, но давно уже стало біографическою рѣдкостью и вслѣдствіе этого весьма рѣдко попадало въ руки современнаго читателя. Мы имѣемъ въ виду книгу А. Штрейхера *Бытство Шиллера изъ Штутгарта и его пребываніе въ Мангеймѣ* (Andreas Streicher, „Schillers Flucht von Stuttgart und Aufenthalt in Mannheim“). Это—высоко любопытный разсказъ друга Шиллера, бѣжавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ тисковъ вюртембергскаго режима и сохранившаго для потомства весьма цѣнныя свѣдѣнія объ этомъ рискованномъ предпріятіи и о томъ, какъ сложилась судьба Шиллера въ ту эпоху, которая слѣдовала непосредственно за бѣгствомъ. Восторженное преклоненіе передъ Шиллеромъ, съ которымъ Штрейхеру необыкновенно тяжело и мучительно было потомъ расстаться, отражается во всемъ его сочиненіи.

Теперь этотъ разсказъ друга и почитателя поэта имѣется одновременно въ двухъ изданіяхъ; одно изъ нихъ—болѣе дорогое, снабженное примѣчаніями и вступительною статьею, другое—общедоступное, входящее въ составъ столь популярной и дешевой коллекціи „Universal-Bibliothek“, издаваемой лейпцигскою фирмою Philipp Reklam.

Въ серіи біографическихъ очерковъ, задуманной Паулемъ Ремеромъ и носящей общее заглавіе „Die Dichtung“, новѣйшій выпускъ (двадцать шестой по счету) также посвященъ Шиллеру; его авторомъ является

довольно извѣстный современный нѣмецкій писатель Фрицъ Лингардъ (*Schiller, von Fritz Lienhard; Die Dichtung, herausg. von Paul Remer; Band XXVI*). Особенность этой книги, которая выходитъ въ свѣтъ послѣ длиннаго ряда сочиненій, написанныхъ на ту же тему, состоитъ въ томъ, что Лингардъ поставилъ себѣ интересную задачу, раньше оставявшуюся многими безъ должнаго вниманія: прослѣдить связь между жизнью и творчествомъ поэта, найти въ его сочиненіяхъ отголоски отдѣльных эпизодовъ его біографіи, вообще разсматривать его одновременно, какъ поэта и какъ человѣка.

Съ другой стороны, Вольфгангъ Кирбахъ въ своей новой книгѣ *Фридрихъ Шиллеръ, какъ реалистъ и реальный политикъ*, составившейся изъ отдѣльных статей, написанныхъ ранѣе, старается доказать, что поэту свойственно было глубокое и осмысленное пониманіе политическихъ вопросовъ, что онъ сознательно относился къ нуждамъ родной жизни, что отдѣльныя идейныя тирады, встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ, отнюдь не были только риторическими упражненіями, какъ иногда утверждали враги или придирчивые критики поэта, а скрывали въ себѣ искреннее воодушевленіе. Подобнаго же взгляда придерживается и Фрицъ Лингардъ, горячо защищающій паюсоъ поэта отъ обвиненій въ искусственности или ходульности.

Весьма интересная статья посвящена была Э. Кюнеманомъ въ журналѣ „*Deutsche Rundschau*“ „Разбойникамъ“ Шиллера. Объ этой пьесѣ написано было такъ много,—вспомнимъ, для примѣра, хотя бы посвященныя трагедіи и главнымъ источникамъ ея страницы въ извѣстномъ трудѣ Минора,—что ничего абсолютно новаго Кюнеманъ, конечно, не могъ сказать. Но всякій, кто захочетъ составить себѣ вполнѣ ясное представленіе объ историко-литературномъ значеніи пьесы, ея отношеніи къ другимъ драмамъ и трагедіямъ того времени, вліяніи корифеевъ міровой литературы на Шиллера въ пору созданія „Разбойниковъ“, прочтетъ этотъ очеркъ съ интересомъ. Авторъ лишній разъ отмѣчаетъ въ пьесѣ Шиллера слѣды вліянія „Ричарда III“, „Короля Лира“, „Отелло“, „Донъ-Кихота“, вспоминаетъ о тѣхъ произведеніяхъ нѣмецкихъ авторовъ, которые до извѣстной степени подготовили „Разбойниковъ“, объ „Эмилиі Галотти“, „Гёццъ-фонъ-Берлихингенъ“, „Уголино“ Герстенберга, говоритъ о воздѣйствіи на Шиллера Библии, а также „Потеряннаго Рая“ Мильтона. Изъ изслѣдованій, посвященныхъ спеціально творчеству поэта, укажемъ еще на книгу А. А. Когута *Шиллеръ, какъ юмористъ*.

За нѣсколько времени до годовщины выпущенъ былъ небольшой сборникъ, озаглавленный *Рѣчи о Шиллерѣ* („*Schiller-Reden*“, gehalten von J. Grimm, L. Döderlein, F. Th. Fischer u. a.). Въ составъ этой книги вошло 14 рѣчей, произнесенныхъ въ разныхъ случаяхъ, между прочимъ въ 1859 году, когда праздновалась столѣтняя годовщина со дня рожденія поэта. Конечно, не всѣ эти рѣчи одинаково удачны и главное—сохранили интересъ даже теперь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; но нѣкоторыя изъ нихъ отнюдь не устарѣли въ наши дни, въ родѣ, наприм., рѣчи Якоба Гримма, которая была дважды переиздана къ годовщинѣ 9 мая. Среди тѣхъ рѣчей, которыя въ этомъ году были произнесены въ различныхъ уголкахъ Германіи, отчасти еще до наступленія всенародныхъ торжествъ, попадаются отдѣльныя упражненія въ ораторскомъ искусствѣ настолько блѣдныя, шаблонныя или безжизненныя, что ихъ нельзя и сравнивать съ

рѣчью Гримма, хотя послѣдняя была сказана слишкомъ 45 лѣтъ тому назадъ...

Желаніе сдѣлать Шиллера еще болѣе близкимъ и симпатичнымъ для народа или для читателей дѣтскаго возраста отразилось въ нѣсколькихъ популярныхъ книжкахъ, приуроченныхъ къ годовщинѣ 9-го мая. Къ числу такихъ книжекъ относится, наприм., характеристика личности и творчества Шиллера, принадлежащая Паулю Ришу и названная имъ *Schiller-Gedenkbuch*. Несомнѣнно, долженъ снова увеличиться спросъ и на ту выборку изъ сочиненій Шиллера—для народнаго чтенія, которая была сдѣлана Рудольфомъ Штейнеромъ и вошла въ составъ серіи популярныхъ книжекъ „*Deutsche Dichter in Auswahl für's Volk*“, основанной покойнымъ нѣмецкимъ поэтомъ Людвигомъ Якововскимъ.

Укажемъ, наконецъ, и на то, что недавно было выпущено нѣсколько сборниковъ избранныхъ мыслей, изреченій или афоризмовъ Шиллера. Такова, наприм., книга Элеоноры Лемпъ *Schillers Welt-und Lebensanschauung in Aussprüchen aus seinen Werken und Briefen*. Здѣсь мысли поэта, взятые изъ его разнообразныхъ сочиненій и въ особенности—изъ его писемъ, что весьма цѣнно, такъ какъ въ письмахъ натура Шиллера отразилась гораздо болѣе, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ, даже лирическаго характера, распредѣлены по особымъ категоріямъ: „религія“, „жизнь“, „природа“, „государство“, „искусство“, „наука“; при каждой цитатѣ указано то произведеніе, откуда она взята, и годъ его появленія, чего иногда мы не находимъ въ подобныхъ сборникахъ изреченій. Кромѣ книги г-жи Лемпъ, появились еще аналогичные, но иногда менѣе удачно выполненные сборники „золотыхъ словъ“ Шиллера: „*Schiller-Gedenkbuch*“ Элеоноры Бояновской (въ видѣ календаря, съ цитатами изъ поэта на каждый день), „*Schiller-Worte*“ Шлэгера (отрывки изъ пьесъ), „*Schiller-Brevier*“ Г. Освальда и др.

Тѣ образцы „шиллеровской литературы“, которые были отмѣчены выше въ качествѣ примѣровъ и, конечно, составляютъ только небольшую часть того, что теперь появляется въ Германіи о Шиллерѣ, все же свидѣтельствуютъ, думается намъ, о томъ, что годовщина 9-го мая вызвала оживленіе интереса къ великому поэту, къ которому временно стали было охладѣвать—и котораго теперь опять оцѣнили.

Юрій Веселовскій.

О новомъ факультетѣ въ университетахъ. Въ виду ожидаемой въ близкомъ будущемъ реформы университетскаго строя нельзя не отнестись съ интересомъ и вниманіемъ къ возникшей недавно идеѣ расширить циклъ наукъ, разрабатываемыхъ и изучаемыхъ въ университетѣ, путемъ устройства особаго факультета, посвященнаго изученію человѣка въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, человѣка какъ предмета воспитанія. Предполагаемый педагогическій факультетъ будетъ принимать слушателей, уже окончившихъ курсъ одного изъ существующихъ факультетовъ, напр., физико-математическаго, филологическаго, медицинскаго, и будетъ давать имъ познанія, которыхъ эти факультеты не даютъ, но которыя совершенно необходимы весьма многимъ изъ ихъ слушателей, посвящающимъ себя педагогической или школьно-врачебной дѣятельности. Именно теперь необходимость педагогическаго образованія у этихъ лицъ осо-

бенно ошутительна. Строй среднихъ учебныхъ заведеній давно признанъ неудовлетворительнымъ, и коренное обновленіе его стало вопросомъ ближайшаго будущаго. Давно выдвинутое педагогическою мыслью требованіе необходимости для педагога видоизмѣнять приемы преподаванія, примѣняясь къ индивидуальнымъ особенностямъ учащихся, предполагаетъ основательное научное знакомство учителя съ природою и условіями развитія дѣтскаго и юношескаго организма, чего теперь университетъ ни на одномъ изъ своихъ факультетовъ не даетъ своимъ питомцамъ—будущимъ педагогамъ и школьнымъ врачамъ.

Учрежденіемъ какой-либо педагогической семинаріи при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній эта потребность не можетъ быть удовлетворена. Только учрежденіе, составляющее часть университетской организаціи, можетъ поставить педагогическое дѣло въ Россіи на необходимую научную высоту и дать странѣ научно образованныхъ педагоговъ—эту жизненную силу и надежду новой реформированной школы. Только такое учрежденіе можетъ поднять научные интересы въ учащемъ персоналѣ, нынѣ замѣтно падающіе, вслѣдствіе оторванности педагоговъ отъ науки. Имѣющіе возникнуть университетскіе центры педагогическаго дѣла будутъ давать далеко распространяющіеся импульсы къ живой научной дѣятельности педагоговъ, будутъ помогать разъясненнымъ по всей странѣ преподавателямъ въ разъясненіи возникающихъ въ ихъ практикѣ вопросовъ и сомнѣній. Только такія тѣсно связанныя съ университетомъ учрежденія будутъ въ силахъ слѣдить за мировымъ развитіемъ педагогической мысли и поддерживать постоянное общеніе съ научно-педагогическими учрежденіями всѣхъ странъ. Нельзя поэтому не выразить полного сочувствія возникающему начинанію и не пожелать ему полнаго и прочнаго успѣха.

Ниже мы приводимъ результаты работы группы преподавателей Московскаго университета, поставившей себѣ цѣлью разработать проектъ устройства новаго факультета.

Неудовлетворительность положенія педагогическаго дѣла въ Россіи и въ частности неудовлетворительность постановки средняго образованія представляетъ фактъ, не требующій доказательствъ. Онъ былъ засвидѣтельствованъ четырьмя министрами народнаго просвѣщенія, работавшими надъ реформой народнаго образованія; плачевное состояніе нашего средняго образованія было въ послѣдніе годы достаточно иллюстрировано и въ литературѣ. Преподаватели университета, имѣющіе дѣло съ молодыми людьми, окончившими гимназію, тоже имѣли случаи констатировать недостаточный уровень ихъ общаго развитія, сильно затрудняющій работу въ университетѣ.

Среди многихъ условій, неблагоприятно вліяющихъ на постановку средняго образованія, однимъ изъ важнѣйшихъ является недостаточная подготовка преподавателей къ ихъ специальной дѣятельности. Физико-математическій и филологическій факультеты университета, преслѣдуя свои спеціальныя научныя цѣли, даютъ оканчивающимъ курсъ молодымъ людямъ достаточныя теоретическія свѣдѣнія въ предѣлахъ избранныхъ ими наукъ, но не вооружаютъ ихъ всѣми тѣми знаніями, которыя необходимы будущимъ преподавателямъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ выпускаемые университетомъ преподаватели совершенно незнакомы ни съ физическими, ни съ психическими особенностями дѣтскаго и юношескаго организма, они имѣютъ очень смутное понятіе о томъ, что доступно и что недоступно учащимся въ разныхъ возрастахъ, и не могутъ вести ихъ умы въ разумномъ согласіи съ нормальными законами дѣятельности здороваго ума ребенка и юноши. Будущіе преподаватели, хотя бы они и усвоили тотъ или иной отдѣлъ знаній въ его современной научной разработкѣ, нерѣдко совершенно незнакомы съ тѣмъ, какъ, въ какомъ видѣ и объемѣ, въ какой педагогической обработкѣ та или иная наука должна преподаваться учащимся болѣе юнаго возраста.

Только личнымъ опытомъ и цѣною многихъ ошибокъ наиболѣе талантливые изъ молодыхъ преподавателей мало-по-малу ориентируются въ условіяхъ своей дѣятельности и узнаютъ то, что они должны бы были знать при самомъ поступленіи въ преподаватели, а менѣе талантливые, вступивъ на невѣрную дорогу, оказываются уже не въ состояніи съ нея выбраться, они всю жизнь страдаютъ сами отъ неудачъ въ своей дѣятельности и заставляютъ страдать учащихся. Эти пробѣлы въ подготовкѣ выпускаемыхъ университетомъ молодыхъ людей къ педагогической дѣятельности не могутъ не отражаться вредно, а иногда и губельно на тѣхъ, надъ кѣмъ эти лишенные научнаго руководства преподаватели продѣлываютъ свои педагогическіе опыты.

Министерство народнаго просвѣщенія нынѣ озабочено изысканіемъ мѣръ къ устраненію недочетовъ въ педагогической подготовкѣ преподавателей и съ этою цѣлью проектируетъ учрежденіе при университетахъ кафедръ педагоги. Горячо сочувствуя этой мысли, осуществленіе которой должно способствовать улучшенію педагогическаго дѣла въ Россіи, мы считаемъ необходимымъ высказать нѣкоторыя соображенія, приводящія насъ къ опасенію, что осуществленіемъ предполагаемой мѣры вполне удовлетворительное рѣшеніе задачи не будетъ достигнуто.

При практическомъ осуществленіи этой мѣры прежде всего приходится сталкиваться съ вопросомъ о томъ, на какомъ факультетѣ должна быть учреждена кафедра педагоги. Въ учителя идутъ студенты двухъ отдѣльных физико-математическаго факультета и студенты филологическаго факультета, и всѣмъ этимъ студентамъ должна быть обеспечена возможность изучать педагогию, но не менѣе важно обезпечить эту возможность и студентамъ медицинскаго факультета. Многие изъ медиковъ становятся школьными врачами, да и тѣмъ, которые не стали ими, сплошь и рядомъ приходится сталкиваться съ ненормальными явленіями въ жизни дѣтей, тѣсно связанными съ ихъ школьнымъ бытомъ; вопросы педагоги не могутъ поэтому не интересоваться будущихъ медиковъ, и этотъ интересъ заслуживаетъ полнаго сочувствія и поддержки. Кромѣ того, существуетъ тѣсная связь самой педагоги съ предметами, преподаваемыми на медицинскомъ факультетѣ; нѣкоторые отдѣлы педагогической науки могутъ разрабатываться только врачами или при ихъ постоянномъ и непосредственномъ участіи. Выходитъ, что педагогія нужна почти на всѣхъ факультетахъ и въ то же время ни на одномъ изъ факультетовъ въ отдѣльности она не войдетъ въ плодотворное общеніе со всѣми тѣми науками, воздѣйствіе которыхъ необходимо для ея нормальнаго дальнѣйшаго развитія.

Есть и еще немаловажное затрудненіе, не устранимое даже и въ томъ случаѣ, если будутъ учреждены отдѣльныя кафедры педагоги на разныхъ факультетахъ. Студенты всѣхъ названныхъ факультетовъ и теперь обременены работой, и уже давно назрѣваетъ и выдвигается вопросъ объ удлиненіи университетскаго курса. Между тѣмъ вопросы педагогическіе представляютъ сложную и требующую серьезнаго вниманія область знаній. Найдется ли у серьезно работающаго студента-математика, естествовика, медика достаточно незанятаго времени, чтобы отдать его на изученіе педагоги, — это весьма сомнительно. Повидимому, всѣмъ названнымъ факультетамъ, преслѣдующимъ свои спеціальныя научныя задачи, не остается ничего болѣе, какъ рекомендовать занятія педагогіей въ качествѣ необязательнаго предмета, а это едва ли будетъ правильнымъ рѣшеніемъ наболѣвшаго вопроса.

Въ настоящее время все болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе, что воспитаніе и образованіе молодыхъ поколѣній представляетъ собою не только особый родъ искусства, но и науку. Британская ассоціація наукъ присоединила къ числу своихъ секцій секцію воспитанія, быстро увеличивается число учрежденій, посвященныхъ научной разработкѣ вопросовъ педагоги, и научная литература по этимъ вопросамъ быстро возрастаетъ. Естественно желать, чтобы и въ русскихъ университетахъ наука воспитанія нашла себѣ достойное мѣсто и благоприятную почву для развитія.

Учрежденіемъ кафедры педагоги на одномъ или даже на нѣсколькихъ факультетахъ важныя государственныя потребности, съ нею связанныя, не были бы удовлетворены въ такой мѣрѣ, какъ онѣ были бы удовлетворены учрежденіемъ отдѣльнаго педагогическаго факультета, имѣющаго объединить вокругъ общей цѣли представителей теоретической науки и лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ преподаванія практически.

Значеніе такого учрежденія хорошо выясняется изъ сопоставленія его съ значеніемъ медицинскаго факультета.

На медицинскомъ факультетѣ проходятся тѣ же естественныя науки, какъ и на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета: зоологія, ботаника, минералогія, физика, химія, анатомія, физиологія и, сверхъ того, нѣсколько наукъ о процессахъ, совершающихся въ организмѣ больного человѣка, и о приемахъ врачеванія его болѣзней. Студенты упражняются практически въ этомъ врачеваніи подъ руководствомъ профессоровъ и ихъ помощниковъ. Такъ какъ основу врачебной науки составляютъ науки естественныя, то студенты, окончившіе естественный факультетъ, поступаютъ на медицинскій факультетъ прямо на спеціальныя курсы, минуя общіе. Представимъ себѣ теперь, что бы было, если бы университетъ выпускалъ врачей только съ этой основой, т. е. прямо съ естественнаго факультета, безъ того прикладнаго естествознанія, примѣнительно къ больному человѣку, которое даетъ медицинскій факультетъ. Дѣло врачеванія человѣческихъ недуговъ отъ этого не выиграло бы, а было бы подорвано. Почему же считается нормальнымъ, что тотъ же университетъ выпускаетъ съ двухъ своихъ факультетовъ, филологическаго и физико-математическаго, молодыхъ людей прямо въ преподаватели, т. е. ввѣряетъ имъ дѣло воспитанія и образованія молодыхъ поколѣній, — дѣло, къ которому эти молодые люди не подготовлены ни теоретически, ни практически? Развѣ забота о сохраненіи тѣлеснаго и духовнаго здоровья юныхъ поколѣній, несомнѣнно страдающихъ отъ неумѣлыхъ педагогическихъ опытовъ, менѣе важна, чѣмъ забота о дѣленіи взрослыхъ?

Учрежденіе особаго педагогическаго факультета, на которомъ могли бы приобрести педагогическія познанія молодые люди, окончившіе одинъ изъ существующихъ факультетовъ, устранило бы вышеуказанное ненормальное положеніе дѣла. Выступивъ съ тѣмъ эта мѣра мощно содѣйствовала бы поднятію уровня педагогическаго образованія, возбудила бы въ обществѣ интересъ къ педагогическимъ вопросамъ, устранила бы вопіющіе недостатки въ постановкѣ средняго образованія, а также и всеобщее недовольство и даже озлобленіе противъ порядковъ, господствующихъ въ средней школѣ. Все это отразилось бы самымъ благоприятнымъ образомъ и въ университетѣ и вообще упорядочило бы дѣло народнаго образованія въ Россіи на всѣхъ его ступеняхъ.

Проектъ устройства педагогическаго факультета при университетахъ.

Собраніе 25 ноября 1904 г., состоявшее изъ профессоровъ — П. И. Дьяконова, И. Ф. Огнева, С. Чирвинскаго, Н. А. Митропольскаго, В. П. Сербскаго, А. П. Павлова, пр.-доцентовъ — Н. И. Напалкова, Г. И. Россолимо, А. Н. Реформатскаго, Э. В. Готье-Дюфайе, В. А. Вагнера и А. Н. Бернштейна, д-ра Д. Д. Плетнева и студ. П. Д. Оаддева, избрало комиссію изъ профессоровъ П. И. Дьяконова, А. П. Павлова, пр.-доцентовъ А. Н. Реформатскаго, Г. И. Россолимо, А. Н. Бернштейна, д-ра Д. Д. Плетнева и студ. Т. Д. Оаддеева и поручило ей разработать вопросъ объ учрежденіи педагогическаго факультета при университетахъ.

Комиссіа въ своихъ шести засѣданіяхъ, предварительно ознакомившись съ постановкой вопроса о подготовкѣ преподавателей въ ранѣе бывшихъ комиссіяхъ при Московскомъ учебномъ округѣ, въ Педагогическомъ обществѣ при Московскомъ университетѣ и др., выработала проектъ педагогическаго факультета по слѣдующему плану:

- I. Составъ слушателей педагогическаго факультета.
- II. Продолжительность курса на педагогическомъ факультетѣ.
- III. Теоретическіе курсы на педагогическомъ факультетѣ.
- IV. Методика и лабораторная подготовка слушателей педагогическаго факультета.
- V. Учебно-воспитательныя учрежденія при педагогическомъ факультетѣ.
- VI. Внутренняя жизнь педагогическаго факультета.

Въ послѣднюю рубрику входящими вопросами были намѣчены слѣдующіе:

- a) Составъ педагогическаго факультета и его права.
- b) Присвоеніе ученыхъ степеней.
- c) Испытанія, дипломы и права слушателей педагогическаго факультета.

Проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ въ трехъ засѣданіяхъ всѣми вышеперечисленными лицами и редактированъ въ нижеизлагаемой редакціи.

I. Составъ слушателей педагогическаго факультета.

Комиссія смотритъ на педагогическій факультетъ какъ на надстройку на существующіе университетскіе факультеты, какъ на средство для пополненія тѣхъ упущеній, которыя они дѣлаютъ, выпуская своихъ слушателей на педагогическое поприще и не сообщая имъ важнѣйшихъ педагогическихъ основъ.

По мнѣнію комиссіи, *слушателями на педагогическомъ факультетѣ должны быть лица, окончившія университетскій курсъ.*

Въ виду того важнаго значенія, которое на педагогическомъ поприщѣ имѣютъ женщины, а также принимая во вниманіе, что программы Высшихъ женскихъ курсовъ вполнѣ отвѣчаютъ программамъ университетскимъ, комиссія считаетъ справедливымъ предоставить право поступленія на педагогическій факультетъ и *лицамъ, окончившимъ Высшіе женскіе курсы.*

II. Продолжительность курса на педагогическомъ факультетѣ.

Принимая во вниманіе, что слушатели педагогическаго факультета будутъ, во-первыхъ, уже окончившими полный университетскій курсъ, а слѣдовательно людьми, научившимися уже сравнительно легко овладѣвать познаніями и приобрѣтшими навыкъ и привычку самостоятельно разбираться въ научныхъ вопросахъ, а во-вторыхъ, людьми, желающими возможно скорѣе выступить въ роли самостоятельныхъ дѣятелей родной страны, *сдѣлатъ курсъ на педагогическомъ факультетѣ двугодичнымъ.*

III. Теоретическіе курсы на педагогическомъ факультетѣ.

Въ рѣшеніи этого вопроса комиссія исходила изъ главной задачи педагогическаго факультета — готовить педагогическій персоналъ и затѣмъ — во-первыхъ, опираясь на соображенія, изложенныя въ предыдущемъ вопросѣ, во-вторыхъ, комиссія желала избѣгнуть такъ часто встрѣчающейся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ многопредметности и, въ-третьихъ, комиссія поставила себѣ въ обязательство смотрѣть на педагогическій факультетъ какъ на учрежденіе жизненное, эластичное, способное расти и развиваться сообразно съ ростомъ и развитіемъ научныхъ требованій и общественныхъ запросовъ. Главную тяжесть занятій на педагогическомъ факультетѣ, въ виду сказаннаго, комиссія усмотрѣла *въ самостоятельнымъ рѣшеніямъ практическѣхъ педагогическѣхъ задачъ*, почему число теоретическихъ курсовъ въ рѣшеніи комиссіи сведено къ возможному минимуму. Отсюда комиссія проектируетъ слѣдующіе пять теоретическихъ курсовъ на педагогическомъ факультетѣ:

1. Педагогика.

Важнѣйшія главы этого курса слѣд.:

- a) Основанія педагогики.
- b) Умственное воспитаніе.
- c) Нравственное „
- d) Эстетическое „
- e) Физическое „
- f) Современные типы школъ у насъ и за границей и ихъ законодательство.

2. Исторія педагогическихъ идей.

3. Педагогическая психологія.

Важнѣйшія главы курса:

- a) Общая психологія.
- b) Психологія дѣтскаго возраста.
- c) Психологія юношескаго періода.
- d) Индивидуальная психологія и ея экспериментальныя основы.
- e) Методика и практика индивидуальнаго психологическаго изслѣдованія.

4. Школьная гигиена.

- а) Важнѣйшія свѣдѣнія по анатоміи и физиологіи человѣка.
- б) Понятіе о болѣзняхъ вообще и объ инфекціонныхъ въ частности.
- в) Гигіена (общая и школьная).

5. Педагогическая патологія.

- а) Школьные болѣзни.
- б) Воспитаніе патологическихъ дѣтей.

IV. Методика и лабораторная подготовка слушателей педагогическаго факультета.

На педагогическомъ факультетѣ, кромѣ указанныхъ выше, обязательныхъ для всѣхъ слушателей *основныхъ* курсовъ, должны читаться еще *методики* предметовъ, изучаемыхъ въ средней школѣ, а именно:

Методики:

- 1) Математики.
- 2) Русскаго языка и словесности.
- 3) Исторіи и политической географіи.
- 4) Географіи, геологіи и космографіи.
- 5) Біологическихъ наукъ.
- 6) Физики и кристаллографіи.
- 7) Химіи и минералогіи.
- 8) Законовѣдѣнія.
- 9) Новыхъ языковъ.
- 10) Древнихъ языковъ.
- 11) Искусствъ.

Педагогическій факультетъ устанавливаетъ изъ указанныхъ методикъ опредѣленныя группы, и каждый слушатель избираетъ для себя въ качествѣ обязательной лишь одну изъ нихъ.

Конечно, кромѣ слушанія теоретическихъ и методическихъ курсовъ, слушатели должны будутъ принимать участіе въ семинаріяхъ и практическихъ занятіяхъ, какими будутъ сопровождаться курсы.

Занятія эти могутъ заключаться въ ознакомленіи путемъ чтенія, бесѣдъ, семинарій и самостоятельныхъ домашнихъ работъ, по указанію руководителя, съ условіями преподаванія того или иного предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ учебными планами, съ учебниками, приборами, постановкой опытовъ, организацией экскурсій, съ источниками научныхъ и педагогическихъ свѣдѣній по данному предмету; въ методической разработкѣ, подъ руководствомъ профессора, извѣстнаго отдѣла курса и т. д.

Кромѣ чисто методическихъ занятій, педагогическій факультетъ, какъ строго научное учрежденіе, долженъ преслѣдовать и чисто научныя цѣли, т. е. разработку самой науки педагогики въ широкомъ значеніи этого слова.

Въ этихъ цѣляхъ педагогическій факультетъ имѣетъ собственныя научно-вспомогательныя учрежденія, и, кромѣ того, желательнo, чтобы слушатели и преподаватели имѣли возможность пользоваться: а) *учебно-вспомогательными учрежденіями при всѣхъ факультетахъ университета по соглашенію съ заведующими* и б) *посѣщать существующія учебныя заведенія*.

Признается важнымъ посѣщеніе слушателями не одного какого-либо учебнаго заведенія, а нѣсколькихъ, дабы оградить слушателя отъ нерѣдко наблюдаемой у обучающихся педагогической практикѣй склонности копировать чисто случайные и не имѣющія педагогическаго значенія приемы и дать возможность критически отнестись къ разнымъ методамъ.

V. Учебно-вспомогательныя учрежденія при педагогическомъ факультетѣ.

Педагогическому факультету должно быть предоставлено право имѣть свои школы тѣхъ типовъ, которые онъ самъ признаетъ желательными; по мнѣнію нѣкоторыхъ—въ томъ числѣ и врачебно-воспитательныя заведенія для дѣтей нераз-

витыхъ и психически ненормальныхъ; по мнѣнію другихъ — послѣдняго рода учрежденія должны быть при медицинскомъ факультетѣ.

Всѣ эти школы и заведенія отнюдь не должны подчиняться существующимъ въ факультета административнымъ учрежденіямъ, а всецѣло должны находиться въ вѣдѣніи педагогическаго факультета.

Хотя педагогическій факультетъ имѣетъ практическое назначеніе — обслуживать интересы главнымъ образомъ *средней* школы, но для полноты освѣщенія научно-педагогическихъ вопросовъ желательно, чтобы и *низшая* школа также входила въ компетенцію педагогическаго факультета и чтобы слушателямъ его дана была возможность посѣщенія и низшихъ школъ. Въ случаѣ же учрежденія при педагогическомъ факультетѣ своихъ школъ желательно учрежденіе при немъ и начальной школы.

Желательными учреждениями при педагогическомъ факультетѣ являются также:

- a) Педагогическій музей.
- b) Педагогическое общество.
- c) Педагогическіе курсы для лицъ, не числящихся въ числѣ слушателей педагогическаго факультета.

VI. Внутренняя жизнь педагогическаго факультета.

a) Составъ педагогическаго факультета и его права.

Въ обсужденіи этого пункта коммиссія исходила изъ слѣдующихъ двухъ основныхъ положеній:

1) Педагогическій факультетъ долженъ представлять ученую корпорацію, для членовъ которой первымъ обязательствомъ должно быть — стоять на научной высотѣ современныхъ знаній, и

2) Педагогическій факультетъ долженъ быть самостоятеленъ, долженъ пользоваться такими же правами, какими пользуются другіе университетскіе факультеты, и долженъ обслуживать себя самъ.

Отсюда мнѣніе коммиссіи о составѣ педагогическаго факультета слѣдующее:

Педагогическій факультетъ долженъ состоять изъ профессоровъ, занимающихъ кафедры на педагогическомъ факультетѣ, и изъ профессоровъ другихъ факультетовъ, читающихъ курсы, приспособленные для студентовъ педагогическаго факультета. Относительно замѣщенія кафедръ на педагогическомъ факультетѣ коммиссія полагаетъ:

1) Профессоромъ по кафедрѣ *педагогики* можетъ быть избираемо лицо, имѣющее степень доктора педагогики (отъ педагогическаго факультета). На кафедре педагогики могутъ быть также избираемы (въ случаѣ недостатка кандидатовъ, удовлетворяющихъ первому требованію, въ особенности на первое время) доктора одной изъ биологическихъ или медицинскихъ наукъ.

2) Профессоромъ по кафедрѣ *исторіи педагогическихъ идей* можетъ быть избираемо лицо, имѣющее степень доктора педагогики, а также доктора всеобщей литературы, философіи или исторіи.

3) Профессоромъ по кафедрѣ *педагогической психологіи* можетъ быть избираемъ докторъ педагогики, прошедшій медицинскій или физико-математическій факультетъ, или докторъ одной изъ биологическихъ или медицинскихъ наукъ.

4) Профессорами кафедръ *школьной гіиены* и *педагогической патологіи* могутъ быть избираемы доктора медицинскихъ наукъ или врачи, получившіе степень доктора педагогики.

5) Профессорами кафедръ по *методикамъ* могутъ быть избираемы лица, имѣющія степень доктора соответствующей науки или магистра ея, если, кромѣ того, послѣдній имѣетъ еще и степень доктора педагогическаго факультета; помимо указаннаго требованія, лица, избираемыя профессорами методикъ, должны имѣть не менѣе какъ двухлѣтнюю предварительную практику преподаванія въ средней школѣ.

Примѣчаніе. Преподаваніе *методики искусства* можетъ быть поручаемо лектору изъ числа художниковъ, имѣющему преподавательскій опытъ.

в) Присвоеніе ученыхъ степеней.

Самъ педагогическій факультетъ можетъ давать только степень *доктора педагогикѣ* на основаніи, во-1-хъ, общаго для всѣхъ экзамена по основнымъ наукамъ педагогическаго факультета; во-2-хъ, спеціальнаго экзамена по одной изъ группъ наукъ другихъ факультетовъ—въ объемѣ требованій, предлагаемыхъ на магистрантскихъ или докторскихъ экзаменахъ соответствующихъ факультетовъ (лица, уже сдавшія магистрантскій или докторантскій экзаменъ на другихъ факультетахъ, отъ этого экзамена освобождаются), и, въ-3-хъ, на основаніи диссертациі по одному изъ предметовъ педагогическаго факультета.

с) Испытанія, дипломы и права слушателей.

Дипломы объ окончаніи курса на педагогическомъ факультетѣ выдаются слушателямъ: 1) на основаніи отзывовъ профессоровъ относительно успѣшности практическихъ работъ и 2) по представленіи сочиненія по одной изъ наукъ педагогическаго факультета изъ числа темъ, назначаемыхъ факультетомъ.

Примѣчаніе. Слушатели педагогическаго факультета могутъ представлять свои сочиненія во все продолженіе курса или по окончаніи его не позднѣе полугодичнаго срока. Въ случаяхъ сомнительныхъ факультетъ можетъ назначить автору сочиненія коллоквиумъ.

Дипломъ педагогическаго факультета не даетъ своимъ слушателямъ никакихъ правъ.

Москва. 1905 года, 7 марта.

Литературное обозрѣніе.

Свою исповѣдь предъ братомъ Алешей Дмитрій Карамазовъ начинаетъ этими шиллеровскими стихами:

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ,
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ.
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами
Грозенъ бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ неприютнымъ берегамъ!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать-Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуешь храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлѣ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженіи глубоко
Человѣка всюду зреть.

Онъ почти только объ этомъ и думаетъ, Дмитрій Карамазовъ,—объ униженномъ человѣкѣ,—и въ самомъ глубокомъ позорѣ разврата онъ каждый разъ вспоминаетъ это стихотвореніе о Церерѣ и о человѣкѣ. Казалось бы, зачѣмъ? Вѣдь оно никогда не исправляло его, потому что онъ—Карамазовъ, и потому что мудро исполнить шиллеровскій завѣтъ:

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ.

Но какъ узнать древнюю мать, когда въ мірѣ все загадка? „Я иду и не знаю: въ вонь ли я попалъ и позоръ, или въ свѣтъ и радость“. И все-таки Дмитрій Карамазовъ не можетъ забыть этихъ стиховъ, какъ

и другого стихотворенія Шиллера — *An die Freude*; непостижимая сила влечетъ его къ Шиллеру, какъ былинку къ солнцу, — и онъ самъ объясняетъ, почему: „Пусть я проклять, пусть я низокъ и подль, но пусть и я цѣлую край той ризы, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ то же самое время вслѣдъ за чортомъ, но я все-таки и Твой сынъ, Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть“. Его мятущейся душѣ нужно это убѣжденное свидѣтельство, что человѣкъ прекрасенъ и что радость — законъ бытія, эта декларация неотъемлемыхъ правъ человѣка, которую онъ находитъ у Шиллера. Что для Дмитрія Карамазова — мечта, страшно далекая и, можетъ быть, даже вовсе неосуществимая, но безъ которой жить нельзя, то для Шиллера — непреложный законъ; и какъ ни наивенъ въ сравненіи съ Дмитріемъ Шиллеръ, конечную цѣль они оба видятъ въ одномъ.

Здѣсь схвачена самая сущность поэзіи Шиллера. Это царственное презрѣніе къ эмпирической дѣйствительности съ ея уродствомъ и зломъ, эта непоколебимая увѣренность, что свобода, красота и счастье составляютъ единственную реальность въ мірѣ, тайно и въ малыхъ доляхъ живутъ во всякомъ человѣкѣ; это какая-то *ultima ratio* человѣческаго духа, та неуловимая грань, гдѣ поэзія сердца соприкасается съ религіозной вѣрою. Въ „Вильгельмъ Телль“ есть удивительныя строки, какъ бы резюмирующія все творчество Шиллера:

Nein, eine Grenze hat Tyrannenmacht:
Wenn der Gedrückte nirgends Recht kann finden,
Wenn unerträglich wird die Last — greift er
Hinauf getrost den Mutes in den Himmel
Und holt herunter seine ew'gen Rechte,
Die droben hangen unveräusserlich
Und unzerbrechlich, wie die Sterne selbst.

Изъ глубины земныхъ страданій рождается вѣра — и право; незыблемый благой законъ терпитъ искаженіе до извѣстнаго предѣла, но тогда онъ вдругъ побѣдно, какъ солнце, восходитъ во всей красѣ надъ міромъ, и зло должно исчезнуть; „*Der alte Urstand der Natur kehrt wieder*“, говоритъ объ этомъ моментѣ Шиллеръ, потому что онъ твердо вѣритъ, что благолѣпіе, справедливость, радость — истинная сущность, „первобытное состояніе“ міра. Вся его поэзія — гимнъ этому благому началу, и въ этомъ ея непреходящее значеніе.

Въ день поминокъ Шиллера подобаетъ и намъ, русскимъ, съ сыновней благодарностью положить вѣнокъ къ подножію его памятника. Изъ всѣхъ великихъ поэтовъ Запада ни одинъ не оказалъ такого глубокаго вліянія на духовное развитіе нашего общества, ни даже Байронъ, повліявшій лишь косвенно, чрезъ литературу; да и въ этомъ отношеніи Шиллеръ не уступаетъ великому англійскому поэту: достаточно вспомнить Жуковскаго и весь романтическій періодъ нашей литературы вплоть до юношескихъ опытовъ Лермонтова. Но не объ этомъ хочется вспомнить сейчасъ: не литературнымъ своимъ вліяніемъ вросъ Шиллеръ въ русскую жизнь и не оно составляетъ его главное право на нашу признательность.

Не знаю, много ли читаетъ его теперь молодежь, но уже намъ, школьникамъ 80-хъ годовъ, онъ казался приторнымъ, прекрасодушнымъ,

нереальным; его паеосъ не заражалъ насъ, а сентенціи, къ которымъ его герои питаютъ такую фатальную склонность, иногда подкупали мѣткостью выраженія, но не удерживались въ памяти. Одна только изъ драмъ Шиллера читалась всѣми и производила сильное впечатлѣніе,—та, которую я и теперь назвалъ бы замѣчательнѣйшимъ его произведеніемъ: „Вильгельмъ Телль“. При всей романтичности тона и дѣйствія, при всемъ неправдоподобіи этихъ швейцарскихъ мужиковъ, стилизованныхъ до совершенной неузнаваемости, есть въ этой пьесѣ что-то неотразимо-увлекательное, героическое въ лучшемъ смыслѣ слова. Для нея характерно, что почти все ея дѣйствіе (за исключеніемъ трехъ или четырехъ сценъ) происходитъ подъ открытымъ небомъ: ея герой — не отдѣльная личность, а цѣлый народъ, ея сюжетъ—не анализъ какого-нибудь чувствованія, а изображеніе дѣла,—и какого! всенароднаго дѣла освобожденія отъ тираніи. Здѣсь все такъ цѣльно и осязательно, все дышитъ такимъ героизмомъ грандіозной практической борьбы, что юному уму мудро не увлечется. И дѣйствительно, патетическія рѣчи Позы въ защиту Фландріи оставляли насъ холодными, а союзъ на Рютли и выстрѣлъ Телля заставляли сильнѣе биться наши сердца.

Замѣчательно, что въ ту эпоху, когда Шиллеръ сыгралъ у насъ свою общественно-воспитательную роль, т.-е. въ 30-хъ годахъ, какъ разъ эта пьеса меньше всего привлекала къ себѣ вниманіе. О ней не упоминаютъ ни Герценъ, ни Станкевичъ, не упоминаетъ и Бѣлинскій въ перечнѣ тѣхъ произведеній Шиллера, которыя оказали на него наибольшее вліяніе. И это объясняется, я думаю, тѣмъ, что для юношей 30-хъ годовъ въ ней было слишкомъ мало индивидуализма и героизмъ ея былъ слишкомъ конкретенъ. Имъ нужно было не это.

Какъ извѣстно, наше идеалистическое движеніе пошло отъ двухъ юношескихъ кружковъ, возникшихъ въ Москвѣ въ началѣ 30-хъ годовъ. Между ними было мало общаго какъ въ смыслѣ личнаго знакомства, такъ и въ смыслѣ преобладающихъ интересовъ: кружокъ Герцена былъ всецѣло поглощенъ политическими и социальными вопросами, кружокъ Станкевича — эстетическими, моральными и философскими. И несмотря на это глубокое различіе, въ обоихъ кружкахъ одинаково процвѣтала культъ Шиллера. Этого, конечно, нельзя объяснить тѣмъ, что онъ, какъ говоритъ Герценъ, „по преимуществу поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее, „туда, туда!“ тѣ же чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ и та же симпатія къ современности“. Юность осталась тою же, но Шиллеръ пересталъ быть ея поэтомъ, и, кажется, не только у насъ, но и въ Германіи ¹⁾. Очевидно, онъ былъ поэтомъ *тогдашняго* юношества.

И дѣйствительно, трудно представить себѣ конгеніальность больше той, какая существовала между нимъ и этой молодежью. Каковы бы ни были ея умственные интересы, общее настроеніе было одно: нравственный энтузіазмъ при полномъ пренебреженіи къ реальной дѣйствительности и лихорадочное стремленіе философски осмыслить жизнь въ малѣйшихъ ея проявленіяхъ. „Я помню“, рассказываетъ намъ Огаревъ,

¹⁾ Здѣсь рѣчь именно о юношахъ; для взрослого человѣка Шиллеръ живъ и понятенъ.

...комнатку аршиновъ въ пять,
Кровать да стулъ, да столъ съ свѣчою сальной...
И тутъ втроемъ мы—дѣти декабристовъ
И міра новаго ученики,
Ученики Фурье и Сень-Симона—
Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ социализмъ,
И чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагъ расиространять.
Товарищъ нашъ глубоко-религіозный
Торжественно предъ нами развернулъ
Большую книгу въ буромъ переплетѣ
Со сдержками... И мы клялись надъ ней,
И бросились другъ другу мы на шею,
И плакали въ восторгѣ молодомъ...“

Станкевичъ и его друзья мечтали о томъ, чтобы, выработавъ въ самихъ себѣ „совершеннаго человѣка“, образовать союзъ добра и чести и дружно „ускорять всѣми силами человѣчество на пути его къ царству Божію, къ чести, къ вѣрѣ“. вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ, и другіе жаждали „свободы въ разумѣ“: идеаль Огарова—„все въ область ясную сознанья изъ жизни внѣшней перенести“, Бѣлинскій и его друзья стремятся „утвердить на мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія эстетическія ощущенія человѣка“, и не только эстетическія, но и весь космосъ, и всю человѣческую психику. Обѣимъ этимъ потребностямъ тогдашняго идеализма какъ нельзя лучше отвѣчалъ Шиллеръ. Онъ плотъ отъ плоти XVIII вѣка; исторически его творчество нельзя понять безъ просвѣтительной философіи и деклараціи правъ. Двѣ черты всего болѣе характеризуютъ его поэзію: ея восторженно-гуманный либерализмъ и ея отвлеченно-раціоналистическая основа; поэтому самымъ типичнымъ произведеніемъ Шиллера является не „Вильгельмъ Телль“ и даже не „Донъ-Карлосъ“, а юношескіе „Разбойники“, гдѣ оба эти элемента выступаютъ въ наиболѣе обнаженной формѣ. Сочетаніе этихъ двухъ элементовъ и сдѣлало поэзію Шиллера тѣмъ Евангеліемъ *отвлеченнаго героизма*, которое сыграло такую видную роль въ нашемъ идеалистическомъ движеніи тридцатыхъ годовъ; а при такой родственности общаго настроенія не удивительно, что самыя различныя по содержанію умственные запросы находили себѣ пищу въ его творествѣ.

„Шиллеръ! благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей!“ И Герценъ хотеть увѣрить насъ, что такое поклоненіе Шиллеру обязательно для всякаго юноши, въ комъ только есть „горячая симпатія къ высокому“. Еще много лѣтъ спустя онъ писалъ въ „Быломъ и Думахъ“: „Тотъ, кто теряетъ вкусъ къ Шиллеру, тотъ или старъ, или педантъ, очерствѣлъ или забылъ себя. Что же сказать о тѣхъ скороспѣлыхъ altkluge Bur-schen, которые такъ хорошо знаютъ недостатки его въ семнадцать лѣтъ?..“ Герценъ незаконно обобщаетъ свой опытъ, забывалъ, что съ по-колѣніями мѣняется понятіе о „высокомъ“, мѣняется и самый характеръ чувствованій. Но онъ самъ и поправляетъ себя: „Шиллеръ съ своимъ Максомъ, Донъ-Карлосомъ жилъ въ одной сферѣ со мною, какъ же мнѣ было не понимать его?“

Дѣйствительно, для Герцена и его ближайшихъ друзей Шиллеръ не могъ не стать любимымъ учителемъ и пророкомъ. Ни у какого другаго поэта не нашли бы они такого полного отклика своимъ завѣтнымъ мечтамъ—о самопожертвованіи за „благо человѣчества“, о героической борьбѣ за свободу противъ „тирановъ“. „Шиллеръ остался нашимъ любимцемъ,—вспоминаетъ позднѣе Герценъ;—лица его драмъ были для насъ существующія личности, мы ихъ разбирали, любили и ненавидѣли не какъ поэтическія произведенія, а какъ живыхъ людей. Сверхъ того, мы въ нихъ видѣли самихъ себя. Я писалъ къ Нику (т.-е. Огареву), нѣсколько озабоченный тѣмъ, что онъ слишкомъ любитъ Фіеско, что за „всякимъ“ Фіеско стоитъ свой Верино. Мой идеалъ былъ Карлъ Моръ, но я вскорѣ измѣнилъ ему и перешелъ въ маркиза Поу. На сто ладовъ придумывалъ я, какъ буду говорить съ Николаемъ, какъ онъ потомъ отправитъ меня въ рудники, казнить“.

Не этого искалъ у своего любимаго поэта Станкевичъ. То, что говоритъ Анненковъ о роли нѣмецкой поэзіи въ развитіи Станкевича,—что онъ по ней выучился отличать въ явленіяхъ жизни существенное и вѣчное отъ преходящаго (завѣтъ Станкевича: „съ непогибающимъ дружись“) и по ней выучился требовать отъ себя нравственнаго совершенствованія,—это надо отнести прежде всего къ Шиллеру. Въ его глазахъ Шиллеръ—по преимуществу провозвѣстникъ того царства разума и всеобъемлющей любви, къ которому обращены всѣ его помыслы; поэтому для Станкевича Шиллеръ—не только учитель, но и нравственная опора, источникъ утѣшенія, и Анненковъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по поводу многочисленныхъ цитатъ изъ Шиллера въ письмахъ Станкевича: „Цитаты изъ Шиллера—это вопль самой души Станкевича, обращенный къ силѣ, зиждущей на землѣ благо, любовь и дающей успокоеніе сердцу“. Если Герценъ плакалъ надъ Карломъ Моромъ, то для Станкевича любой афоризмъ Шиллера являлся нравственнымъ откровеніемъ и вожатымъ. Колеблясь въ рѣшеніи, можетъ ли и долженъ ли онъ отвѣтить взаимностью на чувство полюбившей его дѣвушки, онъ находитъ авторитетное указаніе у Шиллера: два цвѣтка растутъ на землѣ, говоритъ гений человѣку въ „Resignation“,—наслажденіе и надежда; кто сорвалъ одинъ изъ нихъ, тотъ не получитъ другого. Итакъ, wer glauben kann, entbehre! другими словами: „Кто тоскуетъ по другому мірѣ, тотъ не долженъ знать земныхъ наслажденій. Кто вкусилъ отъ земного наслажденія, тотъ не надѣйся на награду другого міра“. Поэтому онъ долженъ отречься отъ счастья: „мнѣ кажется, я собою съ пути моего, если стану наслаждаться молодою жизнью, если яркими цвѣтами усыплю мою юность. Мое призваніе не то“.

Отсутствіе данныхъ не позволяетъ намъ прослѣдить *развитіе* взглядовъ на Шиллера у Герцена, Станкевича, Огарева, Грановскаго и др. Это возможно только для Бѣлинскаго—и получающаяся въ результатѣ такого изслѣдованія картина не только въ высшей степени характерна для самого Бѣлинскаго, но типична, можно сказать, для всякаго сознательно развивающагося человѣка.

Въ отношеніи Бѣлинскаго къ Шиллеру легко различить, какъ это отмѣтилъ уже Пыпинъ, три періода: періодъ восторженнаго поклоненія, періодъ реакціи—свирѣпой, *личной*, мстительной вражды, и наконецъ періодъ примиренія. Съ Шиллеромъ Бѣлинскій считался всю жизнь, это

былъ для него не чужой голосъ, а часть его самого, и не „поэзія“, а нравственная категория, къ которой онъ необходимо долженъ былъ въ каждомъ фазисѣ своего развитія самымъ точнымъ образомъ опредѣлить свое отношеніе.

Обожаніе перваго періода было обусловлено не столько содержаніемъ шиллеровскаго идеализма (потому что онъ принимался лишь въ самыхъ общихъ своихъ чертахъ и безъ всякаго критическаго анализа), сколько героическимъ и романтическимъ элементами этого идеализма. Позднѣе, въ періодъ преклоненія предъ „дѣйствительностью“ и реакціи противъ Шиллера (когда, впрочемъ, эта реакція уже начала терять свою остроту), Бѣлинскій такъ объяснялъ свою „нѣсколько дикую радость“, что онъ можетъ „законно“ нападать на Шиллера:

Тутъ вмѣшались личности. Шиллеръ тогда былъ мой личный врагъ и мнѣ стоило труда обуздывать мою къ нему ненависть и держаться въ предѣлахъ возможнаго для меня приличія. За что эта ненависть? За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекрасную душу войну съ дѣйствительностью, за все за это, отъ чего страдалъ я во имя его. Ты скажешь, что не вина Шиллера, если я ложно, конечно и односторонне понялъ великаго гения и взялъ отъ него только его темныя стороны, не достигши разумныхъ; такъ, да и не моя вина, что я не могъ понять его лучше. Его „Разбойники“ и „Коварство и любовь“ вкупѣ съ „Фіеско“—этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго—наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условий развитія, построеннаго на воздухѣ. Его „Донъ-Кихотъ“—эта блѣдная фантазмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія—бросилъ меня въ абстрактный героизмъ, въ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и если бѣ ты зналъ, какъ дико и болѣзненно!) и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя нулемъ. Его „Орлеанская дѣвственница“... ринула меня въ тотъ же абстрактный героизмъ, въ то же пустое, безличное, субстанціальное безъ всякаго индивидуальнаго опредѣленія—общее. Его Текла, это улучшенное и исправленное изданіе шиллеровской женщины, дало мнѣ идеаль женщины, въ котораго для меня не было женщины... До чего довелъ меня Шиллеръ?

Это была очень обыкновенная ошибка, постоянно наблюдаемая въ отношеніи молодости къ романтическому элементу въ искусствѣ, а часто и къ искусству вообще: ставить поэтическія созданія на одну плоскость съ насущной дѣйствительностью и вслѣдствіе того требовать отъ послѣдней тѣхъ *конкретныхъ* чертъ, въ какія поэтъ облекъ свой идеаль. Такое незаконное смѣшеніе умопостигаемаго съ эмпирическимъ представляетъ собою одну изъ самыхъ опасныхъ болѣзней роста; оно ставитъ человѣка въ совершенно ложныя отношенія къ дѣйствительности и часто, въ особенности у женщинъ, укореняетъ навсегда своего рода психическій дальтонизмъ, портящій иногда всю жизнь. Юноши 30-хъ годовъ всѣ были заражены этимъ недугомъ, и въ несравненно болѣе острой формѣ, чѣмъ современная намъ молодежь; всѣмъ имъ пришлось съ мучительными усиліями освобождаться отъ власти „фантазій“ и вырабатывать въ себѣ трезвый взглядъ на жизнь. Повальнаго недуга не избѣгъ даже острый умъ Герцена, въ кружкѣ же Станкевича, откуда вышла и Бѣлинскій, это повѣтріе свирѣпствовало съ наибольшей силой. Лѣтъ 18—20 Станкевичъ и его друзья смотрѣли на Теклу, какъ на портретъ, списанный съ живой модели; отсюда двойная ошибка: въ первый моментъ они въ любой дѣвушкѣ готовы были узнать эту самую

модель, во второй, когда оказывались кое-какія уклоненія отъ модели, приходили въ отчаяніе, проклинали весь міръ и торжественно давали обѣтъ не вступать въ компромиссъ съ дѣйствительностью. Въ этомъ мірѣ дивныхъ „призраковъ“ все было такъ легко, гармонично и радостно, дѣйствительность же оскорбляла и грубой законченностью своихъ формъ, и примѣсью прозы во всякомъ проявленіи красоты. Отсюда развивался не пессимизмъ, а упрямая непримиримость съ реальнымъ; а такъ какъ горячее сердце непрерывно влекло въ эту самую реальность, то юные идеалисты безпрестанно и преобильно обжигались. Первымъ сталъ освобождаться Станкевичъ, и ему раньше всѣхъ удалось выработать себѣ здоровый взглядъ на взаимоотношеніе идеала и дѣйствительности. Любопытно видѣть, какъ въ значительной мѣрѣ сознательно совершалось это освобожденіе: вотъ примѣръ, случайно касающійся какъ разъ Шиллера. Будучи проѣздомъ въ Прагъ, Станкевичъ, конечно, не отказалъ себѣ въ удовольствіи посѣтить замокъ Валленштейна. При этомъ ему прежде всего вспомнился не историческій Валленштейнъ, а Валленштейнъ Шиллера. Во дворцѣ онъ видитъ и лошадь Валленштейна: „добрый конь стоитъ набитый какою-то дрянью и не поражаетъ нисколько своимъ видомъ; худшая лошадь у насъ въ Удеревиѣ стоитъ этой... а между тѣмъ фантазія играетъ и надъ этой лошадью“. Въ саду онъ видитъ знаменитый гротъ: „Максъ и Текла мелькнули передо мною; но я сталъ себя разочаровывать, старался представить себѣ въ этихъ мѣстахъ сильныхъ, грубыхъ людей, которые опирались во всю жизнь свою на самихъ себя и уповали только на помощь своей“.

Но Станкевичъ освобождался гармонически; признаніе реальности у него не сопровождалось мстительнымъ озлобленіемъ противъ старыхъ идеалистическихъ иллюзій. Гегелевская логика научила его видѣть въ эмпирической дѣйствительности случайность, истинной же дѣйствительностью признавать только Разумъ, Духъ. Это и опредѣлило его окончательный взглядъ на Шиллера, какъ на великаго провозвѣстника разумной дѣйствительности, „прямыхъ человѣческихъ требованій“, которому невниманіе къ натуральной дѣйствительности даетъ особенную ясность и цѣльность.

Бѣлинскому нужно было пережить періодъ обоженствленія этой натуральной дѣйствительности и страстной вражды противъ отвлеченнаго идеализма своихъ молодыхъ лѣтъ, чтобы достигнуть равновѣсія, и когда это совершилось, онъ снова и окончательно преклонился предъ Шиллеромъ, но уже не за его абстрактный героизмъ, а за *содержаніе* его проповѣди. Уже въ октябрѣ 1840 года онъ пишетъ Боткину: „Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ челоѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше челоѣчества“. Въ началѣ слѣдующаго года онъ о Шиллерѣ уже „не можетъ и думать не задыхаясь“: „Да, я созналъ наконецъ свое родство съ Шиллеромъ, я—кость отъ костей его, плоть отъ плоти его, и если что должно и можетъ интересовать меня въ жизни и исторіи, такъ это онъ, который созданъ, чтобы быть

моимъ богомъ, моимъ кумиромъ, ибо онъ есть высшій и благороднѣйшій мой идеалъ человѣка“. Это новое поклоненіе уже не исключало критическаго отношенія къ кумиру, какъ въ первомъ періодѣ, но и не боялось его. Въ половинѣ 40-хъ годовъ вкусъ Бѣлинскаго, окончательно сложившійся на реалистической поэзіи Пушкина и Гоголя, разумѣется не могъ находить удовлетворенія въ шиллеровскомъ романтизмѣ, но послѣдній уже не застилалъ передъ его взоромъ той высшей, или, какъ говорили тогда, субстанціальной правды, которою дышитъ поэзія Шиллера. Бѣлинскій находитъ въ ней теперь рѣзко выраженную двойственность. „Паѣость ея составляетъ чувство любви къ человѣчеству, основанное на разумѣ и сознаниі; въ этомъ отношеніи Шиллера можно назвать *поэтомъ гуманности*. Въ поэзіи Шиллера сердце его вѣчно исходитъ самою живою, пламенною и благородною кровью любви къ человѣку и человѣчеству, ненависти къ фанатизму религіозному и національному, къ предрасудкамъ, къ вострамъ и бичамъ, которые раздѣляютъ людей и заставляютъ ихъ забывать, что они—братья другъ другу“. Между тѣмъ этотъ „провозвѣстникъ высокихъ идей, жрецъ свободы духа, на разумной любви основанной, поборникъ чистаго разума, пламенный и восторженный поклонникъ просвѣщенной, изящной и гуманной древности...—въ то же время романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ... Шиллеръ высокъ въ своемъ созерцаніи любви; но это любовь мечтательная, фантастическая: она боится земли, чтобъ не замараться въ ея грязи, и держится подъ небомъ, именно въ той полосѣ атмосферы, гдѣ воздухъ рѣдокъ и неспособенъ для дыханія, а лучи солнца свѣтятъ не грѣя... Женщина Шиллера — это не живое существо съ горячею кровью и прекраснымъ тѣломъ, а блѣдный призракъ; это не страсть, а аффектація“. Бѣлинскій хочетъ объяснить эту двойственность тѣмъ, что первой своей стороною Шиллеръ принадлежитъ человѣчеству, а второю заплатилъ невольную дань своей національности.

Съ этимъ объясненіемъ Бѣлинскаго, конечно, трудно согласиться, но подъ общей его оцѣнкой Шиллера подпишется теперь всякій просвѣщенный человѣкъ. Этотъ вѣрный взглядъ на Шиллера Бѣлинскій добылъ не умозрѣніемъ, не разсудочнымъ анализомъ, а жизненно, цѣною тяжелыхъ страданій и ошибокъ; точно такъ же, хотя и съ меньшей страстностью, не читали, а переживали Шиллера и всѣ лучшіе сверстники Бѣлинскаго, тѣ юноши, которые потомъ такъ мощно двинули духовное развитіе русскаго общества. Черезъ нихъ Шиллеръ органически вошелъ въ исторію нашей умственной жизни; онъ былъ учителемъ и вождемъ нашихъ лучшихъ людей—этого одного было бы достаточно, чтобы мы съ признательностью вспоминали его имя.

М. Г.

Библиографія.

Въ защиту слова. Сборникъ. Второе изданіе безъ перемѣнъ. Спб. 1905 г.

Первое изданіе „Сборника“ быстро и цѣликомъ разошлось въ одномъ С.-Петербургѣ и передъ нами уже второе изданіе. Нѣтъ сомнѣнія, что быстро разоидется и второе: статьи, замѣтки и стихотворенія Сборника принадлежатъ перу извѣстныхъ писателей и журналистовъ и всѣ написаны на такую живую тему, какъ положеніе въ Россіи печатнаго слова. Но названіе Сборника не совсѣмъ подходитъ къ его содержанию: изъ всѣхъ статей лишь статья П. Н. Милокова [Субъективное и социологическое обоснованіе свободы печати], В. А. Розенберга [Ошибка Сената], Пѣшихонова и Короленко занимаются дѣйствительно защитой свободы слова, а большинство другихъ лишь даютъ картину тяжелаго положенія у насъ печати. Но картина получается настолько яркая, что читатель невольно переносится съ авторами въ цензорскій застѣнокъ, гдѣ какъ „кровью“ заливаются красными чернилами рукописи, гдѣ „убиваютъ живую мысль“, оставляя отъ нея, и то не всегда, лишь жалкіе скелеты...

Всѣ статьи и замѣтки богаты фактическимъ матеріаломъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи статья В. А. Мякотина [Одна страница изъ новѣйшей исторіи русской печати]. Останавливаясь на разнообразныхъ запрещеніяхъ цензуры касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, авторъ пытается выяснитъ основные принципы, которыми руководится администрація въ своей цензорской дѣятельности. Главная задача, взятая на себя цензурой—это ея стремленіе „покрыть всю дѣятельность правительства непроницаемой завѣсою густого тумана, въ которомъ рядовой обыватель ничего не могъ бы разглядѣть. Этотъ туманъ долженъ былъ окутывать собою все правительство отъ императора до рядового солдата, отъ Государственнаго Совѣта до уѣзднаго исправника, отъ министра до шпіона“ (стр. 92). Подъ особое покровительство берутся „интересы и спокойствіе высшихъ классовъ общества и лицъ, тѣмъ или инымъ способомъ грѣвшихъ себѣ руки въ казенномъ или общественномъ добрѣ“, и въ то же время запрещается говорить о нуждахъ рабочихъ классовъ. Такъ, циркуляромъ 12 іюня 1882 года было запрещено печатаніе всякихъ статей, въ которыхъ проводится мысль о пользѣ или справедливости измѣненія поземельнаго положенія крестьянъ; 4 января 1897 года послѣдовало распоряженіе не печатать никакихъ статей, замѣтокъ и разсужденій о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и отношеніи фабричныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ хозяевамъ. „Связанная по рукамъ и ногамъ,—говоритъ по этому поводу г. Мякотинъ,—легальная пресса могла быть лишь нѣмымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ угнетенія трудящихся классовъ и ихъ борьбы за свои права, не имѣя возможности вмѣшаться въ эту борьбу, не смѣя ни высказать своихъ симпатій къ народной массѣ, ни освѣтитъ обществу ея тяжелую жизнь“ (97 стр.). Цензура направляла всѣ свои усилія къ тому, чтобы печать не пробуждала въ обществѣ интереса къ политической жизни родины и къ мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ. Такъ, запрещалось писать въ 1894 году о торговомъ договорѣ Россіи съ Германіей; въ 1896 году было запрещено помѣщать безъ особаго каждый разъ разрѣшенія всякія свѣдѣнія, относящіяся къ предполагаемой тогда всенародной переписи. На ряду съ этими запретами цензура налагаетъ рядъ также и другихъ по различнымъ вопросамъ и явленіямъ русской жизни. Такъ, въ 1885 году было запрещено писать „о будто бы предстоящемъ празднованіи двадцатипятилѣтія освобожденія крестьянъ“; въ началѣ царствованія императора Николая II было

воспрещено в статьяхъ о народномъ образованіи сослаться на высочайшія отъѣтки на сообщеніяхъ губернаторовъ о постройкѣ новыхъ школъ: „отрадно“, „утѣшительно“, „пріятно“ и т. п. (стр. 87).

Значительное число статей въ Сборникѣ посвящено выясненію положенія провинціальной печати. Таковы статьи: Е. Н. Чирикова [О томъ, какъ газета сама себя высѣкла], Діонео [Страница изъ истории одесской печати], А. Б. Петрищева [Недѣля въ провинціальной редакціи], Е. В. Святловскаго [Изъ воспоминаній провинціального журналиста] и др. Въ провинціи губернаторы, случалось, признавали неотвѣчающими видамъ правительства неодобрительные отзывы о кафешантаннхъ французенкахъ-танцовщицахъ, замѣтки о высокихъ цѣнахъ въ театрѣ; провинціальные цензоры вычеркивали изъ фразы: „Гладстонъ былъ величайшій человекъ“ слово „величайшій“, уродовали статьи, написанныя въ защиту Дрейфуса и т. д.

Статьи г. Коробки (Вредныя буквы) и С. О. Русовой (Шевченко) посвящены вопросу о малорусской печати.

М. Н. Слѣпцова въ небольшой замѣткѣ (Цензура послѣ цензуры) говоритъ о правѣ администраціи не допускать въ общественныя библіотеки и читальни книги и изданія, хотя бы и разрѣшенныя цензурою. П. И. Бларамбергъ въ своей статьѣ „Цензура въ музыкѣ“ даетъ личныя воспоминанія о стѣсненіяхъ, которыя ставитъ музыкантамъ музыкальная цензура. В. І. Дмитріева даетъ живую картину объ отношеніи къ печатному слову деревни и о пресѣдованіи власти имущими корреспондентовъ.

Такимъ образомъ Сборникъ даетъ полную картину положенія у насъ печатнаго слова, а увлекательно и горячо написанныя статьи должны оставлять глубокій слѣдъ въ душѣ читателя. Но, борясь за свободу печати, надо имѣть въ виду, по справедливому замѣчанію А. В. Пѣшехова, не только читателей; въ ея свободѣ во много разъ сильнѣе заинтересованы хотя бы и вовсе безграмотные, никогда въ свои намозоленные руки не бравшіе книги и газеты и даже незнающіе о существованіи печати фабричныя рабочіе и періодически опухающій отъ цынги мужикъ и вымирающій чукча... (стр. 8). И участіе въ дѣлѣ защиты слова есть участіе въ великомъ дѣлѣ „защиты многомилліонной массы униженныхъ и обиженныхъ отъ насилій, какія вѣками творятся надъ ними.“

Мих. Гернетъ.

А. В. Дэйси. Основы государственнаго права Англій. Переводъ О. В. Полторацкой, подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова („Библіотека для самообразованія“). М. 1906.

Книга Дэйси (Dicey)—старый и, думается, надежный знакомый (первый переводъ вышелъ въ 1891 г.), появленіе котораго въ настоящій серьезный моментъ русской жизни особенно значительно и важно. Цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права нашель въ ней глубокое освѣщеніе и оригинальную и плодотворную постановку. Однимъ словомъ, книга сама за себя говорить, и позволительно будетъ лишь напомнить нѣкоторыя особенности автора и его труда.

Книга, помимо научности и свѣжести матеріала, имѣетъ еще рѣдкое, можно сказать, качество—необыкновенную свѣжесть изложенія, всѣ достоинства увлекательной и остроумной устной рѣчи (сама книга, впрочемъ, и является изданіемъ курса, и „лекціонная“ форма часто и выгодно проявляется). Авторъ—убѣжденный сторонникъ демократическаго принципа, оригинальный теоретикъ и опытный излагатель, легко и увѣренно оперирующій громоздкими и внушительными массами сравнительнаго матеріала, приобретающаго въ его группировкахъ новый и самостоятельный интересъ. Достаточно привести хотя бы слѣдующее мнѣніе такого компетентнаго лица, какъ проф. П. Г. Виноградова, редактора 1-го изданія: „Континентальная Европа уже слѣдала два послѣдовательныхъ открытія въ государственномъ строѣ Англій: сначала она обратила вниманіе на политическую силу парламентаризма, затѣмъ разсмотрѣла самоуправленіе мѣстностей и областей; остается освоитья съ идеей зависимости политической организациі отъ общаго права; лекціи Дэйси раскрываютъ эту идею и блестящимъ анализомъ англійскихъ условий и мастерскимъ сравненіемъ съ условіями континентальной жизни“ (р. XXVII).

И дѣйствительно, особенно цѣнное качество Дэйси какъ разъ то, что онъ

не идет избитыми путями, что онъ—болѣе юристъ чѣмъ историкъ,—отдавая должное прошедшему ¹⁾, но и не слишкомъ переоценивая формирующееся относительно сформировавшагося, останавливается на настоящемъ, на уже данномъ, и съ тонкимъ анализомъ соединяет не менѣе тонкую конструкцію. Такимъ путемъ, дѣйствительно, не только ищутся „особенности“, но и находятся. Авторъ и ставит себѣ задачу дать не полный и не краткій обзоръ государственнаго права, а указать лишь нѣсколько „особенностей“, „два или три руководящихъ принципа, проходящихъ черезъ всю современную англійскую конституцію“ (р. XXIX). Такими принципами, отвлеченными авторомъ изъ всей совокупности грандіозной государственной жизни Англій, и являются верховенство парламента и господство права.

Выяснивъ безусловность законодательной власти парламента и остроумно парировавъ цѣлый рядъ возраженій (особенно Остина) указаніемъ на то, что многіе склонны смѣшивать политическій суверенитетъ (носители его—общины, избиратели) и суверенитетъ юридическій (парламентъ), Дайси переходитъ къ центральному вопросу объ ограниченіяхъ неограниченной суверенной власти вообще, а слѣдовательно и власти парламента ²⁾.

Вопросъ, разумѣется, коренной: вѣдь для достиженія правового порядка, для осуществленія правового государства („Rechtsstaat“) въ точномъ смыслѣ, недостаточны гарантіи въ видѣ участія народа въ законодательномъ творествѣ и въ контролѣ за исполненіемъ законовъ; необходимо еще вполнѣ реальное ограниченіе верховной власти (все равно народъ ли это, или монархъ). Необходимость эта созвана всѣми культурными государствами и нашла себѣ выраженіе въ болѣе или менѣе торжественномъ установленіи ненарушимыхъ и неотъемлемыхъ правъ и свободъ личныхъ и общественныхъ въ видѣ „декларацийъ правъ“, гарантійъ правъ и т. п. Въ Англій — странѣ „неписанной конституціи“ или, по извѣстному афоризму Токвиля, въ странѣ, гдѣ „конституціи не существуетъ вовсе“, нѣтъ и обычнаго различія основныхъ (конституціонныхъ) законовъ отъ обыкновенныхъ. Англійское конституціонное право не только слагалось постепенно, „вырастало“, оно создавалось еще совершенно своеобразнымъ путемъ; если, напр., въ бельгійской конституціи (составленной какъ разъ по образцу британской), „права частныхъ лицъ являются дедукціей изъ принциповъ конституціи“, то въ Англій, наоборотъ, „конституціонные принципы представляютъ индукцію или обобщенія, основанныя на отдѣльныхъ рѣшеніяхъ судовъ относительно правъ отдѣльныхъ лицъ“ (р. 221). Если на континентѣ Европы или въ Сѣверныхъ Штатахъ права и прерогативы личности и государства точно и твердо установлены на неопредѣленное время, то въ Англій этого нѣтъ уже потому, что одной изъ „особенностей“ англійской конституціи, по счастливому выраженію Брайса, является ея „податливость“ (flexibility), т. е. въ Англій измѣненіе конституціи всегда и легко (теоретически, конечно) возможно, не легче и не труднѣе проведенія любого закона, разъ это стало ясно сознательной потребностью ³⁾.

¹⁾ Не менѣе, впрочемъ, цѣнно рѣзкое осужденіе „странныхъ иллюзій“, „особенно частыхъ при кризисахъ“, когда люди ищутъ спасенія въ самобытной старинѣ, гдѣ спѣшатъ найти готовые отвѣты на проклятые вопросы современности, то явленіе, которое Дайси ядовито окрещиваетъ „ретрогрессивнымъ прогрессомъ“ (pp. 20, 21).

²⁾ Громадную пропасть между законнымъ полномочіемъ парламента и неограниченнымъ абсолютизмомъ хотя бы королевской власти во Франціи половинѣ XVIII в. можно иллюстрировать слѣдующимъ не совсемъ обычнымъ образомъ. Хорошо извѣстно шутовское изреченіе Делольма: „Парламентъ можетъ сдѣлать все; онъ не можетъ только превратить женщину въ мужчину и мужчину въ женщину“ (р. 49). Для Людовика XV уже не было такого „ограниченія“; прогрессившему въ свое время chevalier d'Еон, по окончаніи спеціальной тайной миссіи, было приказано носить женское платье и считать себя женщиной (р. 214).

³⁾ Въ этомъ смыслѣ въ Англій и возможно управленіе не только для народа, но и черезъ народъ (government of the people by the people). Эта же чисто демократическая мысль и нашла полное признаніе далеко не демократическаго государственнаго дѣятеля Барка: „Пусть палата общинъ заражается каждой горячкѣю народа; это будетъ указывать на средство ея съ нимъ, на симпатію палаты и избирателей... При отсутствіи симпатій она перестала бы быть палатой общинъ“ (р. 97).

Но и безъ спеціальнаго провозглашенія права и свободы граждане гарантированы не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Дайси и указываетъ здѣсь на другую капитальную „особенность“ англійской конституціи—на *ослабленіе права*, выясненію которой и посвящена большая и самая интересная часть книги. Этотъ всепроникающій, вездѣ присутствующій принципъ и является сдержкой и гарантией, и характерно, что Дайси необходимы иногда чрезвычайныя усилія, вплоть до примѣрныхъ схемъ, чтобы выяснить своимъ „недоумѣвающимъ“ и „удивляющимся“ (pp. 210, 218, 360 и часто) слушателямъ реальную возможность отсутствія права въ элементарномъ смыслѣ, т.-е. произвола.

Эта сторона для насъ, русскихъ, такъ любопытна и необычайна, что на ней приходится невольно остановиться. Труднѣе всего, напр., для автора изображеніе такъ называемаго „административнаго права“ (не какъ системы произвола, а какъ своеобразнаго „права“, для котораго, къ слову, въ англійской юридической фразеологіи нѣтъ даже подходящаго термина, такъ что Дайси приходится оперировать иностранными „droit administratif“, „Verwaltungsrecht“), т.-е. конкретное изображеніе колоссальныхъ привилегій бюрократіи, ея безответственности предъ обычными судами, доходящей часто до полнѣйшаго иммунитета. Англія со своими „мѣстными людьми“ не только не знаетъ мѣстнаго мелкаго и дерзкаго чиновничества, она не знаетъ и вообще привилегированнаго чиновничества, изъятаго изъ общегражданской среды и стоящаго на порогѣ непогрѣшимости. Въ этомъ смыслѣ Англія далеко опередила не только Россію, но и Германію и Францію. Въ свое время даже такой знатокъ права, какъ Токвиль, долженъ былъ обратиться къ „специалисту“ съ просьбой выяснить ему хотя бы общія понятія (notions générales), на которыхъ зиждется административное право Франціи (см. p. 361), а на-дняхъ во Франціи прозвучало классическое изреченіе префекта полиціи города Лиможа, резюмировавшаго съ *своей* точки зрѣнія недавнія прискорбныя событія: „Въ общемъ все хорошо; всего одинъ убитый, а въ остальномъ меня правительство покроетъ“. Въ Англій правительстве не можетъ „покрывать“ ничьи дѣйствія, и даже въ случаѣ крайнихъ мѣръ, при подавленіи бунта и возстанія, послѣ временной (и *кратковременной*) отпѣны обычныхъ общихъ гарантій (Nabeas Corpus), долженъ испривилегироваться индемнितъ, иначе каждый потерпѣвшій можетъ преслѣдовать (и съ полной надеждой на успѣхъ) нарушителей своихъ правъ, не исключая даже солдатъ.

Не менѣе затрудненій возникаетъ для Дайси при изложеніи цѣлаго ряда другихъ архаическихъ пережитковъ, малопонятныхъ или непонятныхъ его слушателямъ-англичанамъ; таковы понятія о свободахъ и несвободахъ слова и печати, о военномъ положеніи и цѣлый рядъ другихъ, столь близко и ощутительно всѣмъ знакомыхъ.

И невольно припоминается то мѣсто введенія, гдѣ Дайси, возставая противъ прежняго любования „благодѣтельнымъ духомъ англійскихъ законовъ“, выразившимся между прочимъ въ утвержденіи Hallam'a, что „англійская конституція *должна* быть предметомъ особаго интереса для любознательныхъ людей всѣхъ странъ“, указываетъ (p. 4), что „теперь нужно ею не восхищаться, а истолковать ее“; невольно хочется сдѣлать поправку въ томъ смыслѣ, что, изучивъ ее и понявъ ея духъ, нельзя ею не „восхищаться“, тѣмъ болѣе что законное чувство гордости часто пробивается и сквозитъ намѣренно объективный тонъ самого Дайси, особенно въ главахъ о господствѣ права, равнаго и одинаго для всѣхъ, того принципа, который нужно было *истолковать* англичанамъ, такъ какъ они его не замѣчали, какъ здоровые не замѣчаютъ здоровья.

Д. Егоровъ.

Г. А. Евреиновъ. Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи и народное представительство. СПб. 1905 г. 59 стр. Ц. 60 коп.

Проектъ „реформы высшихъ государственныхъ учреждений Россіи“ г. Евреинова представляетъ собой дополнительное изданіе его же собственной „записки“, представленной имъ еще въ 1881 г. министру юстиціи Д. Н. Набокову, „въ подчиненіи котораго“ тогда и „состоялъ въ качествѣ оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената“ авторъ „записки“. Выпуская въ свѣтъ въ настоящее время „безъ существенныхъ измѣненій“ свою записку, г. Евреиновъ во вниманіе къ переживаемому моменту намѣлъ необходимыми нѣсколько подробнѣе развить высказанныя имъ почти 25 л. тому назадъ положенія. „Записка“ начинается сокрушительной и крайне рѣзкой критикой бюрократическаго режима (1—24 ст.), царившаго и царящаго въ Россіи. Авторъ не находитъ достаточно

сильныхъ словъ, чтобы охарактеризовать все то зло, какое, по его мнѣнію, породилъ въ современной Россіи бюрократическій произволъ, равно опасный для общества и правительства. Съ той же силой обрушивается онъ и на „хартио-бюрократизма“, т.-е. табель о рангахъ, которая по его словамъ „суитъ власть и государственныя почести только людямъ выдержавшимъ искусъ той своеобразной кастраціи, которая обрабааетъ человѣка въ чиновника“ (ст. 44). Въ этой критической части записки мы найдемъ не мало справедливыхъ замѣчаній, въ которыхъ, однако, нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что суровый критикъ бюрократизма не касается вовсе основнаго, кардинальнаго вопроса о связи, существующей между инкриминируемымъ бюрократизмомъ и самодержавіемъ. Болѣе того, низвергая перуны на главу російской бюрократіи, онъ выставляетъ требованіе „неприкосновенности принципа самодержавія, какъ основы нашего государственнаго строя“ (ст. 39). Не трудно догадаться, что при такихъ условіяхъ г. Евреиновъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ совѣщательной формы народнаго представительства, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что парламентаризмъ у насъ не имѣетъ за собой историческихъ основаній, да и на Западѣ онъ успѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ обнаружить свою неудовлетворительность, особенно тамъ, гдѣ „онъ не имѣетъ глубокихъ корней въ историческомъ прошломъ страны“ (ст. 57—58). Основная мысль автора сводится къ тому, что бюрократическій произволъ подрываетъ въ русскомъ обществѣ „чувство законности“ (ст. 23) и вызываетъ, съ одной стороны, „однопредметное помпѣзательство“, т.-е. революціонное движеніе, съ другой—„повальный либерализмъ“, поставивъ такимъ образомъ все русское общество въ оппозицію къ правительству (ст. 18, 35). Желая подать правительству руку помощи, г. Евреиновъ и выработалъ проектъ реформы государственныхъ учреждений съ тѣмъ, чтобы обезпечить „у насъ развитіе серьезныхъ консервативныхъ элементовъ“ (ст. 75) и такимъ путемъ покончить какъ съ революціонной пропагандой, такъ и съ либеральной оппозиціей. Въ своихъ преобразовательныхъ планахъ г. Евреиновъ и руководствуется исключительно интересами современнаго правительства, а не русскаго общества; его цѣль спасти во что бы то ни стало старый режимъ. Но авторъ сознаетъ, конечно, что теперь приходится идти на уступки и такъ или иначе считаться съ голосомъ общества, а потому онъ и заявляетъ, что „потребности общества высказаться надо дать удовлетвореніе. Непрерывнымъ ожиданіямъ измѣненій въ государственномъ строѣ слѣдуетъ положить конецъ“ (ст. 31). Отсюда и возникаетъ проектъ г. Евреинова, цѣль котораго подsunуть „глубоко взволнованному русскому обществу“ вмѣсто политическихъ правъ жалкій суррогатъ народнаго представительства. Г. Евреиновъ откровенно заявилъ, что предлагаемая имъ реформа есть не что иное, какъ маскарадъ представительства. Проектируя организовать совѣщательное представительство консервативныхъ элементовъ общества, авторъ говоритъ, что „въ этихъ границахъ не слѣдуетъ скучиться на *вѣтшія прерогативы* *вызываемого* къ жизни учрежденія“ (ст. 39). Тонкій знатокъ человѣческой души, Макиавелли ХХ ст., г. Евреиновъ тутъ же добавляетъ: „человѣческія учрежденія, подобно отдѣльнымъ лицамъ, имѣютъ свое тщеславіе“. На эту удочку и думаетъ г. Евреиновъ изловить своихъ „представителей“, твердо вѣруя, что при такихъ условіяхъ „земское (?) представительство въ Россіи несомнѣнно укрѣпитъ самодержавную власть государя“ (33 ст.), вольетъ „новыя и свѣжія силы въ одряхлѣвшій (sic) правительственный организмъ“. Впрочемъ, умудренный бюрократическимъ опытомъ, авторъ проекта рекомендуетъ и еще одно интересное средство бюрократизаціи самого представительства. „Чтобы оградить земское представительство отъ *систематическаго* духа оппозиціи правительственнымъ учрежденіямъ, нужно открыть для представителей земства доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ“ (ст. 41). Становится непонятнымъ, почему г. Евреиновъ такъ сурово осудилъ табель о рангахъ, эту одну изъ драгоцѣнныхъ „вѣтшихъ прерогативъ“ нашей бюрократіи; не было ли бы логичнѣе распространить ея силу на „земскіихъ“ представителей?.. Что касается самаго проекта г. Евреинова, то и здѣсь авторъ не обнаружилъ большой „выдумки“. Предложенная имъ реформа сената слишкомъ уже напоминаетъ проектъ Сперанскаго, чтобы на ней слѣдовало долго останавливаться. Гораздо интереснѣе та часть записки г. Евреинова, гдѣ онъ трактуетъ вопросъ объ организаціи земскаго представительства. Здѣсь онъ даетъ полную волю своимъ *ria desideria*. Мы уже знаемъ, что цѣль автора сплотить при посредствѣ извѣстной представительной махинаціи консервативные элементы общества во имя укрѣпленія самодержавной власти. Вотъ почему авторъ и останавливается на вопросѣ

о „крестьянских массах“. Г. Евреинновъ находить, что „присутствіе въ законодательномъ собраніи крестьянъ въ полномъ числѣ причитающихся на это сословіе представителей *нежелательно*“ (ст. 50). Крестьяне—народъ темный, безграмотный, а потому „они вотировали бы исключительно въ согласіи съ своими сословными или личными интересами“, не будучи въ силахъ подняться на высоту идеи „общаго блага“. „Кромѣ того, голоса крестьянъ въ думѣ стали бы, безъ сомнѣнія, предметомъ искательства крайнихъ партій, что можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ и вселить въ крестьянахъ преувеличенное представленіе о ихъ значеніи въ государственномъ и социальномъ строеѣ страны“ (ст. 51). Hier ist der Hund begabener! Желая въ корнѣ подорвать подобнаго рода „злоупотребленія“, г. Евреинновъ и высказывается за имущественный цензъ. Такимъ путемъ за консервативными элементами онъ полагаетъ укрѣпить рѣшительное преобладаніе въ „думѣ“, а такъ какъ по проекту г. Евреиннова вотумъ думы de jure ни къ чему государя не обязываетъ, то и „устройство органовъ законодательной власти на основѣ народнаго представительства такъ же мало противорѣчитъ природѣ самодержавія, какъ и существующее учрежденіе государственнаго совѣта“ (ст. 55). Г. Евреинновъ выражаетъ полную увѣренность, что при такой системѣ и „хотя бы относительной свободѣ печати“ (вѣроятно съ устраненіемъ и въ этой сферѣ злоупотребленій крайнихъ партій) „внутренній миръ въ государствѣ“ возстановится и все пойдетъ какъ нельзя лучше (ст. 57). Мы охотно соглашаемся съ авторомъ, что выработанный имъ проектъ безправнаго представительства консервативныхъ элементовъ общества не противорѣчитъ природѣ самодержавной власти, но при чемъ тутъ „народное представительство“ и нападки автора на современный бюрократизмъ и его внѣшнія прерогативы—это остается „тайной“. Впрочемъ, смыслъ этой авторской тайны ясенъ для каждого. Это все тотъ же маскарадъ: надо же удовлетворить „общественную мысль, направленную на вопросы политики“. Раскритиковавъ нашу бюрократію, авторъ надѣется тѣмъ самымъ дать успокоеніе взволнованному обществу (врагъ найденъ): тщеславная толпа не догадается, что, повергнувъ „парламентаризмъ“, г. Евреинновъ закончилъ провозглашеніемъ—*vive la bureaucratie!* Признавъ принципы „земскаго представительства“, авторъ какъ бы идетъ навстрѣчу обществу, которое, какъ онъ надѣется, успокоившись на „внѣшнихъ прерогативахъ“, и не пойметъ, что первый § конституціи г. Евреиннова гласитъ *la représentation du peuple est morte*. Макиавеллизмъ г. Евреиннова, впрочемъ, сильно запоздалъ: такой аргументаціей нынѣ никого соблазнить нельзя. Такимъ образомъ „записка“ г. Евреиннова является интереснымъ историческимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о совершенномъ банкротствѣ нашей бюрократіи. Записка эта была составлена г. Евреинновымъ еще въ бытность его „въ подчиненіи“ г. министра юстиціи. Школа табели о рангахъ не пощадила автора записки, и ему не удалось высвободиться изъ-подъ власти бюрократизма даже и по выходѣ изъ-подъ его авторитета. По духу г. Евреинновъ остается бюрократомъ *pur sang*, а потому книга его и нынѣ лишь историческій интересъ. Практическое или теоретическое ея значеніе ничтожно.

Б. И. Сыромятниковъ.

Проф. гр. Л. А. Камаровскій. Вопросъ о международной организаціи. М., 1905 г. Ц. 1 р.

Неслышанный ростъ международныхъ отношеній и общечеловѣческой солидарности, которымъ ознаменовалась исторія послѣднихъ десятилѣтій, выдвинулъ на первый планъ проблему юридической организаціи челоѣчества, которая одна только можетъ вывести народы изъ печальнаго состоянія анархіи и войнъ. Послѣднія событія также ясно обнаружили весь ужасъ современнаго положенія и какъ бы явились предзнаменованіемъ того грознаго будущаго, которое ждетъ челоѣчество, если, благодаря равнодушію народовъ и безумію правительствъ, милитаризму не будетъ положенъ конецъ; съ другой стороны, рѣзко обозначилась мирная тенденція общественнаго мнѣнія всѣхъ культурныхъ народовъ. Какъ нельзя болѣе своевременнымъ повтому является изданіе отдѣльной книгой небольшой, но очень содержательной работы гр. Л. Камаровскаго. Несмотря на всю свою важность, проблема международной организаціи рѣдко служила предметомъ научнаго изслѣдованія, а на русскомъ языкѣ указанная книга гр. Л. Камаровскаго является единственной. Вопросы о самой международной организаціи гр.

Камаровскій касается лишь слегка и останавливает свое главное внимание на факторах, ведущих человечество къ объединенію. Подробно онъ говоритъ о третейскомъ судѣ, о развитіи федеративныхъ формъ, о значеніи социальныхъ уній и расширеніи принципа нейтрализаціи. Дается полная и убѣдительная картина общечеловѣческаго объединенія и замиренія. Можно было бы указать лишь на то, что въ ряду этихъ факторовъ надо было не забыть ростъ идей космополитизма въ средѣ рабочихъ партій и вліяніе всемірнаго хозяйства и экономической связанности человечества. Это, быть можетъ, даже болѣе могущественные факторы,—какъ покоящіеся на широкихъ интересахъ народныхъ массъ,—чѣмъ тѣ, которые постоянно выдвигаются на первый планъ многими интернаціоналистами, придающими часто преувеличенное значеніе тому, что исходитъ изъ различныхъ канцелярій и министерствъ иностранныхъ дѣлъ. Не совсѣмъ убѣдительно также и то мѣсто книги, гдѣ ученый авторъ ограничиваетъ первоначальную сферу международной организаціи одной Европой, противопоставляя ее такимъ образомъ остальному міру; вторую половину книги онъ даже посвящаетъ исключительно вопросу о международной организаціи Европы. Такое утвержденіе прежде всего является противорѣчіемъ всему содержанию книги. Факторы объединенія не только не дѣйствуютъ исключительно по отношению къ европейскимъ государствамъ, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ развитіи федеративныхъ формъ и третейскаго суда, нашли даже болѣе благоприятную почву въ Новомъ Свѣтѣ. Неизвѣстно также, почему, напримѣръ, оставшая и пока полудицилизованная Россія, можетъ быть, ближе культурнымъ народамъ Запада, чѣмъ тѣ же Соединенные Штаты. Впрочемъ, эти немногія возраженія нисколько не говорятъ противъ высокихъ достоинствъ книги, чтеніе которой чрезвычайно поучительно.

А. Яценко.

Кн. О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи. Томъ I, кн. 2-ая. Москва, 1904 года.

Имя кн. В. А. Черкаскаго тѣсно связано съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ второй половины 19 вѣка. Представляя изъ себя весьма крупную общественную личность, онъ въ продолженіе всей своей дѣятельности, какъ общественной, такъ и государственной, никогда не принадлежалъ всецѣло къ какой-нибудь одной партіи и стоялъ одиноко, касаясь однимъ плечомъ правительства, другимъ—общества. По мѣткому выраженію Ю. Самарина, кн. Черкасскій стоялъ на рубежѣ двухъ общественныхъ слоевъ: чиновничьяго и литературно-помѣщичьяго. Въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса ему пришлось играть весьма видную и отвѣтственную роль сперва въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ въ редакціонной комиссіи. Трудность и отвѣтственность своего положенія въ редакціонной комиссіи самъ кн. Черкасскій такъ характеризуетъ въ письмѣ къ Ю. Самарину: „на мнѣ одномъ лежитъ теперь самое трудное и неблагоприятное бремя,—то противъ одной стороны отстаивать благоразумныя дворянскія выгоды, то противъ другой—спорить о надѣлѣ“ (8 стр.). По вполне компетентному отзыву П. Семенова, кн. Черкасскій былъ главнымъ зодчимъ всего плана освобожденія крестьянъ, выработаннаго въ хозяйственномъ отдѣленіи редакціонной комиссіи (135 стр.). По обнаруженіи „Положенія 19 февраля“ кн. Черкасскій не оставилъ крестьянскаго дѣла и въ теченіе 2-хъ лѣтъ 1861—63 занималъ должность мирового посредника въ родномъ своемъ Веневскомъ уѣздѣ. Богатая переписка кн. Черкаскаго, издаваемая въ настоящее время кн. Трубецкой, даетъ много цѣнныхъ, подчасъ даже новыхъ подробностей изъ исторіи крестьянской реформы 1861 года, но всего болѣе интересъ представляютъ тѣ страницы настоящей книги, которыя проливаютъ свѣтъ на общественныя настроенія того времени, на зарождающееся въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ движеніе въ пользу коренной политической реформы. Первое время послѣ обнаруженія манифеста 19 февраля и въ обществѣ, и въ литературѣ, и въ администраціи воцарилось нѣсколько идиллическое настроеніе, но даже 7 мая 61 года кн. Черкасскій пишетъ Милютину: „теперь наоборотъ общій mot d'ordre—страхъ, уныніе, дѣтское преувеличенное опасеніе; словомъ, самое мрачное настроеніе“ (278). По словамъ М. А. Милутиной, всѣмъ сдѣлалась очевидна и неминуема эпоха реакціи (271). Придворная охранительная партія во главѣ съ министромъ

государственныхъ имуществъ Муравьевымъ всячески старалась противодействовать реформаціоннымъ попыткамъ правительства, „однимъ словомъ, говоря словами Мидютина, конопатить всѣ щели Зимняго дворца, въ которыя проникалъ воздухъ“ (277). Между тѣмъ аресты все учащались, и непомерно развивалась печатная подпольная литература. Смѣнившій Ланского на посту министра внутреннихъ дѣлъ, Валуевъ громкогласно заявилъ, что „литература наша поетъ все минорнымъ (т.-е. отрицательнымъ, оппозиціоннымъ) тономъ и что онъ не оставитъ министерства, пока не заставитъ ее пѣть тономъ мажорнымъ (т.-е. въ духѣ правительства)“ (341), но въ обществѣ все росло отрицательное отношеніе къ петербургскому чиновному міру. Уже въ январѣ 60 г. кн. Черкасскій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „какое страшное смѣшеніе рѣшительнаго зла и тупоумія съ безплодною благонамѣренностью представляетъ Петербургъ“ (128). А въ началѣ 62 г. Кошелевъ пишетъ кн. Черкасскому: „что Вы ни говорите, а при бюрократіи мѣстная жизнь развиться не можетъ. Надобно у насъ въ Россіи хватить сверху, и тогда все остальное будетъ развиваться“ (352). По мнѣнію либеральной дворянской партіи, участіе народа въ дѣлахъ управленія становилось для Россіи необходимымъ, и Кошелевъ вполне правильно передавалъ ея настроеніе, когда въ письмѣ къ кн. Черкасскому говорилъ: „тѣмъ болѣе я всматриваюсь во все, что кругомъ насъ дѣлается: и во внутренности Россіи и въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе я прихожу къ убѣжденію, что такъ дѣла идти не могутъ. Могутъ намъ не дать думы, но мы должны требовать созыва выборныхъ отъ всѣхъ сословій. Помимо этого нѣтъ исхода“ (352). Въ то же время тверское дворянство въ своемъ прошеніи на имя Государя, отмѣчая несостоятельность правительства удовлетворить общественнымъ потребностямъ, указало единственный, неизбежный къ этому путь: собраніе представителей всего народа безъ различія сословій (368). Выборы депутатовъ въ предполагаемое народное собраніе Ив. Аксаковъ въ издаваемой имъ газетѣ „День“ предлагалъ организовать на принципѣ всеобщей подачи голосовъ при полномъ упраздненіи избирательнаго ценза. Кн. Черкасскій вначалѣ считалъ разрастающееся политическое движеніе „нѣсколько неправильнымъ и искусственнымъ“, полагая, что „гуманные порывы къ конституціонному устройству зародились въ атмосферѣ общественнаго застоя“. „Россія для своего счастья, по его мнѣнію, должна начать съ того, чтобы подвести подъ себя твердый фундаментъ добрыхъ мѣстныхъ учрежденій, а уже послѣ думать о роскоши общественной жизни“ (т.-е. земской думѣ) (553). Въ земскихъ учрежденіяхъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшій оплотъ противъ проникавшихъ въ общественную жизнь слишкомъ либеральныхъ вѣяній и передовыхъ теченій (371). Но финансовыя затрудненія правительства и польское возстаніе заставили кн. Черкасского много подвинуться впередъ въ вопросѣ о народномъ представительствѣ. Онъ убѣдился, по его собственному признанію, что самодержавіе безусловно разрѣшить польскій вопросъ и что Литва и Кіевъ могутъ быть надежно спаяны съ Россіей, лишь при помощи общерусскаго имперскаго народнаго представительства (434).

Въ настоящее время, когда Россія стоитъ наканунѣ созыва народныхъ представителей, особенно большой интересъ представляетъ изученіе исторіи нашихъ либеральныхъ движеній. Эпоха великихъ реформъ была въ нашемъ прошломъ періодомъ наибольшаго напряженія освободительнаго процесса, и изданіе кн. Трубецкой является поэтому какъ нельзя болѣе своевременнымъ, освящая 60 годы какъ разъ именно съ этой стороны.

В. Бочкаревъ.

Прусская конституція съ объясненіями, извлеченными преимущественно изъ комментарія д-ра Арндта. Перевелъ бар. А. Мейендорфъ. СПб., 1905.

Прусская конституція, октроированная 31 января 1850 г., при чемъ образцомъ для нея послужила бельгійская конституція 1831 г. съ вытравленіемъ изъ нея идей народнаго суверенитета и парламентаризма и ихъ слѣдствій, одна изъ самыхъ отсталыхъ и плохихъ. Даже относительно формы она не всегда отличается точной редакціей постановленій и послѣдовательностью въ примѣненіи принциповъ (см. хоть 109 ст.). Затѣмъ по этой конституціи нижняя палата, возникшая въ Пруссіи подъ влияніемъ революціи 1848 г., избирается путемъ открытаго (а не тайнаго) голосованія по системѣ двухстепенной подачи голосовъ, модифицированной еще раздѣленіемъ избирателей на три разряда экономическаго значенія, и такимъ образомъ проникнута олигархическимъ началомъ, почему Бисмаркъ

имѣлъ право сказать, что онъ не знаетъ ничего болѣе неглаго и несправедливаго, чѣмъ прусская система. Рабочіе въ прусской нижней палатѣ совсѣмъ не представлены и потому вопреки г. Мейендорфу должны для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей прибѣгать не къ безкровной парламентской борьбѣ, а къ такимъ средствамъ, какъ, напр., грандіозная стачка вестфальскихъ углекоповъ, только подъ влияніемъ которой правительство вынуждено было внести въ палату проектъ реформы горнаго законодательства. Верхняя же прусская палата, имѣющая корни въ XVII в. и отражающая въ себѣ средневѣковыя отжитыя идеи родового и территориальнаго представительства, образуется изъ членовъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно, или потомственно (гл. обр. изъ средняго безсильнаго дворянства), не пользуется ни авторитетомъ, ни самостоятельностью и по выраженію Бисмарка же есть не что иное, какъ подкладка правительственной власти, параллельная форма королевскихъ волеизъявленій. Переходя къ компетенціи палаты, видимъ, что, правда, и въ Пруссіи нижняя палата является центромъ, въ которомъ сосредоточена главная финансовая власть государства. Но ст. 109-ая, предоставляющая правительству право взимать разъ установленные налоги до отміны ихъ законодательнымъ порядкомъ, рассмотрѣнная палатами въ качествѣ переходной статьи, но затѣмъ включенная въ отдѣлъ общихъ установленій, дѣлаетъ не страшнымъ для правительства и отверженіе палатами бюджета. Король прусскій стоитъ выше конституціи, обладаетъ безусловнымъ правомъ на неутвержденіе законовъ и, кромѣ того, въ правѣ издавать обязательныя нормы по всѣмъ вопросамъ, не нуждающимся на основаніи конституціи въ разрѣшеніи законодательнымъ порядкомъ (напр., по школьнымъ и церковнымъ вопросамъ). Что же касается исполнительной власти, то Пруссія государство дуалистическое, такъ какъ прусскіе министры ответственны только передъ королемъ, а не передъ палатами, и назначеніе и увольненіе министровъ тоже всецѣло зависитъ отъ короля, а не отъ взглядовъ большинства палаты депутатовъ по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Мало того. Не только политически, но и юридически министерство въ Пруссіи не ответственно, такъ какъ законъ объ ответственности министерства, обѣщанный 61 ст. конституціи, до сихъ поръ не изданъ. Въ результатъ всего этого и получается въ Пруссіи антагонизмъ правительства съ палатами, отсутствие однородности и солидарности въ министерствѣ, отсутствие авторитета и силы въ мѣрахъ правительства, путаница и неясность въ пониманіи министерствомъ текущихъ потребностей политической жизни страны, слабость и безсиліе палаты, лишенныя права контроля надъ дѣйствіями исполнительной власти и не имѣющихъ средствъ для отміны незаконныхъ распоряженій.

Такимъ образомъ сначала намъ было непонятно, почему это г. Мейендорфъ, задумавъ (по инициативѣ г. Свѣшнікова) русское изданіе по образцу книги Дареста „Les constitutions modernes“, взялъ для начала такую неудовлетворительную и по формѣ и по содержанію конституцію, какъ прусская. Но посвященіе книги Б. В. Никольскому, предисловіе къ книгѣ г. Столыпина, въ которомъ онъ заявляетъ, что онъ „не юристъ ни по образованію ни по занятіямъ“, а потому и не страдаетъ „технической предвзятостью“ и рекомендуетъ намъ „вдохновляться“ прусскими образцами, отсутствие критическаго отношенія въ комментаріяхъ къ недостаткамъ прусской конституціи и умаленіе, въ введеніи, роли народнаго движенія въ дѣлѣ водворенія въ Пруссіи свободы личности и союзовъ и представительстваго правленія вмѣстѣ съ преувеличеніемъ заслугъ Гогенцоллерновъ въ этомъ отношеніи намъ показали, что настоящая книжка представляетъ собой своеобразную попытку нашихъ консерваторовъ. Именно въ тотъ моментъ, когда вся наша изстрадавшаяся страна единодушно и настойчиво требуетъ для своего устроенія избранія народныхъ представителей въ учредительное собраніе на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права съ предварительнымъ дарованіемъ народу свободы личности, слова, печати, союзовъ и собраній съ надлежащими юридическими гарантіями этой свободы и съ амнистіей за политическія и религіозныя преступленія, консерваторы хотятъ подsunуть намъ вмѣсто всего этого фальсифицированный прусскій конституціонализмъ и такимъ образомъ закрѣпить и при новомъ порядкѣ вещей правовое и экономическое господство правящей теперь Россіей олигархіи. Разница только въ томъ, что коррективомъ къ прусскому государственному праву служить болѣе совершенная общеперская конституція, основанная на всеобщемъ тайномъ избирательномъ правѣ (напр., относительно правъ личности и

союзъ¹⁾, и значительно обезвреживаетъ его. А у насъ и такого корректива не будетъ, такъ какъ до Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ еще далеко.

Переводъ текста прусской конституціи г. Мейендорфа довольно удовлетворителенъ, если принять во вниманіе трудности юридико-техническаго перевода законовъ, о которыхъ см. подробнѣе въ вышедшей недавно интересной работѣ г. Гольмстена: „Участіе представителей юридической науки въ отправленіи гражданскаго правосудія“. „Объясненія“ же г. Мейендорфомъ составлены не только по Арндту (изд. 1904 г.), но на основаніи и другой новѣйшей русской и иностранной литературы предмета (особенно по Еллинеку и Коркунову). Жаль только, что г. Мейендорфъ не воспользовался здѣсь „Государственнымъ правомъ европейскихъ державъ“ Градовскаго (изд. 1895 г.; рецензировано нами въ V т. „Сборника Правовѣднія“). Кромѣ уже упомянутой тенденціозности, можно упрекнуть комментаріи г. Мейендорфа въ отрывочности и конспективности и въ перевѣсѣ, даваемомъ въ нихъ г. Мейендорфомъ практикѣ надъ теоріей. Въ введеніи же г. Мейендорфъ даетъ очеркъ роста конституціонной идеи въ Германіи по „Германской конституціи“ Градовскаго, но сухой, блѣдный и тенденціозный же, какъ мы уже упоминали. Совсѣмъ затушеванъ тотъ фактъ, что принципъ конституціонализма въ Пруссіи разъ превозглашенный и послѣ пораженія народа оказалось возможнымъ только изуродовать, а не уничтожить.

Цѣна книги по объему чрезмѣрно высока, при чемъ однако необходимо отмѣтить, что „авторская выручка“ предназначается для фонда въ пользу семействъ защитниковъ Портъ-Артура⁴⁾.

Сергій Шумановъ.

Діонео. 1. Очерки современной Англій. Спб., 1903. — 2. Англійскіе силуэты. Спб., 1905.

Талантливо и живо написанныя, содержательныя и будящія мысль статьи г. Діонео изъ „Русскаго Богатства“, собранныя имъ въ двѣ лежащія предъ нами книжки, прежде всего задаются цѣлью объективно и безпристрастно изобразить свободнаго, практичнаго и энергичнаго, съ рѣзко выраженной индивидуальностью британца, не скрываая и его недостатковъ (напримѣръ, гипереміи стыдливости; „Силуэты“²⁾, 47). Самоопредѣленіе, самодѣятельность, самоуваженіе³⁾—таковы три кита, на которыхъ по Діонео лежитъ житейскій укладъ англичанина. И культивируются эти качества въ немъ уже школой (29—31). Велико наслажденіе такимъ образомъ англичанинъ находить въ трудѣ, усиліи, борьбѣ, преодолѣніи препятствій. Практичность англичанъ помогла имъ сдѣлать темпъ ихъ государственной и общественной жизни равномернымъ, эволюціонно-прогрессивнымъ, а не революціонно-конвульсивнымъ. Рѣзко выраженная индивидуальность помогла имъ отстаивать права личности и союзовъ, свободу слова и совѣсти. „Въ Англій всѣ вольности крѣпки не писанной конституціей, а готовностью гражданъ отстаивать свои права, если на нихъ совершается покушеніе“ (48). На самоуваженіи основано и уваженіе англичанъ къ другимъ и повиновеніе законамъ, но лишь настолько, насколько законъ не превышаетъ полномочій, данныхъ ему „я“. Тѣ же качества дѣлаютъ англичанъ свободными отъ бюрократическаго режима со всѣми его прелестями, о которыхъ см. на стр. 3—27 „Вопросовъ мѣстнаго управления“ В. М. Гессена. Во-вторыхъ, г. Діонео справедливо считаетъ основаніемъ національной ненависти незнаніе, а потому и ставитъ себѣ задачей разсѣивать это незнаніе и сопряженную съ нимъ ненависть къ „несвоимъ“ и бороться такимъ образомъ съ доисторическимъ понятіемъ „націонализма“; третья же и пожалуй самая важная сторона работъ г. Діонео—это даваніе имъ на примѣрѣ англичанъ уроковъ своему собственному народу. Удивительно, какъ онъ умѣетъ брать изъ англійской жизни такія черты и явленія, которыя ударяютъ по самому большому въ данное время мѣсту русской жизни (204—205). Ориги-

1) Но полицейскій произволъ и теперь еще силенъ въ Пруссіи, съ чѣмъ русскіе люди на дѣлѣ могли ознакомиться въ кенигсбергскомъ процесѣ. Преслѣдуются и поляки. Есть ограниченія и для политическихъ союзовъ и собраній подъ открытымъ небомъ, для права петицій и школьнаго дѣла и для судебной гласности.

2) На „Силуэты“ сдѣланы и всѣ дальнѣйшія ссылки въ этой замѣткѣ.

3) Нейрастенію же англичане называютъ „русской болѣзью“ (112).

нально и освященіе, даваемое г. Діонео политическому и общественному процессу современной Англии. Во-первых, онъ подмѣчаетъ превращеніе старой Англии въ жирное государство, подобное Кароагену, во-вторыхъ, постепенную демократизацію англо-саксонскаго мира съ перемѣщеніемъ центра его тяжести изъ окостенѣвшей Англии въ ея молодой колоніи. Ростъ сознательнаго пролетариата только еще можетъ прекратить (или хотя бы лишь замедлить) процессъ окостенѣнія и старой Англии. Знаменательнымъ въ этомъ отношеніи является судьба Trades Disputes Bill. Многое тутъ выяснять и предстоящіе выборы въ парламентъ ¹⁾.

Таковы общія черты книгъ г. Діонео. Что же касается ихъ частныхъ, то о содержаніи книги 1903 г. мы уже говорили подробно въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Права“ за 1903 г. Поэтому остановимся здѣсь лишь на „Силуэтахъ“.

Содержаніе ихъ очень пестро и не систематизировано. Но все же можно разбить его на три отдѣла. Это, во-первыхъ, литература (Пинеро, Шоу, Меридитъ, Бловицъ, Спенсеръ) и бытовые черты (Hobby, Father Christmas, Дерби) Англии (1—68, 101—287, 423—469), во-вторыхъ, — репрессія и безопасность (68—101, 319—346), въ-третьихъ, трудъ и протекціонизмъ (287—319, 346—423). Особенное значеніе для русскаго читателя имѣетъ второй отдѣлъ. Лейтъ-мотивъ его тотъ, что „нѣтъ ничего слабѣе грубой силы“ (18). На примѣрѣ „ирландскаго ледохода“ (выкупъ земли и гомруль) авторъ демонстрируетъ тотъ законъ, что „никакія реакціонныя силы не въ состояніи задержать реформы, разъ ея необходимость создана историческими условіями. Никакія полумѣры не могутъ разрѣшить назрѣвшаго вопроса. Тормозящія силы, стремящіяся остановить покатившійся камень, могутъ прибавить лишь букву *R* къ слову Evolution“ (346). Потрясающее впечатлѣніе производитъ описаніе на стр. 70—71 и 77—80 развращенной и деморализованной континентальной полиціи, не слуги общества, а его гидры и бича, тогда какъ англійскій „бобби“ не контролеръ надъ совѣстью и мнѣніями, не суровый цензоръ нравовъ, не машина для изготовленія входящихъ и исходящихъ бумагъ, а лишь молчаливый, безстрастный, незамѣтный, покорный, безкорыстный слуга общества, и только, — благодаря непосредственному контролю общества надъ полиціей въ Англии, чего на континентѣ не наблюдаемъ (96).

На вопросахъ же труда и протекціонизма легче всего прослѣдить игру и видоизмѣненія переплетающагося двойнаго процесса, о которомъ мы говорили выше. Такъ, стремленіе къ независимости, стремленіе отдѣлаться отъ патроната сквайра и священника, гонять ходжа въ городъ (358), а имперіализмъ, созданный колоссальнымъ ростомъ космополитизированнаго капитала, гонять цвѣтъ городского и сельскаго пролетариата и въ колоніи (376). Переплетающіеся же интересы англійской нетекстильной промышленности, требующей новыхъ рынковъ и охраны ихъ таможеннымъ кордономъ, биржевого капитала, стремящагося отдѣлаться отъ подоходнаго налога, и колоній, ставшихъ конкурентами Англии и диктующихъ ей свои условія (307), приводятъ Англию нашихъ дней къ любопытному процессу возрожденія протекціонизма (319).

Заканчиваетъ книгу любопытный очеркъ: „Въ русскомъ кварталѣ“ (469—501), наглядно рисующій процессъ постепеннаго превращенія изъ паріевъ въ людей въ новыхъ условіяхъ разныхъ Благовѣстниковъ въ свиткахъ и Хацкелей въ лапсердакахъ и усвоенія ими принциповъ самосознанія и солидарности, которыхъ сначала они и понять-то были не въ состояніи (475).

Сергій Шумановъ.

Р. Гарро. Современная задача уголовной репрессіи. Переводъ А. Я. Неймана подъ редакціей А. Д. Марголина. Кіевъ. 1904.

Гарро вмѣстѣ съ Лакассанемъ и Тардомъ принадлежитъ къ ліонской социологической школѣ уголовнаго права, примыкающей (особенно въ своихъ первоначальныхъ работахъ) по своимъ воззрѣніямъ къ криминалистамъ-антропологамъ, и отличается замѣчательной устостью взглядовъ. Такъ, напр., въ лекащей передъ нами въ русскомъ переводѣ рѣчи его на торжественномъ засѣданіи Ліонскаго

¹⁾ Такая роль демократизаціи Англии, къ сожалѣнію, недостаточно выяснена въ книгахъ г. Діонео.

университета „Le problème moderne de la pénalité“ Гарро, признавая вмѣстѣ съ другими социологами преимущество въ дѣлѣ познанія преступности статистическаго метода (13) и въ дѣлѣ борьбы съ нею предупредительныхъ мѣръ предъ карательными (19), сводить всѣ эти мѣры лишь къ „образованію, сноснымъ условіямъ существованія, религіи и хорошему примѣру“ (20)—и только. О необходимости въ дѣлѣ борьбы съ преступностью правовыхъ и социальныхъ реформъ, охраны и принудительнаго воспитанія безпризорной рабочей молодежи и развитія союзнаго начала ¹⁾ среди взрослого населенія въ дѣляхъ взаимной помощи и поддержки у Гарро ни слова. Переходя же къ карательнымъ мѣрамъ, прежде всего наталкиваемся на такую удивительную вещь, что Гарро не признаетъ ни наличности исправимыхъ привычныхъ преступниковъ (7), ни возможности ихъ исправленія (sic, 4). Для случайныхъ преступниковъ Гарро рекомендуетъ устрашеніе (6) и приспособленіе ихъ къ обществу путемъ тюрьмы, не оговариваясь даже, что прежде всего самое-то тюремъ надо реформировать (7). „Приспособленіе“ же вопреки Гарро надо примѣнять не къ случайнымъ преступникамъ, а къ привычнымъ исправимымъ, которыхъ, какъ мы видѣли, онъ не признаетъ. Наконецъ для привычныхъ неисправимыхъ преступниковъ Гарро предлагаетъ въ дѣляхъ удаленія ихъ изъ общества такіа осужденныя наукою въ лицѣ ея лучшихъ представителей, но зато излюбленная французскою практикою мѣра, какъ смертную казнь и ссылку (19). Ни о reformatory system, ни объ условномъ освобожденіи и осужденіи, ни о другихъ карательныхъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ новою наукою („Научное Слово“, 1905, I, 165), у Гарро опять-таки ни слова. Но самый поразительный примѣръ узко-буржуазныхъ взглядовъ Гарро—его отношеніе къ рецидиву. Признавая ужасное увеличеніе цифры рецидива, Гарро видитъ въ немъ не признакъ несостоятельности нашей карательной системы, которая, не исправляя, не устрашая и не предупреждая, лишь укрѣпляетъ побужденія къ преступной дѣятельности, а... „успокоительный симптомъ нашего социального положенія“ (sic, 18), такъ какъ де „въ то время, какъ классъ обычныхъ преступниковъ растетъ, проступокъ медленно, но вѣрно исчезаетъ“!

Вотъ до какихъ негѣпостей можно договориться, стремясь влить новое демократическое уголовное ученіе въ старыя буржуазныя мѣхи ²⁾.

Совсѣмъ такимъ образомъ не зачѣмъ было переводить на русскій языкъ рѣчь Гарро, а если ужъ редація книги такъ хотѣлось познакомить русскую публику съ еще неизвѣстнымъ послѣднимъ представителемъ социологической школы уголовного права, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ снабдить эту рѣчь руководящимъ предисловіемъ, которое выясняло бы роль и значеніе Гарро въ наукѣ уголовного права, но редація не сдѣлала и этого.

С. Ш.

„Sartor Resartus“, жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека, въ 3-хъ книгахъ, Томаса Карлейля.—Пер. съ англ. Н. Горбова. Изд. 2-е, Москва, 1904 г.

„Sartor Resartus“ Карлейля представляетъ собою одновременно автобіографію въ высшей степени сложнаго, глубокаго и много жившаго внутренней жизнью челоуѣка и рядъ едва связанныхъ общностью принятой авторомъ фабулы глубокомысленныхъ разсужденій на социальные, политическія и религіозно-философскія темы. Знаменитый историкъ-философъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности кореннымъ образомъ разошелся въ пониманіи жизни съ мировоззрѣніемъ господствующаго демократическаго и капиталистическаго строя общества и пошелъ своей дорогой. Въ „Sartor Resartus“ подъ псевдонимомъ д-ра Тейфельсдрека онъ описываетъ тотъ тернистый путь собственныхъ сомнѣній и глубокихъ моральныхъ потрясеній, по которому онъ пришелъ къ своему положительному мировоззрѣнію. Выработка религіознаго мировоззренія совершается иррациональнымъ путемъ и логическому учету не подлежитъ; много сомнѣвавшіеся люди, обрѣтшіе потомъ свою вѣру, всегда рисуютъ пріобрѣтеніе ея въ видѣ какого-то особаго момента, въ который наступило мгновенное просвѣтленіе, обратившее ихъ въ сторонниковъ вѣры. Въ виду невозможности логи-

¹⁾ Вспомнимъ кстати, что въ „республиканской“ Франціи свобода ассоціацій признана лишь закономъ 1 іюля 1901 года!

²⁾ На стр. 16 слѣдуетъ еще отмѣтить разсужденіе Гарро о „коррекціонализаци“ преступленій.

ческого анализа генезиса вѣры очень цѣнны художественныя изображенія выработки религіознаго мировоззрѣнія, сдѣланныя талантами крупной величины. Въ изображеніи этого процесса, данномъ Карлейлемъ, замѣтны три стадіи: вначалѣ Тейфельсдрекъ, приведенный отрицаніемъ существующаго бездушнаго строя и религіозными сомнѣніями въ отчаяніе, едва не рѣшается на самоубійство; его удерживаетъ „нѣкоторый отблескъ (Nachschein) христіанства и, можетъ быть, нѣкоторая гнѣдность характера“ (186 стр.); затѣмъ онъ приходитъ къ полному отрицанію (глава: „the everlasting no—, вѣчное нѣтъ“) и полагаетъ, что только въ самомъ себѣ, въ признаніи своей свободы, въ превознесеніи силы личности, можно найти точку опоры: „...когда я такъ думалъ, по всей душѣ моей пробѣжалъ какъ бы потокъ огня, и я навсегда страхнулъ съ себя низкій страхъ... теперь былъ уже не Страхъ и не хныгающее Горе, а Негодование и суровое Презрѣніе съ огненными очами“ (кн. II, гл. VII). Однако послѣ этого „крещенія огнемъ“, какъ выражается К., безпокойство Тейфельсдрека вскорѣ возросло, такъ какъ „Негодование и Недовѣріе“, въ особенности противъ вещей вообще, не являются самыми мирными сожителями (188). Правда, онъ не превратился въ „sarut mortuum“ (202), однако душой его, лишенной какого-либо реальнаго содержанія вѣрованій, кромѣ простаго противопоставленія свободы индивидуума абсолютному „нѣтъ“, овладѣваетъ мрачное раздуміе, а затѣмъ тяжелый индифферентизмъ (centre of indifference). „Тысячи людскихъ поколѣній были поглочены Временемъ, и отъ нихъ не сохранилось болѣе никакихъ остатковъ... Что такое Земля, эта... Собачья Конура? И что такое ты?.. Ты все еще Ничто, Никто. Такъ. Но кто же тогда что-нибудь, кто-нибудь? Для тебя нѣтъ занятія въ семьѣ человѣчества; она тебя отбрасываетъ... Да будетъ такъ. Можетъ быть, такъ лучше“ (203). Состояніе это и было тѣмъ „центромъ безразличія“, черезъ который неизбѣжно долженъ пройти каждый человѣкъ при ростѣ духовной личности и переходѣ ея отъ отрицательнаго полюса къ положительному. — Въ первый моментъ своего духовнаго развитія К. противопоставлялъ міру зна силу индивидуальной личности. Впослѣдствіи онъ понялъ, что личность на такомъ пути никогда не придетъ къ положительному результату, такъ какъ потребуетъ для постояннаго своего удовлетворенія и насыщенія безконечный Божій міръ, всецѣло ей предоставленный (212). Система утилитаріанизма способствуетъ этому, такъ какъ смотритъ на жизнь, какъ на алгебраическую сумму положительныхъ и отрицательныхъ слагаемыхъ, изъ которой каждый человѣкъ въ правѣ требовать себѣ maximum положительныхъ „благъ“ (212). К., наоборотъ, приходитъ къ убѣжденію, что „дробь жизни можетъ быть увеличена не столько увеличеніемъ вашего числителя, сколько уменьшеніемъ вашего знаменателя... Даже единица, дѣленная на ноль, даетъ безконечность. Только съ отреченія, собственно говоря, можно признать, что жизнь начинается“ (213). Черезъ это умерщвленіе первоначальнаго своего индивидуализма („Selbstbdtung“). К. приходитъ къ положительному (the everlasting yea, кн. II, гл. IX) воззрѣнію на человѣка, какъ на своего ближняго, на міръ, какъ на божественный космосъ, принадлежащій Отцу человѣчества (210), въ который мы посланы каждый творить свое малое дѣло и исполнять тотъ долгъ, который къ намъ всего ближе. „Здѣсь, въ этой бѣдной, несчастной, запутанной, презрѣнной дѣйствительности, здѣсь или нигдѣ находится твой идеалъ: добудь его отсюда твоимъ трудомъ и, трудясь, вѣрь, живи, будь свободенъ“ (218). — Современная цивилизація, такъ сказать развитіе демократизаціи по всей Европѣ, обостреніе борьбы за существованіе, грозный ростъ капитализма, постепенное сведеніе личности человѣка на нѣтъ—все это въ корнѣ противорѣчитъ мировоззрѣнію К., и онъ не скупится на остроумныя сатирическія и полемическія выходки противъ существующаго строя. Городъ—назывъ цивилизаціи (267), капиталистическій строй и борьба за существованіе, въ сущности, проводятъ въ жизнь заповѣдь „укради“ (223), и мы только прикрываемъ воровство различными словами (254), государство сузилось до степени Полицейскаго Управленія, стѣсненнаго въ полученіи жалованья (258), общество все равно, что умерло и только стадныя чувства и старыя унаслѣдованныя привычки удерживаютъ насъ при этихъ обстоятельствахъ отъ распадѣнія и отъ всеобщей національной, гражданской, домашней и личной войны (256—7). — Причины этого упадка К. видитъ въ томъ, что общество возможно лишь благодаря религіи (238), религія же въ настоящее время превратилась въ простую привычку, въ пустой символъ, а вмѣстѣ съ нею утратили живой смыслъ и вся наша цивилизація и всѣ наши учрежденія; жизнь наша жива лишь обломками прежнихъ преисполненныхъ значенія символовъ; остались однѣ прежнія одежды; нѣкогда онѣ были формами, въ которыхъ духъ проявлялъ себя чувству (300), но духъ мертвъ и общество про-

гнило, и одежды висятъ на немъ неподвижными складками. Поэтому Тейфельсдрекъ предлагаетъ читателямъ философію одежды: „Die Kleider. Ihr Werden und Wirken“. Обычаи, нравы, учреждения, релігіозныя вѣрованія, все это—одежды, которыми человечество прикрываетъ свою природную наготу и благодаря которымъ оно можетъ жить мирными обществами. Философъ долженъ всматриваться въ одежды, покуда онѣ не сдѣлаются прозрачными, и онъ будетъ въ состояніи проводить человечество въ естественномъ его состояніи. К. идетъ еще далѣе въ проведеніи своего сравненія и, переходя отъ политики и социологіи къ гносеологіи, говоритъ, что пространство и время—только одѣяніе души. Поэтому не лишне предупредить читателей, что нужно избѣгать смѣшенія его съ нѣмецкими идеалистами, такъ или иначе исходящими изъ трансцендентальной эстетики Канта: по Карлейлю земля и весь матеріальный механический міръ не перестанутъ существовать, если бы даже все живое, за исключеніемъ Единаго Высшаго Существа, исчезло. К. характеризуетъ свое мировоззрѣніе, какъ Natural Supernaturalism (кн. III, гл. VIII). Но если одежды общества обветшали, то это не значить еще, что нужно сбросить ихъ и обратиться къ естественному состоянію, къ „адамитизму“. К. предостерегаетъ противъ смѣшенія себя съ Руссо (231, 259), онъ вѣруеть въ новое общество (264) и вполнѣ разделяетъ воззрѣніе Сентъ-Симона: „L'âge d'or qu'une aveugle tradition a placé jusqu'ici dans le passé, est devant nous“ (263).—Общество подобно птицѣ фениксу, птицѣ Бену, и К. даже выражаетъ желаніе, чтобы она сожгла себя поскорѣе, не черезъ 500, а черезъ 200 лѣтъ (270), такъ какъ прогрессъ совершается одновременно съ регрессомъ (275), и чѣмъ скорѣе умретъ наше общество и народится новое, тѣмъ лучше. Истинный же прогрессъ—не заштопываніе дыръ на обветшалыхъ одѣянїяхъ (отсюда, какъ намъ кажется, и странное, необъясненное у Карлейля названіе книги: „Заштопанный Портной“ такъ какъ портной иносказательно—всякій политическій или общественный дѣятель, дѣятель „одежды“ (кн. III, гл. XI, tailors); на такое объясненіе есть намекъ на ст. 272) и не вѣчное подмазываніе и подклеиваніе разрушающаго созданія, къ которымъ сводятся по К. всѣ государственныя, социальныя, парламентскія реформы и вообще вся политика, возбуждающая въ немъ, по собственнымъ словамъ его, „удивленіе, колебаніе и даже скорбь“ (276), но воспитаніе и развитіе въ себѣ истиннаго духа, освобожденіе стъ одеждъ.

Таково трудно уловимое содержаніе этой въ высшей степени оригинальной,—чтобы не сказать странной,—книги, о которой самъ авторъ говоритъ, что въ ней „нѣтъ ничего, кромѣ намековъ, образныхъ заковычекъ; типичный Абрисъ, безпоякойно колеблющійся, пророчески-сатирический, а не ясный, логическая Картина“ (206). Книга почти не поддается изложенію, но въ чтеніи весьма поучительна. Напомнимъ поэтому совѣтъ самого К.: „Once there, let each dig for his own behoof and enrich himself“, т.-е. „разъ понавѣ туда, пусть каждый самъ копаетъ въ свою пользу и обогащается“ (231).

Переводъ г. Горбова отличается тщательнымъ выполненіемъ, безусловной вѣрностью и возможной при необыкновенной яркости и оригинальности языка подлинника художественностью. Вредятъ впечатлѣнію лишь нѣкоторыя выраженія, отчасти несвойственныя духу русскаго языка и переведенныя не только слово въ слово, но и слогъ въ слогъ, отчасти малоупотребительныя. 42 стр.: „всѣ чудеса были *перечудесены*“—„all miracles have been *outmiracled*“; 12: „я научился читать почти на всѣхъ *образованныхъ* языкахъ“—„I learned to read fluently in almost all *cultivated* languages“; 197: „перепутанныя и *перелопаченныя* въ кучи“—„shifted and *shovelled* into heaps“; 305: „подобно *обезтѣленной* душѣ“—„like a *disembodied* soul“; 312: „*опоясаніе*... вокругъ бедеръ“—„*girde*“; 315: „чердакъ, достижимый при помощи *стремянки*“—„*attainable* by a *ladder*“.

Н. Самсонъ.

Ю. Э. Озаровскій. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Вып. II. Спб. 1905 года.

Прекрасное изданіе г. Озаровскаго предназначено главнымъ образомъ для театра, но оно можетъ представить большой интересъ и для всѣхъ занимающихся литературой. Настоящій второй выпускъ его посвященъ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Онъ даетъ текстъ, тщательно установленный на основаніи всѣхъ прежнихъ изданій, а также черновой рукописи (единственный дошедшій до насъ автографъ пьесы), изданной недавно Историческимъ Музеемъ. Текстъ снабженъ

прекрасно составленными примѣчаніями. Жаль только, что г. Озаровскій почему то нашелъ нужнымъ напечатать его безъ раздѣленія на стихи: представленное имъ соображеніе, что „стихотворный видъ текста вовсе еще не обезпечиваетъ слушателю истинно музыкальной декламации стиховъ, не только не боящейся вѣрныхъ дѣлений фразы и общей правильной логической постановки ея, но только въ этомъ случаѣ и приобретающей особую прелесть отъ сочетанія правды логической съ правдой музыкальной“, нисколько не убѣдительно. Біографія Грибоѣдова составлена г. Глазковымъ главнымъ образомъ на основаніи статьи г. Веселовскаго, теперь уже нѣсколько устарѣвшей. Онъ не знаетъ, напримѣръ, даже того, что нельзя приурочивать рожденіе Грибоѣдова къ 1795 году, потому что эта дата опровергается рядомъ очень компетентныхъ свидѣтельствъ. Очеркъ этотъ представляетъ изъ себя сводъ элементарныхъ свидѣній о жизни писателя, но очень мало даетъ для характеристикъ его личности, такой сильной, своеобразной и интересной. Данная имъ „библіографія пьесы“ очень случайна и состоитъ изъ немногихъ указаній на литературу комедіи, вообще очень богатую. Самому г. Озаровскому принадлежитъ богатый „художественно-режисерскій отдѣлъ“, состоящій изъ матеріаловъ для характеристикъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и мотивовъ грима, куафюръ, костюма, мебели, бутафоріи и декорацій, съ присовокупленіемъ mise en scѣne комедіи. Въ приложеніи почему то дана біографія Гарусова, написанная г. Торскимъ. Для разработки „Горя отъ ума“ Гарусовъ сдѣлалъ не такъ ужъ много, чтобы описаніе его жизни могло быть необходимымъ приложеніемъ къ изданію великой комедіи. Вся книга, роскошно изданная, снабжена громаднымъ количествомъ иллюстрацій, большинство которыхъ вышло очень удачно. Среди нихъ есть два оставшіеся доселѣ неизвѣстными портреты Грибоѣдова, много изображеній мѣстъ, связанныхъ съ его именемъ, портретовъ близкихъ къ нему лицъ ¹⁾ и т. д. Онѣ придаютъ особенную цѣну изданію, которое и вообще заслуживаетъ вниманія читающей публики: впервые „Горе отъ ума“ издано съ такими богатыми комментаріями и въ такомъ роскошномъ видѣ.

В. Калаашъ.

А. Д. Григорьевъ. Архангельскія былины и историческія пѣсни. Т. I. М. 1904 г.

Книга г. Григорьева, изданная на средства Академіи Наукъ, даетъ рядъ текстовъ былинь и историческихъ пѣсень, записанныхъ на Поморьѣ и около Пинеги, и ученый къ нимъ комментарий. Г. Григорьеву удалось записать кое-что впервые, иногда интересные варианты къ уже извѣстнымъ произведеніямъ народнаго пѣснотворчества, но, печатая всѣ свои записи безъ исключенія, онъ утопилъ небольшое количество цѣнныхъ данныхъ въ цѣломъ морѣ повтореній давно уже извѣстнаго, не оправдываемыхъ точностью фонетическихъ записей и приложеніемъ напѣвовъ, записанныхъ посредствомъ фонографа. Но это еще не худшая сторона его книги, которую можно было бы легко безъ всякаго ущерба для дѣла сократить на добрую половину; болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе производить ученый аппаратъ, которымъ обставлено изданіе текстовъ.

Въ концѣ книги данъ обширный отдѣлъ примѣчаній, въ которыхъ г. Григорьевъ производитъ очень внимательное изслѣдованіе своихъ тетрадей съ записями и даетъ между прочимъ очень своеобразные „варианты“.

Къ самому себѣ и своимъ записямъ онъ примѣняетъ приемы детальнаго филологическаго анализа, которые были бы понятны только при изслѣдованіи какого-нибудь древняго памятника. „Варианты“—это несомнѣнные описки и ошибки рукописи, исправленные въ текстѣ и почему то оговоренныя въ примѣчаніяхъ: напр., „черноглазья“, „приносла“, „рузумной“, „модецкой“ вмѣсто молодецкой и т. д. По всей вѣроятности, г. Григорьевъ усвоилъ этотъ приемъ изъ изданій древнихъ памятниковъ и примѣнилъ его въ данномъ случаѣ не къ мѣсту. Вступительная статья тоже возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Г. Григорьевъ часто задаетъ своимъ читателямъ прямо загадки: указывая, напримѣръ, на пѣсни, которыя „при шутливомъ содержаніи по складу и напѣву сходны съ серьезными старинами“, онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать двѣ оговорки: „Но (?) эта противоположность между содержаніемъ старины и ея вѣнностью вмѣстѣ съ тономъ напѣва также приводитъ слушателей въ веселое настроеніе“ и „эти мысли слѣдуетъ

¹⁾ Впервые изданъ портретъ пріятеля Грибоѣдова А. А. Жандра.

проверить съ помощью музыкантовъ“ — конечно, специалистовъ по „веселому настроенію...“

Для выясненія исторіи былинъ онъ рекомендуетъ производить на „дѣлхъ сотняхъ страницъ“ текстуальное сличеніе всѣхъ вариантовъ каждой былинны, какъ будто бы оно можетъ вскрыть литературныя заимствованія и указать самый процессъ ихъ возникновенія. „Генетическое древо вариантовъ“, добытое такимъ египетскимъ трудомъ, даже при „опредѣленіи книжныхъ источниковъ или, обратно, ихъ вліяній“, конечно, ничего не дастъ „для приуроченія къ опредѣленному времени“, которое можетъ быть обосновано только чертами быта или литературныхъ заимствованій изъ датированныхъ книжныхъ источниковъ.

Самый процессъ записыванія передается г. Григорьевымъ съ массою совершенно ненужныхъ подробностей, которыми онъ почему-то слишкомъ дорожитъ — вѣроятно, впрочемъ, потому же, почему онъ рекомендуетъ „разставляющему знаки препинанія сидѣть надъ каждымъ изъ нихъ и долго думать, какой лучше поставить гдѣ знакъ...“

Странная бываетъ иногда наука!

В. Каламшъ.

Иоганнъ Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Переводъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. С. Смирнунта. М., 1905 г. Ц. за 2 тома 6 р.

Съ обширнымъ трудомъ Иоганна Шерра русская читающая публика познакомилась еще въ концѣ 60-ыхъ годовъ, когда вышелъ въ свѣтъ первый русскій переводъ „Allgemeine Geschichte der Litteratur“, принадлежавшій А. Н. Пышину. Съ тѣхъ поръ этотъ трудъ былъ значительно дополненъ и улучшенъ Шерромъ, о чемъ свидѣтельствовали цѣлый рядъ послѣдовательныхъ нѣмецкихъ изданій, во многомъ отличавшихся отъ первоначальнаго. Въ настоящее время это капитальное сочиненіе вышло въ Германіи десятымъ изданіемъ, которое также значительно пополнено и переработано родственникомъ покойнаго Шерра, профессоромъ цюрихскаго университета Гаггенмахеромъ. Что касается Россіи, то приблизительно черезъ тридцать лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго русскаго перевода „Всеобщей исторіи литературы“ московскою фирмою „Книжное Дѣло“ изданъ былъ выходявшій отдѣльными выпусками новый переводъ того же сочиненія, сдѣланный уже съ девятаго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей П. И. Вейнберга.

Успѣхъ, выпавшій на долю этого перевода, появленіе котораго совпало съ особымъ оживленіемъ въ широкихъ кругахъ нашего общества интереса къ самообразованію и потребности въ популярныхъ сочиненіяхъ по различнымъ отраслямъ знанія, указалъ на необходимость втораго изданія, которое и выпущено теперь С. Смирнунтомъ. Новое изданіе, подобно предыдущему, весьма щедро иллюстрировано (до 400 рисунковъ въ текстѣ и болѣе двадцати иллюстрацій, преимущественно — портретовъ на отдѣльныхъ листахъ). Въ концѣ обѣихъ томовъ десятки страницъ заняты пояснительными примѣчаніями, главнымъ образомъ библиографическаго характера, весьма цѣнными и полезными для читателя, стремящагося къ самообразованію, хотя и не свободными отъ нѣкоторыхъ пропусковъ или пробѣловъ. Какъ и въ предыдущемъ изданіи, два отдѣла принадлежатъ русскимъ авторамъ, такъ какъ было признано неудобнымъ ограничиться переводомъ соответствующихъ отдѣловъ подлинника; это — „Славянскія земли“ (очеркъ К. Арабажина) и „Россія“ (очерки П. Вейнберга и П. Морозова). Что касается дополненій, сдѣланныхъ Гаггенмахеромъ, то мѣстами, напримѣръ, въ отдѣлѣ, относящемся къ Востоку, они были довольно существенны, хотя этотъ отдѣлъ все же уступаетъ дальнѣйшимъ.

Достоинства и недостатки сочиненія Шерра хорошо извѣстны всѣмъ тѣмъ, кто изучалъ у насъ исторію всеобщей литературы. Нельзя, конечно, не преклониться прежде всего передъ этою колоссальною эрудиціей, передъ громаднымъ количествомъ труда, затраченнаго авторомъ. Въ иныхъ случаяхъ обиліе фактовъ, собственныхъ именъ, титуловъ книгъ, хронологическихъ датъ способно даже утомить насъ, такъ какъ все это втиснуто подчасъ въ очень тѣсныя рамки, иногда превращается въ какой-то перечень. Несомнѣнно, съ другой стороны, что нѣкоторые отдѣлы и главы, болѣе детально разработанные, должны быть признаны весьма удачными, яркими, дающими настоящее понятіе объ извѣстныхъ писателяхъ (отмѣтимъ, для примѣра, характеристикѣ Рабле, Вольтера, отчасти — Байрона).

Въ иныхъ случаяхъ можно, наоборотъ, высказать нѣкоторыя возраженія противъ тѣхъ оцѣнокъ, какія даетъ Шерръ. Подчасъ у него слишкомъ ужъ просвѣчиваетъ тенденціозная точка зрѣнія. Являясь сторонникомъ извѣстной политической и общественной программы, онъ прикладываетъ ко всѣмъ фактамъ и теченіямъ новаго времени опредѣленную мѣрку, прѣдъявляетъ къ нимъ извѣстные требованія, безповоротно осуждая то, что идетъ вразрѣзъ съ его идеями. Во многихъ случаяхъ его взгляды, несомнѣнно, справедливы и симпатичны, носятъ вполнѣ передовой, культурный характеръ, отражаютъ въ себѣ міросозерцаніе лучшихъ людей новѣйшей эпохи, но отъ историка литературы мы все же въ правѣ ожидать большей объективности и безпристрастія даже по отношенію къ писателямъ и произведеніямъ, которымъ онъ не сочувствуетъ.. Неприятное впечатлѣніе производятъ также отдѣльные проблески чего-то въ родѣ германскаго шовинизма и національныхъ предубѣжденій—въ отдѣлѣ, посвященномъ Франціи. Въ общемъ, однако, трудъ Шерра, не способный вполнѣ удовлетворить специалистовъ, ищущихъ обыкновенно болѣе обстоятельной разработки отдѣльныхъ эпохъ и теченій, является весьма цѣннымъ и надежнымъ справочнымъ книгою по исторіи всеобщей литературы для лицъ, стремящихся къ самообразованію.

Ю. Веселовскій.

Лео Бергъ. Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ. Глава къ исторіи умственнаго развитія XIX вѣка. Переводъ Л. Горбуновой. М. 1905. Цѣна 1 руб.

Книга Лео Берга не принадлежитъ на родинѣ ея автора къ числу литературныхъ новинокъ; она написана была еще въ 1896 году, вышла въ свѣтъ годъ спустя, при чемъ самъ критикъ высказывалъ мнѣніе, что даже за тотъ промежутокъ времени, который отдѣлялъ постепенное созданіе книги отъ ея напечатанія, многое могло измѣниться въ современной литературѣ, вслѣдствіе чего легко могла явиться потребность въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и поправкахъ. Теперь, когда прошло еще 8 лѣтъ, эта потребность чувствуется, конечно, въ еще большей степени; явились новые писатели, прежніе литературные дѣятели выпустили рядъ новыхъ произведеній, иногда мало похожихъ на ихъ обычную манеру; измѣнилась и группировка литературныхъ партій или школъ, взаимныя отношенія символистовъ, ницшеанцевъ, запоздалыхъ натуралистовъ и пр.; возникли новые кружки и органы печати. Тѣмъ не менѣе, если видѣть въ книгѣ Лео Берга только обзоръ постепеннаго развитія нѣмецкой, отчасти—общеевропейской словесности, доведенной до извѣстнаго момента, не претендующей на характеристику самонѣвѣйшихъ теченій и писателей, то это своеобразное, мѣстами увлекательно написанное сочиненіе можетъ быть прочитано, въ частности, нашею публикою съ несомнѣннымъ интересомъ. Пишущій эти строки имѣлъ случай еще въ 1897 году детально анализировать книгу Берга, стараясь обратить на нее вниманіе русскихъ читателей, въ ту пору еще абсолютно незнакомыхъ ни съ „сверхчеловѣкомъ“ въ современной литературѣ, ни вообще—со взглядами и дѣятельностью нѣмецкаго критика. Конечно, подобную оцѣнку явленій и писателей нельзя считать вполнѣ точною и безпристрастною, разъ она выходитъ изъ-подъ пера человѣка, стремящагося провести непремѣнно извѣстную тенденцію, прослѣдить въ прошломъ словесности постепенное развитіе дорогихъ и симпатичныхъ ему идей; но для характеристики литературныхъ мнѣній извѣстной эпохи такая книга, сопоставленная съ друими, отражающими иную точку зрѣнія на тѣ же факты, заключаетъ въ себѣ цѣнный матеріалъ. Лео Бергъ, поклонникъ Ницше, интересуется главнымъ образомъ постепеннымъ развитіемъ идеи „сверхчеловѣка“, „морали господъ“, подчиняя этой идеѣ все остальное. Прежде чѣмъ говорить о самомъ Ницше и его философіи, онъ восходитъ къ болѣе отдаленной эпохѣ, стараясь тамъ прослѣдить зарожденіе ницшеанскихъ идей, т.-е. тѣхъ идей, которыя потомъ были разработаны, углублены, усовершенствованы, по-новому истолкованы авторомъ „Такъ говорилъ Заратустра“. Лео Бергъ послѣдовательно касается Канта, Фихте, Фейербаха, Макса Штирнера, Карлейля, Эмерсона, Ренана и мн. др. Быть можетъ, самая интересная часть книги—та, въ которой говорится объ отраженіяхъ ницшеанства въ современной нѣмецкой драмѣ, поэзіи, повѣствовательной литературѣ, и можно только еще разъ пожалѣть о томъ, что этотъ обзоръ не доведенъ, въ точномъ смыслѣ слова, до нашихъ дней. Тѣмъ не менѣе авторъ уже касается въ этой части своего труда нѣкоторыхъ произведеній Гауптмана, Вильбрандта, Арно Гольца, Яничекъ, Эверса, Пшибышевскаго, Дамеля и нѣк. др.

Преклоняясь передъ Ницше, Бергъ въ то же время очень иронически отзывается о „псевдо-ницшеанцах“, превращающихъ нерѣдко ученеіе философа въ какую-то карикатуру и желающихъ только рабски копировать своего учителя. По богатству фактовъ и своеобразности основной идеи книга Берга во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія.

Ю. Веселовскій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Евгеній Елачичъ. На чемъ основано раздѣленіе животнаго міра на отдѣлы. (Основы математики.) Изданіе подвижнаго музея учебныхъ пособій. Стр. 39. Ц. 15 к.

Ф. Ауербахъ, проф. Іенскаго университета. „Царица міра и ея тѣнь“. Общедоступное изложенеіе основаній ученеія объ энергіи и энтропіи. Перев. съ нѣмецк. Одесса. 1905. Стр. 55. Ц. 50 к. Mathesis.

Успѣхи физики. Сборникъ статей о важнѣйшихъ открытіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ общедоступномъ изложеніи. Подъ редакціей „Вѣстника Опытной Физики и Элементарной Математики“. Одесса 1905. Стр. 157. Ц. 75 к. Mathesis.

В. Эйгесъ. Критика феноменализма. Брянскъ. 1905. Стр. 95. Ц. 85 к.

Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Подъ ред. проф. А. С. Архангельскаго. Казань. 1904.

В. Мейенеръ. Руководство къ практическимъ занятіямъ по зоологіи позвоночныхъ. Выпускъ I. Лагушки. Казань. 1905.

Русскій „Думы и гѣсни“. М. 1905.

Проф. А. П. Павловъ. Реформа средняго образованія. Стр. 60. Ц. 25 к.

Программа домашняго чтенія на 1-й годъ математ. курса. Изданіе 7-ое. М. 1905.

В. Бузескулъ. Профессоръ М. М. Луинъ, „Харьковскій Грановскій“. Къ столѣтію Харьковского университета. СПб. 1905. Стр. 56.

В. Бехтеревъ. Основы ученеія о функціяхъ мозга. Выпускъ I. СПб. 1903. VIII, 253.

Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. I. Изд. И. К. Холчева. Стр. 264. Ц. 1 р. 75 к.

Викторъ Стражевъ. Opuscula. М.

М. Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Изд. ред. журн. „Міръ Божій“. Спб. 1905. Ц. 1 р. Стр. VIII, 160.

М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма. Второе изданіе редакціи журнала „Міръ Божій“. Спб. 1905. Ц. 1 р. Стр. VI, 259.

Р. Авенариусъ. Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи А. Луначарскаго. Новая теорія позитивнаго идеализма (Holzappel. Panideal). Критическ. изложенеіе А. Луначарскаго. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникава. М. 1905. Ц. 80 к. Стр. IX, 207.

А. Богдановъ. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Книга II. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникава. М. 1905. Ц. 70 к. Стр. 186.

М. Ключковъ. Земскіе соборы въ старину. Изд. „Обществен. пользы“. 1905 г. Стр. 50. Ц. 15 к.

Г. А. Евреиновъ. Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи и народное представительство. Спб. 1905. Ц. 60 к. Стр. 59.

А. Фодоровъ. Земля. Изданіе С. Скирмунта. Стр. 298. Ц. 1 р.

Указатель книжнаго магазина „Трудъ“ по составленію школьныхъ и народныхъ библиотекъ.

Р. Кёлеръ. Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. М. 1904. Стр. 200, 44. Ц. 1 р.

Венъяминъ Эндрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Перев. съ англійск. Е. А. Гурвичъ. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ № 17. Стр. XVII, 590. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. Риль и В. Виндельбандъ. Иммануилъ Кантъ. Перев. съ нѣмецк. Б. В. Яковенко. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Ц. 30 к. Стр. 62.

Четвертый годъ дѣятельности Спб. Комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи (Маякъ). Стр. 36.

Памяти профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Харьковъ 1905. Сборникъ рѣчей, некрологовъ, воспоминаній, изданный Историко-Филологич. обществомъ при Императ. Харьковск. универс. Стр. 34. Ц. 50 к.

Памяти профес. Александра Ивановича Кириччинова. Сборникъ статей, некрологовъ, воспоминаній, изданный Историко-Филологич. общ. при Имп. Харьковск. университетѣ. Харьковъ.

Л. Сокальскій. Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“. Кіевъ 1905.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи (Зарожденіе министерствъ. Политическіе идеалы Сперанскаго. Записки декабриста. Изъ исторіи крѣпостного права въ XIX вѣкѣ. Историческій процессъ русскаго народа. Общеобразовательная школа при Екатеринѣ II. Т. Н. Грановскій.) Изданіе А. П. Салунова. Кіевъ 1905. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 309.

Сергій Маковскій. Собраніе стиховъ. Спб. 1905. Изданіе „Содружества“. Стр. 121.

Проф. Р. Вишперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Часть I. М. 1905. Ц. 1 р. Стр. 230.

А. Дж. Грантъ. Греція въ вѣкѣ Перикла. Перев. подъ ред. Н. Н. Шамина. Съ рис. М. 1905. Библіотека для самообразованія. XXIII. Ц. 1 р. 60 к. Стр. XXIV, 358.

Политехнический музей. Учебный отдѣлъ. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ за 1904 годъ. М. 1905.

Матеріалы для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ гор. Славянска. Изданіе харковск. губернска. земск. управы. Харьковъ. 1905.

Г. Еллинекъ. Декларация правъ челоѣка и гражданина. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей А. Э. Вормса. 2-е изданіе, пересмотрѣнное. М. 1905. Библіотека для самообразованія. IV.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1905 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ III-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лештисъ, проф. ии. С. Н. Трубицынъ.

Въ ближайшихъ книгахъ предложено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: Н. А. Богословскій „Недавнее прошлое русской равнины“ прив.-доц. Н. П. Кастринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. К. Лейстъ, „Полярныя снѣга и магнитныя возмущенія“; проф. И. И. Мечниковъ, „Естественная смерть въ мірѣ животныхъ и въ мірѣ человеческомъ“; проф. Б. К. Млодзѣевскій, „О безконечно малыхъ“; проф. В. К. Церасскій, „Бредкингъ“ (съ портретомъ и рисунками). II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: академикъ Александръ Веселовскій, „Петрарка“; Ю. И. Айхенвальдъ, „Литературныя характеристики“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ русской исторіи“; Н. В. Сперанскій, „Вѣдьмы и вѣдовство“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; прив.-доц. Н. Н. Поляничкинъ, „Взаимное отношеніе уголовнаго права и социальной политики“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: проф. В. Я. Желѣзновъ, „Къ реформѣ современной теоретической экономіи“; В. В. Водозововъ, „О народномъ представительствѣ“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“; прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Женщина передъ уголовнымъ судомъ“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. Н. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.—Хроникой политической экономіи будутъ завѣдывать проф. В. Я. Желѣзновъ, а хроникой физики прив.-доц. Н. П. Кастринъ. Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всеѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются по 60 коп. каждый. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1904 г. Цѣна 6 р. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія лѣнны). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

Книга VI.

В. VII. 21

1905 г.

Научное Слово.

Москва.

Книга VI.

1905 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 17 июня 1905 г.

ТИПО-ЛИТ. ТРА И. И. КУШНЕРОВЪ И К^О МОСКВА.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. КОММЕНТАРИИ КЪ ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. I Этюдъ о естественной смерти. (<i>Продолженіе.</i>) Проф. И. И. Мечникова	5
II. ПЕТРАРКА ВЪ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИСПОВѢДИ SANZONIERE. (<i>Окончаніе.</i>) Академика Александра Н. Веселовскаго	12
III. КЪ РЕФОРМЪ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. Проф. В. Я. Желъзнава	41
IV. ВЗАИМНОЕ ОТНОШЕНІЕ УГОЛОВНАГО ПРАВА И СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. Прив.-доц. Н. Н. Полянскаго	52
V. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОИНА. Проф. гр. Л. А. Камаровскаго	70
VI. МОЛОДОСТЬ П. Я. ЧААДАЕВА. Ш. О. Гершензона	83
VII. УКАЗЪ О ВЪРОТЕРПИМОСТИ. Прив.-доц. Н. В. Давыдова	121
VIII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Новые труды по философіи исторіи“. Проф. В. М. Хвостова.— „Къ пятидесятилѣтію кончины К. Н. Батюшкова. Ю. А.— „Интернаціональный конгрессъ по изученію радиологіи и іонизаціи“)	126
IX. БИБЛЮГРАФІЯ. (А. Грантъ: „Греція въ вѣкъ Перикла“. Д. Н. Егорова.—З. Венгерова: „Литературныя характеристики“. Ю. А. Веселовскаго.—„Крестыанскій строй“ т. I. С. А. Шумалева)	136
X. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Комментаріи къ оптимистической фило-софіи.

(Продолженіе ¹).

I.

Этюдъ о естественной смерти.

2.

Естественная смерть въ мірѣ низшихъ животныхъ.

Въ животномъ мірѣ примѣры естественной смерти разнообразіе и сложнѣе, чѣмъ въ растительномъ. Я надѣюсь доказать въ этой главѣ, что смерть, повидимому, установилась независимо въ различныхъ животныхъ группахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она приняла очень странный и какъ будто парадоксальный видъ.

Разница между естественной и насильственной смертью такъ значительна съ виду, что принято противопоставлять ихъ одну другой. Между тѣмъ въ животномъ мірѣ наблюдаются случаи, гдѣ естественная смерть, тѣсно связанная съ организаціей, наступаетъ однако насильственно. Приведу этому нѣсколько примѣровъ.

На морской поверхности часто встрѣчаются мелкія, прозрачныя крайне нѣжныя существа, формою своею напоминающія каску. Зоологи назвали ихъ *пиллидіумами*.

Строеніе ихъ не очень сложно: кожные покровы чрезвычайно тонки и на нижней части тѣла находится ротовое отверстие, ведущее въ довольно обширную кишечную полость. Безпрерывное движеніе мерцательныхъ волосковъ привлекаетъ въ нее мелкія тѣла, которыя перевариваются, попавъ, въ эту полость.

Отсутствіе всякихъ половыхъ органовъ у пиллидіумовъ заставило зоологовъ предполагать, что они имѣютъ дѣло не съ взрослой

¹) См. „Научное Слово“ 1905 г., V.

формой, а только съ личиночнымъ состояніемъ какого-нибудь морского животнаго. Предположеніе это вполне оправдалось,—не разъ удалось наблюдать явленія превращенія пилидіума въ плоскаго червя (изъ группы *немертинъ*). Черезъ нѣкоторое время вокругъ вышеупомянутой кишечной полости образуется зародышъ. На дальнѣйшей стадіи развитія онъ со всѣхъ сторонъ обволакиваетъ кишечный каналъ пилидіума, который наконецъ и отрываетъ, помощью сильныхъ мускульныхъ движеній. Въ концѣ-концовъ маленькая немертина уплываетъ, унося съ собою кишечный каналъ пилидіума. Послѣдній еще нѣкоторое время плаваетъ въ морской водѣ, а затѣмъ умираетъ отъ своей раны, образованной на мѣстѣ вырванныхъ органовъ пищеваренія.

Способъ, которымъ немертина освобождается отъ матери, вполне насильственный; между тѣмъ смерть *пилидіума* нельзя рассматривать иначе какъ примѣръ естественной смерти. Дѣйствительно, все здѣсь происходитъ подъ вліяніемъ внутреннихъ, а не внѣшнихъ вліяній, такъ часто наблюдаемыхъ въ родѣ людскомъ.

Къ червямъ относится многочисленная группа *нематодъ*, между которыми—нѣсколько кишечныхъ паразитовъ челоуѣка, каковы аскарисъ, трихины, трихоцефалы и проч. Но есть и нематоды, свободно живущія въ землѣ, въ водѣ, а нѣкоторыя даже въ укусѣ. Всѣ онѣ имѣютъ очень прочныя кожныя покровы; нѣкоторыя изъ этихъ червей — живородящія. Они не кладутъ яицъ, какъ большинство ихъ родичей, а рождаютъ хорошо развитыхъ и подвижныхъ молодыхъ червей. Среди паразитовъ челоуѣка трихины производятъ множество молодыхъ личинокъ, легко высвобождающихся черезъ отверстіе женскихъ половыхъ органовъ. Но между свободно-живущими нематодами есть такія, у которыхъ это отверстіе слишкомъ мало для прохода крупныхъ личинокъ. Наблюдая представителей этой группы (*Diplogaster tridentatus*) еще 40 лѣтъ тому назадъ ¹⁾, я былъ пораженъ тѣмъ, что рождающіяся личинки для выхода наружу грубо разрываютъ тѣло матери, поглотивъ предварительно все ея содержимое. Личинки вылушляются изъ яицъ внутри материнскаго организма. Не будучи въ состояніи выйти наружу вслѣдствіе малыхъ размѣровъ полового отверстія, онѣ ищутъ выхода внутри всего материнскаго организма, пожирая и разрывая все на своемъ пути. Мать вслѣдствіе этого скорѣ умираетъ. Хотя смерть ея вызвана насиліемъ со стороны потомства, тѣмъ не менѣ она можетъ служить примѣромъ естественной смерти.

Становясь на телеологическую точку зрѣнія, какъ это было

¹⁾ Archiv für Anatomie u. Physiologie 1864.

сдѣлано въ аналогическихъ случаяхъ нѣкоторыми ботаниками, можно было бы сказать, что пилидѣумъ и диплогастеръ умираютъ потому, что совершили свое назначеніе, произведши молодыхъ немуртинъ и нематодъ; съ этой точки зрѣнія ихъ естественная смерть была бы предопредѣленной. Такое истолкованіе однако ничѣмъ не оправдывается. Гораздо правдоподобнѣе, наоборотъ, что эта смерть, наступающая послѣ производства молодаго поколѣнія, не помѣшала сохраненію вида. Вслѣдствіе этого и могла установиться вышеупомянутая, столь странная естественная смерть черезъ насиліе. Если бы половое отверстіе диплогастера было больше и личинки могли безпрепятственно выходить наружу, то мать выживала бы, несмотря на то, что достигла «цѣли» своего существованія.

Но далеко не всѣ случаи естественной смерти въ животномъ мѣрѣ обязаны насилію, какъ это было описано относительно пилидѣума и диплогастера. Очень часто смерть наступаетъ при гораздо болѣе миролюбивыхъ обстоятельствахъ.

Трудно съ точностью разобрать многіе изъ этихъ примѣровъ, поэтому обратимся къ такимъ, гдѣ въ естественности смерти не можетъ быть сомнѣнія.

Нерѣдко встрѣчаются животныя, лишенныя органовъ, необходимыхъ для продолжительнаго существованія. Нѣтъ ничего удивительнаго въ отсутствіи органовъ пищеваренія у животнаго, которое живетъ въ жидкости, заключающей растворенныя питательныя вещества. Таковъ примѣръ солитера, живущаго въ кишкахъ человѣка и животныхъ. Но когда животное свободно плаваетъ въ морской или прѣсной водѣ и въ то же время лишено всего, нужнаго для его пищеваренія, то оно можетъ жить только, пока заключаетъ въ себѣ запасы, сохраненные со времени своего зародышеваго состоянія. При этихъ условіяхъ быстро наступающая смерть, несомнѣнно,—естественная.

Лучшимъ примѣромъ этому служатъ коловратки—мелкія, прозрачныя животныя, водящіяся въ прѣсной водѣ. Прежде ихъ смѣшивали съ инфузоріями; но онѣ отличаются отъ послѣднихъ гораздо болѣе сложнымъ строеніемъ: у нихъ вполне развитой кишечный каналъ, сложные выдѣлительные органы и совершенно обособленные нервная система и органы чувствъ. Животныя эти—разнополюя; каждый видъ ихъ имѣетъ самцовъ и самокъ. Но въ то время какъ организмъ послѣднихъ вполне развитъ, самцы недоразвиты и не имѣютъ вовсе кишечнаго канала. Кожные покровы ихъ настолько плотны, что не пропускаютъ сквозь себя растворенныхъ веществъ, и самцы, лишенные пищеварительныхъ органовъ, могутъ жить только очень кратковременно.

Для подробнаго изученія жизни и смерти этихъ самцовъ я пользовался видомъ коловратокъ, предоставленнымъ мнѣ г. Хавкинымъ.

Видъ этотъ имѣетъ то преимущество, что легко разводится въ большомъ количествѣ въ сосудахъ, наполненныхъ водой кипяченой съ хлѣбною мякотью (1 граммъ хлѣба на 500 граммъ воды).

Уже по самому яйцу, можно распознать полъ этихъ коловратокъ: яйца, дающія самцовъ, гораздо меньше, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ выходятъ самки.

Легко изолировать мужскія яйца и прослѣдить ихъ жизнь до самаго наступленія естественной смерти. Весь циклъ ихъ существованія, отъ кладки яйца и до смерти, длится приблизительно три дня. По всей вѣроятности, это—самая короткая жизнь во всемъ животномъ царствѣ. Хотя взрослое состояніе нѣкоторыхъ подѣнокъ длится всего нѣсколько часовъ, тѣмъ не менѣе полный ихъ жизненный циклъ гораздо дольше, чѣмъ у самцовъ коловратки, такъ какъ личиночное состояніе тянется у первыхъ мѣсяцы и годы.

Тотчасъ послѣ вылупленія маленькіе самцы начинаютъ плавать помощью своихъ мерцательныхъ рѣсничекъ и сильно развитыхъ мускуловъ. Они сейчасъ же ищутъ самокъ, такъ какъ ихъ половые органы уже вполне зрѣлы при вылупленіи изъ яйца.

Прозрачное тѣло коловратокъ лишено пищеварительныхъ органовъ и наполнено подвижными и зрѣлыми сѣменными тѣлами. И дѣйствительно, какъ только самцу удается прикрѣпиться къ самкѣ, онъ опоражниваетъ свое содержимое. Можно бы предположить, что именно это быстрое выдѣленіе сѣменныхъ тѣлъ и вызываетъ смертельное потрясеніе. Но это не оправдывается на дѣлѣ. Самцы могутъ жить послѣ оплодотворенія еще 24 часа, т.-е. одну треть всего своего существованія. Съ другой стороны, были изолированы самцы, не вступавшіе въ половыя сношенія,—и это нисколько не удлиннило ихъ жизни. Въ одномъ изъ своихъ опытовъ я отдѣлилъ двоихъ самцовъ, а третьяго посадилъ съ двумя самками. Изъ нихъ всего дольше выжилъ этотъ третій самецъ.

Естественная смерть самцовъ начинается съ ослабленія движеній тѣла. Въ то время какъ мускулы и мерцательныя рѣснички еще вполне подвижны, коловратка дѣлаетъ одни частичныя движенія: то сокращается одна голова, то—одинъ хвостъ; все туловище не въ состояніи однако передвинуться. Иногда замѣчается сильное движеніе рѣсничекъ, точно онѣ хотятъ этимъ возмѣстить неподвижность тѣла. Такое состояніе длится нѣсколько часовъ послѣ прекращенія всякаго движенія.

Судя по своей подвижности, всего дольше живутъ сѣменные тѣла.

Во время агоніи на самцовъ нападаютъ бактеріи, очень многочисленныя въ средѣ, гдѣ живутъ коловратки. Онѣ скопляются вокругъ головы и хвоста самцовъ, но не могутъ проникнуть внутрь ихъ. Смерть самцовъ слѣдовательно нисколько не зависитъ отъ микробнаго зараженія, а происходитъ отъ чисто внутреннихъ причинъ.

Умираютъ ли самцы отъ голода? Врядъ ли, потому что ткани не представляютъ никакихъ видимыхъ измѣненій до агоніи. Это подтверждается наблюденіемъ самокъ, дѣйствительно умирающихъ иногда отъ голода. Въ старыхъ истощенныхъ средахъ голодныя самки становятся худыми, спавшимися и совершенно прозрачными; ткани ихъ теряютъ свою зернистость.

Ничего подобнаго не наблюдается у самцовъ, умирающихъ, не потерявъ своего нормальнаго вида.

Остается предположить, что естественная смерть самцовъ зависитъ отъ отравленія, вслѣдствіе недостатка обмѣна въ собственныхъ тканяхъ. Мы уже знаемъ, какую важную роль играетъ самоотравленіе организма.

Обиліе выдѣлительныхъ органовъ показываетъ, что у самцовъ коловратокъ происходитъ обмѣнъ веществъ, одни изъ которыхъ должны удаляться наружу. Когда же выдѣленія эти недостаточны, то должно наступить отравленіе тканей.

Такъ какъ агонія начинается съ прекращенія координаціи движеній, то надо полагать, что смертельное самоотравленіе самцовъ прежде всего касается нервныхъ центровъ; мерцательныя же рѣснички и мускулы затронуты только въ концѣ умиранія.

Несомнѣнно, что самцы коловратокъ кончаютъ свое существованіе естественною смертью въ строжайшемъ смыслѣ слова. Но не слѣдуетъ думать, что самки, снабженныя вполнѣ развитыми пищеварительными органами, умираютъ иначе. Жизнь самокъ коловратокъ длиннѣе и сложнѣе, чѣмъ у самцовъ; вслѣдствіе этого онѣ подвержены гораздо большимъ случайностямъ. Такъ, самки иногда умираютъ отъ голода или другихъ внѣшнихъ причинъ. Но если устранить эти неблагоприятныя вліянія, то онѣ живутъ около двухъ недѣль, а затѣмъ все же умираютъ естественною смертью. Явленія послѣдней совершенно сходны съ описанными у самцовъ.

Но не однѣ коловратки подвержены спокойной естественной смерти, такъ рѣзко отличающейся отъ бурной смерти пилидума и диплогастера. Мы встрѣчаемъ не мало сходныхъ примѣровъ среди безпозвоночныхъ.

Не буду входить въ подробности, а ограничусь только нѣсколькими фактами.

Одинъ американскій естествоиспытатель *Дана* уже болѣе 50 лѣтъ тому назадъ открылъ на поверхности моря столь странное маленькое животное, что далъ ему названіе «монстрилла». Это мелкое ракообразное приближается къ циклопамъ, такъ часто встрѣчаемымъ въ болотахъ. Но въ то время какъ послѣдніе снабжены всѣмъ необходимымъ для захвата добычи и переваренія ея, у «монстриллъ» нѣтъ ни хватательныхъ органовъ, ни даже кишечнаго канала. Онѣ снабжены богатыми мускулами, нервной системой, органами чувствъ и половыми органами. Имъ недостаетъ только всего нужнаго для продленія жизни черезъ питаніе. Онѣ, слѣдовательно, заранѣе обречены на естественную смерть.

Эти странности строенія были выяснены только нѣсколько лѣтъ тому назадъ изслѣдованіями *Малакэна*¹⁾. Монстриллы проводятъ цѣлый періодъ своего существованія въ качествѣ паразитовъ нѣкоторыхъ кольчатыхъ червей. Въ это время онѣ накапливаютъ необходимый матеріалъ для образованія половыхъ продуктовъ (яицъ и сѣменныхъ тѣлъ) и для свободной жизни въ морѣ во время развитія своего потомства. У монстриллъ не только самцы, но и самки лишены органовъ пищеваренія. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что самки у нихъ носятъ при себѣ яйца до самаго выдупленія изъ нихъ новаго поколѣнія (подобно тому какъ самки рака, лангусты и многихъ другихъ ракообразныхъ). *Малакэнз* думаетъ, что монстриллы умираютъ отъ голода. «Лишенные пищеварительныхъ, хватательныхъ и жевательныхъ органовъ, — говоритъ онъ (стр. 193), — монстриллы не имѣютъ никакой возможности питаться и послѣ кратковременной жизни неминуемо обречены на голодную смерть. Предположеніе это логически вытекаетъ изъ особенностей ихъ строенія».

Въ пользу этой гипотезы *Малакэнз* приводитъ тотъ фактъ, что передъ смертью ткани и органы монстриллъ представляютъ явные признаки дегенерачіи. «Прежде всего обнаруживается дегенерачія на глазахъ. Пигментъ растворяется и мало-по-малу исчезаетъ; зрительные элементы распадаются». «Затѣмъ наблюдаются индивиды, особенно самки, дегенерачія которыхъ еще полнѣе. Такъ, у пойманной въ сачокъ самки не было болѣе никакихъ признаковъ какихъ бы то ни было органовъ въ головномъ суставѣ; глаза, мозгъ, кишечникъ почти совершенно исчезли; щупальцы сводились къ остатку перваго и части втораго суставовъ. Все это очевидно — старческіе признаки, предшествующіе смерти» (стр. 194).

Эти доводы могутъ служить не только подтвержденіемъ гипотезы естественной смерти монстриллы отъ голода, но также и обрат-

¹⁾ Archives de zoologie expérimentale. 1901, t. IX, p. 81.

наго положенія относительно самцовъ коловратокъ, у которыхъ агонія наступаетъ при полномъ отсутствіи признаковъ такой дегенерациі органовъ.

Трудно приписать голоду естественную смерть, наступающую у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ вскорѣ послѣ достиженія ихъ окончательной стадіи развитія (imago).

Такъ, тѣ самки оригинальныхъ бабочекъ, названныхъ *Психидами* (Соленобіа), которыя кладутъ яйца, не будучи оплодотворенными, живутъ всего одинъ день въ окончательной своей стадіи развитія¹⁾. Между тѣмъ самки тѣхъ же насѣкомыхъ, выжидающія оплодотворенія, могутъ жить болѣе недѣли, не принимая никакой пищи. Слѣдовательно, быструю смерть первыхъ невозможно объяснить голодомъ.

У подѣнокъ, представляющихъ наилучшій примѣръ естественной смерти, послѣдняя наступаетъ уже черезъ нѣсколько часовъ жизни взрослой формы, безъ всякихъ признаковъ какой бы то ни было дегенерациі органовъ. Такъ какъ другія подѣнки (Chloe) живутъ безъ пищи нѣсколько дней, то мало вѣроятно, чтобы кратковременность первыхъ объяснялась голодомъ. Скорѣе можно отнести эти примѣры естественной смерти на счетъ самоотравленія организма, слѣдствія котораго могутъ обнаруживаться черезъ различное время, смотря по обстоятельствамъ.

У высшихъ животныхъ, у позвоночныхъ, нѣтъ столь удобныхъ условій для наблюденія естественной смерти, какъ у беспозвоночныхъ. Всѣ они снабжены достаточно развитыми органами пищеваренія, позволяющими имъ жить гораздо дольше, чѣмъ лишеннымъ ихъ низшимъ животнымъ.

Поэтому естественная смерть должна наступать очень рѣдко у позвоночныхъ, умирающихъ большею частью отъ внѣшнихъ причинъ, каковы: холодъ, голодъ, заразные и паразитическія болѣзни или смерть отъ враговъ.

Итакъ, намъ остается обратиться къ человѣку для изученія естественной смерти у существъ съ высшей организаціей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. И. Мечниковъ.

¹⁾ Наблюденія г-ра Шнейера, пр. Вейсманножъ. (Ueber die Dauer des Lebens. Iena, 1882, p. 66).

Петрарка въ поэтической исповѣди *Canzoniere*.

(*Окончаніе*) ¹⁾.

IV.

Уже въ чаду молодой славы, въ рѣчахъ умирающаго Магона, у Петрарки зазвучала пессимистическая нотка, напросившаяся въ случайный эпизодъ, и образы Амура, Славы и Добродѣтели, такъ гармонически сплотившіеся въ канцонѣ, написанной передъ вѣнчаніемъ, застлались пологомъ смерти. Гуманистъ заглянулъ въ свою душу и обрѣлъ аскета; античный идеаль доблести, спокойно мирившійся въ герояхъ «Африки» съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, утрачивалъ свою ясность въ мрачныхъ тревогахъ сознанія и страхъ за свое спасеніе; любовь и слава, наполнявшія жизнь поэта, манившія его на какую-то высоту, явились въ освѣщеніи грѣховности. Еще разъ накопились, и въ большей полнотѣ пережитаго, вопросы и противорѣчія, матеріалы тяжелой душевной ацедіи. Когда-то, на вершинѣ *Mont Ventoux*, случайно попавшееся изреченіе бл. Августина заставило Петрарку разобратъся въ самомъ себѣ; въ письмѣ къ Діонисію онъ обѣщаль разсказать когда-нибудь повѣсть своихъ душевныхъ бурь, — начавъ словами Августина; въ томъ же году (1336), отвѣчая Джьякомо Колоннѣ, не вѣрившему въ реальное бытіе Лауры, онъ утверждалъ, что она дѣйствительно существуетъ, но что противъ нея поможетъ ему когда-нибудь бл. Августинъ: читая и обдумывая его глубокія творенія, самъ онъ умудряется не по лѣтамъ, прежде, чѣмъ состариться ²⁾. И онъ призвалъ Августина, чтобы, подсказавъ ему свои сомнѣнія, дать себѣ осмотрѣться въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Тотчасъ послѣ «Африки», въ Пармѣ и Авиньонѣ, куда онъ вернулся весной 1342 года, написалъ онъ для себя исповѣдь, свою «Тайну» (*Secretum*) или «О презрѣніи свѣта» (*De contemptu mundi*).

¹⁾ См. „Научное Слово“. 1905 г., V.

²⁾ *Fam.* II, 9.

Въ томъ же году его братъ Герардо ушелъ въ монастырь, и, быть можетъ, къ нему обращенъ сонетъ 78, если слово *frate*, братъ, употреблено въ нарицательномъ, а не въ ласкательномъ смыслѣ, — братецъ. «Мы испытали съ тобой, какъ обманчивы наши надежды; вознеси же твое сердце къ лучшему, къ высшему, вѣчно радующему благу... Слѣдуй за немногими, не за толпой; а мнѣ можно сказать: братъ, ты указываешь другимъ путь, съ котораго часто сбивался, а теперь сбиваешься болѣе, чѣмъ когда-либо».

Этого пути Петрарка еще ищетъ.

Въ томъ же 1342 года прїѣхалъ въ Авиньонъ Бернардо изъ Семинары, въ монашествѣ Варлаамъ, уже побывавшій въ Авиньонѣ въ 1339-мъ году. На этотъ разъ Петрарка заинтересовался его греческой ученостью, добытой въ Солуни и на Аеонѣ, какъ заинтересовался имъ и Боккаччо ¹⁾. У Варлаама онъ видѣлъ творенія Платона по-гречески ²⁾; ученіе философа онъ усвоилъ по латинскимъ отраженіямъ, по переводу «Тимея» Халцидіемъ, но онъ жаждетъ непосредственныхъ откровеній и для этой цѣли хочетъ учиться у Варлаама греческому языку. Сладострастіе удаляетъ тебя отъ неба, поучаетъ Петрарку бл. Августинъ, такъ утверждаетъ и «священное (*coelestis*) ученіе» Платона. Ты понимаешь, что я разумѣю; все это тебѣ хорошо знакомо изъ его твореній, которыми ты, говорятъ, недавно такъ усердно занимался.—Занимался я въ бодрой надеждѣ и съ сильнымъ желаніемъ, отвѣчаетъ Петрарка, но трудность незнакомаго языка (*peregrinae linguae novitas*) и внезапный отъѣздъ учителя помѣшали моему намѣренію. Что до ученія, о которомъ ты упомянулъ, то оно хорошо извѣстно изъ твоихъ писаній и сообщеній другихъ платониковъ ³⁾.

Отъѣздъ учителя—Варлаама, назначеннаго, по рекомендаціи самого Петрарки королю Роберту, епископомъ Джераче, состоялся въ октябрѣ 1342 г.; Петрарка былъ въ Авиньонѣ съ весны того же года. Съ идейными откровеніями Варлаама въ столь короткій срокъ нечего считаться, но важно именно въ эту пору увлеченіе Петрарки въ сторону Платона. Это напоминаетъ колебанія—и ранній синкретизмъ бл. Августина.

Secretum начинается признаніемъ. Часто тревожатъ Петрарку думы: какъ онъ вступилъ въ жизнь и какъ ее покинетъ. Однажды, въ бессонную ночь, явилась ему прекрасная жена. «Я сошла съ неба, сжалившись надъ тобою, чтобъ помочь тебѣ; я та, которую

¹⁾ О Варлаамѣ см. мою книгу: Боккаччо, его среда и сверстники, I, стр. 80 слѣд.

²⁾ См. *De sui ipsius et multorum ignorantia* и Тоско въ *Giorn. stor. d. lett. ital.* VII, 410 п.

³⁾ *Secretum* II, стр. 346.

ты воспѣлъ въ своей «Африкѣ», которой воздвигъ дворецъ на высотахъ Атласа. Петрарка признаетъ въ ней Истину, въ ея спутникѣ, почтенномъ старцѣ,—своего дорогого наставника, бл. Августина. Его привела она къ Петраркѣ, для его успокоенія и наставительныхъ бесѣдъ. Бесѣды происходятъ въ теченіе трехъ дней.

Лишь добродѣтель даетъ счастье, порокъ же дѣлаетъ несчастнымъ, утверждаетъ бл. Августинъ; но для того и другого необходимо желаніе и содѣйствіе человѣка. Памятованіе о смерти, о тщетѣ жизни, и сердечное стремленіе стать лучше и выше (*desiderium vehementis studiumque surgendi*)—вотъ что помогаетъ намъ подняться надъ тѣснотой земного существованія.—Петрарка говоритъ, что желаніе у него есть, но нѣтъ силы и энергіи, такъ что онъ несчастенъ противъ воли. Это самообманъ, отвѣчаетъ бл. Августинъ, одна изъ гибельныхъ способностей человѣка: мы естественно не довѣряемъ нашимъ слугамъ, а не боимся самообмана, въ который входитъ и любовь, и авторитетъ, и большая близость къ себѣ; мы цѣнимъ себя болѣе, чѣмъ стоимъ, любимъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, мы обманутые и обманщики въ одномъ лицѣ. Заблужденіе Петрарки, впрочемъ, извинительно,—Августинъ испыталъ это самъ, пока его не посѣтило откровеніе, бывшее подъ фиговымъ деревомъ. Петрарка вспомнилъ *Confessiones*: когда онъ читаетъ ихъ, ему сдается, что это повѣсть его собственныхъ блужданій, разница въ томъ, что онъ еще въ бурномъ морѣ, Августинъ въ гавани. То фиговое дерево должно быть тебѣ милѣе мирта и плюща, наставляетъ его совопросникъ, милѣе любезнаго (какъ говорятъ) Фебу лавра, хотя къ нему стремятся всѣ поэты, ты же впереди всѣхъ, ибо ты единственный въ наше время, удостоившійся лавроваго вѣнца.

Петрарка сознается, что не былъ достаточно рьянъ въ своемъ стремленіи къ совершенству и проситъ бл. Августина указать ему путь.—Надо, по возможности, устранять свои желанія отъ всего земного и углубиться въ мысль о смерти, не мимоходомъ, слегка, а постоянно, такъ, чтобы она пустила корни въ сердцѣ; поддерживать ее живымъ представленіемъ ея неизбѣжности, питать воображеніе реальными образами кончины, страхомъ адскихъ мукъ и сознаніемъ непререкаемости послѣдняго суда; если при всемъ этомъ человѣкъ остается спокойнымъ, въ томъ же стремленіи къ небу и вѣрѣ въ милость Божию, мысль о смерти плодотворна.—Такія настроенія переживалъ Петрарка, особенно ночью: бывало, говоритъ онъ, освободившись отъ дневныхъ заботъ, я уйду въ себя, лежу, какъ кладутъ покойниковъ, и живо, сознательно (*intensissime*) представляю себѣ смертный часъ и все страшное, что мы съ нимъ соединяемъ. Мнѣ кажется тогда, что я въ агоніи, вижу адъ и его му-

ченія, и я такъ бываю встревоженъ этимъ видѣніемъ, что порой вскакиваю въ ужасъ и поражаю всѣхъ своимъ крикомъ: Что это? что со мной? Какое горе готовить судьба? Помоги Іисусе, «извлеки меня, непобѣдимый, изъ волнъ, подай десницу несчастному и выведи меня по водамъ къ блаженному пребыванію (*sedibus placidis*), гдѣ бы я могъ успокоиться по смерти»¹⁾. Итакъ, онъ глубоко переживаетъ страхъ смерти, но это не дѣлаетъ его счастливымъ, а лишь отравляетъ жизнь; и это не потому, чтобы кончину онъ представлялъ себѣ чѣмъ-то отдаленнымъ, какъ подозрѣваетъ бл. Августинъ: пока мы бесѣдуемъ, смерть, быть можетъ, безчисленными путями уже прошла до нашего порога, какъ самъ онъ писалъ въ одномъ юношескомъ посланіи. И его совопросникъ рѣшаетъ, заглядывая въ душу Петрарки: подавленный мечтами (*phantasmatibus*), разорванный противоположными другъ другу заботами, твой слабый духъ не успѣваетъ ни въ чемъ разобраться прежде, чѣмъ принять одно рѣшеніе, другое отратить; твоихъ силъ, времени, которыя ты такъ скупо удѣляешь, на то не хватаетъ. Кто густо сѣетъ на одной полосѣ, у того случается, что посѣвы мѣшаютъ другъ другу; такъ и съ тобой: въ душѣ, слишкомъ занятой, корни не принимаются и ничто не даетъ плода; ты же, не умѣя себѣ помочь, находишься въ удивительномъ броженіи, никогда не бываешь собой (*nusquam integer, nusquam totus*). Оттого и не можешь созрѣть въ тебѣ мысль о смерти, и нарождается тотъ душевный раздоръ, то безпокойство недовольнаго собой духа, который ненавидитъ своя скверная и не удаляетъ ихъ, не признаетъ окольныхъ, извилистыхъ (*tortuosae*) путей и не покидаетъ ихъ, страшится предстоящей опасности—и не избѣгаетъ ея.

Анализъ продолжается и во второй бесѣдѣ, въ смѣнѣ обличенія и защиты. Августинъ говоритъ о бренности мірскихъ благъ, науки, краснорѣчія, здоровья, красоты; Петраркѣ приходится защищаться отъ обвиненія въ тщеславіи, въ стремленіи къ обогащенію (онъ искалъ лишь средняго достатка), къ почету, къ которому онъ будто бы потому только шелъ окольнымъ путемъ (литературой), что зналъ свою неспособность къ общественной дѣятельности. Чувственности онъ не отрицается и боролся съ нею молитвой; не отрицается и *acedia*'и, того душевнаго недуга, о которомъ мы говорили выше. Онъ прекрасно характеризуетъ его признаки, но причины его намѣчены такъ голо и безцвѣтно, а оппозиція бл. Августина такъ слаба, что казалось бы, о мировой скорби говорить нечего. Недугъ этотъ страшный, но, чтобы излѣчить его, надо знать его источникъ; что же особенно огорчаетъ тебя? спрашиваетъ бл. Августинъ. Все, что

¹⁾ Аеп. 365, 370 слѣд.: рѣчь Полипура къ Энею.

я вижу и что слышу, свое и чужое; свое — это то, что онъ не достигъ и доли того умѣреннаго довольства, *augea mediocritas*, которымъ ограничилъ свои желанія. Но понятіе золотой середины растяжимо, замѣчаетъ бл. Августинъ, ты даже перешелъ ея границы ¹⁾, и онъ обвиняетъ Петрарку, что онъ требуетъ обезпеченія только себѣ, хочетъ жить только для себя. А недовольство жизнью, отвращеніе къ ней вызвано такими неудобствами, какъ шумъ народной толпы, бѣшенныя собаки и грязныя свиньи, грохочущія повозки и бѣшено несущіяся лошади! Нѣтъ въ тебѣ внутренняго покоя, иначе ты приучился бы ко всему этому, какъ къ шуму водопада, заключаетъ бл. Августинъ и совѣтуетъ пациенту читать *De tranquillitate animi* Сенеки и Тускуланы Цицерона.

На очереди вопросъ о любви и славѣ, Лаурѣ и лаврѣ. Для Петрарки они существенны, но ихъ надо помирить со страхомъ смерти. Это даетъ содержаніе третьему диалогу.

Отъ любви и славы Петрарка не можетъ отказаться. Бл. Августинъ почитаетъ любовь величайшимъ безуміемъ, Петрарка различаетъ: любовь, смотря по предмету, можетъ быть худшею изъ страстей, или благороднѣйшей дѣятельностью души; онъ съ своей стороны не знаетъ большаго блаженства, какъ любовь, посвященная килому существу и ведущая къ добродѣтели. Если бл. Августинъ другого мнѣнія, то лучше каждому изъ нихъ остаться при своемъ; онъ отъ своего не отстанетъ, если бы оно и было ложнымъ. Но бл. Августинъ утверждаетъ, что недугъ Петрарки требуетъ лѣченія, и сѣтуетъ, что при такомъ талантѣ онъ безумно потратилъ большую часть жизни на поклоненіе и чествованіе женщины, хотя и нравственной (*de muliere morali sermo nobis instituitur*). Петрарка отвѣчаетъ панегирикомъ Лаурѣ: ея душа, не вѣдающая земныхъ заботъ, горитъ небеснымъ желаніемъ, въ ея присутствіи все хорошее сіяетъ божественной красотой (*in cuius aspectu, si quidquam veri est, divini speciem decoris effulget*), нравы — образецъ высшей честности, въ голосѣ, глазахъ, движеніяхъ есть что-то нечеловѣческое... Безумецъ! восклицаетъ Августинъ, такими-то ложными измышленіями ты вотъ уже шестнадцатый годъ питаешь душевное пламя! Что если смерть унесетъ ее раньше тебя и ты увидишь ее мертвой, неподвижной? Ты устыдишься своей страсти къ смертному существу. — Но я люблю въ ней не плоть, а бессмертную душу, буду любить и по смерти. — Положимъ, она совершенство, она — богиня, но и къ прекрасному можно питать постыдную любовь (*turpiter*). — Нѣтъ, я люблю ее чистой любовью, и если виновенъ въ чемъ,

¹⁾ Сл. похвалы *mediocritas* Fam. III, 14, похвалы презирающихъ богатство Fam. XVI, 8, но *mediocritas* дѣйствительно переходила границы Fam. XIX, 16, 17, XX, 8.

то въ ея чрезмѣрности. Всѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, онъ обязанъ своей милой: своей славой, развитіемъ задатковъ добродѣтели, данныхъ ему природой; ибо сама она—добродѣтель, а сила любви такова, что она уподобляетъ любящаго любимому существу. — Это самообольщеніе: дарованіе Петрарки не отъ любви, а отъ природы; любовь вывела его на ложный путь: она могла предохранить его отъ пороковъ, но нанесла смертельную рану, обративъ его чувство къ другому лицу, заставивъ презирать всѣхъ и все, отвѣдя отъ любви къ Богу. — Напротивъ, утверждаетъ Петрарка, она-то и научила его любить Бога; душу онъ ея любить, не тѣло; «чѣмъ старше она становилась, а это неотразимый ударъ для тѣлесной красоты, тѣмъ тверже я держался своего мнѣнія, ибо если со временемъ блекнулъ цвѣтъ юности, умножалась съ годами красота души».

Я прерву показаніе Secretum исповѣдью 69-го сонета: Когда-то ея золотистые волосы развѣвались по вѣтру, и она заплетала ихъ игриво, на тысячу ладовъ, ярко было сіяніе ея прекрасныхъ глазъ, которые теперь на него скупаются; и казалось мнѣ, правда или нѣтъ, ея лицо носило цвѣтъ жалости. Неудивительно, что, уже зараженный любовью, я тотчасъ загорѣлся. Въ ея поступи было что-то не смертное, ангельское, и слова звучали не такъ, какъ въ человѣческой рѣчи. Небесный духъ, живое солнце — вотъ что я видѣлъ; но и не будь она таковой, рана все же не заживетъ, если и ослаблена тетива лука.

Что, если бы Лаура не была красивой? допрашиваетъ бл. Августинъ; Петрарка любилъ бы ее и тогда, если бы красота души свѣтилась въ ея глазахъ. («Ничего другого я отъ тебя не желалъ, какъ только солнца твоихъ глазъ», сон. 301.) Стало быть, ты все же любилъ ея тѣло, заключаетъ Августинъ, допуская, что душевныя качества милой и созвучіе ея имени съ дорогимъ для Петрарки лавромъ могли питать и поддерживать его чувство. Да, я любилъ ея тѣло и душу, сознается, наконецъ, Петрарка; его нравственное паденіе совпадаетъ съ началомъ его любви, въ юности онъ былъ религіозенъ, зналъ и страхъ Божій и памятовалъ о смерти. И когда онъ кается, что Лаура противилась его искупеніямъ, Августинъ обрушивается на него, обвиняетъ, не вѣритъ, что онъ отсталъ отъ грѣховныхъ вожделѣній; его страсть стала, быть можетъ, спокойнѣе, но она его не покинула: въ отсутствіе Лауры онъ тревожится, не знаетъ сна, худѣетъ, не разстается съ ея портретомъ, любить все, что ее напоминаетъ, хотя бы по созвучію: лавръ.

И теперь, какъ въ концѣ второго діалога, Августину предоставлена роль совѣтника въ вопросѣ, какъ избавиться отъ любви, но

его совѣты такъ же несущественны, почти дѣтскіе, не стоящіе на уровнѣ серьезной цѣли; точно они прилажены риторически, для симметріи. Полезна противъ любви перемѣна мѣста, пресыщеніе (о чемъ, впрочемъ, самъ Августинъ не считаетъ возможнымъ говорить), стыдъ—ибо любовь не пристала человѣку пожилому; наконецъ, размышленія на темы, что жизнь коротка, что талантъ и положеніе Петрарки налагаютъ на него обязательства; полезна и память о томъ, какъ строга и неприступна была его милая; наконецъ, его ждутъ многія, неконченныя имъ работы.

Такъ приготовленъ переходъ отъ любви къ славѣ. Петрарка откровенно сознается, что славу онъ любитъ, а ему говорятъ, что за земной онъ забываетъ небесную, что, теоретически презирая сужденія толпы, онъ тѣмъ не менѣе ищетъ ея похвалъ, плѣняется ее цвѣтами краснорѣчія, затѣялъ римскую исторію отъ Ромула до Тита (*De viris illustribus*), свою «Африку», забывая смертный часъ.— Да, отвѣчаетъ Петрарка, мысль объ «Африкѣ» наполняетъ его всецѣло, и ему мучительно подумать, что онъ оставитъ ее неоконченной; не говори мнѣ о бренности славы, о скоротечности жизни; мнѣ достаточно обыкновенной человѣческой славы, ея я и жажду, не оставляя и стремленія къ вѣчной; на землѣ слѣдуетъ естественно озаботиться о земномъ, а тамъ и о вѣчномъ. Бл. Августинъ борется съ нимъ доказательствами, почерпнутыми изъ того же источника, изъ котораго Петрарка заимствовалъ аллегорическія видѣнія первыхъ пѣсней своей поэмы, изъ цicerоновскаго «Сновидѣнія Сципіона», и когда Петрарка спрашиваетъ его, хочетъ ли онъ серьезно, чтобы онъ совершенно отказался отъ славы, говорить, что онъ того не требуетъ, но желалъ бы, чтобы Петрарка предпочелъ славѣ добродѣтель; пусть оставитъ неоконченными «Африку», свой историческій трудъ и обратится къ мыслямъ о неизбѣжной смерти и несущественности всего земного. И Петрарка благодаритъ его за наставленія, онъ послѣдуетъ имъ, но прежде чѣмъ отдаться размышленіямъ о вѣчности и спасеніи,—намѣренъ устроить свои земныя дѣла.

«*Secretum*», хотя и носящій слѣды позднѣйшихъ вставокъ (еще послѣ 1353 г.), несомнѣнно отражаетъ душевную тревогу Петрарки въ пору, непосредственно слѣдовавшую за вѣнчаніемъ и поэтическими восторгами Сельвапьяны. Съ этимъ настроеніемъ онъ и считается, испытывая себя и защищаясь, вводя любовь и славу въ черныя рамки *Secretum*, который и начинается и кончается памятованіемъ смерти. И онъ выходитъ побѣдно изъ испытанія; не оттого ли такъ слабы и безцвѣтны совѣты, которые преподаетъ ему Августинъ: бѣжать отъ любви, подумать о старости? Земная слава не лишаетъ небесной, любовь не отвлекаетъ отъ пути къ небу, и Петрарка отъ

нея не отказывается. Она стала духовной, любовь къ душѣ, свѣтлѣйшая въ глазахъ, не считающейся со старостью. Я люблю, но съ большимъ цѣломудріемъ, съ большей печалью, писалъ онъ въ 1336 г. отцу Діонисію; настроеніе старое (если Петрарка не подновилъ текста письма), но послѣ анализа *Secretum* оно укрѣпилась въ томъ серьезномъ самоуглубленіи, на которое обращалъ его бл. Августинъ. Мы помнимъ, какъ цѣнилъ онъ въ 1338 году свое воклювское уединеніе, гдѣ онъ могъ отдаваться «высокимъ мыслямъ» и пестрымъ снамъ¹⁾; постомъ 1346 года онъ пишетъ трактатъ «Объ уединенной жизни» (*De vita solitaria*), надъ которымъ продолжалъ работать и позже. Это плодъ «собственного опыта, говоритъ онъ, подкрѣпляя его примѣрами любителей уединенія и анахоретовъ, древнихъ и новыхъ, начиная съ Адама, счастливаго, когда еще не было при немъ Евы. Въ одиночествѣ душа очищается отъ страстей, воспитывается къ благочестію, въ надеждѣ на Бога и вѣчное блаженство, на землѣ общается съ духами, удостоена бываетъ лицезрѣнія и бесѣды съ Христомъ. Не забыто и общеніе съ великими древними, заставляющее пренебрегать «низостью настоящаго», и тихая прелесть литературнаго труда. Говоря по Макробію о четырехъ ступеняхъ добродѣтели, установленныхъ Платономъ, Петрарка съ любовью и своеобразно комментируетъ вторую и третью. На второй стоятъ добродѣтели, очищающія отъ страстей (*purgatoriae*), свойственныя людямъ, живущимъ въ уединеніи, въ философскомъ *otium*'ѣ; на третьей душа уже прошла этотъ искусь (*virtutes animi purgati*) и страсти забыты. Эта стадія свойственна людямъ совершеннымъ; гдѣ ихъ искать, не знаю; если они были, то любили уединеніе, если кто изъ нихъ остался и добродѣтели служатъ имъ рулемъ въ открытомъ житейскомъ морѣ, ихъ все же влечетъ къ себѣ — пристань уединенія (I, 5).

Въ разсужденіи о «Монашескомъ досугѣ» (*De otio religiosorum*), написанномъ постомъ 1347 года, тотъ же вопросъ разбирается, но уже въ большей отрѣшенности отъ жизни. Правда, разсужденіе назначено было для брата Петрарки, Герардо, и для братіи монастыря, въ которомъ онъ постригся, но Петрарка говоритъ, что писалъ столько же для другихъ, сколько для себя. Трактатъ отзывается наставленіями бл. Августина въ *Secretum* и недавними похвалами уединенію. Когда Петрарка посѣтилъ брата въ Montreux и бесѣда зашла на эту тему, онъ привелъ изреченіе изъ псалмовъ: *Vacate et videte*. На эту тему написано *De Otio. Vacate*: предайтесь досугу, но не досугу лѣни, а досугу мысли и сердца, и вы увидите, *videte*,

¹⁾ Ер. poet. I, 7; сл. Fam. III, 5, 5-го мая, вѣроятно, 1338 года.

еще на землѣ, что можетъ быть открыто человѣческому глазу, увидите и возрадуетесь истинѣ; это единственно вѣрное блаженство. Отрѣшнитесь отъ прошлаго и его воспоминаній, отъ грѣха, и не идите навстрѣчу тому, что вредно для души: она окружена опасностями, кто ихъ любитъ, погибнетъ; не довѣряйтесь своимъ силамъ и подчинитесь Христу въ страхѣ и трепетѣ. Врагъ бродитъ вокругъ насъ непрестанно, смущая; нашъ щитъ—вѣра. Петрарка противопоставляетъ сомнѣніямъ, противорѣчіямъ, душевной расторожности древнихъ мыслителей—простыхъ людей, пастуха, старушку, которые даже не знаютъ всего символа вѣры и не умѣютъ подкрѣпить его доказательствами, но слухъ которыхъ пріучился къ словамъ истины и наполненъ божественными громами. Такъ и въ первомъ діалогѣ *De vera sapientia*¹⁾ истинная мудрость оказывается на сторонѣ неуча въ спорѣ съ ораторомъ и подтвердилось требованіе бл. Августина: только познаніе самого себя, знаніе того, чѣмъ былъ человѣкъ до рожденія и какъ будетъ по смерти, порождаетъ смиреніе и страхъ Божій.

Врагъ соблазняетъ насъ утѣхами свѣта и плоти, продолжаетъ *De Otio*, заставляетъ насъ медлить дѣломъ спасенія: на сей день довольно, говоримъ мы, остальное подождетъ; вѣдь благоразуміе требуетъ все дѣлать по порядку! Боритесь молитвой и да будутъ вамъ на помощь стрѣлы Всемогущаго, его апостолы и евангелисты, его *carbones desolatorii*, горѣвшія вѣрой и любовью души, святые и мученики. Наставленіями бл. Августина въ *Secretum* отзывается перечисленіе грѣшниковъ, между ними тѣ, которые рассчитываютъ на долгую жизнь, люди, не удовлетворяющіеся своей *mediocritas*, страдающіе печальной апедіей. Мірское величіе разрѣшается въ *vanitas vanitatum* Соломона: гдѣ римскіе императоры, Цезарь, Тиверій, Веспасіанъ, Константинъ? Гдѣ Бонифацій VIII, гдѣ папы, которыхъ я самъ видѣлъ, Іоаннъ, Бенедиктъ и оба Климента? Гдѣ, наконецъ, честь Франціи и краса Италиі—король Робертъ Сицилійскій? Всему этому величію противопоставляется страшный образъ смерти: передъ нами гробница, и мы отступаемъ въ ужасѣ: ноздри разѣдены, зубы распатаны, отверстія глазъ наполнены перстью, волосы въ грязи, и, о Боже! какъ страшно все то, чего не видишь, ибо какъ знать, въ какомъ состояніи душа этого тѣла, какую обитель она обрѣла, если не взыскало ея небесное милосердіе?

Въ этомъ освѣщеніи смерти является и любовь, понятая, какъ явленіе плотское; Петрарка обращается къ монахамъ и такую любовь онъ не защищаетъ. Любовь это «дѣло очень нѣжное, заро-

¹⁾ Онъ воспроизведенъ въ *De Rem. utriusque fortunae*, l. I, dial. XII (ок. 1368 г.).

ждается она отъ сна и бездѣлья, хорошей пищи и мягкой одежды, отъ заботъ о себѣ, отъ тайныхъ бесѣдъ, веселья, игръ и пѣсенъ»¹⁾). А тѣло—рабъ или осель, какъ говорятъ святые отцы: «вскормленный на веселыхъ и тучныхъ пажитяхъ сладострастія, среди вавилонскихъ рѣкъ (Вавилонъ — смятеніе, говоритъ Петрарка, вавилонскія рѣки—Лета, Флегетонъ и другія адскія, которыя приравняются къ грѣховнымъ побужденіямъ), онъ привыкъ ходить по ровнымъ и широкимъ дорогамъ этого міра; какъ же устремиться ему рьяно къ высотѣ Сіона, на вершину котораго ведетъ крутая, узкая, каменистая тропинка?»

Между Secretum 1342—3 и De Otio 1347 года въ Петраркѣ, видимо, происходила работа нравственного самоочищенія и углубленія; святыни Сіона тѣснили видѣнія Капитолія; когда-то Моникъ старался плѣнить Сильвія поэзіей псалмовъ, но онъ только прислушался; теперь она дала иное содержаніе его уединенію: *Vacate et videte!*

За эти годы шла работа и надъ матеріаломъ будущаго *Canzoniere*, писались новыя гіме врагве, но, за рѣдкими исключеніями, они не дають хронологической нити, которая позволила бы слѣдить за ростомъ того духовнаго чувства, права котораго онъ защищалъ передъ голосомъ своей совѣсти. Бѣгство отъ любви, исканіе небесныхъ путей, раскаяніе — все это не является надежнымъ критеріемъ; такія изліянія могутъ быть выраженіемъ временной подавленности или общимъ мѣстомъ. Доказательнѣе, пожалуй, хотя бы въ отрицательномъ смыслѣ, тѣ стихотворенія, разсѣянные на пространствѣ пяти лѣтъ, гдѣ поэтъ беззаботно, какъ встарь, поетъ о мученіяхъ любви, забывъ о строгихъ завѣтахъ бл. Августина. Это, быть можетъ, не противорѣчіе; чувство пережило свой острый періодъ, и поэтъ можетъ спокойно отдаться художественной игрѣ привычными образами. Характеренъ сонетъ 161, если, какъ вѣроятно, онъ написанъ Петраркой тотчасъ по возвращеніи въ Провансъ весной 1342 г.: въ тихомъ дуновеніи вѣтерка, будящаго цвѣты въ тѣни лѣсовъ, онъ узнаетъ знакомое ему вѣяніе, которое увеличитъ его страданіе и славу. Онъ бѣжалъ изъ Италіи, чтобы прислонить къ кому-нибудь свое усталое сердце, просвѣтить сумрачныя мысли; ищетъ свое солнце и увидитъ его сегодня. Любовь влечетъ его неудержно, но такъ ослѣпляетъ, что бѣжать уже поздно.—Таково и настроеніе сонетовъ 84 и 113, написанныхъ, по указанію Петрарки, на пятнадцатомъ году его любви; то же желаніе бѣгства и невоз-

¹⁾ Сл. *Trionfo d'Amore* l. 82—3: *nacque d'ozio e di lascivia umana, Nutrito di pensier dolci e soavi*. Сл. въ Октавіи Сенеки: *luxu, otio nutritur inter laeta fortuna bona*.

возможность бѣжать, та же аллегорія лавра и обѣщаніе жить, какъ жилъ, вздыхая, куда бы ни занесла его судьба. Въ Secretum бл. Августинъ напомнилъ Петраркѣ, какъ, испуганный болѣзною Лауры, онъ въ порывѣ горя написалъ печальное стихотвореніе, *funerem carmen*, точно его милая умерла. Въ *Canzoniere* сохранилась группа сонетовъ (24—7) ¹⁾ на темы: ожиданіе смерти; Лаура въ небѣ все затмила; отчаяніе, выздоровленіе; въ послѣднемъ (27) сонетѣ молитва Аполлону сохранить его лавръ. Этотъ сонетъ переписанъ былъ Петраркой въ Авиньонѣ, въ пору Secretum, 21 августа 1342 г. Петрарку нерѣдко посѣщаль страхъ утратить Лауру; въ указанныхъ выше сонетахъ и страхъ и чувство и образы какіе-то языческіе; въ слѣдующемъ, недатированномъ сонетѣ (162) все это одѣвается печальной, романтической дымкой:

Межъ стройныхъ женъ, сіяющихъ красю,
Она царитъ одна во всей вселенной,
И передъ ея улыбкой несравненной
Блѣднѣютъ всѣ, какъ звѣзды предъ зарею.

Амуръ какъ будто плачетъ надо мною:
Она живетъ, и жизнь зовутъ безцѣнной,
Она исчезнетъ—счастье жизни бренной
И мощь мою навѣкъ возьметъ съ собою.

Какъ безъ луны и солнца сводъ небесный,
Безъ вѣтра воздухъ, почва безъ растеній,
Какъ человекъ безумный, безсловесный,

Какъ океанъ безъ рыбъ и безъ волненій,
Такъ будетъ все недвижно въ мракѣ ночи,
Когда она навѣкъ закроетъ очи ²⁾.

Около 1343 года написанъ салонный, мипурный сонетъ (166) въ похвалу руки Лауры, въ томъ же году 95-й, задумчивый: шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я люблю, я близусь къ концу, а мнѣ кажется, что все это было такъ недавно! Сладко мнѣ любить, страданіе (*affanno*) мнѣ впрокъ, жизнь тяжела, но я хочу, чтобы она осилила судьбу, и боюсь, какъ бы смерть ранѣе не смежила очи, побуждающія меня говорить. Я здѣсь, несчастный, а желалъ бы быть въ другомъ мѣстѣ, хотѣлъ бы желать большаго, и болѣе не желаю, и не имѣя возможности сдѣлать большее, дѣлаю, что могу. Новыя слезы о старыхъ желаніяхъ говорятъ, что я тотъ же, что былъ, и, несмотря на тысячу попытокъ, еще не двинулся съ мѣста.

¹⁾ 24-й сонетъ переведенъ В. Лебедевымъ, Вѣстн. Евр. 1893, янв. стр. 373.

²⁾ Переводъ Ю. Н. Верховскаго.

Въ 1344 году настроеніе то же: тѣлесныя чувства слабѣють съ годами, не слабѣеть человѣческое чувство. Когда же настанетъ день, когда я выйду изъ пламени и долгихъ мукъ и сладостная прелесть этого лица будетъ нравиться мнѣ лишь настолько, насколько я того желаю, какъ мнѣ подобаетъ? (Сон. 97).

Весъ 1344 годъ и большую часть слѣдующаго Петрарка провель въ Италиі. Отсюда въ 1345 году онъ отвѣчалъ кардиналу Джьованни Колонна, приглашавшему его вернуться: и его влечетъ туда дружба и любовь, Колонна и зеленый лавръ, а здѣсь онъ тщетно ищетъ милыхъ глазъ и вздыхаетъ, гдѣ бы ни былъ (сон. 227). Такова тема XVII канцонны—разработка мотива, уже встрѣчавшагося въ стихотвореніяхъ поэта: Лаура видится ему и въ водахъ и на зеленой травѣ, на пнѣ бука и въ свѣтломъ облакѣ, такая прекрасная, что затмила бы дочь Леды, какъ звѣзду затемняетъ солнечный свѣтъ. Петрарка напутствуетъ свою канцону: пусть пойдетъ за Альпы туда, гдѣ небо болѣе ясное, смѣющееся. Тамъ ты увидишь меня на берегу быстрого потока (Сорги), гдѣ въ свѣжей, благоуханной лавровой роцѣ дуетъ вѣтерокъ (ауга). Тамъ мое сердце и та, которая похитила его у меня; здѣсь только мой образъ.

Весной 1346 года Петрарка былъ уже въ Провансѣ. «Какая судьба, какая сила или обманъ возвращаютъ меня, безоружнаго, на поле, гдѣ я всегда явлюсь побѣжденнымъ?» (сон. 185). Канцона XX говоритъ о любовной жаждѣ (*fame amogosa*), заставляющей поэта похищать, какъ тать, взгляды Лауры. Знакомая намъ 6-я сестина кончается желаніемъ, чтобы милая пришла къ нему въ лѣсъ, при свѣтѣ луны, и солнце никогда не покидало бы воды. Седьмая сестина—весенняя, напоминающая своимъ началомъ старофранцузскія *gavergdies*: зацвѣли цвѣты, поютъ птички, и сладкія мысли и пѣсни зародились въ сердцѣ. Стихи и риѣмы поэта не трогали Лауры, а онъ все еще хочетъ пѣть, приложивъ всѣ дарованія, всѣ силы: вѣдь пѣсни зачаровываютъ даже змѣй, растятъ цвѣты и на морозѣ. Но, можетъ быть, ея ангельская душа къ нимъ не прислушалась; если же побѣдить моя злая доля, мнѣ остается плакать и пѣть и гоняться за вѣтромъ. — Петрарка употребилъ здѣсь, видоизмѣнивъ его, далеко не поэтическій образъ Арно Даніэля: гоняться за вѣтромъ на хромомъ быкѣ; такъ и въ сонетѣ 177 (1347 года) на тѣ же темы (охотиться за ланью на хромомъ, хворомъ и медленно идущемъ быкѣ).

Всѣ эти темы шли, повидимому, вразрѣзъ съ строгимъ, часто аскетическимъ содержаніемъ его душеспасительныхъ трактатовъ. Но Петрарка пѣлъ по старинѣ; въ сводѣ *Canzoniere* такого рода

произведенія чередуются съ другими, гдѣ торжествуетъ иная любовь, душевная, жалостливая, нездѣшная; и легко предположить, что нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ написаны были одновременно съ предыдущими.—Долгое время увлекалъ мою ладью тихій вѣтерокъ (Lauga-Lauga), говорить поэтъ въ четвертой сестинѣ, и я довѣрялся ему въ надеждѣ достичь лучшей пристани, но меня загнало въ скалы, изъ которыхъ вывела лишь милость Божія. На парусѣ я прочелъ знаменіе другой, лучшей жизни и готовъ былъ повернуть ладью, но трудно измѣнить привычкѣ, и я все еще пламенѣю.—Тоже въ сестинѣ пятой, съ яркимъ признаніемъ того, чѣмъ была для него Лаура: снѣн лавра спасла его отъ призрачныхъ увлеченій, онъ долго шелъ за свѣточемъ этой любви, но жизнь коротка, уходятъ годы, они-то указываютъ на путь къ небу. Онъ жаждетъ другой любви, другой листвы, другого свѣта. — Устремись къ небу, слышимъ мы въ сонетѣ 171-мъ.

Мы сказали выше, что чувство поэта вышло изъ своего остраго періода; по смерти Лауры, поминая послѣдніе годы, онъ скажетъ, что оно теплилось. Миновалась моя цвѣтущая юность, пламя, которымъ горѣло когда-то сердце, только теплилось¹⁾, и моя милая противница увѣрилась во мнѣ, отложила подозрѣнія, обращала въ шутку мои любовныя жалобы. Близилось время, *когда любовь встрѣчается съ цѣломудріемъ* и любящіе могутъ сойтись и побесѣдовать о себѣ. Смерть пресѣкла надежды на это блаженное состояніе (сон. 274).

Сущность Лауры исчезала, но осталось идеальное лицо, давшее поэту испытать и выразить всѣ фазы чувства, отъ страсти до отреченія, отъ юныхъ мечтаній, соединявшихся съ надеждою лавра, до той поры, когда любовь растворилась въ какое-то дуновение, ауга, тихое, небесное, святое (сон. 163, 164, 310).

Это, *свое*, чувство Петрарка цѣнилъ: оно питало его поэзію, и вождельніе славы, и—рефлексію, когда порой ему вспоминались суровыя рѣчи бл. Августина. Такъ въ канцонѣ XXI; любопытно сопоставить ее съ XII-ой, написанной передъ вѣнчаніемъ, гдѣ такъ мирно уживались Амуръ и Слава и Добродѣтель. Теперь поэтъ состарился, погруженъ въ думы, и его разбираетъ до слезъ жалость къ самому себѣ: сколько разъ молилъ онъ Господа даровать ему крылья, которыя поднимаютъ насъ къ небу, и все напрасно!

Куда идешь ты, откуда ждешь помощи? говорить ему одна мысль: время летитъ, поспѣши исторгнуть корень наслажденія. Помнишь ли, какъ поразилъ тебя образъ милой, какое пламя она

¹⁾ E'ntepidir sentia già'l foco. Сл. Ерад post.: tepescentem.

зажгла въ твоёмъ сердцѣ? О, если бѣ для нашего міра она родилась позже—насъ! Долгіе годы длилась эта обманчивая страсть, и мы не дождались спасенія; устреми же свои надежды на высшее, взгляни на небо, безсмертное въ своей красѣ. А другая мысль подсказываетъ ему о Славѣ, и онъ не можетъ ее убить, она возрождается, посѣщала его въ колыбеди, ляжетъ съ нимъ въ могилу. Онъ знаетъ, что слава—вѣтеръ, что бы ни говорили о немъ по смерти греки и латиняне; хотѣлъ бы, оставивъ погоню за призраками, обнять Истину. Но Любовь вступается, и поэтъ взываетъ: Господи, Ты освободилъ меня отъ многаго, что отягчаетъ другихъ; почему не сотрешь ты съ меня эту печать стыда? Не подобаетъ питать къ смертному существу любовь, которая достойна одному лишь Богу.—Такъ онъ мятется: съ одной стороны стыдъ и печаль, съ другой привычное желаніе, осмѣливающееся помѣриться даже со смертью. У порога смерти онъ ищетъ нравственнаго обновленія, видитъ лучшее, а держится худшаго.

Въ этой канцонѣ видѣли отраженіе тѣхъ страховъ, которые породила въ воображеніи Петрарки моровая язва 1348 года. Его латинское посланіе «Къ себѣ»¹⁾ полно этихъ страховъ, которые пережило по своему игривое общество Декамерона. Смерть не минула, и холодный ужасъ непрогляднымъ туманомъ куталъ Петрарку. Какъ изъ объятаго огнемъ дома отецъ выносить сына, такъ поэтъ желалъ бы обнять свою трепещущую душу, чтобы ее спасти. А соблазны свѣта еще держать его. Какъ часто оплакивалъ онъ свою слабость, свою косность! Пора образумиться, пока есть время; кто знаетъ, засвѣтитъ ли надъ тобою солнце? Ужъ близокъ вечеръ, глашатай вѣчной смерти. Кто спасетъ меня? Кто поможетъ мнѣ, бѣдному, кто дастъ мнѣ голубиныя крылья, чтобы взлетѣть туда, гдѣ обрѣту успокоеніе своихъ страданій?

Такъ мятется въ смертномъ страхѣ передъ ужасами моровой язвы Филогей IX эклоги, и Теофиль совѣтуетъ ему поспѣшить бѣгствомъ: налѣво сѣрыя воды Аверна и черныя стяги смерти, направо узкая тропа ведетъ въ воздушныя высоты: тамъ жизнь!

Связь посланія «Къ себѣ» съ XXI канцонной не настолько тѣсна, чтобы дозволить намъ основать на первомъ хронологію послѣдней. Сензитивность къ идеѣ, къ картинамъ смерти свойственна Петраркѣ и высказывается имъ не разъ. Вспомнимъ его личное переживаніе въ *Secretum*, образы разложенія въ *De Otio*. Съ идеей смерти соединилось и сознаніе неприготовленности, грѣховности. Остается вѣроятіе, что канцона могла быть написана въ 1347—1348 го-

¹⁾ Ер. poet. I, 15.

дахъ; Петрарка началъ ея, не безъ намѣренія, вторую часть своего *Canzone*, собравшую стихотворенія, написанныя имъ главнымъ образомъ по смерти Лауры.

V.

Петрарка выѣхалъ изъ Авиньона въ Италию 20-го ноября 1347 года; моровая язва, заставшая его тамъ, унесла многихъ изъ его друзей, между прочимъ, Джьованни Колонна¹⁾. Лаура скончалась 6 апрѣля 1348 года въ Авиньонѣ, гдѣ и похоронена въ церкви Миноритовъ; до Петрарки эта вѣсть дошла 19 мая, что онъ и записалъ въ экземплярѣ своего *Virgili*: «Лаура, именитая своими доблестями и долгое время прославленная въ моихъ стихахъ, впервые предстала моимъ взорамъ въ лѣта моей ранней юности, въ 1327 году, утромъ 6 апрѣля, въ церкви св. Клары въ Авиньонѣ; и въ томъ же городѣ, того же мѣсяца и въ тотъ же день и часъ 1348 года этотъ свѣточъ былъ отнятъ у нашего свѣта, когда я былъ въ Веронѣ, не вѣдая моей судьбы». И онъ самъ готовъ послѣдовать за этимъ свѣточемъ въ небо, откуда онъ снизошелъ, какъ говорить Сенека о *Сципионѣ Африканскомъ*.

Тонъ записи спокойно цѣломудренный. Лаура именита своими доблестями; о любви ни слова; онъ долго прославлялъ ее въ своихъ стихахъ! Нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Лауры въ письмѣ къ брату монаху сентября 1348 года²⁾ онъ видитъ знакъ Божія милосердїя въ томъ, что Онъ положилъ конецъ тѣмъ привязанностямъ, на которыя они возлагали свои земныя надежды. Смерть посѣтила ихъ милыхъ въ цвѣтущемъ возрастѣ; для нихъ, надѣюсь, благодѣтельная, *utilis*, намъ необходимая, *necessaria*, ибо она освободила наши души отъ цѣпей. Что еще удерживаетъ его отъ спасенаго пути, на который вступилъ братъ,—это дурной навывъ чувства; великъ его грѣхъ, но ему положенъ конецъ (*sed finitum tamen*).—Въ письмѣ къ неизвѣстному лицу вскорѣ по смерти Лауры Петрарка говоритъ, что небольшая искорка, еще сохранившаяся у него отъ прежняго огня, была сдержана разумомъ, ослабѣла со временемъ, а недавно (*po- vissime*) ее потушила смерть³⁾. Тѣ же выраженія въ письмѣ къ потомству: смерть погасила его чувство, когда-то сильную, позже лишь теплившуюся любовь; смерть жестокая, но благодатная (*utilis*).

Но это чувство онъ будетъ воспѣвать и по смерти Лауры, оно его обязываетъ, онъ не можетъ не досказать исторію своей любви,

¹⁾ *Ep. poet.* III, 10.

²⁾ *Fam.* X, 3.

³⁾ *Fam.* IX, 4.

вышедшей изъ противорѣчій плоти и духа, очищенной смертью, примиренной съ небомъ.

Но какая сознательность, какія колебанія художника, несо- вмѣстимыя съ болевымъ чувствомъ,—въ первыхъ лирическихъ по- пыткахъ выразить свое горе! Въ автографъ Петрарки мы находимъ ихъ слѣды.

Вѣроятно, вскорѣ по полученіи скорбной вѣсти набросаны были нѣсколько стиховъ канцоны, оставшейся неоконченной: «О, Амурь! Въ слезы обратился (volta) мой стихъ, въ печаль (doglia) веселье; потемнѣло въ глазахъ моихъ солнце, всѣ сладкія (dolce) мысли по- кинули сердце, осталось одно желаніе (voglia) кончить печальные годы (anni rei) и послѣдовать за той, которую здѣсь уже не надѣюсь увидѣть». Надъ стихами помѣта: Начало кажется мнѣ недостаточно печальнымъ (non videtur satis triste principium). 1-го сентября напи- сана на ту же тему баллата въ быстромъ пѣсенномъ, не печаль- номъ темпѣ: «Амурь, когда еще была въ расцвѣтѣ моя надежда и (въ виду) награда за такую вѣрность, у меня отняли ту, отъ которой я ждалъ милости. О, безжалостная смерть! О, суровая жизнь! Та ввергла меня въ печаль (doglia), жестоко подкосивъ мои надежды, эта удерживаетъ меня на землѣ противъ моего же- ланія (voglia), не пускаетъ меня послѣдовать за удалившейся. А она все еще со мною, водворилась въ моемъ сердцѣ и видитъ, какова моя жизнь» (баллата VII). Въ заголовкѣ баллаты помѣчено: «это начало я записалъ въ другомъ мѣстѣ, но нѣтъ времени спра- виться. 1348 г. сентября 1, около вечерень». Выше другая за- пись 7 февраля 1356 года: «Это зачало народной пѣсенки (unius plebeje cantionis), написанной выше: Амурь, когда еще была въ расцвѣтѣ моя надежда и награда за такую вѣрность». На лѣвой сторонѣ листка: «переписано въ порядкѣ (т.-е. въ порядкѣ свода), послѣ столькихъ лѣтъ, 31 октября 1368 года, утромъ, съ кое- какими отмѣнами»; внизу: «написалъ эту пьесу, забывъ, что она уже переписана, но..... нашелъ ее и подобралъ къ ней другія... сегодня..... декабря». Послѣдняя запись почти стерлась.

Можетъ-быть, еще до баллаты набросана первая редакція XXII-й канцоны, съ припѣвомъ (commiato), обращеннымъ къ какому-то другу во Флоренціи, можетъ быть, Сеннуччо. Между первой и второй редак- ціей канцоны написаны два сонета; одинъ на смерть Сеннуччо († 1349): хотя онъ покинулъ его одинокаго, печальнаго, но печаль его раство- ряется сознаниемъ, что его другъ въ небѣ, созерцаетъ движеніе звѣздъ, видитъ въ третьей (дантовской) сферѣ неба (сферѣ Ве- неры—любви), поэтовъ Guittone изъ Арепцо, Чино, Данте, Фран- ческино degli Albizzi; пусть передастъ имъ поклонъ Петрарки, а его

милой рассказать, что онъ живетъ слезами и почти одичалъ, поминая ея красу и святыя дѣла (со. 246).

Второй сонетъ «объ Аврорѣ»: когда вечеромъ она спускается съ неба, златовласая, увѣнчанная розами, любовь приступаетъ къ нему и, блѣднѣя, онъ вдыхаетъ: Тамъ теперь моя Лаура! О счастливецъ Титонъ, тебѣ легко разставаться, потому что тебѣ хорошо извѣстна часть, когда къ тебѣ вернется твое сокровище; мои же ночи печальны и сѣры дни, ибо Лаура унесла съ собой мои мысли и ничего не оставила, кромѣ имени (сон. 250).

28 ноября 1349 года между первымъ и третьимъ часомъ Петрарка обратился къ отдѣлкѣ XXII канцоны: «кажется мнѣ, записываетъ онъ, что теперь мой духъ расположенъ къ этому дѣлу, ибо сонеты на смерть Сеннуччо и объ Аврорѣ, написанные мною на этихъ дняхъ, подняли его». Такъ сложился новый текстъ канцоны, въ который поэтъ еще въ 1356 году внесъ нѣкоторыя измѣненія. Первая неконченная канцона и баллата дали ей мотивы (бесѣда съ Амуромъ) и нѣсколько образовъ и приемъ: Что дѣлать мнѣ? Что посоветуетъ Амуръ? Хотѣлось бы мнѣ умереть, прервать эти несчастные годы (*anni rei*), чтобы послѣдовать за той, которую не надѣюсь увидѣть здѣсь. Моя радость обратилась (*volta*) въ печаль, все пріятное въ жизни отнято (*tolta*); потускнѣло солнце.— Петрарка пріобщаетъ къ своему горю Амура и весь свѣтъ: онъ былъ ея недостойнъ, столь прекрасному созданію надлежало украсить небо. Въ персть обратилось ея тѣло, бывшее здѣсь свидѣтельствомъ высшаго блага; ея невидимый образъ въ раю, но онъ одѣнется когда-нибудь въ вѣчную красоту. И теперь я вижу ее порой, болѣе прелестную и привлекательную; вотъ одно, что поддерживаетъ мою жизнь; другое—ея имя, такъ сладко звучащее въ сердцѣ. Моя надежда, живая, пока она цвѣла, теперь умерла. Амуръ знаетъ, чѣмъ я стала, знаетъ и она, пребывающая нынѣ вблизи Истины.—Онъ проситъ женщинъ, видѣвшихъ ее красоту, свидѣльницъ ея ангельской жизни, пожалѣть не о ней, а о немъ: она покоится въ мирѣ, покинувъ меня въ тревогѣ и борьбѣ. Онъ пресѣкъ бы свою жизнь, если бъ Амуръ не шепталъ ему: Положи конецъ своей великой печали, ибо отъ излишества желаній ты утратишь небо, котораго жаждешь, гдѣ жива та, которую другіе считаютъ мертвой; она улыбается надъ своей покинутой тѣлесной красотой, вдыхаетъ лишь по тебѣ и проситъ, чтобы ея слава, далеко разнесшаяся въ твоихъ пѣсняхъ, не заглохла, и ты самъ бы прославился отъ ея имени, если ея глаза были тебѣ милы и дороги.

Здѣсь почти вся программа, вся сюжетность второй части *Canzoniere*, полной такой тихой скорби и ликованья печали. Лаура

по смерти одухотворилась, как Беатриче; не даромъ вспомнился Данте въ третьей сферѣ неба, чувствуется его вѣяніе, какъ въ первой части *Canzoniere* идеализація Лауры приготовлена вліяніемъ *dolce stil nuovo*. Но Лаура меньше поступилась своей пластичностью, чѣмъ *donna angelicata* итальянскихъ поэтовъ XIV вѣка: въ ней еще много земного аромата, ласки, трепета жизни.

Сѣтованія, желаніе смерти, благодарныя хвалы Лауры, стремленіе къ ней, грустныя думы о себѣ—вотъ мотивы, возвращающіеся въ массѣ поэтическихъ переливовъ на фонѣ неба и зеленой долины Сорги. Въ небѣ любятъ «новой» красотой Лауры:

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленіи,
Изъ глубины небесъ слетѣвши, окружилъ.

„Кто это? шопотомъ другъ друга вопрошали,
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіянья чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты“.

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но, замедля шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ

И ждетъ—иду ли я за нею по слѣдамъ.....
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду—когда же?

Сон. 300 (пер. А. Н. Майкова).

Либо Петрарка въ Воклюзѣ; въ весеннемъ пейзажѣ, полномъ зелени, журчанія водъ и сѣтованія птичекъ, онъ сидитъ, погруженный въ любовныя думы, и пишетъ, и видитъ, и слышитъ Лауру, отвѣчающую его вздохамъ (сон. 238). И воды, и вѣтерокъ, и цвѣты—все говоритъ ему о любви и молить его, чтобы онъ любилъ (сон. 239). Нѣкоторые образы преслѣдуютъ его, какъ привычное поэтическое наважденіе: онъ ушелъ въ лѣсъ, мысли отданы Лаурѣ, онъ зоветъ ее, и ему чудится, что она вышла изъ Сорги нимфой или богиней, сидитъ на берегу, либо гуляетъ по травѣ и цвѣтамъ, и кажется ему, что она его жалѣетъ (сон. 240). Она приходитъ по ночамъ утѣшать его; смерть не погасила ея глазъ, они краше прежняго, но онъ узнаетъ ея черты, походку, голосъ лицо, одежды (сон. 241). Порой онъ такъ забывается въ мечтахъ объ усопшей, что видитъ ее воочию живой, какой она была въ цвѣтушіе годы, въ первую встрѣчу съ нимъ, прекрасную, тихую, смиренную. Это

она, живая, кричитъ онъ, просить ее отозваться; порой она отвѣчаетъ, порой молчитъ. И онъ спохватывается: ты обманываешься, говоритъ онъ себѣ; ты знаешь, что въ лѣто 1348-го, въ день 6-го апрѣля, въ первомъ часу, ея блаженная душа покинула тѣло (сон. 290). Въ группѣ сонетовъ (294—7) рассказывается, какъ Петрарка, бывало, не дожидается Лауры: отчего не приходитъ она утѣшить его во снѣ? И она является, присѣла къ нему на постель, выслушиваетъ рассказъ о его страданіяхъ, утѣшаетъ, говоритъ, что если была строга къ нему, то для ихъ же общаго блага (сон. 248). Какъ вспомню я этотъ нѣжный взглядъ, ставшій теперь утѣхою неба, эту склоненную золотую головку, этотъ скромный голосъ—все, что когда-то меня прельщало и теперь печалитъ, не понимаю, какъ я еще живъ; и не жилъ бы, еслибъ на зарѣ она не посѣщала меня. О какія между нами цѣломудренныя, привѣтныя бесѣды! Но день занялся, и она возвращается въ небо, котораго пути ей вѣдомы, вся въ слезахъ (сон. 297; сл. еще сон. 310 и 314).—Невольно воспоминается «*sunt aliquid tales*» Проперція.

Въ кантонѣ XXVII Лаура является и, усѣвшись на ложе поэта, показываетъ ему вѣтки пальмы и лавра. Его жалобы нарушаютъ ея покой: она приобщилась къ лучшей жизни, и ему нечего жаловаться, если онъ ее любитъ.—Господь не населилъ бы ея юное сердце такими добродѣтелями, если бъ не предназначилъ ее къ спасенію, отвѣчаетъ онъ; онъ сѣтуетъ о себѣ: зачѣмъ не умеръ онъ въ колыбели, чтобы не испытать любовныхъ мукъ!—Зачѣмъ же терзаться и плакать? Вознесись надъ земнымъ, познай настоящую цѣну твоимъ сладкимъ, но обманчивымъ бреднямъ. Вотъ пальма—символь побѣды; я, еще юная, побѣдила свѣтъ и самое себя; лавръ, тобою воспѣтый—триумфъ, и я сподобилась его, Господь далъ мнѣ на то силы. Обратись къ нему, моли его о помощи.—Это ли тѣ бѣлокурые волосы, тѣ золотыя пряди, которыя и теперь опутываютъ меня, это ли глаза, бывшіе мнѣ солнцемъ?—Не заблуждайся съ толпой; то, чего ты ищешь, уже давно стало перстью, я буду еще красивѣе, еще дороже тебѣ, та самая, которая была къ тебѣ благосклонна и строга, въ мое и твое спасеніе (то же признаніе въ сонетѣ 295). Онъ плачетъ, а она отираетъ его слезы и тихо вздыхаетъ и негодуетъ и исчезаетъ вмѣстѣ со сномъ.

Та же сцена повторяется въ поэтическомъ видѣніи, написанномъ около 1352 года и лишь впоследствии введенномъ въ «Триумфъ смерти», какъ его 2-я пѣсня; какъ послѣдняя эволюція типа Лауры оно интересно. Подъ утро ночи, когда скончалась Лаура, она является поэту. Узналъ ли ты ту, которая извлекла тебя изъ толпы (*dal pubblico viaggio*), лишь только запримѣтила меня твое юное

сердце? Она усѣлась на берегу подъ сѣнью лавра и бука и бесѣдуетъ, а Петрарка просить: Скажите мнѣ, мадонна, зародилъ ли въ васъ когда Амуръ желаніе сжалиться надъ моими долгими муками, не поступаясь своей высокой честностью (*alta impresa onesta*)? Сладкая улыбка сверкнула на лицѣ милой, когда-то, какъ солнце, озарявшая мои печальныя мысли. Никогда мое сердце не отдалялось отъ тебя и не отдалится, отвѣчала она, вздыхая, но я умѣряла моимъ взглядомъ твое пламя; не было другого средства, чтобы спасти нашу юную честь (*fama*). Сколько разъ говорила я себѣ: Онъ любить, пламенѣть, надо упредить зло; пусть видитъ одну лишь внѣшность, не вѣдая, что происходитъ внутри. Тысячу разъ краска гнѣва выступала на лицѣ, тогда какъ сердце горѣло любовью; желаніе никогда не побѣждало во мнѣ разума. Когда ты бывалъ опечаленъ, я глядѣла на тебя любовно, ограждая твою жизнь и нашу честь; когда твоя страсть разгоралась, я представлялась то полной страха, то печальной. Вотъ каковы были мои съ тобой уловки, то привѣтъ, то негодованіе; тебѣ все это знакомо, и часто ты объ этомъ пѣлъ. Такъ привела я тебя, хотя истомленного, къ желанной цѣли, спасенію.—О, какъ было бы это хорошо, если бы я могъ тому повѣрить! говорить поэтъ въ трепетѣ и слезахъ.—Маловѣрный! Зачѣмъ мнѣ было и говорить о томъ, если бы я того не знала, если бы то не было правда!—Ея лицо зардѣлось.—Что ты мнѣ нравился, объ этомъ я умолчу; но мнѣ по сердцу была сладостная уза, обвинявшая твое сердце, слава моего имени, которую ты всюду разсѣялъ своими пѣснями. Ничего другого не требовала я отъ твоей любви, кромѣ мѣры (*modo*), ея у тебя не было; своимъ печальнымъ видомъ ты хотѣлъ показать мнѣ то, что я и безъ того знала, и повѣдалъ всѣмъ, что было въ твоёмъ сердцѣ. Пламя нашей любви было почти одинаково, но одинъ его обнаруживалъ, другой скрывалъ—со стыда и страха. А развѣ завѣса не раскрылась передъ тобой, когда, будучи одна, я отвѣтила на твои слова (пѣсни, *detti*) пѣснью: «Болѣе того не смѣетъ повѣдать наша любовь?» Съ тобой было мое сердце, глаза я обуздавала; ты жалуешься, а я отдала тебѣ лучшее, отнявъ меньшее. И они спокойно смотрѣли бы на тебя, если бы не страхъ передъ твоими, опасными для меня.

Я сказалъ, что въ числѣ стихотвореній Петрарки можно выдѣлить нѣсколько, тема которыхъ — объективированное желаніе. Къ такимъ темамъ принадлежитъ молчаливо, втайнѣ любящая Лаура. Образъ этотъ исподоволь слагается въ *Canzoniere*; сонетъ 117 почти приготовляетъ посмертную бесѣду Триумфа Смерти. Поэтъ обращается къ своей душѣ: Что имъ дѣлать? Ждать ли мира или распря

будеть вѣчной?—Что съ нами будетъ, не знаю, но, мнѣ, кажется ея прекраснымъ очамъ (Лауры) не нравится наше горе. — Что однако въ томъ, что эти глаза леденять лѣтомъ, зажигаютъ зимой?— Не ея это вина, а того, кто ея правитъ (Амуръ). — Намъ что до того, если она это видитъ и молчитъ?—Порой молчить языкъ, но сердце громко сѣтуетъ, а она, съ виду веселая, плачетъ, когда никто ея не видитъ.—Все это не успокоиваетъ умъ, не разрушаетъ накипѣвшей въ немъ печали; несчастный человекъ не вѣрить большимъ надеждамъ.

Триумфъ смерти оправдалъ ихъ. Десять лѣтъ оплакивалъ я Лауру, писалъ Петрарка въ предпоследнемъ сонетѣ своего *Canzoniere* (316); стало быть до 1358 года; можно сблизить съ этимъ показаніемъ его запись въ автографѣ подъ 3 ноября 1357 года: хочу положить конецъ этимъ (стихотвореніямъ), дабы они не занимали меня долѣе (*volo his omnino finem dare, ne amplius me teneant*). Это опредѣленіе *en gros* не касается, разумѣется, той работы пересмотра, стилистическихъ замѣнъ и исключеній, которымъ онъ подвергалъ свои пустячки (*puellas meas vulgares*), видимо ими пренебрегая¹⁾, но въ сущности дорожа. Мы видѣли, что онъ не разъ возвращался къ одной и той же пьесѣ, напр. къ канцонѣ I, выжидая моментъ, когда самъ онъ настроится, какъ слѣдуетъ; перебиралъ, часто по ночамъ, листки своего автографа, который испещренъ разновременными варьянтами, замѣтками въ родѣ: еще пересмотрѣть (*vide tamen adhuc*), не нравится мнѣ (*non placet*), нравится; а вотъ это близко къ совершенству (*hic proximus videtur perfectioni*). Иное, когда-то отброшенное художникомъ, снова принималось послѣ исправленій; такому пересмотру подвергся 22 іюля 1369 года сонетъ 176, написанный, вѣроятно, еще въ молодой порѣ.

Мы можемъ представить себѣ, какъ, разбираясь однажды въ своихъ бумагахъ, онъ набрелъ на сонетъ, впрочемъ, довольно неуклюжій, но искренній (Петрарка находитъ его *elegantissimum carmen*), съ которымъ въ 1341 году его другъ, Джьякомо Колонна, обратился къ нему, поздравляя его съ лавровымъ вѣнцомъ. Петрарка тогда не успѣлъ отвѣтить, а какъ ему хотѣлось явиться къ другу съ вѣнцомъ и «Африкой»! Колонна умеръ въ томъ же году; теперь его сонетъ попался Петраркѣ на глаза, разбудивъ воспоминаніе юныхъ лѣтъ любви и дружбы, и онъ пишетъ отвѣтъ умершему, хотя и поздній, *sega valde*, на риѣмы его сонета. Отвѣтъ печальный, настроеніе такое нѣжное, какъ будто воспоминаніе обняло вмѣстѣ съ другомъ и Лауру: Никогда не взгляну я

1) Fam. VIII, 3, Sen. XIII, 10.

безъ слезъ на эти строки, въ которыхъ горитъ любовь, которая писало благоволеніе. Твой духъ, когда-то непобѣдимый въ житейской борьбѣ, такую благостью повѣялъ съ неба, что вернулъ мои стихи на прежній путь, къ старому стилю, отъ которыхъ отдала ихъ смерть. Иной плодъ отъ моихъ молодыхъ лавровъ надѣялся я поднести тебѣ; какое жестокое свѣтило позавидовало мнѣ и тебѣ, о мое дорогое сокровище? Кто скрываетъ и отнимаетъ тебя раньше времени? Тебя, котораго я вижу сердцемъ, чествую словомъ, въ которомъ, сладко вздыхая, успокоивается моя душа? (сон. 281).

Въ 1349 году 17 мая Петрарка писалъ своему другу Олимпію (Mainardo Accursio), поминая свое Воклюзское уединеніе и все, что оно дало ему для его духовной жизни и литературной славы: «Африка», эпистолы, «De viris illustribus», «De vita solitaria» — все это плоды его одиночества; но въ этомъ одиночествѣ онъ искалъ умиротворенія своей любви, а она разгоралась и вырывалась изъ груди, наполнила доли и небо жалобными стонами, которые многимъ показались нѣжными и приятными. Такъ родились тѣ итальянскія стихотворенія о моихъ юношескихъ заблужденіяхъ, которыхъ я стыжусь, въ которыхъ раскаиваюсь, хотя онѣ нравятся людямъ, одержимымъ тѣмъ же недугомъ ¹⁾).

Къ тому же году относится, повидимому, и первая попытка Петрарки собрать свои стихотворенія, которыхъ онъ стыдился, въ органически продуманный сводъ своего *Canzoniere*. Слѣды такой работы надъ *time sparse* встрѣчаются въ 1356 и 1357 годахъ, начало окончательнаго свода восходить къ 1358; поэтъ продолжалъ трудиться надъ нимъ еще въ 1373 году, когда, посылая копію своего сборника Пандольфу Малатестѣ, указывалъ ему, что въ концѣ каждой его части онъ оставилъ по нѣскольку бѣлыхъ листовъ; если что еще напишется, онъ ему пришлетъ. — Распорядокъ стихотвореній, установленный самимъ поэтомъ въ бѣловомъ спискѣ его труда (Vat. 1395), идейно-хронологическій, при чемъ трудно бываетъ распознать, какіе художественные поводы побуждали поэта нарушать хронологію. Такъ послѣ XXI канцоны, которую мы датировали 1347—8 годами, идетъ сонетъ 226, написанный, по свидѣтельству автографа, 21 сентября 1350 г., стало быть, по смерти Лауры; сонетъ внушенъ стихомъ Arnaut Daniel и представляетъ Лауру еще въ живыхъ, какой она является и въ канцонѣ; а слѣдующій затѣмъ сонетъ 227 можетъ быть съ большою вѣроятностью отнесенъ къ 1345 году.

Такихъ примѣровъ много. Иные можно объяснить недосмотромъ,

¹⁾ Fam. VIII, 3.

скорѣе недодѣланностью свода. Такъ арденскій сонетъ 1333 года очутился не въ началѣ *Canzoniere*, а среди пьесъ 40-хъ годовъ.

Canzoniere распадается на двѣ части: въ первой стихотворенія, написанныя при жизни Лауры, во второй, начиная съ четвертаго, написанныя по смерти. Вступительный сонетъ въ *Canzoniere*, по соображенію хронологическихъ помѣтокъ въ автографѣ Петрарки, можетъ быть отнесенъ къ 1348—9 годамъ; я укажу на сходство его настроенія съ канцоной XXI (1447—8 годовъ): Вы, что внимаете въ моихъ разсѣянныхъ всюду (*sparse*) стихахъ вздохамъ, питавшимъ мое сердце въ юную пору его заблужденій, когда я былъ отчасти не тѣмъ, что теперь, если только вы испытали любовь, будьте снисходительны къ неровному выраженію (*vario stile*) моихъ жалобъ и думъ среди тщетныхъ надеждъ и пустого гореванья. Я и самъ позналъ, что, къ стыду моему, былъ позорищемъ свѣта ¹⁾. Тщеславіе дало мнѣ познать стыдъ и раскаяніе и привело къ сознанію, что то, что нравится толпѣ, мимолетно, какъ сонъ.

Въ расположеніи пьесъ, кромѣ указанныхъ хронологическихъ переставокъ, замѣчается группировка нѣкоторыхъ сонетовъ, сходныхъ по мотиву и настроенію; мы уже замѣтили, что это сближеніе можетъ быть объяснено одновременностью написанія, но можетъ принадлежать и художественному замыслу свода.

Идеальное развитіе идетъ степенно, безъ потрясеній, которыя обнаруживаются лишь помѣтками автографа. Пьесы 1336—8 годовъ, когда Петрарка бѣжалъ отъ любви и подъ римскими впечатлѣніями въ немъ назрѣла идея славы, оказываются значительно разбросанными, а канцона передъ вѣнчаніемъ 1341 года очутилась между двумя сонетами 1343 г. (95 и 96). Эта канцона своего рода кульминаціонный пунктъ, успокоеніе и, вмѣстѣ, опытъ синтеза: Амуръ воспиталъ поэта для Славы, которая отсылаетъ его къ Добродѣтели. Суровыя размышленія *Secretum* и *De Otio* нарушаютъ этотъ синтезъ, но не отразились въ *Canzoniere* съ яркостью аскетическихъ трактатовъ, что понятно; непонятнѣе появленіе среди пьесъ такого настроенія другихъ, откровеннаго любовнаго стиля. Я объяснялъ это объективированіемъ чувства и свободой художественнаго акта; но не явились ли нѣкоторыя изъ такихъ (недатированныхъ) пьесъ въ указанномъ мѣстѣ лишь въ пору свода?

Своду принадлежать несомнѣнно сонеты 211—216, написанные, быть можетъ, не одновременно, когда поэтъ разлучался съ Лаурой или она болѣла и являлось опасеніе ее утратить (сл. еще сонеты 208—210). Сонеты эти, сгруппированные вмѣстѣ подъ

¹⁾ Въ *Secretum* Петрарка стыдится *in vulgi fabulam esse conversum*.

конецъ первой части *Canzoniere*, полны предчувствія смерти милой; впечатлѣніе умышленности устраняется въ слѣдующихъ пьесахъ: поэтъ вспоминаетъ, между прочимъ, какъ однажды, когда Лаура закрыла глаза рукою, онъ заглядывалъ за нее воображеніемъ, видѣлъ глаза точно въ грѣзѣ и ощущалъ какое-то странное удовольствіе (son. 219). Или поминается бесѣда съ Лаурой: ея глаза глядѣли на него такъ нѣжно, рѣчи такъ тихо лились изъ разумнаго сердца (son. 220). Послѣдніе два сонета (224—225)—хвалы цѣломудрія Лауры, *opog* и *castità*.

XXI-я канцона, открывающая вторую часть *Canzoniere*, вводитъ насъ цѣликомъ въ идеи *Secretum*: спорять въ поэмѣ Амуръ и Слава, а какая-то мысль подсказываетъ Петраркѣ, что пора одуматься, молить Бога о помощи, и самъ поэтъ жаждетъ объять Истину. Такъ мы приготовлены къ вѣсти о кончинѣ Лауры; отнынѣ она, чистая, мудрая, любящая, будетъ напугивать поэта къ небу.

И во второй части *Canzoniere* хронологія нѣсколько разбросанная. Мотивы намъ извѣстны и не представляютъ большаго разнообразія. Идеализація Лауры растетъ, и лишь канцона XXIII и сонетъ 230 вносятъ нѣкоторый торжественно примиряющійся диссонансъ.

Я не касался до сихъ поръ вопроса, поднятаго въ послѣднее время изслѣдователями, что не одна Лаура была предметомъ любви Петрарки, вдохновительницей его *Canzoniere*.

Извѣстно, что онъ часто увлекался, что у него были и другія связи, и самъ онъ каялся бл. Августину въ своей чувственности, которую съ годами старался побороть; еще въ 1351 году ему приходилось отбодриваться отъ *amica*, приходившей стучаться въ его дверь¹⁾. Слѣды этихъ постороннихъ увлеченій стали искать и находили въ *Canzoniere*. На самомъ дѣлѣ, ни одна изъ пьесъ, приведенныхъ въ доказательство, не подлежитъ исключительно такому истолкованію и объясняется безъ особыхъ натяжекъ въ сферѣ одной привязанности. Да Петрарка и не допустилъ бы сознательно такого мотива, нарушавшаго цѣльность его поэтического замысла; не даромъ онъ внушаетъ намъ, что его любовь къ Лаурѣ была единственной²⁾, что душа его лишь однажды согрѣшила (сон. 75; сл. канцону XXI). Вѣроятнымъ представляется лишь предположеніе, которое я уже допустилъ, что опытъ чувства и его лирическаго выраженія у Петрарки былъ шире того, что онъ испыталъ и писалъ въ окруженіи Лауры, и что, воспѣвая свою единственную любовь, онъ могъ вносить въ нее мотивы и желанія пережитаго на сторонѣ.

¹⁾ Fam. IX, 3.

²⁾ *Secretum*, Ep. ad post.

Остановлюсь на одной из пьесъ, въ которыхъ могли заподозрить двойственность чувства, съ тѣмъ бѣльшимъ правомъ, что самъ авторъ какъ бы сознательно устранилъ ее изъ своего окончательнаго свода. Въ этомъ сводѣ, черезъ сонетъ (96) за вѣнчальной канцоной (XII), помѣщается теперь 4-й мадригалъ; въ болѣе древней редакціи читалась вмѣсто него такая баллата: Часто посѣщаетъ мои мысли красавица, другая же пребываетъ въ нихъ постоянно, и я боюсь, какъ бы не растаяло мое горячее сердце. Та питаетъ его любовнымъ пламенемъ и сладкой мукой, полной желанья, эта жжетъ и плавить его безмѣрно—и я вдвойнѣ страдаю. Не въ помощь мнѣ, что я гнѣваюсь и крѣплюсь сердцемъ; не понимаю я, какъ дозволяетъ это Амуръ, и негодую на него.

Дѣйствительно ли идетъ здѣсь дѣло о чувствѣ, одновременно внушенномъ двумя женщинами? Мы знаемъ, какъ долго и тревожно Петрарка занятъ былъ вопросомъ, существеннымъ для цѣльности его мировоззрѣнія: какъ помирить Любовь и Славу, Лауру и лавръ. Въ вѣнчальной канцонѣ аллегорическая жена, Слава, уже вѣнчаетъ поэта, котораго приготовилъ къ этому триумфу Амуръ; въ баллатѣ Слава и Любовь—Лаура еще борятся.

Но и въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ говорится о другой любви, цѣльность чувства соблюдена. Въ канцонѣ XXIII Петрарка откровенно говоритъ Амуру: ты хочешь вернуть меня къ старому игу; но, чтобы побѣдить меня, надо, чтобы ты побѣдилъ: верни мнѣ скрытое въ землѣ сокровище, и если ты, какъ говорятъ, властенъ въ небѣ и преисподней, вырви его у смерти, положи на ея лицо свою печать, дай ей тѣ живые свѣточы, которые и теперь воспаляютъ меня, дай мнѣ услышать тотъ милый голосъ (*aura gentile*), который утишалъ мой гнѣвъ и тревоги, очищалъ отъ всего низкаго, поднималъ мою пѣсню на высоту, теперь мнѣ недостижимую. Уравняй желаніе съ надеждой, иначе твои усилія напрасны, пока въ землѣ сокрыта моя любовь. Но пора прошла, нѣтъ у тебя и прежняго оружія, заставлявшаго меня содрогаться: ея побѣдныхъ глазъ, ея рѣчей и молчанія, смѣха и шутки и умильной бесѣды, которая облагораживала всякую низкую душу. Вотъ чѣмъ ты побѣждалъ, а теперь я тебя не страшусь: одной лишь связью ты могъ связать меня, болѣе не дозволило небо.

Канцона начата 9 іюня 1350 года въ среду; меня позвали къ ужину, записываетъ Петрарка; на другое утро и продолжалъ; переписана и исправлена она была въ мартѣ 1351 года. Къ тому же времени относится и сонетъ 290, еще болѣе откровенный: Амуръ дѣйствительно поставилъ ему ловушку (*podo*), и не испытай онъ самъ мукъ любви, онъ былъ бы плѣнень и сожжень, тѣмъ

скорѣе, что онъ уже и не такъ зеленъ. Смерть (то-есть красавицы, на которую рассчитывалъ Амуръ) спасла меня во второй разъ.

Канцона XIII и этотъ сонетъ слѣдуютъ за первой (XXII) канцоной на смерть Лауры и за 229-мъ сонетомъ на кончину ея и кардиналы Колонны. По отношенію къ Лаурѣ тема смерти, спасающей во второй разъ отъ любви, насъ не удивить: вѣдь не Лаура причастна къ грѣховности Петрарки, грѣховна была его любовь. Невольно вспоминается *donna gentile* дантовской *Vita Nuova*—и въ *Paradiso* тихіе укоры Беатриче. Петрарка реальнѣе. Въ 1349—1350-хъ годахъ онъ дѣйствительно увлекся въ Феррарѣ, о чемъ и писалъ въ сонетѣ къ маэстро Антонио¹⁾, но этотъ сонетъ не нашелся ни въ автографѣ, ни въ сводѣ Vat. 1395; есть въ автографѣ другой сонетъ (*Quella che'l giovenil*), не принятый въ *Canzoniere*, гдѣ также говорится, что смерть Лауры освободила поэта отъ цѣпей (*pofo*) и Амуръ уловлялъ его, но поэтъ былъ глухъ къ голосу сирень.

Чѣмъ далѣе къ концу второй части *Canzoniere*, тѣмъ чаще слышится, среди явленій Лауры, покаянный голосъ, жалобы на дурно потраченные годы, на заблужденія, заглушавшія сѣмя добродѣтели. Остается молитва въ надеждѣ на спасеніе. *Canzoniere* кончается поэтически-страстнымъ гимномъ къ Богородицѣ:

Свѣтлая дѣва, вовѣкъ неизмѣнная,
 Въ плаваньи бурномъ звѣзда путеводная,
 Кормчій надежный въ годину ненастную!
 Знаешь ты скалы и камни подводные,
 Видишь блужданья мои безысходныя.
 Долго боролась душа, удрученная
 Долей враждебною, волею страстною.
 Сердце измучено битвой напрасною,
 Немошь мою ты отъ вражьяго плѣна избавь,
 Челнъ погибающій въ пристань направь²⁾.

Земля сокрыла ту, что при жизни заставляла изнывать мое сердце, еще теперь горюющее по ней. Не знала она ни одного изъ тысячи моихъ страданій (*mali*), а если бъ и знала, случилось бы то же, что и стало, ибо всякое иное ея рѣшеніе (*vogliа*) было бы смертью мнѣ, ей—дурной славой (*fama gea*). Пусть же Всемогущій совершить то, что никому не удавалось: положить конецъ моей печали.

Отъ любви и славы къ исканію истины — таково настроеніе

¹⁾ Сонетъ къ *maestro Antonio da Ferrara* начинается: *Antonio, cosa ha fatto la tua terra*. Сл. *Fam.* III стр. 185 (итальянскаго перевода *Frascassetti*).

²⁾ Стихотворенія Владиміра Соловьева. СПб. 1900, стр. 118, стр. 6: подражаніе 6 и 7-й строфамъ оригинала.

Петрарки, когда онъ еще былъ въ «бурномъ морѣ», какъ выразился онъ о себѣ въ бесѣдѣ съ бл. Августиномъ. Таково и содержание вводной (XXI) канцоны во вторую часть *Canzoniere*. Отъ любви и славы къ покаяннымъ признаніямъ послѣднихъ сонетовъ *Canzoniere* и его заключительной молитвѣ—та же послѣдовательность, но мы ближе къ «гавани»; позади остались дымъ славы и стыдъ любви, поскольку она отдана не Богу, а смертному существу.

Но что же случилось съ той возвышенной любовью, воспитывающей нравственно, ведущей не только къ славѣ, но и къ добродѣтели? Гдѣ то высреннее пониманіе Амура, вавелѣянное уже провансальцами, которому Петрарка далъ такое торжественное выраженіе въ канцонѣ передъ вѣнчаніемъ (XII)? Любовь — грѣхъ, или благодѣтельная сила? Въ «Триумфѣ Цѣломудрія» торжествуетъ надъ Амуромъ Лаура, и поэтъ велитъ сторожить его, плѣннаго, цѣломудреннымъ Ипполиту и Иосифу. Петрарка не перерѣшаетъ вопроса, но совершилъ актъ поэтической справедливости, когда, за пять сонетовъ до молитвы къ Богородицѣ, помѣстилъ знаменательную XXVIII канцону. Очень вѣроятно, что написана она была ранѣе, въ стилѣ провансальскаго *jos partit*; Петрарка еще пламенѣетъ; ея мѣсто въ *Canzoniere* опредѣлилось при сводѣ, потребовавшемъ, вѣроятно, и соответствующихъ измѣненій текста.

Петрарка вызвалъ на судъ передъ своей душой, представительницей божественнаго начала, своего стараго, дорогого, но жестокаго властелина Амура, и самъ предсталъ, отягченный печалью и страхомъ, какъ человѣкъ, ожидающій смерти и требующій правосудія. Онъ обвиняетъ Амура: съ тѣхъ поръ, какъ еще юношей я вступилъ въ его царство, я испыталъ одни терзанія и негодованіе, заставившія меня ненавидѣть жизнь. Я готовъ былъ высоко подняться надъ всѣмъ земнымъ, а онъ лишилъ меня мира, отвратилъ отъ Бога, разрознилъ съ самимъ собой, устремивъ всѣ мои мысли на одну женщину. Увы мнѣ! На что мнѣ мое высокое дарованіе и способности, данныя мнѣ небомъ? Я уже сѣдью, и не въ силахъ измѣнить упрямое желаніе. Онъ заставилъ меня странствовать, блуждать по далекимъ странамъ, всюду подстерегая меня, ни разу меня не оставляя, онъ и моя непріятельница. Если я не погибъ, на то была милость Божія, а не этого мучителя. — Тогда выступилъ Амуръ, проситъ выслушать и другую сторону, обвиняетъ поэта: Разсуди, ты знаешь меня и его, говоритъ онъ душѣ. Въ юные годы онъ отдавался искусству торговать словечками (*parolete*), скорѣе ложью (разумѣются занятія юриспруденціей), и ему не стыдно жаловаться на меня, который отвлекъ его отъ этого дѣла для лучшей доли, для славы, которой онъ безъ меня никогда

бы не удостоился! Великаго Атрида, Ахилла, Аннибала и самого славнаго Циціона я увлекъ въ любовь — къ рабынямъ; его я увлекъ къ женщинѣ, подобной которой не увидѣть подъ луною, если-бъ вернулась въ Римъ сама Лукреція; ее я одарилъ такой сладостной рѣчью, что передъ ней не устояла бы ни одна низкая, грубая мысль. Вотъ въ чемъ моя вина, вотъ на что онъ жалуется; а я воспиталъ его подъ своимъ крыломъ, его пѣсни прельщаютъ женъ и мужей, его имя блеститъ среди свѣтлыхъ, его творенія всюду собираютъ. Всему этому онъ научился въ моей школѣ и у нея, единственной въ свѣтѣ; безъ меня онъ былъ бы хриплымъ придворнымъ болтуномъ, человѣкомъ изъ толпы.

Скажу, наконецъ, еще объ одной моей услугѣ: я отвлекалъ его отъ множества недостойныхъ дѣлъ, ибо онъ сталъ юношей чистымъ и скромнымъ въ мысляхъ и поступкахъ съ тѣхъ поръ, какъ она запечатлѣлась въ его сердцѣ, уудобила его себѣ. Все, что въ немъ хорошаго, благороднаго—отъ меня и отъ нея, лишь наше знакомство сдѣлало его милымъ Богу и людямъ: оно дало ему крылья, чтобъ, вознесясь надъ всѣмъ смертнымъ и дивясь доблестямъ той, что была его надеждой, подняться, отъ одной видимости къ другой, къ причинѣ всего сущаго. Когда-то въ стихахъ онъ самъ въ томъ признался, а теперь забываетъ и меня, и ту, которую я далъ ему въ опору его ронимой (*frêle*) жизни.

— Да! онъ далъ мнѣ ее, но скоро и отнял, —раздается жалобный вопль поэта.— Не я, а Тотъ, Кому угодно было взять ее.

Рѣчи кончились, и оба молятъ разсудить ихъ. А благородная дама-душа отвѣчаетъ, улыбаясь: Мнѣ пріятно было выслушать васъ, но для рѣшенія такого спора надо больше времени.

Рѣшенія нѣтъ, но самая его отсрочка указываетъ, что права любви, отвлеченной отъ идеи грѣховности, восстановлены безмолвно.

Въ 1352 году, когда уже начать былъ сводъ *Canzoniere*, Петрарка принялся за большую аллегорическую поэму: «Триумфы» (*i Trionfi*), надъ которой продолжалъ работать еще въ годъ смерти и которую не успѣлъ привести въ окончательный порядокъ. Затѣянная вѣтъ вліянія «Божественной Комедіи», которую, по признанію своему другу Боккаччо, Петрарка до 1359 года не читалъ, она испытала это вліяніе позже. Это—поэма-видѣніе на старую отвлеченную тему: за всесвѣтною властью любви слѣдуетъ рядъ побѣдъ, отмѣняющихъ другъ друга; надъ любовью торжествуетъ цѣломудріе, надъ нею смерть, далѣе время, слава (по смерти), наконецъ, вѣчность. Тема *Canzoniere*, извлеченная изъ личной жизни, съ ея чередованіями любви, славы, спасенія и робкимъ колебаніемъ въ концѣ, куда какъ человѣчнѣе:

первая на зарѣ возрожденія автобіографія сердца, сознательно желающаго сохранить въ потомствѣ черты личности въ той идеальной цѣльности, въ которой она хотѣла бы пережить.

Листки автографа Петрарки—это разбросанные жизненные моменты, схваченные художникомъ, передуманные на пространствѣ лѣтъ; въ извѣстномъ ограниченіи его поэтическая Wahrheit, ожившаяся въ сводѣ Canzoniere въ поэзію (Dichtung) жизни.

«Божественная Комедія», съ ея преддверіемъ «Vita Nuova», такая же повѣсть личной жизни, но эта повѣсть любви, колебанія и очищенія поставлена на широкой базѣ всего культурнаго чело-вѣчества, втягивается въ него и поднимается съ нимъ къ идеаламъ опредѣленнаго нравственнаго и общественнаго строя, вѣковѣчнаго въ теоріи и только извращеннаго людьми. Петрарка же одинокъ съ своими видѣніями личной славы и отвлеченной Italia mia. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній ¹⁾ онъ сѣтовалъ на современное поколѣніе, которое къ своей литературной непроизводительности прибавило еще и забвеніе древняго преданія, которое онъ силился возстановить. И онъ видѣлъ себя стоящимъ «какъ бы на границѣ двухъ народовъ, смотрящимъ впередъ и назадъ». Этотъ образъ можно обобщить, если вмѣсто народовъ поставить два культурныхъ преданія. Ихъ смѣна временно не столько выдѣляла сколько уединяла личность.

Таково должно было быть дѣйствіе такъ называемаго «возрожденія».

Александръ Веселовскій.

¹⁾ Reg. mem. 1, 2.

Къ реформѣ современной теоретической экономіи.

(Рѣчь передъ диспутомъ.)

Мм. гг. Книга, которую я буду защищать въ сегодняшнемъ собраніи ¹⁾, посвящена характеристикѣ и критикѣ главныхъ теоретическихъ направленій въ вопросѣ о заработной платѣ. Едва ли нужно настаивать на умѣстности пересмотра крупныхъ вопросовъ экономической теоріи. Думаю, что всякій, кто внимательно присматривался къ развитію экономической мысли за послѣдніе годы, не могъ не уловить въ заявленіяхъ экономистовъ самыхъ разнообразныхъ теоретическихъ направленій одной общей ноты—какой-то неувѣренности и неудовлетворенности. Въ каждомъ лагерѣ, на которые дѣлится современная экономическая наука, явственно слышится сознаніе, что имѣющійся теоретическій арсеналъ уже устарѣлъ и нуждается въ коренномъ обновленіи. Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что для политической экономіи наступила уже та интересная пора, когда мысль не удовлетворяется принятыми догмами и неудержимо стремится къ широкой критической переработкѣ и переоцѣнкѣ тѣхъ основаній, на которыхъ эти догмы покоились.

Но для того, чтобы такая работа была дѣйствительно плодотворной, необходимо прежде всего подвести итоги. Современная политическая экономія включаетъ въ себя громадный лабиринтъ разнообразныхъ, противорѣчивыхъ, часто въ высшей степени хитросплетенныхъ ученій. Чтобы разобраться въ этомъ лабиринтѣ, надо оглянуться назадъ на путь, пройденный уже экономической мыслью, и попытаться найти такую точку зрѣнія, съ которой разворачивались бы, какъ непосредственное продолженіе этого пути, и перспективы дальнѣйшей работы. Эту задачу я и ставилъ себѣ въ

¹⁾ Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ, 1904 г.

моей книгѣ, составляющей такимъ образомъ только введеніе въ задуманное мною изслѣдованіе.

Для осуществленія намѣченной цѣли мнѣ не было надобности обращаться къ очень отдаленному прошлому. Въ вопросѣ о заработной платѣ, какъ и во многихъ другихъ крупныхъ вопросахъ экономической теоріи, исходнымъ пунктомъ такого историческаго обзора лучше всего, по моему убѣжденію, принять ученіе Ад. Смита. По особымъ свойствамъ своей научной натуры и своеобразнымъ историческимъ условіямъ, въ которыхъ ему приходилось работать, Смитъ какъ бы подводитъ итоги предшествовавшему развитію мысли и намѣчаетъ широкія перспективы для дальнѣйшей теоретической работы. Въ то время, когда онъ обдумывалъ и писалъ свой знаменитый трактатъ, капиталистическій строй не успѣлъ еще развернуть своихъ темныхъ сторонъ, и потому, подобно многимъ изъ его современниковъ, Смитъ оптимистически смотрѣлъ на будущее Англіи и другихъ націй, вступавшихъ на путь капиталистическаго развитія. Отъ замѣны системой промышленной свободы стараго строя, съ его привилегіями и ограниченіями, налагавшими тяжкія путы на всѣ формы хозяйственной дѣятельности, онъ ждалъ значительнаго подъема производительныхъ силъ и расцвѣта народнаго благосостоянія. Если нѣкоторыя черты этого строя и представлялись ему еще неясными, какъ бы подернутыми туманомъ, то это былъ для него тотъ свѣтлый утренній туманъ, который предвѣщаетъ только болѣе яркій солнечный день. Поэтому, работая въ своемъ мирномъ деревенскомъ уединеніи надъ выясненіемъ условій хозяйственной дѣятельности человѣческаго общества, Смитъ спокойно и неторопливо взвѣшивалъ всѣ обстоятельства, имѣвшія, какъ ему казалось, значеніе для оцѣнки тѣхъ явленій, на изслѣдованіе которыхъ направлялась его анализирующая мысль. Въ его трудѣ мы часто находимъ зародыши теоретическихъ положеній, нашедшихъ себѣ надлежащее признаніе и прочно укоренившихся въ политической экономіи только значительно позднѣе. Въ частности, и въ вопросѣ о заработной платѣ, обращаясь къ «Богатству народовъ», мы находимъ въ немъ какъ бы узелъ, отъ котораго идутъ впослѣдствіи нити отдѣльныхъ теоретическихъ направленій. И мы отчетливо видимъ, что разграниченіе этихъ направленій было обязано не только болѣе послѣдовательному логическому развитію мысли, но и давленію могущественныхъ жизненныхъ обстоятельствъ. Время, непосредственно слѣдовавшее за выходомъ въ свѣтъ «Богатства народовъ», было полно бурныхъ и часто трагическихъ перемѣнъ, наступавшихъ неожиданно и развертывавшихся съ поразительной быстротой. Общественная жизнь Англіи была потрясена

до самыхъ глубинъ грандіознымъ экономическимъ переворотомъ, захватившимъ всѣ слои населенія и необыкновенно обострившимъ отношенія между ними. Процессъ этой коренной ломки, не упорядоченный разумнымъ вмѣшательствомъ сознательныхъ общественныхъ силъ, обрушивался всею своею тяжестью на трудящіяся массы. Нѣкоторые виды труда, наприм., ручное ткачество, ранѣе обеспечивавшіе довольно сносное существованіе, начинаютъ давать ничтожный, нищенскій заработокъ подъ давленіемъ соперничества новыхъ, технически болѣе совершенныхъ предпріятій; съ другой стороны, въ самыхъ предпріятіяхъ новаго типа появляются невиданныя дотолѣ формы эксплуатаціи—въ особенности дѣтскаго и женскаго труда. Выдвинувшаяся на первый планъ исторической сцены промышленная буржуазія, не встрѣчая отпора ни въ законодательномъ вмѣшательствѣ государственной власти, ни въ организованной самодѣятельности рабочихъ, пользуется необыкновенно выгодными для нея условіями переходнаго времени, распоряжаясь по произволу зависимыми отъ нея трудовыми силами, хищнически растрачивая и подрывая ихъ. Однако, она достигаетъ этого не безъ борьбы. Противъ нея стоятъ двѣ враждебныя арміи: одна, опирающаяся на крѣпкія еще историческія привилегіи—классъ землевладѣльцевъ; другая, пока слабая и формирующаяся, но обещающая со временемъ стать страшнѣе первой—рабочій классъ. Въ первое время буржуазія сосредоточиваетъ свою энергію противъ землевладѣльческаго класса, который загоразиваетъ ей дорогу къ политической власти. Одержавъ надъ нимъ рядъ рѣшительныхъ побѣдъ, она обращается противъ другого врага, который начинаетъ мало-по-малу собирать свои силы и на помощь къ которому приходится, изъ мести противъ буржуазіи, классъ землевладѣльцевъ.

Въ этихъ сложныхъ обстоятельствахъ, нашедшихъ уже себѣ нѣкоторое отраженіе въ зловѣщемъ произведеніи Мальтуса, къ анализу экономическихъ явленій приступаетъ Давидъ Рикардо. Умъ глубокой и ясный, наклонный къ точному абстрактному мышленію, привыкшій и въ своей практической дѣятельности, какъ биржевой дѣлецъ, учитывать наиболѣе общія, типическія черты наблюдаемыхъ явленій, Рикардо быстро схватываетъ главную сущность процесса, происходящаго передъ его глазами. Для каждаго изъ главныхъ словъ, на которые дѣлилось тогда населеніе Англіи, онъ отмѣчаетъ наиболѣе ярко характеризующія его черты. Сохранившимся еще привилегіямъ землевладѣльцевъ онъ даетъ выраженіе въ абстрактномъ законѣ поземельной ренты; беспомощное положеніе рабочихъ передъ капиталистическими предпринимателями формулируетъ въ

своей знаменитой теоріи заработной платы. Для упрощенія анализа онъ принимаетъ при этомъ весь рабочій классъ трудящимся по найму у капиталистовъ, а въ оцѣнкѣ его силъ сглаживаетъ всѣ различія, которыя существовали уже и тогда между отдѣльными разрядами наемныхъ рабочихъ. Поэтому для заработной платы всего трудящагося населенія онъ указываетъ одинъ общій регуляторъ—привычный уровень жизни.

Особенностью міросозерцанія Рикардо было, что онъ рассматривалъ общественныя явленія по преимуществу въ ихъ статическомъ состояніи. Онъ изображалъ капиталистическое общество своего времени такъ, какъ будто оно отлилось уже въ опредѣленную, законченную форму, не допускающую существенныхъ измѣненій въ будущемъ. Поэтому, даже ставя динамическія проблемы, говоря о вѣроятномъ развитіи экономическихъ отношеній, онъ разрѣшалъ ихъ статически, опираясь на наблюденіе ихъ наиболѣе выпуклыхъ чертъ для даннаго историческаго момента. Взглядъ его не проникалъ дальше капиталистическаго строя того типа, какой существовалъ въ его время; онъ органически не могъ понять наблюдаемыя имъ отношенія какъ нѣчто текучее, переходное, формирующееся, освобождающееся мало-по-малу отъ пережитковъ стараго строя и включающее въ себя новыя, пока еще слабыя, но весьма жизнеспособные элементы. Онъ не замѣтилъ, что старый строй продолжалъ жить въ современной ему Англій не только въ сохранившихся привилегіяхъ землевладѣльческаго класса, но и въ безконтрольномъ хозяйничаньи буржуазіи и политическомъ безправіи и экономической безпомощности трудящихся массъ. Не замѣтилъ онъ и того, что въ противовѣсъ этимъ старымъ устоямъ жизнь выдвигала уже новыя силы. Народное море, казавшееся Рикардо, да и многимъ его современникамъ, столь безнадежно спокойнымъ, начинало, правда пока еще глухо, волноваться. Уже и во время Рикардо рабочій классъ Англій, формировавшійся часто изъ наиболѣе обездоленныхъ и привыкшихъ къ угнетенію слоевъ населенія, начиналъ собирать свои силы и готовить тѣ условія, которыя постепенно превратили значительную часть его изъ беспорядочной, пестрой массы разоренныхъ ремесленниковъ и кустарей и нищихъ земледѣльцевъ въ сознательную, стройно организованную и хорошо дисциплинированную армію, могущую и умѣющую противопоставить силѣ капитала силу объединенной «промышленной демократіи».

Преемникамъ Рикардо надлежало внимательно отнестись къ этимъ особенностямъ новаго экономического уклада. Ибо чѣмъ дальше подвигалось развитіе капиталистическихъ отношеній, тѣмъ меньше они покрывались схемой, намѣченной Рикардо. Но экономистамъ

средины XIX вѣка было не до объективнаго обсужденія и взвѣшиванія теоретическихъ проблемъ. Борьба, бурно развивавшаяся въ жизни, вторгалась и въ ученые кабинеты. Экономисты-теоретики рѣзко дѣлятся на два лагеря: одни берутъ на себя защиту интересовъ капиталистовъ, другіе выступаютъ борцами за права и нужды рабочаго класса. Въ вопросѣ о заработной платѣ первые выдвигаютъ такъ называемую теорію фонда, другіе—преобразованную теорію средствъ существованія.

Теорія фонда была характернымъ выраженіемъ господства буржуазіи. Сознвая свою силу, промышленный капиталъ поучаетъ рабочихъ «вѣчнымъ и неизблемымъ законамъ политической экономіи». Согласно этимъ законамъ существуетъ неизмѣнный, заранѣе опредѣленный фондъ, назначаемый на содержаніе рабочихъ, и слѣдовательно повышение заработка для каждаго отдѣльнаго рабочаго можетъ быть достигнуто только путемъ сокращенія числа трудящагося населенія, т.-е. уменьшеніемъ размноженія. Всякія попытки рабочихъ путемъ профессиональныхъ союзовъ и стачекъ повысить размѣры ихъ заработка объявлялись пустыми, невѣжественными и безцѣльными претензіями. Такимъ образомъ, произвольное опредѣленіе заработной платы капиталистами, вытекавшее изъ перевѣса ихъ силъ въ началѣ капиталистическаго періода, объявлялось нормальнымъ порядкомъ, вполне соответствующимъ «вѣчнымъ и неизблемымъ экономическимъ законамъ».

Обращаясь къ ученіямъ экономистовъ противоположнаго лагеря, мы и тамъ находимъ ту же посылку о беспомощности рабочихъ передъ капиталистическими предпринимателями. Защитники рабочаго класса выдвигаютъ старую теорію средствъ существованія, подчеркивая и рѣзче формулируя ея мрачный характеръ или развивая дальше вытекающія изъ нея логическія слѣдствія. Въ рядахъ этихъ экономистовъ мы находимъ и Маркса. Не только въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, но и въ первомъ томѣ «Капитала» Марксъ принимаетъ теорію средствъ существованія, иллюстрируя ее громаднымъ фактическимъ матеріаломъ, характеризующимъ положеніе англійскаго рабочаго класса. Однако, всматриваясь внимательно въ характеристики, даваемые Марксомъ въ «Капиталѣ», мы находимъ уже въ нихъ существенныя противорѣчія. Такова, напр., оцѣнка значенія англійскаго фабричнаго законодательства, которая такъ не вяжется съ его главной формулировкой тенденцій, опредѣляющихъ судьбы рабочаго класса въ капиталистическую эпоху.

Источника этихъ противорѣчій и колебаній Маркса слѣдуетъ искать въ условіяхъ его творчества. Основныя экономическія возрѣбнія его стали складываться еще въ 40-хъ гг., когда въ Англии.

не говоря уже о рейнской провинции, первый период капитализма, с его тягостями и бедствиями для рабочего класса, еще не миновалъ. Впослѣдствіи же, когда новыя образованія въ капиталистическомъ строѣ, укрѣплявшія позицію рабочего класса, стали обнаруживать свое вліяніе, Марксъ настолько уже сжилъ съ воздвигнутой имъ теоретической системой, что не рѣшился взяться за ея перестройку. Поэтому онъ ограничился характеристикой (по отношенію къ фабричному законодательству необыкновенно блестящей и глубокой) нѣкоторыхъ изъ этихъ новыхъ факторовъ, но не далъ имъ надлежащаго мѣста въ своей основной теоретической схемѣ. Съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе то положеніе, которое Марксъ занималъ въ жизненной борьбѣ его времени. Мнѣ кажется, что вообще правильно оцѣнить теоретическіе взгляды Маркса невозможно, не принимая въ расчетъ борьбу между мыслителемъ и практическимъ общественнымъ дѣятелемъ, проникающей все его творчество. Быть можетъ, для человѣчества наступитъ такая пора, когда стремленія общественнаго дѣятеля и объективная вдумчивость теоретика будутъ гармонически сливаться въ одномъ и томъ же лицѣ; но, конечно, Марксъ былъ еще очень далекъ отъ этого счастливаго времени. Мыслитель съ столь широкимъ теоретическимъ горизонтомъ, проникательный аналитикъ современныхъ ему отношеній и глубокой знатокъ историческаго прошлаго, не могъ бы удовлетвориться одностороннимъ рѣшеніемъ теоретическихъ проблемъ, если бы его не влекла къ этому его страстная натура борца, который долженъ ставить себѣ твердыя практическія цѣли, требующія готовыхъ, законченныхъ, рѣзко очерченныхъ формулъ. Въ вопросѣ о заработной платѣ Марксъ принялъ теорію средствъ существованія, дополнивъ ее вытекающими изъ нея логическими слѣдствіями («теорія обнищанія»), потому что такой выводъ поддерживалъ его убѣжденіе въ необходимости скорѣйшаго уничтоженія капиталистическаго строя и замѣны его рисовавшимся ему идеальнымъ строемъ. Устремляя свои взоры къ этому свѣтлому будущему, Марксъ и въ своихъ теоретическихъ выводахъ какъ бы спѣшилъ перекинуть къ нему мостъ исторической тенденціи, измѣняя своей глубокой научной натурѣ и чрезмѣрно затушевывая динамическую сторону проблемы заработной платы.

Такимъ образомъ, ни въ томъ, ни въ другомъ изъ разсматриваемыхъ теоретическихъ лагерей мы не находимъ стремленія связать научныя построенія съ быстро мѣнявшимся развитіемъ жизни. Если защитники интересовъ капиталистѣвъ говорили о «вѣчныхъ и неизблѣмыхъ экономическихъ законахъ», то и сторонники рабочего класса указывали на «имманентные законы капиталистическаго

производства». Тѣ и другіе, исходя изъ совершенно различныхъ побужденій — одни, желая удержать современныя благоприятныя имъ условія навсегда, другіе—стремясь къ скорѣйшему уничтоженію отношеній, столь тягостныхъ для рабочаго класса, — сходились однако въ общемъ признаніи, что основныя черты капиталистическаго строя къ половинѣ XIX вѣка уже достаточно установились. Между тѣмъ жизнь текла по своему руслу, непредусмотрѣнному этими схемами, и мало-по-малу для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя стало выясняться, что господствующія теоріи уже устарѣли. Съ тѣхъ поръ—съ 70-хъ, а въ особенности съ 80-хъ гг.—въ экономической наукѣ происходитъ броженіе, которое пока не дало еще ни одной теоретической системы, какай могла бы замѣнить собою старыя построенія. Въ вопросѣ о заработной платѣ вслѣдъ за оставленными теоріями фонда и средствъ существованія появляется рядъ новыхъ ученій. Съ одной стороны, во время полемики противъ старыхъ теорій выдвигаются довольно претенціозныя одностороннія теоретическія схемы, отмѣчавшія мало оцѣненные ранѣе факторы, вліяющіе на установленіе заработной платы,—производительность труда и дѣятельность профессиональныхъ рабочихъ союзовъ. Съ другой—проблемѣ заработной платы пытаются дать широкую постановку, связывая ее съ пересмотромъ всей вообще экономической системы. Попытки перваго рода хорошо намѣчаютъ нѣкоторыя частности вопроса, вкрапывая въ ходъ разсужденій о заработной платѣ какъ бы отдѣльные удачныя аргументы. Но онѣ оказались совершенно непригодными въ смыслѣ цѣлостныхъ построеній, въ которыхъ чувствовалась уже такая настоятельная потребность, потому что, чрезмѣрно выдвигая одну излюбленную сторону дѣла, ставили изслѣдуемую проблему на чрезвычайно узкое основаніе.

Попытки второго рода внушали больше надеждъ. Въ 70-хъ годахъ быстро завоевываетъ себѣ признаніе, въ особенности въ германскомъ академическомъ мірѣ, новая, такъ называемая историко-этическая школа. Ставя своимъ лозунгомъ пристальное вниманіе къ историческимъ процессамъ развитія хозяйственныхъ отношеній, эта школа была, повидимому, призвана восполнить недочеты старыхъ доктринъ, или отрицавшихъ, или недостаточно послѣдовательно прилагавшихъ историческій принципъ къ изслѣдованію капиталистическаго строя, составлявшему основу ихъ теоретическихъ построеній. Въ рядахъ этихъ экономистовъ мы встрѣчаемъ не мало весьма крупныхъ и почтенныхъ именъ, труды ихъ во многомъ обогатили сокровищницу экономического знанія, но въ области теоретическихъ проблемъ оказались почти совершенно безплодными.

При разработкѣ этихъ проблемъ, а въ особенности теоріи заработной платы, теоретическая мысль экономистовъ историко-этического направленія сбивалась съ прямого пути подъ давленіемъ ихъ социальнo-политическихъ убѣжденій. Выступивъ въ моментъ ожесточенной борьбы между буржуазной и социалистической доктринами, историко-этическая школа вдохновилась несчастной мыслью найти золотую середину между этими крайностями. Поэтому ея теоретическія построенія оказались столь же неуклюжими и безжизненными, какъ и ея мечты о водвореніи «соціального мира» при сохраненіи неизблѣнными основъ капиталистическаго строя. Школа, упованія которой сводились къ тому, что если бы капиталисты были болѣе добросовѣстны, лучше сознавали свои обязанности, а рабочіе не были такъ чрезмѣрно требовательны, и если бы надъ ними простерла свою благодѣтельную руку крѣпкая государственная власть, то лучшаго порядка нечего было бы и желать,—конечно, не могла дать ничего глубокаго и оригинальнаго и въ области экономической теоріи. Усиленно пропагандируемый ею историческій методъ выразился на дѣлѣ въ рядѣ частныхъ, самихъ по себѣ цѣнныхъ изслѣдованій, но не прояснявшихъ общаго взгляда на сущность новѣйшихъ историческихъ процессовъ, на характерныя черты эволюціи капиталистическаго строя. Въ вопросѣ о заработной платѣ школа эта примыкаетъ къ старому ученію одного изъ болѣе острыхъ аналитиковъ политической экономіи — Германа, механически вдвигая въ намѣченную имъ схему разнаго рода частныя соображенія, накопленныя въ разработкѣ вопроса за послѣднее время.

Новой разработки теоретическихъ проблемъ политической экономіи остается искать поэтому въ ученіяхъ молодой школы предѣльной полезности, выступившей съ шумнымъ успѣхомъ и продолжающей вербовать себѣ сторонниковъ до самаго послѣдняго времени. Дѣйствительно, послѣ долгаго застоя теоретическаго творчества труды экономистовъ этой школы привлекаютъ къ себѣ симпатіи смѣлостью постановки теоретическихъ задачъ и пробивающейся въ нихъ свѣжей и оригинальной мыслью. Извѣстно, что школа предѣльной полезности выдвигаетъ на первое мѣсто въ экономическихъ изслѣдованіяхъ психологическій анализъ. И въ теоріи заработной платы большинство ея представителей ставятъ своей задачей—прослѣдить вліяніе субъективно-психологическихъ моментовъ какъ на сторонѣ нанимателя, такъ и на сторонѣ рабочаго.

Въ этомъ приѣмѣ заключаются и сила, и слабость ученій школы предѣльной полезности. Сила—потому, что они проводятъ анализъ индивидуальныхъ стремленій дальше, чѣмъ прежнія доктрины; слабость—потому, что они игнорируютъ многіе важные факторы, ле-

жащіе за предѣлами субъективныхъ оцѣнокъ. Сравнивая теоріи экономистовъ школы предѣльной полезности съ ученіями старой индивидуалистической школы, мы находимъ въ нихъ крупный шагъ впередъ. Они изслѣдуютъ не просто отношенія между «трудомъ» и «капиталомъ», т.-е. между извѣстнымъ количествомъ капитала и извѣстнымъ числомъ рабочихъ рукъ; они имѣютъ въ виду отношенія между живыми, мыслящими и чувствующими людьми. Поэтому они удѣляютъ мѣсто характеристикамъ вліянія чувства собственного достоинства у рабочаго, оцѣнки имъ непріятности, доставляемой работой, и т. п. моментовъ, которые или совершенно игнорировались или недостаточно подчеркивались ранѣе.

Но этимъ и исчерпывается то новое, что школа предѣльной полезности внесла въ теоретическую экономію. Связанная рѣзко-индивидуалистической точкой зрѣнія, проникнутая не менѣе манчестерства антиисторическимъ духомъ, школа предѣльной полезности не могла пойти навстрѣчу самымъ насущнымъ потребностямъ въ дѣлѣ реформы теоретической экономіи. Необходимо было, продолжая работу старыхъ экономистовъ, сознательно намѣтить систему теоретическихъ выводовъ, въ которой устанавливался бы переходъ отъ наиболѣе элементарныхъ обобщеній до характеристики типическихъ чертъ крупныхъ эпохъ экономическаго развитія и въ особенности ближайшаго къ намъ времени. Между тѣмъ школа предѣльной полезности, признавая до нѣкоторой степени въ своихъ методологическихъ заявленіяхъ потребность такого разграниченія частей теоретической экономіи, практически въ предложенныхъ ею изслѣдованіяхъ сосредоточила все вниманіе на первыхъ, наиболѣе элементарныхъ выводахъ, дѣлая отъ нихъ рѣзкій скачекъ въ область сложныхъ и запутанныхъ отношеній современности. И въ этихъ элементарныхъ выводахъ она крайне урѣзываетъ изображеніе дѣйствительныхъ условій, выдвигая только естественные и индивидуально-психологическіе факторы и оставляя въ тѣни чрезвычайно важныя объективныя условія соціальной жизни, въ которыхъ возникаютъ и развертываются экономическія отношенія между индивидуумами. Теперь, когда главные результаты дѣятельности школы предѣльной полезности достаточно выяснились, едва ли есть мѣсто сомнѣнію, что ея роль уже сыграна и что не ей предстоитъ совершить сложное дѣло преобразования современной теоретической экономіи.

И мы опять стоимъ на распутьи... Но намъ яснѣе представляется то направленіе, въ которомъ должна идти дальнѣйшая разработка экономической теоріи. Мы видѣли, что развитіе экономической жизни какъ бы подсказывало изслѣдователямъ, на что имъ

нужно обратить вниманіе. И въ отвѣтъ на эти намеки въ новѣйшихъ ученіяхъ мы встрѣчаемъ—правда, весьма отрывочныя—попытки присоединить къ анализу свободной конкуренціи характеристики вліянія рабочихъ союзовъ, фабричнаго законодательства и т. п. Для того чтобы такія указанія не оставались случайнымъ придаткомъ, механически приставленнымъ къ несогласованному съ ними, а часто даже прямо противорѣчающему имъ главному построению, необходимо найти точку зрѣнія, съ которой они располагались бы въ логически объединенное цѣлое. Такую точку зрѣнія даетъ намъ ученіе Маркса. Его положительные выводы о заработной платѣ уже устарѣли, потому что въ нихъ сильно еще отраженіе классической доктрины; но его общій взглядъ на хозяйственныя явленія остается свѣжимъ и плодотворнымъ. Исходя изъ этого взгляда и рассматривая экономическую жизнь какъ органическое цѣлое, въ которомъ индивидуальныя стремленія тѣсно связаны съ объективными формами общественнаго строя, намъ легче разобраться и въ наиболѣе отвлеченныхъ вопросахъ экономической теоріи, и въ сложномъ комплексѣ современныхъ намъ хозяйственныхъ явленій.

Конечно, для этого необходима широкая критическая переработка оставленныхъ Марксомъ положеній. Какъ это ни странно, какъ это ни противорѣчитъ общему ходу развитія научныхъ идей, въ попыткахъ критическаго пересмотра системы Маркса многіе изъ его послѣдователей видятъ какое-то преступное, святотатственное посягательство. Они забываютъ, что, какъ ни значительны завоеванія человѣческаго генія, все же они отступаютъ передъ великимъ творчествомъ жизни. При всей своей проникающей силѣ Марксъ не могъ предвидѣть тѣхъ сложныхъ процессовъ, которые преобразовываютъ за послѣднее время экономическія отношенія. А то, что уже намѣчалось и въ его время, съ трудомъ подавалось правильной оцѣнкѣ, въ особенности въ тѣхъ своеобразныхъ условіяхъ жизненной борьбы, въ которыхъ ему приходилось работать. Современному же экономисту невозможно, не впадая въ вопіющее противорѣчіе съ дѣйствительностью, вести свой анализъ такъ, какъ будто исторія второй половины XIX вѣка представляетъ пустую страницу. При современныхъ теоретическихъ построеніяхъ нельзя не принимать въ расчетъ той въ высшей степени характерной черты новѣйшаго капиталистическаго развитія, которую можно назвать демократизаціей общества. Передъ нами непрерывно развертывается грандіозный процессъ нарастанія общественныхъ силъ, перемѣщающій самыми разнообразными путями центръ тяжести хозяйственной жизни отъ индивидуальнаго произвола предприни-

мателя и индивидуальнаго приспособленія и индивидуальной борьбы работника къ общественному строительству и контролю. Что особенно поражаетъ насъ въ этомъ процессѣ,—это могучій подъемъ рабочаго класса. Въ срединѣ XIX ст. рабочій классъ представлялся культурному слою европейскаго общества какъ только еще начинающая заявлять о себѣ сила. Тогда его можно было характеризовать извѣстнымъ изреченіемъ Карлейля, что рабочій классъ, какъ подземный титанъ, содрогаясь отъ испытываемыхъ имъ страданій, потрясаетъ своими движеніями землю. Теперь этотъ титанъ вышелъ уже на поверхность. Онъ не только страдаетъ и протестуетъ, онъ начинаетъ принимать живое участіе въ строительствѣ общественной жизни. И—кто знаетъ?—быть можетъ, отъ этой спокойной дѣятельности жизнь быстрѣе подвинется къ осуществленію того великаго соціальнаго преобразованія, о которомъ мечталъ въ свое время Марксъ. Уловить характерныя черты этого процесса и дать имъ надлежащее выраженіе въ теоретической системѣ—вотъ, по моему убѣжденію, одна изъ насущнѣйшихъ задачъ современной политической экономіи...

В. Желъзновъ.

Взаимное отношеніе уголовного права и соціальной политики ¹⁾).

Прежде, чѣмъ приступить къ моей темѣ, я долженъ остановиться на самомъ выраженіи «соціальная политика»,—выраженіи, утратившемъ отъ слишкомъ частаго употребленія точность и определенность технического термина и сдѣлавшемся, какъ называетъ его Штамплеръ, «уличнымъ терминомъ» ²⁾).

«Соціальный» значитъ «общественный». Общество не то, что государство. Научное изученіе человѣческаго общегитія идетъ дальше разсмотрѣнія институтовъ, установленныхъ государствомъ. Изучая общество, можно даже совсѣмъ игнорировать тѣ юридическія связи, которыя дѣлаютъ его государствомъ, рассматривая его, какъ чисто фактическое состояніе. Изученіе всякаго общества начинается съ дѣленія его на группы. Это дѣленіе или можетъ быть санкціонировано государствомъ, устанавливающимъ принадлежность гражданъ къ тому или другому сословію, или оно можетъ пережить государственную санкцію и продолжать существовать въ качествѣ дѣленія общества по соціальнымъ рангамъ на классы. Соціальный рангъ, по выраженію Карла Бюхера, есть дитя отъ брака по расчету между владѣніемъ и профессіей, другими словами, онъ опредѣляется объемомъ и характеромъ имущественнаго владѣнія и родомъ занятій лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же общественной группѣ ³⁾. На почвѣ этихъ различій во владѣніи и занятіяхъ возникаютъ такъ называемыя соціальныя противорѣчія, заключающіяся въ томъ, что благосостояніе одного класса развивается на счетъ другого. Существенной чертой соціального (въ противоположность государственному, или правовому) пониманія предмета является то, что оно отправляется отъ признанія существованія общественныхъ классовъ

¹⁾ Пробная лекція, прочитанная въ Московскомъ Университетѣ.

²⁾ *Stammler*, *Wirtschaft und Recht*, 1896, стр. 118.

³⁾ *Borkiewicz*, „*Der Begriff Socialpolitik*“ въ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1899, т. 17, стр. 332.

и классовых различий совершенно независимо от того, нашли ли они или нѣтъ себѣ прямое выраженіе въ положительномъ правѣ государства. Будучи перенесено въ область политики, социальное пониманіе ея приводитъ къ такой системѣ, при которой цѣлью считается не отдѣльная личность и не государство, какъ недѣлимая политическая единица, а общество, составленное изъ равнозначущихъ классовыхъ группъ, какъ изъ своихъ слагаемыхъ. Съ социальной точки зрѣнія наилучшей считается не та мѣра, которая увеличиваетъ сумму матеріальныхъ или идеальныхъ благъ всего государства, независимо отъ того, какъ эти блага распределяются между отдѣльными общественными группами, но та, которая сопровождается тщательнымъ расчетомъ и по возможности приведеніемъ къ одному знаменателю ея воздѣйствій на отдѣльные слои общества.

Подъ социальной политикой въ научномъ смыслѣ слова слѣдуетъ разумѣть всю обширную область государственнаго управленія, руководимаго социальной точкой зрѣнія, всю совокупность мѣръ, клонящихся къ устраненію социальныхъ, т.-е. классовыхъ, противорѣчій.

Но, помимо научнаго, существуетъ другое, болѣе узкое значеніе выраженія «социальная политика», которое можно назвать официальнымъ, такъ какъ оно усвоено официальнымъ языкомъ объяснительныхъ записокъ къ законодательнымъ актамъ, тронныхъ рѣчей и парламентскихъ дебатовъ. Въ этомъ значеніи подъ социальной политикой разумѣется, на ряду съ постановленіями объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, такая «регламентация времени, продолжительности и рода работы, при которой рабочимъ было бы обезпечено сохраненіе здоровья, выполненіе требованій нравственности, удовлетвореніе экономическихъ потребностей и равенство передъ закономъ» (изъ указа императора Вильгельма II) ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я не забуду отмѣтить, гдѣ я буду имѣть въ виду это официальное значеніе термина «социальная политика».

Уголовное право соприкасается съ социальной политикой прежде всего той своей вѣтвью, которая называется криминальной политикой и которая представляетъ собою систему положеній, дающихъ государству руководство въ борьбѣ съ преступленіемъ при помощи наказанія и родственныхъ ему институтовъ.

Хотя идея криминальной политики не нова, но ея успѣхи такъ же, какъ и успѣхи социальной политики, относятся лишь къ послѣднему времени. Для процвѣтанія криминальной политики, какъ

¹⁾ См. *Loewenfeld*, „Kontractbruch und Koalitionsrecht“ въ *Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik*, III т., стр. 392.

науки, нужно было, чтобы она усвоила себя черты положительного знания, чтобы ее методом сдѣлались опыт и наблюдение. Этого не могло быть до тѣхъ поръ, пока на смѣну классической школы уголовного права не явились представители новыхъ позитивныхъ началъ, криминалисты-антропологи и криминалисты-соціологи, которыхъ профессор Мокринскій ¹⁾ удачно объединяетъ подъ общимъ наименованіемъ «школы соціальной обороны». Въ противоположность криминалистамъ-классикамъ, которые, посвящая свои силы главнымъ образомъ на служеніе философіи уголовного права, удѣляли лишь незначительное вниманіе вопросамъ уголовной политики, новая школа, воспользовавшись, какъ краеугольными камнями, данными соціологии и антропологии, заложила прочный фундаментъ для построенія цѣлесообразной системы охраны общества отъ преступленія. Самое представленіе классической школы о наказаніи, какъ о нравственномъ воздаяніи, какъ объ идеальномъ возмездіи, на ряду съ которымъ практическимъ послѣдствіямъ наказанія придавалось лишь второстепенное значеніе, составляло препятствіе для свободного развитія политической мысли, исходящей отъ признанія за наказаніемъ значенія средства для достиженія лежащей внѣ его утилитарной цѣли. Считая послѣднюю испѣленіе общества отъ изнуряющаго его недуга преступности, всѣ современные криминально-политическія доктрины сходятся въ томъ общемъ убѣжденіи, что для подавленія преступности необходимо точное изслѣдованіе причинъ ея происхожденія. Это изслѣдованіе, недавно начатое, но уже богатое добытымъ матеріаломъ, послужило проверкой уже и раньше высказывавшагося à priori заключенія, что каждое преступленіе есть продуктъ, съ одной стороны, индивидуальной природы преступника, съ другой—внѣшнихъ, по преимуществу общественныхъ, факторовъ. Борьба съ преступникомъ, съ его незаконными влеченіями есть задача наказанія и такихъ институтовъ, какъ условное осужденіе, досрочное освобожденіе и патронать, организуемыхъ согласно требованіямъ *криминальной политики*. Борьба съ тѣми общественными силами, отступая передъ которыми индивидуумъ дѣлаетъ шагъ черезъ черту, отмѣченную уголовнымъ закономъ, есть одна изъ задачъ *соціальной политики*. Отсюда криминальная и соціальная политики—родныя сестры по духу.

Цѣль, которую преслѣдуетъ въ своей работѣ криминалистика, всегда была одной изъ цѣлей всѣхъ проектовъ соціальной реформы. Золотой мечтой всѣхъ печальниковъ челоуѣчества всегда было, что вмѣстѣ

¹⁾ С. Мокринскій, „Этико-политическое направленіе въ уголовномъ правѣ“ въ Журн. Мин. Юстиціи, 1903 г., мартъ.

съ побѣдой ихъ социальныхъ идеаловъ разсѣется та армія, съ которой криминалисты ведутъ до сихъ поръ безславную борьбу,— армія преступниковъ. Ферри, несомнѣнно звѣзда первой величины въ яркомъ созвѣздіи криминалистовъ, освѣтившемъ новые пути въ наукѣ уголовного права, въ своей статьѣ «Криминальная антропология и социализмъ», представляющей какъ бы исповѣдь его, какъ онъ выражается, «научной совѣсти», высказываетъ увѣренность, что съ водвореніемъ социалистическаго строя даже преступления по страсти будутъ представлять собою лишь очень рѣдкое исключеніе, потому что, пишетъ онъ, «въ экономическомъ и въ особенности въ моральномъ порядкѣ социалистическаго общества чувство чело- вѣческой солидарности найдетъ благоприятныя условія для своего единственнаго и полнаго развитія». «Для эгоизма индивидуумовъ,— продолжаетъ онъ далѣе,— не будетъ необходимости, какъ это имѣетъ мѣсто въ современномъ обществѣ, проявляться въ антисоциальныхъ формахъ. Эгоизмъ подобенъ ручьямъ, каналамъ и рѣкамъ, которые, подчиняясь закону тяготѣнія, спокойно совершаютъ свой бѣгъ и становятся опасными только тогда, когда встрѣчаются препятствія для нормальной дѣятельности ихъ природной силы»¹⁾.

Правда, Ферри—не только ученый, но боецъ и вождь, а вождь никого не увлекъ бы за собою, если бы не увлекался самъ; правда, надежда на уничтоженіе «книги всѣхъ чело- вѣческихъ долговъ», по образному выраженію Шиллера,—не болѣе какъ мечта, увлеченіе, котораго не раздѣляютъ другіе представители тѣхъ же политиче- скихъ убѣжденій²⁾, но правда также и то, что нѣтъ ни одной

¹⁾ *Ferri*, „Kriminelle Anthropologie und Socialismus“ въ *Neue Zeit*, 1895—1896 г., № 41. Современный знаменосецъ германской социаль-демократіи въ своей полной задухновенности, грусти и мечтательности книгѣ о женщинѣ пишетъ слѣдующія строки: „Тогда (т.-е. съ водвореніемъ того общественнаго строя, сторонникомъ котораго онъ является) не будетъ ни политическихъ, ни общихъ преступленій. Исчезнутъ воры, потому что каждый въ новомъ обществѣ будетъ имѣть возможность легко удовле- творить свои потребности честнымъ трудомъ. Убійство? Чего ради? Вѣдь никто не будетъ имѣть возможности удовлетворять свои потребности на счетъ другого. Лож- ная клятва, подлогъ, мошенничество, преступныя уловки для полученія наслѣдства (Erbschleicherei), злостное банкротство—все это потеряетъ подъ собою почву вмѣ- стѣ съ частной собственностью. Подлогъ? Но кому это можетъ доставить радость или удовлетвореніе, когда въ новомъ обществѣ не будетъ никакого повода для нена- висти? Поддѣлка монеты? „О, деньги—химера, когда трудъ любви ничего не стоитъ“. Богохульство? Какая неглупость! Предоставьте всемогущему и всеблагому Богу нака- зывать тѣхъ, кто Его оскорбляетъ“. (Bebel, *Die Frau in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft*, 1883, стр. 178, 179). Рядъ аналогичныхъ выдержекъ изъ произведеній Томаса Мора, Оузона и др. приведенъ въ статьѣ М. Н. Гернета „Предшественники социологической школы уголовного права“ („Научное Слово“ 1904 г., № 4).

²⁾ См. *Menger*, „*Neue Staatslehre*“, 1903, стр. 190.

мѣры, дѣйствительно направленной къ улучшенію положенія обездоленныхъ классовъ, которая въ то же время не содѣйствовала бы сокращенію преступности. Не только истина, но и аксіома, что преступность народа и экономическое положеніе отдѣльныхъ образующихъ его общественныхъ группъ находятся въ тѣсной связи между собою, что увеличеніе нужды и напряженности борьбы за существованіе сопровождаются повышеніемъ уровня преступности. Этимъ объясняется, что имущественныя преступления управляются закономъ тяготѣнія къ холоднымъ мѣсяцамъ, когда спросъ на рабочія руки уменьшается, а потребности въ питаніи, платьѣ и отопленіи увеличиваются ¹⁾; изъ этой же зависимости отъ экономического фактора проистекаетъ постоянный параллелизмъ между ростомъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ, съ одной стороны, и преступности—съ другой: цѣны на хлѣбъ представляютъ собою значительную долю того *existenzminimum*'а, къ которому сводится нормальный бюджетъ рабочаго ²⁾; та же аксіома проливаетъ свѣтъ на общеизвѣстный фактъ огромной разницы между размѣрами женской и мужской преступности: женщина рѣже сталкивается съ уголовнымъ закономъ, потому что принимаетъ менѣе интенсивное участіе въ добычаніи средствъ существованія; наконецъ, экономическими причинами обусловливается локализція преступности въ современномъ обществѣ: «всѣ преступления рождаются въ средѣ пролетаріата», отмѣчаетъ Энгельсъ; «преступленія нашего времени локализовались въ низшихъ слояхъ общества», читаемъ у Тарда ³⁾.

Экономическій факторъ вліяетъ не только непосредственно, но и косвенно на преступность. Степень удовлетворенности нужды рабочихъ классовъ и та роль, какая удѣляется имъ въ народномъ хозяйствѣ, неизбѣжно обусловливаютъ собою состояніе ихъ здоровья и характеръ ихъ физическаго воспитанія, уровень умственнаго и нравственнаго развитія, объемъ ихъ политическихъ правъ. Если трудъ вообще есть гарантія отъ преступленія, то трудъ въ нездоровой обстановкѣ, истощающей силы, доводящей до одуренія, ожесточающей и ослабляющей нравственную чуткость,—такой трудъ поставляетъ не только товары для рынка, но и преступниковъ для тюремъ. Если какъ разъ та огромная часть населенія, которая своими руками создаетъ всѣ богатства страны, или совсѣмъ не обеспечена или плохо обеспечена на случай болѣзни, инвалидности, старости; если бѣдность для того, чтобы не перейти въ нищету, за-

¹⁾ Фойншкѣй, „Вліяніе времени года на преступленія“, въ сборникѣ „На досугѣ“, 1898.

²⁾ Berg, „Getreidepreise und Kriminalität in Deutschland seit 1882“.

³⁾ „La philosophie pénale“, 1900 г., стр. 332.

держиваетъ образованіе семей; если въ городскихъ трущобахъ ютятся въ разныхъ углахъ одной и той же комнаты мужчины и женщины; если, наконецъ, темной силѣ дремучаго невѣжества противопоставляется лишь малочисленная, хотя бы и самоотверженная, армія труженниковъ просвѣщенія, то уголовная репрессія безсилна бороться съ преступностью. Все это положенія, очевидныя à priori и въ то же время находящія себѣ подтвержденія въ цифрахъ статистики. Первый, кто воспользовался ими, былъ отецъ криминальной статистики Кетле, который такъ формулируетъ 10-й заключительный тезисъ своихъ «Recherches statistiques sur le Royaume des Pays-Bas»: «Мѣстности, гдѣ происходятъ частыя передвиженія населенія, гдѣ промышленность и торговля соединяють много лицъ и вещей, *идѣ неравенство богатствъ даетъ наибольше себя чувствовать*, производятъ, при тождествѣ остальныхъ условій, наибольшее число преступленій».

Такимъ образомъ вопросъ о преступности находится въ тѣсной зависимости отъ того или иного разрѣшенія жилищнаго вопроса, отъ порядка регламентаціи отношеній предпринимателей и рабочихъ, отъ постановки народнаго образованія и т. д. Листъ имѣлъ достаточное основаніе сказать въ своей извѣстной дрезденской рѣчи, что «соціальная политика есть въ то же время самая лучшая и самая дѣйствительная криминальная политика» ¹⁾.

Но криминалистъ находитъ въ соціальной политикѣ больше, чѣмъ надежную сотрудницу. Она оказываетъ свое вліяніе на самое содержаніе уголовного права.

Быть можетъ, ни одна другая отрасль права не испытываетъ на себѣ въ такой мѣрѣ, какъ уголовное право, вліянія тѣхъ моральныхъ, политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, которыми опредѣляются жизнь и характеръ націи въ данную эпоху. Если задача всего права заключается въ охранѣ общественныхъ интересовъ, то уголовное право имѣетъ своею специальною цѣлью огражденіе тѣхъ условій общежитія, которыя для существованія и развитія послѣдняго представляются настолько необходимыми, что государство, ради ихъ защиты, не останавливается передъ крайними мѣрами принужденія, передъ мѣрами уголовной репрессіи. При этомъ, чѣмъ выше или ниже цѣнится государствомъ, сообразно уровню его культуры, то или другое благо, признаваемое за общественный интересъ (жизнь, собственность, честь, кредитъ и т. д.), тѣмъ болѣе или менѣе строгою карою санкціонируется запретъ его уничтоженія или поврежденія. Отсюда извѣстное положеніе Іеринга въ его

¹⁾ Liszt, „Das Verbrechen, als socialpathologische Erscheinung“, 1899, стр. 22.

«Цѣль въ правѣ»: «Der Tarif der Strafe ist der Werthmesser der socialen Güter» («карательный тарифъ есть масштабъ для измѣренія цѣнности социальныхъ благъ»).

Проходятъ годы—распатываются прежнія основы народной жизни, создаются новыя потребности, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ уголовномъ кодексѣ измѣняется расцѣнка общественныхъ благъ. «Уголовное право,—пишетъ Іерингъ въ другой своей работѣ ¹⁾,—это узловый пунктъ, гдѣ соединяются всѣ тончайшіе и нѣжнейшіе нервы и жилы правового организма; это—обликъ права, на которомъ отражается вся индивидуальность народа, его думы и его чувства, его настроеніе и его страсти, его цивилизованность или невѣжество, короче—его душа; исторія уголовного права—это отрывокъ изъ исторіи человечества». Если приглядѣться къ эволюціи уголовного права за болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, то легко замѣтить, какъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ курса политическихъ и общественныхъ теченій измѣняется не только карательная такса уголовныхъ кодексовъ, но и кругъ предусматриваемыхъ ими дѣяній. Что дѣянія, считавшіяся раньше тяжкими преступленіями, съ теченіемъ времени становятся незначительными полицейскими нарушеніями или юридически вовсе безразличными поступками,—это настолько часто наблюдаемое явленіе, что оно навело нѣкоторыхъ криминалистовъ на мысль о вымираніи уголовного права. Однако мысль эта противорѣчитъ наблюденіямъ фактовъ другого рода: теряя отжившіе члены своей системы, уголовное право воспринимаетъ въ себя новыя; суживаясь съ одной стороны, оно расширяется съ другой. Такъ и должно было быть: съ ростомъ культуры къ прежнимъ социальнымъ задачамъ присоединяются новыя, требующія новыхъ жертвъ со стороны отдѣльныхъ индивидуумовъ во имя общества и его цѣлей. Но пока эгоистическая борьба за существованіе продолжаетъ оставаться закономъ общественной психологіи (хотя бы одновременно дѣйствующимъ съ закономъ солидарности), на такія жертвы нельзя рассчитывать безъ напряженія социального принудительнаго аппарата. Предъявляя къ своимъ членамъ новыя требованія, государство вынуждено обеспечивать ихъ исполненіе угрозою наказаніемъ. Когда эти требованія разумны и нравственны, тогда, укрѣпляя въ общественномъ сознаніи мѣрами уголовной репрессіи представленіе объ ихъ обязательности, законодатель осуществляетъ великую задачу воспитанія народа. Такими требованіями могутъ и должны быть приказы и запреты, вытекающіе изъ социально-политической дѣятельности законодателя.

¹⁾ „Das Schuldmoment im Römischen Privatrecht“, 1867, стр. 3.

На зарѣ XIX столѣтія возникла та отрасль соціальної політики, которая выше была названа соціальною політикою въ офіціальному смислѣ слова. Начало ей было положено въ Англіи, на родинѣ фабричнаго производства. Въ 1767 и 1785 гг. были изобрѣтены первыя прядильныя и ткацкія машины, и уже черезъ десять лѣтъ общественное мнѣніе настоятельно требуетъ регламентаціи фабричнаго труда. Въ 1795 г. въ Манчестерѣ масса дѣтей сдѣлались жертвами свирѣпой епидеміи. Анкета, произведенная по этому поводу врачебною комиссією, установила такіе факты, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. Анкета эта сыграла двоякую роль: во-первыхъ, она привела къ изданію «Moral and Health Act», послужившаго отправнымъ пунктомъ англійскаго рабочаго законодательства ¹⁾; во-вторыхъ, благодаря ей, положеніе рабочаго класса привлекло къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія, которое съ этихъ поръ уже никогда не переставало заниматься вопросомъ о его улучшеніи. Но, какъ видно изъ сдѣланныхъ мною въ началѣ лекціи предварительныхъ замѣчаній, рабочее законодательство далеко не исчерпываетъ всей обширной области соціальної політики въ ея научномъ значеніи. Прежде всего даже для рабочаго класса рабочее законодательство само по себѣ можетъ дать лишь очень немного. Восьмичасовой рабочій день принесетъ мало пользы, если по недостатку развитія рабочій не будетъ въ состояніи разумно заполнить свой досугъ; поэтому регламентаціи продолжительности труда должны соответствовать мѣры распространенія народнаго образованія. Правила о гигиеническомъ устройствѣ фабрикъ не избавятъ рабочаго отъ болѣзни и ранней смерти, если дома онъ будетъ спать на сыромъ полу въ повалку съ другими рабочими; поэтому, издавая постановленія о санитарномъ надзорѣ за фабриками, законодатель можетъ рассчитывать на ихъ успѣхъ только при болѣе или менѣе удовлетворительномъ рѣшеніи жилищнаго вопроса. Уже отсюда видно, какъ широка должна быть область соціальної політики даже въ томъ случаѣ, если она будетъ преслѣдовать только интересы рабочаго класса. Но при неравномѣрности распредѣленія соціальныхъ благъ обездоленнымъ въ современномъ обществѣ является не одинъ рабочій классъ. Въ области внутренняго управленія для законодателя, вставшаго на соціальную точку зрѣнія, открывается безконечный просторъ, широкое поле для мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью облегчить болѣзненность тренія, неизбѣжную при соприкосновеніи другъ съ другомъ, въ рамкахъ государственной

¹⁾ Zanten, „Die Arbeiterschutzgesetzgebung“, 1902, стр. 10 и сл.

організації, разнороднихъ соціальнихъ тѣлъ. Всѣ эти мѣропріятія, многочисленныя уже и теперь, поскольку они требуютъ уступокъ со стороны экономически болѣе сильныхъ болѣе слабымъ, нуждаются въ уголовной санкціи; поэтому послѣдствіемъ вступленія законодателей на путь соціальной политики были новыя весьма содержательныя страницы въ уголовныхъ кодексахъ.

Здѣсь мы останавливаемся передъ страннымъ явленіемъ. Въ то время, какъ въ вѣдѣніе криминалистовъ переходитъ такая богатая область, какъ соціальная политика, они съ упорствомъ и усидчивостью, достойными лучшаго примѣненія, продолжаютъ заниматься традиціонными вопросами криминальной схоластики. Еще и теперь не рѣдкость встрѣтить изслѣдованіе, напр., на тему о причинномъ (т.-е. дѣйствующемъ) элементѣ бездѣйствія,—трудъ столь же интересный и плодотворный, какъ, напр., измѣреніе вѣса абсолютно пустого пространства, и въ то же время въ курсахъ уголовного права преступленія, заключающіяся въ эксплуатаціи труда рабочихъ массъ, или вовсе игнорируются, или имъ удѣляется самое ничтожное вниманіе. Между тѣмъ едва ли для этого могутъ быть серьезныя теоретическія основанія. Въ качествѣ прикладной науки наука права служить не для удовлетворенія чистой любознательности, а для определенныхъ утилитарныхъ цѣлей. Цѣль есть смыслъ права. Поэтому, излагая карательныя постановленія, криминалистъ не можетъ обойтись безъ обсужденія цѣлесообразности ихъ содержанія, т.-е. серьезности и важности охраняемыхъ ими интересовъ и рациональности мѣръ, которыми интересы эти ограждаются. Иначе вся работа криминалиста сведется къ простой передачѣ постановленій текста закона. Правда, обыкновенно въ уголовномъ кодексѣ заключается указаніе лишь на карательныя послѣдствія невыполненія мѣръ, предписанныхъ закономъ въ огражденіе общественныхъ интересовъ; самыя же мѣры излагаются въ другихъ частяхъ законодательства. Но такое раздѣленіе матеріала, обусловливаемое отчасти техническими требованиями кодификаціи, не можетъ имѣть мѣста въ наукѣ права. Криминалистъ не имѣлъ бы никакой почвы подъ ногами для оцѣнки *de lege lata* и *de lege ferenda* размѣра, характера и, наконецъ, самой умѣстности уголовной репрессіи, если бы онъ былъ устраненъ отъ изслѣдованія общественнаго значенія тѣхъ мѣръ и интересовъ, для осуществленія которыхъ уголовная репрессія служить. Могутъ возразить, что такое изслѣдованіе заведетъ криминалиста въ область, уже разрабатываемую другой наукой. Что изъ этого? Точныхъ демаркаціонныхъ линій между отдѣльными отраслями знанія не можетъ быть. Науки—не территоріи, и совмѣстная обработка одной и той

же научной нивы создать не вооруженный миръ, а мирное и плодотворное единение научныхъ силъ, направленныхъ къ достиженію одной и той же цѣли.

Однако связь между уголовнымъ правомъ и соціальной политикой можетъ быть глубже. Она можетъ заключаться не только въ ихъ стремленіи къ одной и той же цѣли и не только въ томъ, что уголовное право даетъ свою санкцію мѣрамъ соціальной политики, но кромѣ того—въ усвоеніи соціально-политическаго критерія уголовнымъ правомъ въ его цѣломъ, помимо тѣхъ частей, которыя являются прямымъ дополненіемъ соціальной политики. Я разумѣю здѣсь такой критерій, при которомъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ соціальной политикѣ, каждая мѣра обсуждается съ точки зрѣнія ея значенія для всѣхъ слоевъ общества.

Объ уголовномъ правѣ можно сказать то же, что Jastrow говоритъ о правѣ управления (*Verwaltungsrecht*)¹⁾: уголовное право всегда опредѣлялось воззрѣніями тѣхъ классовъ, изъ которыхъ выходили руководящія силы общества; вліяніе же соціальной политики должно проявиться въ выясненіи односторонности этихъ воззрѣній, въ приравненіи къ интересамъ господствующихъ интересовъ остальныхъ классовъ, въ устраненіи или въ смягченіи дѣйствія всѣхъ тѣхъ нормъ, которыя увеличиваютъ и безъ того трудно переходимыя междуклассовыя дистанціи. Современное уголовное право, какъ и все право вообще, есть компромиссъ, завершающій ожесточенную—все равно, парламентскую или непарламентскую—борьбу между враждебными соціальными партіями,—компромиссъ, конечно, болѣе выгодный для той партіи, на сторонѣ которой сила²⁾. Правда, существуетъ не мало теоретиковъ права, для которыхъ право и сила такъ же непримиримы другъ съ другомъ, какъ огонь и вода, но они закрываютъ глаза на реальные факты, которые воочію свидѣтельствуютъ (въ особенности въ государствахъ съ парламентской жизнью, гдѣ борьба за право происходитъ открыто), что право есть премія сильныхъ побѣдителей. Такая природа права, какъ функція государства, вполне соответствуетъ самому происхожденію государствъ. Исторія богата доказательствами, что началу государственной жизни всегда предшествовало покореніе хищническимъ и воинственнымъ племенемъ слабого, обыкновенно мирнаго племени. Даже въ новое время нерѣдко новыя формы права и государственной организаціи создаются путемъ революціи, силою оружія. Разумѣется, взглядомъ на

¹⁾ Jastrow, „Socialpolitik und Verwaltungswissenschaft“, 1902, стр. 43.

²⁾ Ср. Merkel, „Recht und Macht“ въ Jahrb. für Gesetzgeb., Verw. und Volkswirtsch., V Jarg.

право, какъ на результатъ распредѣленія силъ между соперничающими сторонами, вовсе не отрицается значеніе для него идейнаго момента; при такомъ взглядѣ лишь утверждается, что, какъ показываетъ опытъ исторіи, правовыя идеи тщетно стучатся въ двери правовой дѣйствительности до тѣхъ поръ, пока не имѣютъ за собою силы, способной воздѣйствовать на хозяевъ установившагося порядка. Хотя при нормальномъ теченіи государственной жизни правообразованіе не сопровождается ни боемъ барабановъ, ни громомъ пушекъ, тѣмъ не менѣе оно не перестаетъ быть формальнымъ выраженіемъ взаимоотношенія борющихся социальныхъ силъ ¹⁾. Въ этой борьбѣ залогъ его безостановочнаго прогресса, и въ ней же надежда на завоеваніе народными массами вниманія законодателя, на широкое примѣненіе въ правѣ социально-политическаго критерія.

Пренебреженіе къ нему сказывается въ слѣдующихъ пяти недостаткахъ современнаго уголовного права: 1) въ преимущественномъ огражденіи тѣхъ благъ, на обладаніи которыми зиждется благосостояніе господствующихъ классовъ; 2) въ сравнительной суровости наказаній за тѣ преступленія, которыя возникаютъ главнымъ образомъ въ средѣ обездоленныхъ классовъ, и въ игнорированіи мотивовъ этихъ преступленій; 3) въ недостаточности охраны тѣхъ интересовъ, которые по преимуществу тогда подвергаются опасности посягательства на нихъ, когда ихъ обладателями являются лица имущественно не обезпеченныя и не занимающія привилегированнаго общественнаго положенія; 4) въ упущеніи изъ виду зависимости тяжести наказанія для преступника и его семьи отъ его экономическаго положенія; 5) въ слабомъ развитіи мѣръ для предупрежденія той опасности, которая называется деклассацией преступника и которая заключается въ переходѣ его на низшую ступень общественной лѣстницы. Все мое дальнѣйшее изложеніе послужитъ примѣрной иллюстраціей этихъ пяти положеній.

Почти всѣ современные уголовныя кодексы въ Европѣ представляютъ собою отголосокъ той эпохи, когда, послѣ пронесшагося по Европѣ вихря революціи, законодательство, благожелательное къ интересамъ побѣдоносной буржуазіи, спѣшило закрѣпить за нею ея положеніе и оградить суровыми мѣрами уголовной репрессіи тотъ фундаментъ, на которомъ покоится выстроенное въ буржуазномъ стилѣ общественное зданіе. Оставивъ безъ удовлетворенія запросы крестьянства и городскихъ рабочихъ, представители новаго

¹⁾ См. Lassalle, „Recht und Macht“; Gumplovicz, „Grundriss der Sociologie“; Menger, „Neue Staatslehre“ и мн. др.

строю не могли не предвидѣть неминуемой при безвыходномъ положеніи обдѣленныхъ классовъ опасности для явившейся результатомъ побѣды неограниченной, свободной отъ феодальныхъ стѣсненій собственности ¹⁾ Отсюда проистекаетъ бросающаяся въ глаза интенсивность охраны имущественнаго права по сравненію съ другими правами и благами.

Для примѣра стоитъ остановиться на нѣкоторыхъ сопоставленіяхъ хотя бы изъ германскаго *Reichsstrafgesetzbuch*, которое не является отступленіемъ отъ общеевропейскаго типа уголовныхъ кодексовъ: легкое тѣлесное поврежденіе (*Körperverletzung*) преслѣдуется только по жалобѣ потерпѣвшаго и наказывается тюрьмою до трехъ лѣтъ или штрафомъ до тысячи марокъ; между тѣмъ простая кража преслѣдуется *ex officio* и наказывается тюрьмою до 5 лѣтъ; maximum наказанія за тяжкое тѣлесное поврежденіе—пять лѣтъ заключенія въ *Zuchthaus*'ѣ, а за квалифицированную кражу—10 лѣтъ; что касается разбоя, то по maximum'у наказанія онъ прямо приравненъ къ умышленному убійству ²⁾.

Особенно строго наказываются имущественныя преступленія въ случаѣ ихъ повторенія. Къ рецидивистамъ безпощадны не только законодательство, но и теорія. Извѣстно, что наше новое уголовное уложеніе, уступая настояніямъ доктрины, въ случаяхъ совершенія въ четвертый разъ воровства, вымогательства или мошенничества (ст. 587, 590 и 597), хотя бы по обстоятельствамъ дѣла это повтореніе вовсе не свидѣтельствовало объ укоренившейся преступной склонности, при извѣстныхъ условіяхъ допускаетъ ссылку на каторгу на срокъ до 8 лѣтъ. Такимъ образомъ «выходитъ, — замѣчаетъ проф. Мокринскій, — что бѣднякъ, вслѣдствіе безработицы совершившій пять послѣдовательныхъ кражъ обрѣзковъ черстваго хлѣба, или кухарка, которая столько же разъ полакомилась хозяйскою провизіею, должны, если только юстиція бодрствуетъ, кончить осужденіемъ въ каторжныя работы». Казалось бы,—достаточно; но теорія послѣдовательнѣе закона и на этомъ остановиться не могла. Корифей современной науки уголовного права проф. Листъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ русскаго уголовного уложенія высказалъ мнѣніе, что преступника уже трижды наказаннаго—все равно, за преступленіе противъ жизни или противъ имущества—слѣдуетъ подвергать за новое преступленіе, однородное

¹⁾ *Максимъ Ковалевскій*, „Соціальное законодательство конституанты“ въ Сборникѣ Правовѣднія, т. I, стр. 43.

²⁾ Эти сопоставленія приводятся Менгеромъ въ его „*Neue Staatslehre*“, 1903, стр. 191.

съ прежнимъ, безсрочной каторгѣ ¹⁾, и это въ странѣ, въ которой не сдѣлано почти ничего для того, чтобы спасти бывшаго тюремнаго сидѣльца отъ почти роковой необходимости приняться снова за свое преступное ремесло, и это послѣ того, какъ словами того же самаго Листа наука, вооруженная цифрами, установила слѣдующее грустное положеніе: вѣроятность повторенія преступления лицомъ, если оно отбыло наказаніе, больше чѣмъ въ противномъ случаѣ; эта вѣроятность растетъ вмѣстѣ съ числомъ и продолжительностью понесенныхъ наказаній! Слѣдовало бы думать, что отсюда, какъ требованіе социальной справедливости, знающей, что пролетаріатъ развращается совмѣстнымъ дѣйствіямъ бѣдности и тюрьмы, вытекаетъ обязанность для криминалиста заняться вопросомъ о лучшей организаціи всѣхъ мѣстъ заключенія, о мѣрахъ принудительнаго воспитанія и огражденія тюремнаго выпущенника отъ вліянія той среды, которая воспитала въ немъ порочныя наклонности, а не рекомендовать законодателю хирургическіе пріемы общественнаго оздоровленія. Вѣдь, какъ бы то ни было, жизнь послѣдняго вора безконечно дороже тѣхъ денегъ, за которыя отправляютъ его на каторгу ²⁾).

Несомнѣнно, что требованіе самыхъ суровыхъ мѣръ въ отношеніи къ рецидивистамъ объясняется, какъ *одностороннее* и не согласованное съ правовыми убѣжденіями народа примѣненіе выработаннаго наукою уголовного права принципа индивидуализированія наказанія по психическимъ свойствамъ преступника; однако тотъ же самый принципъ, такъ послѣдовательно направляющій законодателя въ сторону увеличенія наказанія за имущественныя преступления, нерѣдко забывается имъ тамъ, гдѣ онъ, побуждая законодателя сообразоваться съ мотивами преступления, могъ бы послужить на пользу того общественнаго класса, на долю котораго и такъ выпадаетъ наименьшее участіе въ выгодахъ, доставляемыхъ обществу государствомъ. Вмѣстѣ съ суровыми наказаніями за преступления, возникающія на почвѣ социальныхъ противорѣчій,—это второй изъ названныхъ мною недостатковъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ. Яркимъ, но далеко не единственнымъ примѣромъ, можетъ послужить ст. 367 нашего новаго уголовного уложенія, вызывающая недоумѣніе у всѣхъ, кто только занимался ея оцѣнкой. Ст. 367 назначаетъ наказаніе заключеніемъ въ тюрьмѣ до 6 мѣсяцевъ за прекращеніе работы фабричными или заводскими рабочими, по со-

¹⁾ Bemerkungen zum Entwurf des allgemeinen Theiles eines Strafgesetzbuchs für Russland, стр. 24.

²⁾ Cp. Wolfgang Heine. Zur Reform des Strafrechts.

глашенію между собою, съ цѣлью принудить предпринимателя къ измѣненію условій найма до истеченія его срока. Здѣсь, съ одной стороны, бросается въ глаза несоразмѣрная строгость наказанія по сравненію съ наказаніемъ, указаннымъ въ ст. 364, карающей арестомъ не выше трехъ мѣсяцевъ владѣльца фабрики или завода за дѣяніе, имѣющее нисколько не менѣе важное общественное значеніе, чѣмъ стачка рабочихъ, а именно за самовольное пониженіе платы рабочимъ, а также (это ст. 364 подразумѣваетъ) за увольненіе ихъ вопреки установленнымъ въ законѣ правиламъ. Съ другой стороны, невниманіе законодателя къ мотивамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 367, проявляется въ характерѣ назначаемого ею наказанія. Нисколько не странно, что наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ караетъ стачку рабочихъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Такая санкція находитъ себѣ объясненіе въ полной офиціально признанной безпринципности улож. о наказ. Но это наказаніе не примѣнимо къ новому уголовному уложенію, составители котораго имѣли передъ собою опредѣленное начало, требующее въ интересахъ индивидуализаціи наказаній раздѣленія ихъ на двѣ категоріи: наказанія позорящія, къ которымъ относится и тюрьма и которыя предназначаются для преступниковъ, обнаружившихъ своими дѣяніями болѣе или менѣе глубокую нравственную испорченность, и такъ называемое *custodia honesta* за преступленія, которыя «не выказываютъ ни особой испорченности, ни особой безнравственности, а болѣе свидѣтельствуютъ о его неумѣнніи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона». Исходя изъ этого вполне правильнаго начала, законодатель, напримѣръ, примѣняетъ *custodia honesta* къ убійству на дуэли, считаясь въ этомъ случаѣ съ распространенными въ нѣкоторыхъ слояхъ общества понятіями о чести. Но почему же, спрашивается, та же *custodia honesta* не примѣняется къ рабочимъ, противозаконно прекратившимъ работу? Развѣ подчиниться требованію товарищеской солидарности и пролетаріатской чести болѣе постыдно, чѣмъ тому требованію чести, аристократической по преимуществу, которое заставляетъ проливать кровь, чтобы смыть полученное оскорбленіе¹⁾. Это игнорированіе законодателемъ мотивовъ преступленія, предусмотрѣннаго статьей 367, тѣмъ болѣе шокируетъ правовое чувство, что *custodia honesta* пользуется и чиновникъ, виновный въ превышеніи власти (ст. 636), и даже торговецъ, фальсифицирующій коровье масло (ст. 214, ч. 2).

Я указалъ далѣе на недостаточность охраны уголовными законодательствами тѣхъ благъ, въ защитѣ которыхъ репрессивными

¹⁾ Ср. Otto Lang. „Die Gerechtigkeit im Strafrecht“.

мѣрами заинтересованъ по преимуществу классъ лицъ, живущихъ трудомъ своихъ рукъ. Къ этимъ благамъ, конечно, прежде всего относится рабочая сила, но не она одна. Стоитъ вспомнить хотя бы о часто выдвигаемомъ въ послѣднее время требованіи специальной охраны женской чести работницъ. Разумѣется, значеніе нравственной чистоты, какъ личнаго и соціального интереса, нисколько не понижается, если женщина обладаетъ собственностью или принадлежитъ къ тому общественному классу, въ которомъ женскій трудъ ограничивается стѣнами отцовскаго или мужняго дома, но въ обоихъ этихъ случаяхъ женщина гарантирована, по крайней мѣрѣ, отъ того рода посягательства на ея личность, которое заключается въ принужденіи къ вступленію въ половую связь путемъ злоупотребленія ея экономической зависимостью. Это несомнѣнно преступное посягательство не предусматривается ни однимъ изъ европейскихъ кодексовъ. Правда, оно уже вошло въ составъ наиболѣе передового изъ проектовъ уголовного законодательства—швейцарскаго; но еще недавно (въ 1900 г.) въ Германіи, въ которой неоднократно поднимался вопросъ объ установленіи наказуемости безнравственныхъ домогательствъ, предъявляемыхъ работодателями къ ихъ работницамъ, правительство категорически отказалось отъ принятія предлагавшагося для этой цѣли такъ называемаго *Arbeitsgeberstrafgesetz*'а, и это не смотря на то, что депутатами рабочей партіи въ рейхстагъ на основаніи документальныхъ данныхъ былъ установленъ систематическій характеръ развращенія работницъ работодателями или ихъ управляющими, безсовѣстно пользующимися экономической безвыходностью наемницъ¹⁾.

Уклоненіе уголовного права отъ требованій соціальной политики проявляется также, какъ было сказано, въ упущеніи изъ виду вліянія экономического положенія преступника на тяжесть наказанія для него и его семьи. Съ этой стороны современныя уголовныя законодательства представляютъ собою также богатый матеріалъ, для ихъ критической оцѣнки. Но несомнѣнно, что наиболѣе наглядно свидѣтельствуютъ о непринятіи въ расчетъ соціально-политического критерія общія для всѣхъ почти уголовныхъ кодексовъ опредѣленія о денежныхъ штрафахъ. Принципъ прогрессивнаго положенія, выработанный теоріей и пользующійся широкимъ примѣненіемъ въ области финансовъ, до сихъ поръ въ уголовномъ правѣ остается теоретическимъ пожеланіемъ; до сихъ поръ въ уголовныхъ кодексахъ денежные штрафы назначаются независимо отъ имуще-

¹⁾ Штимальманъ. „Уголовная репрессія, какъ требованіе соціальной политики“ въ „Правѣ“ за 1903 г., № 28.

ственной положенія виновнаго. Ясно, что такая система представляется несправедливой, съ социально-политической, и нецѣлесообразной, съ криминально-политической точки зрѣнія. Назначеніе денежныхъ взысканій безъ всякаго соотвѣтствія съ состоятельностью осужденнаго поведетъ лишь къ тому, что для человѣка богатаго, для котораго уплата небольшой указанной въ законѣ суммы не имѣетъ никакого репрессивнаго значенія, этотъ законъ будетъ все равно, что неписаннымъ, а человѣкъ, добывающій своимъ трудомъ ровно столько, сколько нужно для удовлетворенія его насущныхъ потребностей, будетъ страдать, испытывать то чувство горечи и озлобленія, которое нерѣдко дѣлается мотивомъ къ совершенію новыхъ уголовно наказуемыхъ дѣяній ¹⁾. Такимъ образомъ, законъ, заключающій въ себѣ предписаніе опредѣленнаго поведенія, оказывается менѣе требовательнымъ по отношенію къ однимъ, чѣмъ къ другимъ. Создается, какъ говорилось на международномъ конгрессѣ криминалистовъ въ Христіаніи, какъ бы двойная мораль à la Nietzsche съ его *Untermoral* и *Übermoral*. Еще болѣе грубымъ нарушеніемъ начала матеріальнаго равенства передъ закономъ представляется замѣна штрафа, въ случаѣ несостоятельности лица, приговореннаго къ нему, лишеніемъ свободы. Въ этомъ случаѣ лишеніе свободы, по вѣрному замѣчанію Таганцева, является возвышеніемъ наказанія за бѣдность. Кромѣ того, опредѣляемое закономъ соотношеніе пени съ срокомъ лишенія свободы заключаетъ въ себѣ новую социальную несправедливость, такъ какъ экономическая цѣнность дня свободы неодинакова въ зависимости отъ различныхъ профессій осужденныхъ и часто даже для одной и той же профессіи въ разное время года.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ изъ указанныхъ мною недостатковъ современнаго уголовного права, упрекъ въ которомъ, впрочемъ, не можетъ быть въ одинаковой мѣрѣ отнесенъ ко всѣмъ дѣйствующимъ законодательствамъ: многими изъ нихъ уже проведены въ жизнь институты, имѣющіе цѣлью спасти преступника отъ угрожающей ему деклассации. Деклассация эта является послѣдствіемъ примѣненія къ преступнику наказанія въ той формѣ, которая уже давно сдѣлалась господствующей и которая заключается въ лишеніи свободы. Будучи незамѣнимой, въ силу нѣкоторыхъ принадлежащихъ ей, какъ карательной мѣрѣ, достоинствъ, эта форма репрессіи вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ крупное общественное зло. Опытъ всѣхъ тюремновѣдовъ убѣждаетъ, что, какъ

¹⁾ *Liszt*, „Kriminalpolitische Aufgaben“ въ *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, 1890 г., т. X, стр. 67.

общее правило, мѣста заключенія разныхъ наименованій служатъ своего рода академіями, въ которой получаютъ подготовку будущіе мастера цеха преступниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отрывая осужденнаго отъ семьи и отъ обычной для него среды, налагая на него клеймо уголовной кары и тѣмъ затрудняя возвращеніе его къ прежнимъ занятіямъ, тюрьма и каторга создаютъ между нимъ и обществомъ честныхъ людей непреодолимую преграду, составленную изъ недовѣрія съ одной стороны, озлобленности и безнадежности — съ другой. Чуткая къ запросамъ практической жизни, наука выработала рядъ коррективовъ къ этимъ отрицательнымъ сторонамъ системы наказанія посредствомъ лишенія свободы. Среди нихъ первое мѣсто занимаютъ условное осужденіе и патронажъ. Эти и аналогичныя имъ по цѣлямъ институты отвѣчаютъ требованіемъ не только криминальной, но и социальной политики, такъ какъ имѣютъ свою великую задачу предупрежденіе образованія особаго класса—класса преступниковъ, который отдѣленъ отъ остального общества еще болѣе глубокою пропастью социальныхъ противорѣчій, чѣмъ пролетаріатъ отъ буржуазіи.

Когда-то Бисмаркъ, въ качествѣ перваго канцлера германской имперіи, сказалъ, что въ каждый законъ всегда нужно подбавлять нѣсколько капель социального масла. Въ свое время много шутили по поводу этого афоризма. Между тѣмъ, сказанный безъ ироніи, онъ заключаетъ въ себѣ истину: чего недостаетъ современнымъ кодексамъ вообще и въ частности уголовнымъ—это немного побольше социального масла.

Въ оправданіе положительныхъ законодательствъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что недостатокъ въ нихъ социально-политической точки зрѣнія есть въ то же время недостатокъ науки права, которая, отчасти увлеченная подъ вліяніемъ исторической школы воспоминаніями о прошломъ, отчасти поглощенная необходимой для практическихъ цѣлей догматической разработкой дѣйствующаго законодательства, только въ послѣднее время, и то лишь въ брошюрахъ да въ журнальныхъ статьяхъ, позволяетъ себѣ иногда взглянуть на предметъ своего вниманія съ точки зрѣнія лучшаго будущаго. Цѣня въ положительныхъ кодексахъ вѣрность традиціямъ и упуская изъ виду тѣ измѣненія въ социальныхъ формахъ жизни, которыя были вызваны съ одной стороны развитіемъ крупной промышленности, а съ другой—такими важными политическими реформами, какъ введеніе общей воинской повинности, а на западѣ также общаго права голоса и обязательнаго обученія, наука права не замѣтила, какъ въ законодательствахъ черты прошлаго постепенно превратились въ наслѣдственныя аномаліи. Придавленная

игомъ авторитета старины и дѣйствительности или запертая въ притупляющей атмосферѣ кропотливаго изученія законовъ, ихъ источниковъ, судебныхъ рѣшеній и обширной по каждому спеціальному вопросу литературы, юриспруденція не отваживалась, «полки съ пыльною семьею задернуть траурной тафтой», распахнуть всѣ окна душныхъ кабинетовъ навстрѣчу свѣжимъ вѣяніямъ волнующейся жизни и громкимъ голосамъ непрерывно продолжающейся въ каждомъ обществѣ классовой междоусобицы.

По счастью, уже и въ средѣ нѣмецкихъ ученыхъ, до сихъ поръ дающихъ тонъ и направленіе европейской наукѣ, начинаетъ наблюдаться здоровая реакція противъ крайностей кабинетной эрудиціи, въ жертву которой приносятся творческая мысль и способность откликаться на запросы и боли общественнаго организма. Я не могу не отмѣтить здѣсь признанія, сдѣланнаго профессоромъ Листомъ въ его будапештской рѣчи «Das Strafrecht der Zukunft» (1892 г.),—признанія, весьма характернаго для той искренности, которая неизмѣнно характеризуетъ Листа, какъ ученаго: «Мы должны,—сказалъ онъ,—писать объемистые учебники со всѣмъ аппаратомъ учености и съ историческими введеніями для того, чтобы не уронить передъ нашими академическими противниками нашъ авторитетъ, ослабленный борьбою за реформу законодательства».

Н. Полянскій.

Русско-японская война.

Событія, подготовившія эту войну.—Японія, Корея, Манчурія.—Державы на Дальнемъ Востокѣ.—Переговоры, непосредственно предшествовавшіе войнѣ.—Разрывъ.—Быль ли онъ устранимъ безъ войны?—Мирные способы для рѣшенія международныхъ столкновеній и ихъ недостатки.—Желтая опасность и борьба съ нею.

Русско-японская война выдвинула на первый планъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые представляютъ громадный интересъ, особенно съ точки зрѣнія международного права. Еще такъ недавно засѣдала въ Гаагѣ конференція мира, вызвавшая у друзей чело-вѣчества столько свѣтлыхъ ожиданій—и вдругъ эта ужасная, жестокая война! Очевидно, мы въ дѣйствительности еще очень далеки отъ идеала мира, который однако предносится все рѣшительнѣе сознанію лучшихъ умовъ нашего времени и все настойчивѣе требуется жизненными интересами цивилизованныхъ народовъ.

Откуда этотъ разладъ между идеею и дѣйствительностью? Что его вызвало? Можно ли было его устранить? Какъ предостеречь себя хотя на будущее время отъ подобныхъ случайностей?

Вопросы, достойные вниманія каждаго серьезнаго ума, слѣдующаго за событіями современности.

I.

Для большинства публики эта война явилась совершенною не-ожиданностью, но кто хоть нѣсколько былъ знакомъ съ тѣмъ, что совершалось на Дальнемъ Востокѣ за послѣднія десять лѣтъ, могъ ея опасаться со дня на день. На берегахъ Тихаго океана, по ошибкамъ однихъ, по близорукости другихъ, собирались грозныя тучи, которыя не предвѣщали ничего добраго. Три собственно фактора вызвали взрывъ настоящей войны. Громадная и дряхлая Китайская имперія представляетъ изъ себя еще болѣе «больного чело-вѣка», нежели Турція на ближнемъ Востокѣ. Ее почти насильственно втянули въ международный оборотъ; ея богатства прельщаютъ алчность многихъ. Съ другой стороны, Японія выступила

изъ своей замкнутости, старается присвоить себѣ формы европейскаго быта и стремится стать даже великою державою. Но для этого ей нужно утвердиться на азиатскомъ материкѣ. Естественнымъ какъ бы мостомъ къ нему является для нея Корея, въ которой она хозяйничала не разъ и ранѣе, но которая, долго состоя въ зависимости отъ Китая, должна была послужить между ними яблокомъ раздора. Между тѣмъ по сосѣдству съ этими азиатскими державами водворились европейцы и американцы, перенесшіе туда, подъ предлогами торговли и мирнаго проникновенія въ ихъ страны, свои соперничества, происки и даже вражду. На этой вулканической и чуждой имъ почвѣ раздѣляющіе ихъ интересы должны были породить скорые и ядовитые плоды вражды, перешедшіе въ войну настоящаго года.

Ознакомимся же нѣсколько ближе съ элементами, которые вызвали ее къ жизни.

II.

Со второй половины XIX вѣка въ Японіи совершился удивительный переломъ во всей ея жизни. Почти безъ давленія извнѣ она рѣшается усвоить себѣ европейскую цивилизацію, устраняетъ господствовавшіе въ ней дотолѣ феодальные порядки, предпринимаетъ цѣлый рядъ крупныхъ государственныхъ реформъ и открываетъ свою страну для иностранцевъ—феноменъ, по мнѣнію одного западнаго писателя, оставляющій за собою позади реформы Петра Великаго, Іосифа II и французской революціи. Преобразования коснулись всѣхъ сторонъ управленія и правосудія. Актомъ 11-го февраля 1889 г. Японія вступила въ число конституціонныхъ государствъ. Она создала себѣ въ сравнительно короткій періодъ времени сильный военный флотъ и армію, преобразовала свои финансы и позаботилась въ особенности о распространеніи народнаго образованія¹⁾ и о введеніи у себя улучшеннаго правосудія. Для послѣдней цѣли были составлены новые кодексы—гражданскій, торговый и уголовный—по лучшимъ европейскимъ образцамъ²⁾. При этихъ разностороннихъ внутреннихъ преобразованіяхъ японское правительство всячески стремилось вступить въ международное общеніе на правахъ равенства и независимости. Какой проявило оно тутъ контрастъ хотя бы съ Турціей и съ Китаемъ! Открытіе Японіи для международныхъ сношеній можно считать лишь съ 1854 г. и

1) Въ 1868 г. учрежденъ университетъ въ Токио.

2) Новое гражданское уложеніе обнародовано въ 1890 г., но въ силу оно вступило съ 16 іюля 1899 г. одновременно съ новыми трактатами. Въ 1890 же году былъ изданъ торговый уставъ, а уголовное уложеніе вступило въ силу съ 1882 г.

то лишь, конечно, отчасти. Въ этомъ году (31 марта) Японія заключила съ С. Штатами Америки первый договоръ «о совершенномъ, постоянномъ и общемъ мирѣ на основаніи искренней и сердечной дружбы». Но лишь три порта (Нагасаки, Хакодате и Симода) открывала она американцамъ, гдѣ они могли снабжать себя топливомъ, водою, жизненными припасами и прочими нужными предметами. Ни о свободѣ торговли, ни о поселеніи американцевъ въ странѣ еще не было и рѣчи; допускался лишь ограниченный обмѣнъ и временное ихъ пребываніе въ трехъ «договорныхъ» портахъ. Однако С. Штаты послали въ Японію генеральнаго консула (Гарриса изъ Нью-Йорка), который заключилъ съ нею два новыхъ договора въ 1857 и 58 г.¹⁾ Съ тѣмъ вмѣстѣ вводилась для американскихъ гражданъ консульская юрисдикція. За Америкой послѣдовали и европейскія державы²⁾. Понемногу торговля ихъ тамъ расширялась и права укрѣплялись: они получили право поселенія, занятія должностей и національнаго суда у своихъ консуловъ. Но лишь съ крупнаго переворота 1868 г. начался быстрый и блестящій расцвѣтъ страны³⁾. Японія задалась цѣлью — не достигнутою доселѣ ни единою азіатскою страной — устранить цѣною открытія полнаго къ себѣ доступа консульскую юрисдикцію чужихъ державъ и обезпечить себѣ полную автономію. Микадо въ 1868 г. принесъ торжественную присягу «во имя всѣхъ боговъ неба и земли» принять представительную форму правленія, сообразоваться во всѣхъ мѣрахъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны, порвать съ предрасудками старины, руководиться справедливостью, какъ основнымъ началомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, и заимствовать новыя идеи со всего свѣта». Не удивительно, что такая программа вызвала коренныя преобразованія въ политикѣ, администраціи и юстиціи.

¹⁾ Особенно важенъ договоръ 29 іюля 1858 г. Онъ опредѣлилъ собою основы международныхъ соглашеній Японіи, коими она руководилась почти въ теченіе сорока лѣтъ (до 1899 г.) и въ сношеніяхъ съ европейскими государствами. Число открытыхъ портовъ увеличено.

²⁾ Первый трактатъ Россіи съ Японіей о торговлѣ заключенъ въ Симодѣ 26-го января 1855 г.; затѣмъ договоръ 7/19 августа 1858 г.

³⁾ По настоянію магнатовъ погунъ (или тайкунъ), который сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ управленіе страной и превращалъ власть императора (микадо) лишь въ номинальную, принужденъ былъ отречься отъ своей власти, а императоръ Мутсугито (которому не было еще и 16 лѣтъ, род. въ 1852 г.) самостоятельно принялъ бразды правленія. Удѣльные князья передали въ руки микадо знаки своей власти, свои земли и замки; ихъ примѣру послѣдовали и дѣймюсы (болѣе 200 фамилій). *Александренко*. Очерки вѣншихъ сношеній Японіи съ иностранными державами. Журн. Мин. Юстиціи, 1904 г. май.) Содержитъ много данныхъ объ этихъ реформахъ и интересныя подробности о заключеніи С. Штатами и Россіей первыхъ договоровъ съ Японіей.

Вѣковыя заблужденія были устранены, при совмѣстной работѣ правительства и общества, въ очень короткое время. Насколько эти спѣшныя и радикальныя реформы проникли въ нравы и жизнь японскаго народа—другой вопросъ, о которомъ намъ судить трудно въ виду совершенно противоположныхъ отзывовъ о немъ друзей и враговъ Японіи. Но эти реформы естественно вызвали къ ней симпатіи Европы и Америки. Съ 1879 г. Японія присоединилась къ нѣкоторымъ уніямъ, въ 1886 г. къ женеvской конвенціи о больныхъ и раненыхъ войнахъ, въ 1887 г. къ парижской морской деклараціи. Съ 1894 по 1904 г. она заключила договоры съ державами и въ томъ числѣ съ Россіей¹⁾, которые упраздняли ихъ консульскую юрисдикцію, а зато открывали державамъ полный доступъ въ страну. Осуществленіе этой реформы откладывалось на пять лѣтъ до окончанія новыхъ, составлявшихся тогда уложеній въ Японіи. Моментъ этотъ наступилъ съ 17 іюля 1899 г. по заявленію японскаго правительства и съ согласія державъ²⁾.

Война съ Китаемъ 1894—95 гг. изъ-за Кореи показала въ повомъ свѣтѣ политическую и военную силы Японіи. По примѣру европейскихъ странъ, она предписала тогда своимъ войскамъ соблюдать законы и обычаи войны, насколько, конечно, это оказывается возможнымъ съ такимъ противникомъ, какъ китайцы, издала правила о призахъ и объ уваженіи нейтральныхъ. Наконецъ она стала вводить въ свои договоры статью объ обращеніи къ третейскому суду (*clause compromissoire*) и принимала участіе въ засѣданіяхъ гаагской конференціи мира въ 1899 г.³⁾.

III.

Корея вступила въ международное общеніе въ 1882—84 гг., но при неблагоприятныхъ для нея обстоятельствахъ. Трактаты

¹⁾ Первымъ такимъ договоромъ, послужившимъ образцомъ для другихъ, былъ англо-японскій 16 іюля 1894 г.; русско-японскій заключенъ ^{27-го мая} 8-го іюня 1895 г.

²⁾ Перечень договоровъ ихъ съ Японіей см. у Александренко.

³⁾ *Nous*. Le droit international. 1904. Глава: Le Japon et le droit international; p. 106—115.—Ср. *Листъ*. Международное право, пер. Мебеля подъ ред. Грабаря, 1902 г., стр. 5.—Японія и ея обитатели. 6-е приложение къ „Вѣстн.“ и Библиотекѣ самообразованія за 1904 г. Популярный сборникъ статей о Японіи въ историческомъ, политическомъ и социальномъ отношеніяхъ.—Богатая библиографія о Корей и Японіи помѣщена въ „Энциклопедической программѣ“ (серія II, 1904 г.), изд. комиссіей по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ. Ср. еще ст. *Японія* въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Т. XLI^a 1904; дагѣе статья: Японско-китайская война 1904—95 г. и японско-русская (до октября 1904 г.).

провозгласили ея независимость; ея правитель принялъ титулъ императора, чтобы лучше подчеркнуть свою самостоятельность, но дѣйствительность не соотвѣтствуетъ этимъ провозглашеніямъ на бумагѣ. Страна бѣдная, несмотря на естественныя богатства, и невѣжественная, управляемая деспотически, она едва ли отстоитъ свою свободу среди могущественныхъ и соперничающихъ между собою сосѣдей. Населеніе ея, достигающее вѣроятно 12 милл., не только невѣжественно, но и всѣмъ своимъ прошлымъ воспитано въ чрезвычайной апатіи и въ совершенно пассивномъ отношеніи къ собственной участи. Это показываютъ даже событія текущаго года.

Въ прежніе вѣка Корея находилась въ зависимости отъ Китая, который, кромѣ 18 провинцій, составляющихъ центральное ядро небесной имперіи, обнималъ еще страны двоякаго рода, непосредственно отъ него зависѣвшія (Тибетъ и Манчурія), и страны вассальныя, небольшія государства, которыя должны были доставлять ему только выгоды и безопасность отъ варваровъ (иноземцевъ). Этой цѣли служила между прочимъ Корея, образцовое государство-буферъ (Etat-tampon) для Китая. Слишкомъ изолированная, чтобы войти въ составъ его коренныхъ провинцій, она, съ другой стороны однако настолько близка, что подпала вліянію его политики и цивилизаціи и получила для него значеніе оплота со стороны Печійскаго залива и даже для самой его столицы. Въ этихъ видахъ Китай еще въ прежнюю, дальнюю эпоху содѣйствовалъ объединенію небольшихъ корейскихъ княжествъ въ одно королевство подъ своимъ сюзеренитетомъ. Но онъ нашелъ себѣ соперника въ лицѣ другого сосѣда Кореи — Японіи. Она не разъ вторгалась во внутреннія дѣла Кореи, но ея сосѣдство стало для послѣдней особенно угрожающимъ за послѣднія десятилѣтія быстро политическаго роста страны «восходящаго солнца». Интересы Японіи въ Корей противоположны интересамъ Китая. Она не желаетъ ее видѣть единою и сильною, дабы имѣть возможность полнѣе ею распорядиться по своему усмотрѣнію. Сначала однако она пошла на компромиссы съ нею и съ имперією «сына неба». Въ 1876 г. Японія заключила договоръ съ Кореею, въ которомъ признала ее государствомъ самостоятельнымъ. Тогда же былъ открытъ для японской торговли портъ Фузанъ, а въ 1880 г.—Генсанъ. Для ослабленія японскаго вліянія пекинское правительство поручило Ли-хун-чану устроить договоры Кореи съ европейскими государствами. Первые заключили (въ маѣ 1882 г.) договоръ С. Штаты Америки, затѣмъ Англія, Германія, Франція и, наконецъ, въ 1884 г. Россія. По этимъ договорамъ (не упоминающимъ о зависимости Кореи отъ Китая) были открыты для внѣшней торговли три ея порта и

столица. Но эти договоры и допущеніе иностранцевъ внутрь страны подняли на ноги всѣхъ приверженцевъ старины. Послѣдовали мятежи и убійства. Населеніе Сеула выгнало иностранцевъ и японцевъ. Японія послала въ Корею войска въ 1884 г., но въ слѣдующемъ же году отозвала ихъ оттуда по договору съ Китаемъ, въ силу котораго оба государства обязались не посылать въ Корею войскъ безъ предварительнаго извѣщенія другой стороны. Японія получила значительное экономическое вліяніе въ Корей, особенно на югѣ полуострова, благодаря массѣ своихъ представителей и ихъ торговой предпримчивости. Зато въ сферѣ политической преобладающимъ вліяніемъ пользовался китайскій резидентъ въ Сеулѣ. Когда весной 1894 г. началось возстаніе на югѣ Кореи и китайское правительство, по просьбѣ корейскаго, отправило на помощь отрядъ войскъ (съ предварительнымъ извѣщеніемъ Японіи, согласно договору 1885 г.), то японское правительство воспользовалось этимъ и подъ предлогомъ охраны японской миссіи (на что оно получило право по договору 1882 г.) стало отправлять въ Корею отрядъ за отрядомъ и не прекращало этой посылки войскъ даже послѣ подавленія возстанія. Сообразно съ этимъ и Китай увеличилъ число своихъ войскъ въ Корей. Тогда 1 августа н. с. 1894 г. Японія объявила Китаю войну, въ которой нельзя не видѣть первой прелюдіи къ настоящей войнѣ Японіи съ Россіей, тоже изъ - за Кореи.

Событія послѣдняго десятилѣтія приблизили къ Корей новаго могущественнаго сосѣда — особенно черезъ Манчжурію — Россію. Вліяніе ея и даже давленіе не могло не сказаться при дворѣ Сеула. Договоры однако продолжали подтверждать призрачную независимость несчастной страны, на которую теперь явилось уже не два, а три сильныхъ претендента. Въ апрѣлѣ 1896 года Россія трактатомъ Лобанова—Ямагаты установила съ Японіей нѣкоего рода *condominium* въ Корей. Она получала преобладающее вліяніе на сѣверѣ страны и при дворѣ, а Японія на югѣ и въ портахъ. Два года спустя новый договоръ (Розенъ—Ниши) подтверждалъ независимость Кореи, но и предоставлялъ японцамъ большую широту дѣйствія въ странѣ. Они воспользовались ею весьма ловко, построивъ въ 1899 г. желѣзнодорожную линію изъ Чемульпо въ Сеулъ, получивъ концессию на такую же изъ Фузана въ Сеулъ и проявивъ самую лихорадочную и энергичную дѣятельность въ странѣ, которую они уже считали главнымъ объектомъ своей промышленной и экономической политики.

Стоитъ однако напомнить постановленія выше названнаго до-

говора 13 (25) апрѣля 1898 года: Россія и Японія признаютъ окончательно независимость и совершенную самостоятельность Кореи (la souveraineté et l'entière indépendance) и взаимно обязываются воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія ея дѣла (ст. 1). Въ видахъ избѣжанія какого-либо недоразумѣнія между ними въ будущемъ онѣ общаются другъ другу, въ случаѣ обращенія Кореи за совѣтомъ или за помощью либо къ Россіи, либо къ Японіи, не принимать никакихъ мѣръ по назначенію военнымъ инструкторовъ или финансовыхъ совѣтниковъ безъ того, чтобы не установить предварительно соглашенія на этотъ счетъ (ст. 2). Принимая въ соображеніе широкое развитіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Японіи въ Корей, а равно значительное число поселившихся въ ней японцевъ, русское правительство не будетъ препятствовать развитію торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ между Японіею и Кореею (ст. 3).

Наконецъ въ конвенціи Англии съ Японіею отъ 17 (30) января 1902 г., установившей между ними союзъ, обѣ державы заявляютъ, что онѣ заключили его: «въ видахъ обезпеченія *statu quo* и общаго мира на Дальнемъ Востокѣ, равно какъ и для охраненія независимости Китая и Кореи, которые должны оставаться открытыми для торговли и промышленности всѣхъ городовъ».

На это послѣдовала совмѣстная декларация Россіи и Франціи 3 (16) марта того же года о тождественности и ихъ политикѣ съ тою, которая положена въ основу англо-японскаго союза, при чемъ правительственное сообщеніе изъ Петербурга объ этой декларациі категорически заявило: «Россія требуетъ независимости и неприкосновенности сосѣдняго дружественнаго Китая, а равно и Кореи. Россія желаетъ сохраненія нынѣшняго положенія вещей и полнаго умиротворенія на Дальнемъ Востокѣ».

Одно время (въ 1896—97 гг.) вліяніе Россіи въ Сеулѣ было весьма значительно, и повелитель Кореи укрывался даже около года въ помѣщеніи нашего дипломатическаго тамъ представителя отъ преслѣдованій разъяренной толпы, руководимой японцами, которые приняли участіе въ звѣрскомъ убійствѣ престарѣлой королевы Минъ, стоявшей во главѣ старой консервативной партіи. Но вниманіе Россіи отъ Кореи было затѣмъ отвлечено Манчжуріею, чѣмъ и не преминула ловко воспользоваться Японія ¹⁾.

¹⁾ *Корея*, ст. Ивановскаго въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона. Т. XVI. *Halot. Les origines du conflit russo-japonais. (Revue de droit international; 1904, p. 109—123).*

IV.

Къ Манчжуріи, сдѣлавшейся вмѣстѣ съ Кореей вторымъ поводомъ къ настоящей войнѣ, Россія приближалась медленно, но неуклонно въ продолженіе 2½ столѣтій, начиная съ Нерчинскаго договора съ Китаемъ въ 1689 г. Приобрѣтая отъ него громадныя области вдоль Амура и его притоковъ, она съ рѣдкимъ искусствомъ сумѣла за все это время поддерживать съ нимъ вплоть до 1900 г. мирныя дружественныя отношенія. Но тогда этому былъ положенъ сразу конецъ вслѣдствіе особенно двухъ обстоятельствъ: все возраставшей слабости самой срединной имперіи и большого вмѣшательства державъ въ ея внутреннія дѣла. При всей необъятности своей территоріи и громадномъ населеніи Китай оказался совершенно неспособнымъ къ защитѣ своей независимости отъ иностранцевъ, что показали уже занятія послѣдними Гонгъ-Конга, Аннама и въ особенности легкая и неожиданная побѣда надъ нимъ Японіи въ 1895 г. По Симоносекскому договору того же года, положившему конецъ этой войнѣ, Японія получила завоеванный ею Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ. Это отдавало въ ея руки Печилійскій заливъ, приближало ее къ Пекину и давало ей возможность отрѣзать Корею и восточную Сибирь отъ Китая. Можно было опасаться полнаго подпаденія послѣдняго ея вліянію. Допустить этого не захотѣла Россія, на тысячи верстъ съ нимъ сопредѣльная и уже обхватившая своими землями Манчжурію съ сѣвера и востока. Страна эта получила для нея особенное значеніе въ силу соображеній двоякаго рода: для кратчайшаго проведенія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, заложеннаго въ 1891 г. съ Владивостока, и съ цѣлью полученія на Тихомъ океанѣ незамерзающаго порта. Россія воспротивилась утвержденію японцевъ на азіатскомъ материкѣ и была въ этомъ поддержана Франціей и Германіей. Японія уступила, но уже тогда рѣшила рано или поздно выместить это на Россіи. Она стала втайнѣ, но энергично готовится къ войнѣ и направила всѣ свои усилія и средства къ созданію сильныхъ флота и арміи. Не слѣдуетъ забывать, что внутреннія реформы и счастливая война съ Китаемъ имѣли для нея и обратную сторону: развитіе имперіализма, того недуга, которымъ страдаютъ въ наши дни великія державы Европы и даже С. Штаты Америки. Имперіализмомъ называется то направленіе въ политикѣ, которое ставитъ себѣ цѣлью чрезмѣрное развитіе могущества государства во внѣшнихъ дѣлахъ съ колонизаціонною, экономическою или обще-политическими цѣлями при

частою пренебреженіи къ внутреннимъ задачамъ его жизни. Это направленіе питается частью исключительнымъ націонализмомъ, частью милитаризмомъ, составляющими также немалые недуги современныхъ общественныхъ организмовъ: Отъ нихъ не предохранили себя даже такія высоко-культурныя республики, какъ Франція и С. Штаты.

Японія сразу захотѣла стать великою державою. За образецъ она видимо взяла себѣ Англію, съ которою ее сближаютъ и ея островное положеніе на краю материка, и ея характеръ морской державы. Раздраженіе ея отъ отнятія отъ нея плодовъ ея побѣдъ должно было еще только усилиться, когда въ слѣдующіе годы державы сами водворились по сосѣдству съ нею и съ Пекиномъ и могли теперь уже угрожать ей. Особенно почувствовалось это ей относительно Россіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлала Германія: она заняла бухту Кіау-Чоу, Россія—Портъ-Артуръ и Талиенвань съ прилегающими землями, Англія—Вей-Хай-Вей (по договорамъ ихъ съ Китаемъ 1898 г.).

V.

Эти занятія были облечены въ форму «аренднаго владѣнія» наподобіе какъ бы, въ частномъ правѣ, найма земли у ея собственника. Они по договорамъ срочны и въ принципѣ не уничтожаютъ верховенства государства надъ областью, предоставленною въ пользованіе иностранцамъ. Но иное дѣло на практикѣ: арендаторы-держатели чужой земли распоряжаются ею на правахъ какъ бы полныхъ хозяевъ. Отсюда нескончаемый рядъ недоразумѣній, взаимныхъ обвиненій, ведущихъ къ глухой враждѣ, тѣмъ болѣе что эти арендные договоры о многомъ главномъ хранятъ молчаніе, а сами участники ихъ, не зная мѣры своимъ вождѣлніямъ, придаютъ имъ толкованіе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ интересамъ. Вся эта форма арендныхъ договоровъ должна быть названа однимъ изъ неудачнѣйшихъ измышленийъ дипломатіи, совершенно не приложимымъ къ сношеніямъ между цивилизованными народами.

По договору 6 марта 1898 г. Китай передалъ Германской имперіи, въ качествѣ аренды, на 99 лѣтъ обѣ стороны входа въ бухту Кіау-Чоу, которая должна служить державамъ опорнымъ пунктомъ для ихъ торговли и судоходства. Во избѣжаніи возможныхъ столкновеній китайское правительство предоставило Германіи на все продолженіе аренднаго срока осуществленіе верховныхъ

правъ надъ уступленною ей территорією. За китайскими военными и торговыми кораблями обезпечено положеніе наиболѣе благоприятствуемыхъ. Германія обязалась никогда не сдавать этой территоріи въ аренду другому государству. Если бы она со временемъ выразила желаніе вернуть бухту Китаю до истеченія срока аренды, то Китай обязался предоставить Германіи другое болѣе подходящее мѣсто. Кромѣ того, ст. 1 договора дала Германіи широкія права въ предѣлахъ полосы въ 50 км. вокругъ бухты. На этой территоріи Китай сохраняетъ всѣ суверенныя права, въ особенности же право, по соглашенію съ германскимъ правительствомъ, содержать войска и принимать другія военныя мѣры. Но онъ обѣщаль во всякое время разрѣшать въ этой полосѣ свободный проходъ германскимъ отрядамъ, не издавать никакихъ распоряженій безъ согласія германскаго правительства и, въ частности, не ставить никакихъ препятствій регулированію водъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, по замѣчанію Листа, что Германія не въ этой полосѣ 50 км., но въ территоріи бухты Кіау-Чоу приобрѣла неограниченный суверенитетъ¹. Съ этимъ однако нельзя согласиться: тогда Германія, въ сущности, присоединила бы себѣ эту бухту. Суверенитетъ не можетъ быть отчуждаемъ на срокъ, и арендныя отношенія, частно-правовыя — что бы ни говорили договоры—его уничтожить не могутъ.

Вслѣдъ за Германією Россія по конвенціи 15 (27) марта 1898 г., подписанной въ Пекинѣ, получила въ пользованіе отъ Китая на 25-лѣтній срокъ, который, по обоюдному согласію, можетъ быть затѣмъ продолженъ, порты Артуръ и Талиенвань съ соотвѣтствующими территоріей и воднымъ пространствомъ, а равно ей предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединеніе этихъ портовъ съ великою сибирскою магистралію. Но это пользованіе не должно наносить ущерба верховнымъ правамъ Китая надъ этою территоріей: принципъ, наглядно подтверждаемый хотя бы тѣмъ, что (какъ говоритъ циркулярная телеграмма нашего министерства иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Россіи за границею) «въ упомянутыхъ портахъ будетъ поднятъ русскій флагъ совмѣстно съ китайскимъ». Уступаемая территорія будетъ управляться какимъ-либо высшимъ русскимъ должностнымъ лицомъ, не носящимъ однако титула генераль-губернатора. Россія безотлагательно занимаетъ ее своими войсками, а Китай выводитъ изъ нея свои военныя силы. Китайскіе же подданные сохраняютъ свободу

¹) Листъ. Межд. право. Пер. Мебеля подъ ред. Грабаря; стр. 101.

либо оставаться въ ней, либо удалиться безъ какого-либо принужденія ихъ въ этомъ отношеніи. Въ случаѣ совершенія ими уголовнаго преступленія они задерживаются и предаются ближайшимъ китайскимъ властямъ, которыя поступаютъ съ ними сообразно ст. 8 русско-китайскаго договора 1860 г. Портъ-Артуръ остается открытымъ только для русскихъ и китайскихъ военныхъ судовъ, но закрытымъ для торговыхъ судовъ всѣхъ флаговъ. Что же касается до Талиенвана, то, за исключеніемъ нѣкоторой его части, поставленной въ тѣ же условія, онъ объявляется «портомъ свободнымъ, открытымъ для торговыхъ судовъ всѣхъ странъ». Имъ обѣщаетъ тамъ Россія «самое широкое гостепримство». Въ этихъ мѣстахъ Россія вольна возводить на свой счетъ укрѣпленія и инныя постройки, а также принимать нужныя мѣры къ ихъ защитѣ. Наконецъ Китай соглашается, чтобы уговоръ 1896 г. относительно проведенія восточно-китайской желѣзнодорожной линіи былъ распространенъ и на дальнѣйшій участокъ этой линіи вплоть до Талиенвана, или, если потребуется, до иного, болѣе подходящаго пункта на морскомъ берегу, избраннаго между Ньючуаномъ и рѣкою Ялу. Также распространяется на эту часть линіи соглашеніе, которое состоялось въ сентябрѣ 1896 г. между китайскимъ правительствомъ и русско-китайскимъ банкомъ, безъ ущерба однако независимости и нераздѣльности Китая.

По мысли Россіи, «соглашеніе это является прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ дружественныхъ отношеній между обширными сосѣдними имперіями, всѣ усилія коихъ должны быть направлены къ охраненію спокойствія на всемъ огромномъ пространствѣ ихъ пограничныхъ владѣній, къ обоюдной пользѣ подвластныхъ имъ народовъ. Это соглашеніе имѣетъ для Россіи глубокое историческое значеніе и должно быть радостно привѣтствуемо всѣми, кому дороги блага мира и успѣхи на почвѣ взаимнаго общенія народовъ. Оно отнюдь не нарушаетъ интересовъ какого-либо иностраннаго государства; напротивъ того, оно даетъ всѣмъ націямъ міра возможность въ недалекомъ будущемъ войти въ общеніе съ этимъ замкнутымъ доселѣ краемъ на побережьѣ Желтаго моря, открытіе же коммерческимъ флотамъ всѣхъ иностранныхъ державъ порта Талиенвана создастъ въ Тихомъ океанѣ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій этихъ державъ, при посредствѣ великаго сибирскаго сооруженія, призваннаго отнынѣ, благодаря дружественному уговору между Россіей и Китаемъ, соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго свѣта».

Такъ говоритъ правительственное наше объ этомъ сообще-

ніе. Къ сожалѣнію, этотъ оптимизмъ дипломатіи оказался крайне близорукимъ и былъ жестоко опровергнутъ событіями 1900 и 1904 годовъ.

Въ сосѣдствѣ съ Германіей и съ Россіей водворились англичане. По конвенціи съ Китаемъ 1-го іюня 1898 г., они, «съ цѣлью лучшей охраны британской торговли въ сѣверномъ Китаѣ, заняли портъ Вей-Хай-Вей въ провинціи Шаньтуэнь на такой же срокъ, на какой уступленъ Портъ-Артуръ Россіи. Имъ уступаются также прилегающіе острова и полоса твердой земли на 10 англійскихъ миль ширины вдоль берега этой бухты. Въ указанныхъ границахъ будетъ признаваться лишь англійская юрисдикція. Одна Великобританія пользуется правомъ возводить на этой территоріи укрѣпленія, принимать всѣ необходимыя мѣры къ ея защитѣ, устраивать водопроводы, пути сообщенія, больницы. Китайской администраціи нельзя будетъ никоимъ образомъ вмѣшиваться въ мѣстные дѣла, но пребывать на этой территоріи могутъ какъ англійскія, такъ и китайскія войска. Внутри города Вей-Хай-Вей китайскіе мандарины продолжаютъ свои функціи, кромѣ случаевъ примѣненія военной или морской силы для охраны концессіи. Военныя суда Китая и нейтральныхъ державъ имѣютъ доступъ въ эти уступленныя Англій воды. Китайскіе подданные, живущіе на этой полосѣ, не могутъ подлежать ни изгнанію, ни экспроприаціи; приобретаемыя отъ нихъ земли для фортификаціонныхъ или иныхъ сооруженій покупаются за приличную цѣну».

Даже при бѣгломъ чтеніи этой конвенціи не трудно подмѣтить, сколько въ ней противорѣчій и недомолвокъ: цѣль выставляется торговая для прикрытія мотивовъ чисто политическихъ, юрисдикція Англій ставится на мѣсто юрисдикціи Китая, но мандарины его продолжаютъ свои функціи, а его войска, рядомъ съ англійскими, занимаютъ эту территорію, перешедшую подъ чужеземную власть на срокъ отдачи Артура третьей державѣ. Послѣднее обстоятельство вызвало недавно запросы въ англійскомъ парламентѣ, и министры отвѣчали, что очищеніе русскими Артура повлекло бы за собою обязанность для Англій покинуть Вей-Хай-Вей. Нѣсколько позднѣе Россія обмѣнялась съ Англійей деклараціей (28 апрѣля 1899 г.), въ которой стороны обѣщаютъ не мѣшать другъ другу въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ и въ рѣшеніи вопросовъ, съ ними связанныхъ, на протяженіи опредѣленныхъ областей Китая. Россія выговорила себѣ такую свободу на сѣверѣ отъ великой стѣны, Англія — въ бассейнѣ Янгтзекианга. Это соглашеніе внушено было державамъ «ихъ искреннимъ желаніемъ избѣжать въ Китаѣ всякихъ

поводовъ къ столкновениямъ по вопросамъ, гдѣ ихъ интересы скрещиваются»¹⁾.

Въ томъ-то и бѣда, что это желаніе осталось пустою фразою. Въ дѣйствительности арендные договоры и соглашенія, ихъ сопровождающія, какъ бы составлены такъ, чтобы породить между участниками множество недоразумѣній, жалобъ и даже коллизій, которыя разрѣшились наконецъ войной.

Гр. Л. Капаровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *Pouvourville. La question d'Extrême-Orient. 1900. Chap. V. Documents diplomatiques.*

Молодость П. Я. Чаадаева.

О Чаадаевѣ писано много, но его біографія остается въ сущности неизвѣстной донинѣ, одинаково—внѣшняя и внутренняя: первая кишитъ пропусками, ошибками и вымыслами, а исторія его духовнаго развитія въ главной своей части—по вопросу о возникновеніи его религіозной философіи—представляетъ даже просто бѣлую страницу. Наша цѣль—заполнить этотъ пробѣлъ, пользуясь какъ обширной печатной литературой о Чаадаевѣ, такъ и тѣми рукописными матеріалами, которые были намъ доступны. Опровергать ложныя свѣдѣнія—скучно, и мы этого избѣгали; но чтобы не дать имъ воскреснуть, необходимо было не просто давать, но и доказывать истину.

I.

27 марта 1820 года Н. И. Тургеневъ въ Петербургѣ, изъ дома въ домъ, послалъ письмо гвардейскому офицеру Чаадаеву. Наканунѣ у нихъ былъ разговоръ о предметѣ, неотступно занимавшемъ мысль Тургенева уже десять лѣтъ, — о способахъ къ освобожденію крестьянъ, — и Чаадаевъ высказалъ при этомъ соображенія, которыя поразили Тургенева своею новизной и вѣрностью: онъ указалъ на тѣ условія, вслѣдствіе которыхъ уничтоженіе крѣпостного права представляло для французскихъ королей дѣло несравненно болѣе трудное и опасное, нежели какимъ оно можетъ явиться для русскаго правительства. Этимъ разговоромъ и было вызвано письмо Тургенева. «Единая мысль одушевляетъ меня», писалъ онъ, «единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ: *освобожденіе крестьянъ*. По сему вы можете судить, могу ли я быть равнодушнымъ къ каждому умному слову, къ каждой справедливой идеѣ, до сего предмета относящимся. Вчерашній разговоръ утвердилъ еще болѣе во мнѣ то мнѣніе, что вы много можете споспѣшествовать распространенію здравыхъ идей объ освобожденіи крестьянъ. Сдѣлайте, почтеннѣйшій, изъ сего святаго дѣла главный предметъ вашихъ занятій, вашихъ

размышлений. Вспомните, что ничто справедливое не умирает: зло, чтобъ не погибнуть, должно, такъ сказать, быть осуществлено, въ одной мысли оно жить не можетъ; добро же, напротивъ того, живеть, не умирая, даже и въ одной свободной идеѣ, независимой отъ власти человѣческой... Но есть и у насъ люди, чувствующіе все несчастіе и даже всю непристойность крѣпостнаго состоянія. Обратите ихъ къ первой цѣли всего въ Россіи! Доказавъ возможность освобожденія, доказавъ первенство онаго между всѣми благами начинаніями, мы будемъ богаты. Итакъ, дѣйствуйте, обогатите насъ сокровищами гражданственности» ¹⁾.

Этотъ языкъ и самый предметъ интереса не представляли собой въ 1820 году ничего исключительнаго; нимаало не быть исключеніемъ и блестящій гвардейскій офицеръ, серьезно и съ знаніемъ дѣла обсуждающій подобные вопросы. Въ то время изъ Петербурга на югъ и обратно посылалось съ оказіей много такихъ писемъ, гдѣ офицеръ или полковникъ въ пламенныхъ выраженіяхъ доказывалъ товарищу необходимость сплотиться ради служенія благу родины. и еще больше было такихъ разговоровъ. Съ 1816 года, т.-е. по возвращеніи изъ французскаго похода, столичное офицерство стало неузнаваемо; и замѣчательно: это умственное движеніе увлекло не только лучшіе элементы гвардейской молодежи—будущихъ декабристовъ,—но и стало модою среди заурядной части ея. Въ той компаніи богатыхъ кутиль-гусаровъ (Каверинъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.), гдѣ такъ много вращался Пушкинъ до своей высылки изъ Петербурга въ 1820 году, предметомъ бесѣдъ служили не только веселыя гусарскія похождения, судя по тому, какъ характеризуетъ ее Пушкинъ:

Младыхъ повѣсь счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ волонъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И идъ мы встъ—прекраснаго друзья.

И самый удалой изъ нихъ, П. П. Каверинъ, прославившійся кутежами на обѣ столицы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ геттингенскимъ студентомъ, и серьезно обидѣлся, когда Пушкинъ въ одномъ шутовомъ стихотворнннн упомянулъ о его пьянствѣ, такъ что поэтъ поспѣшилъ угодить ему комплиментомъ,

что дружно можно жить
Съ Кнеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

¹⁾ „Руск. Арх.“ 1872 г., № 6, стр. 1205—7.

Но если для Каверинныхъ умственныя и нравственныя интересы были только предметомъ щегольства или поверхностнаго увлеченія, то будущіе декабристы были всецѣло поглощены этимъ движеніемъ. Къ этой-то сравнительно небольшой группѣ принадлежалъ Чаадаевъ, какъ по образованности и умонастроению, такъ и по дружескимъ связямъ,—и при всемъ его личномъ своеобразіи, около 1818—20 г. въ немъ нельзя найти ничего, что бы сколько-нибудь замѣтно отличало его отъ членовъ «Союза Благоденствія» и что давало бы поводъ предчувствовать, какъ далеко онъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи уклонится отъ этого типа.

Да и жизнь его дониндѣ складывалась въ чертахъ, вполне типичныхъ для его круга и его поколѣнія. Онъ родился въ Москвѣ 27 мая 1794 года ¹⁾. Объ его отцѣ, Яковѣ Петровичѣ Чаадаевѣ, мы почти ничего не знаемъ ²⁾; его мать, Наталья Михайловна, была дочерью историка кн. Щербатова. Родители умерли рано: отецъ уже въ 1795 г., мать въ 1797-мъ ³⁾, и трехлѣтній Чаадаевъ, вмѣстѣ со своимъ на полтора года старшимъ братомъ Михаиломъ, былъ взятъ на воспитаніе старшей сестрою своей матери, княжной Анной Михайловной Щербатовой. Анна Михайловна, на всю жизнь оставшаяся дѣвицей и умершая только въ началѣ 1852 года въ глубокой старости, была, по словамъ Жихарева, «разума чрезвычайно простаго и довольно смѣшная, но, какъ видно изъ ея жизни, исполненная благи и самоотверженія». Перевезя сиротъ изъ Нижегородской губерніи, гдѣ умерли родители, къ себѣ въ Москву, она окружила ихъ трепетной любовью и заботливостью; отнынѣ ея жизнь была всецѣло наполнена ими, и до конца, спустя много лѣтъ послѣ того, какъ они вышли изъ-подъ ея опеки, она съ тѣмъ же трепетомъ слѣдила за ихъ шагами и все звала къ себѣ, чтобы обогрѣть и самой согрѣться ихъ присутствіемъ и чтобы имъ не трагиться напрасно, «живя на всемъ купленномъ». Старческимъ почеркомъ, не связывая буквъ, на сѣромъ почтовомъ листѣ съ золотымъ обрѣзомъ, писала она въ 1834 году Михаилу Яковлевичу: «Благодарю все вишняго что избралъ меня служить вамъ матерью въ вашемъ дѣтствѣ и въ васъ нахожу не племянниковъ но любезныхъ синовей ваше благорасположеніе доказываетъ мнѣ вашу

¹⁾ Годъ и мѣсто рожденія Чаадаева до сихъ поръ не были достоверно извѣстны; эти точныя указанія заимствуемъ изъ стариннаго рукописнаго „Реестра роду Чаадаевыхъ“, ведущаго счетъ отъ самаго начала XVIII вѣка и кончающагося П. Я. Чаадаевымъ и его братомъ, Мих. Яковл. (время и мѣсто ихъ смерти приписаны позднѣйшими почерками).

²⁾ См. Лонгиновъ въ *Современникѣ*, т. LVIII (1856 г.), отд. V, стр. 1—5.

³⁾ Та же родословная.

дрожбу, но и я быть уверена, что я васъ люблю паче всего нетъ для меня ничего любезнее васъ, и тогда только себя щастливую нахожу когда могу дѣлить время съ вами»¹⁾).

Легко понять, какъ пестовала эта тетка своихъ питомцевъ. Чаадаевъ росъ балованнымъ и своевольнымъ ребенкомъ, а замѣчательная красота, бойкость, острый умъ и необыкновенныя способности, обнаружившіяся въ немъ очень рано, сдѣлали его въ рожденномъ кругу общимъ баловнемъ. Опекунѣмъ юныхъ Чаадаевыхъ, унаслѣдовавшихъ крупное состояніе, былъ ихъ дядя, кн. Д. М. Щербатовъ, пышный вельможа екатерининской школы; они и воспитывались въ его домѣ, вмѣстѣ съ его единственнымъ сыномъ, своимъ сверстникомъ. Щербатовъ былъ умный и по-своему образованный человекъ; онъ позаботился дать мальчикамъ блестящее образованіе. Сначала ихъ воспитаніе было ввѣрено иностранцамъ-гувернерамъ, а затѣмъ, когда наступило время ученія, къ преподаванію были приглашены лучшіе профессора московскаго университета, снабженнаго тогда, благодаря заботамъ М. Н. Муравьева, первоклассными учеными силами. Знаменитый Буле и Шлецеръ-сынъ, повидимому, занимались съ ними на дому у Щербатова. Словомъ, это былъ тотъ самый родъ образованія, съ которымъ знакомятъ насъ біографія Грибоѣдова.

Подобно Грибоѣдову же и, вѣроятно, въ одно время съ нимъ, т.-е. около 1809 года, Чаадаевъ, вмѣстѣ съ братомъ и молодымъ Щербатовымъ, поступилъ въ университетъ, вѣроятно по словесному отдѣленію. Его товарищами здѣсь были, кромѣ Грибоѣдова, И. М. Снегиревъ, Н. И. Тургеневъ, И. Д. Якушкинъ, братья Л. и В. Перовскіе²⁾, и со всѣми съ ними онъ сохранилъ потомъ дружескія отношенія до своей или ихъ смерти. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи московскаго университета. За короткій срокъ своего попечительства Муравьевъ сумѣлъ обновить университетскую жизнь; достаточно сказать, что изъ 37 профессоровъ только одиннадцать начали службу при Екатеринѣ и Павлѣ, всѣ остальные вступили на кафедры уже по введеніи университетскаго устава 1804 года³⁾. Какъ разъ на философскомъ факультетѣ многія отрасли знанія были поставлены на уровень европейской науки; здѣсь рядомъ съ иностранными учеными, какъ Баузе,

¹⁾ Рукоп. письмо отъ 26 авг. 1834 г.

²⁾ Для Грибоѣдова см. „Рус. Арх.“ 1888, II, стр. 305, для Снегирева—„Рус. Арх.“ 1904, № 5, стр. 43 и пр., для Тургенева и Якушкина—собственное показаніе Чаадаева, „Р. Ст.“ 1900, № 12, стр. 584, для Перовскихъ—Шевыревъ, *Исторія моск. унив.*, стр. 399.

³⁾ Нязъ Поповъ, *Возстановленіе моск. университета послѣ франц. нашествія 1812 года*. „Рус. Арх.“ 1881, I (2), стр. 386.

Буле и Шлецеръ, появляются въ это время свѣжія русскія силы, какъ талантливый Мерзляковъ и Каченовскій.

Въ то время и въ томъ кругу юноши вообще созрѣвали рано, но Чаадаевъ и среди своихъ сверстниковъ представлялъ, повидимому, не совсѣмъ заурядное явленіе. «Только-что вышедши изъ дѣтскаго возраста, — рассказываетъ Жихаревъ, — онъ уже началъ собирать книги и сдѣлался извѣстенъ всѣмъ московскимъ букинистамъ ¹⁾, вошелъ въ сношенія съ Дидотомъ въ Парижѣ, четырнадцати лѣтъ отъ рода писалъ къ незнакомому ему тогда князю Сергѣю Михайловичу Голицыну о какомъ-то нуждающемся, толковалъ съ знаменитостями о предметахъ религіи, науки и искусства». Лѣтъ 16-ти, по словамъ того же біографа, онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей московскаго большаго свѣта и однимъ изъ лучшихъ танцоровъ. Онъ уже тогда отличался тѣмъ аристократизмомъ внѣшняго вида, той свѣтски-непринужденной изящностью костюма, манеръ и поведенія, которой не утратилъ до самой смерти. Какъ-то естественно онъ завоевалъ себѣ полную свободу дѣйствій, ѣздилъ куда хотѣлъ, никому не отдавалъ отчета, держался смѣло и независимо; онъ уже тогда импонировалъ окружающимъ своей гордой самостоятельностью. Но этотъ блестящій молодой аристократъ былъ уже и удивительно начитанъ, и поражалъ рѣзкой своеобразностью ума. Это былъ умъ строгій и дисциплинированный какъ бы отъ природы, почти не русскій умъ: въ немъ не было и слѣда той распущенности и задушевной мечтательности, которыя характеризуютъ славянское мышленіе.

Съ окончаніемъ университетскаго курса, по исконному дворянскому обычаю, молодыхъ Чаадаевыхъ ждала военная служба, и разумѣется — при ихъ связяхъ и богатствѣ — въ Петербургѣ, въ гвардіи. 12 мая 1812 года оба они вступили подпрапорщиками лейб-гвардіи въ Семеновскій полкъ, гдѣ когда-то служилъ ихъ дядя-опекунъ и гдѣ они уже застали кое-кого изъ университетскихъ товарищей, напримѣръ Якушкина ²⁾. До взятія Парижа оба брата

¹⁾ Его бібліотека уже въ 1812 году была известна бібліографамъ: на нее дважды указываетъ Сопиковъ въ первомъ томѣ своего „Опыта російской бібліографіи“, изданномъ въ 1813 году (стр. 10 и 43).

²⁾ Для дальнѣйшаго см. указъ объ отставкѣ П. Я. Чаадаева въ „Р. М.“ 1896 г. № 4, стр. 143, и рукописный указъ объ отставкѣ Мих. Яковл. Ч. — Предположеніе проф. Кирпичникова („Р. М.“, тамъ же), что Ч. вступилъ въ военную службу не по традиционному обыкновенію дворянской молодежи, а для того, „чтобы защищать родину“ въ виду грозившаго французскаго нашествія, ни на чемъ не основано. Въ такомъ случаѣ онъ, подобно Грибоѣдову, вступилъ бы вѣроятно въ московскій гусарскій полкъ кн. Салтыкова. Якушкинъ, какъ и большинство будущихъ декабристовъ, вступилъ на службу до 1812 года.

проходили службу неразлучно; оба участвовали въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ, при Люценѣ, Бауценѣ, Пирнѣ, подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ; оба почти въ тѣ же дни производились въ слѣдующіе чины и получили тѣ же знаки отличія. Михаилъ дольше оставался въ Семеновскомъ полку, Петръ уже въ 1813 г. перешелъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, затѣмъ въ гусарскій лейбъ-гвардіи, и въ 1817 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру гвардейскаго корпуса, ген.-адъют. Васильчикову. Весною 1816 года мы застаемъ Петра Чаадаева въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ тогда его полкъ,—и здѣсь, въ домѣ Карамзина, онъ познакомился съ лицеистомъ послѣдняго курса, А. С. Пушкинымъ, о которомъ уже раньше слышалъ отъ Грибоѣдова, какъ о многообѣщающемъ юномъ поэтѣ ¹⁾).

Ближайшіе четыре года, проведенные Чаадаевымъ въ Петербургѣ, т.-е. до его выхода въ отставку въ 1821 году, были самымъ счастливымъ временемъ его жизни. Онъ былъ очень красивъ: бѣлый, съ нѣжнымъ румянцемъ, стройный, тонкій, изящный, онъ заслужилъ среди товарищей прозваніе «le beau Tchadaef»; безукоризненная свѣтскость манеръ, гордая независимость, соединенная съ любезностью въ обращеніи ²⁾, невольно привлекали къ нему взоры во всякомъ обществѣ. Его положеніе въ свѣтѣ было вполнѣ упрочено, а близость къ Васильчикову, обширныя связи и личное знакомство съ великими князьями сулили ему блистательную карьеру по службѣ; его зналъ и государь, прочившій его, какъ говорили, къ себѣ въ адъютанты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Петербургѣ; отнюдь не пренебрегая своими свѣтскими отношеніями, онъ много и серьезно читалъ и уже въ это время приобрѣлъ репутацію молодого мудреца. Его рѣдко видали на балахъ, онъ не ухаживалъ за женщинами; въ его строгой серьезности была, вѣроятно, и доля аффектаціи, не покидавшей его никогда, но Карамзинъ ласкалъ его, и люди замѣчательнаго ума, лучшіе изъ его сверстниковъ, какъ Пушкинъ, Якушкинъ и др., высоко цѣнили свою близость съ нимъ ³⁾).

У насъ есть достаточно данныхъ, чтобы представить себѣ воз-

¹⁾ „Изъ рассказовъ кн. П. А. и кнж. В. Ѳ. Вяземскихъ“, „Р. Арх.“ 1888, II, стр. 305.

²⁾ Въ одномъ шуточномъ стихотвореніи („Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“ 1816 года), гдѣ Пушкинъ характеризуетъ каждого изъ своихъ друзей-гусаровъ однимъ признакомъ, Чаадаеву присвоена „гордость“.

³⁾ О петербургской жизни Чаадаева см. Жихаревъ, В. Евр. 1871, июль, 188 и сл., Лонгиновъ, Р. Вѣстн. 1862, ноябрь, 124 и сл., Вигель, *Записки*, нов. изд., ч. VI, стр. 19.

зрѣнія Чаадаева въ эту эпоху. Какъ уже сказано, они были совершенно типичны для его пріятельскаго круга. Вліяніе, оказанное на нашу военную молодежь полуторогодичнымъ пребываніемъ въ Германіи и Франціи во время войны съ Наполеономъ, слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было подробно говорить о немъ. Извѣстно, какою горечью наполнились сердца этихъ офицеровъ, когда по возвращеніи они новыми глазами взглянули вокругъ себя и увидѣли поработанный народъ, погрязшее въ матеріализмъ общество, невѣжество, грубость и произволъ повсюду; извѣстно, какъ все, что было живого среди этой молодежи, постепенно, подъ вліяніемъ правительственной реакціи, все сильнѣе охватывала жажда пожертвовать собою для блага родины, какъ стали возникать тайные кружки подъ характерными названіями: «Союза спасенія» или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», «Общества благомыслящихъ», «Союза благоденствія», которымъ суждено было привести къ катастрофѣ 14 декабря. На почвѣ пламеннаго идеализма здѣсь вырабатывались несокрушимыя гражданскія убѣжденія и, вмѣстѣ, удивительная нравственная чистота; въ одной неоконченной повѣсти Пушкина о петербургскихъ офицерахъ 1818 года говорится, что въ то время среди нихъ были въ модѣ «строгость правилъ и политическая экономія».

Такова характеристика круга—и она всецѣло приложима къ Чаадаеву. Въ 1818—20 г. онъ былъ, какъ извѣстно, очень близокъ съ Пушкинымъ. Старше годами и несравненно болѣе образованный, онъ сразу занялъ по отношенію къ молодому поэту положеніе друга-ментора; о чемъ же говорили они въ долгихъ дружескихъ бесѣдахъ, что проповѣдовалъ гусарь-философъ гениальному юношѣ? Три посланія Пушкина къ Чаадаеву, 1818—21 г., живо изображаютъ предметъ и характеръ этихъ бесѣдъ: здѣсь говорилось о томъ же, чѣмъ были полны мысли всей передовой молодежи, — о «строгости правилъ», а всего больше о «политической экономіи», т.-е. благѣ родины и деспотическомъ гнетѣ.

«Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ», говоритъ Пушкинъ Чаадаеву, —

Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.

Но главнымъ предметомъ разговоровъ и совмѣстныхъ чтеній ¹⁾ были «вольнoлюбивыя надежды»: только о нихъ и говорить Пушкинъ въ первыхъ двухъ посланіяхъ.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасныя порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна

.
Напишите наши имена.

Очевидно, въ глазахъ Пушкина Чаадаевъ былъ прежде всего борцомъ за гражданскую свободу, представителемъ либеральнаго движенія; чему училъ Пушкина Чаадаевъ, то самое могъ внушать молодому поэту любой изъ старшихъ его возрастомъ декабристовъ— М. Ѳ. Орловъ, Якушкинъ, даже его ровесникъ Пущинъ или Рыгѣевъ,—и о любомъ изъ нихъ онъ могъ бы сказать тѣ же слова, которыми въ 1816 году характеризовалъ Чаадаева: «Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесь».

Итакъ, около 1820 года воззрѣнія Чаадаева, повидимому, ничѣмъ не отличались отъ воззрѣній большинства развитой молодежи. Къ тому же, и его ближайшій дружескій кругъ состоялъ преимущественно изъ будущихъ декабристовъ. Онъ поддерживалъ близкія отношенія съ Н. И. Тургеневымъ, вернувшимся въ 1816 г. изъ-за границы, а старый университетскій товарищъ Якушкинъ, кн. Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы и Никита Муравьевъ были его интимными друзьями ²⁾. Изъ записокъ Якушкина мы знаемъ, какіе интересы господствовали въ этомъ кружкѣ. «Въ это время,—

¹⁾ „Поспоримъ, перечтемъ...“ (Чаадаеву, 1821 г.); „Какъ я съ Каверинымъ гулялъ... Съ моимъ Чаадаевымъ читалъ...“ („Р. Стар.“ 1884, июль, стр. 15, *Рукописи Пушкина*).

²⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 584—5.

рассказывает Якушкинъ ¹⁾),—Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михайломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закостѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторга; повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще». Въ этихъ разговорахъ, конечно, многократно участвовалъ и Чаадаевъ; на одну изъ такихъ бесѣдъ намекаетъ приведенное выше письмо Н. И. Тургенева. Больше того: Чаадаевъ не былъ чуждъ и самому революціонному движенію, зарождавшемуся въ этомъ кругу. Когда въ «Союзѣ благоденствія» Н. И. Тургеневъ задумалъ основать журналъ для пропаганды, этому дѣлу брался помогать, вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ, и Чаадаевъ, «воспитывавшійся еще для общества», какъ сказано въ *Запискѣ о тайныхъ обществахъ*, поданной въ 1821 году имп. Александру I Бенкендорфомъ ²⁾). Позднѣе, на знаменитомъ московскомъ съѣздѣ въ началѣ 1821 года, Якушкину поручено было принять Чаадаева въ члены новаго тайнаго общества; когда вскорѣ послѣ этого Чаадаевъ, получивъ отставку, пріѣхалъ въ Москву, Якушкинъ передалъ ему это предложеніе, и Чаадаевъ согласился, прибавивъ, что напрасно его не приняли раньше: тогда онъ остался бы на службѣ и постарался бы попасть въ адъютанты къ вел. кн. Николаю Павловичу, который, можетъ быть, изъ эгоистическихъ видовъ оказалъ бы поддержку тайному обществу ³⁾).

Само собою разумѣется, что Чаадаевъ былъ и масономъ: такова была тогдашняя мода, и большинство будущихъ декабристовъ отдали ей дань. Въ 1816 году онъ числился уже по пятой степени въ ложѣ *Amis Réunis*, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ или до него состояли членами Грибоѣдовъ, Пестель, Волконскій, Матвѣй Муравьевъ-Апостоль и др. ⁴⁾); онъ достигъ здѣсь восьмой степени (тайныхъ бѣлыхъ братьевъ), но, повидѣмому, уже въ 1818 году фактически оставилъ масонство, убѣдившись, какъ онъ показывалъ позднѣе на допросѣ,

¹⁾ *Записки*, Москва, 1905, стр. 6.

²⁾ Шильдеръ, *Имп. Александръ I*, т. IV, стр. 211; „Р. Арх.“ 1875, XII, стр. 427.

³⁾ *Записки* И. Д. Якушкина, стр. 56. Показанію Чаадаева на жандармскомъ допросѣ 1826 года, что онъ не имѣлъ никакого понятія о существовавшихъ въ Россіи тайныхъ обществахъ и ни къ какому тайному обществу никогда не принадлежалъ („Р. Стар.“ 1900, дек., стр. 588), разумѣется, нельзя придавать значенія. Свидѣтельство Якушкина подтверждается и другими данными, о которыхъ ниже.

⁴⁾ А. Н. Пыпинъ, *Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ*, „В. Евр.“ 1872, II, стр. 600—601.

«что въ ономъ ничего не заключается могущаго удовлетворить честнаго и разсудительнаго человѣка» ¹⁾. Какъ извѣстно, къ такому же убѣжденію пришли и многіе декабристы: новое русское масонство, возрожденное при Александрѣ I, настолько было загромождено странной и смѣшной обрядностью, что его первоначальная задача, мистическая и филантропическая, совершенно ступевалась; въ томъ же 1818 году вышли изъ масонства Илья Долгорукій, Никита и Сергій Муравьевы, еще раньше Пестель, и т. д. ²⁾.

Разумѣется, трудно судить о томъ, принялъ ли бы Чаадаевъ при нормальныхъ условіяхъ прямое участіе въ декабрьскомъ мятежѣ. Онъ былъ по натурѣ человѣкъ кабинетный, лишенный активности; его умъ, созерцательный по преимуществу, едва ли былъ способенъ всецѣло отдаться во власть фанатическому убѣжденію, направленному на достиженіе какой-нибудь, хотя бы и самой широкой, практической цѣли. Пушкинъ характеризуетъ его словами:

всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;

такіе люди не идутъ на площадь съ оружіемъ въ рукахъ, даже если сабля случайно виситъ у нихъ сбоку. Именно этой умозрительной складкой его характера можно объяснить, почему Чаадаевъ, при своихъ дружескихъ связяхъ съ виднѣйшими членами «Союза благоденствія» и при уваженіи, которое питали къ нему такіе убѣжденные революціонеры, какъ Якушкинъ или Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, такъ долго оставался въ сторонѣ отъ ихъ подпольной работы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что они считали его своимъ, и это мнѣніе было столь прочно, что, какъ увидимъ, его не сумѣли поколебать ни отъѣздъ Чаадаева за границу какъ-разъ въ моментъ наибольшаго разгара пропаганды, ни его практическій индифферентизмъ въ ближайшіе годы, ни даже его окончательное уклоненіе въ мистицизмъ и католичество. Съ полною увѣренностью можно сказать, что въ этотъ періодъ (1816—1820 гг.) центральнымъ пунктомъ его міровоззрѣнія былъ общественный интересъ и что единственнымъ достойнымъ приложеніемъ силъ для патріота онъ считалъ то самое, въ чемъ видѣли свой долгъ декабристы и что Н. Тургеневъ выразилъ словами: «обогащать Россію сокровищами гражданственности».

¹⁾ „Р. Стар.“ 1900, дек., стр. 587; Чаадаевъ показалъ между прочимъ, что въ 1818 году написалъ рѣчь о масонствѣ, „гдѣ ясно и сильно выразилъ мысль свою о безумствѣ и вредномъ дѣйствіи тайныхъ обществъ вообще“.

²⁾ „Р. Стар.“ 1904, апрѣль, стр. 19—20; Пыпинъ, *ibid.* Объ обрядности въ ложѣ „Соединенныхъ друзей“ см. любопытную записку А. П. Степанова, *Приманіе въ масоны въ 1815 году*, „Р. Стар.“ 1870, т. I, стр. 223 и сл.

II.

Въ концѣ 1820 года случилось происшествіе, сразу и круто измѣнившее внѣшнюю судьбу Чаадаева: мы говоримъ объ его отставкѣ и о предшествовавшей ей поѣздкѣ въ Троппау. Многія обстоятельства этого дѣла до сихъ поръ остаются загадочными, несмотря на то, что о немъ существуетъ цѣлая литература ¹⁾. Вотъ въ чемъ заключалась его суть.

16 и 17 октября 1820 года произошло возмущеніе въ 1-мъ батальонѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; бунтъ былъ лишень всякой политической окраски; въ немъ участвовали одни солдаты. Къ государю, находившемуся въ Троппау на конгрессѣ, тотчасъ былъ посланъ фельдъегерь съ рапортомъ о случившемся, а спустя нѣсколько дней, 22-го, туда же выѣхалъ Чаадаевъ, котораго Васильчиковъ, командиръ гвардейскаго корпуса, избралъ для подробнаго доклада царю. Черезъ полтора мѣсяца послѣ этой поѣздки, въ концѣ декабря, Чаадаевъ подалъ въ отставку и приказомъ отъ 21 февраля 1821 г. былъ уволенъ отъ службы.

Поѣздка Чаадаева въ Троппау и его неожиданный выходъ въ отставку подали въ то время поводъ ко всевозможнымъ толкамъ и сплетнямъ, которые не замедлили отразиться въ литературѣ и частью держатся до сихъ поръ. Говорили, что Чаадаевъ, благодаря излишней заботливости о своихъ удобствахъ и костюмѣ, слишкомъ долго задерживался на станціяхъ между Петербургомъ и Троппау и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ царя, что онъ былъ отставленъ отъ службы и т. д. Всѣ эти вымыслы давно опровергнуты Лонгиновымъ, и къ нимъ не стоитъ возвращаться. Важнѣе та гипотеза о причинахъ, побудившихъ Чаадаева подать въ отставку, которую впервые выставилъ Жихаревъ и которая повторяется донинѣ. Исходя изъ того соображенія, что Чаадаевъ самъ когда-то служилъ въ Семеновскомъ полку, что и въ данный моментъ среди офицеровъ этого полка у него были близкіе пріатели и что, слѣдовательно, поѣздка къ государю съ донесеніемъ о дѣлѣ, которое неминуемо должно было навлечь на полкъ тяжелую кару, была поступкомъ нравственно-непригляднымъ, онъ видитъ въ отставкѣ Чаадаева «усиліе истинной добродѣтели и исполненное славы искупленіе великой

¹⁾ Жихаревъ, „В. Евр.“ 1871, іюль, стр. 199—208; Лонгиновъ, „Р. Вѣстн.“ 1862, ноябрь, 134—138; его же *Эпизодъ изъ жизни П. А. Чаадаева*, „Р. Арх.“ 1868, № 7—8, стр. 1317 и сл.; его же, „Р. Вѣстн.“ 1860, мартъ, кн. 2-я, стр. 23 и сл.; Карцовъ, *Событія въ 1-мъ Сем. полку*, „Р. Стар.“ 1883, апрѣль, стр. 72; „Р. Арх.“ 1875, № 5, стр. 79—80; Кирпичниковъ, „Р. Мысль“, 1896, IV, стр. 145—147. Богдановичъ, Свербеевъ, Шильдеръ и пр.

ошибки». Чаадаевъ де, вернувшись въ Петербургъ, опомнился и ужаснулся своего необдуманнаго поступка, на который толкнуло его тщеславіе или честолюбіе; къ тому же чуть ли не весь гвардейскій корпусъ вспылалъ противъ него крайнимъ негодованіемъ за столь нетоварищескій поступокъ; и вотъ онъ рѣшилъ пожертвовать карьерою сохраненію добраго имени, уваженія своего и другихъ.

Вся эта догадка опровергается однимъ простымъ фактомъ. Даже если бы дѣло обстояло такъ, какъ изображаетъ его Жихаревъ, т.-е. если бы Чаадаевъ искупилъ свою вину тяжелой жертвой,—некрасивый поступокъ не могъ бы быть тотчасъ прощенъ ему товарищами. Между тѣмъ поѣздка въ Троппау нимало не пошатнула его отношеній съ друзьями, съ бывшими и настоящими офицерами Семеновскаго полка, притомъ людьми ригористической честности, какъ Якушкинъ или Муравьевы: мы видѣли, что тотчасъ же послѣ отставки Якушкинъ приглашаетъ его въ члены тайнаго общества; онъ остается въ дружескихъ отношеніяхъ съ Трубецкимъ, съ Никитой Муравьевымъ и Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ ¹⁾, а послѣдній, который, подобно брату своему Сергѣю, былъ въ числѣ офицеровъ Семеновскаго полка, пострадавшихъ изъ-за октябрьской исторіи, какъ увидимъ ниже, въ 1823 году, вмѣстѣ съ А. Н. Раевскимъ, бывшимъ товарищемъ Чаадаева по адъютанству у Васильчикова, провожаетъ Чаадаева въ Кронштадтъ при его отъѣздѣ за границу. Если бы увѣренность въ томъ, что Чаадаевъ измѣнилъ правиламъ чести въ надеждѣ на флигель-адъютантскіе эполеты, дѣйствительно имѣла какія-нибудь основанія, друзья не простили бы ему такъ легко: въ его кругу въ тѣ годы правила чести блюлись свято и сурово.

Весьма возможно, что отставка Чаадаева даже вовсе не стояла въ связи съ его поѣздкою въ Троппау. Въ концѣ-концовъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы съ достовѣрностью судить о причинахъ его отставки. Онъ просилъ о ней «по домашнимъ обстоятельствамъ», и ему дали ее неохотно—очевидно, имъ дорожили. Васильчиковъ сообщилъ о его просьбѣ въ Лайбахъ государю, оттуда послѣдовалъ запросъ о причинѣ, побуждающей его бросить службу, и въ отвѣтъ Васильчиковъ писалъ кн. Волконскому, что Чаадаевъ мотивируетъ свою просьбу желаніемъ тетки, княжны Щербатовой, чтобы онъ жилъ съ нею: «Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ его удержать; я ему даже предлагалъ 4-хмѣсячный отпускъ, но онъ твердо стоитъ на своемъ, и я думаю, что всего лучше

¹⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 585.

исполнить его желаніе» ¹⁾. Нѣкоторый, хотя очень немалый свѣтъ проливаетъ на этотъ эпизодъ напечатанное въ «Русской Старинѣ» за 1882 годъ (февраль) письмо Чаадаева къ его воспитательницѣ-теткѣ изъ Петербурга отъ 2 января 1821 года ²⁾. Приводимъ его дословно и безъ комментаріевъ. «Этотъ разъ, любезная тетушка, я взялся за перо съ намѣреніемъ сообщить вамъ, что я положительно подалъ просьбу о моемъ увольненіи. Черезъ мѣсяць я надѣюсь извѣстить васъ о томъ, что просьба моя уважена. Надобно вамъ сказать, что она произвела сильное впечатлѣніе на нѣкоторыя личности. Сначала не хотѣли вѣрить, что я серьезно прошу отставки, затѣмъ поневолѣ пришлось повѣрить этому, но до сихъ поръ никто не можетъ понять, какимъ образомъ я могъ рѣшиться на это въ то время, какъ я долженъ былъ получить то, чего я, повидимому, такъ желалъ, чего всѣ такъ добиваются и, наконецъ, того, что для молодого человѣка въ моемъ чинѣ считается самой лестной наградой. Иные полагаютъ даже, что я испросилъ эту милость во время моей поѣздки въ Троппау и что я подалъ прошеніе объ отставкѣ лишь съ цѣлью придать ей болѣе вѣсу. Черезъ нѣсколько недѣль они будутъ всѣ выведены изъ заблужденія. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи императора меня должны были дѣйствительно назначить флигель-адъютантомъ къ нему; такъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, Васильчиковъ. Я счелъ болѣе забавнымъ пренебречь эту милостью, нежели добиваться ея. Мнѣ было пріятно выказать пренебреженіе людямъ, пренебрегающимъ всѣми. Какъ видите, все это чрезвычайно просто. Въ сущности надобно сознаться, я очень доволенъ, что мнѣ удалось отдѣлаться отъ благодарній, такъ какъ скажу откровенно—нѣтъ на свѣтѣ человѣка столь высококомѣрнаго, какъ Васильчиковъ, и моя отставка будетъ настоящимъ сюрпризомъ для него. Вы знаете, что я слишкомъ честолюбивъ, чтобы гоняться за чьей-нибудь милостью и за пустымъ почетомъ, связаннымъ съ нею. Если я и желалъ когда-либо чего-нибудь подобнаго, то это было все равно, какъ если бы я желалъ имѣть красивую мебель или изящный экипажъ, однимъ словомъ, какую-нибудь игрушку; ну, такъ игрушка за игрушку! Мнѣ еще пріятнѣе въ этомъ случаѣ видѣть злобу высококомѣрнаго глупца».

Любопытна самая исторія этого письма: оно найдено въ пачкѣ перлюстрированныхъ писемъ, представленныхъ высшимъ властямъ московскимъ почтъ-директоромъ Рупковскимъ. Изъ письма кн. Волконскаго къ Васильчикову изъ Лайбаха, отъ 21 февраля 1821 года ³⁾,

¹⁾ „Р. Арх.“ 1875, № 8, стр. 452.

²⁾ Подлинникъ—по-французски; рус. переводъ заимствуемъ изъ „Р. Стар.“.

³⁾ „Р. Арх.“ 1875, № 5, стр. 78—79.

известно, что въ промежутокъ времени между подачею Чаадаевымъ прошенія объ отставкѣ и подписаніемъ указа о ней государь получилъ какія-то свѣдѣнія, весьма невыгодныя для Чаадаева, вслѣдствіе чего и приказалъ дать ему отставку безъ пожалованія чина; «вы удивитесь тому, что вамъ государь *покажетъ*», пишетъ Волконскій. Проф. Кирпичниковъ думалъ, что рѣчь идетъ здѣсь о той «Запискѣ о тайныхъ обществахъ», которую Бенкендорфъ представилъ Александру въ 1821 году и гдѣ, какъ сказано выше, упомянутъ и Чаадаевъ ¹⁾. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что Волконскій имѣлъ въ виду именно это перехваченное письмо къ теткѣ.

Въ этомъ самомъ письмѣ Чаадаевъ писалъ теткѣ, что по полученіи отставки проживетъ нѣкоторое время въ Москвѣ—до тѣхъ поръ, пока сможетъ уѣхать въ Швейцарію, гдѣ намѣренъ остаться навсегда: «Я буду навѣщать васъ года черезъ три, черезъ два, можетъ быть ежегодно, но отечествомъ моимъ будетъ Швейцарія... Мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ причинамъ».

Однако за границу онъ уѣхалъ только спустя два года слишкомъ, и не навсегда. Эти два года онъ провелъ отчасти въ Москвѣ, отчасти въ имѣніи тетки ²⁾, временами бывалъ и въ Петербургѣ ³⁾; въ маѣ 1822 года онъ съ братомъ подѣлили между собою наследственные нижегородскія деревни, при чемъ Петру Яковлевичу, судя по сохранившимся документамъ, досталось 456 душъ муж. пола, съ долгомъ на нихъ въ 29.000 руб., и земли удобной 3.000 десятинъ, да свыше тысячи десятинъ лѣса; кромѣ того, братъ долженъ былъ выплатить ему періодическими взносами 70 тыс. руб. Въ концѣ мая 1823 года Чаадаевъ отправился въ Петербургъ и 6 іюля изъ Кронштадта отплылъ въ Англію ⁴⁾. Дѣйствительно ли онъ тогда думалъ навсегда остаться за границей? Его ближайшій другъ Якушкинъ, съ которымъ онъ переписывался изъ З. Европы, повидимому было въ этомъ увѣренъ: на допросѣ въ началѣ 1826 года онъ назвалъ двухъ соучастниковъ тайнаго общества — генерала Пассека, уже умершаго, и Чаадаева, находившагося за границей ⁵⁾. Конечно, Якушкинъ не выдалъ бы Чаадаева, если бы думалъ, что онъ имѣетъ въ виду вернуться. Но самъ Чаадаевъ въ заграничныхъ письмахъ къ брату постоянно оправдывается въ томъ, что просро-

¹⁾ „Р. Мысль“ 1896, № 4, стр. 147.

²⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 584.

³⁾ Остаф. архивъ, II, стр. 299 (февраль 1823 г.).

⁴⁾ 29 мая онъ въ Москвѣ выдалъ довѣренность брату, а 3 іюня былъ уже въ Петербургѣ (Остаф. арх., II, стр. 329).

⁵⁾ *Записки*, стр. 100.

чиль годичный «отпускъ», данный ему теткою и братомъ, и о своемъ возвращеніи въ Россію говорить, какъ объ окончательномъ водвореніи на всю жизнь.

Прощаясь съ Чаадаевымъ на пароходѣ въ девятомъ часу вечера 6 іюля, его петербургскіе друзья навѣрное не догадывались, что передъ ними стоитъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго они знали два года назадъ. За эти два года Чаадаевъ пережилъ глубокой душевный переворотъ, о которомъ нѣтъ ни одного намека въ его біографіяхъ: Чаадаевъ сталъ мистикомъ ¹⁾.

III.

Въ тѣ самые годы послѣ французской кампаніи, когда горсть военныхъ и литераторовъ со страстью отдалась политическимъ интересамъ, слушала лекціи Куницына объ естественномъ правѣ и составляла тайныя общества,—несравненно бѣльшая часть русскаго общества была увлечена мистическимъ теченіемъ. Это теченіе, зародившееся, какъ извѣстно, еще въ XVIII вѣкѣ въ кругу московскихъ мартинистовъ, не изсякло послѣ разгрома Новиковскаго кружка; но приблизительно съ 1815 года оно возраждается съ новою силой и отчасти въ иной формѣ. Намъ невозможно и для прямой нашей цѣли ненужно изслѣдовать здѣсь причины этого движенія, еще въ большей степени охватившаго тогда Западную Европу. Историки нашей литературы объясняютъ его тѣмъ впечатлѣніемъ, какое должна была произвести на умы только что разывравшаяся Наполеоновская эпопея, этотъ ослѣпительный рядъ событій колоссальныхъ, неожиданныхъ, какъ бы явно направляемыхъ какою-то сверхъестественною силой и уличавшихъ въ безсиліи человѣческую мысль, которая недавно, въ философіи XVIII вѣка, провозгласила себя всемогущей; они прибавляютъ къ этому, что правительства и высшіе классы были заинтересованы въ успѣхахъ мистическаго движенія, которое справедливо считалось противоядіемъ противъ революціонныхъ идей, и поспѣшили взять его подъ свое покровительство. Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, есть доля

¹⁾ Какія-то свѣдѣнія объ этомъ имѣлъ, очевидно, авторъ статьи о Чаадаевѣ въ *Библиогр. Зап.* 1861, № 1, который, по поводу „Философическаго письма“, говоритъ: „въ этомъ письмѣ... отразился вообще тотъ мистико-философскій характеръ, который былъ навѣянъ на Чаадаева изученіемъ тогдашней нѣмецкой философіи. Во время странствованія его по Европѣ онъ довольно усердно занимается ею. Стоитъ вспомнить, что въ то время Юнгъ Штилингъ, Екартсгаузенъ и Сведенборгъ были въ довольно большомъ почетѣ. Вліяніе ихъ въ 20 годахъ отразилось довольно сильно и въ нашей переводной литературѣ“.

правды; но наши историки — закоренѣлые рационалисты по міровоззрѣнію и общественники по интересу — разсматривали мистицизмъ съ такимъ высокоумѣреннымъ пренебреженіемъ, что и самый духъ его, и глубокіе его источники неизбѣжно должны были остаться скрытыми отъ нихъ ¹⁾. Этотъ вопросъ еще ждетъ своего изслѣдователя.

Для насъ достаточно констатировать фактъ необычайнаго увлеченія мистицизмомъ, охватившаго въ промежутокъ времени съ 1815 по 1823 годъ всѣ классы русскаго общества. Во главѣ движенія стоялъ, какъ извѣстно, самъ царь: его дворъ и дворъ императрицы были полны искреннихъ и убѣжденныхъ мистиковъ, какъ кн. Голицынъ, кн. Мещерская, Хитрово и др.; немало было ихъ и среди высшихъ сановниковъ и высшихъ іереевъ русской церкви; предъ общимъ увлеченіемъ не устоялъ даже Филаретъ, а Штилинга, Гюйонъ, Эккартсгаузена читали всѣ, отъ митрополита до сельскаго священника. Приблизительно съ 1813 года книжный рынокъ начинаетъ наводняться мистическою литературою, частью оригинальною, но больше переводною; ежегодно издавались десятки книгъ и часто выдерживали по два изданія; въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ распространялись народныя книжки мистическаго содержания. Эккартсгаузенъ былъ переведенъ почти весь (болѣе 25 книгъ), за нимъ слѣдовали Юнгъ-Штилингъ, г-жа Гюйонъ, Таулеръ, дю-Туа и пр. Студенты духовныхъ академій зачитывались Штилингомъ, читатели присылали деньги на распространеніе мистическихъ книгъ между неимущими. Въ 1817 году Лабзинъ съ субсидіей отъ правительства возобновилъ изданіе своего «Сіонскаго Вѣстника», посвященнаго І. Христу, и этотъ журналъ, имѣвшій въ 1806 году всего 93 подписчика, сразу сдѣлался самымъ распространеннымъ изъ русскихъ журналовъ; онъ имѣлъ подписчиковъ отъ Архангельска до Астрахани, отъ западной границы до Нерчинска, петербургская духовная академія одна выписывала 11 экземпляровъ. «Сіонскій Вѣстникъ» былъ предметомъ разговора въ свѣтскихъ гостиныхъ, а изъ провинціи къ книгопродавцу Глазунову безпрестанно приходили нетерпѣливыя запросы, скоро ли выйдетъ слѣдующая книжка. Отголоскомъ мистическаго движенія было возрожденіе масонства, прямымъ слѣдствіемъ — успѣхъ Библейскаго общества и возникновеніе мистическихъ сектъ (Татариновой, Котельникова). Мистицизмъ ярко окрасилъ церковную проповѣдь въ лицѣ ея лучшихъ представителей, отразился на живописи въ лицѣ Боровиковскаго, на водчествѣ въ лицѣ Витберга. Словомъ,

¹⁾ См., напр., Пыпинъ, *Общественное движеніе*; Буличъ, *Очерки по исторіи русской литературы*, т. I, и т. д.

это было настоящее, могучее общественное движеніе, равно увлекавшее и наивные, и просвѣщеннѣйшіе умы.

Этотъ новый мистицизмъ Александровской эпохи являлся прямымъ продолженіемъ Новиковскаго, и тѣмъ не менѣе значительно разнился отъ него. Какъ ни были сильны въ мартинистахъ мистическія настроенія, это не былъ чистый мистицизмъ, а скорѣе мистически-окрашенный деизмъ; оттого просвѣтительныя и филантропическія цѣли играли у нихъ такую видную роль. Мистицизмъ 20-хъ годовъ отвергалъ все, кромѣ чисто-религіозной задачи.

Сущность этого мистицизма сводится къ ученію о непосредственномъ и полномъ сліяніи души съ Божествомъ. По убѣжденію мистиковъ, ни внѣшняя набожность, ни слѣпая вѣра, ни даже добродѣтельная жизнь не обезпечиваютъ человѣку вѣчнаго спасенія; чистое, истинное благочестіе заключается единственно въ соединеніи нашего сердца съ Христомъ. Это соединеніе не можетъ быть достигнуто иначе, какъ чрезъ внутреннее возрожденіе, которое однако не во власти человѣка: самъ онъ возродитъ себя не можетъ, — это долженъ сдѣлать Богъ. Но человѣкъ можетъ очистить и приготовить себя къ воспріятію Божьей благодати; для этого требуется, во-первыхъ, отреченіе отъ всѣхъ естественныхъ склонностей (совлеченіе ветхаго Адама), сопровождаемое неусыпной самокритикой, и оттого сильнѣйшимъ чувствомъ раскаянія и самоуничженія; во-вторыхъ, дѣятельное пріученіе себя къ внутреннему созерцанію (умное дѣланіе или умная молитва). Эта безсловесная и безмысленная молитва и есть главный путь къ возрожденію; въ ней душа постепенно сливается съ Христомъ, и тогда-то въ человѣкѣ начинаетъ звучать *внутреннее слово*. Это есть состояніе благодати, почти совпадающее уже съ прямымъ лицезрѣніемъ Бога. Человѣкъ совершенно перерождается, онъ, такъ сказать, переплавленъ вновь: все грѣховное ему противно, все благое влечетъ его къ себѣ, и тайны, невѣдомыя разуму, становятся ясны его духовному взору.

Это ученіе о внутреннемъ сліяніи съ Богомъ, являющееся ядромъ христіанскаго мистицизма, оставляло, очевидно, широкій просторъ для всевозможныхъ метафизическихъ и богословскихъ построеній. Намъ необходимо взглянуть, въ какой оправѣ явилось оно у того мыслителя, подъ чьимъ руководствомъ Чаадаевъ вступилъ въ область мистики.

Что всего болѣе отличаетъ Штиллинга среди новѣйшихъ теоретиковъ мистицизма, это необычайная двойственность его мышленія, соединяющаго въ себѣ глубокий спиритуализмъ съ грубѣйшимъ матеріализмомъ. Его ученіе о христіанствѣ, объ истинной святости

и способахъ ея достиженія чисто духовно и возвышенно; но оно опирается на такую наивную метафизику и такое грубо-чувственное представленіе о загробномъ мірѣ, и плодомъ этого сочетанія является такое нелѣпое суевѣріе, что современный читатель способенъ подчасъ заподозрѣть въ авторѣ умственное разстройство. Но въ ту пору это не шокировало и сильнѣйшихъ умовъ, разъ подавшихся мистическимъ настроеніямъ.

Въ противоположность другимъ мистикамъ, манящимъ заблудшихъ радостью вѣчнаго спасенія, Штиллингъ упрекаетъ и грозитъ. По его ученію, Богъ создалъ человѣка чистымъ и безсмертнымъ, но явился искушитель, и человѣкъ палъ. Чрезъ вкушеніе плода произошли два слѣдствія: 1) всѣ чувственныя побужденія усилились въ человѣкѣ до чрезвычайности, и 2) желаніе сравняться съ Богомъ превратилось въ *самость*. Оба эти слѣдствія, передаваясь наследственно въ родѣ человѣческомъ, совершенно исказили натуру человѣка и сдѣлали ее противною Божеской натурѣ. Излѣчить эту болѣзнь можетъ только Божественная сила, которая, будучи воспринята свободною волей человѣка, одна способна ослабить въ немъ чувственныя вожделѣнія и оживить склонность къ богоподобію. Но духъ Божій не можетъ непосредственно соединяться съ человѣкомъ, какъ существомъ конечнымъ и противнымъ Божеской натурѣ; и вотъ понадобился посредникъ, который былъ бы одинаковой природы и съ духомъ Божиимъ, и съ человѣкомъ, иными словами, представлялъ бы собою истинную, но совершенно чистую человѣческую натуру, и который, претерпѣвъ жесточайшія страданія, какія возможны на землѣ, вышелъ бы изъ всѣхъ искушеній побѣдителемъ. Съ пришествіемъ Христа человѣку открылся путь спасенія: когда превозмогшій всѣ искушенія духъ Христовъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, то Онъ сообщаетъ ему свою побѣдившую всѣ испытанія силу и тѣмъ укрѣпляетъ его на побѣду.

Но донинѣ Христа приняли въ сердце свое лишь немногіе. Эти немногіе составляютъ разсѣянное стадо Господне, весь же остальной міръ лежитъ въ грѣхѣ, послушествуя князю тьмы. Божеская искра тлѣетъ въ каждомъ сердцѣ, но люди не слушаютъ зовущаго ихъ голоса. Съ геніальной проницательностью Штиллингъ говоритъ объ этомъ: «Я могу назвать тебѣ по именамъ людей, которые ничему не вѣрятъ, кромѣ того, что сами видятъ, слышать, обоняютъ, вкушаютъ и осязаютъ; а трепещутъ отъ шороха шевелящагося листочка». — Знаю и я такихъ людей, но это странно. — «Такъ кажется, а въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ томъ страннаго. Въ каждомъ человѣкѣ внутри тлится подъ пепломъ божественная искра предвѣряющей благодати, которая, если ея коснутся, колеть и жжетъ.

Это жженіе и колотье не понравились людямъ, и, не возмогши онаго отвратить, они обратили его въ шутку: вотъ что и тревожить человѣка при шумѣ даже шевелящагося листочка».

Но страшная кара ждетъ нечестиваго по смерти: злые духи увлекаютъ его душу въ адъ и терзаютъ немилосердно до очищенія, тогда какъ души праведныхъ мгновенно возносятся къ Божьему престолу. Загробное существованіе души Штиллингъ изображаетъ вполне конкретными чертами въ духѣ средневѣковой мистики, съ полною вѣрой въ правильность этихъ грубыхъ представленій; яркой картиной загробныхъ мукъ онъ старается понудить людей къ скорѣйшему обращенію.

Самое обращеніе Штиллингъ изображаетъ въ общемъ такъ же, какъ и прочіе мистики. Оно совершается путемъ новаго рожденія, «черезъ которое человѣкъ творится инымъ, нежели каковъ былъ». Для этого вѣрнѣйшія средства — ежечасная молитва къ Христу о дарованіи благодати и непрестанное *хожденіе въ присутствіи Божіемъ*, или, что то же, *бдѣніе*. Надо съ самаго утра каждый день поставить себя въ присутствіе Господа, чтобы не сдѣлать, не сказать, не помыслить ничего Ему неугоднаго. Это вначалѣ крайне трудно; и, коль скоро забудешься или разсѣешься, надо тотчасъ обращаться къ Нему и изъ глубины сердца молить Его о силѣ и благодати. Черезъ это упражненіе будешь все болѣе и болѣе открывать неизслѣдимую глубину поврежденія естества человѣческаго и возгнушаешься самого себя,—но упорствуй въ хожденіи передъ Господомъ, и онъ ниспослетъ тебѣ Свою благодать; путемъ раскаянія, страха и трепета достигнешъ внутренняго мира и неизреченнаго блаженства. «Въ семь состояніи воображеніе упразднено отъ всякихъ представленій; память также покоится, ибо мы зримъ Вездѣсущаго токмо мыслию безъ всякихъ образовъ; всѣ склонности и страсти ни мало здѣсь не дѣйствуютъ; душа стоитъ передъ Господомъ въ совершенномъ безмолвіи, какъ почка цвѣтка предъ солнцемъ, пріемля токмо въ себя вліянія его. Итакъ, когда душа совершенно упразднена отъ всѣхъ собственныхъ дѣйствій, тогда дѣйствуетъ въ ней безпрепятственно солнце духовнаго міра, Господь Иисусъ, черезъ Духа Своего; и сіе дѣйствіе ощущаемъ мы, какъ нѣкое неисповѣдимое небесное блаженство, ни съ чѣмъ несравненное, и тогда-то престаеетъ всякое сомнѣніе и колеблемость совершенно».

IV.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, по которымъ мы могли бы достоверно судить о религиозныхъ взглядахъ Чаадаева въ петербург-

скій періодъ его жизни. Позднѣе онъ характеризовалъ вѣрованія своихъ друзей-декабристовъ наканунѣ 14 декабря, какъ «леденящій деизмъ, не идущій дальше сомнѣній» ¹⁾; это дѣйствительно была вѣра чисто-нравственная, уклонявшаяся отъ всякихъ метафизическихъ вопросовъ и заимствовавшая отъ религіи лишь ту малую долю, которая была нужна этимъ положительнымъ умамъ для освященія ихъ гуманныхъ идеаловъ. Очень вѣроятно, что таковы были въ ту пору и религіозныя убѣжденія Чаадаева.

Какъ онъ пришелъ къ настоящей вѣрѣ, это, конечно, навсегда останется тайной. Изъ его собственнаго показанія извѣстно ²⁾, что еще задолго до поѣздки за границу онъ сталъ интересоваться христіанскою литературою и собралъ значительное количество книгъ по этой части; но то могъ быть и простой историческій интересъ. Достоверно мы знаемъ лишь слѣдующее: около 1820 года произошло «обращеніе» Чаадаева, а въ началѣ 1822 года онъ, по совѣту какого-то неизвѣстнаго намъ лица, прочиталъ нѣсколько сочиненій Штиллинга, которыя вызвали въ немъ тяжелый душевный кризисъ, затянувшійся на много лѣтъ. Яркимъ свидѣтельствомъ этого кризиса является уцѣлѣвшій отрывокъ изъ дневника Чаадаева, веденнаго имъ за границей ³⁾. Это, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ человѣческихъ документовъ, съ какимъ когда-либо приходилось имѣть дѣло біографу.

Было бы чрезвычайно важно опредѣлить нравственное состояніе Чаадаева въ тотъ моментъ, когда его впервые коснулось вліяніе мистицизма,—но скудость матеріаловъ не позволяетъ этого сдѣлать. Несомнѣнно только, что оно легло на подготовленную почву. За эти два года, отъ выхода въ отставку до отъѣзда за границу, Чаадаевъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ. Болѣзнь его была невелика, но какъ разъ одна изъ тѣхъ, которыя на нервныя натуры дѣйствуютъ особенно угнетающимъ образомъ: сильныя запоры и геморрой. Чаадаевъ, повидимому, отъ природы страдалъ крайней нервной раздражительностью, а подъ вліяніемъ болѣзни и нравственныхъ страданій, обусловленныхъ отставкою и другими, вѣроятно, чисто-духовными причинами, въ немъ развилась такая мнительность и такая неустойчивость настроеній, которыя дѣлали его настоящимъ мученикомъ. Онъ самъ очень ясно сознавалъ свое состояніе. Въ

¹⁾ Письмо къ Ив. Д. Я(кушки)ну, отъ 19 октября 1837 г., „В. Евр.“ 1874, № 7, стр. 89—90.

²⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 586.

³⁾ Подлинная рукопись, Моск. Румянц. музей, рукоп. отдѣл., папка за № 1034.— Объ этомъ дневникѣ упоминаетъ проф. А. И. Кирпичниковъ въ своей статьѣ о Чаадаевѣ, *Руск. Мысль*, 1896, IV, стр. 148, прим.

письмѣ къ брату изъ Лондона отъ ноября 1823 года онъ говоритъ ¹⁾: «Мое нервическое расположеніе — говорю это краснѣя—всякую мысль превращаетъ въ ощущеніе, до такой степени, что вмѣсто словъ у меня каждый разъ вырывается либо смѣхъ, либо слезы, либо жестъ»; въ другой разъ (апрѣль 1824 г.) онъ пишетъ: «Признаюсь—хотя знаю, что ты не очень вѣришь признаніямъ,—нервность моего воображенія дѣлаетъ то, что я часто обманываюсь насчетъ собственныхъ ощущеній и принимаюсь смѣшно оплакивать свое состояніе». Выбитый изъ колеи, праздный, больной, раздираемый внутренней смутой, онъ жилъ эти два года, повидимому, невесело; если тутъ и примѣшалась доля Онѣгинской разочарованности, подмѣченной въ немъ Пушкинымъ еще въ петербургскій періодъ ²⁾, то подлинныя его настроенія были во всякомъ случаѣ очень мрачны. Вскорѣ послѣ его отъѣзда за границу, въ отвѣтъ на письмо, гдѣ онъ рассказывалъ о чувствѣ глубокой радости, охватившемъ его на другой день по пріѣздѣ въ Брайтонъ, когда онъ гулялъ по берегу моря, братъ писалъ ему ³⁾: «Съ тобой это рѣдко бываетъ, можетъ быть нѣсколько лѣтъ этого съ тобой не было. Гипохондрія! Меланхолія! Почему, прочитавъ, что ты (возликовалъ), и я съ радости (возликовалъ). Стало быть, ты ожилъ или начинаешь оживать къ радостямъ земнымъ»; и дальше: «Если ты изъ чужихъ краевъ сюда пріѣдешь такой же больной и горькій, какъ былъ, то тебя надо будетъ послать ужъ не въ Англію, а въ Сибирь. Кинь всѣ софисы, кидайся безъ всякой совѣсти, безъ retrospectіon, въ объятія радости, и будешь радость имѣть. А то ты какъ-то все боишься вдругъ исцѣлиться отъ моральной и физической болѣзни,—какъ-то тебѣ совѣстно...» Чаадаевъ и за границу поѣхалъ неохотно ⁴⁾; изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что его физическое и нравственное состояніе тамъ не только не улучшилось, но ухудшилось.

Признаюсь, не безъ страха приступаю я къ изложенію упомянутаго дневника. Онъ такъ страненъ по формѣ, что даже простое описаніе его представляетъ почти неодолимыя трудности; что же до содержанія, то чисто-духовное такъ тѣсно переплетено въ немъ съ

1) Этотъ и слѣдующій за нимъ отрывки изъ рукоп. писемъ приводятся здѣсь въ переводѣ съ франц.

2) Письмо къ Вяземскому, 6 февр. 1823 г.: „Видишь ли ты иногда Чаадаева? Онъ вымылъ мнѣ голову за „Плѣнника“. Онъ находитъ, что онъ недовольно blasé; Чаадаевъ, по несчастію, знатокъ въ этой части. Оживи его прекрасную душу, поэтъ!“ и т. д. (Соч., п. ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 70).

3) Рукоп. письмо отъ 24-го октября 1823 г., не посланное.

4) А. И. Тургеневъ къ П. А. Вяземскому, 25 сент. 1823 г. изъ Петербурга: „О Чаадаевѣ ничего не знаемъ; поѣхалъ неохотно“. *Остаф. архивъ*, II, 350.

патологическимъ, что мудро рѣшить, кто имѣетъ больше правъ на него: психиатръ, или историкъ-психологъ.

Начать съ того, что это даже вовсе не дневникъ, а рядъ выписокъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ двухъ сочиненій Штиллинга: *Theorie der Geisterkunde*, 1808 г., и дополненія къ ней, *Apologie der Theorie der Geisterkunde*, написаннаго Штиллингомъ нѣсколько позднѣе въ отвѣтъ на обвиненія, которыя навлекла на него первая книга; эти выписки перемежаются собственными записями Чаадаева на французскомъ языкѣ. Уцѣлѣвшій отрывокъ дневника представляетъ собою бѣловую копію и озаглавленъ: *Mémoire sur Geisterkunde*; онъ писанъ 23 и 24 августа 1824 года, переписанъ и дополненъ съ 26 января по 1 февраля 1825. Чаадаевъ каждый разъ чрезвычайно тщательно указываетъ даты какъ первоначальной записи, такъ и переписки набѣло (напр.: 23 Août 1824, 10 h. du soir; après 8 heures du soir, и т. п., или: cop. incip. 31 genv. 1825 post 9¼ ч., и т. п.). Почти всѣ выписки изъ Штиллинга снабжены въ подтвержденіе или поясненіе цитатами изъ Евангелія по-французски, однажды также изъ Вольтера, однажды изъ оды Ломоносова, и т. п.,—и нѣсколько разъ указано, когда были отмѣчены—вѣроятно при чтеніи—выписываемыя изъ Штиллинга мѣста (напр.: Endroits marqués 5 Août 1824, и т. п.). Внутри выписокъ и собственныхъ записей Чаадаева—многочисленныя помѣтки въ скобкахъ, совершенно не поддающіяся чтенію; здѣсь вперемежку—французскія, русскія, даже латинскія и англійскія слова, и всѣ слова сокращены, имена обозначены одними инициалами, множество загадочныхъ значковъ и цифръ. Это, очевидно, наиболѣе интимныя части дневника, которыя для постороннихъ и должны были оставаться тайною.

Надо долго вчитываться въ этотъ дневникъ, чтобы сквозь призму тяжелаго нервнаго разстройства разглядѣть картину душевной драмы, совершавшейся въ Чаадаевѣ. На первый взглядъ его можно принять за продуктъ религіознаго помѣшательства; но это было бы заблужденіемъ: напротивъ, здѣсь все глубоко-серьезно. Предъ нами дневникъ *бдѣнія*, которому училъ Штиллингъ. Мы застаемъ Чаадаева въ самомъ разгарѣ мистическаго стажа: онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ совершается сліяніе его души съ Божествомъ. Въ немъ происходитъ двойная работа: поскольку это сліяніе зависитъ отъ него самого, онъ старается во всемъ, даже въ мельчайшемъ своемъ поступкѣ, слѣдовать волѣ Божьей; поэтому онъ взвѣшиваетъ каждое свое душевное движеніе съ точки зрѣнія его угодности Богу, а въ случаяхъ нерѣшимости молится о просвѣтленіи своего ума и прибѣгаетъ къ механическому средству съ цѣлью узнать Божью волю: открываетъ наудачу Евангеліе и

ищеть указанія въ томъ стихѣ, который какъ-разъ попался на глаза. Но главную работу дѣлаеть въ его душѣ, помимо его сознанія, самъ Богъ; вотъ почему онъ съ такой болѣзненной тщательностью отмѣчаетъ всякое свое мимолетное ощущеніе, всякое смутное предчувствіе, элементарнѣйшую мысль: все это для него — симптомы процесса, совершаемаго Богомъ въ нѣдрахъ его сердца, и онъ жадно ищеть въ нихъ шансовъ успѣха или неуспѣшности этого процесса. Ужасъ его положенія—именно въ томъ, что онъ долженъ быть не только дѣятелемъ, но и пассивнымъ зрителемъ своего перерожденія: мало того, что его ежеминутно терзаетъ неизвѣстность, какую изъ двухъ своихъ мыслей ему слѣдуетъ предпочесть, какъ угодную Богу, но еще изнутри поднимаются всевозможныя ощущенія, изъ которыхъ каждое есть непреложный признакъ, законченный, безповоротный, неподвластный его волѣ моментъ въ борьбѣ между естествомъ и Богомъ, происходящей въ его душѣ. Отсюда острая душевная мука, которою сопровождается это бдѣніе; и какъ дѣятель, и какъ зритель, онъ ежеминутно переходитъ отъ надежды къ отчаянію, отъ увѣренности къ сомнѣнію, и все время его жжетъ сознаніе, какъ страшно далекъ еще отъ него вождельный миръ благодати.

26 января 1825 года, въ 9¼ ч. утра, Чаадаевъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: ¹⁾

«24 января мною овладѣло сильное любопытство знать день, когда я впервые, въ 1822 году, началъ читать *Угрозы ч. VII*, потому что это было вѣроятно около 25 января; я знаю это по одной бумагѣ того времени, но не могъ точно опредѣлить день, когда приступилъ къ чтенію этой книги, и мнѣ очень хотѣлось этого. Потомъ мнѣ захотѣлось взглянуть дату, выставленную на первомъ томѣ *Приключеній по смерти* тѣмъ лицомъ, которое подарило мнѣ эту книгу; это оказалось 25 февраля 1822 г. Я имѣю при себѣ предисловіе къ этому сочиненію, и мнѣ пришло на мысль перечитать эту книгу вмѣсто того, чтобы продолжать «Исторію церкви» Годо, которую я тогда читалъ. Будучи въ нерѣшительности, что мнѣ слѣдуетъ читать, я помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидалъ слѣдующее мѣсто: «И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность?» и т. д., Ев. Луки, VI, 33. Это мѣсто уже было отмѣчено 19 ноября 1823 г., и эта дата, чрезъ воспоминаніе объ обстоятельстве, при которомъ она была записана,

¹⁾ Упоминаемые здѣсь *Угрозы ч. VII* и *Приключенія по смерти* представляютъ собою два сочиненія Штилинга, переведенныя подъ этими заглавіями на рус. яз. Лавиннымъ. Весь отрывокъ писанъ по-французски; только слова, напечатанныя въ текстѣ курсивомъ, писаны въ подлинникѣ по-русски.

внушила мнѣ рѣшеніе читать *Приключенія по смерти*, указавъ мнѣ хотя еще и смутно, что это мой долгъ. Я забылъ еще сказать, что тотчасъ, какъ у меня явилась мысль перечитать *Приключенія по смерти*, я почувствовалъ точно лучъ упованія, что это чтеніе вернетъ мнѣ тѣ чувства радости, которыя я находилъ въ Иисусѣ Христѣ и Евангеліи въ первые три года моего обращенія и которыя были доведены до наивысшей степени чтеніемъ *Угрозъ ч. VII* около этого самого времени, въ январѣ 1822 г. Но когда мнѣ смутно представилось мое нынѣшнее состояніе, эта надежда превратилась въ горькое чувство отчаянія и печали, сжавшее мнѣ сердце до слезъ. Начавъ чтеніе, на стр. 16-ой мнѣ пришло на умъ написать что-нибудь въ этомъ родѣ и послать въ знакъ благодарности тому лицу, которое чрезъ эти два сочиненія — *ч. VII Угроза* и *Приключенія по смерти* — равно какъ и чрезъ другія произведенія Штиллинга, которыя оно побудило меня прочесть вскорѣ затѣмъ, явилось наиболѣе дѣятельнымъ орудіемъ, какое Господу угодно было употребить для моего спасенія. Эта мысль заставила меня трепетать отъ радости; я помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидѣлъ Лук. VIII, 13. Но вскорѣ затѣмъ я увидѣлъ также стихи 16, 25 и 27. Послѣдній напомнилъ мнѣ слѣдующее мѣсто: «возвратись въ домъ твой и расскажи, что сотворилъ тебѣ Богъ», ст. 39, — и въ то же время мнѣ уяснилась связь этихъ словъ съ Лук. VI, стихъ 33, который я тутъ увидѣлъ. Вскорѣ затѣмъ свѣтлое и мирное чувство подтвердило мнѣ правильность моего рѣшенія перечитать эту книгу. На стр. 45 мнѣ пришла мысль написать къ упомянутому лицу, и во мнѣ родилось нѣчто вродѣ предчувствія, заставившее меня трепетать отъ радости. Я открылъ Евангеліе и увидѣлъ Лук. XVII, 13: «И громкимъ голосомъ говорили: Иисусъ Наставникъ, помилуй насъ!» Я закрылъ книгу, досадуя, что мнѣ не попалось ничего, относящагося до моего случая. Тутъ со мною сдѣлался одинъ изъ моихъ обычныхъ припадковъ печали и отчаянія, который заставилъ бы меня тотчасъ прекратить только что начатое чтеніе книги, если бы я не ощутилъ внутри себя остатка силы, который воспротивился этому. На слѣдующей страницѣ припадокъ сдѣлался сильнѣе, такъ что я съ величайшей досадою бросилъ книгу. Тогда мой духъ обратился къ Богу съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ горечью и досадою о томъ, что Онъ почти безостановочно проводилъ меня чрезъ всѣ эти настроенія, точно съ цѣлью сильнѣе терзать мою душу, которая легче примирилась бы съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ состояніемъ, каково бы оно ни было. Я положилъ книгу на мѣсто, какъ бы рѣшивъ не заниматься болѣе ничѣмъ. Вскорѣ припадокъ прошелъ, и я снова принялся за чтеніе, которое прервалось вчера на весь день

и которое я сегодня, 26 января, продолжалъ съ большимъ удовольствіемъ. На стр. 106-ой я началъ размышлять о томъ, что мнѣ слѣдуетъ послать упомянутой выше особѣ, такъ какъ эта мысль не покидала меня, и наконецъ мой выборъ палъ на «Мемуаръ о Теоріи духовъ», лишь только мнѣ пришло на умъ списать его и послать по почтѣ. Эта мысль всецѣло овладѣла моею душою и наполнила меня яснымъ чувствомъ и радостью, заставившей меня трепетать,—но прежде чѣмъ достать свою тетрадь, я бросился на колѣни, помолился Богу и открылъ Евангеліе, гдѣ увидѣлъ: «не бойтесь, ибо я возвѣщаю вамъ великую радость», Лук. II. 10. Я тотчасъ досталъ тетрадь и приготовилъ все нужное, чтобы тотчасъ приняться за переписку. Первыми словами, которыя попались мнѣ на глаза въ этомъ Мемуарѣ, были послѣднія слова, написанныя передъ нынѣшней записью: *Mein Zeuge ist im Himmel*. Теперь я хочу приступить къ перепискѣ этого Мемуара.

«Я хотѣлъ начать, и именно съ первой страницы, когда мнѣ пришло на умъ посылать Мемуаръ частями и начать съ только что написаннаго, прибавивъ изъ стараго сколько успѣю списать, для того, чтобы отослать какъ можно скорѣе. Это привело меня въ замѣшательство, вслѣдствіе чего я нѣсколько минутъ колебался; мои мысли спутались, такъ что я не зналъ, на что рѣшиться, и сидѣлъ, перелистывая эту тетрадь, гдѣ увидѣлъ слѣдующія слова: «стучите и отверзется». Я тотчасъ простерся ницъ, помолился и открылъ Евангеліе, гдѣ увидѣлъ слѣдующія слова: *По сему будетъ*, Лук. XVII, 30. Чувство, которое я ощутилъ, заставило меня отнести эти слова къ моей новой мысли, которую я и хочу привести въ исполненіе».

Картина, которую нарисовалъ здѣсь Чаадаевъ, представляетъ не какое-нибудь исключительное состояніе его духа, а одинъ изъ заурядныхъ моментовъ, какихъ полна теперь его жизнь. Случайно взглянувъ на одну изъ страницъ книги Штиллинга, онъ вдругъ испытываетъ ощущеніе, заставляющее его особенно отмѣтить на ней такую-то фразу. «Необыкновенно сильное впечатлѣніе» производитъ на него слѣдующій эпизодъ. Работая надъ какою-то статьею, онъ захотѣлъ указать въ ней между прочимъ на ошибочное мнѣніе одного автора. Прежде чѣмъ начать фразу, онъ открываетъ Евангеліе и видитъ слова Марка X, 34: «И поругаются ему, и уязвятъ его, и оплюютъ его, и убіютъ его»; въ ту же минуту онъ ощутилъ такое чувство, какъ будто кто-то дѣлаетъ ему ясный знакъ съ цѣлью удержать его отъ необдуманнаго поступка, могущаго повредить лицу, въ которомъ тотъ принимаетъ большое участіе. Это вызвало въ немъ такія мысли, какъ если бы ему сказали, что то, что онъ собирается написать, можетъ дать врагамъ упомянутаго автора поводъ унижить

и осмѣять послѣдняго; поэтому онъ тотчасъ же отказался отъ своего намѣренія.

Въ этой изнурительной раздвоенности духа должна была рѣшиться задача, превышающая человѣческія силы,—уничтоженія той «самости», которая, по ученію мистиковъ, явилась слѣдствіемъ грѣхопаденія. Приходилось на практикѣ ежеминутно рѣшать неразрѣшимый вопросъ о примиреніи свободы воли съ предопредѣленіемъ, и отъ этого зависѣла вся жизнь человѣка, больше того — спасеніе души. Приходилось напрягать всѣ душевныя силы, зная въ то же время, что никакія личныя усилія не помогутъ, надо было—не убитъ въ себѣ волю, а достигнуть того, чтобы она *свободно* слилась съ волею Христа, чтобы личный разумъ *добровольно* онѣмѣлъ въ Господѣ. Страшная антиномія—но зато и какая награда! По смерти—спасеніе, въ этой жизни—полный внутренній миръ и совершенная святость, когда въ душѣ все молчитъ и раздаётся только голосъ Бога, когда всякое ощущеніе, всякая мысль, всякое хотѣніе являются чистымъ истеченіемъ Духа Христова, который тогда одинъ свободно дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Душевныя состоянія Чаадаева типичны для мистика въ подготовительной стадіи, съ тою разницей, что сильное нервное расстройство придаетъ его ощущеніямъ необыкновенную остроту. Мнутами онъ ликуетъ, предчувствуя близость перерожденія, но чаще имъ овладѣваетъ отчаяніе: такъ далекъ онъ еще отъ той внутренней цѣльности и свободы, отъ полнаго, ненаружимаго сліянія съ Христомъ; и эти безпрестанные переходы отъ восторга къ ужасу и обратно въ конецъ изнуряютъ его нервную систему. Въ связи съ одной цитатой изъ Штиллинга онъ записываетъ въ дневникѣ (около 11½ час. утра): «Рядомъ со словами «Thron des Vaters und des Sohns» я приписалъ слово *небо*, и въ моемъ умѣ возникло ясное представленіе, вслѣдствіе котораго мнѣ показалось не столь страннымъ, какъ раньше, выраженіе: «дамъ ему сѣсть со мною на престолѣ моемъ», Апокал. III, 21. Тогда я захотѣлъ отыскать это мѣсто и сразу попалъ на него. Теперь я не могу вспомнить этого соображенія. Мои мысли опять какъ бы скованы. Вставъ, я не чувствовалъ никакого влеченія къ Богу, молился съ трудомъ, малѣйшая вещь сердила меня, безпокойныя мысли раздражали меня противъ другихъ, наконецъ я впалъ въ изнеможеніе, соединенное съ болѣзненной слабостью въ рукахъ. Совершенно ничтожная помѣха заставила меня горько плакать. Столь же незначительное обстоятельство успокоило меня. Я и теперь ощущаю боль и внутреннюю тревогу, связанную съ расстройствомъ мысли».

Что же сдѣлало Чаадаева мистикомъ? Что побѣдило этотъ гор-

дый умъ и заставило его пойти въ рабство религиозно-метафизической системѣ, не опирающейся ни на доводы разума, ни на данныя науки, и искать критерія не въ себѣ самомъ и даже не въ непосредственномъ чувствѣ, а въ указаніяхъ наудачу раскрытаго стиха или буквальному толкованію евангельскихъ текстовъ? Чаадаевъ уже раньше сталъ вѣрующимъ, онъ дѣйствительно былъ нервно боленъ,—но ни то, ни другое не можетъ объяснить этого страннаго самоотреченія сильнаго ума. Объясненія требуетъ не самое увлеченіе Чаадаева мистическимъ идеаломъ: этотъ идеалъ не можетъ не влечь къ себѣ всякаго истинно-вѣрующаго человѣка, потому что въ немъ—высшій расцвѣтъ религиознаго чувства и только онъ заслуживаетъ названія религіи, въ противоположность всѣмъ такъ называемымъ нравственнымъ религіямъ. Но между внутреннимъ влеченіемъ къ этому идеалу и тѣмъ паническимъ чувствомъ, которое владѣло Чаадаевымъ,—большая разница. Что-то заставляетъ Чаадаева продѣлывать всю нелѣпую мистическую практику, судорожно спѣшить, калѣчить въ себѣ все живое и насильно гнать свою душу къ вратамъ спасенія. Для этого мало было одной вѣры, даже въ соединеніи съ острымъ психозомъ.

Здѣсь сказалось прямое дѣйствіе мистической литературы и въ частности Штиллинга. Подъ этимъ влияніемъ вѣра, физическая болѣзнь и нервное разстройство родили въ Чаадаевѣ чувство, могущество котораго слишкомъ хорошо извѣстно исторіи: страхъ смерти или, точнѣе, загробнаго возмездія.

Излагая выше ученіе Штиллинга, мы основывались именно на тѣхъ двухъ его сочиненіяхъ, которыя, по признанію Чаадаева, оказали на него наибольшее влияніе: седьмой части *Угроза Сѣтвостокѣ* и трехтомныхъ *Приключеній по смерти*; значить, читатель уже знакомъ съ кругомъ идей, въ которомъ вращался теперь Чаадаевъ. Мы видѣли, что страхъ загробной кары занимаетъ въ этой системѣ центральное мѣсто. Лабзинъ выбралъ мѣткое заглавіе для своего перевода. Сочиненіе Штиллинга называется: «Der graue Mann»; онъ ведетъ свою проповѣдь какъ бы отъ лица нѣкоего таинственнаго «сѣраго человѣка», который долженъ олицетворять собою, повидимому, религиозное сознаніе человѣчества; Лабзинъ назвалъ его—*Уроzz* по главному качеству, *Сѣтвостокѣ*—по происхожденію. И дѣйствительно, всѣ его увѣщанія—угрозы, и предметомъ угрозъ всегда служитъ загробная жизнь; страхомъ смерти Штиллингъ терроризируетъ своихъ читателей.

Дневникъ Чаадаева показываетъ его намъ всецѣло охваченнымъ этой тревогой; она превратилась для него въ манію, она опредѣляетъ теперь все содержаніе его душевной жизни. Мысль о за-

гробной карѣ преслѣдуетъ его неотступно, онъ обезумѣлъ отъ ужаса скорѣе, скорѣе, нельзя медлить минуты, надо сейчасъ спастись, чтобы не умереть въ грѣхѣ. И тутъ уже никакая цѣна не кажется слишкомъ дорогой, никакая предосторожность излишней, и нѣтъ такого грубаго суевѣрія, которому онъ не былъ бы готовъ слѣдовать, разъ оно стоитъ въ какой-нибудь связи съ представленіемъ о загробной жизни,—тѣмъ болѣе, что, какъ онъ однажды отмѣчаетъ, въ области сверхчувственного разумъ и наука безсильны.

Съ полной вѣрою, подкрѣпляя каждый параграфъ ссылкой на подтверждающее мѣсто Евангелія, при чемъ евангельскіе тексты толкуются, смотря по надобности, то буквально, то символически, онъ выписываетъ изъ «Теоріи духовѣдѣнія» Штиллинга:

«Неизмѣримый эфиръ, наполняющій все пространство нашего мірозданія, есть сфера духовъ, въ которой они и обитаютъ. Особенно оболочка испареній, окружающая нашу землю, и толща послѣдней до ея центра является—всего болѣе ночью—мѣстомъ пребыванія падшихъ ангеловъ и душъ тѣхъ людей, которые умерли необращенными.

«Предъ наступленіемъ царства Божія воздухъ очистится отъ всѣхъ злыхъ духовъ; они будутъ низвергнуты въ большую пропасть, находящуюся внутри земли.

«Гдѣ ваше сокровище, тамъ ваше сердце. Души, еще не умершія для міра, остаются и внизу въ темныхъ пространствахъ, и если онѣ покорствовали плотскимъ утѣхамъ, то онѣ осуждены пребывать при своемъ тѣлѣ въ гробу.

«Души истинныхъ христіанъ, шедшихъ здѣсь путемъ совершенствованія и умершихъ съ истинною вѣрою во Іисуса Христа и въ Его милосердіе и съ полнымъ отреченіемъ отъ всего земного, тотчасъ по пробужденіи отъ дремоты смерти воспріемлются ангелами и безъ задержки уводятся ими въ чистыя пространства свѣта, гдѣ вкушаютъ полное блаженство. Напротивъ, души нечестивыхъ тотчасъ по выходѣ изъ тѣла окружаютъ злые духи, которые всячески терзаютъ ихъ; чѣмъ безбожнѣе онѣ были, тѣмъ глубже погружаются онѣ въ пропасть. Ихъ страданія ужасны. Поэтому слѣдуетъ заблаговременно, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, освободиться отъ всякой привязанности къ земному.

«Что же касается легкомыслія, съ которымъ иные отсрочиваютъ свое обращеніе даже до безконечности, то я прошу только подумать, способны ли такіа страшныя привидѣнія, являющіяся темною полночью, въ ужасныхъ образахъ, со всѣми признаками жесточайшихъ мукъ и жалобами на свое несчастное состояніе, на свою жизнь въ гробахъ, въ уединенныхъ склепахъ, о-бокъ съ терзающими ихъ

злыми духами, побудить и самого легкомысленнаго отложить свое раскаяніе и обращеніе до тѣхъ поръ, пока и онъ попадетъ въ такое ужасное положеніе?»

Во все это Чаадаевъ теперь твердо вѣрить. Онъ не допускаетъ и сомнѣнія въ томъ, что души умершихъ людей ведутъ вполне реальное существованіе; онъ вспоминаетъ даже, что смутно чувствовалъ это и раньше: «Я вспоминаю, что до перемѣны моихъ взглядовъ на христіанство, въ то время, когда я сомнѣвался во всемъ и всего меньше вѣрилъ въ привидѣнія, я тѣмъ не менѣ испытывалъ иногда въ темнотѣ сильнѣйшій страхъ; не то, чтобы я въ такія минуты вѣрилъ въ возможность подобныхъ вещей, но я боялся, чтобы воображеніе не представило мнѣ какого-нибудь призрака, какъ нѣчто реальное». Теперь онъ читаетъ у Штиллинга «документально завѣренную» исторію объ одномъ челоуѣкѣ, который, закопавъ при жизни деньги, уже 120 лѣтъ не находитъ покоя за гробомъ и неотступно преслѣдуетъ дальняго своего потомка мольбою—вырыть изъ земли эти деньги, чтобы его душа наконецъ могла успокоиться,—и страданія этой бѣдной души приводятъ его въ содроганіе. По поводу этой исторіи («Theorie der Geisterkunde», § 182) онъ пишетъ въ дневникѣ: «Единая мысль о состояніи души, сохраняющей за гробомъ привязанность къ мірскимъ вещамъ, которая она покинула, показала мнѣ въ разсказѣ § 182 столь устрашающей, что я началъ серьезно наблюдать за моимъ собственнымъ состояніемъ и искоренять въ себѣ первые зародыши всякаго чувства, противнаго единому стремленію, которое непрестанно должна сохранять душа,—стремленію *къ царству Божію и правдѣ. Его* (Мате. VI, 33)». Онъ замѣчаетъ у Марка II, 10 слова: «Сынъ Человѣческій имѣетъ власть *на землѣ* прощать грѣхи», вспоминаетъ при этомъ только что прочитанное у Штиллинга замѣчаніе, что Христосъ выражается точно, не употребляя ни однимъ словомъ больше или меньше, чѣмъ слѣдуетъ,—и, сопоставляя все это съ Лук. XII, 59: «не выйдешь оттуда, пока не отдашь и послѣдняго обола», приходитъ къ заключенію, «что отпущеніе грѣховъ можетъ быть получено лишь въ настоящей жизни, но что въ будущей придется уплатить до послѣдняго обола». Его умъ парализованъ почти физическимъ страхомъ.

V.

Разсмотрѣнные отрывки дневника писаны Чаадаевымъ, какъ сказано, уже за границею; но судя по нѣкоторымъ намекамъ, мистическія настроенія были въ немъ очень сильны еще задолго до отъѣзда. Онъ упоминаетъ о какихъ-то заблужденіяхъ, внушенныхъ ему

духомъ, который весьма явственно господствовалъ надъ нимъ съ 25 декабря 1822 года, при чемъ онъ до 17 апрѣля 1823 года даже нисколько не догадывался объ этомъ; упомянутый выше случай съ какимъ-то авторомъ также относится еще къ веснѣ 1823 года. Мы видѣли выше, что съ сочиненіями Штиллинга Чаадаевъ познакомился въ самомъ началѣ 1822 г.

О заграничномъ путешествіи Чаадаева почти ничего не извѣстно. Единственный человѣкъ, встрѣчавшійся съ нимъ за границей и оставившій воспоминаніе объ этихъ встрѣчахъ—Д. Н. Свербеевъ,—конечно и не подозреваетъ о душевной драмѣ, которую переживалъ въ это время Чаадаевъ: Чаадаевъ былъ гордъ и великій мастеръ безслѣдно прятать свое личное чувство подъ маскою свѣтской холодности. Недоступность, важность, безукорыненное изящество манеръ и одежды, загадочное молчаніе, презрѣніе ко всему русскому—вотъ черты, которыми характеризуетъ его Свербеевъ¹⁾ (они встрѣчались въ Бернѣ осенью 1824 года, т. е. какъ разъ въ то время, къ которому относится дневникъ Чаадаева); онъ прибавляетъ еще, что Чаадаевъ уже тогда «налагалъ своимъ присутствіемъ каждому какое-то къ себѣ уваженіе. Все передъ нимъ какъ будто преклонялось и какъ бы сговаривалось извинять въ немъ странности его обращенія».

Въ нашемъ распоряженіи находится 26 ненапечатанныхъ доселѣ писемъ Чаадаева къ его брату за время путешествія. Они цѣнны уже тѣмъ, что по нимъ впервые можетъ быть установленъ заграничный маршрутъ Чаадаева²⁾.

Онъ ѣхалъ, главнымъ образомъ, по настоянію тетки и брата, съ цѣлью поправить разстроенное здоровье. 2 іюля 1823 г. онъ пишетъ брату изъ Петербурга, что взялъ мѣсто на любекскомъ суднѣ «Hoffnung», имѣющемъ отойти изъ Кронштадта два дня спустя: онъ ѣдетъ въ Гамбургъ, чтобы тамъ, въ сосѣднемъ Куксгавенѣ, мѣсяца полтора купаться въ морѣ; это совѣтуетъ ему петербургскій докторъ Миллеръ, великій человѣкъ, объявившій ему, что въ немъ все нервическое, даже слабость желудка. 5-го числа, изъ Кронштадта, онъ сообщаетъ, что любекское судно оказалось грязнымъ и тѣснымъ и что, увидѣвъ здѣсь англійскій корабль, идущій прямо въ Лондонъ, онъ былъ плѣненъ его удобствами и рѣшилъ ѣхать на немъ. «Ты вѣрно спросишь, что же ванны морскія? Да развѣ въ Англіи нѣтъ моря?»

¹⁾ *Записки* Д. Н. Свербеева, М., 1899, т. II, стр. 236, 240.

²⁾ За сообщеніе этихъ писемъ приносимъ искреннюю благодарность князю Андрею Влад. Звенигородскому.

Морское путешествие оказалось очень неудачнымъ: въ Балтійскомъ морѣ корабль былъ застигнутъ бурями, 17 дней носился по морю вдоль норвежскихъ и англійскихъ береговъ и наконецъ, вмѣсто Лондона, присталъ миль за полтора отъ него, близъ Ярмута, въ графствѣ Норфолькскомъ. Посѣтивъ Лондонъ и не найдя въ немъ ничего любопытнаго, кромѣ его обширности и парковъ, Чаадаевъ поспѣшилъ въ Брайтонъ; но морскія купанья не принесли ему пользы; нѣкоторое время онъ прожилъ въ деревнѣ Сомтингъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Брайтона; здѣсь его здоровье еще больше разстроилось, и онъ переѣхалъ въ сосѣдній городъ Ворзингъ, гдѣ какой-то докторъ его «воскресилъ». Изъ Ворзинга онъ ѣздилъ въ Портсмуть, на о. Уайтъ и по другимъ живописнымъ мѣстамъ; проживъ въ Ворзингѣ мѣсяцъ, онъ, приблизительно въ началѣ октября, перебрался въ Лондонъ, а въ концѣ года былъ уже въ Парижѣ, гдѣ прожилъ зиму, весну и лѣто. Осенью онъ пустился въ Швейцарію, былъ въ Бернѣ и Женевѣ, отсюда чрезъ Миланъ направился въ Римъ, куда пріѣхалъ въ концѣ марта 1825 г.; здѣсь онъ жилъ вмѣстѣ съ Н. и С. И. Тургеневыми. Сирокко, котораго такъ боялся и Гоголь, выгналъ его изъ Рима; 25 мая онъ пишетъ изъ Флоренціи, что черезъ два дня ѣдетъ на лѣченіе въ Карлсбадъ. Однако во Флоренціи онъ остается двѣ недѣли, оттуда ѣдетъ въ Венецію, затѣмъ въ Верону, черезъ Тироль въ Мюнхенъ, и въ Карлсбадъ попадаетъ только черезъ мѣсяцъ. Здѣсь, живя опять съ Н. И. Тургеневымъ¹⁾, онъ усердно лѣчился все лѣто, потомъ переѣхалъ для Nachkur въ Дрезденъ, здѣсь расхворался и застрялъ больше, чѣмъ на полгода,—до середины іюня 1826 года, когда, наконецъ, пустился въ обратный путь домой.

Эти письма не содержатъ никакихъ прямыхъ свѣдѣній о душевной борьбѣ Чаадаева, и это объясняется не только ихъ родственно-дѣловымъ характеромъ и обычною скрытностью Чаадаева, но еще и особенной причиной, на которой необходимо остановиться.

Чаадаевъ нѣжно любитъ тетку и брата и до нѣкоторой степени даже чувствуетъ себя виноватымъ передъ ними, въ особенности передъ братомъ, за тревогу, которую причиняетъ имъ своимъ отсутствіемъ, и за заботы по присылкѣ денегъ. Его письма полны безпокойства о здоровьѣ брата, объ отсутствіи писемъ и пр. «Повѣришь ли», пишетъ онъ однажды, «не могу вспомнить про васъ безъ слезъ. Когда хожу по городу въ сумеркахъ, то всякаго чело-вѣка въ длиннополомъ сюртукѣ и въ шапкѣ принимаю за тебя». Онъ знаетъ, что и они живутъ въ непрерывной тревогѣ за него, глав-

¹⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 583.

ное—за его здоровье, и потому старается въ письмахъ казаться бодрымъ и даже веселымъ. Поэтому его письма представляютъ собою своего рода систематическій обманъ—очень обычный спутникъ пугливо-нѣжной семейственности. Разумѣется, этотъ обманъ не всегда удается скрыть: задержался на мѣстѣ лишнихъ два мѣсяца или не писалъ долго по болѣзни,—необходимо сказать настоящую причину; тогда брату приходится читать такія признанія: «Отгадай, мой милый, зачѣмъ къ тебѣ пишу!—чтобы сказать тебѣ, что наконецъ я здоровъ. Я писалъ къ вамъ нѣсколько разъ, что здоровье мое поправляется; я васъ обманывалъ, насилу жилъ!» или: «*Нечего отъласть*, надобно тебѣ написать, что стало мнѣ хуже», и т. п. Обыкновенно же его письма—самаго успокоительнаго свойства, о своемъ здоровьѣ онъ пишетъ какъ бы мимоходомъ, увѣряетъ даже, что едва ли не каждый день посѣщаетъ Théâtre Français, и т. д. При такихъ условіяхъ не удивительно, что онъ ничего не говоритъ и о своихъ настроеніяхъ: для тетки и брата это былъ, повидимому, главный предметъ безпокойства.

Но стоитъ вчитаться въ эти письма, и взятыя въ цѣломъ они дадутъ ясное понятіе о нравственномъ состояніи Чаадаева за изучаемый періодъ. Онъ все время лѣжится, и все безъ успѣха. Галль вылъчиваетъ его отъ ипохондріи, а къ концу путешествія его душевное состояніе ужасно. Этотъ странный туристъ долгіе мѣсяцы проводитъ въ полномъ уединеніи, притомъ не только въ англійской деревушкѣ или захолустномъ Ворзингѣ: несмотря на то, что въ Парижѣ множество его знакомыхъ-русскихъ, онъ никого изъ нихъ не видитъ и живетъ «какъ будто на Кисловежѣ». Онъ и въ Италію ѣдетъ «безъ большой охоты», только чтобы «отдѣлаться». Его гнетутъ какія-то мучительныя настроенія. Попавъ наконецъ въ Англію послѣ опаснаго морского путешествія, онъ три недѣли не можетъ принудить себя написать домой первое письмо—вещь совершенно дикая, потому что онъ хорошо зналъ, какъ тревожатся о немъ тетка и братъ, прочитавъ въ газетѣ о буряхъ, свирѣпствовавшихъ въ Балтикѣ: «Сознаюсь, что я извергъ, недостойный видѣть день, хотя бы и туманный англійскій день. Дай Богъ, чтобы письмо мое дошло къ вамъ прежде газетныхъ извѣстій»; а онъ въ это время ничѣмъ не былъ развлеченъ,—онъ жилъ въ Сомтингѣ. Написавъ въ Лондонѣ письмо къ брату, онъ отсылаетъ его только изъ Парижа, полтора мѣсяца спустя: «Не спрашивай, почему оно не было послано въ свое время. Не знаю, а думаю, что отъ лѣни. Никакъ не умѣлъ всего сказать, что хотѣлъ. Все собирался заключить и не умѣлъ». «Я тебѣ сказалъ», пишетъ онъ въ другой разъ, «что, писавши къ тебѣ, мараю и поправляю, какъ будто пишу къ любовницѣ; ты надъ

этимъ смѣешься и приписываешь это тщеславію. Теперь повторяю тебѣ еще разъ то же самое и увѣряю тебя, что это письмо начиналъ сто разъ, то по-французски, то по-русски. Не хочу тебѣ сказать ничего, кромѣ необходимыхъ вещей и чувствъ самыхъ простыхъ: дружбы и любви, но словъ ни на что не нахожу и съ досадою бросаю перо. Суди это какъ хочешь».

Онъ конечно не напишетъ брату о той страшной душевной пыткѣ, которой полны его дни, но направленіе его мыслей не разъ сказывается въ его письмахъ. «Я знаю, что не стою твоего уваженія, слѣдовательно и дружбы,—я себя разглядѣлъ и вижу, что никуда не гожусь,—но неужто и жалости не стою?» Нѣсколько разъ, говоря о какомъ-нибудь отрадномъ чувствѣ, онъ замѣчаетъ: не знаю, чѣмъ заслужилъ я отъ Бога такую милость. Но всего сильнѣе называется, конечно, его сильнѣйшее чувство этого времени: чувство или мысль о смерти. Разказавъ объ опасности, грозившей ему на морѣ во время долгаго переѣзда изъ Кронштадта въ Англію, онъ прибавляетъ: «Впрочемъ, я почитаю великою милостію Бога, что Онъ мнѣ далъ прожить слишкомъ полмѣсяца съ безпрестанною гибелью передъ глазами!» Годъ спустя онъ пишетъ брату по поводу петербургскаго наводненія 7 ноября 1824 года: «Я здѣсь узналъ про ужасное бѣдствіе, постигшее Петербургъ; волосы у меня стали дыбомъ. Руссо писалъ Волтеру по случаю Лисбонскаго землетрясенія—люди всему сами виноваты; зачѣмъ живутъ они и тѣсняются въ городахъ и въ высокихъ мазанкахъ! Безумная философія! Конечно не самъ Богъ,—честолюбіе и корыстолюбіе людей воздвигли Петербургъ, но какое дѣло до этого! развѣ тотъ, кто сотворилъ міръ, не можетъ, когда захочетъ, и весь его превратить въ прахъ! Конечно, мы не должны себя сами губить, но первое наше правило должно быть не бѣды избѣгать, а не заслуживать ее. Я плакалъ, какъ ребенокъ, читая газеты.—Это горе такъ велико, что я было за нимъ позабылъ свое собственное, то-есть твое; но что наше горе передъ этимъ! Страшно подумать,—изъ этихъ тысячъ людей, которыхъ болѣе нѣтъ, сколько погубло въ минуту преступныхъ мыслей и дѣлъ! Какъ явятся они предъ Богомъ!»

Это пишетъ не единомышленникъ Якушкина и Муравьева-Апостола, а ученикъ Штиллинга: въ громадномъ общественномъ бѣдствіи, въ гибели сотенъ людей и разореніи тысячъ предъ нимъ встаетъ одинъ вопросъ: о Божьемъ гнѣвѣ и загробномъ возмездіи.

VI.

При томъ настроеніи, въ которомъ находился Чаадаевъ, трехлѣтнее заграничное лѣченіе, разумѣется, не принесло ему никакой

пользы; онъ возвращался въ Россію больнѣе и горше прежняго. Совмѣстная жизнь съ Н. Тургеневымъ въ Карлсбадѣ, повидимому, на время оживила его, но, переѣхавъ отсюда въ Дрезденъ, онъ окончательно разнемогся. Его письма изъ Дрездена, гдѣ онъ, вмѣсто предполагаемыхъ шести недѣль, принужденъ былъ провести $\frac{3}{4}$ года, полны уже откровенныхъ извѣстій о болѣзняхъ и крайнемъ уныніи. У него открылся ревматизмъ въ головѣ, голова кружится день и ночь, желудокъ не варитъ, его бьетъ лихорадка; въ апрѣлѣ (1826 г.), извиняясь за долгое молчаніе, онъ сообщаетъ, что былъ «очень боленъ и вовсе не надѣялся выздоровѣть... Увѣряю тебя, что былъ въ такомъ разслабленіи тѣлесномъ и душевномъ, что точно не былъ въ силахъ къ вамъ писать». Его настроеніе ужасно. «Больше ничего не желалъ бы, какъ столько силы, чтобы до васъ могъ добраться, а тамъ жить съ вами здоровому или больному, мнѣ бы было все равно». «Когда я васъ увижу? Почему надѣюсь? — какое имѣю право надѣяться?» «Что чувствую, что перечувствовалъ во все это время—не могу тебѣ сказать; за то, что не впалъ въ отчаяніе, что осталась во мнѣ надежда васъ увидать—остального вѣка не достанетъ на молитвы».

Наконецъ, въ половинѣ іюня онъ выѣхалъ изъ Дрездена, направляясь домой. Последнее его письмо къ брату писано съ дороги, изъ Брестъ-Литовска: онъ сообщаетъ, что въ Варшавѣ по болѣзни прожилъ двѣ недѣли и что вотъ уже двѣ недѣли живетъ здѣсь, ожидая возвращенія своихъ бумагъ, взятыхъ у него при обыскѣ.

Напечатанные недавно всеподданнѣйшій рапортъ вел. кн. Константина Павловича отъ 21 іюля 1826 г. и протоколъ допроса, которому подвергнутъ былъ Чаадаевъ ¹⁾, проливаютъ свѣтъ на этотъ эпизодъ. Оказывается, что великій князь, получивъ отъ варшавской секретной полиціи донесеніе о прибытіи Чаадаева изъ-за границы и зная объ его близости съ Тургеневыми и поѣздкѣ въ Троппау, тогда же сообщилъ объ этомъ государю, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ учредить за Чаадаевымъ въ Варшавѣ тайный надзоръ, а по приѣздѣ въ Брестъ-Литовскъ тщательно осмотрѣть его бумаги. При обыскѣ въ Брестѣ у Чаадаева были найдены разныя недозволенные книги, возмутительные стихи и пр., а главное—письма, обнаружившія его связи съ нѣкоторыми обвиняемыми по дѣлу 14 декабря: съ Н. Тургеневымъ, Муравьевыми и кн. Трубецкимъ. Препровождая государю эти письма и списокъ найденныхъ книгъ, великій князь доносилъ, что до разрѣшенія его величества приказалъ не выпускать Чаадаева изъ Брестъ-Литовска и имѣть за нимъ секретный полицейскій надзоръ.

¹⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 583 и сл.

Чаадаеву пришлось долго ждать: его письмо къ брату помѣчено 1 августа, а допросъ съ него былъ снятъ только 26 августа. Его допрашивали объ отношеніяхъ къ разнымъ декабристамъ, о письмахъ Н. Тургенева, о найденныхъ у него стихахъ, объ его участіи въ масонской ложѣ и пр. Кончилось тѣмъ, что Чаадаева освободили, однако московскому военному генераль-губернатору поручено было имѣть за нимъ бдительный надзоръ. Мало того: нашли нужнымъ произвести обыскъ и у его брата, Михаила Яковлевича ¹⁾; дальнѣйшихъ послѣдствій это дѣло не имѣло, впрочемъ, ни для того, ни для другого.

VII.

«Возвратясь изъ путешествія, Чаадаевъ поселился въ Москвѣ и вскорѣ, по причинамъ едва ли кому извѣстнымъ, подвергъ себя добровольному затворничеству, не выходя ни съ кѣмъ, и нечаянно встрѣчаясь въ ежедневныхъ своихъ прогулкахъ по городу съ людьми самыми ему близкими, явно отъ нихъ убѣгалъ или надвигалъ себѣ на лобъ шляпу, чтобы его не узнавали». Это свидѣтельство современника Свербеева ²⁾ подтверждаютъ и Жихаревъ, и Лонгиновъ: въ ближайшіе годы (1826—30) Чаадаевъ поддался мрачному настроенію духа, сдѣлался одинокимъ, угрюмымъ нелюдимомъ, ему грозили помѣшательство и маразмъ ³⁾. Самъ Чаадаевъ позднѣе признавался гр. Строгонову, что писалъ свое «Философическое письмо» (1829) «по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь» ⁴⁾.

Мы никогда не узнаемъ, какія муки нервнаго недомоганія, мнительности и отчаянія переживалъ Чаадаевъ въ эти годы. Безъ сомнѣнія, въ немъ продолжалась та тяжелая внутренняя работа, о которой выше шла рѣчь; и къ этой личной причинѣ его страданій присоединилась теперь другая, не личная.

При томъ направленіи, которое приняли мысли Чаадаева съ начала 20-хъ годовъ, общественные интересы, конечно, должны были отойти для него на второй планъ; но заглухнуть совсѣмъ они не могли. Вся психика Чаадаева коренилась въ почвѣ Александровскаго времени и до его зрѣлыхъ лѣтъ питалась тѣми самыми соками, ко-

¹⁾ „Р. Арх.“ 1875, № 8, стр. 453.

²⁾ Записки, т. II, стр. 394.

³⁾ Жихаревъ въ „В. Евр.“ 1871, сентябрь, стр. 15; Лонгиновъ въ „Рус. Вѣстн.“ 1862, ноябрь, стр. 141.

⁴⁾ Письмо Д. Давыдова къ Пушкину (цитирую по ст. Лонгинова въ „Русск. Вѣстн.“ 1860, мартъ I, „Соврем. Лѣт.“ стр. 22).—Сравни также письмо Чаадаева къ гр. Строгонову, „В. Евр.“ 1874, № 7, стр. 86.

торые взрастили дѣятелей 14 декабря. Люди его поколѣнія, его друзья и сверстники, знали одну страсть, имѣли одну жизненную цѣль—общественность, и мы видѣли, таковъ былъ въ петербургскій періодъ своей жизни и Чаадаевъ. Онъ останется такимъ всю жизнь, и все, что онъ сдѣлаетъ, будетъ имѣть своимъ объектомъ не личность, а общество. Не замерло въ немъ патріотическое чувство и тогда, когда онъ весь отдался религіозному исканію: этому порукой его продолжительное сожительство за границей съ Н. И. Тургеневымъ, типичнымъ однодумомъ освободительнаго движенія. У насъ есть и прямое свидѣтельство. Самое яркое воспоминаніе, сохранившееся у Свербеева о его встрѣчахъ съ Чаадаевымъ въ Бернѣ, это—воспоминаніе о страстномъ негодованіи, съ какимъ молчаливый обыкновенно Чаадаевъ «въ немногихъ словахъ» клеймилъ все русское: «Онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ выходкахъ глубочайшаго презрѣнія ко всему нашему прошедшему и настоящему и рѣшительно отчаявался въ будущемъ. Онъ обзывалъ Аракчеева злодѣемъ, высшихъ властей военныхъ и гражданскихъ—взяточниками, дворянъ—подлыми холопами, духовныхъ—невѣждами, все остальное—коснѣющимъ и пресмыкающимся въ рабствѣ»¹⁾; это записано по памяти много лѣтъ спустя, но общее впечатлѣніе несомнѣнно запомнилось вѣрно. Само собой разумѣется, что трехлѣтнее пребываніе въ культурнѣйшихъ странахъ Западной Европы должно было еще усилить въ Чаадаевѣ этотъ горькій стыдъ за Россію.

Переломъ, совершившійся въ міровоззрѣніи Чаадаева, не заглушилъ въ немъ общественнаго интереса, но направилъ послѣдній по другому, чѣмъ раньше, руслу. Очень вѣроятно, что его уже и прежде не удовлетворяла та узко-раціоналистическая основа, на которую опирался политическій идеализмъ его петербургскихъ друзей, и что онъ сходилъ съ ними скорѣе въ общихъ практическихъ требованіяхъ, нежели во взглядахъ на сущность прогресса. Теперь, подъ вліяніемъ новыхъ чувствъ и идей, охватившихъ его съ такой силой, этотъ послѣдній вопросъ естественно долженъ былъ пріобрѣсти въ его глазахъ особенное значеніе, и уже очень рано намѣчается путь, по которому онъ придетъ позднѣе къ своей историко-философской теоріи. Среди бумагъ Чаадаева въ Румянцовскомъ музеѣ сохранилось рекомендательное письмо, данное ему 31 января 1825 г. англійскимъ миссіонеромъ Чарльзомъ Кукомъ къ нѣкоему Марріоту въ Лондонѣ; Кукъ рекомендуетъ его, какъ человѣка, ѣдущаго въ Англію съ цѣлью изучить причины нравственнаго благосостоянія Англіи и возможность привитія ихъ къ Россіи (with the intention of ex-

¹⁾ Ibid., стр. 237.

mining the causes of our Moral Prosperity, and the possibility of applying them to his native country, Russia). Спрошенный объ этомъ письмѣ на допросѣ въ Брестѣ (оно было найдено у него при обыскѣ), Чаадаевъ показаль, что познакомился съ Кукомъ во Флоренціи при его проѣздѣ изъ Іерусалима во Францію. «Такъ какъ всѣ его мысли и весь кругъ дѣйствій обращены были къ религіи, то всѣ разговоры мои съ нимъ относились до сего предмета. Благоденствіе Англіи приписываль онъ всеобще распространенному тамъ духу вѣры. Я же съ своей стороны говорилъ ему съ горестію о недостаткѣ вѣры въ народѣ русскомъ, особенно въ высшихъ классахъ. По сему случаю далъ онъ мнѣ письмо къ пріятелю своему въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ познакомить меня болѣе съ нравственнымъ расположеніемъ народа въ Англіи» ¹⁾). Мысль о томъ, что западные народы въ поискахъ царствія Божія *потутно* обрѣли и свободу, и благосостояніе, является однимъ изъ основныхъ положеній «Философическихъ писемъ» Чаадаева.

Чаадаевъ вернулся въ Россію тотчасъ послѣ декабрьскаго разгрома, и то, что онъ увидѣлъ здѣсь, должно было казаться ему смертнымъ приговоромъ для всего народа и для него самого. Его ближайшіе друзья были заживо погребены въ тюремныхъ казематахъ, Петербургъ и Москва стали пусты для него; мало того, вмѣстѣ съ этими людьми изъ русской жизни, казалось, было вырвано все, что еще напоминало о запросахъ духа, о жаждѣ высшихъ благъ, даже просто о человѣческомъ достоинствѣ, — остался только тупой и циничный матеріализмъ, равносильный моральному гніенію. Легко понять, какъ задыхался въ этой атмосферѣ Чаадаевъ, съ его тонкой психической организаціей, весь поглощенный интересами духа, и сколько гнѣва и безнадежности должно было накопиться въ его сердцѣ, — если у человѣка, несравненно болѣе родственнаго окружающему быту, у П. А. Вяземскаго, могло вырваться въ 1828 году замѣчаніе, что истинный русскій патриотизмъ въ настоящее время можетъ заключаться только въ ненависти къ Россіи, какою она сейчасъ представляется ²⁾). За четыре года мрачнаго затворничества, 1826—1830, Чаадаевъ имѣлъ довольно времени, чтобы подвести итогъ и прошлому Россіи, и собственному будущему, и если остатокъ мужества удержаль его отъ самоубійства, то у него хватило храбрости и на то, чтобы прямо взглянуть въ глаза истинѣ и, увидавъ въ нихъ смерть, твердымъ голосомъ прочитать отходную себѣ и Россіи.

¹⁾ „Р. Стар.“ 1900, декабрь, стр. 586. Чаадаевъ послѣ того уже не ѣздилъ въ Англію, и письмо осталось у него. Оно, очевидно, было возвращено ему послѣ допроса.

²⁾ Письмо къ А. И. Тургеневу, *Остаф. арх.* III. 181.

Въ концѣ этого періода, вѣроятно въ 1829 и 30 гг., были написаны его знаменитыя философскія письма. Въ нихъ скрестились тѣ два теченія, которыя мы прослѣдили въ исторіи молодости Чаадаева: напряженный общественный интересъ людей 14-го декабря, и увлеченіе христіанской мистикой. Міровоззрѣніе Чаадаева приходится характеризовать терминомъ, въ двухъ частяхъ котораго скрывается на видъ непримиримое противорѣчіе,—терминомъ: *соціальный мистицизмъ*.

М. Гершензонъ.

Указъ о вѣротерпимости.

Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 17-го апрѣля настоящаго года, въ связи съ дополняющимъ его Высочайше утвержденнымъ того же числа положеніемъ комитета министровъ, представляется актомъ чрезвычайной важности. Вліяніе новаго закона на общество трудно теперь даже учесть и предвидѣть; но несомнѣнно, что послѣдствія его будутъ многочисленны и благотворны. Сфера вліянія закона охватываетъ не только центральную полосу—ядро Россійскаго государства, но и окраины наши, какъ западныя, такъ и восточныя, для которыхъ законъ даже особенно существенъ.

Достаточно въ этомъ отношеніи указать на столь долго мучительно отзывавшійся на населеніи Сѣдлецкой губерніи сложный вопросъ о бывшихъ униатахъ, разрѣшенный окончательно указомъ ко всеобщему удовлетворенію, и на то, что на югѣ Россіи прекратятся оскорблявшія нравственное чувство каждаго безпристрастнаго русскаго процессы о «штундистахъ» и «баптистахъ», уличенныхъ полицейскими протоколами въ совмѣстномъ чтеніи евангелія и пѣніи священныхъ псалмовъ. Новымъ закономъ сдѣланъ первый, но рѣшительный шагъ къ водворенію у насъ «свободы совѣсти» и дѣйствительной вѣротерпимости; имъ удовлетворяется одинъ изъ существенныхъ пунктовъ общественнаго «credo», признаннаго и провозглашеннаго за послѣднее время въ массѣ резолюцій, петицій и заявленій почти всей культурной части населенія Россіи.

Обнародованіе закона о вѣротерпимости какъ нельзя болѣе своевременно уже въ силу того, что оно совпало съ оживленіемъ и освободительнымъ движеніемъ, охватившимъ наше православное духовенство, проявившимся въ извѣстной запискѣ с.-петербургскаго духовенства и въ рядѣ опубликованныхъ въ газетахъ писемъ священнослужителей, свидѣтельствующихъ о зародившейся у нихъ потребности духовнаго обновленія и выступленія на поприще общественной дѣятельности. Это движеніе представляетъ громад-

ный интерес и сулить въ будущемъ, быть можетъ скоромъ, въ связи съ указомъ о свободѣ совѣсти, народное у насъ новое общественной силы, могущей оказать обществу въ переживаемое нами переходное время крупныя услуги.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что закономъ 17-го апрѣля вопросъ о введеніи въ Россіи вѣротерпимости и свободы совѣсти окончательно разрѣшенъ. Мы привѣтствуемъ искренно гуманное и высоконравственное начинаніе нашего законодательства, выразившееся въ указѣ, но видимъ въ немъ хотя и рѣшительный, но лишь первый шагъ къ достиженію необходимой въ культурномъ государствѣ свободы совѣсти. Такъ, 1) дозволяя православному побуждаемому къ тому совѣстью, принять церковное ученіе иной христіанской вѣры или хотя бы и секты, законъ умалчиваетъ о правѣ родившагося въ православіи оставить господствующую церковь, не примыкая ни къ какому изъ существующихъ вѣроученій и довольствуясь исповѣданіемъ принциповъ нравственной философіи. Умолчаніе въ указанномъ отношеніи новаго закона даетъ основаніе думать, что пребываніе внѣ существующихъ вѣроученій не разрѣшается, ибо неотмѣненными статьями устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (18—22) на каждого православнаго возлагается обязанность хотя однажды въ годъ исповѣдываться и причащаться и приводить къ исповѣди дѣтей, начиная съ семилѣтъ, неисполненіе каковой обязанности влечетъ за собою наказаніе эпитеміи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—публичной, при чемъ обупорствующемъ сообщается гражданскому начальству. Между тѣмъ казалось бы, въ виду дозволенія православному переходу въ рационалистическую секту, подобную «штундѣ», надлежало бы отмѣнить приведенныя статьи закона, безусловно противорѣчащія самой идее свободы совѣсти. Переходъ въ нехристіанскую вѣру также не разрѣшенъ.

2). Принципіальное несогласіе съ вѣротерпимостью представляетъ изъ себя оставленіе въ силѣ всѣхъ, существующихъ въ законѣ и установленныхъ циркулярами стѣсненій гражданскихъ и общественныхъ правъ русскихъ подданныхъ евреевъ. О нихъ новый законъ какъ бы забылъ, а между тѣмъ положеніе въ Россіи евреевъ, исповѣдующихъ религію своихъ отцовъ, какъ общезвѣстно, представляется исключительнымъ по безправію. И это тягостное, несправедливое положеніе евреевъ зависитъ у насъ не отъ принадлежности ихъ къ еврейской національности, которой, какъ устанавливающей положительныя или отрицательныя права, вовсе не существуетъ въ нашихъ законахъ, а исключительно отъ исповѣданія іудейской вѣры. Стоитъ только еврею принять православіе

или иную христіанскую вѣру, и немедленно рушится стѣна, отдѣлявшая его отъ остальныхъ русскихъ подданныхъ: черта осѣдлости стирается, ему становятся доступны всякая торговля и всѣ промыслы и занятія, государственная служба, свободное поступленіе во всѣ учебныя заведенія.

Слѣдовательно, безправное положеніе въ Россіи евреевъ зависитъ исключительно отъ принадлежности ихъ къ іудейской религіи, и до тѣхъ поръ, пока это религіозное «гоненіе» не будетъ въ законномъ порядкѣ устранено, «вѣротерпимости» въ полномъ объемѣ у насъ не будетъ. Желательность таковой для насъ совершенно установлена, не говоря о соображеніяхъ практическихъ, уже въ силу требованій высшаго нравственнаго закона и справедливости.

3) Браки между православными и старообрядцами и сектантами разрѣшаются закономъ 17-го апрѣля, но брачныя союзы между православными и лицами нехристіанскаго вѣроисповѣданія не дозволены. Это стѣсненіе зиждется, конечно, не на требованіяхъ общественнаго быта, а исключительно на данныхъ «религіозной политики», а именно на опасеніи возможности отпаденія отъ православія лица, сочетавшагося бракомъ съ нехристіаниномъ. Въ связи съ этимъ не измѣнена редакція 82-й статьи новаго уголовнаго уложенія, карающей между прочимъ за совращеніе, общаніемъ выгодъ, христіанина въ вѣру нехристіанскую заключеніемъ въ исправительный домъ или крѣпость.

Впрочемъ, и указомъ 17 апрѣля признается, что установленными имъ положеніями далеко еще не исчерпывается вопросъ о водвореніи въ Россіи вѣротерпимости. Эта особенность указа составляетъ крупное его достоинство. Выражается она въ томъ, что на министерство юстиціи возложена обязанность немедленнаго пересмотра и внесенія въ государственный совѣтъ отдѣла новаго уголовнаго уложенія о религіозныхъ преступленіяхъ для согласованія его съ принципами, вводимыми въ жизнь указомъ, и въ томъ, что Высочайше повелѣно учредить особое внѣвѣдомственное совѣщаніе для «разработки и направленія затѣмъ въ законодательномъ порядкѣ прочихъ... измѣненій въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ, касающихся вѣротерпимости, а также для обсужденія... другихъ вытекающихъ изъ п. 6-го Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. вопросовъ». Совѣщаніе это составляется изъ членовъ, Высочайше назначаемыхъ, и представителей вѣдомствъ, при чемъ предсѣдателю его предоставлено право приглашать въ совѣщаніе лицъ, могущихъ оказать полезными знаніями своими, а также представителей подлежащихъ исповѣданій и религіозныхъ общинъ. Такимъ образомъ, открытъ путь для дальнѣйшей, въ законодательномъ порядкѣ, разработки

«свободы совѣсти. Такая разработка существенно необходима не только для надлежащаго расширенія взгляда на вѣротерпимость, но и для детальнаго согласованія положеній указа съ разбросанными почти по всему своду статьями закона, касающимися вопросовъ вѣры и церковнаго устройства, а также для дополненія, разъясненія и измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ самаго закона 17 апрѣля.

Особенно важно предуказанное участіе въ работахъ совѣщанія представителей духовенства, необходимое для устраненія коллизій законовъ свѣтскаго съ каноническимъ.

Въ отношеніи законовъ уголовныхъ мы находимся въ особенномъ положеніи: еще 22 марта 1903 г. Высочайше утверждено новое уголовное уложеніе, но до настоящаго времени оно, за исключеніемъ главы о государственныхъ преступленіяхъ, не примѣняется. О недостаткахъ стараго, но еще дѣйствующаго уложенія мы не будемъ говорить,—они слишкомъ извѣстны, но и новое въ отдѣлѣ о религіозныхъ преступленіяхъ требуетъ пересмотра. Глава эта содержитъ въ себѣ 28 отдѣльныхъ статей, тогда какъ въ новомъ швейцарскомъ уложеніи для преступленій противъ религіи всего одна статья, а въ германскомъ три; во многихъ случаяхъ уголовная репрессія слишкомъ строга (за квалифицированное богохуленіе—каторга) и не соответствуетъ мотивамъ и условіямъ преступленій противъ вѣры, присоединяя, напримѣръ, къ ссылкѣ лишеніе правъ состоянія, т.-е. наказаніе позорящее, а въ двухъ случаяхъ допуская даже исправительный домъ, главный контингентъ сидѣльцевъ котораго—корыстные преступники. Вышее наказаніе за религіозныя преступленія, существующее въ западно-европейскихъ кодексахъ, это—тюрьма. Намъ думается, что послѣ указа 17 апрѣля особыя соображенія государственнаго совѣта, побудившія его остановиться на болѣе строгой санкціи преступленій противъ вѣры, заключающіяся въ томъ, что у насъ, *въ отличіе отъ другихъ государствъ* ¹⁾, православіе и христіанство служатъ источникомъ нравственныхъ силъ и единенія всего народонаселенія, почему особенно важно охранить церковь отъ посягательствъ на нее строгимъ уголовнымъ закономъ, должны отпасть, ибо то отличіе, которое дѣйствительно существовало между Россіей и западно-европейскими государствами, отсутствіе у насъ вѣротерпимости, теперь устранено.

Далѣе, при чтеніи указа 17 апрѣля возникаетъ неразрѣшаемый закономъ вопросъ о томъ, къ какому вѣроисповѣданію должны быть зачислены дѣти, происшедшія отъ смѣшанныхъ браковъ; представляется сомнительнымъ, имѣетъ ли нравственное право православ-

¹⁾ Курсыя нашъ.

ный священник совершить вѣнчаніе православнаго съ лицомъ, принадлежащимъ къ какой-либо сектѣ или старообрядчеству, какковы браки воспрещены неотмѣненными каноническими правилами.

Въ виду дарованія старообрядческимъ общинамъ права избранія лицъ для совершенія духовныхъ требъ и разрѣшенія послѣднимъ отправления богослуженія въ храмахъ, представляется нежелательнымъ, какъ бы принижаящимъ положеніе этихъ духовныхъ особъ воспрещеніе надѣвать въ иныхъ случаяхъ священнослужительское облаченіе. Точно такъ же намъ кажется не отвѣчающимъ дѣйствительному положенію вещей и достоинству сана лицъ старообрядческой іерархіи именованіе ихъ исключительно «настоятелями и наставниками», что устраняетъ внѣшне равноправность этихъ лицъ по сравнению съ представителями православной церкви, тогда какъ новый законъ имѣетъ въ виду уравненіе церквей.

Наконецъ, намъ неясенъ пунктъ 2-й IX параграфа положенія комитета министровъ, которымъ возстанавливаются въ царствѣ Польскомъ закрытые монастыри «при наступленіи указанныхъ нынѣ для сего въ законѣ условій», между тѣмъ какъ ни въ указѣ, ни въ текстѣ положенія комитета министровъ ничего объ этихъ условіяхъ не говорится.

Въ новомъ законѣ есть и другія положенія, возбуждающія сомнѣнія, а потому особенно существенна признанная законодателемъ необходимость дальнѣйшаго развитія вопроса о вѣротерпимости, при чемъ желательно, чтобы учрежденіе, на которое будетъ возложено это дѣло, прониклось чувствомъ дѣйствительной вѣротерпимости и стремилось къ водворенію у насъ полной свободы совѣсти.

Въ виду важности этой задачи правильнѣе было бы рѣшеніе всѣхъ наиболѣе существенныхъ и не требующихъ немедленнаго завершенія законодательныхъ вопросовъ предоставить имѣющему вскорѣ образоваться новому законодательному учрежденію, основанному на народномъ представительствѣ.

Н. Давыдовъ.

Хроника науки, искусства и литературы.

Новые труды по философии истории. Въ свое время Бокль сводилъ цивилизацію къ господству человѣка надъ природой, приобретаемому при помощи накопленія знаній. Но онъ не давалъ отвѣта на вопросъ, почему мы такъ цѣнимъ это господство, въ чемъ заключается его внутренней смыслъ. Можетъ быть, это и было причиной того, что Бокль недостаточно углубился въ вопросъ о нравственной эволюціи человѣка и слишкомъ мало придавалъ ей цѣны. Если же посмотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то можно придти совершенно къ инымъ выводамъ, даже оставаясь на почвѣ основного положенія, что краеугольнымъ камнемъ всякаго прогресса является прогрессъ познанія. Въ такихъ попыткахъ построенія ученія о прогрессѣ недостатка нѣтъ. Одна изъ самыхъ послѣднихъ по времени сдѣлана въ книгѣ Leopold'a Ziegler'a „Das Wesen der Kultur“ (1903).

По мнѣнію Циглера, слѣдуетъ различать два понятія, которыя въ исторіи взаимно обусловливаютъ другъ друга и переплетаются: культуру и цивилизацію. Какъ культура, такъ и цивилизація имѣютъ въ основѣ стремленіе человѣческаго духа къ свободѣ, но онѣ идутъ разными путями и преслѣдуютъ различные результаты. Цивилизація зарождается потому, что человѣческій духъ возмущается господствомъ во всемъ животномъ мірѣ инстинкта, который подчиняетъ жизнь индивида интересамъ его вида. Человѣкъ, сбросившій съ себя иго бессознательнаго природнаго инстинкта, ставитъ своею цѣлью собственное индивидуальное благополучіе. Цивилизація и состоитъ въ томъ, что онъ начинаетъ эксплуатировать природу, какъ простое средство для достиженія личнаго счастья. Для этой цѣли служатъ человѣку практическое знаніе, для этой цѣли существуетъ и государство, какъ организованный порядокъ той же практической дѣятельности. Но на этомъ пути человѣкъ не получаетъ удовлетворенія: гонясь за личнымъ благополучіемъ, онъ, правда, отрѣшается отъ природы, но зато вступаетъ въ борьбу съ самимъ собою: онъ дѣлается рабомъ чисто механическаго труда, какъ показываетъ положеніе любого современнаго цивилизованнаго человѣка, въ особенности же фабричнаго рабочаго.

Поэтому человѣкъ долженъ преодолѣть и цивилизацію. Уже на почвѣ права онъ нѣсколько отрѣшается отъ чисто эвдемонистической точки зрѣнія, такъ какъ въ правѣ признаетъ нѣчто, стоящее выше его личныхъ интересовъ, заставляющее его служить не личному счастью, а справедливости. Но для полнаго преодоленія цивилизаціи человѣкъ ну-

ждается въ новой вѣрѣ, въ новомъ міровоззрѣніи. Черезъ эстетическое созерцаніе человѣкъ приходитъ къ сознанию, что есть разница между міромъ кажущимся, міромъ иллюзіи и міромъ, какъ онъ есть по существу. Онъ доходитъ до убѣжденія, что погоня за личнымъ счастьемъ есть увлеченіе видимостью, иллюзіей. У него создается представленіе о метафизической сущности вещей, въ которой все составляетъ единство, и онъ начинаетъ понимать свою связь со всѣмъ міромъ, со всепроникающимъ Божествомъ. Это теоретическое міровоззрѣніе постепенно становится и практическимъ, т.-е. человѣкъ начинаетъ посвящать свою жизнь практическому служенію познанному Божеству. Другими словами, человѣкъ начинаетъ теперь работать надъ природой не для своего личного счастья, но для того, чтобы проводить въ ней цѣли сознательнаго человѣкомъ Божества. Человѣкъ является средствомъ самопознанія бесознательнаго начала всякаго бытія. Онъ вновь начинаетъ служить интересамъ своего вида и ставить ихъ выше своихъ личныхъ, но на этотъ разъ уже не подъ вліяніемъ инстинкта, а подъ вліяніемъ сознательнаго и свободнаго рѣшенія.

Въ этомъ и состоитъ истинная свобода, духовное возрожденіе человѣка, существо культуры, въ отличіе отъ цивилизаціи. Въ концѣ-концовъ получается слѣдующее опредѣленіе культуры. „Культура есть совокупность всѣхъ отношеній человѣка къ объективно существующему, вѣчно бессознательному міровому духу, который въ человѣкѣ достигаетъ сознанія своей собственной воли, и направленіе котораго означаетъ самоосвобожденіе бессознательнаго божественнаго существа въ человѣческомъ сознаніи и существованіи. Исторія культуры есть поэтому исторія освобождающейся въ человѣкѣ Божественности; цѣнность культуры зависитъ отъ степени, въ которой человѣкъ можетъ содѣйствовать освобожденію Бога. Не сверхчеловѣкомъ кончается великое освободительное шествіе человѣка, но Богочеловѣкомъ, не тоска Ницше, но мысли Гегеля должны въ насъ осуществиться: сознаніе Бога есть сознаніе человѣка о Богѣ—лишь это можетъ называться культурой... Культура отличается отъ религіи лишь тѣмъ, что она включаетъ въ себя *еще* отношенія къ бессознательному міровому духу, тогда какъ религія полагаетъ свое существо только въ практическихъ отношеніяхъ: религія есть благочестіе“ (стр. 138 сл.). „На этой ступени прекращается и та враждебность къ природѣ, которая должна существовать у цивилизованнаго человѣка. Борьба съ природой и теперь фактически продолжается, но побудительные мотивы къ этой борьбѣ измѣнились. Культура не терпитъ никакого мірового праздника, она приноситъ не миръ, а мечъ. Какъ природа внутри человѣка, т.-е. совокупность всѣхъ инстинктивно-бессознательныхъ влеченій, такъ и внѣшняя природа, какъ внѣчеловѣческая совокупность всѣхъ проявленій вѣчно бессознательнаго, должны постоянно вновь преодолѣваться, но не такъ, какъ прежде, чтобы способствовать человѣческому благополучію, а для того, чтобы удовлетворить волѣ самой природы, которая направлена на развитіе сознательности въ человѣкѣ. У упорной борьбы отнято ожесточеніе, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ усмотрѣлъ истинную цѣль, ради которой онъ выступаетъ противъ природы. Культура принимаетъ природу въ себя, ея нравственность должна быть достаточна широка, чтобы стоять въ согласіи съ самыми послѣдними законами природы. Этотъ процессъ, ко-

нечно, сопряженъ съ уничтоженіемъ природы въ ея существующей формѣ, съ потерей безсознательной постановки собственныхъ цѣлей. Такъ разрушается форма природности, чтобы помочь жизни *духа природности*“ (стр. 160 сл.)

Именно въ настоящее время человѣчество настоятельно нуждается въ преодолѣніи цивилизаціи, чтобы на почвѣ созданнаго ею отрѣшенія человѣка отъ безсознательнаго подчиненія природѣ перейти къ сознательному осуществленію основныхъ цѣлей мірозданія. Такъ получится основа для недостающихъ теперешнему человѣчеству высокихъ идеаловъ, человѣкъ освобожденъ будетъ отъ ига чисто внѣшней цивилизаціи. Необходимо новое міровоззрѣніе, которое бы составило синтезъ началъ индійскихъ съ германскими.

Таково это новое воззрѣніе на культуру, которое выше всего ставитъ философскую спекуляцію и выдвигаетъ на первый планъ религиозно-этические мотивы. Въ основѣ всего построения лежитъ Гартманновская метафизика, отрѣшенная только отъ Гартманновскаго пессимизма.

Давольно близкія къ Циглеру воззрѣнія высказываетъ и Arvid Grotenfelt въ своей новой работѣ „Geschichtliche Wertmasstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein“. (1905 г.). Задачей своего труда Гротенфельтъ ставитъ выясненіе вопроса, насколько возможно установить общеобязательный масштабъ оцѣнки, которымъ могъ бы руководиться историкъ при выборѣ историческаго матеріала и построения историческихъ конструкцій. Для этой цѣли Гротенфельтъ дѣлаетъ обзоръ различныхъ теорій прогресса съ древнихъ временъ и до настоящаго времени. Онъ приходитъ при этомъ къ выводу, что теорія прогресса есть продуктъ новаго времени. Она опирается на укрьпившуюся со времени эпохи возрожденія вѣру въ могущество человѣческаго генія и способность человѣка къ безконечному совершенствованію. Постепенно развилось представленіе объ исторической эволюціи, какъ процессѣ неуклоннаго и цѣльнаго движенія человѣчества въ извѣстномъ направленіи; эта идея эволюціи въ связи съ телеологическимъ представленіемъ о совершенствованіи, какъ постоянной цѣли историческаго развитія человѣчества, и привела къ современному ученію о прогрессѣ, выразившемуся впервые отчетливо въ сочиненіяхъ Тюрго, Кондорсе, Гердера и Канта, а затѣмъ развитому и дополненному соображеніями о связи человѣческаго прогресса съ общимъ планомъ мірозданія въ нѣмецкой метафизикѣ начала XIX вѣка.

Гротенфельтъ подробно останавливается на критикѣ утилитарно-позитивнаго направленія, враждебнаго всякимъ метафизическимъ представленіямъ, которое было господствующимъ во второй половинѣ XIX вѣка, и признаетъ его неудовлетворяющимъ основнымъ запросамъ человѣческаго духа. Ему представляется неправильнымъ, что на первый планъ при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій выдвигается счастье. По общепринятой и глубоко укоренившейся въ людяхъ оцѣнкѣ не счастьемъ дается главная цѣна; при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій насъ привлекаетъ къ себѣ сила и мощь, и при томъ сила духовная ставится гораздо выше физической. Это предпочтеніе духовныхъ свойствъ, по мнѣнію автора, основано не на доказуемыхъ научно посылакахъ, а на вѣрѣ; но съ этой вѣрой нельзя не считаться: самый фактъ ея распространенности говоритъ въ пользу ея истинности. Поэтому и понятіе прогресса

должно быть основано на вѣрѣ въ торжество духовныхъ силъ человѣка, въ совершенствованіе человѣчества въ чисто духовномъ отношеніи. Оцѣнивать историческія событія слѣдуетъ съ точки зрѣнія ихъ содѣйствія культурному развитію, при чемъ цѣннымъ въ культурѣ и является исключительно развитіе благородной духовной жизни въ человѣческихъ душахъ (стр. 179). Но этого мало; къ вѣрѣ въ прогрессъ въ этомъ смыслѣ должно присоединяться и убѣжденіе въ томъ, что эти духовныя свойства человѣка составляютъ мировую силу, что въ ихъ развитіи заключается содѣйствіе неизвѣстнымъ для насъ въ точности цѣлямъ всего мірозданія. Это убѣжденіе также не можетъ быть научно обосновано и доказано; оно въ существѣ также есть дѣло вѣры, но такая вѣра необходима для историка. Совершенно правомѣрными являются и метафизическія попытки путемъ догадокъ и предположеній проникнуть въ этотъ скрытый отъ насъ смыслъ мірозданія. Самая наличность культурнаго прогресса въ указанномъ смыслѣ слова, по признанію Гротенфельта, не подлежитъ строгому доказательству, но и она должна быть для историка необходимымъ вѣрованіемъ, постулатомъ его дѣятельности (стр. 187).

Едва ли можно вполне применить къ этимъ выводамъ, хотя вообще Гротенфельтъ въ своей новой работѣ высказываетъ не мало совершенно правильныхъ мыслей и цѣнныхъ замѣчаній. Съ одной стороны, какъ намъ кажется, Гротенфельтъ преувеличиваетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значеніе недоказуемой вѣры. Такъ, мысль о предпочтеніи высшихъ, духовныхъ свойствъ всѣмъ остальнымъ свойствамъ человѣка далеко не въ такой степени есть продуктъ простой, недоказуемой вѣры, какъ думаетъ авторъ. Обширный опытъ психологическій и социальный показалъ, что духовная дѣятельность составляетъ самое сильное средство, которымъ пользуется человѣкъ въ своей борьбѣ за существованіе, превращая себя изъ раба природы въ ея господина; опытъ обнаружилъ затѣмъ, что духовныя стороны дѣятельности доставляютъ человѣку гораздо болѣе прочныя наслажденія, чѣмъ упражненіе другихъ свойствъ и удовлетвореніе другихъ потребностей; далѣе тотъ же опытъ привелъ къ сознанію, что въ сферѣ своей внутренней жизни и доставляемыхъ ею наслажденій человѣкъ пользуется наибольшою независимостью отъ внѣшнихъ препятствій; наконецъ, опытъ подтвердилъ и то, что въ духовной области человѣкъ можетъ дѣлиться своими наслажденіями съ другими людьми безъ всякаго ущерба для себя, что эта сфера дѣятельности такимъ образомъ болѣе гармонируетъ съ социальными наклонностями человѣка. Этого достаточно, чтобы вполне положительно, на почвѣ допускающаго научную провѣрку этического ученія, установить предпочтеніе духовныхъ способностей человѣка предъ всѣми остальными.

Съ другой же стороны, Гротенфельтъ, какъ намъ кажется, преувеличиваетъ значеніе метафизики для историческихъ работъ. Вѣра въ смыслъ жизни и въ прогрессъ должна быть необходимымъ условіемъ для построенія практическихъ жизненныхъ идеаловъ, т.-е. при практической дѣятельности человѣка; на почвѣ пессимистическаго міровоззрѣнія, отрицающаго смыслъ жизни, нельзя, по нашему мнѣнію, создавать идеаловъ, энергично жить и дѣйствовать. Но другой вопросъ, насколько должно отражаться это этическое міровоззрѣніе и на теоретическихъ трудахъ историка? Можетъ быть, оно съ необходимостью всегда до

известной степени на них отражается, такъ какъ ни одинъ историкъ не можетъ превратить себя изъ живого человѣка въ чисто познавательный аппаратъ. Но тогда приходится смотрѣть на это, какъ на необходимое зло, и принимать всѣ возможныя мѣры къ устраненію столь субъективныхъ элементовъ изъ области положительной науки. Безъ понятія культуры едва ли можетъ обойтись историкъ; но это понятіе даже въ томъ смыслѣ, который ему придаетъ Гротенфельтъ, т.-е. какъ развитіе духовныхъ способностей человѣка, не является гадательнымъ и метафизическимъ: оно построено, какъ мы старались показать, на совершенно неопровержимыхъ наблюденіяхъ надъ человѣческой природою, заставляющихъ отдать предпочтеніе этимъ свойствамъ человѣка передъ всѣми другими. Что же касается дѣйствительно метафизическихъ элементовъ въ ученіи о прогрессѣ, то ихъ, думается намъ, долженъ остерегаться въ своихъ научныхъ работахъ историкъ, чтобы не смѣшивать задачъ моральной проповѣди и практической дѣятельности съ интересами чистаго знанія. Метафизическія спекуляціи, имѣя большой интересъ сами по себѣ и какъ средство уясненія нашихъ практическихъ идеаловъ, не должны находить себѣ мѣста въ объективныхъ историческихъ трудахъ.

Недавно я познакомилъ читателей „Научнаго Слова“ съ историческими схемами Лампрехта, который пытается свести историческую законѣрность къ неизбѣжно смѣняющимся въ исторіи каждому народу культурнымъ эпохамъ. Довольно близко къ теоріи Лампрехта стоитъ ученіе другого германскаго историка нашего времени—Курта Брейзига. Въ своей недавно появившейся книгѣ „Der Stufenbau und die Gesetze der Weltgeschichte“ (1905 г.) Брейзигъ отвергаетъ всѣ до сихъ поръ дѣлавшіяся попытки расчлененія всемірной исторіи. Онъ считаетъ неудовлетворительнымъ простое хронологическое расположеніе событій, отвергаетъ, какъ неудачную, попытку Гельмгольца расположить всемірную исторію по территоріальнымъ районамъ, напередъ отбрасываетъ возможную попытку положить въ основу построенія точку зрѣнія расовыхъ группъ. Его исходную точку зрѣнія представляетъ утвержденіе, „что содержаніе всемірной исторіи, это — смѣна состояній, которыя могутъ быть обнаружены у всѣхъ народовъ и частей народовъ въ одинаковой послѣдовательности, но изъ которой отдѣльные члены человечества пережили неодинаково длинныя части всего пути. Тогда какъ нѣкоторые еще теперь пребываютъ въ дѣтствѣ, другіе переживаютъ цвѣтущую юность, третьи достигли мужественнаго зрѣлаго возраста, и лишь немногіе добрались до задумчиваго старческаго возраста, до склона жизни; при этомъ, оговаривается авторъ, сравненіе съ возрастными должно быть принято, какъ легкій намекъ, а не какъ буквальная аналогія“ (стр. 9).

Масштабъ для опредѣленія этихъ періодовъ, характеризующихъ нормальный порядокъ развитія народовъ, Брейзигъ отказывается брать, подобно Лампрехту, изъ духовной жизни народовъ или, подобно марсистамъ, изъ области экономическихъ отношеній. Психическая жизнь народовъ очерчена контурами слишкомъ нѣжными и трудно уловимыми, чтобы съ нея можно было начинать изысканія въ данномъ направленіи. Смѣна экономическихъ отношеній происходитъ въ слишкомъ большіе періоды, чтобы они могли дать вполне пригодные для подраздѣленія

исторіи результаты. Лучше всего положить въ основу дѣленія эволюцію формъ общежитія. Во главѣ должны стоять формы государственнаго устройства; но ихъ и вообще не слѣдуетъ брать внѣ связи съ другими формами общежитія, существующими внутри государства, а для раннихъ эпохъ, когда государства еще нѣтъ или оно слишкомъ слабо, родовые союзы стоятъ даже на первомъ планѣ. Чтобы установить нормальную схему періодовъ развитія общественныхъ формъ, Брейзигъ обращается къ наиболее богатой матеріаломъ и наиболее длинной европейской исторіи. Онъ находитъ, что эта исторія распадается на двѣ мировыхъ эпохи, которыя во времени слѣдуютъ одна за другой, а по характеру представляютъ приблизительно одинаковую лѣстницу ступеней развитія: греко-римскую исторію и германо-романскую. Каждая изъ этихъ эпохъ продолжается приблизительно 14 столѣтій. Анализъ этихъ эпохъ даетъ возможность различать въ развитіи общественныхъ и государственныхъ формъ слѣдующіе періоды: первобытное догосударственное состояніе родовыхъ союзовъ, древность, характеризующуюся развитіемъ царской власти, средневѣковье, ознаменованное преобладаніемъ знати и ослабленіемъ царской власти и государственнаго единства, новое и новѣйшее время, въ теченіе котораго происходитъ новое усиленіе государственнаго единства, но уже на почвѣ идеи народнаго верховенства. Брейзигъ считаетъ эти періоды нормальными, но допускаетъ, что извѣстный народъ можетъ перескочить сразу нѣсколько ступеней. Такая судьба, по его мнѣнію, можетъ постигнуть, напр., Россію, которая по своимъ государственнымъ формамъ находится еще въ древнемъ періодѣ, а по духовной жизни стоитъ на высотѣ остальной Европы. Подобный скачокъ въ древности сдѣлала Македонія во времена Филиппа и Александра (стр. 98). Въ настоящее время на земномъ шарѣ можно встрѣтить представителей всѣхъ намѣченныхъ періодовъ развитія!

Такова схема Брейзига. Интересно отмѣтить, что относительно идей личной свободы и господства общества надъ личностью воззрѣнія Брейзига не совпадаютъ со схемами Лампрехта: Брейзигъ не говоритъ о непрерывномъ усиленіи личнаго принципа въ исторической эволюціи, но склоненъ принимать маятникообразныя колебанія. По его мнѣнію въ первобытную эпоху преобладаетъ общественный принципъ, въ древности—личныя стремленія, средневѣковье повторяетъ тенденціи первобытной эпохи, новое время—древности, а новѣйшее характеризуется, съ одной стороны, возрожденіемъ коллективистическихъ тенденцій, но въ то же время и сильнымъ развитіемъ чувства личности (стр. 119).

Не всѣ народы развиваются съ одинаковой быстротой и не всѣ способны пройти всю лѣстницу нормальнаго развитія и взобраться на ея высоту. Этимъ объясняется чрезвычайная пестрота исторической картины и современнаго состоянія.

Теорія познанія въ примѣненіи къ исторіи посвящена книга Ed. Spranger'a „Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft“ (1905). Авторъ является рѣшительнымъ противникомъ всякаго рода метафизическихъ элементовъ въ исторіи. Необходимо давать историческимъ процессамъ возможно болѣе широкое и глубокое научное истолкованіе, чтобы тѣмъ менѣе мѣста оставалось для метафизической спекуляціи. Такое истолкованіе мыслимо только на почвѣ психологіи, такъ какъ человѣческая исторія складывается изъ психическихъ процессовъ, происходящихъ съ от-

дѣльными индивидами, которые находятся однако въ постоянномъ взаимодействіи. Для этого недостаточно однако той психологіи, которая занимается изслѣдованіемъ отдѣльныхъ элементовъ психическаго процесса. Необходима психологія цѣлыхъ жизненныхъ процессовъ, которая давала бы представленіе о характерѣ взаимодействия этихъ элементовъ. Чрезвычайно цѣннымъ эвристическимъ средствомъ для истолкованія историческихъ событій является созданіе психологическихъ типовъ. Важно выяснитъ характеръ психическихъ формъ жизни типическаго свойства, какъ индивидуальныхъ, такъ и социальныхъ, и опредѣлитъ возможные между ними отношенія. Примѣняя такія типическія конструкціи къ изученію отдѣльныхъ историческихъ процессовъ, не трудно уже будетъ оцѣнить всѣ ихъ индивидуальныя особенности. Въ качествѣ примѣра такихъ типовъ Шпрангеръ указываетъ на характеристики отдѣльныхъ сторонъ хозяйственнаго быта у Шмоллера, на типы религій у Макса Мюллера и т. п. Исходя изъ этой же идеи о преобладающей роли психологическаго элемента въ историческомъ познаніи, авторъ утверждаетъ далѣе, что и самый интересъ къ исторіи есть по существу интересъ психологическій: мы ищемъ въ исторіи психологическаго ученія, интересныхъ картинъ сложной психической дѣятельности и генетическаго выясненія нашихъ современныхъ задачъ и стремленій. Поэтому нельзя ни требовать, ни ожидать отъ историка безусловно объективнаго отношенія къ предмету его работы: онъ всегда будетъ привносить въ свое изслѣдованіе извѣстный элементъ субъективности, современныхъ ему воззрѣній и оцѣнокъ. Конечно, исторія въ свою очередь способствуетъ углубленію этихъ оцѣнокъ, такъ какъ расширяетъ нашъ психологическій кругозоръ. Въдъ всякая оцѣнка есть соотношеніе между существующимъ положеніемъ вещей и нашими современными стремленіями, влеченіями и идеалами. Исторія способствуетъ генетическому выясненію положенія вещей и намѣчающихся въ немъ тенденцій и такимъ образомъ полагаетъ основу оцѣнивающему историческому мировоззрѣнію.

Таковы общія положенія книги Шпрангера. Нельзя не отмѣтить, что изложеніе этого автора не отличается ясностью, а потому и задача его воззрѣній является дѣломъ довольно рискованнымъ.

В. Хвостовъ.

Къ пятидесятилѣтію кончины К. Н. Батюшкова. Онъ умеръ 7 іюля 1855 г., но для русской литературы смерть его наступила почти на тридцать пять лѣтъ раньше: въ 1821 году Батюшковъ сталъ обнаруживать признаки душевнаго недуга, который все возрасталъ и, наконецъ, перешелъ въ безпросвѣтное безуміе. „Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной“, къ намъ дошло его стихотвореніе, записанное подъ диктовку въ этомъ ровномъ 1821 году:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнью, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человекъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Такою жалобой глубокой безнадежности звучала поэзия, въ которой преобладали совсѣмъ другіе мотивы. Какъ извѣстно, въ нашей словесности Батюшковъ является пѣвцомъ сладострастья, и даже слово это было для него излюблено. Онъ радовался молодости и страсти, любилъ вдыхать въ себя „отъ каштановыхъ волосъ тонкій запахъ свѣжихъ розъ“ и безустанно пѣлъ о томъ, какъ сладко „вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измять и поясъ невзначай у дѣвы развязать“. Его чаровали „тихія, медленные и страстные тѣлодвиженія“ въ сплетенномъ хороводѣ поющихъ женъ. Онъ славилъ и „роскошь золотую“, которая „обильною рукой подноситъ вина и портеръ выписной, и сочныя апельсины, и съ трюфлями пироги“. У него, правда, часто слышится также идилическій призывъ къ своимъ бѣднымъ пенатамъ, къ отрадѣ „смирненнаго уголка“,—но его идиллія своеобразна тѣмъ, что она не скромна и тиха, что ея наслажденія тоже страстны и пьяны, что въ этотъ „шалашъ простой“ придетъ Лилета и пѣвецъ „на ложѣ сладострастья“ будетъ пить ея пламенное дыханье, „какъ нектаръ на пирахъ“. Последнее мгновеніе жизни онъ эпикурейски представлялъ себѣ какъ последнее объятіе женщины; и богъ любви по дорогѣ, усѣянной цвѣтами, поведетъ любовниковъ въ Элизій, гдѣ они подъ сѣнью мирта воскреснутъ „съ новымъ пламенемъ въ крови“ и

Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.

Но эта языческая стихія была въ душѣ у Батюшкова не единственной и не полновластной. Она боролась со стихіей христіанской, и онъ не сумѣлъ и не хотѣлъ до конца остаться рапсодомъ земныхъ пировъ и любовной нѣги. Онъ не былъ послѣдователемъ, и на страницахъ его небольшой поэтической книги, несмотря на всѣ эти гимны упоенной вакханкѣ, можно замѣтить, что ему было совѣстно своего „эвоа!“ Онъ „съ страхомъ вопрошалъ гласъ совѣсти своей“. Въ разгарѣ чувственной радости онъ мечталъ о томъ, что „земную ризу бросить въ прахъ и обновить существованье“. Да и то горестное, что онъ видѣлъ въ жизни, „въ Москвѣ опустошенной“, эти блѣдныя матери, эти нищія, эти груды тѣлъ и груды сожженныхъ развалинъ,—все это мѣшало ему беззаветно и безраздѣльно отдаваться бурной и ликующей пѣснѣ.

Эта пѣснь нарушалась и потому, что вообще съ жизнерадостной способностью веселья Батюшковъ знаменательно сочеталъ искреннюю печаль. Лучшія изъ его стихотвореній—элегіи, и онъ создалъ даже особый видъ лиризма—элегію историческую. Не только современное, но и прошлое возбуждало его грусть. Исторія печалила его. Длительное разрушеніе, она представляетъ собою руины, и пѣвецъ стоитъ на развалинахъ замка въ Швеціи, гдѣ нѣкогда „чаши радости стучали по столамъ“. Батюшковъ восторженно призывалъ къ наслаженію, но часто вспоминалъ онъ и о минутности и бренности всего человѣческаго: мимолетная природа утѣхи наводила его мысль на то, что неминуемо исчезаетъ и все другое, и все великое. Это наблюденіе, столь неновое, вполне сохранило для него свою меланхолическую силу. И онъ называлъ человека минутнымъ, онъ называлъ людей странниками минуты, которые хо-

дять по гробамъ, и когда онъ дарилъ юной дѣвушкѣ цвѣты,—это онъ дарилъ ей „горсть какъ ты минутныхъ розъ“. На судьбѣ Торевато Тассо, который Батюшкова, какъ и другихъ художниковъ, привлекалъ трагической обидою своей запоздавшей славы, онъ учился тому, что время покоряетъ себѣ не только розы, но и лавры.

Между сладострастіемъ и печалью онъ не признавалъ ничего средняго: либо жизнь подавлена, либо она протекаетъ на высотѣ своей напряженности. Онъ умираетъ,—но

Вздохи страстные и сила милыхъ словъ
Его изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.

Если бы самой дѣйствительности не достало внутренней мощи для того, чтобы она загорѣлась огненной яркостью впечатлѣній, то ея скудность и робкія черты надо было бы восполнить вѣчнымъ достояніемъ поэта—мечтой; ибо всякій поэтъ въ томъ отношеніи подобенъ Гомеру, что онъ — „слѣпецъ всевидящій“ и своею грезой можетъ замѣнять непосредственное воспріятіе. И въ самомъ дѣлѣ, Батюшковъ роскошно мечталъ; но и реальное существованіе его было разнообразно, блистательно, сверкало „при страшномъ заревѣ Беллонинныхъ огней“; онъ видѣлъ чужія прекрасныя страны, на Гейльсбергскихъ поляхъ, на поляхъ брани, онъ слышалъ, какъ грома съ высоты гремѣли своею „мѣдной челюстью“, и вообще его жизнь, въ ея поэтическомъ отголоскѣ, была богата красками и звуками, страстью и трепетомъ.

Ими онъ не поступался и тогда, когда христіанская стихія побѣждала въ немъ языческую; и въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается его оригинальное значеніе въ русской поэзіи. Отъ наслажденія перешелъ онъ къ совѣсти, но и тогда онъ остался поэтомъ паэоса. Совѣсть какъ страсть,—таковъ былъ его идеалъ. Христіанское не обрекаетъ на жизнь блѣдную и унылую, не зоветъ къ смиренію и тишинѣ, къ пугливости ослабленныхъ переживаній: нѣтъ, добро, это—„души прямое сладострастье“, совѣсть, это—„душъ великихъ сладострастье“. Оно, излюбленное, дышало въ сферѣ языческой, въ антологіи, у Тибулла и Горация,—оно же встрѣчаетъ насъ и въ домѣ христіанина; жизнь не перестала быть патетической.

Пѣвецъ этой жизни, поэтъ нѣсколькихъ стихотвореній, сознававшій предѣлы своего дарованія, Батюшковъ своей печалью отдалъ дань русскому духу; въ южныхъ странахъ онъ „свѣтила сѣвера любезнаго искалъ“ и тамъ, гдѣ плещетъ Рона, посылалъ свой привѣтъ созвучному Дону,—но въ общемъ его поэзія, въ самыхъ звукахъ которой гениальный слухъ Пушкина чуялъ нѣчто итальянское, была далека отъ напѣвовъ родныхъ.

Въ исторіи русской литературы ее цѣнать главнымъ образомъ потому, что именно Пушкинъ воспринялъ и развилъ ея пѣвучій и гармоничный стихъ. Батюшковъ былъ достоинъ своего великаго наслѣдника, потому что тревоги своей души, ея сладострастіе и въ радости и въ совѣсти, онъ облакалъ въ стихи поразительной красоты. Налетъ архаизма и даже риторическое обиліе мисологіи придаютъ имъ лишь своеобразный колоритъ, и тамъ, гдѣ они по существу не могутъ быть такъ граціозны,

какъ, напримѣръ, въ „Ваханкѣ“ или въ „Отрывкѣ изъ элегіи“,—тамъ они напоминаютъ собою какія-то великолѣпныя и тяжелыя складки драгоцѣнныхъ тканей—благородную роскошь античнаго міра.

Ю. А.

Интернаціональный конгрессъ по изученію радіологіи и іонизаціи подъ покровительствомъ бельгійскаго правительства будетъ за-сѣдать въ Люттихѣ отъ 12-го по 14-е сентября новаго стиля. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: физическаго и біологическаго. Въ программу входитъ обсужденіе физическихъ свойствъ электроновъ и различныхъ радіацій, активности водъ, почвъ, отложений и всѣхъ вопросовъ, касающихся радіоактивности; метеорологическія и астрономическія явленія, обусловленныя іонизаціей, радіоактивностью и различнаго рода лучами; дѣйствія фізіологическія и приложеніе явленій радіоактивности къ лѣченію болѣзней.

Библиографія.

А. Дж. Грантъ. „Греція въ вѣкъ Перикла“. Переводъ подъ ред. Н. Н. Ша-монина. „Библіотека для самообразования“. 1906.

„Nur das Beste ist für's Volk gerade gut“ — такимъ воззрѣніемъ руководятся крупнѣйшія изданія, посвященныя популяризаціи знаній, какъ Sammlung Göschel, Aus Natur und Geisteswelt, привлекая самыхъ видныхъ *специалистовъ*; но, къ сожалѣнію, это далеко еще не стало триумфомъ: все еще появляются „популяризаціи“, составленныя изъ поверхностно-нахватанныхъ свѣдѣній, сло-бренныхъ изрядной долей самоувѣрія и переоцѣнки собственныхъ талантовъ.

Безусловная научность, удачная форма, достойная точка зрѣнія — вотъ *необходимыя* условія популярной книги. Это и есть та „оригинальная популяризація“, которой редакция Библіотеки для самообразования ищетъ и у насъ, и за границей.

На этотъ разъ выборъ редакціи палъ на книжку Гранта, и выборъ этотъ, нужно сказать, далеко не удаченъ. Въ самомъ дѣлѣ, соответствуетъ ли книга Гранта вышеуказаннымъ требованіямъ?

Дозволю себѣ сперва высказать одну догадку (оригиналъ книги былъ недоступенъ), одну, такъ сказать, лемму, которая и объяснитъ и объединитъ цѣлый рядъ недочетовъ. Вся книга распадается на *два* части — общую и частную: въ первой (стр. 1—148) трактуется исторія Греціи (т.-е. Аѳины; Спарта „менѣе важна“—стр. 54; Аргосу, Коринѣу, Фивамъ удѣлено всего 4 страницы—66—70) „до Перикла“, во второй — „вѣкъ“ Перикла. Обѣ части, думается, написаны не только *отдѣльно* одна отъ другой, но и въ *разное время*, съ промежуткомъ не менѣе 10 лѣтъ. На первое соображеніе указываетъ странный для одной книги избытокъ повтореній (положеніе женщинъ, стр. 10 и 241—243; *coup d'état* Клеона, стр. 78 и 193; воспоминанія Перикла, стр. 117 и 193; Геродотъ, стр. XX, 344—347; Фукидидъ, стр. XXI и 347—351; въ главѣ IX повторный очеркъ исторіи Греціи и пр.), удивительная неэкономность автора, все время жалующагося на вынужденную краткость (стр. 1, 18, 35, 97); этимъ объясняется и рядъ солидныхъ противорѣчій¹⁾. Только написаніемъ въ два приема и въ разное время можно объяснить рядъ странныхъ хронологическихъ указаній I части („недавно открытое произведеніе Аристотеля“—стр. 78; „недавнія раскопки на Акрополѣ“—стр. 85; „чудесные результаты Шлимана въ Микенахъ и Тиринѣ *несколько лѣтъ назадъ*“, т.-е. 1874—84 и.), а также то, что вновь найденный трактатъ Аристотеля въ I части называется (стр. 74), но не эксплуатируется (см. стр. 76—замѣна царской власти архонтамъ), во II же сравнительно часто привлекается (стр. 161, 169, 234), хотя и безъ достаточной критики („паразитизмъ“ аѳиняны — стр. 161, 234). На разновременность указываетъ также форма изложенія: въ I части стремленіе къ сжатости, во II—многорѣчивость и расплывчатость; видно и неодинаковое настроеніе и разный тонъ повѣствованія.

Впрочемъ, сужденіе о „тонѣ“ субъективно и опасно, такъ же какъ и констатированіе большей или меньшей художественности и привлекательности изложенія. Въ общемъ же, думаю, нельзя назвать манеру письма Гранта живой и

¹⁾ Стр. 7 — „греческая политика преслѣдовала исключительно военныя цѣли“; стр. 230 — „однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ войны въ греческой исторіи всегда служило торговое соперничество“. — Противорѣчія относительно значенія ремесла, торговли, см. н.

интересной (есть и хорошие отрывки — о жрецах, оракулах, рабах), может быть, в силу неприятной, как у Смайльса, особенности: слишком много патетического и дидактического, нѣтъ ничего сильного и смѣлаго, все страшно гладко, прѣсно, вылизано и „прилично“, страх передъ „рискованными“ матеріями доходит до комизма (см. „гетеры“ стр. 197), а эвфемизмы Гранта (стр. 246: „женщины, имѣвшія вліяніе на аѳинскую исторію, не были замужними“) производятъ противоположный эффектъ.

Наблюдения надъ манерой письма Гранта позволяютъ перейти къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ. — Авторъ не совѣтуетъ (стр. XIX) читателямъ обращаться къ ученымъ работамъ, а къ первоисточникамъ (прямая отсылка читателя къ Фукидиду — стр. 111), изъ которыхъ онъ особенно рекомендуетъ Геродота, „менѣе дѣянаго“ (? стр. XXI) Фукидиду и, наконецъ, Плутарха, „дѣяность и интересъ біографій котораго убѣдительно (?) доказываютъ похвалы Монтэна, Руссо, Эмерсона и пользованіе ими Шекспира“ (стр. XXII). Плутарху Грантъ и слѣдуетъ, слишкомъ нужно сказать часто, и его манеру изложенія можно свести столько же на Смайльса, сколько и на Плутарха (см. стр. 48 и слѣд.). Выборъ *Плутарха* уже показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ историкомъ. Пора поэтому перейти къ коренному вопросу и спросить: насколько *научно* изложеніе Гранта?

Въ Предисловіи авторъ называетъ въ качествѣ пособій Грота, Курціуса, Аббота, Бузольта, Гольма, но ихъ вліяніе мало замѣтно: нѣтъ ни живости, систематичности и демократической убѣжденности Грота, ни художественности и любовной проникновенности Курціуса (у него заимствована картинка торговли на стр. 231; жаль, что не взяты замѣчательныя картины колонизаціи, наприм., въ Киренаикѣ), нѣтъ сжатости, отчасти парадоксальной, Аббота, исчерпывающей точности Бузольта, прямизны и скептицизма Гольма. Неприятно поражаетъ отсутствіе указаній на труды Эд. Мейера, Пальмана, Виламовича, Белоха; странно также (особенно для англичанина, которые справедливо гордятся своимъ дѣятельнымъ участіемъ) полнѣйшее игнорированіе новѣйшихъ пріобрѣтеній науки — надписей, раскопокъ (дальше Шлимана Грантъ не идетъ; стр. 47, 66), драгоцѣннѣйшихъ папирусовъ. Непонятный консервативный эклектизмъ, конечно, долженъ былъ наложить сильный отпечатокъ на книгу Гранта, и, если она старомодна, какъ мы видѣли, по манерѣ изложенія, она еще болѣе архаична и по содержанію.

Вотъ нѣсколько примѣровъ; ихъ можно объединить, благодаря вводному замѣчанію автора, представляющаго одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ *сравнительную* точку зрѣнія (р. XVII). „Сравненіе“ это у Гранта выливается, по старому рецепту, въ рѣзкое *противоположеніе* „древняго“ міра и „современности“; труды Эд. Мейера, М. Вебера, Белоха, Пальмана и многихъ другихъ прошли безслѣдно.

Такъ, наприм., опираясь на извѣстное мѣсто (II, 167) Геродота, Грантъ убѣжденно и много говоритъ о „меньшемъ уваженіи“ къ ремеслу (стр. 7), о „презрѣніи“ къ промышленности (стр. 8), о томъ, что „греческій міръ не имѣлъ понятія о достоинствѣ труда“ (стр. 10) и т. п., что послѣ работъ Francotte и особенно Guigaud наврядъ ли возможно. Не менѣе вскользь и невѣрно трактуется и античная торговля: она „не въ почетѣ“, граждане къ ней „неспособны“ и „не имѣютъ желанія“ стр. 226, 230), да и вообще „торговля, ремесло и промышленность имѣли сравнительно мало значенія въ древней Греціи“ (стр. 224)... Понятно, что даже Гранту не всегда удается удержать такой позиціи: то ему приходится признать, что „легко преувеличить пренебреженіе аѳинянъ къ ремеслу“ (стр. 232), то усилить значеніе торговли и торговыхъ интересовъ до факта, сильнѣйшимъ образомъ вліявшаго на войну и миръ (см. в.). Такъ мстятъ за себя непреложные факты.

Въ связи съ той же идеей все „греческое“ — общество, государство, политика — получаетъ странное и одностороннее освѣщеніе: выдвигается „военный характеръ греческой цивилизаціи“ (стр. 7—9), указывается „любопытный обычай“ (?), признававшій войну нормальнымъ отношеніемъ между государствами“ (стр. 295), что, пожалуй, понятно, такъ какъ „основой для всякой цивилизаціи служила война“ (стр. 49), а „къ древнему міру приложимо то, что не примѣнимо къ новому: война вызвала много качествъ, имѣвшихъ мало другихъ поддержекъ, наприм., повиновеніе, преданность, добросовѣстность и чувство чести“ (стр. 8)...

Но довольно. Можно сказать, что усилія историковъ, направленные въ

последнія 20, 30 лѣтъ къ приближенію „древняго“ міра, къ заполненію „пропасти“ между нимъ и нами, совершенно неизвѣстны автору (впрочемъ, онъ *два* раза цитируетъ Мейера). Но еще болѣе невѣдомой осталась для него другая область — греческая религія, которой онъ, однако, придаетъ огромное значеніе (стр. 12). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли послѣ крупнѣйшихъ работъ, объединяемыхъ теперь въ громадномъ Лексиконѣ Рошера, преподносить читателю „религію“ въ видѣ чисто дѣтской болтовни, снабженной смѣшными до обиднаго „объясненіями“. „Согласно странной легендѣ Аѳина, дочь Зевса, вышла изъ головы своего отца, пораженной (не Аѳина ли?) сѣкирой Гефеста, бога огня“ (стр. 17). Или, на той же страницѣ, „объясненіе“¹⁾, почему Посейдону „посвященъ конь“: „конь, вѣроятно (?), имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ волнамъ, быстро сплывающимъ къ берегу“; или (стр. 15): „особенно характерно для него (Зевса?) было спокойствіе горной вершины. Онъ былъ также богомъ грома и молніи...“ Неудивительно послѣ всего этого, что и въ основѣ всей греческой „религіи“ Грантъ видитъ, какъ еще во времена Гёте, „откровенное одобреніе удовольствія“; а коррективомъ къ фразѣ, что „боговъ Греціи никакъ нельзя было почитать скорбью или самонстязаньемъ и едва ли даже самоотреченіемъ“ (стр. 27), для русскаго читателя могутъ хотя бы служить содержательныя, но вычурныя статьи г. Вячеслава Иванова о „греческой религіи страдающаго бога“ (Новый Путь. 1904).

Словомъ, въ этой новой книгѣ все старо, даже ветхо, начиная съ капитальныхъ вопросовъ соціальной, экономической, правовой (Грантъ говоритъ лишь два слова объ „унизительномъ положеніи женщины“, стр. 10) жизни Греціи и кончая „мелочами“, какъ софисты (даже Гротъ оказался безсиленнымъ), остракизмъ (стр. 94 и слѣд.), болѣе реальное представленіе (Delbrück, Kromayer) о силахъ грековъ и персовъ (у Гранта все еще „полкъ“, побѣждающій „орду“ — стр. 97, 98) и т. д.

Книга несомнѣнно полна грубыхъ ошибокъ и оцутительныхъ пробѣдовъ, и редактору представлялось широкое поле для поправокъ и поподненій, которыхъ мы, однако, не видимъ. Но и помимо этого многое нужно измѣнить: легко переделывать Мейера (стр. XX, 42) въ знаменитаго Эд. Мейера, „домашнюю политику“ Перикла (стр. 215) во „внутреннюю“, нетрудно устранить погрѣшности перевода²⁾. „Добавленія“ редактора могли быть богаче по существу (нѣтъ указаній на *переведенныя* работы Бюхера, Мейера, Кёнингема, совсѣмъ нѣтъ *статей* русскіхъ ученыхъ, помѣщенныхъ хотя бы въ общихъ журналахъ), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — осторожнѣе (переводъ Плутарха въ Дашевой Библиотекѣ Суворина не только нельзя указывать, но отъ него нужно предостерегать; переводъ Ав. Полягін Ловлягина можно рекомендовать тоже лишь съ оговоркой).

Подробный разборъ, надѣюсь, въ достаточной мѣрѣ выяснилъ, что переводъ Гранта является предпріятіемъ почти излишнимъ и мало „обогащаетъ“ нашу популярную литературу.

Д. Егоровъ.

Зинаида Венгерова. „Литературныя характеристики“. Книга вторая. Спб. 1906 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Авторъ этого сборника критическихъ этюдовъ и характеристикъ принадлежитъ къ числу довольно немногочисленныхъ у насъ знатоковъ современныхъ за-

1) Вообще собственныя „изысканія“ не удаются автору. Относительно Аспазіи онъ указываетъ (стр. 197), что мы „мало знаемъ о ней, хотя многіе ученые пробовали раскрыть ея жизнь...“, но ихъ старанія оказались безуспѣшными“ (знакома ли Гранту книга Ad. Schmidt'a?), а затѣмъ заявляетъ (стр. 198), что „свѣдѣнія о ней и ея вліяніи достались намъ съ большимъ трудомъ“ (очевидно потому, что у Фукидида, къ сожалѣнію, „женщины почти совсѣмъ не упоминаются“ — стр. 350). Понятно поэтому нѣкоторое нетерпѣливое любопытство читателя узнать результаты сложныхъ изысканій автора, понятна и сила разочарованія, когда на слѣд. страницахъ (198, 199) шагъ за шагомъ излагается *Плутархъ*, пользовавшійся богатой, но мутной *chronique scandaleuse* того времени.

2) „Его (Геродота) можно назвать главою историковъ-повѣствователей, все равно какъ и отцомъ исторіи“—стр. XX; „Эти исторіи (Геродотъ, Фукидидъ) имѣютъ все значеніе, происходящее изъ того...—стр. XXI; „Европа, рассматриваемая какъ христіанство...“—стр. 2 и т. д.

падно-европейскихъ литературъ, съ ихъ разнообразными теченіями и оттѣнками, съ внушительнымъ количествомъ весьма оригинальныхъ и интересныхъ произведеній, которыя, однако, въ значительной степени, остаются невѣдомыми русской публикѣ. Только самыя крупныя вещи, выходящія изъ-подъ пера литераторовъ съ прочно установившеюся репутаціей, становятся у насъ достояніемъ широкаго круга читателей, тогда какъ очень многое оставляется безъ вниманія или толкуется произвольно, въ виду недостаточнаго знакомства съ положеніемъ вещей на Западѣ. Весьма характерно, что число русскихъ органовъ, періодически помѣщающихъ обзоры новинокъ западныхъ литературъ, очень невелико; по большей части свѣдѣнія о новыхъ иностранныхъ книгахъ, органахъ прессы, литературныхъ кружкахъ и группахъ появляются въ нашихъ журналахъ и газетахъ болѣе или менѣе случайно, съ большими промежутками, и не носятъ сколько-нибудь систематическаго характера. Можетъ быть, именно поэтому у насъ упорно держатся иногда совершенно несправедливые взгляды на тѣ или другія теченія въ области ивропейской словесности, и нѣкоторыхъ, отнюдь не молодыхъ писателей, литературная фizioномія которыхъ давно уже выяснилась, подчасъ принимаются вдругъ изучать, какъ „подающихъ надежды“ дебютантовъ, основываясь на какомъ-нибудь, случайно переведенномъ по-русски, ихъ произведеніи...

Въ виду подобнаго положенія дѣлъ, вдвойнѣ желательнымъ является выходъ въ свѣтъ такихъ книгъ, какъ „Литературныя характеристики“ г-жи Венгеровой. И въ своихъ рецензіяхъ, правильно появляющихся на страницахъ „Вѣстника Европы“, и въ отдѣльныхъ этюдахъ, напечатанныхъ въ „Новомъ Пути“, „Образованіи“ и др. изданіяхъ, г-жа Венгерова неоднократно обнаруживала близкое знакомство съ современными направленіями въ области главнѣйшихъ европейскихъ литературъ, умѣние разбираться въ нихъ, сочувственное отношеніе ко всему истинно новому, своеобразному и сильному. Въ первомъ томѣ ея „Литературныхъ характеристикъ“ мы также находимъ, наряду съ отдѣльными статьями, относящимися къ прошлому лyтературy и искусства („Францискъ Ассизскій“, „Вотичели“), преимущественно—этюды, посвященные современнымъ писателямъ, въ родѣ Оскара Уайльда, Верлена, Гюйсманса, Гауптмана и др., характеристику пре-рафаэлитскаго движенія въ Англіи, французскаго символизма. Въ пору появленія этого сборника онъ былъ почти единственнымъ русскою книгою, сообщавшею такъ много свѣдѣній о писателяхъ, частью—совершенно неизвѣстныхъ еще русской публикѣ,—за исключеніемъ самаго тѣснаго кружка лицъ, уже интересовавшихся тогда „новыми теченіями“ въ сферѣ литературы и искусства.

Второй томъ „Литературныхъ характеристикъ“ уже всецѣло посвященъ современнымъ поэтамъ, драматургамъ и романистамъ. Несомнѣнно, что многія статьи, вошедшія въ составъ этого тома, будутъ прочитаны—или перечитаны—съ пользою, такъ какъ даютъ понятіе о писателяхъ, которыхъ у насъ и теперь еще очень мало знаютъ; къ числу такихъ писателей принадлежать, напримѣръ, поэтъ и романистъ Гюставъ Канъ (создатель и убѣжденный защитникъ такъ называемаго „Vers libre“), бельгійскій поэтъ Эмиль Верхарнъ (Вергеренъ), Анри де Ренье, у котораго античные мотивы сливаются съ современными и получаютъ новое освѣщеніе, Фр. Ведекиндъ, привлекшій за послѣдніе годы вниманіе нѣмецкой публики и критики своими эксцентричными, рѣзкими и непримиримыми по общему духу произведеніями.

Къ числу этихъ мало знакомыхъ русскому обществу писателей еще недавно можно было бы отнести и Жоржа Роденбаха, которому въ книгѣ г-жи Венгеровой посвященъ обстоятельный и весьма интересный въ общемъ этюдъ. Русская публика узнала его, сравнительно, очень поздно, но въ настоящее время онъ уже не является для нея неизвѣстною величиною: не только главныя прозаическія его произведенія (романы и рассказы), но и различные образцы его поэтическаго творчества имѣются теперь въ русскомъ переводѣ (О. Чюминой, С. Головачевскаго, Ап. Коринескаго, В. Брюсова, Элисъ, Пл. Краснова и др.). Во всякомъ случаѣ каждую попытку выяснить русскому писателю истинное значеніе своеобразнаго, богато одареннаго отъ природы бельгійскаго поэта, теперь нашедшаго сторонниковъ и въ Россіи, можно только приветствовать.

Съ интересомъ читается очеркъ литературной дѣятельности Анатоля Франса, о которомъ у насъ теперь знаютъ слишкомъ мало. Жаль только, что г-жа Венгерова не касается новѣйшаго произведенія Франса, изображающаго актерскій міръ,—при чемъ въ этомъ романѣ опять обрисованъ излюбленный авторомъ типъ мыслителя-скептика, одареннаго безпощадною, но спокойною ироніей,—а также четвертаго звена изъ серіи „Histoire contemporaine“: „M. Bergeret à Paris“, о

которомъ все же можно было сказать нѣсколько словъ, хотя этотъ томъ, въ противоположность тремъ первымъ, и не былъ допущенъ въ Россію. Это особенно бросается въ глаза, если обратить вниманіе на то, какъ обстоятельно анализировано въ той же статьѣ такое произведеніе Франса, какъ „Affaire Strainqueville“.

Много вѣрнаго и мѣткаго въ оцѣнкѣ творчества Золя, которому въ „Литературныхъ характеристикахъ“ посвящена особая статья, первоначально напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“. Здѣсь, между прочимъ, лишній разъ показаны съ большою наглядностью разладъ между теоретическими положеніями Золя и тѣмъ, что онъ самъ создавалъ, якобы желая примѣнить на дѣлѣ свои натуралистическія теоріи. Можно только пожалѣть о томъ, что въ этомъ очеркѣ не затронуты нѣкоторые спеціальныя, но весьма интересные вопросы, имѣющіе отношеніе къ Золя, напр., объ его попыткахъ изображать дѣтскій міръ, объ его дѣятельности, какъ защитника животныхъ и т. п.,—и, съ другой стороны, слишкомъ кратко и сурово разобраны самые послѣдніе романы Золя, постепенная подготовка которыхъ, а также связь съ предыдущими произведеніями романиста недостаточно отъѣнены въ очеркѣ г-жи Венгеровой.

Съ отдѣльными взглядами автора можно, конечно, не соглашаться. Творчеству Анри де Ренье въ книгѣ придано, напр., слишкомъ большое значеніе, и вся характеристика его вышла поэтому нѣсколько одностороннею. Въ этюдѣ о Роденбахѣ нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ неоднократное упоминаніе о „манерности“ этого поэта, соединенное съ очень сочувственнымъ отношеніемъ ко всей его дѣятельности. Лица, знакомыя съ произведеніями бельгійскаго писателя, едва ли подпишутся подъ такимъ приговоромъ. На стр. 176 мы читаемъ: „Лирическая поэзія Роденбаха наиболѣе полно отражаетъ его манерность. *Въ ней нѣтъ объединяющей идеи, нѣтъ глубины*“. Отсутствіе глубины въ меланхолической, полной символовъ, все одухотворяющей поэзіи Роденбаха до сихъ поръ, кажется, никѣмъ еще не было отмѣчено!.. Характеристика Сенкевича написана очень остроумно, живо и талантливо; это одна изъ лучшихъ статей во всей книгѣ, но ея крайняя односторонность тотчасъ бросается въ глаза: въ самомъ дѣлѣ, возмущаться „ультра-патріотическою“ окраскою иныхъ романовъ Сенкевича, его стремленіемъ идеализировать старую Польшу, восхвалять національныя добродѣтели своего народа и, возмущаясь, совершенно игнорировать при этомъ особыя условія польской жизни, можно только по недоразумѣнію!.. Но, не соглашаясь съ нѣкоторыми оцѣнками г-жи Венгеровой, нельзя все же не пожелать, чтобы она продолжала и впредь знакомить русскую публику съ умственной жизнью народовъ Запада.

Ю. Веселовскій.

Крестьянскій строй. Т. I. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участіи редакціи газеты „Право“. Спб., 1905.

Общество въ лицѣ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности съ поразительнымъ единодушіемъ высказалось за необходимость довершенія освободительной реформы 19 февраля 1861 года путемъ уравниня крестьянъ во всѣхъ правоотношеніяхъ съ прочимъ населеніемъ имперіи („Нужды деревни“, своевременно рецензироваанныя нами въ „Научномъ Словѣ“), а правительственная редакціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Стишинскаго въ отвѣтъ на это положила въ основу своихъ работъ „обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особый порядокъ управления крестьянами“ съ сохраненіемъ даже позора тѣлеснаго наказанія вопреки манифесту 11 августа 1904 г. Указъ 12 декабря 1904 года возвѣстилъ необходимость объединенія крестьянскихъ законоположеній съ общимъ законодательствомъ имперіи, а министерскій циркуляръ 31 декабря 1904 года толкуетъ и этотъ указъ въ смыслѣ повелѣнія сохранить сословность крестьянскаго строя. Наконецъ на записку г. Витте о необходимости устранить хотя бы лишь правовую обособленность крестьянъ въ матеріальномъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ и въ порядкѣ низшаго управления и суда отвѣтомъ послужило закрытіе самаго совѣщанія г-на Витте и учрежденіе новаго съ суженіемъ его задачъ мѣрами къ упроченію крестьянскаго землевладѣнія подъ предсѣдательствомъ противника г-на Витте по крестьянскимъ вопросамъ и изъ такихъ членовъ, какъ, напр., г. Стишинскій (фактъ еще неизвѣстный настоящему сборнику), и разгромъ министерства земледѣлія. И такое недовѣріе къ обществу правительства

въ крестьянскомъ вопросѣ, такая политика полумѣръ и колебаній проходить жрасной нитью черезъ весь XIX в., какъ это можно видѣть изъ настоящаго сборника. Даже великая реформа 19 февраля 1861 года лишь замѣнила для крестьянъ власть помѣщика деспотической властью міра и чиновничьей опекой. Личность ихъ осталась попрежнему приниженной, личныя и имущественныя права ограниченными ¹⁾. То же противорѣчіе находимъ въ настоящее время между работами комитета министровъ и разныхъ совѣщаній и административной практикой по вопросамъ усиленной охраны вообще и въ частности относительно свободы печати, союзовъ и собраний, а также защиты и охраны правъ личности, тѣ же колебанія и нерѣшительность видимъ и относительно созыва народныхъ представителей, обѣщаннаго рескриптомъ 18 февраля 1905 года—факты, о которыхъ опять-таки настоящій сборникъ молчитъ. Поэтому нельзя не согласиться съ редакціей книги, когда она говоритъ: „Было бы вреднымъ оптимизмомъ разсматривать первыя уступки, какъ нѣчто вполне реальное, и успокоиться на достигнутыхъ результатахъ. Напротивъ, именно теперь необходимо работать не покладая рукъ и памятуя, что исторія ничего и никогда даромъ не давала“.

Затѣмъ, кромѣ желанія работать, нужно и умѣніе и знаніе теоретическихъ и историческихъ основъ и „догмы“ (т.-е. современнаго состоянія) вопроса. Выясненіемъ (историческихъ пока только) основъ крестьянскаго (кардинальнаго въ дѣлѣ реформы) вопроса и задается настоящій сборникъ, уясняющій историческія судьбы нашего крестьянства, смыслъ и значеніе освободительной реформы и пути, которые она намѣтила для дальнѣйшаго развитія незавершеннаго еще ею крестьянскаго вопроса. Теорія же его, „догмы“ и сравнительнаго освѣщенія 1 т. изданія еще не даетъ.

Лучшая статья въ немъ—это статья г. Семеновскаго о крестьянскомъ вопросѣ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в. (157—295), въ основу которой положены стр. IV—XLIX введения къ его извѣстной книгѣ, представляющія общіе выводы изъ его труда съ переработкой ихъ и значительнымъ дополненіемъ на основаніи какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ матеріаловъ. Глава же о декабристахъ (лучшая въ статьѣ) основана такъ даже преимущественно на неизданныхъ матеріалахъ государственнаго архива. Эрудиція автора, талантливость, живой и образный языкъ и, главное, общественная жилка общепризнаны. Напрасно только на стр. 294 онъ не говоритъ о виѣшнихъ вліяніяхъ на Александра II, о чемъ подробнѣе см. въ извѣстной книгѣ г. Энгельмана (рецензироваана нами въ „Вѣстникъ Права“).

Что же касается изложенія исторіи крестьянскаго вопроса до половины XVII в.—въ статьѣ г. Лапо-Данилевскаго, то, къ сожалѣнію, статья эта ограничивается только изложеніемъ исторіи образованія (притомъ только „главнѣйшихъ“) разрядовъ крестьянскаго (главнымъ образомъ великорусскаго государственнаго и помѣщичьяго) населенія въ Россіи (1—156) съ иллюстраціями къ нимъ изъ печатныхъ источниковъ (не рукописныхъ, несмотря на то, что послѣдніе важнѣе печатныхъ да и автору больше, чѣмъ хорошо, знакомы). Но подробно о работахъ г. Лапо-Данилевскаго мы уже говорили въ IV кн. „Вѣстника Права“ за 1902 г. по поводу его „Разысканій“.

Статья г. Корнилова (296—370) говоритъ о реформѣ 19 февраля 1861 года (отчасти на основаніи его статей въ „Русскомъ Богатствѣ“) съ достаточной полнотою и объективностью. Напрасно только онъ не обратилъ должнаго вниманія на то, что дворянство, какъ и въ наши дни, такъ и тогда, не оказалось на высотѣ задачи (294, 313, 315 и т. д.). Если бы оно взяло въ свои руки инициативу освобожденія крестьянъ и проявило при этомъ безкорыстіе, великодушіе и политическій тактъ, то, опираясь на массу, созданное въ комитеты, оно уже тогда могло бы добиться раскрѣпощенія для всего народа. Были, правда, одиночіе голоса среди дворянъ въ этомъ смыслѣ (316, 358), но имъ не вняли. Поражаетъ и сходство условій и обстановки тогдашней и теперешней: крахъ внутри и виѣ государства, взаимное недовѣріе и недовольство общества и бюрократіи, непониманіе бюрократіей особенностей момента и неспособность справиться съ ними, стремленіе положить подъ сукно реформы и предложеніе ею палліативовъ, не удовлетворяющихъ никого, медленность, нерѣшительность, колебанія, боязнь

¹⁾ Впрочемъ, иначе и быть не могло (372), такъ какъ прочныя и законченныя социальныя реформы невозможны ранѣе завершения политическихъ, какъ это показывааетъ опытъ Западной Европы. У насъ же оба эти теченія идутъ рядомъ въ перекрѣвку и другъ другу мѣшаютъ только дать что-либо прочное.

гласности, репрессии против печати и общества, быстрота развития общественнаго движения и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ единства въ немъ и партійной дисциплины. Въ самой разсылкѣ рескрипта 24 ноября 1857 г. (312) есть нѣчто общее съ судьбой публикации актовъ 18 февраля 1905 г. И напрасно г. Корниловъ этого сходства не отмѣчаетъ. Напрасно также онъ уменьшаетъ роль печати въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ (337).

Заканчиваетъ книгу интересная (но нѣсколько скомканная къ концу) статья г. Страховскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ законодательствѣ и въ совѣщательныхъ коммисіяхъ послѣ 1861 года вплоть до указа 12 декабря 1904 года (371—455). Такъ какъ крестьянская реформа у насъ предшествовала политической, то естественно, что въ экономическомъ и правовомъ положеніи крестьянъ осталось и послѣ нея много дореформенныхъ пережитковъ, о чемъ см. выше, а подъ гнетомъ реакціи эти пережитки съ теченіемъ времени не уничтожались, а все болѣе росли въ ширь и въ глубь, пока не дошло дѣло до настоящаго положенія. Выясненію процесса закрѣпощенія крестьянъ государству и міру и опеки надъ ними и посвящена статья г. Страховскаго. Но о взглядахъ его по крестьянскому вопросу и о приемахъ работы мы уже говорили подробно въ „Научномъ Словѣ“ за апрѣль 1904 г. по поводу его книги „Крестьянскія Права и Учрежденія“.

Сергій Шумановъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Сѣверные цвѣты. Ассирійскій Альманахъ IV. Книгоиздательство „Скорпионъ“. М. МСМ. V. Книгоиздательство „Скорпионъ“. Ц. 6 р.

А. А. Яриловъ. Педологія, какъ самостоятельная естественно-научная дисциплина о землѣ. Часть вторая: Мѣсто педологіи среди наукъ о землѣ. Юрьевъ. 1905. Ц. 2 р.

Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Записки и письма изъ Радингской тюрьмы. М. 1905. Книгоиздательство „Грифъ“.

А. Л. Лоуэлль. Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы (Франція, Италія, Германія, Австро-Венгрія, Швейцарія). Перев. съ англ. О. Полторацкой, редакц. Ѳ. Смирнова. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 2 р. Стр. VIII, 644.

М. Арцыбашевъ. Разказы. Изданіе С. Скирмунта.

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Тексты конституцій. Сборникъ первый. Перев. прив.-доц. Ѳ. Ѳ. Кокоскина. М. 1905. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 40 к.

Ѳ. Е. Рыбаковъ. Гипнотизмъ и психическая зараза. М. 1905. Стр. Гергартъ Гауптманъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. К. Бальмонта. Томъ третій. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. С. Ньюкомъ. Астрономія для всѣхъ. Перев. съ англійскаго, съ предисловіемъ А. Р. Орбинскаго. Mathesis. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 286.

О. фонъ Цвиденекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы. Перев. съ нѣм. Б. Авилова. Изданіе С. Скирмунта. Ц. 2 р. Стр. 525.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Томъ четвертый. Изд. С. Скирмунта. М. Стр. 691. Ц. 2 р.

Леонидъ Семеновъ. Собраніе стихотвореній. М. 1905. Изданіе „Содружества“.

Осипъ Дымовъ. Солнцеворотъ. М. 1905. Изданіе „Содружества“.

И. П. Лысковъ. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики (Матеріалы для характеристики его творчества). М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

С. А. Мокржецкій. Самосудъ въ наукѣ. Симферополь. 1905. Стр. II, 40.

Ин. Багашевъ. Минеральные источники Забайкалья. Изд. М. Д. Бутина. Въ пользу Софійской женской прогимн. въ Нерчинскѣ. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Миновичъ. Страница изъ исторіи великой французской революціи (Г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ проф. Н. Карѣва. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1905. Съ двумя портретами г-жи Роланъ. Цѣна 1 руб. Стр. VIII, 188.

П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII вв. съ картою. Посмертное изданіе. Изд. магазина „Сотрудникъ школь“. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. Стр. VI, 279.

Прив.-доц. Н. Парфентьевъ. Идеи непрерывности и прерывности. Казань. 1905. Стр. 24.

Ө. Мирчингъ. Упрощенная стенографія для учебныхъ заведеній и самообученія. Съ 42-мя таблицами. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Введение въ философію Герберта Спенсера. Въ краткомъ изложеніи И. М. Любомудрова. Третье изданіе съ біографіей Г. Спенсера. Ковровъ. 1905. Ц. 40 к. Стр. 62.

В. В. Святловекій. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Выпускъ II. Спб. 1904.

Станиславъ Пшибышевскій. Собраніе сочиненій. Книга II. De profundis. Москва. 1905. Книгоиздательство „Скорпионъ“.

Максимъ Ковалевскій. Современные социологи. Спб. 1905. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. XVI, 414.

Schiller (1805—1905). Сборникъ работъ учениковъ Московской Школапутинской гимназіи. Переводы исполнены подъ редакціей Д. Н. Егорова. Стр. 77.

І. Скартаццини. Данте. Изданіе Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ. 1905. Перев. О. А. Введенской. Подъ редакціей и со вступительной статьей проф. Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ Д. К. Петрова. Съ портретомъ Данте. Спб. 1905. Стр. XVIII, 184. Ц. 1 р. 20 к.

М. Балабановъ. Фабричные законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Кіевъ. 1905. Ц. 75 к. Изданіе неофициальное. Стр. IV, 140.

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визингъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель- (статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 гелиографурами. Спб. 1905. Ц. 5 р. Стр. IX, 495. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ № 11.

Изданія книжнаго магазина П. А. Брейтгама въ Харьковѣ.

В. Бузескулъ. Женскій вопросъ въ древней Греціи. Ц. 40 к. М. 1905.

Гербертъ Спенсеръ. Размышленія. Глава изъ автобіографіи. М. 1905. Ц. 40 к.

Б. Краевскій. Горе и радость дѣтскаго возраста. М. 1905. Ц. 60 к.

Н. А. Гредескулъ. Марксизмъ и идеализмъ. М. 1905. Изданіе второе.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ первый. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, съ портретами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Стр. XI, 489. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе С. Скирмунта.

Его же. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ второй, съ портретами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Стр. VIII, 547. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе С. Скирмунта.

Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и Сѣв.-Амер. Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Н. Сѣверный. Спб. 1905. Ц. 1 р. Стр. IV, 288.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Разрѣшенный авторомъ перев. съ нѣмецк. подъ редакціей Б. Кистяковского. Стр. XVI, 357. Ц. 1 р. Изданіе С. Скирмунта.

Фердинандъ Лассаль. Сочиненія. Томъ первый. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Изданіе Н. Глаголева. Спб. Ц. 1 р. 25 к. Стр. CXVIII, 289.

Изданія „Посредника“.

А. Потанина. Разказы о бурятахъ. М. 1905. Ц. 12 к.

Афоризмы и избранныя мысли Л. Н. Толстого. Выпускъ первый. М. 1905. Ц. 30 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Наброски въ стихахъ. Выпускъ первый. Въ Христову Ночь и другія стихотворенія. М. 1906. Ц. 1½ к.

Общедоступная бібліотека Горбунова-Посадова.

С. Порѣцкій. Воздушные путешественники. Съ 11 рисун. М. 1905. Ц. 15 к.

С. А. Порѣцкій. Дары моря. М. 1905. Ц. 8 к.

С. Порѣцкій. Путешествіе по Сахарѣ. По Бремю. М. 1905. Ц. 10 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1905 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ III-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. М. Новгородцевъ, проф. Л. Ш. Лештинъ, проф. ил. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: Н. А. Богословскій „Недавнее прошлое русской равнины“; прив.-доц. Н. П. Кастринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. К. Лейстъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. И. И. Мечниковъ, „Естественная смерть въ мірѣ животныхъ и въ мірѣ человѣческомъ“; проф. Б. К. Жлодѣевскій, „О безконечно малыхъ“; проф. В. К. Церасскій, „Бредихинъ“ (съ портретою и рисунками); проф. Н. А. Умовъ, „Изъ исторіи союза науки и техники“; II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: Ю. И. Айхенвальдъ, „Литературныя услуги“; проф. В. О. Ключевскій, „Очеркъ изъ русской исторіи“; Н. В. Сперанскій, „Вѣдьмы и вѣдовство“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: В. В. Водовозовъ, „О народномъ представительствѣ“; прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Женщина передъ уголовнымъ судомъ“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.—Хроникой политической экономіи будетъ завѣдывать проф. В. Я. Желѣзновъ, а хроникой физики прив.-доц. Н. П. Кастринъ. Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 3 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются по 60 коп. каждый. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1904 г. Цѣна 6 р. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженна, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія дачи). Гг. иногороднихъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

